

М Горький

М. ГОРЬКИЙ

КТОЖЕСИ
БЕЖНЫЕ
ПРОИЗВЕДЕ
НИЯ

7

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

М. ГОРЬКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

М. ГОРЬКИЙ

ТОМ СЕДЬМОЙ

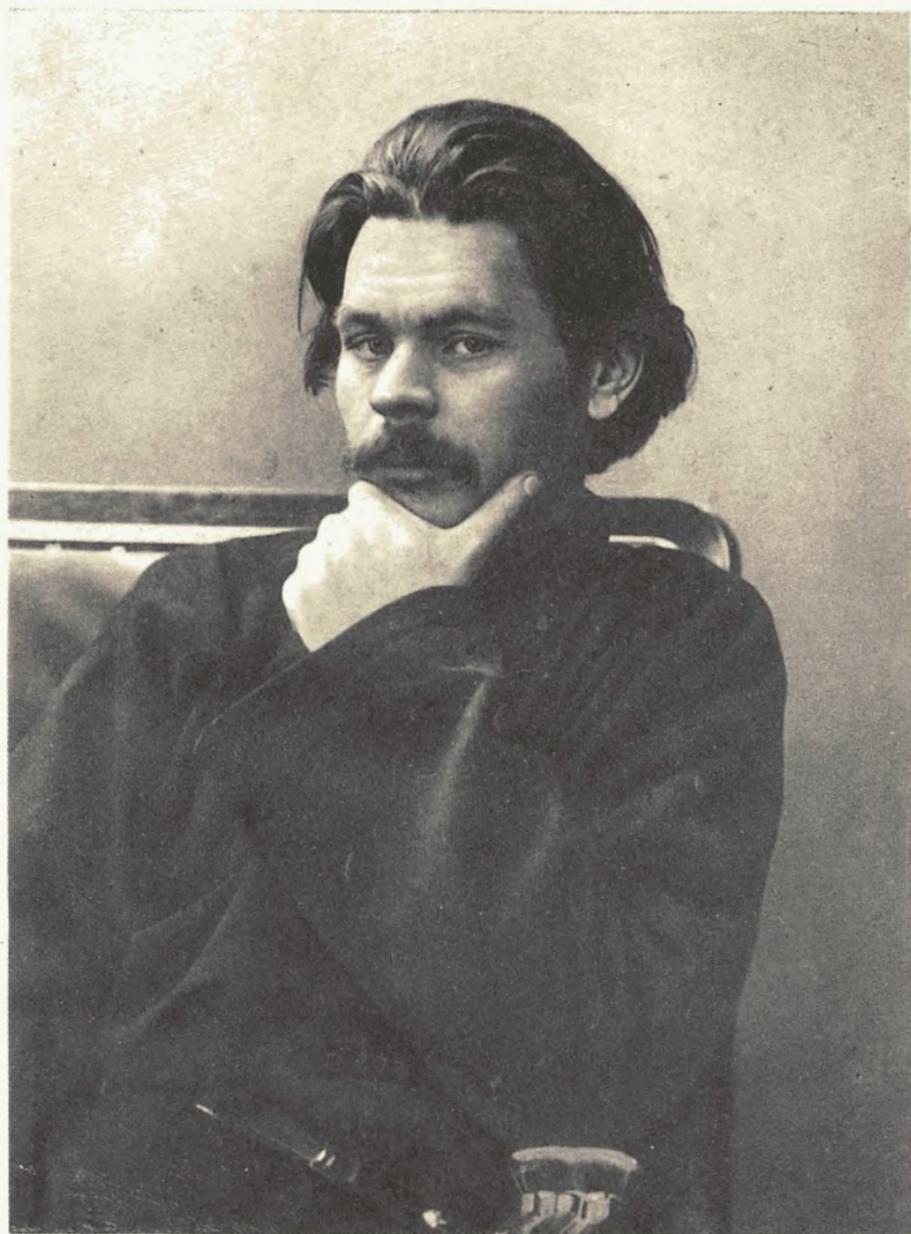
ПЬЕСЫ,
ДРАМАТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ

1897 — 1906

МОСКВА · 1970

7-3-1

Подписное

А. М. ГОРЬКИЙ
Москва, 1903 г.
Фото К. А. Фишера

МЕЩАНЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Б е с с е м е н о в, Василий Васильев, 58 лет, зажиточный мещанин, старшина малярного цеха.

А к у л и н а И в а н о в н а, жена его, 52 года.

П е т р, бывший студент, 26 лет

Т а т ь я н а, школьная учительница, 28 лет } его дети.

Н и л, воспитанник Бессеменова, машинист, 27 лет.

П е р ч и х и н, дальний родственник Бессеменова, торговец певчими птицами, 50 лет.

П о л я, его дочь, швейка, работает в семьях поденно, 21 год.

Е л е н а Н и к о л а е в н а К р и в ц о в а, вдова смотрителя тюрьмы, живет на квартире у Бессеменовых, 24 года.

Т е т е р е в, певчий } нахлебники у Бессемновых.

Ш и ш к и н, студент }

Ц в е т а е в а, учительница, подруга Татьяны, 25 лет.

С т е п а н и д а, кухарка.

Б а б а с у л и ц ы.

М а л ь ч и ш к а, маляр.

Д о к т о р.

Место действия — маленький провинциальный город.

ОБСТАНОВКА

Комната в зажиточном мещанском доме. Ее правый угол отрезан двумя глухими переборками; они выступают в комнату прямым углом и, стесняя задний план ее, образуют на переднем еще маленькую комнату, отделенную от большой деревянной аркой. В арке протянута проволока, на ней висит пестрый занавес. В задней стене большой комнаты — дверь в сени и другую половину дома, где помещается кухня и комнаты нахлебников. Слева от двери — огромный, тяжелый шкаф для посуды, в углу сундук, справа — старинные часы в футляре. Большой, как луна, маятник медленно качается за стеклом, и, когда в комнате тихо, слышится его бездушное — да, так! да, так! В левой стене — две двери: одна в комнату стариков, другая — к Петру. Между дверями печь, облицованная белыми изразцами. У печи — старый диван, обитый клеенкой, пред ним — большой стол, на котором обедают, пьют чай. Дешевые венские стулья с тошнотворной правильностью стоят у стен. Слева же у самого края сцены — стеклянная горка, в ней — разноцветные коробочки, пасхальные яйца, пара бронзовых подсвечников, ложки чайные и столовые, несколько штук серебряных стаканчиков, стопок. В комнате за аркой, у стены против зрителя — пианино, этажерка с нотами, в углу кадка с филодендромом. В правой стене — два окна, на подоконниках — цветы, у окон — кушетка, около нее — у передней стены — маленький стол.

АКТ ПЕРВЫЙ

Вечер, около пяти часов. В окна смотрит осенний сумрак. В большой комнате — почти темно. Татьяна, полулежа на кушетке, читает книгу, Поля у стола — шьет.

Татьяна (*читает*). «Взошла луна. И было странно видеть, что от нее, такой маленькой и грустной, на землю так много льется серебристо-голубого, ласкового света»... (*Бросает книгу на колени себе.*) Темно.

Поля. Зажечь лампу?

Татьяна. Не надо! Я устала читать...

Поля. Как это хорошо написано! Просто так... и грустно... за душу берет... (*Пауза.*) Ужасно хочется знать — какой конец? поженятся они — иль нет?

Татьяна (*с досадой*). Не в этом дело...

Поля. А я бы такого не полюбила... нет!

Татьяна. Почему?

Поля. Скучный он... И всё жалуется... Неуверенный потому что... Мужчина должен знать, что ему нужно делать в жизни...

Татьяна (*негромко*). А... Нил — знает?

Поля (*уверенно*). Он знает!

Татьяна. Что же?

Поля. Я... не могу вам это рассказать... так просто, как он говорит... Но только — дурным людям... злым и жадным — плохо будет от него! Не любит он их...

Татьяна. Кто — дурен? И кто — хорош?

Поля. Он знает!.. (*Татьяна молчит, не глядя на Полю. Поля, улыбаясь, берет книгу с ее колен.*) Хорошо это написано! Она очень уж привлекательная... такая прямая, простая, душевная! Вот как видишь женщи-

ну-то, в милом образе описанную, так и сама себе лучше кажешься...

Т а т ь я н а. Какая наивная... смешная ты, Поля! А меня — раздражает вся эта история! Не было такой девушки! И усадьбы, и реки, и луны — ничего такого не было! Всё это выдуманно. И всегда в книгах описывают жизнь не такой, какая она на самом деле... у нас, у тебя, например...

П о л я. Пишут про интересное. А в нашей жизни — какой интерес?

Т а т ь я н а *(не слушая, с раздраженьем)*. Мне часто кажется, что книги пишут люди... которые не любят меня и... всегда спорят со мной. Как будто они говорят мне: это лучше, чем ты думаешь, а вот это — хуже...

П о л я. А я думаю, что все писатели непременно добрые... Посмотрела бы я на писателя!..

Т а т ь я н а *(как бы сама с собою)*. Дурное и тяжелое они изображают не так, как я его вижу... а как-то особенно... более крупно... в трагическом тоне. А хорошее — они выдумывают. Никто не объясняется в любви так, как об этом пишут! И жизнь совсем не трагична... она течет тихо, однообразно... как большая мутная река. А когда смотришь, как течет река, то глаза устают, делается скучно... голова тупеет, и даже не хочется подумать — зачем река течет?

П о л я *(задумчиво глядя пред собой)*. Нет, я бы посмотрела на писателя! Вы читали, а я нет-нет да и подумаю — какой он? Молодой? старый? брюнет?..

Т а т ь я н а. Кто?

П о л я. Вот этот писатель...

Т а т ь я н а. Он умер...

П о л я. Ах... жалко как! Давно? Молодой?

Т а т ь я н а. Средних лет. Он пил водку...

П о л я. Беденький... *(Пауза.)* И почему это — умные люди пьянствуют? Вот этот, нахлебник ваш, певчий... он ведь умный, а — пьет... почему это?

Т а т ь я н а. Жить скучно...

П е т р *(заспанный, выходит из своей комнаты)*. Экая тьма! Кто это сидит?

П о л я. Я... и Татьяна Васильевна...

Петр. Что ж вы огонь не зажжете?

Поля. Мы сумерничаем...

Петр. В мою комнату от стариков запах деревянного масла проходит... Должно быть, от этого во сне я видел, будто плыву по какой-то реке, а вода в ней густая, как деготь... Плыть тяжело... и я не знаю — куда надо плыть... и не вижу берега. Попадаются мне какие-то обломки, но когда я хватаюсь за них — они рассыпаются в прах... гнилые, трухлявые. Ерунда... *(Насвистывая, шагает по комнате.)* Пора бы чай пить...

Поля *(зажигая лампу)*. Пойду, похлопочу... *(Уходит.)*

Петр. По вечерам у нас в доме как-то особенно... тесно и угрюмо. Все эти допотопные вещи как бы вырастают, становятся еще крупнее, тяжелее... и, вытесняя воздух, — мешают дышать. *(Стучит рукой в шкаф.)* Вот этот чулан восемнадцать лет стоит на одном месте... восемнадцать лет... Говорят — жизнь быстро двигается вперед... а вот шкафа этого она никуда не подвинула ни на вершок... Маленький я не раз разбивал себе лоб о его твердыню... и теперь он почему-то мешает мне. Дурацкая штука... Не шкаф, а какой-то символ... чёрт бы его взял!

Татьяна. Какой ты скучный, Петр... Тебе вредно жить так...

Петр. Как это?

Татьяна. Ты нигде не бываешь... только наверху у Лены... каждый вечер. И это очень беспокоит стариков... *(Петр, не отвечая, ходит и свищет.)* Знаешь — я стала сильно уставать... В школе меня утомляет шум и беспорядок... здесь — тишина и порядок. Хотя у нас стало веселее с той поры, как переехала Лена. Да-а, я очень устаю! А до праздников еще далеко... Ноябрь... Декабрь. *(Часы бьют шесть раз.)*

Бессеменов *(высовывая голову из двери своей комнаты)*. Засвистали козаченьки! Прощение-то, поди-ка, опять не написал?

Петр. Написал, написал...

Бессеменов. Насилу-то удосужился... эхе-хе! *(Скрывается.)*

Татьяна. Какое это прошение?

Петр. О взыскании с купца Сизова 17 р. 50 к. за окраску крыши на сарае...

Акулина Ивановна *(выходит с лампой)*. А на дворе-то опять дождик пошел. *(Подходит к шкафу, достает из него посуду и накрывает на стол.)* Холодно у нас чего-то. Топили, а холодно. Старый дом-то... продувает... охо-хо! А отец-то, ребятишки, опять сердитый... поясницу, говорит, ломит у него. Тоже старый... а всё неудачи да непорядки... расходы большие... забота.

Татьяна *(брату)*. Ты вчера у Лены сидел?..

Петр. Да...

Татьяна. Весело было?

Петр. Как всегда... пили чай, пели... спорили...

Татьяна. Кто с кем?

Петр. Я с Нилом и Шишкиным.

Татьяна. По обыкновению...

Петр. Да. Нил восторгался процессом жизни... ужасно он раздражает меня... проповедью бодрости, любви к жизни... Смешно! Слушая его, начинаешь представлять себе эту никому не известную жизнь... чем-то вроде американской тетушки, которая вот-вот явится и осыплет тебя разными благами... А Шишкин проповедовал пользу молока и вред табака... да уличал меня в буржуазном образе мыслей.

Татьяна. Всё одно и то же...

Петр. Да, по обыкновению...

Татьяна. Тебе... очень нравится Лена?

Петр. Н-ничего... она славная... веселая...

Акулина Ивановна. Вертушка она! Зряшная ее жизнь! Каждый божий день гости у нее, чай да сахары... пляс да песня... а вот умывальника купить себе не может! Из таза умывается да на пол воду хлещет... дом-то гноит...

Татьяна. А я вчера была в клубе... на семейном вечере. Член городской управы Сомов, попечитель моей школы, едва кивнул мне головой... да. А когда в зал вошла содержанка судьи Романова, он бросился к ней, поклонился, как губернаторше, и поцеловал руку...

Акулина Ивановна. Экой бесстыдник, а?

Где бы взять честную девушку под ручку да уважить ее, поводить ее по зале-то вальжненько, на людях-то...

Т а т ь я н а *(брату)*. Нет, ты подумай! Учительница, в глазах этих людей, заслуживает меньше внимания, чем распутная, раскрашенная женщина...

П е т р. Не стоит замечать таких... пошlostей... Нужно ставить себя выше... А она хоть и распутная, но не красится...

А к у л и н а И в а н о в н а. Ты почему знаешь? Лизал ей щеки-то? Сестру обидели, а он за обидчицу заступается...

П е т р. Мамаша! Будет вам...

Т а т ь я н а. Нет, при матери совершенно нельзя говорить... *(За дверью в сени слышны тяжелые шаги.)*

А к у л и н а И в а н о в н а. Ну-ну! Окрысились... Ты бы, Петр, чем шаги-то вышагивать, самовар втащил... а то Степанида жалуется — тяжело, дескать...

С т е п а н и д а *(вносит самовар, ставит его на пол около стола и, выпрямившись, задыхаясь, говорит хозяйке)*. Ну, и как вам будет угодно, а только опять говорю — сил моих нет лешего этакое таскать, — ноженьки подламываются...

А к у л и н а И в а н о в н а. Что же — особого человека нанять прикажешь?

С т е п а н и д а. Как хотите! Пускай певчий носит — что ему? Петр Васильич, поставь на стол самовар, ей-ей, мочи нет!

П е т р. Ну, давай... эх!

С т е п а н и д а. Спасибо. *(Уходит.)*

А к у л и н а И в а н о в н а. В самом деле, Петя, скажи-ка ты певчему-то, пусть бы он самовар-от подавал? Право...

Т а т ь я н а *(тоскливо вздыхает)*. О боже мой...

П е т р. А не сказать ли ему, чтоб он воду носил, полы мыл, трубы чистил и, кстати уж, белье стирал?

А к у л и н а И в а н о в н а *(с досадой отмахивается от него рукой)*. Что зря говоришь? Всё это своим порядком и без него делают... А самовар внести...

П е т р. Мамаша! Каждый вечер вы поднимаете сей роковой вопрос — вопрос о том, кому носить самовар.

И поверьте, что вопрос этот пребудет неразрешенным до поры, пока вы не наймете дворника...

Акулина Ивановна. На кой шут он нужен, дворник? Отец сам двор убирает...

Петр. И это называется — скряжничеством. А скряжничать нехорошо, имея в банке...

Акулина Ивановна. Ш-ш! Нишкни! Отец услышит — он те задаст банк! Ты в банк-то деньги вложил?

Петр. Послушайте!

Татьяна *(вскакивая)*. Петр, да оставь хоть ты... ведь терпения не хватает...

Петр *(подходя к ней)*. Ну, не кричи! Незаметно для себя втягиваешься в эти споры...

Акулина Ивановна. Застонали! Слова сказать матери-то нельзя...

Петр. Изо дня в день — одно и то же... На душу от этих прений садится какая-то копоть, ржавчина...

Акулина Ивановна *(кричит в дверь своей комнаты)*. Отец! Иди чай пить...

Петр. Когда истечет срок моего отлучения от университета, я уеду в Москву и, как прежде, буду приезжать сюда на неделю, не больше. За три года университетской жизни я отвык от дома... от всего этого крохоборства и мещанской суеты... Хорошо жить одному, вне прелестей родного крова!..

Татьяна. А мне вот некуда ехать...

Петр. Я говорю тебе — поезжай на курсы...

Татьяна. Ах, зачем мне курсы? Я жить, жить я хочу, а не учиться... пойми!

Акулина Ивановна *(снимая чайник с самовара, обожгла руку и вскрикивает)*. Ах, пострели те горой!

Татьяна *(брату)*. И я не знаю, не представляю — что значит жить? Как я могла бы жить?

Петр *(задумчиво)*. Н-да, жить надо умеючи... осторожно...

Бессеменов *(выходит из своей комнаты и, оглядев детей, садится за стол)*. Нахлебников звали?

Акулина Ивановна. Петя! Позови-ко...

(Петр уходит. Татьяна идет к столу.)

Бессеменов. Опять пиленого сахару купили? Сколько раз я говорил...

Татьяна. Ну, не всё ли равно, папаша?

Бессеменов. Я говорю не тебе, а матери. Тебе, я знаю, всё равно...

Акулина Ивановна. Всего фунт купила я, отец. Целая голова есть, только не успели расколоть... не сердись!

Бессеменов. Я не сержусь... Я говорю — пиленый сахар тяжел и не сладок, стало быть, невыгоден. Сахар всегда нужно покупать головой... и колоть самим. От этого будут крошки, а крошки в кушанье идут. И сахар самый, он легкий, сладкий... *(Дочери.)* Ты чего морщишься да вздыхаешь?

Татьяна. Ничего, ничего... так...

Бессеменов. А коли ничего, так незачем и вздыхать. Неужто отцовы слова так тяжело слушать? Не для себя ради, а для вас же, молодых, говорим. Мы свое прожили, вам — жить. А когда глядишь на вас, то не понимаешь — как, собственно, вы жить думаете? К чему у вас намерения? Наш порядок вам не нравится, это мы видим, чувствуем... а какой свой порядок вы придумали? Вот он, вопрос. Н-да...

Татьяна. Папаша! Подумайте, который раз говорите вы мне это?

Бессеменов. И еще, и без конца, до гроба говорить буду! Ибо — обеспокоен я в моей жизни. Вами обеспокоен... Зря, не подумавши хорошо, пустил я вас в образование... Вот — Петра выгнали, ты — в девках сидишь...

Татьяна. Я работаю... я...

Бессеменов. Слышал. А кому польза от этой работы? Двадцать пять рублей твои — никому не нужны, и тебе самой. Выходи замуж, живи законным порядком, — я сам тебе пятьдесят в месяц платить буду.

Акулина Ивановна *(всё время разговора отца с дочерью беспокойно вертится на стуле, несколько раз пытается что-то сказать и, наконец, ласково спрашивает)*. Отец! Ватрушечки... не хочешь ли? От обеда остались... а?

Бессеменов *(оборачиваясь к ней, смотрит на*

нее сначала сердито и потом, улыбаясь в бороду, говорит). Ну, тащи ватрушки... тащи... Эхе-хе! (Акулина Ивановна бросается к шкафу, а Бессеменов говорит дочери.) Видишь, мать-то, как утка от собаки птенцов своих, вас от меня защищает... Всё дрожит, всё боится, как бы я словом-то не ушиб вас... Ба, птичник! Явился, пропащий!

Перчихин (является в дверях, за ним молча выходит Поля). Мир сему дому, хозяину седому, хозяйке-красотке, чадам их любезным — во веки веков!

Бессеменов. У тебя опять разрешение вина?

Перчихин. С горя!

Бессеменов. С какого это?

Перчихин (рассказывает, здороваясь). Зяблика продал сегодня... Три года держал птицу, тирольской трелью пела, — продал! Почувствовал себя за этот поступок низким человеком и — растрогался. Жаль птицу, привык... любил...

(Поля, улыбаясь, кивает отцу головой.)

Бессеменов. А зачем продавал, коли так?

Перчихин (придерживаясь за спинки стульев, ходит вокруг стола). Цену хорошую дали...

Акулина Ивановна. А что тебе деньги? Всё равно зря промотаешь...

Перчихин (усаживаясь). Верно, мать! Деньги мне не к рукам... верно!

Бессеменов. Значит, опять-таки не было резона продавать...

Перчихин. Был резон. Слепнуть стала птица... стало быть, скоро помрет...

Бессеменов (усмехаясь). Ты, однако, не совсем дурак...

Перчихин. Рази я это от ума поступил? Это от низости природы моей...

(Петр и Тетерев входят.)

Татьяна. А Нил где?

Петр. Ушел с Шишкиным на репетицию.

Бессеменов. Где это они играть хотят?

Петр. В манеже. Спектакль для солдат.

Перчихин (*Тетереву*). Божьей дудке — почтение! Синиц ловить идем, дядя?

Тетерев. Можно. А когда?

Перчихин. Хоть завтра.

Тетерев. Не могу. Покойник есть...

Перчихин. До обедни?

Тетерев. Могу. Заходи. Акулина Ивановна! А не осталось ли чего-нибудь от обеда? Каши или в этом роде чего-либо?..

Акулина Ивановна. Изволь, батюшка, есть. Поля, принеси-ко там...

(Поля уходит.)

Тетерев. Премного благодарен. Ибо сегодня, как вам это известно, не обедал я по случаю похорон и свадьбы...

Акулина Ивановна. Знаю, знаю...

(Петр, взяв налитый стакан, уходит в комнату за аркой, сопровождаемый испытующим взглядом отца и недружелюбным — Тетерева. Несколько секунд все пьют и едят молча.)

Бессеменов. А хорошо ты, Терентий Хрисанфич, заработаешь в этом месяце. Почти каждый день покойник.

Тетерев. Везет... ничего.

Бессеменов. И свадьбы часто...

Тетерев. И женятся усердно...

Бессеменов. Вот накопи денегжат да и сам женись.

Тетерев. Не хочется...

(Татьяна уходит к брату, и между ними начинается тихая беседа.)

Перчихин. Не женись, не надо! Нашему брату, чудаку, женитьба ни к чему. Лучше пойдем снигирей ловить...

Тетерев. Согласен...

Перчихин. Расчудесное это занятие — снигирей ловить! Только что снег выпал, земля словно в пасхальную ризу одета... чистота, сияние и кроткая ти-

шина вокруг... Особенно ежели десть солнечный — душа поет от радости! На деревьях еще осенний лист золотом отлиывает, а уж ветки серебрецом снежка пухлого присыпаны... И вот на этакую умилительную красоту — гурлы! гурлы! — вдруг с небес чистых стайка красных птичек опустится, цви! цви! цви! И словно маки расцветут. Толстенские эдакие пичужки, степенные, вроде генералов. Ходят и ворчат и скрипят — умиление души! Сам бы в снигиря обратился, чтобы с ними порыться в снегу... эх!..

Б е с с е м е н о в. Глупая птица, снигирь.

П е р ч и х и н. Я сам глупый...

Т е т е р е в. Рассказано хорошо...

А к у л и н а И в а н о в н а (*Перчихину*). Младенец ты...

П е р ч и х и н. Люблю птичек ловить! Что есть на свете лучше певчей птицы?

Б е с с е м е н о в. А ловить ее, птицу-то, грех. Знаешь?

П е р ч и х и н. Знаю. Но ежели люблю? И ничего кроме делать не умею. Я так полагаю, что всякое дело любовью освящается...

Б е с с е м е н о в. Всякое?

П е р ч и х и н. Всякое!

Б е с с е м е н о в. А ежели кто любит чужую собственность прикарманивать?

П е р ч и х и н. Это уж будет не дело, а воровство.

Б е с с е м е н о в. Мм... Оно пожалуй...

А к у л и н а И в а н о в н а (*зевая*). Охо-хо! Скушно что-то... И как это по вечерам скушно всегда... Хоть бы ты, Терентий Хрисанфыч, гитару свою принес да поиграл бы.

Т е т е р е в (*спокойно*). При найме мною квартиры, достопочтенная Акилина Ивановна, я не брал на себя обязанности увеселять вас...

А к у л и н а И в а н о в н а (*не разобрав*). Как ты сказал?

Т е т е р е в. Громко и внятно.

Б е с с е м е н о в (*с удивлением и досадой*). Смотрю я на тебя, Терентий Хрисанфович, и дивуюсь. Человек ты... извини за выражение, совсем... никудышный...

никчемный, но гордость в тебе — чисто барская. Откуда бы?

Тетерев *(спокойно)*. Врожденная...

Бессеменов. Чем же ты гордишься-то, скажи на милость?

Акулина Ивановна. Так это он — чудачит всё. Какая в нем гордость может быть?

Татьяна. Мама!

Акулина Ивановна *(встрепенувшись)*. А? Ты что?

(Татьяна укоризненно качает головой.)

Акулина Ивановна. Али я опять что не так сказала? Ну, ин буду молчать... Бог с вами!

Бессеменов *(обиженный)*. Ты, мать, осторожнее выражай свои мысли. Мы живем среди лиц образованных. Они на всё могут навести критику с точки науки и высших свойств ума. А мы с тобой люди старые, глупые...

Акулина Ивановна *(миролюбиво)*. Что уж там! Конечно уж... они ведь знают.

Перчихин. А это ты, брат, верно сказал. Хоть и в шутку, а верно...

Бессеменов. Я не в шутку...

Перчихин. погоди! Старики — действительно глупый народ...

Бессеменов. Особенно как на тебя посмотришь.

Перчихин. Я — не в счет. Я даже так полагаю: не было бы стариков — не было бы и глупости... Старый человек думает, как сырое дерево горит, — больше чаду, чем огня...

Тетерев *(улыбаясь)*. Одобряю...

(Поля ласково смотрит на отца и гладит его плечо рукой.)

Бессеменов *(угрюмо)*. Так, так! Ну, ври дальше...

(Петр и Татьяна, прерывая свою беседу, с улыбкой смотрят на Перчихина.)

Перчихин *(воодушевленно болтает)*. Старики, главное дело, упрямые! Он, старик, и видит, что ошибся, и чувствует, что ничего не понимает, но сознаться в том — не может. Гордость! Жил, дескать, жил, одних штанов, может, сорок штук износил и вдруг — понимать перестал! Как так? Обидно! Ну, он свое и долбит — я стар, я прав. А куда уж? Ум стал тяжелый у него... А у молодых — ум быстрый, легкий...

Бессеменов *(грубо)*. Ну, ты заврался, однако... Ты вот что мне скажи: коли мы глупы, стало быть — надо нас учить уму-разуму?

Перчихин. Где там? В камни стрелять — стрелы терять...

Бессеменов. Погоди, не перебивай! Я постарше тебя. Я говорю: чего же быстрее-то умы по углам от нас, стариков, разбегаются да оттуда смешные рожи показывают, а говорить с нами не хотят? Вот ты и подумай... И я пойду подумаю... один, коли глуп я для вашей компании *(с шумом отодвигает свой стул и в дверях своей комнаты говорит)*... образованные мои дети...

(Пауза.)

Перчихин *(Петру и Татьяне)*. Ребятишки! Вы чего старика обижаете?

Поля *(улыбаясь)*. Да это ты его обидел...

Перчихин. Я? в жизнь ни разу никого не обижал...

Акулина Ивановна. Эх, братцы! Нехорошо у нас... За что старика обидели? Все надутые, все недовольные... а он — стар, ему покой нужен... его уважать надо бы... Ведь отец... Пойду к нему. Палагея, ты вымой посуду-то...

Татьяна *(подходя к столу)*. И за что на нас рассердился отец?

Акулина Ивановна *(в дверях)*. А ты больше бегай от него... умная!

(Поля моет посуду, а Тетерев, облокотясь о стол, тяжелым взглядом смотрит ей в лицо. Перчихин идет к Петру и присаживается у стола. Татьяна медленно уходит в свою комнату.)

Поля (*Тетереву*). Вы что смотрите на меня... так?

Тетерев. Так...

Перчихин. О чем думаешь, Петя?

Петр. Куда бы уйти...

Перчихин. Давно я хочу тебя спросить, скажи ты мне, пожалуйста: что такое канализация?

Петр. Ну зачем тебе? Рассказывать это так, чтоб ты ясно понял, — долго... и скучно...

Перчихин. А ты сам-то знаешь все-таки?

Петр. Знаю...

Перчихин (*недоверчиво глядя в лицо Петра*). Мм...

Поля. Как долго не идет Нил Васильевич...

Тетерев. Какие у вас хорошие глаза...

Поля. Вы это и вчера говорили.

Тетерев. Скажу и завтра...

Поля. Зачем?

Тетерев. А не знаю... Вы, может быть, думаете, что я влюблен в вас?

Поля. Господи! Ничего я не думаю.

Тетерев. Ничего? Жаль! Вы подумайте...

Поля. Да... о чем?

Тетерев. Ну, хоть бы о том — чего ради я пристаю к вам? Подумайте и скажите мне...

Поля. Какой вы чудак!

Тетерев. Знаю... Вы говорили мне это. Я тоже повторю вам — уходите отсюда! Вам вредно бывать в этом доме... уходите!

Петр. Вы объясняетесь в любви? Может быть, мне уйти?

Тетерев. Нет, не беспокойтесь! Я не считаю вас предметом одушевленным...

Петр. Неостроумно...

Поля (*Тетереву*). Какой вы задира!

(*Тетерев отходит в сторону и внимательно прислушивается к разговору Петра и Перчихина.*)

Татьяна (*выходит из своей комнаты, кутаясь в шаль, садится за пианино и спрашивает, разбирая ноты*). Нил еще не пришел?

Поля. Нет...

Перчихин. Скушновато... Да, вот что, Петя: прочитал я прошлый раз в листке, будто в Англии летающие корабли выстроены. Корабль будто как следует быть, но ежели сел ты на него, надавил эдакую кнопку — фию! Сейчас это поднимается он птицей под самые под облаки и уносит человека неизвестно куда... Будто очень многие англичаны без вести пропали. Верно это, Петя?

Петр. Ерунда!

Перчихин. А печатают...

Петр. Мало ли ерунды печатают.

Перчихин. Много разве?

(Татьяна тихо наигрывает что-то грустное.)

Петр *(с досадой)*. Конечно, много!

Перчихин. Ты не сердись. И что это, в самом деле, все вы, молодые, на нас, подержанных людей, свысока глядите? И даже никак говорить не желаете? Нехорошо!

Петр. Дальше!..

Перчихин. Дальше вижу я, что надо мне уходить. Надоел. Поля, ты скоро домой пойдешь?

Поля. Вот уберусь только... *(Выходит из комнаты, сопровождаемая взглядом Тетерева.)*

Перчихин. Н-да... Забыл ты, Петя, как мы с тобой, бывало, чижиков ловили. В ту пору любил ты меня...

Петр. Я и теперь...

Перчихин. Вижу, чувствую... как ты теперь!

Петр. Я в то время леденцы и пряники любил, а теперь в рот не беру...

Перчихин. Понимаю... Дядя Терентий! Идем пиво пить?

Тетерев. Не расположен...

Перчихин. Ну, я один. В кабачке — весело. В кабачке — просто. А у вас — с тоски помрешь, не в комплимент вам будь сказано. Ничего вы не делаете... никаких склонностей не имеете... А то давайте в карты играть? В свои козыри? Как раз четверо... *(Тетерев смотрит на Перчихина и улыбается.)* Не желаете? Ну,

воля ваша... Стало быть, прощайте! (*Подходя к Тетереву, щелкает себя по горлу.*) Идем?

Тетерев. Нет...

(*Перчихин уходит, безнадежно махая рукой. Несколько секунд тишины. Отчетливо слышны тихие ноты пьесы, которую медленно разбирает Татьяна. Петр, лежа на кушетке, вслушивается и насвистывает мелодию. Тетерев встает со стула и ходит по комнате. В сенях, за дверь, с грохом падает что-то железное — ведро или самоварная труба. Слышен голос Степаниды: «Куда те чёрт понес»...)*

Татьяна (*не прерывая игры*). Как долго Нил не приходит...

Петр. Никто не идет...

Татьяна. Ты ждешь Елену?..

Петр. Кого-нибудь...

Тетерев. Никто к вам не придет...

Татьяна. Какой вы всегда мрачный...

Тетерев. Никто не придет к вам, ибо у вас нечего взять...

Петр. Так говорит Терентий Богословский...

Тетерев (*настойчиво*). Замечаете ли вы, что у пьяненького, подержанного птичника — жив дух и жива душа его, тогда как вы оба, стоя на пороге жизни, — полумертвы?

Петр. А вы? Вы о себе какого мнения?

Татьяна (*вставая со стула*). Господа, оставьте! Ведь уж это было, было! Вы спорили об этом...

Петр. Мне нравится ваш стиль, Терентий Хрисанфович... И нравится ваша роль — роль судьи всех нас... Но я желал бы понять — почему именно эту роль вы играете... Вы говорите всегда так, точно читаете нам акафист за упокой...

Тетерев. Таковых акафистов не бывает...

Петр. Ну, всё равно. Я хочу сказать — вот вы не любите нас...

Тетерев. Очень...

Петр. Спасибо за откровенность.

(*Входит Поля.*)

Т е т е р е в. Кушайте на здоровье.

П о л я. Чем вы угощаете?

Т а т ь я н а. Дерзостями...

Т е т е р е в. Правдой...

П о л я. А я хочу идти в театр... Не пойдет ли кто со мной?

Т е т е р е в. Я...

П е т р. Что сегодня?

П о л я. «Вторая молодость»... Идемте, Татьяна Васильевна?

Т а т ь я н а. Нет... Я в этот сезон едва ли буду ходить в театр. Надоело. Меня злят, раздражают все эти драмы с выстрелами, воплями, рыданиями. (*Тетерев ударяет пальцем по клавише пианино, и по комнате разливается густой печальный звук.*) Все это неправда. Жизнь ломает людей без шума, без криков... без слез... незаметно...

П е т р (*угрюмо*). Разыгрывают драмы на тему о страданиях любви, и никто не видит тех драм, которые терзают душу человека, стоящего между «хочу» и «должен»...

(*Тетерев, улыбаясь, продолжает бить по клавишам басов.*)

П о л я (*смущенно улыбаясь*). А мне нравится в театре... ужасно. Вот, например, Дон Сезар де Базан, испанский дворянин... удивительно хорошо! Настоящий герой...

Т е т е р е в. Я похож на него?

П о л я. Ой, что вы! Совсем ни капли!..

Т е т е р е в (*усмехаясь*). Эх... жаль!

Т а т ь я н а. Когда актер на сцене объясняется в любви, — я слушаю и злюсь... Ведь этого не бывает, не бывает!..

П о л я. Ну, я иду... Терентий Хрисанфович, — идете?

Т е т е р е в (*перестает трогать клавиши*). Нет. Я не пойду с вами, если вы не находите во мне ничего общего с испанским дворянином...

(*Поля, смеясь, уходит.*)

Петр *(глядя вслед ей)*. Что ей испанский дворянин?

Тетерев. Она чувствует в нем здорового человека...

Татьяна. Он красиво одет...

Тетерев. И весел... Веселый человек — всегда славный человек... Подлецы редко бывают веселыми людьми.

Петр. Ну, с этой точки зрения вы должны быть величайшим злодеем на земле...

Тетерев *(снова начиная извлекать из пианино густые тихие звуки)*. Я просто — пьяница, не больше. Вы знаете, почему в России много пьяниц? Потому что быть пьяницей удобно. Пьяниц у нас любят. Новатора, смелого человека — ненавидят, а пьяниц — любят. Ибо всегда удобнее любить какую-нибудь мелочь, дрянь, чем что-либо крупное, хорошее...

Петр *(расхаживая по комнате)*. У нас в России... у нас в России... Как это странно звучит! Разве Россия — наша? Моя? Ваша? Что такое — мы? Кто — мы?

Тетерев *(напевает)*. Мы во-ольные птицы...

Татьяна. Терентий Хрисанфович! Перестаньте, пожалуйста, звонить... уж очень погрёбально!

Тетерев *(продолжая)*. Я аккомпанирую настроению...

(Татьяна с досадой выходит из комнаты в сени.)

Петр *(задумчиво)*. Н-да... Вы... в самом деле перестаньте, это расстраивает нервы... Я думаю, что, когда француз или англичанин говорит: Франция! Англия!.. он непременно представляет себе за этим словом нечто реальное, осязаемое... понятное ему... А я говорю — Россия и — чувствую, что для меня это — звук пустой. И у меня нет возможности вложить в это слово какое-либо ясное содержание. *(Пауза. Тетерев звонит.)* Есть много слов, которые произносишь по привычке, не думая о том, что скрыто за ними... Жизнь... Моя жизнь... Чем наполняются эти два слова?.. *(Молчит, расхаживая. Тетерев, тихо ударяя по клавишам, наполняет комнату стонущими звуками струн и с улыбкой, застывшей на его лице, следит за Петром.)* Чёрт

дернул меня принять участие в этих дурацких волнениях! Я пришел в университет учиться и учился... Перестаньте звонить, пожалуйста! Никакого режима, мешавшего мне изучать римское право, я не чувствовал... нет! По совести... нет, не чувствовал! Я чувствовал режим товарищества... и уступил ему. Вот два года моей жизни вычеркнуто... да! Это насилие! Насилие надо мной — не правда ли? Я думал: кончу учиться, буду юристом, буду работать... читать, наблюдать... буду жить!

Тетерев (иронически подсказывает). Родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу, в роли покорного слуги общества...

Петр. Общество? Вот что я ненавижу! Оно всё повышает требования к личности, но не дает ей возможности развиваться правильно, без препятствий... Человек должен быть гражданином прежде всего! — кричало мне общество в лице моих товарищей. Я был гражданином... чёрт их возьми... Я... не хочу... не обязан подчиняться требованиям общества! Я — личность! Личность свободна... Слушайте! Бросьте это... этот чёртов звон...

Тетерев. Я же аккомпанирую вам... мещанин, бывший гражданином — полчаса?

(Шум за дверями в сенях.)

Петр (раздраженно). Вы... не издевайтесь!

(Тетерев, вызываяще глядя на Петра, продолжает звонить. Входят Нил, Елена, Шишкин, Цветаева и вслед за ними Татьяна.)

Елена. Что значит этот звон погребальный? Здравствуйте, страшный букан! Здравствуйте, почти прокурор! Что вы тут делали?

Петр (хмуро). Глупости...

Тетерев. Это я вызванивал отходную человеку, безвременно угасшему...

Нил (Тетереву). Слушай! У меня к тебе просьба! *(Что-то шепчет на ухо ему. Тетерев кивает головой.)*

Цветаева. Ах, господа! Как интересно было на репетиции!

Елена. О прокурор! Как свирепо ухаживал за мной поручик Быков!

Шишкин. Теленок ваш Быков...

Петр. Почему вы полагаете, что мне интересно знать, кто и как ухаживал за вами?

Елена. Ой, вы не в духе?

Цветаева. Петр Васильевич всегда не в духе.

Шишкин. Это обычное состояние его духа...

Елена. Танечка! И ты, по обыкновению, грустна, как ночь сентябрьская?

Татьяна. Да, по обыкновению...

Елена. А мне — ужасно весело! Господа, скажите — почему мне всегда весело?

Нил. Отказываюсь отвечать на вопрос — мне самому тоже всегда весело!

Цветаева. И мне!..

Шишкин. Мне — не всегда, но...

Татьяна. Постоянно...

Елена. Танечка! Ты остришь! Вот хорошо! Букаш! Отвечайте — почему мне весело?

Тетерев. О воплощенное легкомыслие!

Елена. Ка-ак! Хорошо! Я вспомню вам эти слова, когда вы будете объясняться мне в любви!

Нил. Однако я бы поел чего-нибудь... Мне скоро на дежурство идти...

Цветаева. На всю ночь? Бедный!

Нил. На целые сутки... Пойду, однако, в кухню, поклонюсь Степаниде...

Татьяна. Я скажу ей... *(Уходит с Нилом.)*

Тетерев *(Елене)*. Э... позвольте! Да разве я должен влюбиться в вас?

Елена. Да, дерзкий человек! Да, мрачное чудовище! Да! Да!

Тетерев *(отступая пред ней)*. Повинуюсь... Мне это не трудно... Я однажды был влюблен сразу в двух девиц и в одну замужнюю женщину...

Елена *(продолжая наступать на него)*. Ну и что же?

Тетерев. Бесполезно...

Е л е н а (*вполголоса, указывая глазами на Петра*).
Что у вас с ним вышло?

(*Тетерев смеется. Они тихо беседуют.*)

Ш и ш к и н (*Петру*). Слушай, брат, — нет ли целкового дня на три? Понимаешь — башмаки лопнули...

П е т р. На... Семь за тобой...

Ш и ш к и н. Помню...

Ц в е т а е в а. Петр Васильевич! Почему вы не принимаете участия в наших спектаклях?

П е т р. Я же не умею играть...

Ш и ш к и н. А мы-то разве умеем?

Ц в е т а е в а. Ходили бы хоть на репетиции. Солдатики ужасно интересные! Один, Ширков, такой уморительный! Наивный, славный, улыбается так ласково, конфузливо... и ничего не понимает...

П е т р (*искоса наблюдая за Еленой*). Ну, знаете, я плохо разумею, как могут быть интересны люди, которые ничего не понимают?

Ш и ш к и н. Да ведь там не один Ширков...

П е т р. Допускаю, что их целая рота...

Ц в е т а е в а. Как можно говорить такие вещи? Вот уж не понимаю — что это у вас? Аристократизм, что ли?

Т е т е р е в (*вдруг громко*). Жалеть я не умею...

Е л е н а. Ш-ш-ш!..

П е т р. Как вам известно, я мещанин...

Ш и ш к и н. Тем менее понятно твое отношение к простым людям...

Т е т е р е в. Меня никто никогда не жалел...

Е л е н а (*вполголоса*). А вы разве не знаете, что нужно платить добром за зло?

Т е т е р е в. Не имею ни крупной, ни мелкой монеты...

Е л е н а. Ах, тише!..

П е т р (*вслушиваясь в разговор Елены с Тетеревом*). А мне непонятно... чего ради вы играете в симпатии к этим простым людям...

Ц в е т а е в а. Мы — не играем... мы делимся, чем можем, с ними...

Ш и ш к и н. И даже не это... Просто вам приятно бывать в их среде... Они безыскусственны... среди их дышишь чем-то здоровым... как в лесу. Нашему брату, буквоеду, никогда не мешает освежаться...

П е т р (*настойчиво, со скрытым раздраженьем*). Просто вы любите жить иллюзиями... И подходите вы к вашим солдатам с некоторым тайным намерением... смешным, простите за правду! Освежаться среди солдат — это, извините...

Ц в е т а е в а. Да не только солдат! Ведь вы же знаете, что мы устраиваем спектакли и в депо...

П е т р. Всё равно. Я говорю о том, что, называя всю эту вашу... беготню и суету живым делом, вы обманываетесь. Вы ведь убеждены, что способствуете развитию личности... и прочее... И это — самообман. Придет завтра офицер или мастер, даст личности в рожу и вышибет из ее головы всё, что вы успели заронить в нее, — если еще успели...

Ц в е т а е в а. Как досадно слушать такие речи!

Ш и ш к и н (*мрачно*). Н-да... Речи неладные... Не первый раз я слышу их, и всё более они не нравятся мне... Когда-нибудь мы с тобой, Петр, разговоримся... навсегда!

П е т р (*холодно и лениво*). Страшусь! Но жажду этой встречи...

Е л е н а (*горячо вскрикивает*). Зачем вы напускаете на себя всё это? Господа! Зачем он хочет, чтоб его считали злым?

П е т р. Ради оригинальности, я думаю.

Ц в е т а е в а. Конечно! Интересничает! Все мужчины интересничают... при женщинах. Один изображает пессимиста, другой Мефистофеля... А сами — просто лентяи...

Т е т е р е в. Кратко, ясно... и здорово!

Ц в е т а е в а. А что же — комплименты я вам буду говорить? Ждите! Знаю я вас!

Т е т е р е в. В этом случае вы знаете больше, чем я. А не знаете ли вы, кстати, вот чего: следует платить добром за зло или не следует? То есть, проще говоря, — считаете вы добро и зло равноценными или же нет?

Ц в е т а е в а. Поехали парадоксы на немазанных колесах!

Ш и ш к и н. Погодите, не мешайте ему! Это интересно. Я, господа, люблю Тетерева слушать! Все-таки он — нет-нет да и загонит в мозг какую-нибудь занозу... А ведь у нас у всех, правду говоря, мыслишки-то всё ходовые, стертые, как старые пятаки...

П е т р. Ты слишком великодушен... распространяя свои личные достоинства на всех...

Ш и ш к и н. Ну-ну! Надо говорить правду, брат! Даже в пустяках надо быть правдивым! Я прямо создаюсь — никогда еще я ни одного оригинального слова не сказал! А хочется, господа!

Т е т е р е в. А вот и сказал!

Ш и ш к и н *(живо)*. Н-ну? Врешь? Что такое?

Т е т е р е в. Сказал, брат! Верно... А что — сам догадайся.

Ш и ш к и н. Ну, это нечаянно вышло...

Т е т е р е в. Нарочно оригинальным не будешь. Я пробовал...

Е л е н а. Да говорите же вы, мучитель, о добре и зле!

Ш и ш к и н. Ну-ка, заводи философскую волынку!

Т е т е р е в *(становясь в позу)*. Достопочтенные двуногие! Когда вы говорите, что зло следует оплачивать добром, — вы ошибаетесь. Зло есть качество природное вам и потому — малоценное. Добро — вы сами придумали, вы страшно дорого платили за него и потому — оно суть драгоценность, редкая вещь, прекраснее которой — нет на земле ничего. Отсюда вывод — уравнивать добро со злом невыгодно для вас и бесполезно. Я говорю вам — добром платите только за добро. И никогда не платите больше того, сколько получено вами, дабы не поощрять в человеке чувство ростовщика. Ибо человек — жаден. Получив однажды больше того, сколько следовало ему, в другой раз захочет получить еще больше. А также не платите ему меньше, чем должны. Ибо если вы его раз обсчитаете — человек злопамятен! — он скажет про вас «банкроты!», перестанет уважать и в другой раз не добро уже сделает вам, а только подаст милостину. Братие! будьте строго

точные в уплате за добро, содеянное вам! Ибо нет на земле ничего печальнее и противней человека, подающего милостину ближнему своему! Но за зло — всегда платите сторицею зла! Будьте жестоко щедры, вознаграждая ближнего за зло его вам! Если он, когда вы просили хлеба, дал камень вам, — опрокиньте гору на голову его! (*Тетерев начинает шутливо, постепенно переходит в серьезный тон и кончает свою речь сильно, убежденно. Кончив, он, тяжело ступая, отходит в сторону. Минута общего молчания. Все смущены, почувствовав в словах его что-то тяжелое, искреннее.*)

Е л е н а (*тихо*). Однако вы... должно быть, много потерпели от людей...

Т е т е р е в (*оскалив зубы*). Но это дало мне веселую надежду, что и они, со временем, потерпят от меня... или, вернее, — за меня...

Н и л (*входит с миской в руках и куском хлеба. Говоря, он внимательно следит, как бы не разлить содержимое миски. За ним идет Татьяна*). Все это философия! Плохая у тебя, Таня, привычка делать из пустяков философию. Дождь идет — философия, палец болит — другая философия, угаром пахнет — третья. И когда я слышу такие философии из пустяков, так мне невольно думается, что не всякому человеку грамота полезна...

Т а т ь я н а. Какой ты... грубый, Нил!

Н и л (*садится за стол и ест*). Чего там — грубый?.. Скучно тебе жить, — займись чем-нибудь. Кто работает, тот не скучает. Дома тяжело — поезжай в деревню, там живи и учи... а то — в Москву, сама поучись...

Е л е н а. Так ее! И еще проберите вот этого (*указывает на Тетерева*) — этого вот!

Н и л (*искоса посмотрев*). Тоже, чадушко! В Гераклиты метит...

Т е т е р е в. Назови меня Свифтом, если тебе не трудно!..

Н и л. Много чести!

П е т р. Да, многонько!..

Т е т е р е в. А мне это было бы приятно...

Ц в е т а е в а. Какой лакомый!..

Н и л (*глядя в миску*). Не погневайся... А что... того... Поля была? То есть куда она ушла?

Т а т ь я н а. В театр. А что?

Н и л. Ничего... так... вообще — спрашиваю...

Т а т ь я н а. Тебе ее нужно?

Н и л. Нет, не нужно... т. е. сейчас не нужно... а вообще, всегда... нужно. О, чёрт... запутался!

(Все улыбаются, кроме Татьяны.)

Т а т ь я н а *(настойчиво)*. Зачем? Зачем она тебе?..

(Нил, не отвечая, ест.)

Е л е н а *(Татьяне быстро)*. За что он тебя пробирал? Скажи!

Ц в е т а е в а. Да, это интересно!

Ш и ш к и н. Мне тоже нравится, как Нил Васильев нотации читает...

П е т р. А мне — как он ест...

Н и л. Я всё недурно делаю...

Е л е н а. Ну же, Таня, говори!

Т а т ь я н а. Не хочется...

Ц в е т а е в а. Ей никогда ничего не хочется!

Т а т ь я н а. Почему ты знаешь? А может быть, я очень хочу... умереть?

Ц в е т а е в а. Фи, гадость!

Е л е н а. Брр! Не люблю говорить о смерти!

Н и л. Что можно сказать о смерти до поры, пока не умрешь?

Т е т е р е в. Вот истинный философ!

Е л е н а. Идемте, господа, ко мне! Пора, самовар, наверное, давно готов...

Ш и ш к и н. А хорошо теперь чайку хлебнуть! Да и подзакусить бы... можно надеяться?

Е л е н а. Конечно!

Ш и ш к и н *(указывая на Нила)*. А то я смотрю на него и — завидую, грешный человек!

Н и л. Не завидуй — я уже всё съел! Я тоже пойду с вами, у меня еще более часа свободного времени...

Т а т ь я н а. Ты лучше отдохнул бы до дежурства...

Н и л. Сойдет и так...

Е л е н а. Петр Васильевич! Идете?

П е т р. Если позволите...

Е л е н а. Благосклонно разрешаю! Вашу руку!..

Ц в е т а с в а. Становитесь все в пары! Нил Васильевич, ко мне...

Ш и ш к и н *(Татьяне)*. Значит, вы — со мной...

Т е т е р е в. Вот — говорят, что женщин на земле больше, чем мужчин. Однако я жывал во многих городах, и всегда, везде мне не хватало дамы...

Е л е н а *(смеясь, идет к двери и напевает)*. Allons, enfants de la patri...i...i...e!

Ш и ш к и н *(толкая Петра в спину)*. Двигайся живее, сын отечества!..

(Уходят с шумом, пением и смехом. Комната несколько секунд остается пустой. Потом дверь из комнаты стариков отворяется, выходит Акулина Ивановна и, пожеывая, гасит лампы. Слышен голос старика, монотонно читающего псалтирь у себя в комнате. Во тьме, натыкаясь на стулья, старуха проходит обратно к себе.)

З а н а в е с

АКТ ВТОРОЙ

Та же комната.

Осенний полдень. За столом сидит старик Бессеменов. Татьяна неслышно и медленно ходит взад и вперед. Петр, стоя у переборки, смотрит в окно.

Бессеменов. Битый час говорю я вам... детки мои милые, а, видно, нет у меня таких слов, чтобы сердца вашего коснулись... Один спиной меня слушает, другая ходит, как ворона по забору.

Татьяна. Я сяду... *(Садится.)*

Петр *(оборачиваясь лицом к отцу)*. Ты скажи прямо — чего ты хочешь от нас?

Бессеменов. Хочу понять, что вы за люди... Желаю знать — какой ты человек?

Петр. Подожди! Я отвечу тебе... ты поймешь, увидишь. Дай прежде кончу учиться...

Бессеменов. Н-да... Учиться... Учись! Но ты не учишься... а фордыбачишь. Ты вот научился презрению ко всему живущему, а размера в действиях не приобрел. Из университета тебя выгнали. Ты думаешь — правильно? Ошибаешься. Студент есть ученик, а не... распорядитель в жизни. Ежели всякий парень в двадцать лет уставщиком порядков захочет быть... тогда всё должно прийти в замешательство... и деловому человеку на земле места не будет. Ты научись, будь мастером в твоём деле и тогда — рассуждай... А до той поры всякий на твои рассуждения имеет полное право сказать — цыц! Я говорю это тебе не со зла, а по душе...

как ты есть мой сын, кровь моя, и всё такое. Ни-лу я ничего не говорю... хоть много положил труда на него, хоть он и приемыш мой... но всё ж он — чужая кровь. И чем дальше — тем больше он мне чужой. Я вижу — будет он прохвостом... актером будет или еще чем-нибудь в этаким духе... Может, даже социалистом будет... Ну — туда ему и дорога!

Акулина Ивановна (*выглядывая из двери, жалобным и робким голосом*). Отец! не пора ли обедать?

Бессеменов (*строго*). Пошла ты! Не суйся, когда не надо... (*Акулина Ивановна скрывается за дверь. Татьяна укоризненно смотрит на отца, встает со стула и снова бродит по комнате.*) Видели? Мать ваша ни минуты покоя не знает, оберегая вас... всё боится, как бы я не обидел... Я не хочу никого обижать... Я сам обижен вами, горько обижен!.. В доме моем я хожу осторожно, ровно на полу везде битое стекло насыпано... Ко мне и гости, старые приятели, перестали ходить: у тебя, говорят, дети образованные, а мы — народ простой, еще насмеются они над нами! И вы не однажды смеялись над ними, а я со стыда горел за вас. Все приятели бросили меня, точно образованные дети — чума. А вы никакого внимания на отца своего не обращаете... никогда не поговорите с ним ласково, никогда не скажете — какими думами заняты, что делать будете? Я вам — как чужой... А ведь я — люблю вас!.. Люблю! Понимаете вы, что значит — любовь? Тебя вот выгнали — мне это больно. Татьяна зря в девках сохнет, мне это обидно... и даже конфузно пред людьми. Чем Татьяна хуже многих прочих, которые выходят замуж и... всё такое? Мне хочется видеть тебя, Петр, человеком, а не студентом... Вон Филиппа Назарова сын — кончил учиться, женился, взял с приданым, две тыщи в год получает... в члены управы попадет...

Петр. Подождите... и я женюсь...

Бессеменов. Да, я вижу! Ты — хоть завтра готов... Ну, только — на ком? На вертушке, на беспутной бабенке... да еще и вдове! Э-эх!

Петр (*вскипая*). Вы не имеете права называть ее... так!

Б е с с е м е н о в. Как — так? Вдовой или беспутной?

Т а т ь я н а. Папаша! Пожалуйста... пожалуйста, оставьте это! Петр... Уйди!.. или — молчи! Я ведь вот — молчу! Слушайте... Я — не понимаю ничего... Отец!.. Когда вы говорите — я чувствую — вы правы! Да, вы правы, знаю! Поверьте, я... очень это чувствую! Но ваша правда — чужая нам... мне и ему... понимаете? У нас уже своя... вы не сердитесь, стойте! Две правды, папаша...

Б е с с е м е н о в (*вскакивая*). Врешь! Одна правда! Моя правда! Какая ваша правда? Где она? Покажи!

П е т р. Отец, не кричи! Я тоже скажу... ну да! Ты прав... Но твоя правда узка нам... мы выросли из нее, как вырастают из платья. Нам тесно, нас давит это... То, чем ты жил, твой порядок жизни, он уже не годится для нас...

Б е с с е м е н о в. Ну да! Вы... вы! Как же... вы образовались... а я дурак! А, вы...

Т а т ь я н а. Не то, папаша! Не так...

Б е с с е м е н о в. Нет — то! К вам ходят гости... целые дни шум... ночью спать нельзя... Ты на моих глазах шашни с постоялкой заводишь... ты всегда надута... а я... а мы с матерью жмемся в углу...

А к у л и н а И в а н о в н а (*врываясь в комнату, жалобно кричит*). Голубчики! Да я ведь... родной ты мой! Разве я говорю что? Да я и в углу!.. и в углу, в хлеву! Только не ругайтесь вы! Не грызите друг друга... милые!

Б е с с е м е н о в (*одной рукой привлекая ее, а другой отталкивая*). Пошла прочь, старуха! Не нужна ты им. Оба мы не нужны! Они — умные!.. Мы — чужие для них...

Т а т ь я н а (*стоит*). Какая мука! Какая... мука!..

П е т р (*бледный, с отчаянием*). Пойми, отец... ведь глупо это! Глупо! Вдруг, ни с того ни с сего...

Б е с с е м е н о в. Вдруг? Врешь! Не вдруг... годами нарывало у меня в сердце!..

А к у л и н а И в а н о в н а. Петя, уступи! Не спорь!.. Таня... пожалейте отца!

Бессеменов. Глупо? Дурак ты! Страшно... а не глупе! Вдруг... жили отец и дети... вдруг — две правды... Звери вы!

Татьяна. Петр, уйди! Успокойся, отец... ну, прошу...

Бессеменов. Безжалостные! Стеснили нас... Чем гордитесь? Что сделали? А мы — жили! Работали... строили дома... для вас... грешили... может быть, много грешили — для вас!

Петр *(кричит)*. Просил я тебя, чтоб ты... всё это делал?

Акулина Ивановна. Петр! Ради...

Татьяна. Ступай вон, Петр! Я не могу, я ухожу... *(В изнеможении опускается на стул.)*

Бессеменов. А! бежите... от правды, как черти от ладана... Зазрила совесть!

Нил *(широко распахнув дверь из сеней, останавливается на пороге. Он — с работы. Лицо у него черное, законченное дымом, измазанное сажей, руки тоже грязные. Он в короткой куртке, промасленной до блеска, подпоясан ремнем, в высоких грязных сапогах по колено. Протягивая руку, он говорит)*. Дайте поскорее двугривенный, извозчику заплатить! *(Его неожиданное появление и вдруг раздавшийся спокойный голос сразу прекращают шум в комнате, и несколько секунд все молчат, неподвижно глядя на него. Он замечает впечатление и, сразу сообразив в чем дело, с улыбкой сожаления говорит.)* Н-ну-у! Опять баталия!

Бессеменов *(грубо кричит)*. Ты, нехристь! Куда пришел!

Нил. А? Куда?

Бессеменов. В шапке! Шапку...

Акулина Ивановна. Что, в самом деле? Грязный лезешь прямо в горницы... ишь ты!

Нил. Да вы двугривенный-то дайте!

Петр *(дает ему деньги и вполголоса говорит)*. Иди сюда скорее...

Нил *(с улыбкой)*. На помощь? Трудно приходится! Сейчас!

Бессеменов. Ишь! Вот он!.. Тоже — всё

с рывка, с наскоку... Тоже нахватался где-то... чего-то... Уважения нет ни к чему на свете...

Акулина Ивановна (*поддельваясь под тон мужа*). И впрямь... Сорванец какой! Таня, ты поди... поди в кухню... в кухню! скажи Степаниде — обедать...

(Татьяна уходит.)

Бессеменов (*угрюмо улыбаясь*). Ну, а Петра куда пошлешь? Э-эх ты! Глупая старуха! Глупая ты... Пойми, я не зверь какой! Я от души... от страха за них... от боли душевной кричу... а не от злости. Чего же ты их разгоняешь от меня?

Акулина Ивановна. Да я ведь знаю... голубчик мой! Я знаю всё... да жалко их! Мы старые с тобой... мы — таковские! Куда нас? Господи! На что нас? А им — жить! Они, милые, горя-то от чужих много увидят...

Петр. Отец, ты, право, напрасно... волнуешься... Ты вообразил что-то...

Бессеменов. Боюсь я! Время такое... страшное время! Всё ломается, трещит... волнуется жизнь!.. За тебя боюсь... Вдруг что-нибудь... кто нас поддержит в старости? Ты — опора нам... Вон Нил-то... вишь какой? И этот... птица эта, Тетерев... тоже! Ты сторонишь их! Они... не любят нас! Гляди!

Петр. Э, полно! Ничего со мной не будет... Вот, подожду еще немного... потом подам прощение...

Акулина Ивановна. Подай-ко ты, Петя, поскорее, успокой отца...

Бессеменов. Я в тебя, Петр, верю, когда ты вот так говоришь... рассудительно, серьезно... Верю, что ты жизнь проживешь не хуже меня... Ну, а иной раз...

Петр. Ну, давай, оставим это! Будет... подумай, как часто у нас бывают такие сцены!

Акулина Ивановна. Голубчики вы мои!

Бессеменов. Вот еще Татьяна... эх! Бросить бы ей это училище... Что оно для нее? Одно утомление...

Петр. Да, ей надо отдохнуть...

Акулина Ивановна. Ох, надо!

Н и л *(входит раздетый, в синей блузе, но еще не умытый)*. Обедать скоро будем, а?

(Петр, при виде Нила, быстро выходит в сени.)

Б е с с е м е н о в. Рожу-то умыл бы сначала, а потом об еде спрашивал.

Н и л. Ну, рожу у меня не велика, вымою живо, а вот есть я хочу, как волк! Дождь, ветер, холодище, паровоз старый, скверный... Измаялся я в эту ночь — прямо сил нет! Заставить бы начальника тяги прокатиться в такую погоду да на таком паровозе...

Б е с с е м е н о в. Болтай больше! Что-то, я смотрю, ты про начальников-то легко говорить стал... смотри, худа не было бы!

Н и л. Начальникам худо не будет...

А к у л и н а И в а н о в н а. Отец не про них говорит, а про тебя.

Н и л. Ага, про меня...

Б е с с е м е н о в. Да, про тебя!

Н и л. Ага!..

Б е с с е м е н о в. Ты не гакай, а слушай...

Н и л. Я слушаю...

Б е с с е м е н о в. Зазнаваться ты стал...

Н и л. Давно?

Б е с с е м е н о в. Ты таким языком со мной не смей говорить!

Н и л. А у меня один язык *(высовывая язык, показывает)*, и я со всеми им говорю...

А к у л и н а И в а н о в н а *(всплескивая руками)*. Ах ты, бесстыдник! Кому ты язык показываешь?

Б е с с е м е н о в. Погоди, мать, постой! *(Акулина Ивановна, укоризненно покачивая головою, уходит.)*
Ты... умник! Я хочу с тобой говорить...

Н и л. После обеда?

Б е с с е м е н о в. Сейчас!

Н и л. Лучше бы после обеда! Право, я голоден, устал, продрог... сделайте одолжение, отложите разговор! И потом, — что вы можете мне сказать? Ругаться ведь будете... а мне ругаться с вами неприятно... лучше

бы вы... того... сказали бы прямо, что терпеть меня не можете... и чтоб я...

Бессеменов. Ну, чёрт с тобой! *(Уходит в свою комнату и плотно, крепко прикрывает дверь за собою.)*

Нил *(ворчит)*. И отлично! Лучше чёрт, чем ты... *(Напевая себе под нос, ходит по комнате. Татьяна входит.)* Опять лаялись?

Татьяна. Ты не можешь себе представить...

Нил. Ну! превосходно представляю... Разыгрывали драматическую сцену из бесконечной комедии, под названием «Ни туда ни сюда»...

Татьяна. Тебе хорошо говорить так! Ты умеешь стоять в стороне...

Нил. Я умею оттолкнуть от себя в сторону всю эту канитель. И скоро — оттолкну решительно, навсегда... Переведусь в монтеры, в депо... Надоело мне ездить по ночам с товарными поездами! Еще если б с пассажирскими! С курьерским, например, — фьиты! Режь воздух! Мчись на всех парах! А тут — ползешь с кочегаром... скука! Я люблю быть на людях...

Татьяна. От нас ты, однако, бегаешь...

Нил. Да... прости за правду! — убежишь ведь! Я жить люблю, люблю шум, работу, веселых, простых людей! А вы разве живете? Так как-то слоняетесь около жизни и по неизвестной причине стонете да жалуетесь... на кого, почему, для чего? Непонятно.

Татьяна. Ты не понимаешь?

Нил. То-то нет! Когда человеку лежать на одном боку неудобно — он перевертывается на другой, а когда ему жить неудобно — он только жалуется... А ты сделай усилие, — перевернись!

Татьяна. Ты знаешь — один философ сказал, что только глупому жизнь кажется простой!

Нил. Философы в глупостях, должно быть, знают толк. Но я ведь умником себя не считаю... Я просто нахожу, что с вами жить почему-то невыносимо скучно. Думаю, потому, что очень уж вы любите на всё и вся жаловаться. Зачем жаловаться? Кто вам поможет? Никто не поможет... И некому и... не стоит...

Татьяна. Откуда в тебе эта черствость, Нил?

Н и л. А это — черствость?

Т а т ь я н а. Жестокость... Я думаю, что ты заразился ею от Тетерева, который ненавидит за что-то всех людей.

Н и л. Ну, не всех... *(Усмехаясь.)* Тебе этот Тетерев не кажется похожим на топор?

Т а т ь я н а. Топор? Какой топор?

Н и л. Обыкновенный, железный топор на деревянном топорнице...

Т а т ь я н а. Нет, не шути! Не надо... Знаешь... с тобой приятно говорить... ты такой свежий... Но только вот... невнимателен ты...

Н и л. К чему?

Т а т ь я н а. К людям... Ко мне, например...

Н и л. Мм... наверно, не ко всем.

Т а т ь я н а. Ко мне...

Н и л. К тебе? Н-да... *(Оба молчат. Нил рассматривает свои сапоги. Татьяна смотрит на него с ожиданием чего-то.)* Видишь ли... Я к тебе... т. е. я тебя... *(Татьяна делает движение к нему. Нил, ничего не замечая.)* Очень уважаю... и люблю. Только мне не нравится — зачем ты учительница? Дело это тебе не по душе, утомляет, раздражает тебя. А дело — огромное! Ребятишки — ведь это люди в будущем... Их надо уметь ценить, надо любить. Всякое дело надо любить, чтобы хорошо его делать. Знаешь — я ужасно люблю ковать. Пред тобой красная, бесформенная масса, злая, жгучая... Бить по ней молотом — наслаждение! Она плюет в тебя шипящими, огненными плевками, хочет выжечь тебе глаза, ослепить, отшвырнуть от себя. Она живая, упругая... И вот ты сильными ударами с плеча делаешь из нее всё, что тебе нужно...

Т а т ь я н а. Для этого нужно быть сильным...

Н и л. И ловким...

Т а т ь я н а. Послушай, Нил... Тебе иногда не жалко...

Н и л. Кого?

Е л е н а *(входит)*. У вас обедали? Нет? Идемте ко мне, пожалуйста! Какой пирог я испекла! Где прокурор? Прекрасный пирог!

Н и л *(подходя к Елене)*. Я иду! О, я съем весь пре-

красный пирог! Я умираю с голода, меня нарочно не кормят! На меня рассердились здесь за что-то...

Е л е н а. За язык, наверное... Таня, идем!

Т а т ь я н а. Я только скажу маме... *(Уходит.)*

Н и л. Откуда вы знаете, что я показал отцу язык?

Е л е н а. Что-о? Я ничего не знаю! Что такое?

Н и л. Ну, я и не скажу... Лучше вы расскажите мне о прекрасном пироге.

Е л е н а. Я узнаю! А о пироге... знаете, меня научил печь пироги один арестант, осужденный за убийство. Муж позволял ему помогать на кухне. Он был такой жалкенький, худенький...

Н и л. Муж?

Е л е н а. Милостивый государь! Мой муж был двенадцати вершков роста...

Н и л. Он был так низок?

Е л е н а. Молчать! И имел вот такие усы *(показывает пальцами, какие усы)*, длиною по три вершка...

Н и л. Первый раз слышу о человеке, достоинства которого измеряются вершками!

Е л е н а. Увы! У него не было никаких достоинств, кроме усов!

Н и л. Это грустно! Продолжайте о пироге...

Е л е н а. Он, этот арестант, был повар... и убил свою жену... Но мне он очень нравился. Он ведь убил ее как-то так...

Н и л. Между прочим... понимаю!

Е л е н а. Убирайтесь! Не хочу с вами говорить. *(Татьяна, появляясь в двери, смотрит на них. Из другой двери выходит Петр.)* Прокурор! Ко мне... есть пирог!..

П е т р. С удовольствием!

Н и л. Его сегодня папенька пробрал за непочтение...

П е т р. Ну, перестань...

Н и л. И я удивляюсь — как решается он идти к вам без спроса?

П е т р *(глядя на дверь в комнату стариков, беспокожно)*. Идти, так идемте!

Т а т ь я н а. Идите, я сейчас приду...

(Нил, Петр и Елена уходят. Татьяна идет в свою комнату, но в это время из комнаты стариков раздается голос Акулины Ивановны.)

Акулина Ивановна. Таня!

Татьяна (*останавливается, нетерпеливо поводя плечами*). Что?

Акулина Ивановна (*в двери*). Подь-ка сюда! (*Почти шёпотом*.) Что, Петруша-то опять к той пошел?

Татьяна. Да... и я иду...

Акулина Ивановна. Ах ты горе наше горькое, а? Завертит она, егоза, Петю! Уж я чувствую!.. Ты бы хоть поговорила ему. Поговорила бы: братец, мол, отстранись! Не пара, мол, она тебе... сказала бы ты ему! Ведь у ней и денег-то всего-навсего три тыщи, да мужнина пенсия... я знаю!

Татьяна. Мамаша, оставьте это! Елена совсем не обращает внимания на Петра...

Акулина Ивановна. Нарочно это! Нарочно! Она, шельма, разжигает его!.. Показывает только видимость такую, что-де ты мне не интересен... а сама следит за ним, как кошка за чижом...

Татьяна. Ах!.. да что мне! Мне-то что? Говорите сами... оставьте меня! Поймите,— я устала!

Акулина Ивановна. Да ты не сейчас поговори с ним... Ты поди, ляг, отдохни...

Татьяна (*почти кричит*). Мне негде отдохнуть! Я навсегда устала... навсегда! Понимаете? На всю жизнь... от вас устала... от всего! (*Быстро уходит в сени. Акулина Ивановна делает движение к дочери, как бы желая остановить ее, но, всплеснув руками, остается на месте, недоумело раскрыв рот.*)

Бессеменов (*выглядывая из двери*). Опять схватка?

Акулина Ивановна (*встрепенувшись*). Нет, ничего... это так...

Бессеменов. Что так? Надерзила она тебе?

Акулина Ивановна (*торопливо*). Нет, ничего, что ты это? Я ей говорю... обедать, мол, пора! А она говорит — не хочу! Я говорю — как не хочешь? А она...

Бессеменов. Завралась ты, мать!

Акулина Ивановна. Правое слово!

Бессеменов. И сколько ты, ради их, врешь

предо мной! Взгляни-ко мне в глаза-то... Не можешь... эх ты! *(Акулина Ивановна стоит пред мужем, понуря голову, молча. Он тоже молчит, задумчиво поглаживая бороду. Потом, вздохнув, говорит.)* Нет, зря все-таки разгородились мы от них образованием-то...

Акулина Ивановна *(тихо)*. Полно, отец! Теперь и простые-то люди тоже не лучше...

Бессеменов. Никогда не надо детям давать больше того, сколько сам имеешь... И всего мне тяжелее, что не вижу я в них... никакого характера... ничего эдакого... крепкого... Ведь в каждом человеке должно быть что-нибудь свое... а они какие-то... ровно бы без лиц! Вот Нил... он дерзок... он — разбойник. Но — человек с лицом! Опасный... но его можно понять... Э-эхе-хе!.. Я вот, в молодости, церковное пение любил... грибы собирать любил... А что Петр любит?

Акулина Ивановна *(робко, со вздохом)*. К постоялке ушел...

Бессеменов. Ну вот!.. погоди же! — Я ее... ущемлю! *(Входит Тетерев, заспанный и мрачный более, чем всегда. В руке — бутылка водки и рюмка.)* Терентий Хрисанфович! Опять разрешил?

Тетерев. Вчера, после всеобщей...

Бессеменов. С чего это?..

Тетерев. Без причины. Обедать скоро?

Акулина Ивановна. Сейчас накрою... *(Начинает хлопотать.)*

Бессеменов. Эхма, Терентий Хрисанфович, умный ты человек... а вот губит тебя водочка!..

Тетерев. Почтенный мещанин, — ты врешь! Меня губит не водка, а сила моя... Избыток силы — вот моя гибель...

Бессеменов. Ну, сила лишней не бывает...

Тетерев. Опять врешь! Теперь сила — не нужна. Нужна ловкость, хитрость... нужна змеиная гибкость. *(Засучивая рукав, показывает кулак.)* Гляди, — если я этой штукой ударю по столу — разобью его вдребезги. С такими руками — нечего делать в жизни. Я могу колоть дрова, но мне трудно и смешно писать, например... Мне некуда девать силы. Я могу найти себе место по способностям только в балагане, на ярмарке,

где мог бы рвать железные цепи, поднимать гири... и прочее. Но я учился... И хорошо учился... за что и был изгнан из семинарии. Я учился и не хочу жить напоказ, не хочу, чтоб ты, придя в балаган, любовался мною со спокойным удовольствием. Я желаю, чтобы все смотрели на меня с беспокойным неудовольствием...

Бессеменов. Злой ты...

Тетерев. Скоты такой величины, как я, не бывают злыми, — ты не знаешь зоологии. Природа — хитра. Ибо, если к силе моей прибавить злобу, — куда бежишь ты от меня?

Бессеменов. Мне бежать некуда... я в своем доме.

Акулина Ивановна. Ты бы молчал, отец.

Тетерев. Верно! Ты в своем доме. Вся жизнь — твой дом, твое строение. И оттого — мне негде жить, мещанин!

Бессеменов. Живешь ты зря... ни к чему. Но ежели бы захотел...

Тетерев. Не хочу захотеть, ибо — противно мне. Мне благороднее пьянствовать и погибать, чем жить и работать на тебя и подобных тебе. Можешь ли ты, мещанин, представить себе меня трезвым, прилично одетым и говорящим с тобою рабым языком слуги твоего? Нет, не можешь... *(Поля входит и при виде Тетерева пятится назад. Он, заметив ее, широко улыбается и, кивая головой, говорит, протягивая ей руку.)* Здравствуйте и не бойтесь... Я ничего не скажу вам больше... ибо всё знаю!

Поля *(смущенно)*. Что?.. ничего вы не можете знать...

Акулина Ивановна. А, пришла! Ну-ка, иди-ка, скажи Степаниде, чтобы щи несла...

Бессеменов. Пора... *(К Тетереву.)* Люблю я слушать, как ты рассуждаешь... Особенно про себя самого хорошо выходит у тебя. Так вот — глядишь на тебя, страшен ты! А начнешь ты мысли-то свои высказывать, я и чувствую твою слабость... *(Довольно и тихо смеется.)*

Тетерев. И ты нравишься мне. Ибо ты в меру — умен и в меру — глуп; в меру — добр и в меру — зол;

в меру честен и подл, труслив и храбр... ты образцовый мещанин! Ты законченно воплотил в себе пошлость... ту силу, которая побеждает даже героев и живет, живет и торжествует... Давай, выпьем перед щами, почтенный крот!

Б е с с е м е н о в. Принесут — выпьем. Но, между прочим, зачем ты ругаешься?.. Без причины не надо обижать людей... Надо рассуждать кротко, складно, чтобы слушать тебя было занятно... а если ты будешь людей задевать словами — никто не услышит тебя, а кто услышит — дурак будет!

Н и л *(входя)*. Поля пришла?

Т е т е р е в *(ухмыляясь)*. Пришла...

А к у л и н а И в а н о в н а. А тебе ее на что?

Н и л *(не отвечая ей, Тетереву)*. Эге-э! Разрешил? Опять? Часто же начал ты...

Т е т е р е в. Лучше пить водку, чем кровь людей... тем паче, что кровь теперешних людей — жидка, скверна и безвкусна... Здоровой, вкусной крови осталось мало, — всю высосали...

(Поля и Степанида. Степанида несет миску. Поля — тарелку с мясом.)

Н и л *(подходя к Поле)*. Здравствуй! Готов ответ?

П о л я *(вполголоса)*. Не сейчас же... при всех...

Н и л. Вот важность! Чего бояться?

Б е с с е м е н о в. Кому?

Н и л. Мне... и вот ей...

А к у л и н а И в а н о в н а. Что такое?

Б е с с е м е н о в. Не понимаю...

Т е т е р е в *(усмехаясь)*. А я — понимаю... *(Наливает водки и пьет.)*

Б е с с е м е н о в. В чем дело? Ты чего, Палагея?

П о л я *(смущенная, тихо)*. Ничего...

Н и л *(усаживаясь за стол)*. Секрет... Тайна!

Б е с с е м е н о в. А коли тайна — говорите где-нибудь в углу, а не при людях. То есть это, я скажу, насмешка какая-то... хоть беги из дома! Какие-то знаки, недомолвки, заговоры... А ты сиди дураком и хлопай глазами... Я тебя, Нил, спрашиваю — кто я тебе?

Акулина Ивановна. Уж что это, Нил, право...

Нил *(спокойно)*. Вы мне приемный отец... Но сердиться и поднимать истории не следует... Ничего особенного не случилось...

Поля *(вставая со стула, на который только что села)*. Нил... Васильевич сделал... сказал мне... вчера вечером... спросил...

Бессеменов. Что спросил?.. Ну?

Нил *(спокойно)*. Вы не пугайте ее... Я спросил ее — не хочет ли она выйти за меня замуж...

(Бессеменов удивленно смотрит на него и Полю, держа в воздухе ложку. Акулина Ивановна тоже замерла на месте. Тетерев смотрит перед собой, тяжело моргая глазами. Кисть его руки, лежащей на колене, вздрагивает. Поля низко наклонила голову.)

Нил *(продолжает)*. А она сказала, что ответит мне сегодня... Ну, вот и всё...

Тетерев *(махая рукой)*. И очень... просто... и больше ничего...

Бессеменов. Та-ак... Действительно... очень просто! *(С горечью.)* И модно... по-новому! Впрочем — что уж тут!

Акулина Ивановна. Нехристь ты, нехристь! Отчаянная ты голова!.. Чай бы, с нами первоначально поговорить надо...

Нил *(с досадой)*. Вот дернуло меня за язык!

Бессеменов. Оставь, мать! Не наше дело! Ешь и молчи. И я буду молчать...

Тетерев *(хмелея)*. А я буду говорить... А впрочем, и я пока молчу...

Бессеменов. Да... Лучше всем молчать. Но все-таки, Нил... не торопато благодаришь ты меня за мою хлеб-соль... Исподтишка живешь...

Нил. За хлеб-соль вашу я платил трудом и впредь платить буду, а воле вашей подчиняться не могу. Вы вон хотели женить меня на дуре Седовой, потому только, что за нею десять тысяч приданого. На что мне ее нужно? А Полю я люблю... Давно люблю и ни от кого это не скрывал. Всегда я жил открыто и всегда буду так жить. Укорять меня не в чем, обижаться на меня не за что.

М. ГОРЬКИЙ СРЕДИ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ПЬЕСЫ «МЕЩАНЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ. 1902 Г.

Бессеменов *(сдержанно)*. Так, так! Очень хорошо... Ну что ж? Женитесь. Мы вам не помеха. Только на какие же капиталы жить-то будете? Коли не секрет — скажите.

Нил. Работать будем. Я перевожусь в депо... А она... у нее тоже дело будет. Вы по-прежнему будете получать с меня тридцать рублей в месяц.

Бессеменов. Поглядим. Посулы легки...

Нил. Вексель возьмите с меня...

Тетерев. Мещанин! Возьми с него вексель! Возьми!

Бессеменов. Вас в это дело не просят мешаться...

Акулина Ивановна. Тоже... советчик какой!

Тетерев. Нет, ты возьми! Не возьмешь ведь — совесть коротка, не посмеешь... Нил, дай ему подписку: обязуюсь, мол, ежемесячно...

Бессеменов. Я могу и подписку взять... есть за что, так я думаю. С десяти лет кормил, поил, обувал, одевал... до двадцати семи... Н-да...

Нил. Не лучше ли нам после считаться, не сейчас?

Бессеменов. Можно и после. *(Вдруг вскипая.)* Ну, только помни, Нил, — отныне ты мне... и я тебе — враги! Обиды этой я не прощу, не могу! Знай!

Нил. Да какая обида? В чем обида? Ведь не ожидали же вы, что я на вас женюсь?

Бессеменов *(кричит, не слушая)*. Помни! Издеваться над тем, кто тебя кормил, поил... без спроса... без совета... тайно... Ты! Смирная! Тихая! Что понурилась? А! Молчишь? А знаешь, что я могу тебя...

Нил *(вставая со стула)*. Ничего вы не можете! Будет шуметь! В этом доме я тоже хозяин. Я десять лет работал и заработок вам отдавал. Здесь, вот тут *(топает ногой в пол и широким жестом руки указывает кругом себя)* вложено мною не мало! Хозяин тот, кто трудится...

(Во время речи Нила Поля встает и уходит. В дверях ей встречаются Петр и Татьяна. Петр, заглянув в комнату, скрывается. Татьяна стоит в дверях, держась за косяк.)

Бессеменов (ошеломленно таращит глаза на Нилу). Ка-ак? Хозяин? Ты?

Акулина Ивановна. Уйдем, отец! Уйдем... пожалуйста, уйдем! (Грозя кулаком Нилу.) Ну, Нилка! Ну, уж... погоди! (Со слезами.) Уж погоди... дождешься!

Нил (настойчиво). Да, хозяин тот, кто трудится... Запомните-ка это!

Акулина Ивановна (тащит за собой мужа). Идем, старик! И-идем! Бог с ними!.. Не говори, не кричи! Кто нас услышит?

Бессеменов (уступая усилиям жены). Ну, хорошо! Оставайся... хозяин! Поглядим... кто хозяин! Увидим!

(Уходит к себе. Нил взволнованно рассказывает по комнате. Где-то на улице, далеко, играет шарманка.)

Нил. Вот заварил кашу! И чёрт меня дернул спросить ее... Дурак! То есть, положительно не могу я ничего скрыть... лезет всё наружу помимо воли! Ах ты...

Тетерев. Ничего! Сцена очень интересная. Я слушал и смотрел с удовольствием. Очень недурно, очень! Не волнуйся, брат! У тебя есть способности... ты можешь играть героические роли. В данный момент герой нужен... поверь мне! В наше время все люди должны быть делимы на героев, т. е. дураков, и на подлецов, т. е. людей умных...

Нил. Чего ради заставил я Полю пережить такую... гадость?.. Испугалась... нет, она не пуглива! Обиделась, наверно... тьфу!

(Татьяна, всё еще стоя в дверях, при имени Поли делает движение. Звуки шарманки умолкают.)

Тетерев. Людей очень удобно делить на дураков и мерзавцев. Мерзавцев — тьмы! Они живут, брат, умом звериным, они верят только в правду силы... не моей силы, не этой вот, заключенной в груди и руке моей, а в силу хитрости... Хитрость — ум зверя.

Нил (не слушая). Теперь придется ускорить свадьбу... Ну, и ускорим... Да, она еще не ответила мне. Но я знаю, что она скажет... милая моя девчушка!..

Как ненавижу я этого человека... этот дом... всю жизнь эту... гнилую жизнь! Здесь все... какие-то уроды! Никто не чувствует, что жизнь испорчена ими, низведена к пустякам... что из нее они делают себе темницу, каторгу, несчастье... Как они ухитряются делать это? Не понимаю! Но — ненавижу людей, которые портят жизнь...

(Татьяна делает шаг вперед, останавливается. Потом неслышно идет к сундуку и садится на него, в углу. Она согнулась, стала маленькой и еще более жалкой.)

Т е т е р е в. Жизнь украшают дураки. Дураков — немного. Они всё ищут чего-то, что не им нужно, не только им одним... Они любят выдумывать проспекты всеобщего счастья и тому подобной ерунды. Хотят найти начала и концы всего сущего. Вообще — делают глупости...

Н и л *(задумчиво)*. Да, глупости! На это я мастер... Ну, она потрезвее меня... Она — тоже любит жизнь... такой внимательной, спокойной любовью... Знаешь, мы с ней великолепно будем жить! Мы оба — смелые... и если захотим чего, — достанем! Да, мы с ней достанем... Она какая-то... новорожденная... *(Смеется.)* Мы с ней прекрасно будем жить!

Т е т е р е в. Дурак может всю жизнь думать о том, почему стекло прозрачно, а мерзавец просто делает из стекла бутылку...

(Вновь играет шарманка уже близко, почти под окнами.)

Н и л. Ну, ты всё о бутылках!

Т е т е р е в. Нет, я о дураках. Дурак спрашивает себя — где огонь, пока он не зажжен, куда девается, когда угасает? А мерзавец сидит у огня, и ему тепло...

Н и л *(задумчиво)*. Да-а... тепло...

Т е т е р е в. В сущности — они оба глупы. Но — один глуп красиво, геройски, другой — тупо, нищенски глуп. И оба они, хотя разными дорогами, но приходят в одно место — в могилу, только в могилу, друг мой... *(Хочет. Татьяна тихо качает головой.)*

Н и л *(Тетереву)*. Ты чего?

Т е т е р е в. Смеюсь... Оставшиеся в живых дураки смотрят на умершего собрата и спрашивают себя — где он? А мерзавцы просто наследуют имущество покойного и продолжают жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь удобную... *(Хочочет.)*

Н и л. Однако ты здорово напился... Шел бы к себе, а?

Т е т е р е в. Укажи — где это?

Н и л. Ну, не дури! Хочешь, отведу?

Т е т е р е в. Меня, брат, не отведешь. Я не состою в родстве ни с обвиняемыми... ни с потерпевшими. Я — сам по себе. Я — вещественное доказательство преступления! Жизнь испорчена! Она — скверно спита... Не по росту порядочных людей сделана жизнь, говорю я. Мещане сузили, окоротили ее, сделали тесной... и вот я есмь вещественное доказательство того, что человеку негде, нечем, незачем жить...

Н и л. Ну, иди же, иди!

Т е т е р е в. Оставь меня! Ты думаешь, я могу упасть? Я уже упал, чудак ты! Давно-о! Я, впрочем, думал было подняться, но прошел мимо ты и, не заметив, не нарочно, вновь толкнул меня! Ничего, иди себе! Иди, я не жалуюсь... Ты — здоров и достоин идти, куда хочешь, так, как хочешь... Я, падший, провождаю тебя взглядом одобрения — иди!

Н и л. Что ты болтаешь? Интересно что-то... но непонятно...

Т е т е р е в. И не понимай! Не надо! Некоторые вещи лучше не понимать, ибо понимать их бесполезно... Ты иди, иди!

Н и л. Ну, хорошо, я ухожу. *(Уходит в сени, не замечая Татьяну, прижавшуюся в углу.)*

Т е т е р е в *(кланяясь вслед ему)*. Желаю счастья, грабитель! Ты незаметно для себя отнял мою последнюю надежду и... чёрт с ней! *(Идет к столу, где оставил бутылку, и замечает в углу комнаты фигуру Татьяны.)* Это-о кто, собственно говоря?

Т а т ь я н а *(тихо)*. Это я...

(Звуки шарманки сразу обрываются.)

Тетерев. Вы? Мм... а я думал, мне почудилось...

Татьяна. Нет, это я...

Тетерев. Понимаю... Но — почему вы? Почему вы тут?

Татьяна (*негромко, но ясно, отчетливо*). Потому что мне негде, нечем, незачем жить... (*Тетерев молча идет к ней тихими шагами.*) Я не знаю, отчего я так устала и так тоскливо мне... но, понимаете, до ужаса тоскливо! Мне только двадцать восемь лет... мне стыдно, уверяю вас, мне очень стыдно чувствовать себя так... такой слабой, ничтожной... Внутри у меня, в сердце моем, — пустота... всё высохло, сгорело, я это чувствую, и мне больно от этого... Как-то незаметно случилось это... незаметно для меня в груди выросла пустота... Зачем я говорю вам это?..

Тетерев. Не понимаю... Сильно пьян... Совсем не понимаю...

Татьяна. Никто не говорит со мной, как я хочу... как мне хотелось бы... Я надеялась, что он... заговорит... Долго ожидала я, молча... А эта жизнь... ссоры, пошлость, мелочи... теснота... всё это раздавило меня тою порой... Потихоньку, незаметно раздавило... Нет сил жить... и даже отчаяние мое бессильно... Мне страшно стало... сейчас вот... вдруг... мне страшно...

Тетерев (*качая головой, отходит от нее к двери и, отворив дверь, говорит, тяжело ворочая языком*). Проклятие дому сему!.. И больше ничего...

(Татьяна медленно идет в свою комнату. Минута пустоты и тишины. Быстро, неслышными шагами входит Поля и за нею Нил. Они без слов проходят к окнам, и там, схватив Полю за руку, Нил вполголоса говорит.)

Нил. Ты прости меня за давешнее... это вышло глупо и скверно... но я не умею молчать, когда хочу говорить!

Поля (*почти шёпотом*). Всё равно... теперь всё равно! Что уж мне все они? Всё равно...

Нил. Я знаю — ты меня любишь... я вижу... я не спрашиваю тебя. Ты — смешная! Вчера сказала: от-

вечу завтра, мне надо подумать! Вот смешная! О чем думать — ведь любишь?

П о л я. Ну да, ну да... давно уж!..

(Татьяна крадется из двери своей комнаты, встает за занавесом и слушает.)

Н и л. Мы славно будем жить, увидишь! Ты — такой милый товарищ... нужды ты не побоишься... горе — одолеешь...

П о л я *(просто)*. С тобой — чего же бояться? Да я и так — одна не робкая... я только смиренная...

Н и л. И ты упрямая... сильная, не согнешься... Ну, вот... рад я... Ведь знал, что всё так будет, а рад... страшно!

П о л я. Я тоже знала всё вперед...

Н и л. Ну? Знала? Это хорошо... Эх, хорошо жить на свете! Ведь хорошо?

П о л я. Хорошо... милый ты мой друг... славный ты мой человек...

Н и л. Как ты это говоришь... вот великолепно сказала!

П о л я. Ну, не хвали... Надо идти... надо идти... придет кто-нибудь...

Н и л. А пускай их!..

П о л я. Нет, надо!.. Ну... поцелуй еще!.. *(Вырвавшись из рук Нила, она пробегает мимо Татьяны, не замечая ее. А Нил, идя за ней с улыбкой на лице, увидел Татьяну и остановился пред ней, пораженный ее присутствием и возмущенный. Она тоже молчит, глядя на него мертвыми глазами, с кривой улыбкой на лице.)*

Н и л *(презрительно)*. Подслушивала? Подглядывала? Э-эх ты!.. *(Быстро уходит. Татьяна стоит неподвижно, как окаменелая. Уходя, Нил оставляет дверь в сени открытой, и в комнату вносится суровый окрик старика Бессеменова: «Степанида! Кто угли рассыпал? Не видишь? Подбери!»)*

З а н а в е с

АКТ ТРЕТИЙ

Та же комната.

Утро. Степанида стирает с мебели пыль.

Акулина Ивановна (*моет чайную посуду и говорит*). Говядина-то сегодня не жирна, так ты сделай вот что: от вчерашнего жаркого сало должно остаться, — ты его запусти во щи... они и покажут себя жирными... Слышишь?

Степанида. Слышу...

Акулина Ивановна. А телятину будешь жарить — масла-то много не вали в плошку... в середу пять фунтов я купила, а вчера, смотрю, уж и фунта не осталось...

Степанида. Стало быть — вышло...

Акулина Ивановна. Знаю, что вышло... Вот у тебя его в голове-то сколько... как у мужика дегтя в мазнице...

Степанида. Нешто вы по духу не слышите, что я деревянным из лампадки мажусь?

Акулина Ивановна. Ну, ладно уж... (*Пауза.*) Куда тебя утром Татьяна-то посылала?

Степанида. В аптеку... За спиртом нашатырным... Поди, говорит, купи мне на двадцать копеек нашатырного спирту...

Акулина Ивановна. Видно, голова болит... (*Вздыхая.*) То и дело хворает она у нас...

Степанида. Замуж бы выдали... Оздоровела бы сразу, небойсь...

Акулина Ивановна. Не больно-то легко нынче замуж выдать девицу... а образованную-то... еще труднее...

Степанида. Приданое хорошее дадите, и образованную кто-нибудь возьмет...

(Петр выглядывает из своей комнаты и скрывается.)

Акулина Ивановна. Не увидят мои глазыньки этой радости... Не хочет Таня замуж выходить...

Степанида. Где уж, чай, не хотеть... в ее-то летах?

Акулина Ивановна. Э-эхе-хе... Кто вчера у верхней-то постоялки в гостях был?

Степанида. Учитель этот... рыжий-то.

Акулина Ивановна. Это у которого жена сбежала?..

Степанида. Ну, ну, он! Да акцизный... такой... худущий да желтый с лица-то...

Акулина Ивановна. Знаю! На племяннице Пименова купца женат... чахоточный он, слышь...

Степанида. Ишь ты... Оно и видать...

Акулина Ивановна. Певчий наш был?

Степанида. И певчий, и Петр Васильич... Песни орал певчий-то... часов до двух орал... вроде как бык ревел...

Акулина Ивановна. Петя-то когда воротился?

Степанида. Да светало уж, как дверь-то я ему отперла...

Акулина Ивановна. Охо-хо...

Петр *(входит)*. Ну, Степанида, возись скорее и уходи...

Степанида. Сейчас... Я сама рада скорее-то...

Петр. А рада — так больше делай да меньше разговаривай... *(Степанида фыркает и уходит.)* Мама! Я вас не однажды просил поменьше разговаривать с ней... Ведь это же нехорошо, — поймите вы, наконец! — вступать в интимные беседы с кухаркой... и выспрашивать у нее... разные разности! Нехорошо!

Акулина Ивановна *(обиженно)*. Что же, у тебя прикажешь спрашиваться, с кем говорить мне можно? Ты своей беседой меня с отцом не жалуешь, так позволь хоть со слугой-то слово сказать...

Петр. Да поймите же, что она вам не пара! Ведь, кроме сплетни какой-нибудь, вы от нее ничего не услышите!

Акулина Ивановна. А от тебя что я слышала? Полгода ты живешь дома-то, а ни разу с матерью своей родной часу не просидел вместе... ничего-то не рассказал ей... и что в Москве и как...

Петр. Ну, послушайте...

Акулина Ивановна. А заговоришь когда,— одни огорчения от тебя... То — не так, это — не эдак... мать родную, как девочку, учить начнешь, да укорять, да насмеяться... *(Петр, махнув рукой, быстро уходит в сени. Акулина Ивановна вслед ему.)* Ишь, вот сколько наговорил!.. *(Оттирает глаза концом передника и всхлипывает.)*

Перчихин *(входит. Он в рваной куртке, из дыр ее торчит грязная вата, подпоясан веревкой, в лаптях и меховой шапке)*. Ты чего куксишься? Али Петруха обидел? Чего-то он мимо меня, как стриж, вильнул... даже здравствуй не сказал. Поля — здесь?

Акулина Ивановна *(вздыхая)*. В кухне, капусту шинкует...

Перчихин. Вот у птиц — хорош порядок! Оперился птенец — лети на все четыре стороны... никакой ему муштровки от отца с матерью нет... Чайку тут мне не осталось?

Акулина Ивановна. Ты, видно, тоже птичьих порядков придерживаешься в своем-то быту?

Перчихин. Вот именно, это самое! И хорошо ведь! Ничего у меня нет, никому я не мешаю... вроде как не на земле, а на воздухе живу.

Акулина Ивановна *(презрительно)*. И никакого уваженья от людей не имеешь. На, пей... холодный только чай-то... да и жидковат немно-го...

Перчихин *(поднимая стакан на свет)*. Не густо... ну, спасибо, хоть не пусто! В густом-то еще,

пожалуй, увязнешь... А что до уважения, так сделайте милость, не уважайте... Я сам никого не уважаю...

Акулина Ивановна. А кому оно, уважение твое, нужно? Никому...

Перчихин. И отличное дело!.. Я так замечаю, что люди, которые на земле свой кус хлеба берут, — друг у друга изо рта его дерут. А я получаю пищу из воздуха... от небесных птиц кормлюсь... мое дело чистенькое!

Акулина Ивановна. Ну, а свадьба — скоро?

Перчихин. Чья? Моя, что ли? Так еще та кукушка, которая за меня бы замуж пошла, — в здешние леса не прилетала, шельма! Пожалуй, совсем опоздает... не дождалшись — помру...

Акулина Ивановна. Ты не болтай пустяков, а прямо говори — когда венчаешь?

Перчихин. Кого?

Акулина Ивановна. Дочь! Будто не знает, ишь!

Перчихин. Дочь? Когда захочет, обвенчаю... коли будет с кем венчать...

Акулина Ивановна. Давно ли это у них затеялось?

Перчихин. Что? У кого?

Акулина Ивановна. Да не ломай паяцато! Ведь сказала же она хоть тебе-то...

Перчихин. Про что?

Акулина Ивановна. Про свадьбу...

Перчихин. Это про чью?

Акулина Ивановна. Тыфу тебе! Старик уж ведь, стыдился бы юродствовать-то!

Перчихин. Ты погоди! Ты не серчай... а скажи просто — в чем суть дела?

Акулина Ивановна. Говорить-то с тобой охоты нет...

Перчихин. А ты говоришь... да еще сколько времени говоришь и всё без толку...

Акулина Ивановна *(сухо, с завистью)*. Когда Палагею с Нилом венчать будешь?

Перчихин *(вскакивая, изумленный)*. Что-о? С Нилом... ну-у?

Акулина Ивановна. Неужто вправду она тебе не говорила? Ну, люди пошли!.. Отцу родному...

Перчихин *(радостно)*. Да что ты? Да шутишь? Нил? Ах, раздуй их горой! В сам-деле? Ах, черти! Ай да Полька! Это уж целая кадфель, а не полька... Нет, ты не врешь? Ну-у, ловко! А я так расположил в уме, что Нил на Татьяне женится... Правое слово! Такая видимость была, что как бы на Татьяне...

Акулина Ивановна *(обиженно)*. Еще кто бы за него выдал Татьяну! Очень нам нужно... такого отбойного...

Перчихин. Нила-то очень нужно? Что ты! Да я бы... да будь у меня десять дочерей, я бы, закрыв глаза, всех ему отдал! Нил? Да он... он сто человек один прокормит! Нил-то? Ха-ха!

Акулина Ивановна *(с иронией)*. Смотрю я,— тесть у него хорош будет! Оч-чень приятен!

Перчихин. Тесть? Вона! Не захочет этот тесть никому на шею сесть... их ты! На камаринского меня даже подбивает с радости... Да я теперь — совсем свободный мальчик! Теперь я — так заживу-у! Никто меня и не увидит... Прямо в лес — и пропал Перчихин! Ну, Поля! Я, бывало, думал, дочь... как жить будет? и было мне пред ней даже совестно... родить — родил, а больше ничего и не могу!.. А теперь... теперь я... куда хочу уйду! Жар-птицу ловить уйду, за самые за тридцать земель!

Акулина Ивановна. Как же уйдешь ты! От счастья не уходят...

Перчихин. Счастье? Мое счастье в том и состоит, чтобы уходить... А Полька будет счастлива... она будет! С Нилом-то? Здоровый, веселый, простой... У меня даже мозги в голове пляшут... а в сердце — жаворонки поют! Ну,— везет мне! *(Притопывая.)* Поля Нила подцепила, она мило поступила... Их ты! Люли-малина!

Бессеменов *(входит. Он в пальто, в руке картуз)*. Опять пьян!

Перчихин. С радости! Слышал? Палагея-то? *(Радостно смеется.)* За Нила выходит! а? Здорово, а?

Бессеменов *(холодно и жестко)*. Нас это не касается... Мы свое получим...

Перчихин. А я всё думал, что Нил на Татьяне намерен жениться...

Бессеменов. Что-с?

Перчихин. Правое слово! Потому видимо было, что Татьяна не прочь... и глядела она на него так... эдак, знаешь... ну, как следует, и вообще... и всё прочее... а? Вдруг...

Бессеменов *(спокойно и злобно)*. Вот что я тебе скажу, милый... Ты хоть и дурак, но должен понимать, что про девицу говорить такие подлые слова не позволено. Это — раз! *(Постепенно повышая голос.)* Засим: на кого и как глядела твоя дочь и кто как на нее глядел и что она за девица, — я не говорю, а только скажу одно: ежели она выходит за Нила — туда ей и дорога! Потому обоим им — цена грош, и хоть оба они мне обязаны очень многим, но я отныне на них плюю! Это — два! Ну-с, а теперь вот что: хоша мы с тобой и дальние родственники, но, однако, погляди на себя — что ты такое? Золоторотец. И скажи мне — кто это тебе разрешил прийти ко мне в чистую горницу в таком драном виде... в лаптищах и во всем этом уборе?

Перчихин. Что ты? Василий Васильич, — что ты, брат? Да разве я в первый раз эдак-то...

Бессеменов. Не считал разов и не хочу считать. Но вижу одно — коли ты так являешься, значит, уважения к хозяину дома у тебя нет. Опять говорю: кто ты? Нищий, шантрапа, рвань коричневая... слышал? Это — три! И — пошел вон!

Перчихин *(ошеломленный)*. Василий Васильич! За что? За какое...

Бессеменов. Вон! Не финти...

Перчихин. Опомнись! Я ни в чем пред тобой...

Бессеменов. Ну?! Ступай... а то...

Перчихин *(уходя, с укором и сожалением)*. Эх, старик! Ну, и жаль мне тебя! Прощай!

(Бессеменов, выпрямившись, молча, твердыми, тяжёлыми шагами ходит по комнате, суровый, мрачный. Акулина Ивановна моет посуду, боязливо следя за мужем, руки у нее трясутся, губы что-то шепчут.)

Бессеменов. Ты чего шипишь? Колдуешь, что ли?..

Акулина Ивановна. Я молитву... молитву, отец...

Бессеменов. Знаешь... не быть мне головой! Вижу,— не быть... Подлецы!

Акулина Ивановна. Ну что ты? Ай, батюшки... а? Да почему? Да еще, может быть...

Бессеменов. Что — может быть? Федька Досекин, слесарного цеха старшина, в головы метит... Мальчишка! Щенок!

Акулина Ивановна. Да еще, может, не выберут его... ты не кручинься...

Бессеменов. Выберут... видно по всему... Прихожу я, сидит он в управе... Слышу — поет, разливаётся — жизнь, говорит, трудная, надо, говорит, друг за друга держаться... всё, говорит, сообща делать... артели, говорит... Теперь, дескать, всё фабрика... ремесленникам жить нельзя врозь. Я говорю: жида всему причина! Жидов надо ограничить! Губернатору, говорю, жалобу на них — ходу русским не дают, и просить его, чтобы выселил жидов. *(Татьяна тихо отворяет дверь и бесшумно, пошатываясь, проходит в свою комнату.)* А он это с улыбочкой такой и спрашивает: а куда девать тех русских, которые хуже жидов? И начал разными осторожными словами на меня намекать... Я будто не понимаю, но, однако, чувствую, куда он метит... мерзавец! Послушал — отошел прочь... Погоди, думаю, я тебе насолю... А тут Михайло Крюков, печник, подошел ко мне... знаешь, говорит, а головой-то, пожалуй, Досекину быть... и глядит вбок, конфузится... Хотел я сказать ему — ах ты, Иуда косоглазый...

Елена *(входит)*. Здравствуйте, Василий Васильевич! Здравствуйте, Акулина Ивановна...

Бессеменов *(сухо)*. А... вы-с? Пожалуйте... что скажете?

Е л е н а. Да вот — деньги за квартиру принесла...

Б е с с е м е н о в *(более любезно)*. Доброе дело... сколько тут? Четвертная... Причитается мне еще с вас получить за два стекла в коридорном окне сорок копеек, да за петлю у двери в дровянике... кухарка ваша сломала... ну, хоть двадцать копеек...

Е л е н а *(усмехаясь)*. Какой вы... аккуратный! Извольте... у меня нет мелких... вот — три рубля...

А к у л и н а И в а н о в н а. Углей мешок вы брали... кухарка ваша.

Б е с с е м е н о в. Сколько за угли?

А к у л и н а И в а н о в н а. За угли — тридцать пять...

Б е с с е м е н о в. И всего — девяносто пять... Два с пятаком сдачи... пожалуйста! А насчет аккуратности, милая барыня, вы сказали справедливо. Аккуратностью весь свет держится... Само солнце восходит и заходит аккуратно, так, как положено ему от века... а уж ежели в небесах порядок, то на земле — тем паче быть должно... Да вот и сами вы — как срок настал, так и деньги несете...

Е л е н а. Я не люблю быть в долгу...

Б е с с е м е н о в. Распрекрасное дело! Зато всяк вам и доверит...

Е л е н а. Ну, до свиданья! Мне надо идти...

Б е с с е м е н о в. Наше почтение. *(Смотрит вслед ей и потом говорит.)* Хороша, шельма! Но всё же, однако, с превеликим удовольствием турнул бы я ее долой с квартиры...

А к у л и н а И в а н о в н а. Хорошо бы это, отец...

Б е с с е м е н о в. Ну, положим... Пока она тут... мы можем следить. А съедет, — Петрушка к ней шляться начнет тогда, за нашими-го глазами она его скорее может обойти... Надо принять в расчет и то, что деньги она платит аккуратно... и за всякую порчу в квартире бессловесно возмещает... н-да! Петр... конечно, опасно... даже очень...

А к у л и н а И в а н о в н а. Может, он жениться и не думает на ней... а просто так...

Б е с с е м е н о в. Кабы знать, что так... то и говорить нам не о чем и беспокоиться не надо. Всё равно,

чем в публичные дома таскаться,— тут прямо под боком... и даже лучше... (*Из комнаты Татьяны раздается хриплый стон.*)

Акулина Ивановна (*тихо*). А?

Бессеменов (*так же*). Что это?

Акулина Ивановна (*она говорит тихо, беспокойно озирается, как бы прислушиваясь к чему-то*). В сенях будто...

Бессеменов (*громко*). Кошка, должно быть...

Акулина Ивановна (*перешитительно*). Знаешь, отец... хочу я тебе сказать...

Бессеменов. Ну, говори...

Акулина Ивановна. Не больно ли ты строго с Перчихиным-то поступил? Он ведь безобидный...

Бессеменов. А безобидный, так и не обидится... если же обидится,— потеря нам не велика... знакомство с ним — честь не дорогая... (*Стон повторяется громче.*) Кто это? Мать...

Акулина Ивановна (*суетясь*). Не знаю я... право... что это...

Бессеменов (*бросаясь в комнату Петра*). Тут, что ли? Петр!

Акулина Ивановна (*бежит за ним в ужасе*). Петя! Петя... Петя...

Татьяна (*хрипло кричит*). Спасите... мама... спасите... спасите!.. (*Бессеменов и Акулина Ивановна выбегают из комнаты Петра и бегут на крик молча, у двери в комнату они на секунду останавливаются, как бы не решаясь войти, и затем бросаются в дверь оба вместе. Навстречу им несутся крики Татьяны.*) Горит... о-о! Больно... пить! Дайте пить!.. спасите!..

Акулина Ивановна (*выбегая из комнаты, растворяет дверь в сени и кричит*). Батюшки! Милосердные... Петя... (*В комнате Татьяны слышен глухой голос Бессеменова: «Что ты... доченька... что ты... что с тобой... доченька?»*)

Татьяна. Воды... Умираю... Горит всё... о боже!

Акулина Ивановна. Идите... сюда идите, батюшки...

Бессеменов (из комнаты). Беги, зови... доктора...

Петр (вбегает). Что такое? Что вы?

Акулина Ивановна (схватывает его за руку, задыхаясь). Таня... умирает...

Петр (вырываясь). Пустите... пустите...

Тетерев (надевая по дороге пиджак). Горит, что ли?

Бессеменов. Доктора!.. Доктора зови, Петр... двадцать пять рублей давай!..

Петр (выскакивая из комнаты сестры, — Тетереву). Доктора! за доктором... Скажите — отравилась... женщина... девушка... нашатырный спирт... скорей! скорей!

(Тетерев бежит в сени.)

Степанида (вбегает). Батюшки мои... батюшки мои...

Татьяна. Петя... горю! Умираю!.. жить хочу! Жить... воды дайте!

Петр. Сколько ты приняла? Когда ты выпила? Говори...

Бессеменов. Доченька моя... Танечка...

Акулина Ивановна. Погубила себя, голубушка!

Петр. Мама, уйдите... Степанида, уведи ее... уйдите, говорят вам... (Елена пробегает в комнату Татьяны.) Уведите мать...

(Входит баба, останавливается у дверей, заглядывает в комнату и что-то шепчет.)

Елена (выводит Акулину Ивановну под руку и бормочет). Это ничего... это не опасно...

Акулина Ивановна. Голубушка моя! Доченька... чем я тебя обидела? Чем прогневала?

Елена. Это пройдет... вот доктор... он поможет... О, какое несчастье!

Баба (подхватывая Акулину Ивановну под другую руку). Не кручиньтесь, матушка! То ли бывает? Эх, болезная... Вон у купца Ситанова... лошадь кучера копытом в бок...

Акулина Ивановна. Милая ты моя... что я буду делать-то? Единственная моя... (Ее уводят.)

(В комнате Татьяны ее крики смешиваются с глухим голосом отца и нервыми, отрывистыми словами Петра. Гремит какая-то посуда, падает стул, скрипит железо кровати, мягко шлепается о пол подушка. Степанида несколько раз выбегает из комнаты, растрепанная, с открытым ртом и вытаращенными глазами, хватая из шкафа тарелки, чашки, что-то разбивает и снова скрывается. Из сеней заглядывают в дверь какие-то рожи, но никто не решается войти. Вскрикивает маляр-мальчишка и, взглянув в дверь к Татьяне, тотчас же возвращается назад, громким шёпотом сообщая: «Помирайт!» На дворе раздаются звуки шарманки, но тотчас же обрываются. Среди людей в сенях глухой говор: «Убил? Отец... Он ей говорил: эй, говорит, смотри у меня!.. По голове... Чем — не знаешь? Что врешь, — зарезалась она своей рукой...» Женский голос спрашивает: «Замужняя?» Кто-то громко с сожалением чмокает губами.)

Баба (выходит из комнаты стариков, проходя мимо стола, сует себе под платок булку и, подходя к двери, говорит). Тихе! Отходит!..

Мужской голос. Как имя?

Баба. Лизавета...

Женский голос. С чего это она?..

Баба. А, стало быть, еще в Успеньев день, сказал он ей — Лизавета, говорит...

(В толпе движение. Входят доктор и Тетерев. Доктор в шляпе и пальто проходит прямо в комнату Татьяны. Тетерев заглядывает в дверь и отходит прочь, змурый. Из комнаты Татьяны всё продолжают доноситься смешанный говор и стоны. Из комнаты стариков — вой Акулины Ивановны и ее крики: «Пусти меня! Пусти ты меня к ней!» В сенях — глухой шум голосов. Выделяются восклицания: «Серьезный человек... Это — певчий...

Н-ну? Ей-ей... от Ивана Предтечи».)

Тетерев (подходя к двери). Вы чего гут? Пошли прочь! Ну?

Баба *(тоже суется в дверь)*. Проходите, люди добрые... некасаемо это вас...

Тетерев. Ты кто такая? Тебе чего надо?..

Баба. Я, батюшка, овощью торгую... луком зеленым, огурчиками...

Тетерев. Тебе что нужно?

Баба. Я, батюшка, к Сеягиной шла... кума она мне...

Тетерев. Ну? Что же тебе тут нужно?

Баба. А мимо я иду... шум, слышу... думала, пожар...

Тетерев. Ну?

Баба. И зашла... На несчастье посмотреть зашла...

Тетерев. Ступай вон... Вы все! Вон из сеней!..

Степанида *(выбегая, Тетереву)*. Тащи ведро воды... тащи живо! *(В дверь высовывается седенький старичок с подвязанной щечкой и, подмигивая, говорит Тетереву: «Господин! Она у вас тут со стола булочку стащила...» Тетерев идет в сени, толкая людей вон из них, В сенях — топот, возня, визжит мальчишка: «Ай-ай!» Кто-то смеется, кто-то обиженно восклицает: «Потише-с!»)*

Тетерев *(невидимый)*. К чёрту! Марш!

Петр *(выглядывая из двери)*. Тише... *(Обращаясь в комнату.)* Иди, отец, иди к маме! Ну, иди же! *(Кричит в сени.)* Не пускайте никого!..

(Бессеменов выходит, качаясь на ногах. Садится на стул у стола, тупо смотрит перед собой. Потом встает и идет в свою комнату, откуда слышен голос Акулины Ивановны.)

Акулина Ивановна. Я ли ее не любила? Я ли не берегла?

Елена. Ну, успокойтесь... милая моя...

Акулина Ивановна. Отец! Родной ты...

(Дверь за Бессеменовым затворяется, и конца речи не слышно. Комната пуста. С двух сторон в нее несется шум: звуки голосов из комнаты Бессеменовых, тихий говор, стоны и возня из комнаты Татьяны. Тетерев

вносит ведро воды, ставит у двери и осторожно стучит в нее пальцем. Степанида отворяет дверь, берет ведро и тоже выходит в комнату, отирая пот с лица.)

Тетерев. Что?

Степанида. Ничего, слышь...

Тетерев. Это доктор сказал?

Степанида. Он. Да где уж... *(Безнадежно махает рукой.)* Отца с матерью пускать не велят туда...

Тетерев. Ей лучше?

Степанида. А кто знает? Не стонет, перестала... Зеленая вся... глаза огромные... Недвижима лежит... *(Укоризненным шёпотом.)* Я говорила им... сколько раз говорила — выдайте ее замуж! Эй, выдайте! Не послушали... ну и — вот оно! Да разве здорово девице до этакой поры без мужа?.. Опять же: в бога не веровала... ни тебе помолится, ни тебе перекрестится... Ну, вот!

Тетерев. Молчи... ворона!

Елена *(входит)*. Ну что, что она?

Тетерев. Не знаю... Доктор будто сказал, что не опасно...

Елена. Старики убиты... жалко их!

(Тетерев молча пожимает плечами.)

Степанида *(бежит вон из комнаты)*. Батюшки! А про кухню-то забыла...

Елена. И отчего? Что случилось? Бедная Таня... как, должно быть, больно ей... *(Морщится и вздрагивает.)* Ведь это больно? Очень? Страшно?

Тетерев. Не знаю. Я никогда не пил нашатырного спирта...

Елена. Как вы можете шутить?

Тетерев. Я не шучу...

Елена *(подходит к двери в комнату Петра, заглядывает в нее)*. А Пе... Петр Васильевич еще всё там, у нее?

Тетерев. Очевидно... ибо он оттуда не выходил...

Елена *(задумчиво)*. Воображаю, как на него это подействовало!.. *(Пауза.)* Когда я... когда мне слу-

чается видеть... что-нибудь подобное этому... я ощущаю в себе ненависть к несчастью...

Т е т е р е в *(улыбаясь)*. Это похвально...

Е л е н а. Вы понимаете? Так бы вот схватила его, бросила себе под ноги и раздавила... всё, навсегда!

Т е т е р е в. Несчастье?

Е л е н а. Ну да! Я его не боюсь, а именно — нена-ви-жу! Я люблю жить весело, разнообразно, люблю видеть много людей... и я умею делать так, чтобы и мне и тем, кто около меня, жилось легко, радостно...

Т е т е р е в. Паки похвально!

Е л е н а. И — знаете что? Я вам покаюсь... я очень черствая... такая жесткая! Я ведь и людей несчастных не люблю... Понимаете — есть такие люди, которые всегда несчастны, что хотите делайте с ними! Наденьте на голову такому человеку вместо шляпы — солнце, — что может быть великолепнее! — он всё же будет ныть и жаловаться: «Ах, я так несчастен! я так одинок! Никто не обращает на меня внимания... Жизнь темна и скучна... Ох! Ах! Ой! Увы!..» Когда я вижу такого барина, то чувствую злое желание сделать его еще более несчастным...

Т е т е р е в. Милая барыня! Я — тоже покаюсь... Терпеть не могу, когда женщины философствуют, но когда вы рассуждаете, — мне хочется целовать вам ручки...

Е л е н а *(лукаво и капризно)*. Только? И только тогда, когда рассуждаю?.. *(Спохватясь)*. Ай-ай-ай! Я шучу... дурачусь, тогда как там — страдает человек...

Т е т е р е в *(указывая на дверь стариков)*. И там страдает. И всюду, куда бы вы ни указали пальцем, — везде страдает человек! Такая уж у него привычка...

Е л е н а. А все-таки ему больно...

Т е т е р е в. Разумеется...

Е л е н а. И нужно его пожалеть.

Т е т е р е в. Не всегда... И едва ли даже когда-нибудь человека нужно пожалеть... Лучше — помочь ему.

Е л е н а. Всем не поможешь... и, не пожалевши, — не поможешь...

Т е т е р е в. Барыня! Я рассуждаю так: страдания — от желаний. В человеке есть желания, заслуживающие уважения, и есть желания, не заслуживающие такого. Помогите ему удовлетворить те желания тела, кои необходимы для того, чтоб он был здоров и силен, и те, которые, облагородив его, возвысят над скотом...

Е л е н а (*не слушая его*). Может быть... может быть и так... Но что там делается? Что она — уснула? Так тихо... что-то шепчут... Старики тоже... ушли, забились в свой угол... Как это странно всё! Вдруг — стоны, шум, крики, суета... и вдруг — тишина, неподвижность...

Т е т е р е в. Жизнь! Покричат люди, устанут, замолчат... Отдохнут, — опять кричать будут. Здесь же, в этом доме, — всё замирает особенно быстро... и крик боли и смех радости... Всякие потрясения для него — как удар палкой по луже грязи... И последним звуком всегда является крик пошлости, феи здешних мест. Торжествующая или озлобленная, здесь она всегда говорит последней...

Е л е н а (*задумчиво*). Когда я жила в тюрьме... там было интереснее! Муж у меня был картежник... много пил, часто ездил на охоту. Город — уездный... лисди в нем — какие-то... заштатные... Я была свободна, никуда не ходила, никого не принимала и жила с арестантами. Они меня любили, право... они ведь чудачки такие, если рассмотреть их поближе! Удивительно милые и простые люди, уверяю вас! Смотрю я на них, бывало, и мне кажется совершенно невероятным, что вот этот — убийца, этот — ограбил, этот... еще что-нибудь сделал. Спросишь иногда: «Ты убил?» — «Убил, матушка Елена Николавна, убил... что поделаешь?» И мне казалось, что он, этот убийца, взял на себя чужую вину... что он был только камнем, который брошен чужою силой... да! Я накупила им разных книжек, дала в каждую камеру шашки, карты... давала табак... и вино давала, только понемножку... На прогулках они играли в мяч, в городки, — совсем как дети, честное слово! Иногда я читала им смешные книжки, а они слушали и хохотали... как дети. Я купила птичек, клеток, и в каждой камере была своя птичка... они любили

ее — как меня! И знаете, — им ужасно нравилось, когда я надевала что-нибудь яркое, — красную кофточку, желтую... уверяю вас, — они очень любят веселые, яркие цвета! И я нарочно одевалась для них как можно пестрее... *(Вздыхнув.)* Славно было с ними! Я не заметила, как прошло три года... И когда мужа убила лошадь, я плакала не столько о нем, кажется, сколько о тюрьме... Было жалко уходить из нее... И арестанты тоже... им тоже было грустно... *(Оглядываясь комнату.)* Здесь, в этом городе, мне живется хуже... в этом доме есть что-то... нехорошее! Не люди нехороши, а... что-то другое... Однако, знаете, мне стало грустно... Тяжело как-то... Вот мы с вами сидим, говорим... а там, может быть, умирает человек...

Тетерев *(спокойно)*. И нам его не жалко...

Елена *(быстро)*. Вам не жалко?..

Тетерев. И вам...

Елена *(тихо)*. Да, вы правы! Это... нехорошо, я понимаю... но я не чувствую, что это нехорошо! Вы знаете: ведь так бывает, — понимаешь, что дурно, но не чувствуешь этого... Вы знаете: мне больше жалко его... Петра Васильевича, чем ее... Мне вообще жалко его... ему плохо здесь... да?

Тетерев. Здесь всем плохо...

Поля *(входит)*. Здравст...

Елена *(вскакивая, идет к ней)*. Ш-ш! Тише! Знаете... Таня — отравилась!

Поля. Что-о?

Елена. Ну, да, да! Вот... там у нее доктор и брат...

Поля. Умирает... умрет?

Елена. Никто не знает...

Поля. Из-за чего? Сказала? Нет?

Елена. Не знаю! Нет!

Петр *(высовывая из двери взлохмаченную голову)*. Елена Николаевна... на минутку... *(Елена быстро уходит.)*

Поля *(Тетереву)*. Что вы смотрите на меня... так?

Тетерев. Сколько раз вы так спрашивали меня?

Поля. Если всё одно и то же... всегда какой-то особый взгляд... зачем? *(Подходя вплоть к нему, строго.)* Вы что же... меня считаете виноватой... в этом?

Т е т е р е в (*усмехаясь*). А вы разве чувствуете что-то... вроде вины?

П о л я. Чувствую, что всё больше... не люблю вас... вот! Вы скажите лучше — как всё это было?

Т е т е р е в. Ее вчера тихонько толкнули, и — слабая — она сегодня упала... вот и всё!

П о л я. Неправда!

Т е т е р е в. Что — неправда?

П о л я. Я знаю, на что вы намекаете... это неправда! Нил...

Т е т е р е в. Разве — Нил? При чем тут Нил?

П о л я. Ни он, ни я... мы оба ни при чем! Вы... нет! Я знаю, вы вините нас... ну, что же? Ну, я его люблю... и он меня... Это давно началось!

Т е т е р е в (*серьезно*). Ни в чем я вас не виню... это вы сами себя в чем-то обвинили и вот — оправдываетесь пред первым встречным. К чему? Я вас... очень уважаю... Кто говорил вам всегда, постоянно, упорно — уйдите скорее из этого дома, не ходите в этот дом, здесь — нездорово, здесь вам расстроят душу? Это я говорил...

П о л я. Ну, что же?

Т е т е р е в. Ничего. Я хотел только сказать, что если б вы сюда не ходили... вам не пришлось бы испытывать того, что вы испытываете сейчас... вот и всё!

П о л я. Да... Но — как же это она? Опасно? Чем она?

Т е т е р е в. Не знаю...

(*Петр и доктор выходят.*)

П е т р. Поля! Пожалуйста, помогите Елене Николаевне...

Т е т е р е в (*Петру*). Ну, что?

Д о к т о р. Пустяки, собственно говоря! Вот только субъект нервный, а то — ничего бы... Выпила немного... обожгла пищевод... В желудок проникло спирту, очевидно, тоже мало... да и тот выброшен обратно...

П е т р. Вы устали, доктор, присядьте, пожалуйста...

Д о к т о р. Благодарю... С неделю прохворает... Вот у меня на днях был интересный случай... Маляр,

в нетрезвом виде, выпил вместо пива чайный стакан лаку...

(Бессеменов входит. Остановившись у двери своей комнаты, он молча, вопросительно и мрачно смотрит на доктора.)

Петр. Успокойся, отец, это не опасно!

Доктор. Да, да! Не пугайтесь! Через два, три дня она встанет на ноги...

Бессеменов. Правда ли?

Доктор. Уверяю вас!

Бессеменов. Ну!.. Спасибо! Коли правда... коли не опасно — спасибо! Петр, ты того... поди-ка сюда... *(Петр подходит к нему. Бессеменов отступает пред ним в дверь своей комнаты. Шёпот, звон денег.)*

Тетерев *(доктору)*. Ну, что же маляр?

Доктор. Э... как-с?

Тетерев. Что же маляр?

Доктор. А! Маляр... ничего, выздоровел... гм... Я, кажется, встречался с вами... где-то?

Тетерев. Может быть...

Доктор. Вы... э... не лежали в тифозном бараке?

Тетерев. Лежал!..

Доктор *(радостно)*. Ага! Вот, вот! То-то, я смотрю — знакомое лицо... Позвольте... это было весной? да? Кажется, я помню даже имя и фамилию вашу...

Тетерев. И я вас помню...

Доктор. Да?

Тетерев. Помню. Когда я стал оправляться и попросил вас увеличить мне порцию, вы скорчили прескверную рожу и сказали мне: «Будь доволен тем, что дают. Вашего брата, пьяниц и бродяг, много»...

Доктор *(растерянно)*. Позвольте! Это... этого... Извините!.. Вы... ваше имя... я — врач Николай Троеруков... а...

Тетерев *(подходя к нему)*. А я — потомственный алкоголик и кавалер Зеленого Змия Терентий Богословский. *(Доктор отступает пред ним.)* Не бойся, не трону... *(Проходит мимо. Доктор растерянно смотрит вслед ему, обмахиваясь шляпой. Входит Петр.)*

Доктор *(оглядываясь на дверь в сени)*. До свидания, однако! Меня ждут... В случае, если она будет жаловаться на боль... повторите... дайте ей еще... капле... Сильной боли не должно быть... До свидания!.. А-а... скажите, тут был сейчас такой... оригинальный господин... он ваш родственник?..

Петр. Нет, это нахлебник...

Доктор. Ага!.. Очень приятно!.. Большой оригинал! До свидания... благодарю вас! *(Уходит. Петр провожает его в сени. Бессеменов и Акулина Ивановна выходят из своей комнаты и осторожно, ступая на носки, подвигаются к двери в комнату дочери.)*

Бессеменов. Погоди, не ходи туда... Ничего не слышать. Может, спит она... не разбудить бы... *(Отводит старуху в угол к сундуку.)* Н-да, мать! Вот и дожили... до праздника! Говору, сплетен будет теперь по городу — без конца...

Акулина Ивановна. Отец! Что ты? То ли говоришь? Да хоть во все трубы пускай трубят... только бы жива-то осталась! Во все колокола пусть звонят...

Бессеменов. Ну, да... я знаю... это так!.. Только ты... эхма! Не понимаешь ты! Ведь — позор это нам с тобой!

Акулина Ивановна. А ну... какой позор?

Бессеменов. Дочь отравилась, пойми! Что мы ей — какую боль причинили? Чем огорчили? Что мы — звери для нее? А будут говорить разное... Мне — наплевать, я всё ради детей стерплю... но только — зачем? Из-за чего? Хоть бы знать... Дети! Живут — молчат... Что в душе у них? Неизвестно! Что в головах? Неведомо! Вот — обида!

Акулина Ивановна. Я понимаю... ведь и мне обидно! Все-таки я — мать... Хлопочешь, хлопочешь целый день, и спасибо никто не скажет... я понимаю! Да что уж... хоть бы живы-здоровы были... а то вот на-ко!

Поля *(выходит из комнаты Татьяны)*. Она засыпает... Вы потише...

Бессеменов *(вставая)*. Ну, как она, что? Посмотреть-то можно?

Акулина Ивановна. Я войду тихонечко?
Мы вот с отцом...

Поля. Доктор не велел пускать никого...

Бессеменов (*подозрительно*). Ты почем знаешь? Тебя при докторе не было еще...

Поля. Мне Елена Николаевна передала.

Бессеменов. А она — там? Ишь ты... чужому человеку можно, родным — нельзя. Удивительно...

Акулина Ивановна. Обедать-то надо в кухне... чтобы не беспокоить ее... Милая моя!.. И взглянуть нельзя... (*Махнув рукой, уходит в сени. Поля стоит, прислонясь к шкафу и глядя на дверь в комнату Татьяны. Брови у нее нахмурены, губы сжаты, стоит она прямо. Бессеменов сидит у стола, как бы ожидая чего-то.*)

Поля (*тихо*). Отец мой не был здесь сегодня?

Бессеменов. Совсем ты не про отца спрашиваешь. Что тебе отец? Знаю я, кого тебе надо... (*Поля удивленно смотрит на него.*) Отец твой был... да! Грязный, оборванный, лишенный всякого порядочного подobia... Но все-таки ты его должна уважать...

Поля. Я уважаю... Почему вы это... говорите?

Бессеменов. Чтоб ты понимала... Твой отец бродяга бездомный, а все-таки ты не должна выходить из его воли... Но разве вы понимаете — что такое отец?.. Все вы — бесчувственные... Ты вот... девушка бедная, бесприютная, ты бы должна быть скромной... ласковой со всеми... а ты — туда же! — пускаешься рассуждать, подражаешь образованным людям. Н-да. Вот ты замуж выходишь... а тут человек едва жизни не лишил себя...

Поля. Я не понимаю, что вы говорите... и зачем?

Бессеменов (*видимо, сам утратив связь своих мыслей, раздражается*). Понимай... думай... затем и говорю, чтобы понимала ты! Кто ты? А однако, вот... выходишь замуж! Дочь же моя... чего торчишь тут? Иди-ка в кухню... делай что-нибудь... Я покараулю... иди! (*Поля, с недоумением глядя на него, хочет идти.*)
Постой! Давеча я... крикнул на твоего отца...

Поля. За что?

Бессеменов. Не твое дело! Ступай... иди!
(*Поля уходит удивленная. Бессеменов тихо идет к двери*)

Татьяны и, приотворив ее, хочет заглянуть. Елена выходит и отстраняет его.)

Елена. Не ходите, она спит, кажется! Не беспокойте ее...

Бессеменов. Мм... Нас беспокоят все... это ничего! А вас — нельзя...

Елена (*удивленно*). Что вы говорите? Да ведь она же больная!..

Бессеменов. Знаю я... Всё знаю... (*Уходит в сени. Елена пожимает плечами вслед ему. Проходит к окнам, садится на кушетку и, закинув руки за шею, о чем-то думает. На лице у нее является улыбка, она мечтательно закрывает глаза. Петр входит, сумрачный, растрепанный. Он встряхивает головой, как бы желая сбросить с нее что-то. Видит Елену, останавливается.)*

Елена (*не открывая глаз*). Это кто?

Петр. Чему вы смеетесь? Странно видеть улыбающееся лицо... теперь... после этого...

Елена (*взглянув на него*). Вы — сердитый? Устали? Бедный мальчик... Как мне жалко вас...

Петр (*сидясь на стул рядом с нею*). Мне самому жалко себя.

Елена. Вам надо уехать куда-нибудь...

Петр. Да, надо. В сущности — зачем я здесь? Меня страшно тяготит эта жизнь...

Елена. Как бы вы хотели жить? Скажите!.. Я часто спрашивала вас об этом... но вы не отвечали, никогда...

Петр. Трудно быть откровенным...

Елена. Со мной?

Петр. И с вами... Разве я знаю... как вы относитесь ко мне? Как отнесетесь к тому, что я мог бы вам сказать? Иногда мне кажется, что вы...

Елена. Что я? Ну...

Петр. Что вы хорошо...

Елена. Я отношусь к вам очень, очень хорошо! Славный вы мой... мальчик!

Петр (*горячо*). Я не мальчик, нет! Я много думал... Слушайте, скажите... вам нравится — вам интересна вся эта возня, которой занимается Нил, Шиш-

кин, Цветаева... все эти шумные люди?.. Вы можете верить, что совместные чтения умных книг, спектакли для рабочих... разумные развлечения... и вся эта суетность — действительно, важное дело, ради которого и следует жить? Скажите...

Е л е н а. Голубчик! Ведь я необразованный человек... я не могу судить, не понимаю. Я ведь — несерьезная... Они — мне нравятся все, и Нил и Шишкин... Веселые, всегда что-то делают... Я люблю веселых людей... сама такая же... К чему вы это спросили?

П е т р. А... меня раздражает всё это! Если они любят жить так... если находят в этом удовольствие — пожалуйста! Я не мешаю... я не хочу никому мешать, но не мешайте и мне жить так, как я хочу! Зачем они влагают в свои действия какой-то особый смысл... Зачем говорят мне, что я трус, эгоист...

Е л е н а (*дотрагиваясь до его головы*). Его замучили... устал он...

П е т р. Нет, я не устал... я только раздражен. Я — имею право жить, как мне нравится, мне! Я имею это право?

Е л е н а (*играя его волосами*). Это опять мудреный вопрос для меня... Я одно знаю — сама я живу, как умею, делаю, что хочу... и если меня будут убеждать идти в монастырь, — не пойду! Заставят — убегу, утоплюсь...

П е т р. Вы больше бываете с ними, чем со мной, вы... вам они больше нравятся, чем я! Я чувствую это... Но я хочу сказать — я могу это сказать! — они — пустые бочки.

Е л е н а (*удивленно*). Что? Какие...

П е т р. Пустые бочки... есть басня о бочках...

Е л е н а. Ах, знаю... Однако... ведь и я тоже... значит, и я пустая?

П е т р. О нет! Вы — нет! Вы — живая, вы, как ручей, освежаете человека!

Е л е н а. Ба! Значит, я, по-вашему, холодная?

П е т р. Не шутите! Я прошу вас! Этот момент... но вы смеетесь! Зачем? Разве я смешон? Я — жить хочу! Хочу жить... по своему разумению... по своей воле...

Е л е н а. Живите! Кто мешает?

Петр. Кто? Кто-то есть... есть что-то! Когда я думаю, что вот как надо жить — одному, независимо... мне кажется, что кто-то говорит — нельзя!

Елена. Совесть?

Петр. При чем тут совесть? Я... не... разве я хочу сделать преступление? Я хочу только быть свободным... я хочу сказать...

Елена *(наклоняясь к нему)*. Это говорится не так! Это гораздо проще нужно говорить! Я помогу вам, беденький мальчик... чтоб вам не путать таких простых вещей...

Петр. Елена Николаевна! Вы... мучаете меня... шутками! Это жестоко! Я хочу сказать вам... вот я весь пред вами!

Елена. Опять не то!

Петр. Я, очевидно, слабый человек... эта жизнь — не по силам мне! Я чувствую ее пошлость, но ничего не могу изменить, ничего не в состоянии внести... Я хочу уйти, жить один...

Елена *(взяв его голову в руки)*. Говорите за мной, повторяйте: я вас люблю!

Петр. О да! да! Но... нет. Вы шутите!..

Елена. Право же, я совершенно серьезно и давно решила выйти за вас замуж! Может быть, это нехорошо... но мне очень хочется этого...

Петр. Но... как я счастлив! Я люблю вас, как... *(За стеною — стон Татьяны. Петр вскакивает, растерянно оглядываясь вокруг. Елена встает с места спокойно. Петр тихо.)* Это... Таня? А мы... тут...

Елена *(проходя мимо его)*. Мы не сделали ничего дурного...

Голос Татьяны. Пить... дайте пить...

Елена. Иду... *(Улыбаясь Петру, уходит. Петр стоит, схватив голову руками, и растерянно смотрит пред собой. Дверь из сеней открывается, и Акулина Ивановна громко шепчет.)*

Акулина Ивановна. Петя! Петя — ты где?..

Петр. Здесь...

Акулина Ивановна. Иди обедать...

Петр. Не хочу... не пойду...

Е л е н а *(выходит)*. Он пойдет ко мне...

(Акулина Ивановна недовольно оглядывает ее и скрывается.)

П е т р *(бросаясь к Елене)*. Как это вышло... нехорошо! Там она лежит... а мы... мы...

Е л е н а. Идемте-ка... Что тут нехорошего? Даже в театре после драмы дают что-нибудь веселое... а в жизни это еще более необходимо...

(Петр прижимается к ней, и она уводит его под руку.)

Т а т ь я н а *(стонет хрипло)*. Лена!.. Лена!..

(Вбегают Поля.)

З а н а в е с

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Та же комната.

Вечер. Комната освещена лампой, стоящей на столе. Поля собирает посуду для чая. Татьяна, больная, лежит на кушетке в углу, в полутьме, Цветаева — на стуле около пещ.

Татьяна (*тихо, укоризненно*). Думаешь, я не хотела бы смотреть на жизнь вот так же весело и бодро, как ты? О, я хочу... но — не могу! Я родилась без веры в сердце... Я научилась рассуждать...

Цветаева. Голубчик! Ты слишком много рассуждаешь... А ведь — ты согласишься, — не стоит быть умным человеком для того, чтоб только рассуждать... Рассудок — это хорошо, но... видишь ли, чтоб человеку жилось не скучно и не тяжело, он должен быть немножко фантазером... он должен, — хоть не часто, — заглядывать вперед, в будущее...

(Поля, внимательно слушая речь Цветаевой, улыбается ласково, задумчиво.)

Татьяна. Что там, впереди?

Цветаева. Всё, что захочешь видеть!

Татьяна. Да-а... нужно выдумать!

Цветаева. Поверить нужно...

Татьяна. Во что?

Цветаева. В свою мечту. Ты знаешь... когда я смотрю в глаза моих мальчишек, я думаю о них. Вот Новиков. Он кончит школу, пойдет в гимназию... потом — университет... он будет доктором, мне кажется! Такой солидный мальчик, внимательный, добрый... лоб у него — огромный. Он очень любящий... он будет

очень много работать, бескорыстный, славный... и люди будут его очень любить, уважать... я это знаю! И однажды, вспоминая свое детство, он вспомнит, как учительница Цветаева, играя с ним во время перемены, разбила ему нос... А может, и не вспомнит... ну, всё равно!.. Нет, вспомнит, я думаю... он очень любит меня. Есть у меня рассеянный, растрепанный и всегда чумазный Клоков. Он вечный спорщик, задира, озорник. Он — сирота, живет у дяди, ночного сторожа... он — почти нищий... но такой гордый, смелый! Я думаю — он будет журналистом. Ах, сколько у меня интересных мальчишек! И как-то невольно всегда думаешь о том, что будет с ними, какую роль они сыграют в жизни... Ужасно интересно представлять себе, как будут жить мои ученики... Ты видишь, Таня, это ведь немного... но если б ты знала, как приятно!

Т а т ь я н а. А ты? Где ты сама? Твои ученики будут жить... быть может, очень хорошо... а ты тогда уже...

Ц в е т а е в а. Умру? Вот еще! Нет, я намерена жить долго...

П о л я (*негромко, ласково, как бы вздыхая*). Какая милая вы, Маша! Какая славная...

Ц в е т а е в а (*улыбаясь Поле*). Запела коноплянка... Ты знаешь, Таня, я не сантиментальна... но когда подумаю о будущем... о людях в будущем, о жизни — мне делается как-то сладко-грустно... Как будто в сердце у меня сияет осенний, бодрый день... Знаешь — бывают такие дни осенью: в ясном небе — спокойное солнце, воздух — глубокий, прозрачный, вдали всё так отчетливо... свежо, но не холодно, тепло, а не жарко...

Т а т ь я н а. Всё это... сказки... Я, впрочем, допускаю... быть может, вы — ты, Нил, Шишкин — и все похожие на вас... быть может, вы, действительно, способны жить мечтами... Я — не могу.

Ц в е т а е в а. Нет, подожди... Ведь не одни мечты...

Т а т ь я н а. Мне ничто, никогда не казалось достоверным... кроме того разве, что вот это — я, это — стена... Когда я говорю — да или — нет... я это говорю

не по убеждению... а как-то так... я просто отвечаю, и — только. Право! Иногда скажешь — нет! и тотчас же подумаешь про себя — разве? а может быть,— да?

Цветаева. Тебе нравится это... Присмотрись-ка к себе,— не находишь ли ты что-то приятное для себя в таком... раздвоении души? А может быть — ты боишься верить... ведь вера — обязывает...

Татьяна. Не знаю... не знаю. Заставь меня поверить. Ведь вот — других вы заставляете верить вам... *(Тихо смеется.)* А мне жалко людей, которые верят вам... ведь вы их обманываете! Ведь жизнь всегда была такая, как теперь... мутная, тесная... и всегда будет такая!

Цветаева *(улыбаясь)*. Разве? А может быть — нет?

Поля *(как бы про себя)*. Нет!

Татьяна. Ты что сказала?

Поля. Я говорю — не будет!

Цветаева. Молодец, тихая птичка коноплянка!

Татьяна. Вот одна из несчастных... верующих. А спроси ты ее — почему нет? Почему изменится жизнь? Спроси...

Поля *(тихо подходя поближе)*. Ведь, видите, какое дело,— не все еще люди живут! Очень мало людей жизнью пользуются... множеству их жить-то и некогда совсем... они только работают, куска хлеба ради... а вот, когда и они...

Шешкин *(входит быстро)*. Добрый вечер! *(Поле.)* Здравствуйте, русоволосая дочь короля Дункана.

Поля. Что? Какого короля?

Шешкин. Ага-а! Поймал! Вижу теперь, что Гейне-то вы не читали, хотя книжка у вас находится более двух недель. Здравствуйте, Татьяна Васильевна!

Татьяна *(протягивая руку)*. Ей теперь не до книг... Она выходит замуж...

Шешкин. Но-о? За кого это? а?

Цветаева. За Нила...

Шешкин. А-а! В этом случае — еще могу поздравить... Но, вообще говоря, это не умная штука — жениться, выходить замуж и прочее в этом духе... Брак при современных условиях...

Т а т ь я н а. Ой, нет, не надо! Избавьте! Вы уже не однажды высказывались по этому поводу...

Ш и ш к и н. Когда так, — молчу! Кстати — мне и некогда. (*Цветаевой.*) Вы идете со мной? Прекрасно! Петра — нет?

П о л я. Он наверху...

Ш и ш к и н. Мм... Нет, не пойду к нему! Я попрошу вас, Татьяна Васильевна... или вас, Поля... скажите ему, что я... опять того, знаете... т. е. что урок у Прохорова — свободен...

Ц в е т а е в а. Опять? Ну, не везет вам!

Т а т ь я н а. Вы поругались?

Ш и ш к и н. Собственно говоря... не очень! Я — сдержанно...

Ц в е т а е в а. Но — из-за чего? Ведь вы же сами хвалили Прохорова?..

Ш и ш к и н. Увы! Хвалил... чёрт побери! И, в сущности, он... порядочнее многих... неглуп... немножко вот — хвастун... болтлив и вообще (*неожиданно и горячо*) — порядочная скотина!

Т а т ь я н а. Едва ли теперь Петр станет доставать вам уроки...

Ш и ш к и н. Н-да, пожалуй, рассердится он...

Ц в е т а е в а. Да что у вас вышло с Прохоровым?

Ш и ш к и н. Представьте себе, он — антисемит!

Т а т ь я н а. А вам какое дело до этого?

Ш и ш к и н. Ну, знаете... неприлично это! Недостойно интеллигентного человека! И вообще он — буржуй! Хотя бы такая история. Его горничная ходила в воскресную школу. Чудесно! Он же сам прескучно доказывал мне пользу воскресных школ... о чем я его совсем не умолял! Он даже хвастался, что я-де один из инициаторов устройства школы. И вот недавно, в воскресенье, приходит он домой и — ужас! Дверь открывает не горничная, а нянька! Где Саша? В школе. Ага! И — запретил горничной посещать школу! Это как назвать, по-вашему?

(*Татьяна пожимает плечами молча.*)

Ц в е т а е в а. А такой он говорун...

Ш и ш к и н. Вообще говоря, Петр, точно на смех, достает мне уроки всё у каких-то шарлатанов.

Т а т ь я н а *(сухо)*. Помнится, вы очень хвалили казначея...

Ш и ш к и н. Да... конечно... старикашка милый! Но — нумизмат! Сует мне под нос разные медяшки и говорит о цезарях, диадохах и разных там фараонах с колесницами. Одолеп, — сил моих нет! Ну, я ему и говорю: «Послушайте, Викентий Васильевич! А по-моему, всё это — ерунда! Любой булыжник древнее ваших медяков!» Он — обиделся. «Что же, говорит, я пятнадцать лет жизни на ерунду убил?» Я же ответил утвердительно. При расчете он полтину мне не додал... очевидно, оставил для пополнения коллекции. Но это — пустяки... а вот с Прохоровым я... н-да... *(Уныло.)* Скверный у меня характер! *(Торопливо.)* Слушайте, Марья Никитишна, идемте, пора!

Ц в е т а е в а. Я готова. До свидания, Таня! Завтра воскресенье... я приду к тебе с утра...

Т а т ь я н а. Спасибо. Мне... право, кажется, что я какое-то ползучее растение у вас под ногами... ни красы во мне, ни радости... а идти людям я мешаю, цепляясь за них...

Ш и ш к и н. Какие вредные мысли, фу-у!

Ц в е т а е в а. Обидно слышать это, Таня...

Т а т ь я н а. Нет, погоди... ты знаешь? Я понимаю... поняла жестокую логику жизни: кто не может ни во что верить — тот не может жить... тот должен погибнуть... да!

Ц в е т а е в а *(улыбаясь)*. Разве? А может быть, нет?

Т а т ь я н а. Ты передразниваешь меня... ну, стоит ли? Смеяться надо мною... стоит ли?

Ц в е т а е в а. Нет, Таня, нет, милая! Всё это говорит твоя болезнь, усталость, а не ты... Ну, до свидания! И не считай нас жесткими и злыми...

Т а т ь я н а. Идите... до свидания!

Ш и ш к и н *(Поле)*. Ну-с, когда же вы будете читать Гейне? Ах да, вы замуж... гм! Против этого можно бы кое-что сказать... но — до свидания! *(Уходит вслед за Цветаевой. Пауза.)*

Поля. Наверно, скоро всеобщая кончится... Сказать, чтоб подавали самовар?

Татьяна. Едва ли старики будут пить чай... Как хочешь, впрочем. *(Пауза.)* Раньше тишина тяготила меня, а теперь мне приятно, что у нас тихо.

Поля. Вам не пора ли принять лекарство?

Татьяна. Нет еще... Последние дни у нас было так суетно, крикливо. Какой шумный этот Шишкин...

Поля *(подходя к ней)*. Хороший он...

Татьяна. Добрый... но глупый...

Поля. Славный он, смелый. Где что увидит несправедливое — сейчас вступается. Вот — горничную заметил. А кто замечает, как живут горничные и другие люди, служащие богатым? И если заметит кто, — разве вступится?

Татьяна *(не глядя на Полю)*. Скажи мне, Поля... Ты не боишься... за Нила замуж идти?

Поля *(спокойно, с удивлением)*. Чего же мне бояться? Нет, ничего, я не боюсь...

Татьяна. Чего?.. А я... боялась бы. Я говорю с тобой об этом потому, что... люблю... тебя! Ты не такая, как он. Ты — простая... он — много читал, он уж образованный. Ему, может быть, скучно с тобой... Ты думала об этом, Поля?

Поля. Нет. Я знаю, он меня любит...

Татьяна *(с досадой)*. Как можно это знать...

(Тетерев вносит самовар.)

Поля. Вот спасибо вам! Пойду за молоком. *(Уходит.)*

Тетерев *(он с похмелья, опухший)*. Иду мимо кухни, а Степанида взмолилась: «Батюшка! Внеси самовар! Я, говорит, тебе, когда понадобится, огурчика дам, рассольцу...» Соблазнился я, чревоугодник...

Татьяна. Вы уже ото всеобщей?

Тетерев. Нет, не ходил сегодня. Башка трещит. Вы — как? Лучше чувствуете себя?

Татьяна. Ничего, спасибо. Меня об этом спрашивали раз двадцать в день... Я чувствовала бы себя еще лучше, если б у нас было менее шумно. Меня не-

множко раздражает эта беготня... все куда-то стремятся, кричат. Отец — злится на Нила, мать — всё вздыхает... А я лежу, наблюдаю и... не вижу смысла в том, что они... все эти... называют жизнью.

Т е т е р е в. Нет, любопытно! Я человек посторонний, непричастный делам земли... живу из любопытства и нахожу, что здесь — довольно интересно.

Т а т ь я н а. Вы невзыскательны, я знаю. Но — что ж тут интересного?

Т е т е р е в. А вот — люди настраиваются жить. Я люблю слушать, когда в театре музыканты настраивают скрипки и трубы. Ухо ловит множество отдельных верных нот, порою слышишь красивую фразу... и ужасно хочется скорее услышать — что именно будут играть музыканты? Кто из них солист? Какова пьеса? Вот и здесь тоже... настраиваются...

Т а т ь я н а. В театре... да. Там приходит дирижер, взмахивает палочкой, и музыканты скверно, бездушно играют какую-нибудь старую, избитую вещь. А здесь... а эти? Что они способны сыграть? Я не знаю.

Т е т е р е в. Кажется, что-то фортиссимо...

Т а т ь я н а. Посмотрим. (*Пауза. Тетерев раскуривает трубку.*) Зачем вы трубку курите, а не паширосы?

Т е т е р е в. Удобнее. Ведь я — бродяга, большую часть года провожу в дороге. Вот опять скоро уйду. Установится зима, и я — в путь.

Т а т ь я н а. Куда?

Т е т е р е в. Не знаю... Да ведь это всё равно...

Т а т ь я н а. Замерзнете где-нибудь... нетрезвый...

Т е т е р е в. В дороге — никогда не пью... А и замерзну — что ж в этом? Лучше замерзнуть на ходу, чем гнить, сидя на одном месте...

Т а т ь я н а. Это вы на меня намекаете?

Т е т е р е в (*испуганно вскакивая*). Боже упаси! Что вы? Разве я... я не зверь!

Т а т ь я н а (*с улыбкой*). Да вы не беспокойтесь. Меня ведь это не обижает. У меня потеря болевой чувствительности. (*С горечью.*) Все знают, что меня нельзя обидеть. Нил, Пелагея, Елена, Маша... Они ведут себя, как богачи, которым нет дела до того, что чувствует

нищий... что думает нищий, когда видит, как они кушают редкие яства...

Тетерев (*сморщив лицо, сквозь зубы*). Зачем унижение? Надо уважать себя...

Татьяна. Ну, хорошо... оставим это! (*Пауза.*) Скажите мне что-нибудь... про себя! Вы никогда не говорите о себе... Почему?

Тетерев. Предмет большой, но неинтересный.

Татьяна. Нет, скажите! Почему вы... так странно живете? Вы кажетесь мне умным, даровитым... Что случилось с вами в жизни?..

Тетерев (*скалит зубы*). Что случилось? О, это длинная и скучная история... если ее рассказывать своими словами... Я —

Солнца, счастья шел искать...

Наг и бос вернулся вспять,

И болье и упованья

Истаскал в своем скитанье.

Но это объяснение красиво слишком для меня... хотя оно и кратко. К нему добавить надо, что в России удобнее, спокойнее быть пьяницей, бродягой, чем трезвым, честным, дельным человеком. (*Входят Петр и Нил.*) Только люди безжалостно прямые и твердые, как мечи, — только они пробьют... А! Нил! Откуда?

Нил. Из депо. И после сражения, в котором одержал блестящую победу. Этот дубиноголовый начальник депо...

Петр. Наверное, тебя скоро прогонят со службы...

Нил. Другую найду...

Татьяна. Знаешь, Петр, Шишкин поругался с Прохоровым и, не решаясь сказать это тебе лично...

Петр (*сердито, раздражаясь*). Чёрт бы его побрал! Это... возмутительно! В какое идиотское положение он ставит меня перед Прохоровым? И наконец лишает возможности быть полезным другому товарищу...

Нил. Ты погоди сердиться! Узнал бы прежде — кто виноват?

Петр. Я это знаю!

Татьяна. Шишкину не понравилось, что Прохоров антисемит...

Н и л *(смеясь)*. Ах, милый петушок!

П е т р. Ну, да! Тебе это нравится. Ты тоже совершенно лишен чувства уважения к чужим взглядам... дикие люди!

Н и л. Пстой! Ты сам-то разве склонен юдофоба уважать?

П е т р. Я ни в каком случае не сочту себя вправе хватать человека за глотку!

Н и л. А я — схвачу...

Т е т е р е в *(разглядывая спорящих поочередно)*. Хватай!

П е т р. Кто дал... кто дал вам это право?

Н и л. Прав — не дают, правá — берут... Человек должен сам себе завоевать правá, если не хочет быть раздавленным грудой обязанностей...

П е т р. Позволь!..

Т а т ь я н а *(тоскиво)*. Ну, закипает спор... бесконечный спор! Как вам не надоедает?..

П е т р *(сдерживаясь)*. Извини, я не стану больше! Но, право же, — ведь этот Шишкин ставит меня...

Т а т ь я н а. Я понимаю... он глупый!

Н и л. Он славный парень! Не только не позволит наступить себе на ногу, — сам первый всякому наступит! Хорошо иметь в себе столько чувства человеческого достоинства...

Т а т ь я н а. Столько ребячества, хотел ты сказать?

Н и л. Нет, я не ошибся. Но пусть — это ребячество — и все-таки хорошо!

П е т р. Смешно...

Н и л. Н-ну, когда единственный кусок хлеба отшвыривается прочь только потому, что его дает несимпатичный человек...

П е т р. Значит, тот, кто швыряется хлебом, недостаточно голоден... Я знаю, — ты будешь возражать. Ты сам таков... ты тоже... школьник... Вот ты на каждом шагу стараешься показать отцу, что у тебя нет к нему ни капли уважения... Зачем это?

Н и л. А зачем это скрывать?

Т е т е р е в. Дитя моя! Приличие требует, чтоб люди лгали...

П е т р. Но какой смысл в этом? Какой?

Н и л. Мы, брат, не пойдем друг друга... нечего и говорить. Всё, что делает и говорит твой отец, — мне противно...

П е т р. Мне тоже противно... может быть! Однако я сдерживаюсь. А ты постоянно раздражаешь его... и это раздражение оплачиваем мы — я, сестра...

Т а т ь я н а. Да будет вам! Ведь скучно же это!

(Нил, взглянув на нее, отходит к столу.)

П е т р. Тебя беспокоит разговор?

Т а т ь я н а. Мне надоело! Одно и то же... всегда одно и то же!

(Входит Поля с кринкой молока в руке. Видя, что Нил мечтательно улыбается, она оглядывает публику и говорит.)

П о л я. Смотрите, какой блаженный!

Т е т е р е в. Ты что смеешься?

Н и л. Я? Я вспоминаю, как отчитывал начальника депо... Интересная штука -- жизнь!

Т е т е р е в *(густо)*. Аминь!

П е т р *(пожимая плечами)*. Удивляюсь! Слепыми, что ли, родятся оптимисты?

Н и л. Оптимист я или что другое, — это неважно, — но жить — мне нравится! *(Встает и ходит.)* Большое это удовольствие — жить на земле!

Т е т е р е в. Да, любопытно!

П е т р. Вы оба — комики, если вы искренние люди!

Н и л. А ты... уж я не знаю — как тебя назвать? Я знаю, — и это вообще ни для кого не тайна, — ты влюблен, тебя — любят. Ну, вот хотя бы по этому поводу — неужели тебе не хочется петь, плясать? Неужели и это не дает тебе радости? *(Поля гордо смотрит на всех из-за самовара. Татьяна беспокойно ворочается, стараясь видеть лицо Нила. Тетерев, улыбаясь, выколачивает пепел из трубки.)*

П е т р. Ты забываешь кое-что. Во-первых — студентам жениться не позволено; во-вторых — мне придется выдержать баталию с родителями; в-третьих...

Н и л. Батюшки! Да ведь это что же? Ну, тебе остается одно — беги! Беги в пустыню!..

(Поля улыбается.)

Т а т ь я н а. Ты балаганишь, Нил...

Н и л. Нет, Петруха, нет! Жить, — даже и не будучи влюбленным, — славное занятие! Ездить на скверных паровозах осенними ночами, под дождем и ветром... или зимою... в метель, когда вокруг тебя — нет пространства, всё на земле закрыто тьмой, завалено снегом, — утомительно ездить в такую пору, трудно... опасно, если хочешь! — и всё же в этом есть своя прелесть! Все-таки есть! В одном не вижу ничего приятного, — в том, что мною и другими честными людьми командуют свиньи, дураки, воры... Но жизнь — не вся за ними! Они пройдут, исчезнут, как исчезают нарывы на здоровом теле. Нет такого расписания движения, которое бы не изменялось!..

П е т р. Не раз я слышал эти речи. Посмотрим, как тебе ответит жизнь на них!

Н и л. Я заставляю ее ответить так, как захочу. Ты — не страшай меня! Я ближе и лучше тебя знаю, что жизнь — тяжела, что порою она омерзительно жестка, что разнузданная, грубая сила жмет и давит человека, я знаю это, — и это мне не нравится, возмущает меня! Я этого порядка — не хочу! Я знаю, что жизнь — дело серьезное, но неустроенное... что она потребует для своего устройства все силы и способности мои. Я знаю и то, что я — не богатырь, а просто — честный, здоровый человек, и все-таки говорю: ничего! Наша возьмет! И я на все средства души моей удовлетворю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так и эдак... тому — помешать, этому — помочь... вот в чем радость жизни!

Т е т е р е в *(усмехаясь)*. Вот смысл глубочайший науки! Вот смысл философии всей! А всякой другой философии — ан-нафема!

Е л е н а *(в двери)*. По какому поводу здесь кричат и махают руками?

Н и л *(бросаясь к ней)*. Барыня! Вы меня поймете! Я цел сейчас славу жизни! Ну, говорите: жизнь — удовольствие!

Поля (негромко). Жить — очень хорошо!

Елена. Кто против этого?

Нил (Поле). Эх ты... тихая моя!

Елена. При мне — не любезничать!

Петр. Чёрт знает что такое! Точно пьяный...

(Татьяна, откинув голову на спинку кушетки, медленно поднимает руки и закрывает лицо свое.)

Елена. Пойдите! Вы собрались пить чай? А я пришла звать вас к себе... Ну, и я останусь с вами, — у вас сегодня весело. *(Тетереву.)* Только вы, мудрый ворон, вы один нахохлились — чего ради?

Тетерев. Мне тоже весело. Только я люблю веселиться молча, а скучать — громко...

Нил. Как все большие, умные, угрюмые псы...

Елена. Я никогда не видела вас ни грустным, ни веселым, а только философствующим. Знаете, господа, — знаешь, Таня, — он обучает меня философии. Вчера прочитал целую лекцию о некотором законе достаточного основания... эх! я забыла, как этот удивительный закон выражается... в каких словах? В каких?

Тетерев *(улыбаясь)*. Нет ничего без основания, почему оно есть...

Елена. Вы слышите? Вот я какие мудрые штуки знаю! Вы вот не знаете, что закон этот являет собой — являет, это самое настоящее философское слово! — являет собой... что-то вроде зуба, потому что у него четыре корня... верно?

Тетерев. Не смею спорить...

Елена. Ну, конечно! Посмели бы вы! Корень первый — а может, и не первый — закон достаточного основания бывания... бывание — это материя в формах... вот я — материя, принявшая — не без основания — форму женщины... но зато — без всякого уже основания — лишенная бытия. Бытие — вечно, а материя в формах — побывает на земле и — фьюить! Верно?

Тетерев. Ладно, сойдет...

Елена. Еще я знаю, что существует каузальная связь, априори и апостериори, но кто они такие, — забыла! И если я от всех этих премудростей не стану лысой, так буду умной! А самое интересное и премудрое во

всей философии вот что: зачем вы, Терентий Хрисанфович, говорите мне о философии?

Т е т е р е в. Потому, во-первых, что смотреть мне на вас очень приятно...

Е л е н а. Спасибо! Во-вторых, наверное неинтересно...

Т е т е р е в. Во-вторых, потому что, только философствуя, человек не лжет, ибо, философствуя, он просто — выдумывает...

Е л е н а. Ничего не поняла! Да, Таня, как ты себя чувствуешь? *(Не дожидаясь ответа.)* Петр... Васильевич! Вы чем недовольны?

П е т р. Собой.

Н и л. И всем остальным?

Е л е н а. Знаете,— мне ужасно хочется петь! Как жаль, что сегодня суббота и всенощная еще не отошла... *(Входят старики.)* А! вот идут богомольцы! Здравствуйте!

Б е с с е м е н о в *(сухо)*. Наше вам почтение...

А к у л и н а И в а н о в н а *(тоже недовольно)*. Здравствуйте, матушка! Только мы вас уж видели сегодня.

Е л е н а. Ах, да! Я позабыла... Ну, что же... в церкви... жарко было?

Б е с с е м е н о в. Мы не затем туда ходим, чтобы климат измерять...

Е л е н а *(смущаясь)*. О, разумеется... я хотела спросить не о том... я хотела спросить... много было народа?

А к у л и н а И в а н о в н а. Не считали мы, матушка...

П о л я *(Бессеменову)*. Чай пить — будете?

Б е с с е м е н о в. Сначала поужинаем... Мать, ты поди-ка, приготовь там. *(Акулина Ивановна уходит, шмыгая носом. Все молчат. Татьяна встает и переходит к столу, поддерживаемая Еленой. Нил садится на место Татьяны. Петр шагает по комнате. Тетерев, сидя около пианино, следит за всеми, улыбаясь. Поля — у самовара. Бессеменов сидит в углу, на сундуке.)* Какой народ стал — вор, даже удивительно! Давеча, как шел я с матерью в церковь, — дощечку положил у ворот, через

грязь, чтобы пройти. Назад идем, а дощечки уж нету... стащил какой-то жулик. Большой разврат пошел в жизни... *(Пауза.)* В старину жуликов меньше было... всё больше разбойничали люди, потому — крупнее душой были все... стыдились из-за пустяков совесть тревожить... *(На улице, за окнами, раздаётся пение и звуки гармоники.)* Ишь... поют. Суббота, а они поют... *(Пение приближается, поют в два голоса.)* Наверное — мастеровые. Чай, пошабашили, сходили в кабак, пропили заработок и дерут глотку... *(Пение под окнами. Нил, прислонив лицо к стеклу, смотрит на улицу.)* Поживут эдак-то год... много — два, и — готовы! Золоторотцами будут... жуликами...

Н и л. Кажется, это Перчихин...

А к у л и н а И в а н о в н а *(из двери)*. Отец, иди ужинать...

Б е с с е м е н о в *(вставая)*. Перчихин... тоже вот... бесполезной жизни человек... *(Уходит.)*

Е л е н а *(проводив его взглядом)*. А у меня... удобнее чай пить...

Н и л. Вы очень остроумно разговаривали со стариками.

Е л е н а. Я... он меня смущает... Он не любит меня... и мне это как-то... неприятно... даже обидно! За что меня не любить?

П е т р. Он, в сущности, добрый старик... но у него большое самолюбие...

Н и л. И он немножко жаден... немножко зол.

П о л я. Ш-ш! Зачем говорить так о человеке за глаза? Нехорошо!

Н и л. Нет, быть жадным нехорошо...

Т а т ь я н а *(сухо)*. Я предлагаю оставить... этот предмет без обсуждения... Отец может каждую минуту войти... Последние три дня он... не ругался... старается со всеми быть ласковым...

П е т р. И это ему стоит не дешево...

Т а т ь я н а. Надо ценить это... Он стар... он не виноват в том, что родился раньше нас... и думает не так, как мы... *(Раздражаясь.)* Сколько жестокости в людях! Как все мы грубы, безжалостны... Нас учат

любить друг друга... нам говорят: будьте добрыми...
будьте кротки...

Н и л (*в тон ей*). И садятся верхом на шеи нам
и едут на нас...

(*Елена хохочет. Поля и Тетерев улыбаются. Петр что-то хочет сказать Нилу и идет к нему. Татьяна укоризненно качает головой.*)

Б е с с е м е н о в (*входит, окидывает Елену недружелюбным взглядом*). Палагея! Там в кухне — твой отец... Поди-ка да скажи ему... чтоб он... в другой раз пришел... когда будет тверезый... да! Ты-де, папаша, иди домой... и всё такое!

(*Поля и Нил за нею — уходят.*)

Б е с с е м е н о в. Вот... поди и ты... Погляди-ка на будущего... мм... (*Обрывается, садится за стол.*)
Вы что... молчите? Я замечаю, что как я в дверь — вы все сожмете губы...

Т а т ь я н а. Мы... и без вас... не много говорим...

Б е с с е м е н о в (*глядя исподлобья на Елену*).
А над чем смеялись?

П е т р. Так это... пустяки! Нил...

Б е с с е м е н о в. Нил! Всё от него идет... я так и знал...

Т а т ь я н а. Налить вам чаю?

Б е с с е м е н о в. Налей...

Е л е н а. Дай, Таня, я налью...

Б е с с е м е н о в. Нет, зачем вам беспокоиться?
Мне дочь нальет...

П е т р. Я думаю — ведь всё равно, кто нальет?
Таня нездорова...

Б е с с е м е н о в. Я тебя не спрашиваю, как ты думаешь на этот счет. Если тебе чужие люди ближе родных...

П е т р. Отец! Ну, как тебе не стыдно?

Т а т ь я н а. Начинается! Петр, будь благоразумен.

Е л е н а (*натянуто улыбаясь*). Ну, стоит ли...

(*Дверь широко растворяется, и входит Перчихин. Он выпивши, но не сильно.*)

Перчихин. Василь Васильев! Я сюда пришел... ты отсюда ушел... а я — сюда... за тобой...

Бессеменов *(не глядя на него)*. Пришел, так садись... Вот — чаю выпей... ну...

Перчихин. Н-не надо мне чаю! Кушай сам на здоровье... Я — для разговора пришел...

Бессеменов. Какой там разговор? Всё пустяки.

Перчихин. Пустяки? Н-ну? *(Смеется.)* Чудак ты! *(Нил входит и, сурово глядя на Бессеменова, встает у шкафа.)* Четыре дня собирался я к тебе прийти... ну и пришел...

Бессеменов. Ну и ладно...

Перчихин. Нет, не ладно! Василь Васильич! Умный ты человек! Богатый человек... ведь я к совести к твоей пришел!

Петр *(подходя к Нилу, негромко)*. Зачем ты его пустил сюда?

Нил. Оставь! Это тебя не касается...

Петр. Ты всегда делаешь... чёрт знает что...

Перчихин *(заглушая Петра)*. Старый человек... да-авно я тебя знаю!

Бессеменов *(сердась)*. Тебе чего надо?

Перчихин. Скажи мне, — за что ты меня намедни вон из дома выгнал? Думал я, думал — не возьму в толк! Скажи, брат! Я — без сердца на тебя пришел... я, брат, с любовью к тебе..

Бессеменов. С дурной головой пришел ты... вот что!

Татьяна. Петр! Помоги мне... нет, позови Полю...

(Петр уходит.)

Перчихин. Вот — Поля! Дочь моя милая... птица моя чистая... Из-за нее ты меня выгнал? — верно? За то, что она у Татьяны жениха отбила?

Татьяна. О! глупость какая... какая пошлость!..

Бессеменов *(медленно поднимаясь с места)*. Гляди, Перчихин! Второй раз...

Елена *(Нилу вполголоса)*. Уведите его! Они поругаются.

Н и л. Не хочу...

П е р ч и х и н. Второй раз — не прогонишь, Василь Васильич! Не за что... Поля... я ее люблю... она у меня — хорошая! Ну, всё же я не одобряю... я, брат, ее не одобряю, н-нет! Зачем чужой кусок взяла? Не хорошо...

Т а т ь я н а. Лена! Я... ухожу к себе... *(Елена помогает ей, поддерживая под руку. Проходя мимо Нила, Татьяна говорит ему негромко.)* Как не стыдно! Уведите его...

Б е с с е м е н о в *(сдерживаясь)*. Перчихин! Ты... молчи! Сиди — молчи... а то ступай домой...

(Входит Поля. За нею Петр.)

П е т р *(Поле)*. Да успокойтесь... я вас прошу!..

П о л я. Василий Васильевич! За что вы прошлый раз выгнали отца?

(Бессеменов молча и сурово смотрит на нее и на всех поочередно.)

П е р ч и х и н *(грозя пальцем)*. Ш-ш! Дочка! Не говори... Ты — должна понять... Татьяна отравилась — почему? Ага-а? Василь Васильев, — видишь? Я, брат, по чистой правде... я всех вас рассужу... по совести... как надо! Я — очень просто...

П о л я. Постою, отец...

П е т р. Позвольте, Поля...

Н и л. Ты бы молчал...

Б е с с е м е н о в. Ты, Палагея, вот что... ты — дерзкая...

П е р ч и х и н. Она? Нет, она... у меня...

Б е с с е м е н о в. Молчи ты! я что-то плохо разумею... чей это дом? Кто здесь хозяин? Кто судья?

П е р ч и х и н. Я! Я рассужу всё... всех, по порядку... Не тронь чужого — раз! Взяла — отдай назад — два!

П е т р *(Перчихину)*. Послушай, — брось болтать! Пойдем ко мне...

П е р ч и х и н. Не люблю я тебя, Петр! Гордый ты человек... пустой ты! И ничего ты не знаешь... Что такое

канализация? Ага! А мне рассказывали, брат... (*Петр тянет его за рукав.*) Не тронь, стой!..

Н и л (*Петру*). Не трогай его... оставь!

Б е с с е м е н о в (*Нилу*). Ты что тут — собак травишь? а?

Н и л. Нет, я хочу понять — в чем дело? В чем виноват Перчихин? За что его выгнали?.. При чем здесь Поля?

Б е с с е м е н о в. Ты меня допрашиваешь?

Н и л. А если вас — так что ж? Вы — человек, я — тоже...

Б е с с е м е н о в (*бешено*). Нет, ты не человек... ты — яд! Ты — зверь!

П е р ч и х и н. Ш-ш! Тихо! Надо тихо, по совести...

Б е с с е м е н о в (*Поле*). А ты — ехидна! Ты — нищая!..

Н и л (*сквозь зубы*). Вы не кричите!..

Б е с с е м е н о в. Что? Вон! Змееныш... я тебя вскормил от пота-крови...

Т а т ь я н а (*из своей комнаты*). Папаша! Папа!

П е т р (*Нилу*). Ну? Дождался? Эх, ты... стыдился бы!

П о л я (*негромко*). Не... не смейте на меня кричать! Я не раба вам... не можете вы обижать всех... И — вы скажите — за что отца выгнали?

Н и л (*спокойно*). Я тоже требую... здесь не сумасшедшие живут... надо отвечать за свои поступки...

Б е с с е м е н о в (*тише, сдерживаясь*). Уйди, Нил, от греха... уйди! Смотри... ты — выкормок мой... которого я воспитал...

Н и л. Не корите меня вашим хлебом! Я отработал всё, что съел!

Б е с с е м е н о в. Ты... душу мне сожрал... разбойник — ты!..

П о л я (*берет Нила за руку*). Идем отсюда!

Б е с с е м е н о в. Иди... ползи, змея! Ты всё... из-за тебя... ты дочь ужалила... его теперь... проклятая... из-за тебя дочь моя...

П е р ч и х и н. Василь Васильич! Тихо! По совести!

Т а т ь я н а (*кричит*). Отец! Неправда! Петр —

что же ты? *(Является в дверях своей комнаты и, беспомощно протягивая руки, выходит на середину.)* Петр, не нужно этого! О боже мой! Терентий Хрисанфович! Скажите им... скажите им... Нил! Поля! Ради бога — уходите! Уходите! Зачем всё это... *(Все бестолково суетятся. Тетерев, скаля зубы, медленно встает со стула. Бессеменов отступает перед дочерью. Петр подхватывает сестру под руку и растерянно смотрит вокруг.)*

Поля. Идем!

Нил. Хорошо! *(Бессеменову.)* Ну, мы уходим... вот! Мне жаль, что всё вышло так громко.

Бессеменов. Ступай, ступай!.. Уводи ее...

Нил. Я уж не ворочусь...

Поля *(громко, дрожащим голосом)*. Винить меня в таком... винить за Таню... разве можно? Тут разве я виновна? Бесстыдник вы...

Бессеменов *(бешено)*. Уйдешь ты?!

Нил. Тише!

Перчихин. Ребята, — не сердитесь! Надо — кротко...

Поля. Прощайте! Иди, отец!

Нил *(Перчихину)*. Идем!

Перчихин. Не-ет, я с вами не хочу... мне не рука... я — сам по себе... Терентий! Я сам — один... Мое дело — чистое...

Тетерев. Идем ко мне...

Поля. Иди! Иди же, пока не гонят...

Перчихин. Нет... я не пойду... Терентий, — мне с вами не рука! Я понимаю...

Петр *(Нилу)*. Да уходите вы... чёрт побери!..

Нил. Иду... прощай... какой, однако, ты...

Поля. Идем, идем...

(Уходят.)

Бессеменов *(кричит им вслед)*. Ворóтитесь! Поклóнитесь...

Петр. Оставь, отец! Будет...

Татьяна. Папаша! Милый мой... не надо кричать...

Бессеменов. Постойте... Погодите...

Перчихин. Ну, вот... теперь ушли... И хорошо! Пускай их!..

Бессеменов. Сказать бы мне им на прощанье... злодеи! Кормил, поил... *(К Перчихину.)* Ты, старый чёрт! Дурак! Пришел, забормотал... Чего тебе надо? чего?

Петр. Папаша! Будет...

Перчихин. Василь Васильич! Не кричи... я тебя уважаю, чудак ты! Глупый я — верно! Но я понимаю... кто куда...

Бессеменов *(садится на диван)*. Я... потерял мысли. Не понимаю... Что вышло? Вдруг... как летом, в сушь, пожар... Одного — нет... говорит — не ворочусь... Ишь как просто! Ишь ты как... Нет... я этому поверить не могу...

Тетерев *(Перчихину)*. Ну, что ты тут? Зачем ты?

Перчихин. Для порядка... я, брат, рассуждаю просто... Раз-два! Больше никаких! Она мне дочь? Очень хорошо... Значит, — должна она... *(Вдруг замолчал.)* Плохой я отец... и ничего она не должна... пусть ее живет, как хочет! А Таню мне жалко... Таня... мне жалко тебя... Мне, братцы, всех вас жалко! Эхма!.. Ведь ежели по совести сказать — все вы дураки!..

Бессеменов. Молчи ты...

Петр. Таня! Елена Николаевна ушла?

Елена *(из комнаты Татьяны)*. Я здесь... Лекарство приготавливаю...

Бессеменов. Мысли у меня спутались... ничего не понимаю! Неужто Нил... так и уйдет?

Акулина Ивановна *(входит, беспокояно)*. Что случилось? Нил с Палагеей в кухне там... а я была в чулане...

Бессеменов. Ушли они?

Акулина Ивановна. Нет... зовут Перчихина... Палагея говорит, скажите, говорит, отцу... а губы у нее дрожат. Нил всё равно как пес, — рычит... что такое?..

Бессеменов *(вставая)*. А вот сейчас... вот я пойду...

Петр. Отец, — не надо! Не ходите...

Татьяна. Папаша! Пожалуйста... не надо...

Бессеменов. Чего — не надо?

Акулина Ивановна. Да что такое?

Бессеменов. Ты понимаешь... Нил уходит... совсем...

Петр. Ну, что же в том? Уходит и — прекрасно... Зачем он вам? Он женится... он хочет жить своей семьей...

Бессеменов. А! Так разве... я-то, я — чужой ему?

Акулина Ивановна. Чего ты беспокоишься, отец? Бог с ним! Пускай уходит... У нас свои дети есть... *(Перчихину.)* Ты чего же? Иди!

Перчихин. Мне с ними — не по дороге...

Бессеменов. Нет... тут не то совсем... уходишь — уходи! Но — как? Как он ушел... Какими глазами глядел на меня?..

(Елена выходит из комнаты Татьяны.)

Тетерев *(берет Перчихина под руку и ведет за собой к двери)*. Пойдем зубровки хватим по рюмк...

Перчихин. Эхма, божья дудка! Сурьезный ты...

(Уходят.)

Бессеменов. Я знал, что он от нас уйдет... ну, только — разве так? А эта... эта... кричит! Поденщица, девчонка... пойду, поговорю им...

Акулина Ивановна. Э, полно-ка, отец! Они — чужие нам люди! Что их жалеть? Ушли и — ладно!

Елена *(Петру негромко)*. Идемте ко мне...

Татьяна *(Елене)*. И я... возьмите и меня!..

Елена. Идем... идемте...

Бессеменов *(услышал ее зов)*. Куда?

Елена. К себе... ко мне!

Бессеменов. Кого зовете-с? Петра?

Елена. Да... и Таню...

Бессеменов. Таня — ни при чем! А Петру ходить к вам... не надо!

Петр. Позволь, отец! Я... не мальчик! Я пойду или не пойду...

Бессеменов. Не пойдешь!

Акулина Ивановна. Петя! Уступи отцу! Эй, уступи...

Елена (*возмущенно*). Позвольте, Василий Васильевич!

Бессеменов. Нет, уж вы позвольте! Хотя вы люди и образованные... хотя вы потеряли совесть... и никого не уважаете...

Татьяна (*истерически кричит*). Папаша! Перестаньте...

Бессеменов. Молчи! Когда ты не хозяйка своей судьбы — молчи... стой! Куда?

(*Елена идет к двери.*)

Петр (*бросаясь за нею, хватая ее за руку*). Позвольте! На минутку... нужно сразу... нужно объясниться...

Бессеменов. Нужно меня выслушать... Сделайте мне милость, — выслушайте! Дайте мне понять — что такое? (*Входит Перчихин, сияющий и веселый, за ним Тетерев тоже с улыбкой на лице. Они останавливаются у двери, переглядываются. Перчихин подмигивает на Бессеменова и махает рукой.*) Все куда-то уходят... без всякого объяснения намерений... зря... обидно и беспутно! Куда ты можешь идти, Петр? Ты... что ты такое? Как ты хочешь жить? Что делать? (*Акулина Ивановна всхлипывает. Петр, Елена и Татьяна стоят все трое плотной группой перед Бессеменовым, при его словах: «Куда ты можешь идти» — Татьяна отходит в сторону к столу, где стоит мать. Перчихин знаками показывает что-то Тетереву, трясет головой, взмахивает руками, как бы шугая птиц.*) Я имею право спрашивать... ты — молод, ты еще — глуп! Я — пятьдесят восемь лет растягивал жилы мои в трудах ради детей...

Петр. Я слышал это, отец! Я сотни раз...

Бессеменов. Стой! Молчи!

Акулина Ивановна. Ах, Петя, Петя...

Татьяна. Мамаша, вы... ничего не понимаете!

(*Акулина Ивановна трясет головой.*)

Бессеменов. Молчи! Какие ты слова можешь сказать? На что укажешь? Нет ничего...

Петр. Отец! Ты мучаешь меня! Что тебе нужно? Что ты хочешь?

Акулина Ивановна (*вдруг громко*). Нет, стой! И у меня есть сердце... и я имею голос! Сыночек! Что делаешь? Что затеял? Кого спросил?

Татьяна. Это ужасно! Это какая-то тупая пила... (*Матери*.) Вы рвете душу... тело...

Акулина Ивановна. Это мать — пила? Мать?

Бессеменов. Старуха, погоди! Вот он... дай ему сказать...

Елена (*Петру*). Ну, будет! Я больше — не могу... я уйду...

Петр. Пойдите... ради бога! Сейчас всё будет ясно...

Елена. Нет — это сумасшедший дом! Это...

Тетерев. Елена Николаевна, — уходите! Пошли-те их всех к чёрту!

Бессеменов. Вы, господин! Вы...

Татьяна. Да кончится ли это? Петр, уйди!

Петр (*почти кричит*). Отец... смотри! Мать... вот — это моя невеста!

(Пауза. Все смотрят на Петра. Потом Акулина Ивановна всплескивает руками и в ужасе смотрит на мужа. Бессеменов — точно его оттолкнули — подается всем корпусом назад и наклоняет голову. Татьяна, тяжело вздохнув, медленно, с опущенными вдоль тела руками, идет к пианино.)

Тетерев (*вполголоса*). Ловко выбрал время...

Перчихин (*выступая вперед*). Ну, вот и всё! Вот оно... все разлетаются! Айда, ребяташки, лети из клетки, как птицы в благовещенье...

Елена (*вырывая руку из руки Петра*). Пустите! Я не могу...

Петр (*бормочет*). Теперь всё ясно... Сразу...

Бессеменов (*кланяясь сыну*). Н-ну, спасибо, сынок... за радостное известие...

Акулина Ивановна *(с плачем)*. Погубил ты себя, Петенька! Да разве она... она пара...

Перчихин. Она? Петру? Да... что ты! Старуха! Да — чего он стóбит?

Бессеменов *(Елене медленно)*. Спасибо и вам, барыня! Теперь, стало быть, — пропал он! Ему бы учиться... а теперь... ловко! Хотя я это и чувствовал... *(Злобно)*. Поздравляю вас с добычей! Петька! Нет тебе благословенья! А ты... ты... поймала? Украла? Кошка... парш...

Елена. Вы не смеете!..

Петр. Отец! Ты... безумный!

Елена. Нет, стойте! Да, это верно! Да, я сама взяла его у вас, сама! Я сама... я первая сама сказала ему... предложила жениться на мне! Вы слышите? Вы, филин? Слышите?.. Это я вырвала его у вас! Мне — жалко его! Вы его замучили... вы ржавчина какая-то, не люди! Ваша любовь — это гибель для него! Вы думаете — о, я знаю! — вы думаете, — для себя я сделала это? Ну, думайте... ох! Как я вас ненавижу!

Татьяна Лена! Лена! Что ты?

Петр. Елена... идемте!

Елена. Знаете, я еще, может быть, — не обвенчаюсь с ним! Вы рады, да? О, это очень может быть! Вы — не пугайтесь прежде время! Я буду так, просто жить с ним... без венца... но вам — не дам его! Не дам! Вы — более его не станете мучить, нет! И он не придет к вам — никогда! Никогда! никогда!

Тетерев. Виват! Виват, женщина!

Акулина Ивановна. Ах, батюшки! Отец... что это! Отец...

Петр *(толкая Елену к двери)*. Иди... Идите... уходите...

(Елена, уходя, увлекает Петра за собою.)

Бессеменов *(беспомощно оглядываясь)*. Вот как?.. *(Вдруг громко и быстро)*. Полицию зови! *(Топая ногами)*. Долой с квартиры! Завтра же... ах ты!..

Татьяна. Папаша! Что вы?

Перчихин *(удивленный, ничего не понимая)*.

Василь Васильич! Голубь! Что ты это? Чего кричишь? Тебе бы радоваться надо...

Т а т ь я н а *(подходя к отцу)*. Послушайте...

Б е с с е м е н о в. А, ты! Ты еще... осталась! Чего же ты не уходишь? Уходи и ты... Не с кем? Некуда? Прозевала?

(Татьяна, отшатнувшись, отходит быстро к пианино. Акулина Ивановна, растерянная и жалкая, бросается к ней.)

П е р ч и х и н. Василь Васильич,— брось! Подумай! Учиться Петр теперь не будет... на что ему? *(Бессеменов тупо смотрит в лицо Перчихина и кивает головой.)* Жить — есть на что ему. Ты денег накопил... Жена — малина-баба... а ты — кричишь, шумишь! Чудак, опомнись!

(Тетерев хохочет.)

А к у л и н а И в а н о в н а *(воет)*. Все покинули! Бросили!

Б е с с е м е н о в *(оглядываясь)*. Молчи, мать! Воротятся... не смеют!.. Куда пойдут? *(Тетереву.)* Ты что тут скалишь зубы? Ты! Язва! Дьявол! Долой с квартиры! Завтра же — долой! Вас шайка целая...

П е р ч и х и н. Василь Васильич!..

Б е с с е м е н о в. Прочь, ты! Несчастный... бродяга...

А к у л и н а И в а н о в н а. Таня! Танечка! Милая моя! Хворая ты, несчастная! Что будет?

Б е с с е м е н о в. Ты, дочка, всё знала... ты знала всё... молчала! Заговор против отца? *(Вдруг как бы испугавшись.)* Ты думаешь... не бросит он ее? бабенку эту? Распутницу... в жены! Мой сын... Проклятые вы люди! Несчастные... беспутные!

Т а т ь я н а. Оставьте меня! Не дайте мне... возненавидеть...

А к у л и н а И в а н о в н а. Доченька! Неудачливая ты моя! Замучили! Всех нас замучили... за что?

Б е с с е м е н о в. А кто? Всё Нил, разбойник... подлец! И сына он смутил... И дочь страдает! *(Увидав*

Тетерева, стоящего у шкафа.) Ты, оборванец, что? Ты что тут? Вон с квартиры!

Перчихин. Василь Васильич! Его за что? Ах ты... с ума свихнулся, старик!

Тетерев (*спокойно*). Не кричи, старик! Всего, что на тебя идет, ты не разгонишь... И — не беспокойся... Твой сын воротится...

Бессеменов (*быстро*). Ты... ты почему знаешь?

Тетерев. Он не уйдет далеко от тебя. Он это временно наверх поднялся, его туда втащили... Но он сойдет... Умрешь ты — он немножко перестроит этот хлев, переставит в нем мебель и будет жить — как ты, — спокойно, разумно и уютно...

Перчихин (*Бессеменову*). Видишь? Чудак! Горячка! Человек тебе добра желает... ласковые слова говорит для твоего покою... а ты — орешь! Терентий — он, брат, мудрый человек...

Тетерев. Он переставит мебель и — будет жить в сознании, что долг свой перед жизнью и людьми отлично выполнил. Он ведь такой же, как и ты...

Перчихин. Две капли воды!

Тетерев. Совсем такой... труслив и глуп...

Перчихин (*Тетереву*). Постой! Ты что?

Бессеменов. Ты... говори, а не ругайся... как смеешь!

Тетерев. И жаден будет в свое время и так же, как ты, — самоуверен и жесток. (*Перчихин удивленно глядит в лицо Тетерева, не понимая — утешает ли он старика или ругает его. На лице Бессеменова — тоже недоумение, но речь Тетерева интересна ему.*) И даже несчастен будет он вот так же, как ты теперь... Жизнь идет, старик, кто не поспекает за ней, тот остается одиноким...

Перчихин. Чу? Слышишь? Стало быть, — всё идет, как надо... а ты сердисься!

Бессеменов. Постой, отвяжись!

Тетерев. И так же вот несчастного и жалкого сына твоего не пощадят, скажут ему правду в лицо, как я тебе говорю. Чего ты ради жил? Что сделал доброго? И сын твой, как ты теперь, не ответит...

Б е с с е м е н о в. Да... ты вот говоришь тут... ты всегда складно говоришь! А что в душе? Нет, я тебе не верю! И — все-таки — съезжай с квартиры! Будет... терпел я вас — довольно! И ты тоже... многое тут внушил... вредное мне...

Т е т е р е в. Эх, кабы я! Но нет, не я... *(Уходит.)*

Б е с с е м е н о в *(встряхивая головой)*. Ну... будем терпеть... ладно! Будем ждать... Всю жизнь терпели... еще будем терпеть! *(Идет в свою комнату.)*

А к у л и н а И в а н о в н а *(бежит ослед за мужем)*. Отец! Милый ты мой! Несчастные мы! За что нас детки-то? За что казнили? *(Уходит в свою комнату. Перчихин стоит посредине и недоумевающе моргает. Татьяна дикими глазами озирается вокруг, сидя на стуле у пианино. Из комнаты стариков доносится глухой говор.)*

П е р ч и х и н. Таня! Тань... *(Татьяна не смотрит на него, не отвечает.)* Таня! Из-за чего они — которые разбежались, которые — плачут? А? *(Смотрит на Татьяну, вздыхает.)* Чудаки! *(Смотрит на дверь в комнату стариков, идет по направлению в сени, качая головой.)* Пойду ин к Терентью... Чудаки!

(Татьяна, медленно сгибаясь, облакачивается на клавиши. В комнате раздается нестройный громкий звук многих струн и — замирает.)

З а н а в е с

ПОСВЯЩАЮ
КОНСТАНТИНУ ПЕТРОВИЧУ
ПЯТНИЦКОМУ

М. Горький

НА ДНЕ

КАРТИНЫ. ЧЕТЫРЕ АКТА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

М и х а и л И в а н о в К о с т ы л е в, 54 года, содержатель
ночлежки.

В а с и л ь с а К а р п о в н а, его жена, 26 лет.

Н а т а ш а, ее сестра, 20 лет.

М е д в е д е в, их дядя, полицейский, 50 лет.

В а с ь к а П е п е л, 28 лет.

К л е щ, А н д р е й М и т р и ч, слесарь, 40 лет.

А н н а, его жена, 30 лет.

Н а с т я, девица, 24 года.

К в а ш н я, торговка пельменями, под 40 лет.

Б у б н о в, картузник, 45 лет.

Б а р о н, 33 года.

С а т и н }
А к т е р } приблизительно одного возраста: лет под 40.

Л у к а, странник, 60 лет.

А л е ш к а, сапожник, 20 лет.

К р и в о й З о б }
Т а т а р и н } крючники.

Несколько босяков без имен и речей.

АКТ ПЕРВЫЙ

Подвал, похожий на пещеру. Потолок — тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. Свет — от зрителя и, сверху вниз, — из квадратного окна с правой стороны. Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату — нары Бубнова. В левом углу — большая русская печь; в левой, каменной, стене — дверь в кухню, где живут Квашня, Барон, Настя. Между печью и дверью у стены — широкая кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам — нары. На переднем плане у левой стены — обрубок дерева с тисками и маленькой наковальней, прикрепленным к нему, и другой, пониже первого. На последнем — перед наковальней — сидит К л е щ, примеряя ключи к старым замкам. У ног его — две большие связки разных ключей, надетых на кольца из проволоки, искорванный самовар из жести, молоток, подпилки. Посредине постели — большой стол, две скамьи, табурет, всё — некрашеное и грязное. За столом, у самовара, К в а ш н я — хозяйничает, Б а р о н жует черный хлеб и Н а с т я, на табурете, читает, облокотясь на стол, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологом, кашляет А н н а. Б у б н о в, сидя на нарах, примеряет на болванке для шапок, зажатой в коленях, старые распоротые брюки, соображая, как нужно кроить. Около него — изодранная картонка из-под шляпы — для козырьков, куски клеепки, тряпье. С а т и ц только что проснулся, лежит на нарах и — рычит. На печке, невидимый, возится и кашляет А к т е р.

Начало весны. Утро.

Б а р о н. Дальше!

К в а ш н я. Не-ет, говорю, милый, с этим ты от меня — поди прочь Я, говорю, это испытала... и теперь уж — ни за сто печеных раков — под венец не пойду!

Б у б н о в (*Сатину*). Ты чего хрюкаешь?

(*Сатин рычит.*)

К в а ш н я. Чтобы я, — говорю, — свободная женщина, сама себе хозяйка, да кому-нибудь в паспорт вписалась, чтобы я мужчине в крепость себя отдала — нет! Да будь он хоть принц американский — не подумаю замуж за него идти.

К л е щ. Врешь!

К в а ш н я. Чего-о?

К л е щ. Врешь. Обвенчаешься с Абрамкой...

Б а р о н (*выхватив у Насти книжку, читает название*). «Роковая любовь»... (*Хочет.*)

Н а с т я (*протягивая руку*). Дай... отдай! Ну... не балуй!

(*Барон смотрит на нее, помахивая книжкой в воздухе.*)

К в а ш н я (*Клецу*). Козел ты рыжий! Туда же — врешь! Да как ты смеешь говорить мне такое дерзкое слово?

Б а р о н (*ударяя книгой по голове Настю*). Дура ты, Настька...

Н а с т я (*отнимает книгу*). Дай...

К л е щ. Велика барыня!.. А с Абрамкой ты обвенчаешься... только того и ждешь...

К в а ш н я. Конечно! Еще бы... как же! Ты вон заездил жену-то до полусмерти...

К л е щ. Молчать, старая собака! Не твое это дело...

К в а ш н я. А-а! Не терпишь правды!

Б а р о н. Началось! Настька — ты где?

Н а с т я (*не поднимая головы*). А?.. Уйди!

А н н а (*высовывая голову из-за полога*). Начался день! Бога ради... не кричите... не ругайтесь вы!

К л е щ. Заныла!

А н н а. Каждый божий день... Дайте хоть умереть спокойно!

Б у б н о в. Шум — смерти не помеха...

К в а ш н я (*подходя к Анне*). И как ты, мать моя, с таким злыднем жила?

А н н а. Оставь... отстань...

К в а ш н я. Ну-ну! Эх ты... терпеливица!.. Что, не легче в груди-то?

Б а р о н. Квашня! На базар пора...

К в а ш н я. Идем, сейчас! *(Анне.)* Хочешь — пель-
мешков горяченьких дам?

А н н а. Не надо... спасибо. Зачем мне есть?

К в а ш н я. А ты — поешь. Горячее — мягчит. Я
тебе в чашку отложу и оставляю... захочешь когда, и по-
кушай! Идем, барин... *(Клецу.)* У, нечистый дух...
(Уходит в кухню.)

А н н а *(кашляя)*. Господи...

Б а р о н *(тихонько толкает Настю в затылок)*.
Брось... дуреха!

Н а с т я *(бормочет)*. Убирайся... я тебе не ме-
шаю.

(Барон, насвистывая, уходит за Квашней.)

С а т и н *(приподнимаясь на нарах)*. Кто это бил
меня вчера?

Б у б н о в. А тебе не всё равно?..

С а т и н. Положим — так... А за что били?

Б у б н о в. В карты играл?

С а т и н. Играл...

Б у б н о в. За это и били...

С а т и н. М-мерзавцы...

А к т е р *(высовывая голову с печи)*. Однажды тебя
совсем убьют... до смерти...

С а т и н. А ты — болван.

А к т е р. Почему?

С а т и н. Потому что — дважды убить нельзя.

А к т е р *(помолчав)*. Не понимаю... почему —
нельзя?

К л е щ. А ты слезай с печи-то да убирай квартиру...
чего нежишься?

А к т е р. Это дело не твое...

К л е щ. А вот Василиса придет — она тебе пока-
жет, чье дело...

А к т е р. К чёрту Василису! Сегодня баронова оче-
редь убираться... Барон!

Б а р о н *(выходя из кухни)*. Мне некогда убирать-
ся... я на базар иду с Квашней.

А к т е р. Это меня не касается... иди хоть на ка-

торгу... а пол мести твоя очередь... я за других не стану работать...

Барон. Ну, чёрт с тобой! Настёнка подметет... Эй, ты, роковая любовь! Очнись! *(Отнимает книгу у Настя.)*

Настя *(вставая)*. Что тебе нужно? Дай сюда! Озорник! А еще — барин...

Барон *(отдавая книгу)*. Настя! Подмети пол за меня — ладно?

Настя *(уходя в кухню)*. Очень нужно... как же!

Квашня *(в двери из кухни — Барону)*. А ты — иди! Уберутся без тебя... Актер! тебя просят — ты и сделай... не переломишься, чай!

Актер. Ну... всегда я... не понимаю...

Барон *(выносит из кухни на коромысле корзины. В них — корчаги, покрытые тряпками)*. Сегодня что-то тяжело...

Сатин. Стоило тебе родиться бароном...

Квашня *(Актеру)*. Ты смотри же, — подмети! *(Выходит в сени, пропустив вперед себя Барона.)*

Актер *(слезая с печи)*. Мне вредно дышать пылью. *(С гордостью.)* Мой организм отравлен алкоголем... *(Задумывается, сидя на нарах.)*

Сатин. Организм... органон...

Анна. Андрей Митрич...

Клещ. Что еще?

Анна. Там пельмени мне оставила Квашня... возьми, поешь.

Клещ *(подходя к ней)*. А ты — не будешь?

Анна. Не хочу... На что мне есть? Ты — работник... тебе — надо...

Клещ. Боишься? Не бойся... может, еще...

Анна. Иди, кушай! Тяжело мне... видно, скоро уж...

Клещ *(отходя)*. Ничего... может — встанешь... бывает! *(Уходит в кухню.)*

Актер *(громко, как бы вдруг проснувшись)*. Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм — совершенно отравлен алкоголем...

Сатин *(улыбаясь)*. Органон...

Актер *(настойчиво)*. Не органон, а ор-га-ни-зм...

С а т и н. Слова... А то еще есть — транс-сцен-
тальный...

Б у б н о в. Это что?

С а т и н. Не знаю... забыл...

Б у б н о в. А к чему говоришь?

С а т и н. Так... Надоели мне, брат, все человече-
ские слова... все наши слова — надоели! Каждое из них
слышал я... наверное, тысячу раз...

А к т е р. В драме «Гамлет» говорится: «Слова, сло-
ва, слова!» Хорошая вещь... Я играл в ней могиль-
щика...

К л е щ *(выходя из кухни)*. Ты с метлой играть скоро
будешь?

А к т е р. Не твое дело... *(Ударяет себя в грудь ру-
кой.)* «Офелия! О... помяни меня в твоих молитвах!..»
*(За сценой, где-то далеко, — глухой шум, крики, свисток
полицейского. Клещ садится за работу и скрипит под-
пилком.)*

С а т и н. Люблю непонятные, редкие слова... Когда
я был мальчишкой... служил на телеграфе... я много
читал книг...

Б у б н о в. А ты был и телеграфистом?

С а т и н. Был... *(Усмехаясь.)* Есть очень хорошие
книги... и множество любопытных слов... Я был обра-
зованным человеком... знаешь?

Б у б н о в. Слышал... сто раз! Ну и был... эка
важность!.. Я вот — скорняк был... свое заведение
имел... Руки у меня были такие желтые — от краски:
меха подкрашивал я, — такие, брат, руки были жел-
тые — по локоть! Я уж думал, что до самой смерти не
отмою... так с желтыми руками и помру... А теперь вот
они, руки... просто грязные... да!

С а т и н. Ну, и что же?

Б у б н о в. И больше ничего...

С а т и н. Ты это к чему?

Б у б н о в. Так... для соображения... Выходит:
снаружи как себя ни раскрашивай — всё сотрется...
всё сотрется, да!

С а т и н. А... кости у меня болят!

А к т е р *(сидит, обняв руками колени)*. Образова-

ние — чепуха, главное — талант. Я знал артиста... он читал роли по складам, но мог играть героев так, что... театр трещал и шатался от восторга публики...

С а т и н. Бубнов, дай пятак!

Б у б н о в. У меня всего две копейки...

А к т е р. Я говорю — талант, вот что нужно герою. А талант — это вера в себя, в свою силу...

С а т и н. Дай мне пятак, и я поверю, что ты талант, герой, крокодил, частный пристав... Клещ, дай пятак!

К л е щ. Пошел к чёрту! Много вас тут...

С а т и н. Чего ты ругаешься? Ведь у тебя нет ни гроша, я знаю...

А н н а. Андрей Митрич... Душно мне... трудно...

К л е щ. Чго же я сделаю?

Б у б н о в. Дверь в сени отвори...

К л е щ. Ладно! Ты сидишь на нарах, а я — на полу... пусти меня на свое место да и отворяй... а я и без того простужен...

Б у б н о в *(спокойно)*. Мне отворять не надо... твоя жена просит...

К л е щ *(угрюмо)*. Мало ли кто чего попросил бы...

С а т и н. Гудит у меня голова... эх! И зачем люди бьют друг друга по башкам?

Б у б н о в. Они не только по башкам, а и по всему прочему телу. *(Встает.)* Пойти ниток купить... А хозяев наших чего-то долго не видать сегодня... словно издохли. *(Уходит.)*

(Анна кашляет. Сатин, закинув руки под голову, лежит неподвижно.)

А к т е р *(тоскливо осмотревшись вокруг, подходит к Анне)*. Что? Плохо?

А н н а. Душно.

А к т е р. Хочешь — в сени выведу? Ну, вставай. *(Помогает женщине подняться, накидывает ей на плечи какую-то рухлядь и, поддерживая, ведет в сени.)* Ну-ну... твердо! Я — сам больной... отравлен алкоголем...

К о с т ы л е в *(в дверях)*. На прогулку? Ах, и хороша парочка, баран да ярочка...

А к т е р. А ты — посторонись... видишь — больные идут?..

К о с т ы л е в. Проходи, изволь... *(Напевая под нос что-то божественное, подозрительно осматривает ночлежку и склоняет голову налево, как бы прислушиваясь к чему-то в комнате Пепла. Ключ ожесточенно звякает ключами и скрипит подпилком, исподлобья следя за хозяином.)* Скрипишь?

К л е щ. Чего?

К о с т ы л е в. Скрипишь, говорю? *(Пауза.)* А-а... того... что, бишь, я хотел спросить? *(Быстро и негромко.)* Жена не была здесь?

К л е щ. Не видал...

К о с т ы л е в *(осторожно подвигаясь к двери в комнату Пепла)*. Сколько ты у меня за два-то рубля в месяц места занимаешь! Кровать... сам сидишь... н-да! На пять целковых места, ей-богу! Надо будет накинуть на тебя полтинничек...

К л е щ. Ты петлю на меня накинь да задави... Издохнешь скоро, а всё о полтинниках думаешь...

К о с т ы л е в. Зачем тебя давить? Кому от этого польза? Господь с тобой, живи знай в свое удовольствие... А я на тебя полтинку накину,— маслица в лампаду куплю... и будет перед святой иконой жертва моя гореть... И за меня жертва пойдет, в воздаяние грехов моих, и за тебя тоже. Ведь сам ты о грехах своих не думаешь... ну вот... Эх, Андрюшка, злой ты человек! Жена твоя зачахла от твоего злодейства... никто тебя не любит, не уважает... работа твоя скрипучая, беспокойная для всех...

К л е щ *(кричит)*. Ты что меня... травить пришел?

(Сатин громко рычит.)

К о с т ы л е в *(вздвигнув)*. Эх ты, батюшка...

А к т е р *(входит)*. Усадил бабу в сених, закутал...

К о с т ы л е в. Экой ты добрый, брат! Хорошо это... это зачтется всё тебе...

А к т е р. Когда?

К о с т ы л е в. На том свете, братик... там всё, всякое деяние наше усчитывают...

А к т е р. А ты бы вот здесь наградил меня за доброту...

К о с т ы л е в. Это как же я могу?

А к т е р. Скости половину долга...

К о с т ы л е в. Хе-хе! Ты всё шутишь, миладоч, всё играешь... Разве доброту сердца с деньгами можно равнять? Доброта — она превыше всех благ. А долг твой мне — это так и есть долг! Значит, должен ты его мне возместить... Доброта твоя мне, старцу, безвозмездно должна быть оказана...

А к т е р. Шельма ты, старец... *(Уходит в кухню.)*

(Клец встает и уходит в сени.)

К о с т ы л е в *(Сатину)*. Скрипун-то? Убежал, хе-хе! Не любит он меня...

С а т и н. Кто тебя — кроме чёрта — любит?..

К о с т ы л е в *(посмеиваясь)*. Экой ты ругатель! А я вас всех люблю... я понимаю, братия вы моя несчастная, никудышная, пропащая... *(Вдруг, быстро.)* А... Васька — дома?

С а т и н. Погляди...

К о с т ы л е в *(подходит к двери и стучит)*. Вася! *(Актёр появляется в двери из кухни. Он что-то жуёт.)*

П е п е л. Кто это?

К о с т ы л е в. Это я... я, Вася.

П е п е л. Что надо?

К о с т ы л е в *(отодвигаясь)*. Отвори...

С а т и н *(не глядя на Костылева)*. Он отворит, а она — там...

(Актёр фыркает.)

К о с т ы л е в *(беспокойно, негромко)*. А? Кто — там? Ты... что?

С а т и н. Чего? Ты — мне говоришь?

К о с т ы л е в. Ты что сказал?

С а т и н. Это я так... про себя...

К о с т ы л е в. Смотри, брат! Шути в меру... да! *(Сильно стучит в дверь.)* Василий!..

П е п е л *(отворяя дверь)*. Ну? Чего беспокоишь?

К о с т ы л е в *(заглядывая в комнату)*. Я... видишь — ты...

П е п е л. Деньги принес?

К о с т ы л е в. Дело у меня к тебе...

П е п е л. Деньги — принес?

К о с т ы л е в. Какие? Погоди...

П е п е л. Деньги, семь рублей, за часы — ну?

К о с т ы л е в. Какие часы, Вася?.. Ах, ты...

П е п е л. Ну, ты гляди! Вчера, при свидетелях, я тебе продал часы за десять рублей... три — получил, семь — подай! Чего глазами хлопаешь? Шляется тут, беспокоит людей... а дела своего не знает...

К о с т ы л е в. Ш-ш! Не сердись, Вася... Часы — они...

С а т и н. Краденые...

К о с т ы л е в (*строго*). Я краденого не принимаю... как ты можешь...

П е п е л (*берет его за плечо*). Ты — зачем меня встревожил? Чего тебе надо?

К о с т ы л е в. Да... мне — ничего... я уйду... если ты такой...

П е п е л. Ступай, принеси деньги!

К о с т ы л е в (*уходит*). Экие грубые люди! Ай-ай...

А к т е р. Комедия!

С а т и н. Хорошо! Это я люблю...

П е п е л. Чего он тут?

С а т и н (*смеясь*). Не понимаешь? Жёну ищет... И чего ты не пришибешь его, Василий?!

П е п е л. Стану я из-за такой дряни жизнь себе портить...

С а т и н. А ты — умненько. Потом — женись на Василисе... хозяином нашим будешь...

П е п е л. Велика радость! Вы не токмо всё мое хозяйство, а и меня, по доброте моей, в кабаке пропьете... (*Садится на нарты*.) Старый чёрт... разбудил... А я — сон хороший видел: будто ловлю я рыбу, и попал мне — громаднейший лещ! Такой лещ, — только во сне эдакие и бывают... И вот я его вожу на удочке и боюсь, — леса оборвется! И приготовил сачок... вот, думаю, сейчас...

С а т и н. Это не лещ, а Василиса была...

А к т е р. Василису он давно поймал...

П е п е л (*сердито*). Подите вы к чертям... да и с ней вместе!

К л е щ (*входит из сеней*). Холодище... собачий...

А к т е р. Ты что же Анну не привел? Замерзнет...

К л е щ. Ее Наташка в кухню увела к себе...

А к т е р. Старик — выгонит...

К л е щ (*сажаясь работать*). Ну... Наташка при-
ведет...

С а т и н. Василий! Дай пятак...

А к т е р (*Сатину*). Эх ты... пятак! Вася! Дай нам
двугривенный...

П е п е л. Надо скорее дать... пока рубля не про-
сите... на!

С а т и н. Гиблартарр! Нет на свете людей лучше
воров!

К л е щ (*угрюмо*). Им легко деньги достаются...
Они — не работают...

С а т и н. Многим деньги легко достаются, да немно-
гие легко с ними расстаются... Работа? Сделай так, чтоб
работа была мне приятна — я, может быть, буду рабо-
тать... да! Может быть! Когда труд — удовольствие,
жизнь — хороша! Когда труд — обязанность, жизнь —
рабство! (*Актеру*.) Ты, Сарданапал! Идем...

А к т е р. Идем, Навухудоноссор! Напьюсь — как...
сорок тысяч пьяниц...

(*Уходят.*)

П е п е л (*зевая*). Что, как жена твоя?

К л е щ. Видно, скоро уж...

(*Пауза.*)

П е п е л. Смотрю я на тебя, — зря ты скрипишь.

К л е щ. А что делать?

П е п е л. Ничего...

К л е щ. А как есть буду?

П е п е л. Живут же люди...

К л е щ. Эти? Какие они люди? Рвань, золотая
рота... люди! Я — рабочий человек... мне глядеть на
них стыдно... я с малых лет работаю... Ты думаешь —
я не вырвусь отсюда? Вылезу... кожу сдеру, а вылезу...
Вот, погоди... умрет жена... Я здесь полгода прожил...
а всё равно как шесть лет...

П е п е л. Никто здесь тебя не хуже... напрасно ты
говоришь...

К л е щ. Не хуже! Живут без чести, без совести...

П е п е л *(разнодушно)*. А куда они — честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести... Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть...

Б у б н о в *(входит)*. У-у... озяб!

П е п е л. Бубнов! У тебя совесть есть?

Б у б н о в. Чего-о? Совесть?

П е п е л. Ну да!

Б у б н о в. На что совесть? Я — не богатый...

П е п е л. Вот и я то же говорю: честь-совесть богатым нужна, да! А Клещ ругает нас, нет, говорит, у нас совести...

Б у б н о в. А он что — занять хотел?

П е п е л. У него — своей много...

Б у б н о в. Значит, продает? Ну, здесь этого никто не купит. Вот картонки ломаные я бы купил... да и то в долг...

П е п е л *(поучительно)*. Дурак ты, Андрюшка! Ты бы, насчет совести, Сатина послушал... а то — Барона...

К л е щ. Не о чем мне с ними говорить...

П е п е л. Они — поумнее тебя будут... хоть и пьяницы...

Б у б н о в. А кто пьян да умеет — два угоды в нем...

П е п е л. Сатин говорит: всякий человек хочет, чтобы сосед его совесть имел, да никому, видишь, не выгодно иметь-то ее... И это — верно...

(Наташа входит. За нею — Лука с палкой в руке, с котелком за плечами, чайником у пояса.)

Л у к а. Доброго здоровья, народ честной!

П е п е л *(приглаживая усы)*. А-а, Наташа!

Б у б н о в *(Луке)*. Был честной, да позапрошлой весной...

Н а т а ш а. Вот — новый постоялец...

Л у к а. Мне — всё равно! Я и жуликов уважаю, по-моему, ни одна блоха — не плоха: все — черненькие, все — прыгают... так-то. Где тут, милая, приспособиться мне?

Н а т а ш а *(указывая на дверь в кухню)*. Туда иди, дедушка...

Л у к а. Спасибо, девушка! Туда, так туда... Старику — где тепло, там и родина...

П е п е л. Какого занятого старичишку-то привели вы, Наташа...

Н а т а ш а. Поинтереснее вас... Андрей! Жена твоя в кухне у нас... ты, погоды, приди за ней.

К л е щ. Ладно... приду...

Н а т а ш а. Ты бы, чай, теперь поласковее с ней обращался... ведь уж недолго...

К л е щ. Знаю...

Н а т а ш а. Знаешь... Мало знать, ты — понимай. Ведь умирать-то страшно...

П е п е л. А я вот — не боюсь...

Н а т а ш а. Как же!.. Храбрость...

Б у б н о в *(свистнув)*. А нитки-то гнилые...

П е п е л. Право — не боюсь! Хоть сейчас — смерть приму! Возьмите вы нож, ударьте против сердца... умру — не охну! Даже — с радостью, потому что — от чистой руки...

Н а т а ш а *(уходит)*. Ну, вы другим уж зубы-то заговаривайте.

Б у б н о в *(протяжно)*. А ниточки-то гнилые...

Н а т а ш а *(у двери в сени)*. Не забудь, Андрей, про жену...

К л е щ. Ладно...

П е п е л. Славная девка!

Б у б н о в. Девица — ничего...

П е п е л. Чего она со мной... так? Отвергает... Всё равно ведь — пропадет здесь...

Б у б н о в. Через тебя пропадет...

П е п е л. Зачем — через меня? Я ее — жалею...

Б у б н о в. Как волк овцу...

П е п е л. Врешь ты! Я очень... жалею ее... Плохо ей тут жить... я вижу...

К л е щ. Погоди, вот Василиса увидит тебя в разговоре с ней...

Б у б н о в. Василиса? Н-да, она своего даром не отдаст... баба — лютая...

П е п е л *(ложится на нары)*. Подите вы к чертям оба... пророки!

К л е щ. Увидишь... погоди!..

Лука (*в кухне, напевает*). Середь но-очи... пу-уть-дорогу не-е видать...

Клещ (*уходя в сени*). Ишь, воет... тоже...

Пепел. А скушно... чего это скушно мне бывает? Живешь-живешь — всё хорошо! И вдруг — точно озябнешь: сделается скушно...

Бубнов. Скушно? М-м...

Пепел. Ей-ей!

Лука (*поет*). Эх, и не вида-ать пути-и...

Пепел. Старик! Эй!

Лука (*выглядывая из двери*). Это я?

Пепел. Ты. Не пой.

Лука (*выходит*). Не любишь?

Пепел. Когда хорошо поют — люблю...

Лука. А я, значит, не хорошо?

Пепел. Стало быть...

Лука. Ишь ты! А я думал — хорошо пою. Вот всегда так выходит: человек-то думает про себя — хорошо я делаю! Хвать — а люди недовольны...

Пепел (*смеясь*). Вот! Верно...

Бубнов. Говоришь — скушно, а сам хохочешь.

Пепел. А тебе что? Ворон...

Лука. Это кому — скушно?

Пепел. Мне вот...

(Барон входит.)

Лука. Ишь ты! А там, в кухне, девица сидит, книгу читает и — плачет! Право! Слезы текут... Я ей говорю: милая, ты чего это, а? А она — жалко! Кого, говорю, жалко? А вот, говорит, в книжке... Вот чем человек занимается, а? Тоже, видно, со скуки...

Барон. Это — дура...

Пепел. Барон! Чай пил?

Барон. Пил... дальше!

Пепел. Хочешь — полбутылки поставлю?

Барон. Разумеется... дальше!

Пепел. Становись на четвереньки, лай собакой!

Барон. Дурак! Ты что — купец? Или — пьян?

Пепел. Ну, полай! Мне забавно будет... Ты барин... было у тебя время, когда ты нашего брата за человека не считал... и всё такое...

Б а р о н. Ну, дальше!

П е п е л. Чего же? А теперь вот я тебя заставлю лаять собакой — ты и будешь... ведь будешь?

Б а р о н. Ну, буду! Болван! Какое тебе от этого может быть удовольствие, если я сам знаю, что стал чуть ли не хуже тебя? Ты бы меня тогда заставлял на четвереньках ходить, когда я был неровня тебе...

Б у б н о в. Верно!

Л у к а. И я скажу — хорошо!..

Б у б н о в. Что было — было, а остались — одни пустяки... Здесь господ нету... всё слиняло, один голый человек остался...

Л у к а. Все, значит, равны... А ты, милый, бароном был?

Б а р о н. Это что еще? Ты кто, кикимора?

Л у к а (*смеется*). Графа видал я и князя видал... а барона — первый раз встречаю, да и то испорченного...

П е п е л (*хохочет*). Барон! А ты меня сконфузил...

Б а р о н. Пора быть умнее, Василий...

Л у к а. Эхе-хе! Погляжу я на вас, братцы, — житье ваше — о-ой!..

Б у б н о в. Такое житье, что как поутру встал, так и за вытье...

Б а р о н. Жили и лучше... да! Я... бывало... проснусь утром и, лежа в постели, кофе пью... кофе! — со сливками... да!

Л у к а. А всё — люди! Как ни притворяйся, как ни вихляйся, а человеком родился, человеком и помрешь... И всё, гляжу я, умнее люди становятся, всё занятнее... и хоть живут — всё хуже, а хотят — всё лучше... упрямые!

Б а р о н. Ты, старик, кто такой?.. Откуда ты явился?

Л у к а. Я-то?

Б а р о н. Странник?

Л у к а. Все мы на земле странники... Говорят, — слышал я, — что и земля-то наша в небе странница.

Б а р о н (*строго*). Это так, ну, а — паспорт имешь?

Л у к а (*не сразу*). А ты кто, — сыщик?

П е п е л (*радостно*). Ловко, старик! Что, Бароша, и тебе попало?

Б у б н о в. Н-да, получил барин...

Б а р о н (*сконфуженный*). Ну, чего там? Я ведь... шучу, старик! У меня, брат, у самого бумаг нет...

Б у б н о в. Врешь!

Б а р о н. То есть... я имею бумаги... но — они никуда не годятся...

Л у к а. Они, бумажки-то, все такие... все никуда не годятся.

П е п е л. Барон! Идем в трактир...

Б а р о н. Готов! Ну, прощай, старик... Шельма ты!

Л у к а. Всяко бывает, милый...

П е п е л (*у двери в сени*). Ну, идем, что ли! (*Уходит. Барон быстро идет за ним.*)

Л у к а. В самом деле, человек-то бароном был?

Б у б н о в. Кто его знает? Барин, это верно... Он и теперь — нет-нет, да вдруг и покажет барина из себя. Не отвык, видно, еще.

Л у к а. Оно, пожалуй, барство-то — как оспа... и выздоровеет человек, а знаки-то остаются...

Б у б н о в. Он ничего все-таки... Только так иногда брыкнется... вроде как насчет твоего паспорта...

А л е ш к а (*выходит выпивши, с гармонией в руках. Свистит*). Эй, жители!

Б у б н о в. Чего орешь?

А л е ш к а. Извините... простите! Я человек вежливый...

Б у б н о в. Опять загулял?

А л е ш к а. Сколько угодно! Сейчас из участка помощник пристава Медякин выгнал и говорит: чтобы, говорит, на улице тобой и не пахло... ни-ни! Я — человек с характером... А хозяин на меня фыркает... А что такое — хозяин? Ф-фе! Недоразумение одно... Пьяница он, хозяин-то... А я такой человек, что... ничего не желаю! Ничего не хочу и — шабаш! На, возьми меня за рубль за двадцать! А я — ничего не хочу. (*Настя выходит из кухни.*) Давай мне миллион — н-не хочу! И чтобы мной, хорошим человеком, командовал товарищ мой... пьяница, — не желаю! Не хочу! (*Настя, стоя у двери, качает головой, глядя на Алешку.*)

Лука *(добродушно)*. Эх, парень, запутался ты...

Бубнов. Дурость человеческая...

Алешка *(ложится на пол)*. На, ешь меня! А я — ничего не хочу! Я — отчаянный человек! Объясните мне — кого я хуже? Почему я хуже прочих? Вот! Медякин говорит: на улицу не ходи — морду побью! А я — пойду... пойду лягу середь улицы — дави меня! Я — ничего не желаю!..

Настя. Несчастный!.. молоденький еще, а уж... так ломается...

Алешка *(увидав ее, встает на колени)*. Барышня! Мамзель! Парле франсе... прейскурант! Загулял я...

Настя *(громко шепчет)*. Василиса!

Василиса *(быстро отворяя дверь, Алешке)*. Ты опять здесь?

Алешка. Здравствуйте... пожалуйста...

Василиса. Я тебе, щенку, сказала, чтобы духа твоего не было здесь... а ты опять пришел?

Алешка. Василиса Карповна... хошь, я тебе... похоронный марш сыграю?

Василиса *(толкает его в плечо)*. Вон!

Алешка *(подвигаясь к двери)*. Постой... так нельзя! Похоронный марш... недавно выучил! Свежая музыка... Погоди! так нельзя!

Василиса. Я тебе покажу — нельзя... я всю улицу натравлю на тебя... язычник ты проклятый... молод ты лаять про меня...

Алешка *(выбегая)*. Ну, я уйду...

Василиса *(Бубнову)*. Чтобы ноги его здесь не было! Слышишь?

Бубнов. Я тут не сторож тебе...

Василиса. А мне дела нет, кто ты таков! Из милости живешь — не забудь! Сколько должен мне?

Бубнов *(спокойно)*. Не считал...

Василиса. Смотри — я посчитаю!

Алешка *(отворив дверь, кричит)*. Василиса Карповна! А я тебя не боюсь... н-не боюсь! *(Прячется.)*

(Лука смеется.)

Василиса. Ты кто такой?..

Лука. Проходящий... странствующий...

В а с и л и с а. Ночуешь или жить?

Л у к а. Погляжу там...

В а с и л и с а. Пачпорт!

Л у к а. Можно...

В а с и л и с а. Давай!

Л у к а. Я тебе принесу... на квартиру тебе приво-
локу его...

В а с и л и с а. Прохожий... тоже! Говорил бы —
проходимец... всё ближе к правде-то...

Л у к а (*вздыхнув*). Ах, и неласкова ты, мать...

(*Василиса идет к двери в комнату Пепла.*)

А л е ш к а (*выглядывая из кухни, шепчет*). Ушла? а?

В а с и л и с а (*оборачивается к нему*). Ты еще здесь?

(*Алешка, скрываясь, свистит. Настя и Лука смеются.*)

Б у б н о в (*Василисе*). Нет его...

В а с и л и с а. Кого?

Б у б н о в. Васьки...

В а с и л и с а. Я тебя спрашивала про него?

Б у б н о в. Вижу я... заглядываешь ты везде...

В а с и л и с а. Я за порядком гляжу — понял?
Это почему у вас до сей поры не метено? Я сколько раз
приказывала, чтобы чисто было?

Б у б н о в. Актеру мести...

В а с и л и с а. Мне дела нет — кому! А вот если
санитары придут да штраф наложат, я тогда... всех
вас — вон!

Б у б н о в (*спокойно*). А чем жить будешь?

В а с и л и с а. Чтобы соринки не было! (*Идет
в кухню. Насте.*) Ты чего тут торчишь? Что рожа-то
вспухла? Чего стоишь пнем? Мети пол! Наталью...
видела? Была она тут?

Н а с т я. Не знаю... не видела...

В а с и л и с а. Бубнов! Сестра была здесь?

Б у б н о в. А... вот его привела она...

В а с и л и с а. Этот... дома был?

Б у б н о в. Василий? Был... С Ключом она тут
говорила, Наталья-то...

В а с и л и с а. Я тебя не спрашиваю — с кем!

Грязь везде... грязница! Эх, вы... свиньи! Чтобы было чисто... слышите! *(Быстро уходит.)*

Б у б н о в. Сколько в ней зверства, в бабе этой!

Л у к а. Сурьезная бабочка...

Н а с т я. Озвереешь в такой жизни... Привяжи всякого живого человека к такому мужу, как ее...

Б у б н о в. Ну, она не очень крепко привязана...

Л у к а. Всегда она так... разрывается?

Б у б н о в. Всегда... К любовнику, видишь, пришла, а его нет...

Л у к а. Обидно, значит, стало. Охо-хо! Сколько это разного народа на земле распоряжается... и всякими страхами друг дружку страшает, а всё порядка нет в жизни... и чистоты нет...

Б у б н о в. Все хотят порядка, да разума нехватка. Однако же надо подмести... Настя!.. Ты бы занялась...

Н а с т я. Ну да, как же! Горничная я вам тут... *(Помолчав.)* Напьюсь вот я сегодня... так напьюсь!

Б у б н о в. И то — дело...

Л у к а. С чего же это ты, девица, пить хочешь? Давеча ты плакала, теперь вот говоришь — напьюсь!

Н а с т я *(вызывающе)*. А напьюсь — опять плакать буду... вот и всё!

Б у б н о в. Не много...

Л у к а. Да от какой причины, скажи? Ведь так, без причины, и прыщ не вскочит...

(Настя молчит, качая головой.)

Л у к а. Так... Эхе-хе... господа люди! И что с вами будет?.. Ну-ка хоть я помету здесь. Где у вас метла?

Б у б н о в. За дверью, в сенях...

(Лука идет в сени.)

Б у б н о в. Настёнка!

Н а с т я. А?

Б у б н о в. Чего Василиса на Алешку бросилась?

Н а с т я. Он про нее говорил, что надоела она Ваське и что Васька бросить ее хочет... а Наташу взять себе... Уйду я отсюда... на другую квартиру.

Б у б н о в. Чего? Куда?

Н а с т я. Надоело мне... Лишняя я здесь...

Б у б н о в *(спокойно)*. Ты везде лишняя... да и все люди на земле — лишние...

(Настя качает головой. Встает, тихо уходит в сени. Медведев входит. За ним — Лука с метлой.)

М е д в е д е в. Как будто я тебя не знаю...

Л у к а. А остальных людей — всех знаешь?

М е д в е д е в. В своем участке я должен всех знать... а тебя вот — не знаю...

Л у к а. Это оттого, дядя, что земля-то не вся в твоём участке поместилась... осталось маленько и опричь его... *(Уходит в кухню.)*

М е д в е д е в *(подходя к Бубнову)*. Правильно, участок у меня невелик... хоть хуже всякого большого... Сейчас, перед тем как с дежурства смениться, сапожника Алешку в часть отвез... Лег, понимаешь, среди улицы, играет на гармонии и орет: ничего не хочу, ничего не желаю! Лошади тут ездят и вообще — движение... могут раздавить колесами и прочее... Буйный парнишка... Ну, сейчас я его и... представил. Очень любит беспорядок...

Б у б н о в. Вечером в шашки играть придешь?

М е д в е д е в. Приду. М-да... А что... Васька?

Б у б н о в. Ничего... всё так же...

М е д в е д е в. Значит... живет?

Б у б н о в. Что ему не жить? Ему можно жить...

М е д в е д е в *(сомневаясь)*. Можно? *(Лука выходит в сени с ведром в руке.)* М-да... тут — разговор идет... насчет Васьки... ты не слыхал?

Б у б н о в. Я разные разговоры слышу...

М е д в е д е в. Насчет Василисы, будто... не замечал?

Б у б н о в. Чего?

М е д в е д е в. Так... вообще... Ты, может, знаешь, да врешь? Ведь все знают... *(Строго.)* Врать нельзя, брат...

Б у б н о в. Зачем мне врать!

М е д в е д е в. То-то!.. Ах, псы! Разговаривают: Васька с Василисой... дескать... а мне что? Я ей не отец, я — дядя... Зачем надо мной смеяться?.. *(Входит*

Квашня.) Какой народ стал... надо всем смеется...
А-а! Ты... пришла...

Квашня. Разлюбозный мой гарнизон! Бубнов! Он опять на базаре приставал ко мне, чтобы венчаться...

Бубнов. Валяй... чего же? У него деньги есть, и кавалер он еще крепкий...

Медведев. Я-то? Хо-хо!

Квашня. Ах ты, серый! Нет, ты меня за это мое, за больное место не тронь! Это, миленький, со мной было... Замуж бабе выйти — всё равно как зимой в прорубь прыгнуть: один раз сделала — на всю жизнь памятно...

Медведев. Ты — погоди... мужья — они разные бывают.

Квашня. Да я-то всё одинакова! Как издох мой милый мужечек, — ни дна бы ему ни покрывки, — так я целый день от радости одна просидела: сижу и всё не верю счастьем своему...

Медведев. Ежели тебя муж бил... зря — надо было в полицию жаловаться...

Квашня. Я богу жаловалась восемь лет, — не помогал!

Медведев. Теперь запрещено жеп бить... теперь во всем — строгость и закон-порядок! Никого нельзя зря бить... бьют — для порядку...

Лука (вводит Анну). Ну, вот и доползли... эх ты! И разве можно в таком слабом составе одной ходить? Где твое место?

Анна (указывая). Спасибо, бабушка...

Квашня. Вот она — замужняя... глядите!

Лука. Бабочка совсем слабого состава... Идет по сеням, цепляется за стенки и — стонает... Пошто вы ее одну пущаете?

Квашня. Не доглядели, простите, батюшка! А горничная ейная, видно, гулять ушла...

Лука. Ты вот — смеешься... а разве можно человека эдак бросать? Он — каков ни есть — а всегда своей цены стоит...

Медведев. Надзор нужен! Вдруг — умрет? Канитель будет из этого... Следить надо!

Лука. Верно, господин ундер...

Медведев. М-да... хоть я... еще не совсем ундер...

Лука. Н-ну? А видимость — самая геройская!
(В сенях шум и топот. Доносятся глухие крики.)

Медведев. Никак — скандал?

Бубнов. Похоже...

Квашня. Пойти поглядеть...

Медведев. И мне надо идти... Эх, служба! И зачем разнимают людей, когда они дерутся? Они и сами перестали бы... ведь устаешь драться... Давать бы им бить друг друга свободно, сколько каждому влезет... стали бы меньше драться, потому побои-то помнили бы дольше...

Бубнов (слезая с нар). Ты начальству поговори насчет этого...

Костылев (распахивая дверь, кричит). Абрам! Иди... Василиса Наташку... убивает... иди!

(Квашня, Медведев, Бубнов бросаются в сени. Лука, качая головой, смотрит вслед им.)

Анна. О господи... Наташенька бедная!

Лука. Кто дерется там?

Анна. Хозяйки... сестры...

Лука (подходя к Анне). Чего делают?

Анна. Так они... сытые обе... здоровые...

Лука. Тебя как звать-то?

Анна. Анной... Гляжу я на тебя... на отца ты похож моего... на батюшку... такой же ласковый... мягкий...

Лука. Мяли много, оттого и мягок... (Смеется дребезжащим смехом.)

З а н а в е с

АКТ ВТОРОЙ

Та же обстановка.

Вечер. На парах около печи С а т и н, Б а р о н, К р и в о й З о б и Т а т а р и н играют в карты. К л е щ и А к т е р наблюдают за игрой. Б у б н о в на своих парах играет в шашки с М е д в е д е в ы м. Л у к а сидит на табурете у постели А н н ы. Ночлежка освещена двумя лампами: одна висит на стене около играющих в карты, другая — на парах Бубнова.

Т а т а р и н. Еще раз играю,— больше не играю...
Б у б н о в. Зоб! Пой! *(Запевает.)*

Солнце всходит и заходит...

К р и в о й З о б *(подхватывает голос).*

А в тюрьме моей темно...

Т а т а р и н *(Сатину)*. Мешай карта! Хорошо мешай! Знаем мы, какой-такой ты...

Б у б н о в и К р и в о й З о б *(вместе).*

Дни и ночи часовые — э-эх!
Стерегут мое окно...

А н н а. Побой... обиды... ничего кроме — не видела я... ничего не видела!

Л у к а. Эх, бабочка! Не тоскуй!

М е д в е д е в. Куда ходишь? Гляди!..

Б у б н о в. А-а! Так, так, так...

Т а т а р и н *(грозя Сатину кулаком)*. Зачем карта прятать хочешь? Я вижу... э, ты!

К р и в о й З о б. Брось, Асан! Всё равно — они нас объегорят... Бубнов, заводи!

А н н а. Не помню — когда я сыта была... Над каждым куском хлеба гряслась... Всю жизнь мою дрожала... Мучилась... как бы больше другого не съесть... Всю жизнь в отрепьях ходила... всю мою несчастную жизнь... За что?

Л у к а. Эх ты, дetyнька! Устала? Ничего!

А к т е р *(Кривому Зобу)*. Валетом ходи... валетом, чёрт!

Б а р о н. А у нас — король.

К л е щ. Они всегда побьют.

С а т и н. Такая у нас привычка...

М е д в е д е в. Дамка!

Б у б н о в. И у меня... н-ну...

А н н а. Помираю, вот...

К л е щ. Ишь, ишь как! Князь, бросай игру! Бросай, говорю!

А к т е р. Он без тебя не понимает?

Б а р о н. Гляди. Андрюшка, как бы я тебя не швырнул ко всем чертям!

Т а т а р и н. Сдавай еще раз! Кувшин ходил за вода, разбивал себя... и я тоже!

(Клещ, качая головой, отходит к Бубнову.)

А н н а. Всё думаю я: господи! Неужто и на том свете мýка мне назначена? Неужто и там?

Л у к а. Ничего не будет! Лежи знай! Ничего! Отдохнешь там!... Потерпи еще! Все, милая, терпят... всяк по-своему жизнь терпит... *(Встает и уходит в кухню быстрыми шагами.)*

Б у б н о в *(запевает)*.

Как хотите, стерегите...

К р и в о й З о б.

Я и так не убегу...

(В два голоса.)

Мне и хочется на волю... эх!

Цепь порвать я не могу...

Andante molto tranquillo.

(Медленно и очень спокойно.)

(один голос) (все)
Солн.це ве.ходити за.хо.дит, А в тюр.ме мо.ей тем.но.

Дни и но.чи ча.со.вы - е Да, э - эх!
(один голос)

(все) (один голос)
Сте.ре.гут мо.е ок.но. Как хо.ти.те сте.ре.ги.те,

(все)
Я и так не у.бе.гу. Мне и хо.чет.ся на

во.лю. Да э - эх! Цеп.ь пор.вать.я не мо.гу.
(один голос) (все)

Татарин *(кричит)*. А! Карта рукав совал!
Барон *(конфузясь)*. Ну... что же мне — в нос твой сунуть?

Актёр *(убедительно)*. Князь! Ты ошибся... никто, никогда...

Татарин. Я видел! Жулик! Не буду играть!

Сатин *(собирая карты)*. Ты, Асан, отвяжись... Что мы — жулики, тебе известно. Стало быть, зачем играл?

Барон. Проиграл два двугривенных, а шум делаешь на трешницу... еще князь!

Татарин *(горячо)*. Надо играть честно!

Сатин. Это зачем же?

Татарин. Как зачем?

Сатин. А так... Зачем?

Татарин. Ты не знаешь?

Сатин. Не знаю. А ты — знаешь?

(Татарин плюет, озлобленный. Все хохочут над ним.)

Кривой Зоб *(благодарно)*. Чудак ты, Асан! Ты — пойми! Коли им честно жить начать, они в три дня с голоду издохнут...

Татарин. А мне какое дело! Надо честно жить!

Кривой Зоб. Заладил! Идем чай пить лучше... Бубен!

И-эх вы, цепи, мои цепи...

Бубнов.

Да вы железны сторожа...

Кривой Зоб. Идем, Асанка! *(Уходит, напевая.)*

Не порвать мне, не разбить вас...

(Татарин грозит Барону кулаком и выходит вслед за товарищем.)

Сатин *(Барону, смеясь)*. Вы, ваше вашество, опять торжественно сели в лужу! Образованный человек, а карту передернуть не можете...

Барон *(разводя руками)*. Чёрт знает, как она...

Актёр. Таланта нет... нет веры в себя... а без этого... никогда, ничего...

М е д в е д е в. У меня одна дамка... а у тебя две...
ц-да!

Б у б н о в. И одна — не бедна, коли умна... Ходи!

К л е щ. Проиграли вы, Абрам Иваныч!

М е д в е д е в. Это не твое дело... понял? И молчи...

С а т и н. Выигрыш — пятьдесят три копейки...

А к т е р. Три копейки мне... А впрочем, зачем мне нужно три копейки?

Л у к а (*выходя из кухни*). Ну, обыграли татарина? Водочку пить пойдете?

Б а р о н. Идем с нами!

С а т и н. Посмотреть бы, каков ты есть пьяный!

Л у к а. Не лучше трезвого-то...

А к т е р. Идем, старик... я тебе продекламирую куплеты...

Л у к а. Чего это?

А к т е р. Стихи,— понимаешь?

Л у к а. Стихи-и! А на что они мне, стихи-то?..

А к т е р. Это — смешно... А иногда — грустно...

С а т и н. Ну, куплетист, идешь? (*Уходит с Бароном.*)

А к т е р. Иду... я догоню! Вот, например, старик, из одного стихотворения... начало я забыл... забыл! (*Потирает лоб.*)

Б у б н о в. Готово! Пропала твоя дамка... ходи!

М е д в е д е в. Не туда я пошел... пострели ее!

А к т е р. Раньше, когда мой организм не был отравлен алкоголем, у меня, старик, была хорошая память... А теперь вот... конечно, брат! Всё конечно для меня! Я всегда читал это стихотворение с большим успехом... гром аплодисментов! Ты... не знаешь, что такое аплодисменты... это, брат, как... водка!.. Бывало, выйду, встану вот так... (*Становится в позу.*) Встану... и... (*Молчит.*) Ничего не помню... ни слова... не помню! Любимое стихотворение... плохо это, старик?

Л у к а. Да уж чего хорошего, коли любимое забыл? В любимом — вся душа...

А к т е р. Пропил я душу, старик... я, брат, погиб... А почему — погиб? Веры у меня не было... Кончен я...

Л у к а. Ну, чего? Ты... лечись! От пьянства нынче лечат, слышь! Бесплатно, браток, лечат... такая уж

лечебница устроена для пьяниц... чтобы, значит, даром их лечить... Признали, видишь, что пьяница — тоже человек... и даже — рады, когда он лечиться желает! Ну-ка, вот, валяй! Иди...

А к т е р *(задумчиво)*. Куда? Где это?

Л у к а. А это... в одном городе... как его? Название у него эдакое... Да я тебе город назову!.. Ты только вот чего: ты пока готовься! Воздержись!.. возьми себя в руки и — терпи... А потом — вылечишься... и начнешь жить снова... хорошо, брат, снова-то! Ну, решай... в два приема...

А к т е р *(улыбаясь)*. Снова... сначала... Это — хорошо... Н-да... Снова? *(Смеется.)* Ну... да! Я могу!? Ведь могу, а?

Л у к а. А чего? Человек — всё может... лишь бы захотел...

А к т е р *(вдруг, как бы проснувшись)* Ты — чудак! Прощай пока! *(Свистит.)* Старичок... прощай... *(Уходит.)*

А н н а. Дедушка!

Л у к а. Что, матушка?

А н н а. Поговори со мной...

Л у к а *(подходя к ней)*. Давай, побеседуем...

(Клещ оглядывается, молча подходит к жене, смотрит на нее и делает какие-то жесты руками, как бы желая что-то сказать.)

Л у к а. Что, браток?

К л е щ *(негромко)*. Ничего... *(Медленно идет к двери в сени, несколько секунд стоит перед ней и — уходит.)*

Л у к а *(проводив его взглядом)*. Тяжело мужику-то твоему...

А н н а. Мне уж не до него...

Л у к а. Бил он тебя?

А н н а. Еще бы... От него, чай, и зачихла...

Б у б н о в. У жены моей... любовник был; ловко, бывало, в шашки играл, шельма...

М е д в е д е в. Мм-м...

А н н а. Дедушка! Говори со мной, милый... Тошно мне...

Л у к а. Это ничего! Это — перед смертью... голубка. Ничего, милая! Ты — надейся... Вот, значит, помрешь, и будет тебе спокойно... ничего больше не надо будет, и бояться — нечего! Тишина, покой... лежи себе! Смерть — она всё успокаивает... она для нас ласковая... Помрешь — отдохнешь, говорится... верно это, милая! Потому — где здесь отдохнуть человеку?

(Пепел входит. Он немного выпивши, растрепанный, мрачный. Садится у двери на паре и сидит молча, неподвижно.)

А н н а. А как там — тоже мўка?

Л у к а. Ничего не будет! Ничего! Ты — верь! Спокой и — больше ничего! Призовут тебя к господу и скажут: господи, погляди-ка, вот пришла раба твоя, Анна...

М е д в е д е в *(строго)*. А ты почему знаешь, что там скажут? Эй, ты...

(Пепел при звуке голоса Медведева поднимает голову и прислушивается.)

Л у к а. Стало быть, знаю, господин ундер...

М е д в е д е в *(примирительно)*. М... да! Ну... твое дело... Хоша... я еще не совсем... ундер...

Б у б н о в. Двух беру...

М е д в е д е в. Ах ты... чтоб тебе!..

Л у к а. А господь — взглянет на тебя кротко-ласково и скажет: знаю я Анну эту! Ну, скажет, отведите ее, Анну, в рай! Пусть успокоится... Знаю я, жила она — очень трудно... очень устала... Дайте покой Анне...

А н н а *(задыхаясь)*. Дедушка... милый ты... кабы так! Кабы... покой бы... не чувствовать бы ничего...

Л у к а. Не будешь! Ничего не будет! Ты — верь! Ты — с радостью помирай, без тревоги... Смерть, я те говорю, она нам — как мать малым детям...

А н н а. А... может... может, выздоровлю я?

Л у к а *(усмехаясь)*. На что? На мўку опять?

А н н а. Ну... еще немножко... пожить бы... немножко! Коли там мўки не будет... здесь можно потерпеть... можно!

Лука. Ничего там не будет!.. Просто...

Пепел *(вставая)*. Верно... а может, и — не верно!

Анна *(пугливо)*. Господи...

Лука. А, красавец...

Медведев. Кто орет?

Пепел *(подходя к нему)*. Я! А что?

Медведев. Зря орешь, вот что! Человек должен вести себя смиренно...

Пепел. Э... дубина!.. А еще — дядя... х-хо!

Лука *(Пеплу, негромко)*. Слышь, — не кричи! Тут — женщина помирает... уж губы у нее землей обметало... не мешай!

Пепел. Тебе, дед, изволь, — уважу! Ты, брат, молодец! Врешь ты хорошо... сказки говоришь приятно! Ври, ничего... мало, брат, приятного на свете!

Бубнов. Вправду — помирает баба-то?

Лука. Кажись, не шутит...

Бубнов. Кашлять, значит, перестанет... Кашляла она очень беспокойно... Двух беру!

Медведев. Ах, пострели тебя в сердце!

Пепел. Абрам!

Медведев. Я тебе — не Абрам...

Пепел. Абрашка! Наташа — хворает?

Медведев. А тебе какое дело?

Пепел. Нет, ты скажи: сильно ее Василиса избила?

Медведев. И это дело не твое! Это — семейное дело... А ты — кто таков?

Пепел. Кто бы я ни был, а... захочу — и не видать вам больше Наташки!

Медведев *(бросая игру)*. Ты — что говоришь? Ты — про кого это? Племянница моя чтобы... ах, вор!

Пепел. Вор, а тобой не пойман...

Медведев. погоди! Я — поймаю... я — скоро...

Пепел. А поймаешь, — на горе всему вашему гнезду. Ты думаешь — я молчать буду перед следователем? Жди от волка толка! Спросят: кто меня на воровство подбил и место указал? Мишка Костылев с женой! Кто краденое привял? Мишка Костылев с женой!

Медведев. Врешь! Не поверят тебе!

П е п е л. Поверят, потому — правда! И тебя еще запутаю... ха! Погублю всех вас, черти,— увидишь!

М е д в е д е в *(теряясь)*. Врешь! И... врешь! И... что я тебе худого сделал? Пес ты бешеный...

П е п е л. А что ты мне хорошего сделал?

Л у к а. Та-ак!

М е д в е д е в *(Луке)*. Ты... чего каркаешь? Твое тут — какое дело? Тут — семейное дело!

Б у б н о в *(Луке)*. Отстань! Не для нас с тобой петли вяжут.

Л у к а *(смиренно)*. Я ведь — ничего! Я только говорю, что, если кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил...

М е д в е д е в *(не поняв)*. То-то! Мы тут... все друг друга знаем... а ты — кто такой? *(Сердито фыркая, быстро уходит.)*

Л у к а. Рассердился кавалер... Охо-хо, дела у вас, братцы, смотрю я... путаные дела!

П е п е л. Василисе жаловаться побежал...

Б у б н о в. Дуришь ты, Василий. Чего-то храбрости у тебя много завелось... гляди, храбрость у места, когда в лес по грибы идешь... а здесь она — ни к чему... Они тебе живо голову свернут...

П е п е л. Н-ну, нет! Нас, ярославских, голыми руками не сразу возьмешь... Ежели война — будем воевать...

Л у к а. А в самом деле, отойти бы тебе, парень, прочь с этого места...

П е п е л. Куда? Ну-ка, выговори...

Л у к а. Иди... в Сибирь!

П е п е л. Эге! Нет, уж я погожу, когда пошлют меня в Сибирь эту на казенный счет...

Л у к а. А ты слушай, иди-ка! Там ты себе можешь путь найти... Там таких — надобно!

П е п е л. Мой путь — обозначен мне! Родитель всю жизнь в тюрьмах сидел и мне тоже заказал... Я когда маленький был, так уж в ту пору меня звали вор, воров сын...

Л у к а. А хорошая сторона — Сибирь! Золотая сторона! Кто в силе да в разуме, тому там — как огурцу в парнике!

Пепел. Старик! Зачем ты всё врешь?

Лука. Ась?

Пепел. Оглох! Зачем врешь, говорю?

Лука. Это в чем же вру-то я?

Пепел. Во всем... Там у тебя хорошо, здесь хорошо... ведь — врешь! На что?

Лука. А ты мне — поверь, да поди сам погляди... Спасибо скажешь... Чего ты тут трешься? И... чего тебе правда больно нужна... подумай-ка! Она, правда-то, может, обух для тебя...

Пепел. А мне всё сдино! Обух, так обух...

Лука. Да чудак! На что самому себя убивать?

Бубнов. И чего вы оба мелете? Не пойму... Какой тебе, Васька, правды надо? И зачем? Знаешь ты правду про себя... да и все ее знают...

Пепел. погоди, не каркай! Пусть он мне скажет... Слушай, старик: бог есть?

(Лука молчит, улыбаясь.)

Бубнов. Люди все живут... как щепки по реке плывут... строят дом... а щепки — прочь...

Пепел. Ну? Есть? Говори...

Лука *(негромко)*. Коли веришь, — есть; не веришь, — нет... Во что веришь. то и есть...

(Пепел молча, удивленно и упорно смотрит на старика.)

Бубнов. Пойду чаю попою... идемте в трактир? Эй!..

Лука *(Пенлу)*. Чего глядишь?

Пепел. Так... погоди!.. Значит...

Бубнов. Ну, я один... *(Идет к двери и встречается с Василисой.)*

Пепел. Стало быть... ты...

Василиса *(Бубнову)*. Настасья — дома?

Бубнов. Нет... *(Уходит.)*

Пепел. А... пришла...

Василиса *(подходя к Анне)*. Жива еще?

Лука. Не тревожь...

Василиса. А ты... чего тут торчишь?

Лука. Я могу уйти... коли надо...

В а с и л и с а (*направляясь к двери в комнату Пепла*). Василий! У меня к тебе дело есть...

(*Лука подходит к двери в сени, отворяет ее и громко хлопает ею. Затем осторожно влезает на нары и — на печь.*)

В а с и л и с а (*из комнаты Пепла*). Вася... поди сюда!

П е п е л. Не пойду... не хочу...

В а с и л и с а. А... что же? На что гневаешься?

П е п е л. Скушно мне... надоела мне вся эта ка-
нитель...

В а с и л и с а. И я... надоела?

П е п е л. И ты...

(*Василиса крепко стягивает платок на плечах, прижимая руки ко груди. Идет к постели Анны, осторожно смотрит за полог и возвращается к Пеплу.*)

П е п е л. Ну... говори...

В а с и л и с а. Что же говорить? Насильно мил не будешь... и не в моем это характере милости просить... Спасибо тебе за правду...

П е п е л. Какую правду?

В а с и л и с а. А что надоела я тебе... али это не правда?

(*Пепел молча смотрит на нее.*)

В а с и л и с а (*подвигаясь к нему*). Что глядишь? Не узнаешь?

П е п е л (*вздыхая*). Красивая ты, Васка (*женщина кладет ему руку на шею, но он встряхивает руку ее движением плеча*) — а никогда не лежало у меня сердце к тебе... И жил я с тобой и всё... а никогда ты не нравилась мне...

В а с и л и с а (*тихо*). Та-ак... Н-ну...

П е п е л. Ну, не о чем нам говорить! Не о чем... иди от меня...

В а с и л и с а. Другая приглянулась?

П е п е л. Не твое дело... И приглянулась — в свахи тебя не позову...

В а с и л и с а (*значительно*). А напрасно... Может, я бы и сосватала...

П е п е л (*подозрительно*). Кого это?

В а с и л и с а. Ты знаешь... что притворяться? Василий... я — человек прямой... (*Тише.*) Скрывать не буду... ты меня обидел... Ни за что, ни про что — как плетью хлестнул... Говорил — любишь... и вдруг...

П е п е л. Вовсе не вдруг... я давно... души в тебе нет, баба... В женщине — душа должна быть... Мы — звери... нам надо... надо нас — приучать... а ты — к чему меня приучила?..

В а с и л и с а. Что было — того нет... Я знаю — человек сам в себе не волен... Не любишь больше... ладно! Так тому и быть...

П е п е л. Ну, значит, и — шабаш! Разошлись смирно, без скандала... и хорошо!

В а с и л и с а. Нет, погоди! Все-таки... когда я с тобой жила... я всё дожидалась, что ты мне поможешь из омута этого выбраться... освободишь меня от мужа, от дяди... от всей этой жизни... И, может, я не тебя, Вася, любила, а... надежду мою, думу эту любила в тебе... Понимаешь? Ждала я, что вытащишь ты меня...

П е п е л. Ты — не гвоздь, я — не клещи... Я сам думал, что ты, как умная... ведь ты умная... ты — ловкая!

В а с и л и с а (*близко наклоняясь к нему*). Вася! давай... поможем друг другу...

П е п е л. Как это?

В а с и л и с а (*тихо, сильно*). Сестра... тебе нравится, я знаю...

П е п е л. За то ты и бьешь ее зверски! Смотри, Васка! Ее — не тронь...

В а с и л и с а. Погоди! Не горячись! Можно всё сделать тихо, по-хорошему... Хочешь — женись на ней? И я тебе еще денег дам... целковых... триста! Больше соберу — больше дам...

П е п е л (*отодвигаясь*). Постой... как это? За что?

В а с и л и с а. Освободи меня... от мужа! Сними с меня петлю эту...

П е п е л (*тихо свистит*). Вон что-о! Ого-го! Это —

ты ловко придумала... мужа, значит, в гроб, любовника — на каторгу, а сама...

В а с и л и с а. Вася! Зачем — каторга? Ты — не сам... через товарищей! Да если и сам — кто узнает? Наталья — подумай! Деньги будут... уедешь куда-нибудь... меня навек освободишь... И что сестры около меня не будет — это хорошо для нее. Видеть мне ее — трудно... злоблюсь я на нее за тебя... и сдержаться не могу... мучаю девку, бью ее... так — бью... что — сама плачу от жалости к ней... А — бью. И — буду бить!

П е п е л. Зверь! Хвастаешься зверством своим?

В а с и л и с а. Не хвастаюсь — правду говорю. Подумай, Вася... Ты два раза из-за мужа моего в тюрьме сидел... из-за его жадности... Он в меня, как клоп, впился... четыре года сосет! А какой он мне муж? Наташку теснит, измывается над ней, нищая, говорит! И для всех он — яд...

П е п е л. Хитро ты плетешь...

В а с и л и с а. В речах моих — всё ясно... Только глупый не поймет, чего я хочу...

(Костылев осторожно входит и крадется вперед.)

П е п е л *(Василисе)*. Ну... иди!

В а с и л и с а. Подумай! *(Видит мужа.)* Ты — что? За мной?

(Пепел вскакивает и дико смотрит на Костылева.)

К о с т ы л е в. Это я... я! А вы тут... одни? А-а... Вы — разговаривали? *(Вдруг топает ногами и громко визжит.)* Васка... поганая! Нищая... шкура! *(Пугается своего крика, встреченного молчанием и неподвижностью.)* Прости господи... опять ты меня, Василиса, во грех ввела... Я тебя ищу везде... *(Взвизгивая.)* Спать пора! Масла в лампы забыла налить... у, ты! Нищая... свинья... *(Дрожащими руками машет на нее. Василиса медленно идет к двери в сени, оглядываясь на Пепла.)*

П е п е л *(Костылеву)*. Ты! Уйди... пошел!..

К о с т ы л е в *(кричит)*. Я — хозяин! Сам пошел, да! Вор...

Пепел (*глухо*). Уйди, Мишка...

Костылев. Не смей! Я тут... я тебя...

(Пепел хватается его за шиворот и встряхивает. На печи раздается громкая возня и воющее позевыванье. Пепел выпускает Костылева, старик с криком бежит в сени.)

Пепел (*вспрыгнув на нары*). Кто это... кто на печи?

Лука (*высовывая голову*). Ась?

Пепел. Ты?!

Лука (*спокойно*). Я... я самый... О господи Иисусе Христе!

Пепел (*затворяет дверь в сени, ищет запора и не находит*). А, черти... Старик, слезай!

Лука. Сейча-ас... лезу...

Пепел (*грубо*). Ты зачем на печь залез?

Лука. А куда надо было?

Пепел. Ведь... ты в сени ушел?

Лука. В сенях, браточек, мне, старику, холодно...

Пепел. Ты... слышал?

Лука. А — слышал! Как не слышать? Али я — глухой? Ах, парень, счастье тебе идет... Вот идет счастье!

Пепел (*подозрительно*). Какое счастье? В чем?

Лука. А вот в том, что я на печь залез.

Пепел. А... зачем ты там возиться начал?

Лука. Затем, значит, что — жарко мне стало... на твое сиротское счастье... И — опять же — смекнул я, как бы, мол, парень-то не ошибся... не придушил бы старичка-то...

Пепел. Да-а... я это мог... ненавижу...

Лука. Что мудреного? Ничего нет трудного... Часто эдак-то ошибаются...

Пепел (*улыбаясь*). Ты — что? Сам, что ли, ошибся однажды?

Лука. Парень! Слушай-ка, что я тебе скажу: бабу эту — прочь надо! Ты ее — ни-ни! — до себя не допускай... Мужа — она и сама со света сживет, да еще половчее тебя, да! Ты ее, дьяволицу, не слушай... Гляди — какой я? Лысый... А отчего? От этих вот самых разных баб... Я их, баб-то, может, больше

знал, чем волос на голове было... А эта Василиса — она... хуже черемиса!

Пепел. Не понимаю я... спасибо тебе сказать, или ты... тоже...

Лука. Ты — не говори! Лучше моего не скажешь! Ты слушай: которая тут тебе нравится, бери ее под руку да отсюда — шагом марш! — уходи! Прочь уходи...

Пепел (*угрюмо*). Не поймешь людей! Которые — добрые, которые — злые?.. Ничего непонятно...

Лука. Чего там понимать? Всяко живет человек... как сердце налажено, так и живет... сегодня — добрый, завтра — злой... А коли девка эта за душу тебя задела всурьез... уйди с ней отсюда, и кончено... А то — один иди... Ты — молодой, успеешь бабой обзавестись...

Пепел (*берет его за плечо*). Нет, ты скажи — зачем ты всё это...

Лука. Погоди-ка, пусти... Погляжу я на Анну... чего-то она хрипела больно... (*Идет к постели Анны, открывает полог, смотрит, трогает рукой. Пепел задумчиво и растерянно следит за ним.*) Иисусе Христе, многомилостивый! Дух новопреставленной рабы твоей Анны с миром прими...

Пепел (*тихо*). Умерла?.. (*Не подходя, вытягивается и смотрит на кровать.*)

Лука (*тихо*). Отмаялась!.. А где мужик-то ее?

Пепел. В трактире, наверно...

Лука. Надо сказать...

Пепел (*вздрагивая*). Не люблю покойников...

Лука (*идет к двери*). За что их любить?.. Любить — живых надо... живых...

Пепел. И я с тобой...

Лука. Боишься?

Пепел. Не люблю...

(*Торопливо выходят. Пустота и тишина. За дверью в сени слышен глухой шум, неровный, непонятный.*)

Потом — входит Актер.)

Актер (*останавливается, не затворяя двери, на пороге и, придерживаясь руками за косяки, кричит*). Старик, эй! Ты где? Я — вспомнил... слушай.

{ Шатаясь, делает два шага вперед и, принимая позу, читает. }

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не умеет,—
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

{ Наташа является сзади Актера в двери. }

А к т е р. Старик!..

Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло,
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь...

Н а т а ш а *(смеется)*. Чучело! Нализался...

А к т е р *(оборачиваясь к ней)*. А-а, это ты? А — где старичок... милый старикашка? Здесь, по-видимому, — никого нет... Наташа, прощай! Прощай... да!

Н а т а ш а *(входя)*. Не здоровался, а прощаешься...

А к т е р *(загораживая ей дорогу)*. Я — уезжаю, ухожу... Настанет весна — и меня больше нет...

Н а т а ш а. Пусти-ка... куда это ты?

А к т е р. Искать город... лечиться... Ты — тоже уходи... Офелия... иди в монастырь... Понимаешь — есть лечебница для организмов... для пьяниц... Превосходная лечебница... Мрамор... мраморный пол! Свет... чистота, пища... всё — даром! И мраморный пол, да! Я ее найду, вылечусь и... снова буду... Я на пути к возрождению... как сказал... король... Лир! Наташа... по сцене мое имя Сверчков-Заволжский... никто этого не знает, никто! Нет у меня здесь имени... Понимаешь ли ты, как это обидно — потерять имя? Даже собаки имеют клички...

{ Наташа осторожно обходит Актера, останавливается у кровати Анны, смотрит. }

А к т е р. Без имени — нет человека...

Н а т а ш а. Гляди... голубчик... померла ведь...

А к т е р *(качая головой)*. Не может быть...

Н а т а ш а *(отступая)*. Ей-богу... смотри...

Б у б н о в *(в двери)*. Чего смотреть?

Н а т а ш а. Анна-то... померла!

Б у б н о в. Кашлять перестала, значит. *(Идет к постели Анны, смотрит, идет на свое место.)* Надо Клецу сказать... это — его дело...

А к т е р. Я иду... скажу... потеряла имя!.. *(Уходит.)*

Н а т а ш а *(посреди комнаты)*. Вот и я... когда-нибудь так же... в подвале... забитая...

Б у б н о в *(расстилая на своих нарах какое-то тряпье)*. Чего? Ты чего бормочешь?

Н а т а ш а. Так... про себя...

Б у б н о в. Ваську ждешь? Гляди — сломит тебе голову Васька...

Н а т а ш а. А не всё равно — кто сломит? Уж пускай лучше он...

Б у б н о в *(ложится)*. Ну, твое дело...

Н а т а ш а. Ведь вот... хорошо, что она умерла... а жалко... Господи!.. Зачем жил человек?

Б у б н о в. Все так: родятся, проживут, умирают. И я помру... и ты... Чего жалеть?

(Входят: Лука, Татарин, Кривой Зоб и Клец. Клец идет сзади всех, медленно, съезжившись.)

Н а т а ш а. Ш-ш! Анна...

К р и в о й З о б. Слышали... царство небесное, коли померла...

Т а т а р и н *(Клецу)*. Надо вон тащить! Сени надо тащить! Здесь — мертвый — нельзя, здесь — живой спать будет...

К л е ц *(негромко)*. Вытащим...

(Все подходят к постели. Клец смотрит на жену через плечи других.)

К р и в о й З о б *(Татарину)*. Ты думаешь — дух пойдет? От нее духа не будет... она вся еще живая высохла...

Н а т а ш а. Господи! Хоть бы пожалели... хоть бы кто слово сказал какое-нибудь! Эх вы...

Л у к а. Ты, девушка, не обижайся... ничего! Где им... куда нам — мертвых жалеть? Э, милая! Живых — не жалеем... сами себя пожалеть-то не можем... где тут!

Бубнов *(зевая)*. И опять же — смерть слова не боится!.. Болезнь — боится слова, а смерть — нет!

Татарин *(отходя)*. Полицию надо...

Кривой Зоб. Полицию — это обязательно! Клещ! Полиции заявил?

Клещ. Нет... Хоронить надо... а у меня сорок копеек всего...

Кривой Зоб. Ну, на такой случай — займи... а то мы соберем... кто пятак, кто — сколько может... А полиции заяви... скорее! А то она подумает — убил ты бабу... или что... *(Идет к парам и собирается лечь рядом с Татаринцом.)*

Наташа *(отходя к парам Бубнова)*. Вот... будет она мне сниться теперь... мне всегда покойники снятся... Боюсь идти одна... в сених — темно...

Лука *(следуя за ней)*. Ты — живых опасайся... вот что я скажу...

Наташа. Проводи меня, дедушка...

Лука. Идем... идем, провожу!

(Уходят. Пауза.)

Кривой Зоб. Охо-хо-о! Асан! Скоро весна, друг... тепло нам жить будет! Теперь уж в деревнях мужики сохи, бороны чинят... пахать налаживаются... н-да! А мы... Асан!.. Дрыхнет уж, Магомст окаянный...

Бубнов. Татары спать любят...

Клещ *(стоит посредине постели и тупо смотрит перед собой)*. Чего же мне теперь делать?

Кривой Зоб. Ложись да спи... только и всего...

Клещ *(тихо)*. А... она... как же?

(Никто не отвечает ему. Сатин и Актер входят.)

Актер *(кричит)*. Старик! Сюда, мой верный Кент...

Сатин. Миклуха-Маклай идет... х-хо!

Актер. Кончено и решено! Старик, где город... где ты?

Сатин. Фата-моргана! Наврал тебе старик... Ничего нет! Нет городов, нет людей... ничего нет!

Актер. Врешь!

Т а т а р и н *(вскакивая)*. Где хозяин? Хозяину иду! Нельзя спать — нельзя деньги брать... Мертвые... пьяные... *(Быстро уходит. Сатин свистит вслед ему.)*

Б у б н о в *(сонным голосом)*. Ложись, ребята, не шуми... ночью — спать надо!

А к т е р. Да... здесь — ага! Мертвец... «Наши сети притащили мертвеца»... стихотворение... Б-беранжера!

С а т и н *(кричит)*. Мертвецы — не слышат! Мертвецы не чувствуют... Кричи... реви... мертвецы не слышат!..

(В двери является Лука.)

З а н а в е с

АКТ ТРЕТИЙ

«Пустырь» — засоренное разным хламом и заросшее бурьяном дворовое место. В глубине его — высокий кирпичный брандмауер. Он закрывает небо. Около него — кусты бузины. Направо — темная, бревенчатая стена какой-то надворной постройки — сарая или конюшни. А налево — серая, покрытая остатками штукатурки стена того дома, в котором помещается ночлежка Костылевых. Она стоит наискось, так что ее задний угол выходит почти на средину пустыря. Между ею и красной стеной — узкий проход. В серой стене два окна: одно — в уровень с землей, другое — аршина на два выше и ближе к брандмауеру. У этой стены лежат розвальни кверху полозьями и обрубок бревна, длиною аршина в четыре. Направо у стены — куча старых досок, брусьев. Вечер, заходит солнце, освещая брандмауер красноватым светом. Ранняя весна, недавно стаял снег. Черные сучья бузины еще без почек. На бревне сидят рядом Наташа и Настя. На дровнях — Лука и Барон. Клещ лежит на куче дерева у правой стены. В окне у земли — рожа Бубнова.

Настя (*закрыв глаза и качая головой в такт словам, невнятно рассказывает*). Вот приходит он ночью в сад, в беседку, как мы уговорились... а уж я его давно жду и дрожу от страха и горя. Он тоже дрожит весь и — белый, как мел, а в руках у него леворверт...

Наташа (*грызет семечки*). Ишь! Видно, правду говорят, что студенты — отчаянные...

Настя. И говорит он мне страшным голосом: «Драгоценная моя любовь...»

Бубнов. Хо-хо! Драгоценная?

Б а р о н. Погоди! Не люблю — не слушай, а врать не мешай... Дальше!

Н а с т я. «Ненаглядная, говорит, моя любовь! Родители, говорит, согласия своего не дают, чтобы я венчался с тобой... и грозят меня навеки проклясть за любовь к тебе. Ну и должен, говорит, я от этого лишиться себя жизни...» А леворверт у него — огромный и заряжен десятью пулями... «Прощай, говорит, любезная подруга моего сердца! — решил я бесповоротно... жить без тебя — никак не могу». И отвечала я ему: «Незабвенный друг мой... Рауль...»

Б у б н о в *(удивленный)*. Чего-о? Как? Краул?

Б а р о н *(хохочет)*. Настька! Да ведь... ведь прошлый раз — Гастон был!

Н а с т я *(вскакивая)*. Молчите... несчастные! Ах... бродячие собаки! Разве... разве вы можете понимать... любовь? Настоящую любовь? А у меня — была она... настоящая! *(Барону.)* Ты! Ничтожный!.. Образованный ты человек... говоришь — лежа кофей пил...

Л у к а. А вы — погоди-ите! Вы — не мешайте! Уважьте человеку... не в слове — дело, а — почему слово говорится? — вот в чем дело! Рассказывай, девушка, ничего!

Б у б н о в. Раскрашивай, ворона, перья... валяй!

Б а р о н. Ну — дальше!

Н а т а ш а. Не слушай их... что они? Они — из зависти это... про себя им сказать нечего...

Н а с т я *(снова садится)*. Не хочу больше! Не буду говорить... Коли они не верят... коли смеются... *(Вдруг, прерывая речь, молчит несколько секунд и, вновь закрыв глаза, продолжает горячо и громко, помахивая рукой в такт речи и точно вслушиваясь в отдаленную музыку.)* И вот — отвечаю я ему: «Радость жизни моей! Месяц ты мой ясный! И мне без тебя тоже вовсе невозможно жить на свете... потому как люблю я тебя безумно и буду любить, пока сердце бьется во груди моей! Но, говорю, не лишай себя молодой твоей жизни... как нужна она дорогим твоим родителям, для которых ты — вся их радость... Брось меня! Пусть лучше я пропаду... от тоски по тебе, жизнь моя... я — одна... я — таковская! Пускай уж я... погибаю,—

всё равно! Я — никуда не пожусь... и нет мне ничего... нет ничего...» (*Закрывает лицо руками и беззвучно плачет.*)

Н а т а ш а (*отвертываясь в сторону, негромко*). Не плачь... не надо!

(*Лука, улыбаясь, гладит голову Настю.*)

Б у б н о в (*хохочет*). Ах... чёртова кукла! а?

Б а р о н (*тоже смеется*). Дедка! Ты думаешь — это правда? Это всё из книжки «Роковая любовь»... Всё это — ерунда! Брось ее!..

Н а т а ш а. А тебе что? Ты! Молчи уж... коли бог убил...

Н а с т я (*яростно*). Пропадающая душа! Пустой человек! Где у тебя — душа?

Л у к а (*берет Настю за руку*). Уйдем, милая! ничего... не сердись! Я — знаю... Я — верю! Твоя правда, а не ихняя... Коли ты веришь, была у тебя настоящая любовь... значит — была она! Была! А на него — не сердись, на сожителя-то... Он... может, и впрямь из зависти смеется... у него, может, вовсе не было настоящего-то... ничего не было! Пойдем-ка!..

Н а с т я (*крепко прижимая руки ко груди*). Дедушка! Ей-богу... было это! Всё было!.. Студент он... француз был... Гастошей звали... с черной бородкой... в лаковых сапогах ходил... разрази меня гром на этом месте! И так он меня любил... так любил!

Л у к а. Я — знаю! Ничего! Я верю! В лаковых сапогах, говоришь? А-яй-ай! Ну — и ты его тоже — любила?

(*Уходят за угол.*)

Б а р о н. Ну и глупа же эта девица... добрая, но... глупа — нестерпимо!

Б у б н о в. И чего это... человек врать так любит? Всегда — как перед следователем стоит... право!

Н а т а ш а. Видно, вранье-то... приятнее правды... Я — тоже...

Б а р о н. Что — тоже? Дальше?!

Н а т а ш а. Выдумываю... Выдумываю и — жду...

Б а р о н. Чего?

Н а т а ш а *(смущенно улыбаясь)*. Так... Вот, думаю, завтра... придет кто-то... кто-нибудь... особенный... Или — случится что-нибудь... тоже — небывалое... Подолгу жду... всегда — жду... А так... на самом деле — чего можно ждать?

(Пауза.)

Б а р о н *(с усмешкой)*. Нечего ждать... Я — ничего не жду! Всё уже... было! Прошло... кончено!.. Дальше!

Н а т а ш а. А то... вообразу себе, что завтра я... скоропостижно помру... И станет от этого — жутко... Летом хорошо воображать про смерть... грозы бывают летом... всегда может грозой убить...

Б а р о н. Нехорошо тебе жить... эта сестра твоя... дьявольский характер!

Н а т а ш а. А кому — хорошо жить? Всем плохо... я вижу...

К л е щ *(до этой поры неподвижный и безучастный — вдруг вскакивает)*. Всем? Врешь! Не всем! Кабы — всем... пускай! Тогда — не обидно... да!

Б у б н о в. Что тебя — чёрт боднул? Ишь ты... взвыл как!

(Клещ снова ложится на свое место и ворчит.)

Б а р о н. А... надо мне к Настёнке мириться идти... не помиришься — на выпивку не даст...

Б у б н о в. Мм... Любят врать люди... Ну, Настька... дело понятное! Она привыкла рожу себе подкрашивать... вот и душу хочет подкрасить... румянец на душу наводит... А... другие — зачем? Вот — Лука, примерно... много он врет... и без всякой пользы для себя... Старик уж... Зачем бы ему?

Б а р о н *(усмехаясь, отходит)*. У всех людей — души серенькие... все подрумяниться желают...

Л у к а *(выходит из-за угла)*. Ты, барин, зачем девку тревожишь? Ты бы не мешал ей... пускай плачет-забавляется... Она ведь для своего удовольствия слезы льет... чем тебе это вредно?

Б а р о н. Глупо, старик! Надоела она... Сегодня — Рауль, завтра — Гастон... а всегда одно и то же! Впрочем — я иду мириться с ней... *(Уходит.)*

Л у к а. Поди-ка, вот... приласкай! Человека приласкать — никогда не вредно...

Н а т а ш а. Добрый ты, дедушка... Отчего ты — такой добрый?

Л у к а. Добрый, говоришь? Ну... и ладно, коли так... да! *(За красной стеной тихо звучит гармоника и песня.)* Надо, девушка, кому-нибудь и добрым быть... жалеть людей надо! Христос-от всех жалел и нам так велел... Я те скажу — вовремя человека пожалеть... хорошо бывает! Вот, примерно, служил я сторожем на даче... у инженера одного под Томском-городом... Ну, ладно! В лесу дача стояла, место — глухое... а зима была, и — один я, на даче-то... Славно-хорошо! Только раз — слышу — лезут!

Н а т а ш а. Воры?

Л у к а. Они. Лезут, значит, да!.. Взял я ружьишко, вышел... Гляжу — двое... открывают окно — и так занялись делом, что меня и не видят. Я им кричу: ах вы!.. пошли прочь!.. А они, значит, на меня с топором... Я их упреждаю — отстаньте, мол! А то сейчас — стрелю!.. Да ружьишко-то то на одного, то на другого и навожу. Они — на коленки пали: дескать,— пусти! Ну, а я уж того... осердился... за топор-то, знаешь! Говорю — я вас, лешие, прогонял, не шли... а теперь, говорю, ломай ветки один который-нибудь! Наломали они. Теперь, приказываю, один — ложись, а другой — пори его! Так они, по моему приказу, и выпороли дружка дружку. А как выпоролись они... и говорят мне — дедушка, говорят, дай хлебца Христа ради! Идем, говорят, не жрамши. Вот те и воры, милая... *(смеется)*... вот те и с топором! Да... Хорошие мужики оба... Я говорю им: вы бы, лешие, прямо бы хлеба просили. А они — надоело, говорят... просишь-просишь, а никто не дает... обидно!.. Так они у меня всю зиму и жили. Один,— Степаном звать,— возьмет, бывало, ружьишко и закатится в лес... А другой — Яков был, всё хворал, кашлял всё... Втроем, значит, мы дачу-то и стерегли. Пришла весна — прощай, говорят, дедушка! И ушли... в Россию побрели...

Н а т а ш а. Они — беглые? Каторжане?

Л у к а. Действительно — так,— беглые... с посе-

ленья ушли... Хорошие мужики!.. Не пожалей я их — они бы, может, убили меня... али еще что... А потом — суд, да тюрьма, да Сибирь... что толку? Тюрьма — добру не научит, и Сибирь не научит... а человек — научит... да! Человек — может добру научить... очень просто!

(Пауза.)

Б у б н о в. Мм-да!.. А я вот... не умею врать! Зачем? По-моему — вали всю правду, как она есть! Чего стесняться?

К л е щ (вдруг снова вскакивает, как обожженный, и кричит). Какая — правда? Где — правда? (Треплет руками локотья на себе.) Вот — правда! Работы нет... силы нет! Вот — правда! Пристанища... пристанища нету! Издыхать надо... вот она, правда! Дьявол! На... на что мне она — правда? Дай вздохнуть... вздохнуть дай! Чем я виноват?.. За что мне — правду? Жить — дьявол — жить нельзя... вот она — правда!..

Б у б н о в. Вот так... забрало!..

Л у к а. Господи Иисусе... слышь-ка, милый! Ты...

К л е щ (дрожит от возбуждения). Говорите тут — пра-авда! Ты, старик, утешаешь всех... Я тебе скажу... ненавижу я всех! И эту правду... будь она, окаянная, проклята! Понял? Пойми! Будь она — проклята! (Бежит за угол, оглядываясь.)

Л у к а. Ай-яй-ай! Как встревожился человек... И куда побежал?

Н а т а ш а. Всё равно как рехнулся...

Б у б н о в. Здрóрово пущено! Как в театре разыграл... Бывает это, частенько... Не привык еще к жизни-то...

П е п е л (медленно выходит из-за угла). Мир честной компании! Что, Лука, старец лукавый, всё истории рассказываешь?

Л у к а. Видел бы ты... как тут человек кричал!

П е п е л. Это Клещ, что ли? Чего он? Бежит, как ошпаренный...

Л у к а. Побежишь, если этак... к сердцу подступит...

Пепел (*садится*). Не люблю его... больно опзол да горд. (*Передразнивая Клеца.*) «Я — рабочий человек». И — все его ниже будто... Работай, коли нравится... чем же гордиться тут? Ежели людей по работе ценить... тогда лошадь лучше всякого человека... возит и — молчит! Наташа! Твои — дома?

Наташа. На кладбище ушли... потом — ко всеобщей хотели...

Пепел. То-то, я гляжу, свободна ты... редкость!

Лука (*задумчиво, Бубнову*). Вот... ты говоришь — правда... Она, правда-то, — не всегда по недугу человеку... не всегда правдой душу вылечишь... Был, примерно, такой случай: знал я одного человека, который в праведную землю верил...

Бубнов. Во что-о?

Лука. В праведную землю. Должна, говорил, быть на свете праведная земля... в той, дескать, земле — особые люди населяют... хорошие люди! друг дружку они уважают, друг дружке — завсяко-просто — помогают... и всё у них славно-хорошо! И вот человек всё собирался идти... праведную эту землю искать. Был он — бедный, жил — плохо... и когда приходилось ему так уж трудно, что хоть ложись да помирай, — духа он не терял, а всё, бывало, усмехался только да высказывал: «Ничего! потерплю! Еще несколько — пожду... а потом — брошу всю эту жизнь и — уйду в праведную землю...» Одна у него радость была — земля эта...

Пепел. Ну? Пошел?

Бубнов. Куда? Хо-хо!

Лука. И вот в это место — в Сибири дело-то было — прислали ссыльного, ученого... с книгами, с планами он, ученый-то, и со всякими штуками... Человек и говорит ученому: «Покажи ты мне, сделай милость — где лежит праведная земля и как туда дорога?» Сейчас это ученый книги раскрыл, планы разложил... глядел-гляддел — нет нигде праведной земли! Всё верно, все земли показаны, а праведной — нет!..

Пепел (*негромко*). Ну? Нету?

(*Бубнов хохочет.*)

Н а т а ш а. Погоди ты... ну, дедушка?

Л у к а. Человек — не верит... Должна, говорит, быть... ищи лучше! А то, говорит, книги и планы твои — ни к чему, если праведной земли нет... Ученый — в обиду. Мои, говорит, планы самые верные, а праведной земли вовсе нигде нет. Ну, тут и человек рассердился — как так? Жил-жил, терпел-терпел и всё верил — есть! а по планам выходит — нету! Грабеж!.. И говорит он ученому: «Ах ты... сволочь эдакой! Подлец ты, а не ученый...» Да в ухо ему — раз! Да еще!.. *(Помолчав.)* А после того пошел домой и — удавился!..

(Все молчат. Лука, улыбаясь, смотрит на Пепла и Наташу.)

П е п е л *(негромко)*. Ч-чёрт те возьми... история — невеселая...

Н а т а ш а. Не стерпел обмана...

Б у б н о в *(угрюмо)*. Всё — сказки...

П е п е л. Н-да... вот те и праведная земля... но оказалось, значит...

Н а т а ш а. Жалко... человека-то...

Б у б н о в. Всё — выдумки... тоже! Хо-хо! Праведная земля! Туда же! Хо-хо-хо! *(Исчезает из окна.)*

Л у к а *(живая головой на окно Бубнова)*. Смеется! Эхе-хе... *(Пауза.)* Ну, ребята!.. живите богато! Уйду скоро от вас...

П е п е л. Куда теперь?

Л у к а. В хохлы... Слышал я — открыли там новую веру... поглядеть надо... да!.. Всё ищут люди, всё хотят — как лучше... Дай им, господи, терпенья!

П е п е л. Как думаешь... найдут?

Л у к а. Люди-то? Они — найдут! Кто ищет — найдет... Кто крепко хочет — найдет!

Н а т а ш а. Кабы нашли что-нибудь... придумали бы получше что...

Л у к а. Они — придумают! Помогать только надо им, девонька... уважать надо...

Н а т а ш а. Как я помогу? Я сама... без помощи...

П е п е л *(решительно)*. Опять я... снова я буду говорить с тобой... Наташа... Вот — при нем... он — всё знает... Иди... со мной!

Н а т а ш а. Куда? По тюрьмам?

П е п е л. Я сказал — брошу воровство! Ей-богу — брошу! Коли сказал — сделаю! Я — грамотный... буду работать... Вот он говорит — в Сибирь-то по своей воле надо идти... Едем туда, ну?.. Ты думаешь — моя жизнь не претит мне? Эх, Наташа! Я знаю... вижу!.. Я утешаю себя тем, что другие побольше моего воруют, да в чести живут... только это мне не помогает! Это... не то! Я — не каюсь... в совесть я не верю... Но — я одно чувствую: надо жить... иначе! Лучше надо жить! Надо так жить... чтобы самому себя можно мне было уважать...

Л у к а. Верно, милый! Дай тебе господи... помоги тебе Христос! Верно: человек должен уважать себя...

П е п е л. Я — сызмалетства — вор... все всегда говорили мне: вор Васька, воров сын Васька! Ага? Так? Ну — нате! Вот — я вор!.. Ты пойми: я, может быть, со зла вор-то... оттого я вор, что другим именем никто никогда не догадался назвать меня... Назови ты... Наташа, ну?

Н а т а ш а *(грустно)*. Не верю я как-то... никаким словам... И беспокойно мне сегодня... сердце щемит... будто жду я чего-то. Напрасно ты, Василий, разговор этот сегодня завел...

П е п е л. Когда же? Я не первый раз говорю...

Н а т а ш а. И что же я с тобой пойду? Ведь... любить тебя... не очень я люблю... Иной раз — нравишься ты мне... а когда — глядеть на тебя тошно... Видно — не люблю я тебя... когда любят — плохого в любимом не видят... а я — вижу...

П е п е л. Полюбишь — не бойся! Я тебя приучу к себе... ты только согласишься! Больше года я смотрел на тебя... вижу, ты девица строгая... хорошая... надежный человек... Очень полюбил тебя!..

(Василиса, нарядная, является в окне и, стоя у косяка, слушает.)

Н а т а ш а. Так. Меня — полюбил, а сестру мою...

П е п е л *(смущенно)*. Ну, что она? Мало ли... эдаких-то...

Лука. Ты... ничего, девушка! Хлеба нету, — лебеду едят... если хлебушка-то нету...

Пепел (*угрюмо*). Ты... пожалей меня! Несладко живу... волчья жизнь — мало радует... Как в трясине тону... за что ни схватишься... всё — гнилое... всё — не держит... Сестра твоя... я думал, она... не то... Ежели бы она... не жадная до денег была — я бы ее ради... на всё пошел!.. Лишь бы она — вся моя была... Ну, ей другого надо... ей — денег надо... и воли надо... а воля ей — чтобы развратничать. Она — помочь мне не может... А ты — как молодая елочка — и колешься, а удержишь...

Лука. И я скажу — иди за него, девонька, иди! Он — парень ничего, хороший! Ты только почаще напоминай ему, что он хороший парень, чтобы он, значит, не забывал про это! Он тебе — поверит... Ты только поговаривай ему: «Вася, мол, ты — хороший человек... не забывай!» Ты подумай, милая, куда тебе идти кроме-то? Сестра у тебя — зверь злой... про мужа про ее — и сказать нечего: хуже всяких слов старик... И вся эта здешняя жизнь... Куда тебе идти? А парень — крепкий...

Наташа. Идти некуда... я знаю... думала... Только вот... не верю я никому... А идти мне — некуда...

Пепел. Одна дорога... ну, на эту дорогу я не допущу... Лучше убью...

Наташа (*улыбаясь*). Вот... еще не жена я тебе, а уж хочешь убить.

Пепел (*обнимает ее*). Брось, Наташа! Всё равно!..

Наташа (*прижимаясь к нему*). Ну... одно я тебе скажу, Василий... вот как перед богом говорю! — как только ты меня первый раз ударишь... или иначе обидишь... я — себя не пожалею... или сама удавлюсь, или...

Пепел. Пускай у меня рука отсохнет, коли я тебя трону!..

Лука. Ничего, не сомневайся, милая! Ты ему нужнее, чем он — тебе...

Василиса (*из окна*). Вот и сосватались! Совет да любовь!

Н а т а ш а. Пришли!.. ох, господи! Видели... эх, Василий!

П е п е л. Чего ты испугалась? Теперь никто не смеет тронуть тебя!

В а с и л и с а. Не бойся, Наталья! Он тебя бить не станет... Он ни бить, ни любить не может... я знаю!

Л у к а (*негромко*). Ах, баба... гадюка ядовитая...

В а с и л и с а. Он больше на словах удал...

К о с т ы л е в (*выходит*). Наташка! Ты что тут делаешь, дармоедка? Сплетни плетешь? На родных жалуешься? А самовар не готов? На стол не собрано?

Н а т а ш а (*уходя*). Да ведь вы в церковь идти хотели...

К о с т ы л е в. Не твое дело, чего мы хотели! Ты должна свое дело делать... что тебе приказано!

П е п е л. Цыц, ты! Она тебе больше не слуга... Наталья, не ходи... не делай ничего!..

Н а т а ш а. Ты — не командуй... рано еще! (*Уходит.*)

П е п е л (*Костылеву*). Будет вам! Поиздевались над человеком... достаточно! Теперь она — моя!

К о с т ы л е в. Тво-оя? Когда купил? Сколько дал?

(*Василиса хохочет.*)

Л у к а. Вася! Ты — уйди...

П е п е л. Смотрите вы... веселые! Не заплакать бы вам!

В а с и л и с а. Ой, страшно! Ой, боюсь!

Л у к а. Василий — уйди! Видишь — подстрекает она тебя... подзадоривает — понимаешь?

П е п е л. Да... ага! Врет... врешь! Не быть тому, чего тебе хочется!

В а с и л и с а. И того не будет, чего я не захочу, Вася!

П е п е л (*грозит ей кулаком*). Поглядим!.. (*Уходит.*)

В а с и л и с а (*исчезая из окна*). Устрою я тебе свадьбку!

К о с т ы л е в (*подходит к Луке*). Что, старичок?

Л у к а. Ничего, старичок!..

К о с т ы л е в. Так... Уходишь, говорят?

Л у к а. Пора...

К о с т ы л е в. Куда?

Л у к а. Куда глаза поведут...

К о с т ы л е в. Бродяжить, значит... Неудобство, видно, имеешь на одном-то месте жить?

Л у к а. Под лежац камень — сказано — и вода не течет...

К о с т ы л е в. То — камень. А человек должен на одном месте жить... Нельзя, чтобы люди вроде тараканов жили... Куда кто хочет — туда и ползет... Человек должен определять себя к месту... а не путаться зря на земле...

Л у к а. А если которому — везде место?

К о с т ы л е в. Стало быть, он — бродяга... бесполезный человек... Нужно, чтобы от человека польза была... чтобы он работал...

Л у к а. Ишь ты!

К о с т ы л е в. Да. А как же?.. Что такое... странник? Станный человек... непохожий на других... Ежели он — настояще странен... что-нибудь знает... что-нибудь узнал эдакое... не нужное никому... может, он и правду узнал там... ну, не всякая правда нужна... да! Он — про себя ее храни... и — молчи! Ежели он настояще-то... странен... он — молчит! А то — так говорит, что никому не понятно... И он — ничего не желает, ни во что не мешается, людей зря не мутит... Как люди живут — не его дело... Он должен преследовать праведную жизнь... должен жить в лесах... в тущобах... невидимо! И никому не мешать, никого не осуждать... а за всех — молиться... за все мирские грехи... за мои, за твои... за все! Он для того и суеты мирской бежит... чтобы молиться. Вот как... (Пауза.) А ты... какой ты странник?.. Пачпорта не имеешь... Хороший человек должен иметь пачпорт... Все хорошие люди пачпорта имеют... да!..

Л у к а. Есть — люди, а есть — иные — и человеки...

К о с т ы л е в. Ты... не мудри! Загадок не загадывай... Я тебя не глупее... Что такое — люди и человеки?

Лука. Где тут загадка? Я говорю — есть земля, неудобная для посева... и есть урожайная земля... что ни посеешь на ней — родит... Так-то вот...

Костылев. Ну? Это к чему же?

Лука. Вот ты, примерно... Ежели тебе сам господь бог скажет: «Михайло! Будь человеком!..» Всё равно — никакого толку не будет... как ты есть — так и останешься...

Костылев. А... а — ты знаешь? — у жены моей дядя — полицейский? И если я...

Василиса *(входит)*. Михайла Иваныч, иди чай пить.

Костылев *(Луке)*. Ты... вот что: пошел-ка вон! долой с квартиры!..

Василиса. Да, убирайся-ка, старик!.. Больно у тебя язычок длинен... Да и кто знает?.. может, ты беглый какой...

Костылев. Сегодня же чтобы духа твоего не было! А то я... смотри!

Лука. Дядю позовешь? Позови дядю... Беглого, мол, изловил... Награду дядя получить может... копейки три...

Бубнов *(в окне)*. Чем тут торгуют? За что — три копейки?

Лука. Меня вот грозятся продать...

Василиса *(мужу)*. Идем...

Бубнов. За три копейки? Ну, гляди, старик... Они и за копейку продадут...

Костылев *(Бубнову)*. Ты... вытаращился, ровно домовой из-под печки! *(Идет с женой.)*

Василиса. Сколько на свете темных людей... и жуликов разных!..

Лука. Приятного вам аппетита!..

Василиса *(оборачиваясь)*. Попридержи язык... гриб поганый! *(Уходит с мужем за угол.)*

Лука. Сегодня в ночь — уйду...

Бубнов. Это — лучше. Вовремя уйти всегда лучше...

Лука. Верно говоришь...

Бубнов. Я — знаю! Я, может, от каторги спасся тем, что вовремя ушел.

Л у к а. Ну?

Б у б н о в. Правда. Было так: жена у меня с мастером связалась... Мастер, положим, хороший... очень он ловко собак в енотов перекрашивал... кошек тоже — в кенгурий мех... выхухоль... и всяко. Ловкач. Так вот — связалась с ним жена... и так они крепко друг за друга взялись, что — того и гляди — либо отравят меня, либо еще как со света сживут. Я было — жену бить... а мастер — меня... Очень злобно дрался! Раз — половину бороды выдрал у меня и ребро сломал. Ну и я тоже обозлился... однажды жену по башке железным аршином тяпнул... и вообще — большая война началась! Однако вижу — ничего эдак не выйдет... одолевают они меня! И задумал я тут — укокошить жену... крепко задумал! Но вовремя спохватился — ушел...

Л у к а. Эдак-то лучше! Пускай их там из собак енотов делают!..

Б у б н о в. Только... мастерская-то на жену была... и остался я — как видишь! Хоть, по правде говоря, пропили бы я мастерскую... Запой у меня, видишь ли...

Л у к а. Запой? А-а!

Б у б н о в. Злющий запой! Как начну я заливать — весь пропьюсь, одна кожа остается... И еще — ленив я. Страсть как работать не люблю!..

(Сатин и Актер входят, споря.)

С а т и н. Чепуха! Никуда ты не пойдешь... всё это чертовщина! Старик! Чего ты надул в уши этому огарку?

А к т е р. Врешь! Дед! Скажи ему, что он — врет! Я — иду! Я сегодня — работал, мел улицу... а водки — не пил! Каково? Вот они — два пятиалтынных, а я — трезв!

С а т и н. Нелепо, и всё тут! Дай, я пропью... а то — проиграю...

А к т е р. Пошел прочь! Это — на дорогу!

Л у к а *(Сатину)*. А ты — почто его с толку сбиваешь?

С а т и н. «Скажи мне, кудесник, любимец богов, — что сбудется в жизни со мною?» Продулся, брат, я —

вдребезги! Еще не всё пропало, дед, — есть на свете шулера поумнее меня!

Л у к а. Веселый ты, Костянтин... приятный!

Б у б н о в. Актер! Поди-ка сюда!

(Актер идет к окну и садится пред ним на корточки. Вполголоса разговаривают.)

С а т и н. Я, брат, молодой — занятен был! Вспомнить хорошо!.. Рубаха-парень... плясал великолепно, играл на сцене, любил смешить людей... славно!

Л у к а. Как же это ты свихнулся со стези своей, а?

С а т и н. Какой ты любопытный, старикашка! Всё бы тебе знать... а — зачем?

Л у к а. Понять хочется дела-то человеческие... а на тебя гляжу — не понимаю! Эдакий ты бравый... Костянтин... неглупый... и вдруг...

С а т и н. Тюрьма, дед! Я четыре года семь месяцев в тюрьме отсидел... а после тюрьмы — нет ходу!

Л у к а. Ого-го! За что сидел-то?

С а т и н. За подлеца... убил подлеца в запальчивости и раздражении... В тюрьме я и в карты играть научился...

Л у к а. А убил — из-за бабы?

С а т и н. Из-за родной сестры... Однако — ты отвяжись! Я не люблю, когда меня спрашивают... И... всё это было давно... Сестра — умерла... уже девять лет... прошло... Славная, брат, была человечинка сестра у меня!..

Л у к а. Легко ты жизнь переносишь! А вот давеча тут... слесарь — так взвыл... а-а-яй!

С а т и н. Клещ?

Л у к а. Он. «Работы, кричит, нету... ничего нету!»

С а т и н. Привыкнет... Чем бы мне заняться?

Л у к а *(тихо)*. Гляди! Идет...

(Клещ идет — медленно, низко опустив голову.)

С а т и н. Эй, вдовец! Чего нюхалку повесил? Что хочешь выдумать?

К л е щ. Думаю... чего делать буду? Инструмента — нет... всё — похороны съели!

С а т и н. Я тебе дам совет: ничего не делай! Просто — обременяй землю!..

К л е щ. Ладно... говори... Я — стыд имею пред людьми...

С а т и н. Брось! Люди не стыдятся того, что тебе хуже собаки живется... Подумай — ты не станешь работать, я — не стану... еще сотни... тысячи, все! — понимаешь? все бросают работать! Никто, ничего не хочет делать — что тогда будет?

К л е щ. С голоду подохнут все...

Л у к а (*Сатину*). Тебе бы с такими речами к бегунам идти... Есть такие люди, бегуны называются...

С а т и н. Я знаю... они — не дураки, дедка!

(*Из окна Костылевых доносится крик Наташи: «За что? Постой... за что-о?»*)

Л у к а (*беспокойно*). Наташа? Она кричит? а? Ах ты...

(*В квартире Костылевых — шум, возня, звон разбитой посуды и визгливый крик Костылева: «А-а... еретица... шкуреха...»*)

В а с и л и с а. Стой... погоди... Я ее... вот... вот...

Н а т а ш а. Бьют! Убивают...

С а т и н (*кричит в окно*). Эй, вы там!

Л у к а (*суется*). Василья бы... позвать бы Васю-то... ах, господи! Братцы... ребята...

А к т е р (*убегая*). Вот я... сейчас его...

Б у б н о в. Ну и часто они ее бить стали.

С а т и н. Идем, старик... свидетелями будем!

Л у к а (*идет вслед за Сатиным*). Какой я свидетель! Куда уж... Василья-то бы скорее... Э-эхма!..

Н а т а ш а. Сестра... сестрица... Ва-а-а...

Б у б н о в. Рот заткнули... пойду взгляну...

(*Шум в квартире Костылевых стихает, удаляясь, должно быть, в сени из комнаты. Слышен крик старика: «Стой!» Громко хлопает дверь, и этот звук, как топором, обрубает весь шум. На сцене — тихо. Вечерний сумрак.*)

К л е щ (*безучастно сидит на дровнях, крепко потирает руки. Потом начинает что-то бормотать, сначала — невнятно, далее:*) Как же?.. Надо жить... (*Громко.*) Пристанище надо... ну? Нет пристанища...

ничего нет! Один человек... один, весь тут... Помощи нет...

(Медленно, согнувшись, уходит. Несколько секунд злоеющей тишины. Потом — где-то в проходе рождается смутный шум, хаос звуков. Он растет, приближается. Слышны отдельные голоса.)

В а с и л и с а. Я ей — сестра! Пусти...

К о с т ы л е в. Какое ты имеешь право?

В а с и л и с а. Каторжник...

С а т и н. Ваську зови!.. скорее... Зоб — бей его!

(Полицейский свисток.)

Т а т а р и н *(выбегает. Правая рука у него на перевязи)*. Какой-такой закон есть — днем убивать?

К р и в о й З о б *(за ним Медведев)*. Эх, и дал я ему разочек!

М е д в е д е в. Ты — как можешь драться?

Т а т а р и н. А ты? Твоя какая обязанность?

М е д в е д е в *(гонится за крючником)*. Стой! Отдай свисток...

К о с т ы л е в *(выбегает)*. Абрам! Хватай... бери его! Убил...

(Из-за угла выходят Квашня и Настя — они ведут под руки Наташу, растрепанную. Сатин пятится задом, отталкивая Василису, которая, размахивая руками, пытается ударить сестру. Около нее прыгает, как бесноватый, Алешка, свистит ей в уши, кричит, воеет. Потом еще несколько оборванных фигур мужчин и женщин.)

С а т и н *(Василисе)*. Куда? Сова, проклятая...

В а с и л и с а. Прочь, каторжник! Жизни решусь, а — растерзаю...

К в а ш н я *(отводя Наташу)*. А ты, Карповна, полно... постыдись! Что зверствуешь?

М е д в е д е в *(хватает Сатина)*. Ага... попал!

С а т и н. Зоб! Лупи их!.. Васька... Васька!

(Все сталкиваются в кучу около прохода, у красной стены. Наташу уводят направо и там усаживают на куче дерева.)

Пепел (*выскачив из проулка, он молча сильными движениями расталкивает всех*). Где — Наталья? Ты...

Костылев (*скрываясь за углом*). Абрам! Хватай Ваську... Братцы — помогите Ваську взять! Вора... грабителя...

Пепел. А, ты... блудня старая! (*Сильно размахнувшись, бьет старика. Костылев падает так, что из-за угла видна только верхняя половина его тела. Пепел бросается к Наташе.*)

Василиса. Бейте Ваську! Голубчики... бейте вора!

Медведев (*кричит Сатину*). Не можешь... тут — дело семейное! Они — родные... а ты кто?

Пепел. Как... чем она тебя? Ножом?

Квашня. Гляди-ко, звери какие! Кипятком ноги девке сварили...

Настя. Самовар опрокинули...

Татарин. Может — нечаянно... надо — верно знать... нельзя зря говорить...

Наташа (*почти в обмороке*). Василий... возьми меня... схорони меня...

Василиса. Батюшки! Глядите-ка... смотрите-ка... помер! Убили...

(*Все толпятся у прохода, около Костылева. Из толпы выходит Бубнов, идет к Василию.*)

Бубнов (*негромко*). Васька! Старик-то... того... готов!

Пепел (*смотрит на него, как бы не понимая*). Иди... зови... в больницу надо... ну, я рассчитаюсь с ними!

Бубнов. Я говорю — старика-то кто-то уложил... (*Шум на сцене гаснет, как огонь костра, заливаемый водой. Раздаются отдельные возгласы вполголоса: «Неужто?», «Вот те раз!», «Ну-у?», «Уйдем-ка, брат!», «Ах, чёрт!», «Теперь — держись!», «Айда прочь, покуда полиция нет!» Толпа становится меньше. Уходят Бубнов, Татарин. Настя и Квашня бросаются к трупу Костылева.*)

Василиса (*поднимаясь с земли, кричит торжествующим голосом*). Убили! Мужа моего... вот кто

убил! Васька убил! Я — видела! Голубчики — я видела! Что — Вася? Полиция!

Пепел *(отходит от Наташи)*. Пусти... прочь! *(Смотрит на старика. Василисе.)* Ну? рада? *(Трогает труп ногой.)* Околел... старый пес! По-твоему вышло... А... не прихлопнуть ли и тебя? *(Бросается на нее; Сатин и Кривой Зоб быстро хватают его. Василиса скрывается в проулке.)*

С а т и н. Опомнись!

К р и в о й З о б. Тпруу! Куда скачешь?

В а с и л и с а *(появляясь)*. Что, Вася, мил друг? От судьбы — не уйдешь... Полиция! Абрам... свисти!

М е д в е д е в. Свисток сорвали, дьяволы...

А л е ш к а. Вот он! *(Свистит. Медведев бежит за ним.)*

С а т и н *(отводя Пепла к Наташе)*. Васька — не трус! Убийство в драке... пустыки! Это — недорого стоит...

В а с и л и с а. Держите Ваську! Он убил... я видела!

С а т и н. Я тоже раза три ударил старика... Много ли ему надо! Зови меня в свидетели, Васька...

П е п е л. Мне... оправдываться не надо... Мне — Василису надо подвести... я же ее подведу! Она этого хотела... Она меня подговаривала мужа убить... подговаривала!..

Н а т а ш а *(вдруг, громко)*. А-а... я поняла!.. Так, Василий?! Добрые люди! Они — заодно! Сестра моя и — он... они заодно! Они всё это подстроили! Так, Василий?.. Ты... для того со мной давеча говорил... чтобы она всё слышала? Люди добрые! Она — его любовница... вы — знаете... это — все знают... они — заодно! Она... это она его подговорила мужа убить... муж им мешал... и я — мешала... Вот — изувечили меня...

П е п е л. Наталья! Что ты... что ты?!

С а т и н. Вот так... чёрт!

В а с и л и с а. Врешь! Врет она... я... Он, Васька, убил!

Н а т а ш а. Они — заодно! Будь вы прокляты! Вы оба...

С а т и н. Н-ну, игра!.. Держись, Василий! Утопят они тебя!..

К р и в о й З о б. Понять невозможно!.. Ах ты... дела!

П е п е л. Наталья! Неужто ты... вправду? Неужто веришь, что я... с ней...

С а т и н. Ей-богу, Наташа, ты... сообрази!

В а с и л и с а *(в проулке)*. Убили мужа моего... ваше благородие... Васька Пепел, вор... он убил... господин пристав! Я — видела... все видели...

Н а т а ш а *(мечется почти в беспмятстве)*. Люди добрые... сестра моя и Васька убили! Полиция — слушай... Вот эта, сестра моя, научила... уговорила... своего любовника... вот он, проклятый! — они убили! Берите их... судите... Возьмите и меня... в тюрьму меня! Христа ради... в тюрьму меня!..

З а н а в е с

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Обстановка первого акта. Но комнаты Пепла — нет, переборки сломаны. И на месте, где сидел Клещ, нет наковальни. В углу, где была комната Пепла, лежит Т а т а р и н, возится и стонет изредка. За столом сидит К л е щ; он чинит гармонию, порою пробуя лады. На другом конце стола — С а т и н, Б а р о н и Н а с т я. Пред ними бутылка водки, три бутылки пива, большой ломоть черного хлеба. На печи возится и кашляет А к т е р. Ночь. Сцена освещена лампой, стоящей посреди стола. На дворе — ветер.

К л е щ. Д-да... он во время суматохи этой и пропал...

Б а р о н. Исчез от полиции... яко дым от лица огня...

С а т и н. Тако исчезают грешники от лица праведных!

Н а с т я. Хороший был старичок!.. А вы... не люди... вы — ржавчина!

Б а р о н (*пьет*). За ваше здоровье, леди!

С а т и н. Любопытный старикан... да! Вот Настёнка — влюбилась в него...

Н а с т я. И влюбилась... и полюбила! Верно! Он — всё видел... всё понимал...

С а т и н (*смеясь*). И вообще... для многих был... как мякиш для беззубых...

Б а р о н (*смеясь*). Как пластырь для нарывов...

К л е щ. Он... жалостливый был... У вас вот... жалости нет...

С а т и н. Какая польза тебе, если я тебя пожалую?..

К л е щ. Ты — можешь... не то, что пожалеть можешь... ты умеешь не обижать...

Т а т а р и н (*садится на нарах и качает свою большую руку, как ребенка*). Старик хорош был... закон душе имел! Кто закон душа имеет — хорош! Кто закон терял — пропал!..

Б а р о н. Какой закон, князь?

Т а т а р и н. Такой... Разный... Знаешь какой...

Б а р о н. Дальше!

Т а т а р и н. Не обижай человека — вот закон!

С а т и н. Это называется «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных»...

Б а р о н. И еще — «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»...

Т а т а р и н. Коран называет... ваш Коран должна быть закон... Душа — должен быть Коран... да!

К л е щ (*пробуя гармонию*). Шипит, дьявол!.. А князь верно говорит... надо жить — по закону... по Евангелию...

С а т и н. Живи...

Б а р о н. Попробуй...

Т а т а р и н. Магомет дал Коран, сказал: «Вот — закон! Делай, как написано тут!» Потом придет время — Коран будет мало... время даст свой закон, новый... Всякое время дает свой закон...

С а т и н. Ну да... пришло время и дало «Уложение о наказаниях»... Крепкий закон... не скоро износишь!

Н а с т я (*ударяет стаканом по столу*). И чего... зачем я живу здесь... с вами? Уйду... пойду куда-нибудь... на край света!

Б а р о н. Без башмаков, леди?

Н а с т я. Голая! На четвереньках поползу!

Б а р о н. Это будет картинно, леди... если на четвереньках...

Н а с т я. Да, и поползу! Только бы мне не видеть твоей рожи... Ах, опротивело мне всё! Вся жизнь... все люди!..

С а т и н. Пойдешь, — так захвати с собой Актера... Он туда же собирается... ему известно стало, что всего в полуверсте от края света стоит лечебница для органов...

А к т е р (*высовываясь с печи*). Орга-ни-змо-в, дурак!

С а т и н. Для органонов, отравленных алкоголем...

А к т е р. Да! Он — уйдет! Он уйдет... увидите!

Б а р о н. Кто — он, сэр?

А к т е р. Я!

Б а р о н. Мегсі, служитель богини... как ее? Богиня драм, трагедии... как ее звали?

А к т е р. Муза, болван! Не богиня, а — муза!

С а т и н. Лахеза... Гера... Афродита... Атропа... чёрт их разберет! Это всё старик... навинтил Актера... понимаешь, Барон?

Б а р о н. Старик — глуп...

А к т е р. Невежды! Дикари! Мель-по-ме-на! Люди без сердца! Вы увидите — он уйдет! «Обжирайтесь, мрачные умы»... стихотворение Беранжера... да! Он — найдет себе место... где нет... нет...

Б а р о н. Ничего нет, сэр?

А к т е р. Да! Ничего! «Яма эта... будет мне могилой... умираю, немощный и хилый!» Зачем вы живете? Зачем?

Б а р о н. Ты! Кин, или гений и беспутство! Не ори!

А к т е р. Врешь! Буду орать!

Н а с т я (*поднимая голову со стола, взмахивает руками*). Кричи! Пусть слушают!

Б а р о н. Какой смысл, леди?

С а т и н. Оставь их, Барон! К чёрту!.. Пускай кричат... разбивают себе головы... пускай! Смысл тут есть!.. Не мешай человеку, как говорил старик... Да, это он, старая дрожжа, проквасил нам сожителей...

К л е щ. Поманил их куда-то... а сам — дорогу не сказал...

Б а р о н. Старик — шарлатан...

Н а с т я. Врешь! Ты сам — шарлатан!

Б а р о н. Цыц, леди!

К л е щ. Правды он... не любил, старик-то... Очень против правды восставал... так и надо! Верно — какая тут правда? И без нее — дышать нечем... Вон князь... руку-то раздавил на работе... отпилить напрочь руку-то придется, слышь... вот те и правда!

С а т и н (*ударя кулаком по столу*). Молчать!

Вы — все — скоты! Дубье... молчать о старике! (*Спокойнее.*) Ты, Барон,— всех хуже!.. Ты — ничего не понимаешь... и — врешь! Старик — не шарлатан! Что такое — правда? Человек — вот правда! Он это понимал... вы — нет! Вы — тупы, как кирпичи... Я — понимаю старика... да! Он врал... но — это из жалости к вам, чёрт вас возьми! Есть много людей, которые лгут из жалости к ближнему... я — знаю! я — читал! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгут!.. Есть ложь утешительная, ложь примиряющая... Ложь оправдывает ту тяжесть, которая раздавила руку рабочего... и обвиняет умирающих с голода... Я — знаю ложь! Кто слаб душой... и кто живет чужими соками — тем ложь нужна... одних она поддерживает, другие — прикрываются ею... А кто — сам себе хозяин... кто независим и не жрет чужого — зачем тому ложь? Ложь — религия рабов и хозяев... Правда — бог свободного человека!

Б а р о н. Bravo! Прекрасно сказано! Я — согласен! Ты говоришь... как порядочный человек!

С а т и н. Почему же иногда шулеру не говорить хорошо, если порядочные люди... говорят, как шулера? Да... я много позабыл, но — еще кое-что знаю! Старик? Он — умница!.. Он... подействовал на меня, как кислота на старую и грязную монету... Выпьем, за его здоровье! Наливай...

(*Настя наливает стакан пива и дает Сатину.*)

С а т и н (*усмехаясь*). Старик живет из себя... он на всё смотрит своими глазами. Однажды я спросил его: «Дед! зачем живут люди?..» (*Стараясь говорить голосом Луки и подражая его манерам.*) «А — для лучшего люди-то живут, милачок! Вот, скажем, живут столяры и всё — хлам-народ... И вот от них рождается столяр... такой столяр, какого подобного и не видала земля,— всех превысил, и нет ему во столярах равного. Всему он столярному делу свой облик дает... и сразу дело на двадцать лет вперед двигает... Так же и все другие... слесаря, там... сапожники и прочие рабочие люди... и все крестьяне... и даже господа — для лучшего живут! Всяк думает, что для себя проживает, а

выходит, что для лучшего! По сту лет... а может, и больше — для лучшего человека живут!»

(Настя упорно смотрит в лицо Сатина. Клещ перестает работать над гармонией и тоже слушает. Барон, низко наклонив голову, тихо бьет пальцами по столу. Актер, высунувшись с печи, хочет осторожно слезть на нары.)

С а т и н. «Все, милачок, все, как есть, для лучшего живут! Потому-то всякого человека и уважать надо... неизвестно ведь нам, кто он такой, зачем родился и чего сделать может... может, он родился-то на счастье нам... для большой нам пользы?.. Особливо же деток надо уважать... ребятишек! Ребятишкам — простор надобен! Деткам-то жить не мешайте... Деток уважьте!»
(Смеется тихо. Пауза.)

Б а р о н *(задумчиво)*. Мм-да... для лучшего? Это... напоминает наше семейство... Старая фамилия... времен Екатерины... дворяне... вояки!.. выходцы из Франции... Служили, поднимались всё выше... При Николае первом дед мой, Густав Дебиль... занимал высокий пост... Богатство... сотни крепостных... лошади... повара...

Н а с т я. Врешь! Не было этого!

Б а р о н *(вскакивая)*. Что-о? Н-ну... дальше?!

Н а с т я. Не было этого!

Б а р о н *(кричит)*. Дом в Москве! Дом в Петербурге! Кареты... кареты с гербами!

(Клещ берет гармонию, встает и отходит в сторону, откуда наблюдает за сценой.)

Н а с т я. Не было!

Б а р о н. Цыц! Я говорю... десятки лакеев!..

Н а с т я *(с наслаждением)*. Н-не было!

Б а р о н. Убью!

Н а с т я *(приготавливаясь бежать)*. Не было карет!

С а т и н. Брось, Настёнка! Не зли его...

Б а р о н. Подожди... ты, дрянь! Дед мой...

Н а с т я. Не было деда! Ничего не было!

(Сатин хохочет.)

Барон (*усталый от гнева, садится на скамью*). Сатин, скажи ей... шлюхе... Ты — тоже смеешься? Ты... тоже — не веришь? (*Кричит с отчаяньем, ударяя кулаками по столу.*) Было, чёрт вас возьми!

Настя (*торжествуя*). А-а, взвыл? Понял, какво человеку, когда ему не верят?

Клещ (*возвращаясь к столу*). Я думал — драка будет...

Татарин. А-ах, глупы люди! Очень плохо!

Барон. Я... не могу позволить издеваться надо мной! У меня — доказательства есть... документы, дьявол!

Сатин. Брось их! И забудь о каретах дедушки... в карете прошлого — никуда не уедешь...

Барон. Как она смеет, однако!

Настя. Ска-ажите! Как смею!..

Сатин. Видишь — смеет! Чем она хуже тебя? Хотя у нее в прошлом, уж наверное, не было не только карет и — дедушки, а даже отца с матерью...

Барон (*успокаиваясь*). Чёрт тебя возьми... ты... умеешь рассуждать спокойно... А у меня... кажется, нет характера...

Сатин. Заведи. Вещь — полезная... (*Пауза.*) Настя! Ты ходишь в больницу?

Настя. Зачем?

Сатин. К Наташе?

Настя. Хватился! Она — давно вышла... вышла и — пропала! Нигде ее нет...

Сатин. Значит — вся вышла...

Клещ. Интересно — кто кого крепче всадит? Васька — Василису, или она его?

Настя. Василиса — вывернется! Она — хитрая. А Ваську — в каторгу пошлют...

Сатин. За убийство в драке — только тюрьма...

Настя. Жаль. В каторгу — лучше бы... Всех бы вас... в каторгу... смести бы вас, как сор... куда-нибудь в яму!

Сатин (*удивленно*). Что ты? Сбесилась?

Барон. Вот я ей в ухо дам... за дерзости!

Настя. Попробуй! Тронь!

Барон. Я — попробую!

С а т и в. Брось! Не тронь... не обижай человека! У меня из головы вон не идет... этот старик! *(Хочочет.)* Не обижай человека!.. А если меня однажды обидели и — на всю жизнь сразу! Как быть? Простить? Ничего. Никому...

Б а р о н *(Насте)*. Ты должна понимать, что я — не чега тебе! Ты... мразь!

Н а с т я. Ах ты, несчастный! Ведь ты... ты мной живешь, как червь — яблоком!

(Дружный взрыв хохота мужчин.)

К л е щ. Ах... дура! Яблочко!

Б а р о н. Нельзя... сердиться... вот идиотка!

Н а с т я. Смеетесь? Врете! Вам — не смешно!

А к т е р *(мрачно)*. Катай их!

Н а с т я. Кабы я... могла! я бы вас *(берет со стола чашку и бросает на пол)* — вот как!

Т а т а р и н. Зачем посуда бить? Э-э... болванка!..

Б а р о н *(вставая)*. Нет, я ее сейчас... научу манерам!

Н а с т я *(убегая)*. Чёрт вас возьми!

С а т и в *(вслед ей)*. Эй! Полно! Кого ты пугаешь? В чем дело наконец?

Н а с т я. Волки! *(Убегает.)* Чтоб вам издохнуть! Волки!

А к т е р *(мрачно)*. Аминь!

Т а т а р и н. У-у! Злой баба — русский баба! Дерзкий... вольна! Татарка — нет! Татарка — закон знает!

К л е щ. Трепку ей надо дать...

Б а р о н. М-мерзавка!

К л е щ *(пробуя гармонию)*. Готова! А хозяйина ее — всё нет... Горит парнишка...

С а т и в. Теперь — выпей!

К л е щ. Спасибо! Да и на боковую пора...

С а т и в. Привыкаешь к нам?

К л е щ *(выпив, отходит в угол к парам)*. Ничего... Везде — люди... Сначала — не видишь этого... потом — поглядишь, окажется, все люди... ничего!

(Татарин расстилает что-то на парам, становится на колени и — молится.)

Б а р о н *(указывая Сативу на Татарина)*. Гляди!

С а т и н. Оставь! Он — хороший парень... не мешай! *(Хочет.)* Я сегодня — добрый... чёрт знает почему!..

Б а р о н. Ты всегда добрый, когда выпьешь... И умный...

С а т и н. Когда я пьян... мне всё нравится. И-да... Он — молится? Прекрасно! Человек может верить и не верить... это его дело! Человек — свободен... он за всё платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум — человек за всё платит сам, и потому он — свободен!.. Человек — вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! — это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! *(Очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека.)* Понимаешь? Это — огромно! В этом — все начала и концы... Всё — в человеке, всё для человека! Существует только человек, всё же остальное — дело его рук и его мозга! Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо! Выпьем за человека, Барон! *(Встает.)* Хорошо это... чувствовать себя человеком!.. Я — арестант, убийца, шулер... ну, да! Когда я иду по улице, люди смотрят на меня, как на жулика... и сторонятся, и оглядываются... и часто говорят мне — «Мерзавец! Шарлатан! Работай!» Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? *(Хочет.)* Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми... Не в этом дело, Барон! Не в этом дело! Человек — выше! Человек — выше сытости!..

Б а р о н *(качая головой)*. Ты — рассуждаешь... Это — хорошо... это, должно быть, греет сердце... У меня — нет этого... я — не умею! *(Оглядывается и — тихо, осторожно.)* Я, брат, боюсь... иногда. Понимаешь? Трушу... Потому — что же дальше?

С а т и н *(ходит)*. Пустяки! Кого бояться человеку?

Б а р о н. Знаешь... с той поры, как я помню себя... у меня в башке стоит какой-то туман. Никогда и ничего не понимал я. Мне... как-то неловко... мне кажется, что я всю жизнь только переодевался... а зачем? Не понимаю! Учился — носил мундир дворянского ин-

ститута... а чему учился? Не помню... Женился — одел фрак, потом — халат... а жену взял скверную и — зачем? Не понимаю... Прожил всё, что было, — носил какой-то серый пиджак и рыжие брюки... а как разорился? Не заметил... Служил в казенной палате... мундир, фуражка с кокардой... растратил казенные деньги, — надели на меня арестантский халат... потом — одел вот это... И всё... как во сне... а? Это... смешно?

С а т и н. Не очень... Скорее — глупо...

Б а р о н. Да... и я думаю, что глупо... А... ведь зачем-нибудь я родился... а?

С а т и н *(смеясь)*. Вероятно... Человек рождается для лучшего! *(Кивая головой.)* Так... хорошо!

Б а р о н. Эта... Настька!.. Убежала... куда? Пойду, посмотрю... где она? Все-таки... она... *(Уходит. Пауза.)*

А к т е р. Татарин! *(Пауза.)* Князь!

(Татарин поворачивает голову.)

А к т е р. За меня... помолись...

Т а т а р и н. Чего?

А к т е р *(тише)*. Помолись... за меня!..

Т а т а р и н *(помолчав)*. Сам молись...

А к т е р *(быстро слезает с печи, подходит к столу, дрожащей рукой наливает водки, пьет и — почти безжит — в сени)*. Ушел!

С а т и н. Эй ты, сикамбр! Куда? *(Свистит. Входят — Медведев в женской ватной кофте и Бубнов; оба — выпивши, но не очень. В одной руке Бубнова — связка кренделей, в другой — несколько штук воблы, под мышкой — бутылка водки, в кармане пиджака — другая.)*

М е д в е д е в. Верблюд — он вроде... осла! Только без ушей...

Б у б н о в. Брось! Ты сам — вроде осла.

М е д в е д е в. Ушей вовсе нет у верблюда... он — поздрей слышит...

Б у б н о в *(Сатину)*. Друг! Я тебя искал по всем трактирам-кабакам! Возьми бутылку, у меня все руки заняты!

С а т и н. А ты — положи крендели на стол — одна рука освободится...

Б у б н о в. Верно! Ах ты... Бутарь, гляди! Вот он, а? Умница!

М е д в е д е в. Жулики — все умные... я знаю! Им без ума — невозможно. Хороший человек, он — и глупый хорош, а плохой — обязательно должен иметь ум. Но насчет верблюда ты — неверно... он — животная ездовая... рогов у него нет... и зубов нет...

Б у б н о в. Где — народ? Отчего здесь людей нет? Эй, вылезай... я — угощаю! Кто в углу?

С а т и н. Скоро ты пропьешься? Чучело!

Б у б н о в. Я — скоро! В этот раз капитал я накопил — коротенький... Зоб! Где Зоб?

К л е щ (*подходя к столу*). Нет его...

Б у б н о в. У-у-ррр! Барбос! Бррю, брлю, брлю! Индюк! Не лай, не ворчи! Пей, гуляй, нос не вешай... Я — всех угощаю! Я, брат, угощать люблю! Кабы я был богатый... я бы... бесплатный трактир устроил! Ей-богу! С музыкой и чтобы хор певцов... Приходи, пей, ешь, слушай песни... отводи душу! Бедняк-человек... айда ко мне в бесплатный трактир! Сатин! Я бы... тебя бы... бери половину всех моих капиталов! Вот как!

С а т и н. Ты мне сейчас отдай всё...

Б у б н о в. Весь капитал? Сейчас? На! Вот — рубль... вот еще... двугривенный... пятаки... семишники... всё!

С а т и н. Ну и ладно! У меня — целее будет... Сыграю я на них...

М е д в е д е в. Я — свидетель... отданы деньги на сохранение... числом — сколько?

Б у б н о в. Ты? Ты — верблюд... Нам свидетелей не надо...

А л е ш к а (*входит босый*). Братцы! Я ноги промочил!

Б у б н о в. Иди — промочи горло... Только и всего! Милый ты... поешь ты и играешь... очень это хорошо! А — пьешь — напрасно! Это, брат, вредно... пить — вредно!..

А л е ш к а. По тебе вижу! Ты — только пьяный

и похож на человека... Клец! Гармошку — починил?
(Поет, приплясывая.)

Эх, кабы мое рыло
Не красиво было,
Так меня бы кума моя
Вовсе не любила!

Озяб я, братцы! Х-холодно!

М е д в е д е в. Мм... а если спросить — кто такая кума?

Б у б н о в. Отстань! Ты, брат, теперь — тью-тью!
Ты уж не бутושник... конечно! И не бутושник, и не дядя...

А л е ш к а. А просто — теткин муж!

Б у б н о в. Одна твоя племянница — в тюрьме, другая — помирает...

М е д в е д е в (*гордо*). Врешь! Она — не помирает: она у меня без вести пропала!

(*Сатин хохочет.*)

Б у б н о в. Всё равно, брат! Человек без племянниц — не дядя!

А л е ш к а. Ваше превосходительство! Отставной козы барабанщик!

У кумы — есть деньги,
У меня — ни гроша!
Зато я веселый мальчик,
Зато я — хороший!

Холодно!

(*Входит Кривой Зоб; потом — до конца акта — еще несколько фигур мужчин и женщин. Они раздеваются, укладываются на нары, ворчат.*)

К р и в о й З о б. Бубнов! Ты чего сбежал?

Б у б н о в. Иди сюда! Садись... Запоем мы, брат! Любимую мою... а?

Т а т а р и в. Ночь — спать надо! Песня петь днем надо!

С а т и н. Ну, ничего, князь! Ты — иди сюда!

Т а т а р и в. Как — ничего? Шум будет... когда песня поют, шум бывает...

Бубнов *(идя к нему)*. Князь! Что — рука? Отрезали тебе руку?

Татарин. Зачем? Погодим... может — не надо резать... Рука — не железный, резать — недолго...

Кривой Зоб. Яман твое дело, Асанка! Без руки ты — никуда не годишься! Наш брат по рукам да по спине ценится... Нет руки — и человека нет! Табак твое дело!.. Иди водку пить... больше никаких!

Квашня *(выходит)*. Ах, жители вы мои милые! На дворе-то, на дворе-то! Холод, слякоть... Бутошник мой здесь? Бутарь!

Медведев. Я!

Квашня. Опять мою кофту таскаешь? И как будто ты... немножко того, а? Ты что же это?

Медведев. По случаю именин... Бубнов... и — холодно... слякоть!

Квашня. Ты гляди у меня... слякоть! Не балуй... Иди-ка спать...

Медведев *(уходит в кухню)*. Спать — я могу... я хочу... пора!

Сатин. Ты чего... больно строга с ним?

Квашня. Нельзя, дружок, иначе. Подобного мужчину надо в строгости держать. Я его в сожители взяла,— думала, польза мне от него будет... как он — человек военный, а вы — люди буйные... мое же дело — бабье... А он — пить! Это мне ни к чему!

Сатин. Плохо ты выбрала помощника...

Квашня. Нет — лучше-то... Ты со мной жить не захочешь... ты вон какой! А и станешь жить со мной — не больше недели сроку... проиграешь меня в карты со всей моей требухой!

Сатин *(хохочет)*. Это верно, хозяйка! Проиграю...

Квашня. То-то! Алешка!

Алешка. Вот он — я!

Квашня. Ты — что про меня болтаешь?

Алешка. Я? Всё! Всё, по совести. Вот, говорю, баба! Удивительная! Мяса, жиру, кости — десять пудов, а мозгу — золотника нету!

Квашня. Ну, это ты врешь! Мозг у меня даже

очень есть... Нет, ты зачем говоришь, что я бутوشника моего бью?

А л е ш к а. Я думал, ты его била, когда за волосы таскала...

К в а ш н я *(смеясь)*. Дурак! А ты — будто не видишь. Зачем сор из избы выносить?.. И, опять же, обидно ему... Он от твоего разговору пить начал...

А л е ш к а. Стало быть, правду говорят, что и курица пьет!

(Сатин, Клещ — хохочут.)

К в а ш н я. У, зубоскал! И что ты за человек, Алешка?

А л е ш к а. Самый первый сорт человек! На все руки! Куда глаз мой глянет, туда меня и тянет!

Б у б н о в *(около нар Татарина)*. Идем! Всё равно — спать не дадим! Петь будем... всю ночь! Зоб!

К р и в о й З о б. Петь? Можно...

А л е ш к а. А я — подыграю!

С а т и н. Послушаем!

Т а т а р и н *(улыбаясь)*. Ну, шайтан Бубна... подноси вина! Пить будим, гулять будим, смерть пришел — помирать будим!

Б у б н о в. Наливай ему, Сатин! Зоб, садись! Эх, братцы! Много ли человеку надо? Вот я — выпил и — рад! Зоб!.. Затягивай... любимую! Запою... заплачу!..

К р и в о й З о б *(запевает)*.

Со-олнце всходит и захо-оди-ит...

Б у б н о в *(подхватывая)*.

А-а в тюрьме моей темно-о!

(Дверь быстро открывается.)

Б а р о н *(стоя на пороге, кричит)*. Эй... вы! Иди... идите сюда! На пустыре... там... Актер... удавился! *(Молчание. Все смотрят на Барона. Из-за его спины появляется Настя и медленно, широко раскрыв глаза, идет к столу.)*

С а т и н *(негромко)*. Эх... испортил песню... дурак!

З а н а в е с

ДАЧНИКИ

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Басов, Сергей Васильевич, адвокат, под 40 лет.

Варвара Михайловна, его жена, 27 лет.

Калерия, сестра Басова, 29 лет.

Влас, брат жены Басова, 25 лет.

Суслов, Петр Иванович, инженер, 42 года.

Юлия Филипповна, его жена, 30 лет.

Дудаков, Кирилл Акимович, доктор, 40 лет.

Ольга Алексеевна, его жена, 35 лет.

Шалимов, Яков Петрович, литератор, лет 40.

Рюмин, Павел Сергеевич, 32 года.

Марья Львовна, врач, 37 лет.

Соня, дочь ее, 18 лет.

Двоеточие, Семен Семенович, дядя Суслова,
55 лет.

Замыслов, Николай Петрович, помощник Ба-
сова, 28 лет.

Зимин, студент, 23 года.

Пустобайка, дачный сторож, 50 лет.

Кропилькин, сторож.

Саша, горничная Басовых.

Женщина с подвязанной щекой

Господин Семенов

Дама в желтом платье

Молодой человек в клетчатом
костюме

Барышня в голубом

Барышня в розовом

Юнкер

Господин в цилиндре

} Любители
драмати-
ческого
искусства

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Дача Басовых. Большая комната, одновременно столовая и гостиная. В задней стене налево открытая дверь в кабинет Басова, направо дверь в комнату его жены. Эти комнаты разделены коридором, вход в него завешен темной портьерой. В правой стене окно и широкая дверь на террасу, в левой два окна. Посреди комнаты большой обеденный стол, против двери в кабинет рояль. Мебель плетеная, дачная, только около входа в коридор широкий диван, покрытый серым чехлом. Вечер. Б а с о в сидит за столом в кабинете, перед ним рабочая лампа под зеленым абажуром. Он пишет, сидя боком к двери, поворачивает голову, присматривается к чему-то в полутьме большой комнаты и порой тихо напевает. В а р в а р а М и х а й л о в н а бесшумно выходит из своей комнаты, зажигает спичку, держит ее перед лицом, осматривается. Огонь гаснет. В темноте, тихо подвигаясь к окну, она задевает стул.

Б а с о в. Это кто?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я.

Б а с о в. А...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Ты взял свечу?

Б а с о в. Нет.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Позвони Сашу.

Б а с о в. Влас приехал?

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(у двери на террасу)*. Не знаю...

Б а с о в. Глухая дача. Устроены электрические звонки, а везде щели... пол скрипит... *(Напевает что-то веселое.)* Варя, ты ушла?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я здесь...

Б а с о в *(собирает бумаги, укладывает их)*. У тебя в комнате дует?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Дует...

Б а с о в. Вот видишь!

(Саша входит.)

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Дайте огня, Саша.

Б а с о в. Саша, Влас Михайлович приехал?

С а ш а. Нет еще.

(Саша выходит, возвращается с лампой, ставит ее на стол около кресла. Вытирает пепельницу, на обеденном столе поправляет скатерть. Варвара Михайловна спускает штору, берет с полки книгу, садится в кресло.)

Б а с о в *(добродушно)*. Он стал неаккуратен, этот Влас... и ленив... Последнее время он вообще ведет себя... нелепо как-то. Это — факт.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Ты хочешь чаю?

Б а с о в. Нет, я уйду к Сусловым.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Саша, сходите к Ольге Алексеевне... узнайте, не придет ли она пить чай ко мне...

(Саша уходит.)

Б а с о в *(запирая бумаги в столе)*. Ну, вот и кончено! *(Выходит из кабинета, расправляя спину.)* Ты, Варя, сказала бы ему, разумеется, в мягкой форме...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Что сказать?

Б а с о в. Ну, чтоб он более... внимательно относился к своим обязанностям... а?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я скажу. Только, мне кажется, ты напрасно говоришь о нем... в этом тоне при Саше...

Б а с о в *(осматривает комнату)*. Это — пустяки! От прислуги всё равно ничего не скроешь... Как у нас пусто! Надо бы, Варя, прикрыть чем-нибудь эти голые стены... Какие-нибудь рамки... картинки... а то, посмотри, как неуютно!.. Ну, я пойду. Дай мне лапку... Какая ты холодная со мной, неразговорчивая... отчего, а? И лицо у тебя такое скучное, отчего? Скажи!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Ты очень торопишься к Суслову?

Б а с о в. Да, надо идти. Давно я с ним не играл в шахматы... и давно не целовал твою лапку... почему? Вот странно!

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*скрываая улыбку*). Так мы отложим беседу о моем настроении до поры... когда у тебя будет более свободное время... Ведь это не важно?

Б а с о в (*успокоительно*). Ну, конечно! Ведь это я так... что может быть? Ты милая женщина... умная, искренняя... и прочее. Если бы ты имела что-нибудь против меня — ты сказала бы... А отчего у тебя так блестят глазки?.. Нездоровится?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Нет, я здорова.

Б а с о в. Знаешь... надо бы тебе чем-нибудь заняться, дорогая моя Варя! Ты вот всё читаешь... очень много читаешь!.. А ведь всякое излишество вредно, это — факт!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Не забудь об этом факте, когда будешь пить красное вино у Суслова...

Б а с о в (*смеясь*). Это ты зло сказала! Но, знаешь, все эти модные, пряные книжки вреднее вина, право! В них есть что-то наркотическое... И сочиняют их какие-то нервно-растерзанные господа. (*Зекает.*) Вот скоро явится к нам «всамделишный», как дети говорят, писатель... Интересно, каков он стал... вероятно, зазнался немножко... Все эти публичные люди болезненно честолюбивы... вообще, ненормальный народ! Вот и Калерия ненормальна, хотя — какая она писательница, строго говоря? Она будет рада видеть Шалимова. Вот бы ей выйти замуж за него, право! Стара она... Н-да! старовата... и поет всегда, точно у нее хронически зубы болят... и не очень похожа на красавицу...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Как ты много говоришь лишнего, Сергей!

Б а с о в. Разве? Ну, ничего, ведь мы с тобой одни... Да, люблю я поболтать... (*За портьерой слышен сухой кашель.*) Кто это?

С у с л о в (*за портьерой*). Я.

Б а с о в (*идет к нему навстречу*). А я собирался к тебе!

С у с л о в (*молча здоровается с Варварой Михайловной*). Идем. Я пришел за тобой... Ты в городе сегодня не был?

Б а с о в. Нет. А что?

С у с л о в (*криво усмехаясь*). Говорят, твой помощник выиграл в клубе две тысячи рублей...

Б а с о в. Ого!

С у с л о в. У какого-то сильно пьяного купца...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Как вы всегда говорите...

С у с л о в. Как?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Да вот... выиграл деньги — и подчеркиваете — у пьяного.

С у с л о в (*усмехаясь*). Я не подчеркиваю.

Б а с о в. Что ж тут особенного? Вот если бы он сказал, что Замыслов напоил купца и обыграл его — это, действительно, скверный жанр!.. Идем, Петр... Варя, когда придет Влас... Ага! вот он... явился!

В л а с (*входит, в руках его старый портфель*). Вы скучали без меня, мой патрон? Приятно знать это! (*Суслову, дурачливо, как бы с угрозой.*) Вас ищет какой-то человек, очевидно, только что приехавший. Он ходит по дачам пешком и очень громко спрашивает у всех — где вы живете... (*Идет к сестре.*) Здравствуй, Варя.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Здравствуй.

С у с л о в. Чёрт возьми! Вероятно, это мой дядя...

Б а с о в. Значит, неудобно идти к тебе?

С у с л о в. Ну, вот еще! Ты думаешь, мне будет приятно с дядей, которого я почти не знаю? Я не видал его лет десять.

Б а с о в (*Власу*). Пожалуйста ко мне... (*Уводит Власа в кабинет.*)

С у с л о в (*закуривая*). Вы не хотите пойти к нам, Варвара Михайловна?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Нет... Ваш дядя — бедный?..

С у с л о в. Богатый. Очень. Вы думаете, я только бедных родственников не люблю?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Не знаю...

С у с л о в (*желчно покашливая*). А этот ваш Замыслов в один подлый день скомпрометирует Сергея, вы увидите! Он — прохвост! Не согласны?

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*спокойно*). Я не хочу говорить с вами о нем.

С у с л о в. Ну, что ж... Быть по сему. (*Помолчав.*) А вот вы — немножко рисуетесь вашей прямотой... Смотрите, роль прямого человека — трудная роль... чтобы играть ее только недурно, нужно иметь много характера, смелости, ума... Вы не обижаетесь?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Нет.

С у с л о в. И не хотите спорить? Или вы в душе согласны с моими словами?

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*просто*). Я не умею спорить... не умею говорить...

С у с л о в (*угрюмо*). Не обижайтесь на меня. Мне трудно допустить существование человека, который смеет быть самим собой.

С а ш а (*входит*). Ольга Алексеевна сказали, что они сейчас придут. Готовить чай?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Да, пожалуйста.

С а ш а. Николай Петрович идут к нам. (*Уходит.*)

С у с л о в (*подходя к двери кабинета*). Сергей, ты скоро?.. Я ухожу...

Б а с о в. Сейчас, сию минуту!

З а м ы с л о в (*входит*). Мой привет, патронесса! Здравствуйте, Петр Иванович.

С у с л о в (*покашливая*). Мое почтение. Каким вы... мотыльком.

З а м ы с л о в. Легкий человек! Легко на сердце и в кармане, и в голове легко!

С у с л о в (*грубовато, с иронией*). По поводу головы и сердца не буду спорить, а вот о кармане — говорят, вы обыграли кого-то в клубе...

З а м ы с л о в (*мягко*). Обо мне следует сказать: выиграл. Обыграл — это говорят о шулере.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Про вас всегда слышишь что-нибудь сенсационное. Говорят, это участь недюжинных людей.

З а м ы с л о в. По крайней мере, сам я, слушая сплетни обо мне, постепенно убеждаюсь в своей недю-

жинности... А выиграл я, к сожалению, немного — сорок два рубля...

(Суслов, сухо кашляя, отходит налево и смотрит в окно.)

Б а с о в *(выходя)*. Только! Я уж мечтал о шампанском... Ну-с, вы имеете что-нибудь сообщить мне? Я тороплюсь...

З а м ы с л о в. Вы уходите? Так я после, это не спешно. Варвара Михайловна, как жаль, что вы не были на спектакле! Юлия Филипповна восхитительно играла... чудесно!..

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Мне вообще нравится, как она играет.

З а м ы с л о в *(с увлечением)*. Она — талант! Отрежьте мне голову, если я ошибаюсь!

С у с л о в *(усмехаясь)*. А вдруг придется отрезать? Совсем без головы — неудобно... Ну, идем, Сергей!.. До свиданья, Варвара Михайловна. Честь имею... *(Кланяется Замыслову.)*

Б а с о в *(заглядывая в кабинет, где Влас разбирает бумаги)*. Так завтра к девяти утра вы всё это перепишете, — могу надеяться?

В л а с. Надейтесь... И да посетит вас бессонница, уважаемый патрон...

(Суслов и Басов уходят.)

З а м ы с л о в. И я пойду... Вашу ручку, патронесса.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Оставайтесь пить чай!

З а м ы с л о в. Если позволите, я приду потом. А сейчас — не могу! *(Быстро уходит.)*

В л а с *(являясь из кабинета)*. Варя! В этом доме будут пить чай?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Позови Сашу. *(Кладет ему руки на плечи.)* Отчего ты такой измученный?

В л а с *(трется щекой об ее руку)*. Устал. С десяти до трех сидел в суде... С трех до семи бегал по городу... Шурочка!.. И не успел пообедать.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Письмоводитель...
Это — ниже тебя, Влас!

В л а с (*дурачливо*). Нужно стараться достигать высот и так далее... я знаю. Но, Варя! — примеры любя, беру трубочиста на крыше: конечно, залез он всех выше... а разве он выше себя?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Не дури! Почему ты не хочешь поискать другого труда... более полезного, более значительного?..

В л а с (*комически возмущаясь*). Сударыня! Я принимаю хотя и косвенное, но напряженное участие в защите и охране священного института собственности — а вы называете это бесполезным трудом! Какой разврат мысли!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Ты не хочешь говорить серьезно?..

(Саша входит.)

В л а с (*Саше*). Многоуважаемая! Будьте великодушны, дайте чаю и закусить.

С а ш а. Сейчас подам. Котлет угодно?

В л а с. И котлет и всего прочего, им подобного... Жду!

(Саша уходит.)

В л а с (*обнимает сестру за талию и ходит с нею по комнате*). Ну, ты что?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Мне почему-то грустно, Власик! Знаешь... иногда, вдруг как-то... ни о чем не думая, всем существом почувствуешь себя точно в плену... Всё кажется чужим... скрытно враждебным тебе... всё такое не нужное никому... И все как-то несерьезно живут... Вот и ты... балагуришь... шутишь...

В л а с (*комически становясь перед нею в позу*).

Не укоряй меня, мой друг,
За то, что часто я шучу:
Веселой шуткой мой недуг
Перед тобой я скрыть хочу...

Стихи собственной фабрикации и гораздо лучше стихов Калерии... Но я не буду читать их до конца... они аршин пять длиной... Дорогая сестра моя! Ты хочешь, чтобы я был серьезен? Так, вероятно, кривой хочет видеть всех ближних своих одноглазыми.

(Входит Саша с чайной посудой и ловко суетится около стола. Слышна трещотка ночного сторожа.)

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Брось, Влас! Не надо болтать.

В л а с. Хорошо — сказал он — и грустно замолчал. Н-да! Ты не великодушна, сестренка! Целый день я молчу, переписывая копии разных ябед и кляуз... естественно, что вечером мне хочется говорить...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. А мне вот хочется уйти куда-то, где живут простые, здоровые люди, где говорят другим языком и делают какое-то серьезное, большое, всем нужное дело... Ты понимаешь меня?..

В л а с *(задумчиво)*. Да... понимаю... Но — никуда ты не уйдешь, Варя!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. А может быть, уйду. *(Пауза. Саша вносит самовар.)* Вероятно, завтра придет Шалимов...

В л а с *(зевая)*. Не люблю я его последних писаний — пусто, скучно, вяло.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я видела его однажды на вечере... я была гимназисткой тогда... Помню, он вышел на эстраду, такой крепкий, твердый... непокорные, густые волосы, лицо — открытое, смелое... лицо человека, который знает, что он любит и что ненавидит... знает свою силу... Я смотрела на него и дрожала от радости, что есть такие люди... Хорошо было! да! Помню, как энергично он встряхивал головой, его буйные волосы темным вихрем падали на лоб... и вдохновенные глаза его помню... Прошло шесть-семь — нет, уже восемь лет...

В л а с. Ты мечтаешь о нем, как институтка о новом учителе. Берегись, сестра моя! Писатели, как я слышал, большие мастера по части совращения женщин...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Это нехорошо, Влас, это — пошло!

В л а с (*просто, искренно*). Ну, не сердись, Варя!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Ты пойми... я жду его... как весну! Мне нехорошо жить...

В л а с. Я понимаю, понимаю. Мне самому нехорошо... совестно как-то жить... неловко... и не понимаешь, что же будет дальше?..

В а р в а р а М и х а й л о в н а. О да, Влас, да! Но зачем ты...

В л а с. Паясничаю?.. Я не люблю, когда другие видят, что мне нехорошо...

К а л е р и я (*входит*). Какая чудесная ночь! А вы сидите тут — и у вас пахнет угаром.

В л а с (*встряхиваясь*). Мое почтение, Абстракция Васильевна!

К а л е р и я. В лесу так тихо, задумчиво... славно! Луна — ласковая, тени густые и теплые... День никогда не может быть красивее ночи...

В л а с (*в тон ей*). О да! Старушки всегда веселее, чем девушки, и раки летают быстрее, чем ласточки...

К а л е р и я (*сидя за стол*). Вы ничего не понимаете! Варя, налей мне чаю... Никто не был у нас?

В л а с (*поучительно-дурачливо*). Никто — не может быть или не быть... ибо никто — не существует.

К а л е р и я. Пожалуйста, оставьте меня в покое.

(Влас молча кланяется ей и уходит в кабинет, перебирает там бумаги на столе. За окном вдали слышна трещотка ночного сторожа и тихий свист.)

В а р в а р а М и х а й л о в н а. К тебе приходила Юлия Филипповна...

К а л е р и я. Ко мне? Ах, да... по поводу спектакля...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Ты была в лесу?

К а л е р и я. Да. Я встретила Рюмина... он много говорил о тебе...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Что же он говорил?

Калерия. Ты знаешь...

(Пауза. Влас напевает что-то, гнусаво, негромко.)

Варвара Михайловна (вздыхая). Это очень печально.

Калерия. Для него?

Варвара Михайловна. Однажды он сказал мне, что любовь к женщине — трагическая обязанность мужчины...

Калерия. Ты раньше относилась к нему иначе.

Варвара Михайловна. Ты ставишь это мне в вину? Да?

Калерия. О нет, Варя, нет!

Варвара Михайловна. Сначала я старалась рассеять его печальное настроение... и, правда, много уделяла ему внимания... Потом я увидела, к чему это ведет... Тогда он уехал.

Калерия. Ты объяснилась с ним?

Варвара Михайловна. Ни словом! Ни я, ни он...

(Пауза.)

Калерия. Его любовь должна быть теплой и бесильной... вся — в красивых словах... и без радости. А любовь без радости — для женщины обидна. Тебе не кажется, что он горбатый?

Варвара Михайловна (удивленно). Не замечала... разве? Ты ошибаешься!..

Калерия. В нем, в его душе есть что-то нестройное... А когда я это замечаю в человеке, мне начинает казаться, что он и физически урод.

Влас (выходит из кабинета, грустно, потрясая пачкой бумаги). Принимая во внимание обилие сих кляуз и исходя из этого факта, честь имею заявить вам, патронесса, что при всем горячем желании моем — не могу я исполнить к сроку, назначенному патроном, возложенную на меня неприятную обязанность!..

Варвара Михайловна. Я помогу тебе потом. Пей чай.

Влас. Сестра моя! Воистину ты — сестра моя! Гордись этим! Абстракция Васильевна, учитесь любить ближнего, пока жива сестра моя и я сам!..

Калерия. А знаете,— вы горбатый!

Влас. С какой точки зрения?

Калерия. У вас горбатая душа.

Влас. Это, надеюсь, не портит моей фигуры?

Калерия. Грубость — такое же уродство, как горб... Глупые люди — похожи на хромых...

Влас *(в тон ей)*. Хромые — на ваши афоризмы...

Калерия. Люди пошлые кажутся мне рябыми... и почти всегда они — блондины...

Влас. Все брюнеты рано женятся, а метафизики — слепы и глухи... очень жаль, что они владеют языком!

Калерия. Это неостроумно! И вы, наверное, даже не знаете метафизики.

Влас. Знаю. Табак и метафизика суть предметы наслаждения для любителей. Я не курю и о вреде табака ничего не знаю, но метафизиков читал, это вызывает тошноту и головокружение...

Калерия. Слабые головы кружатся и от запаха цветов!

Варвара Михайловна. Вы кончите ссорой!

Влас. Я буду есть — это полезнее.

Калерия. Я поиграю — это лучше. Как душно здесь, Варя!

Варвара Михайловна. Я открою дверь на террасу... Ольга идет...

(Пауза. Влас пьет чай. Калерия садится за рояль. За окном тихий свист сторожа, и, в ответ ему, издали доносится еще более тихий свист. Калерия тихонько касается клавиш среднего регистра. Ольга Алексеевна входит, быстро откинув портьеру, точно влетает большая испуганная птица, сбрасывает с головы серую шаль.)

Ольга Алексеевна. Вот и я... едва вырвалась! *(Целует Варвару Михайловну.)* Добрый вечер, Калерия Васильевна! О, играйте, играйте! Ведь можно и без рукопожатий, да? Здравствуйте, Влас.

Влас. Добрый вечер, мамаша!

Варвара Михайловна. Ну, садись... Налить чаю? Почему ты так долго не шла?

О л ь г а А л е к с е е в н а (*нервно*). Подожди! Там, на воле — жутко... и кажется, что в лесу притаился кто-то... недобрый... Свистят сторожа, и свист такой... насмешливо-печальный... Зачем они свистят?

В л а с. Н-да! Подозрительно! Не нас ли это они освистывают?

О л ь г а А л е к с е е в н а. Мне хотелось поскорее прийти к тебе... а Надя раскапризничалась, должно быть, тоже нездоровится ей... Ведь Волька нездоров, ты знаешь? Да, жар у него... потом нужно было выкупать Соню... Миша убежал в лес еще после обеда, а вернулся только сейчас, весь оборванный, грязный и, конечно, голодный... А тут приехал муж из города и чем-то раздражен... молчит, нахмурился... Я совершенно завертелась, право... Эта новая горничная — чистое наказание! Стала мыть пузырьки для молока кипятком, и они полопались!

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*улыбаясь*). Бедная ты моя... славная моя! Устаешь ты...

В л а с. О Марфа, Марфа! Ты печешься о многом — оттого-то у тебя всё перепекается или недопечено... какие мудрые слова!

К а л е р и я. Только звучат скверно: перепе — фи!

В л а с. Прошу извинить — русский язык сочинил не я!

О л ь г а А л е к с е е в н а (*немного обиженная*). Вам, конечно, смешно слушать всё это... вам скучно... я понимаю! Но что же! У кого что болит, тот о том и говорит... Дети... когда я думаю о них, у меня в груди точно колокол звучит... дети, дети! Трудно с ними, Варя, так трудно, если бы ты знала!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Ты прости меня — мне всё кажется, что ты преувеличиваешь...

О л ь г а А л е к с е е в н а (*возбужденно*). Нет, не говори! Ты не можешь судить... Не можешь! Ты не знаешь, какое это тяжелое, гнетущее чувство — ответственность перед детьми! Ведь они будут спрашивать меня, как надо жить... А что я скажу?

В л а с. Да вы чего же раньше времени беспокоитесь? Может, они не спросят? Может быть, сами догадываются, как именно надо жить...

О л ь г а А л е к с е е в н а. Вы же не знаете! Они уже спрашивают, спрашивают! И это страшные вопросы, на которые нет ответов ни у меня, ни у вас, ни у кого нет! Как мучительно трудно быть женщиной!..

В л а с (*негромко, но серьезно*). Нужно быть человеком... (*Идет в кабинет и садится там за стол. Пишет.*)

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Перестань, Влас! (*Встает и медленно отходит от стола к двери на террасу.*)

К а л е р и я (*мечтательно*). Но заря своей улыбкой погасила звезды в небе. (*Тоже встает из-за роаяля, стоит в двери на террасу рядом с Варварой Михайловной.*)

О л ь г а А л е к с е е в н а. Я, кажется, на всех нагнала тоску? Точно сова ночью... о боже мой! Ну, хорошо, не буду об этом... Зачем же ты ушла, Варя, иди ко мне... а то я подумаю, что тебе тяжело со мной.

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*быстро подходит*). Какой вздор, Ольга! Мне просто стало невыносимо жалко...

О л ь г а А л е к с е е в н а. Не надо... Знаешь, я сама иногда чувствую себя противной... и жалкой... мне кажется, что душа моя вся сморщилась и стала похожа на старую маленькую собачку... бывают такие комнатные собачки... они злые, никого не любят и всегда хотят незаметно укусить...

К а л е р и я. Восходит солнце и заходит,— а в сердцах людей всегда сумерки.

О л ь г а А л е к с е е в н а. Вы что?

К а л е р и я. Я?.. Это... так я, сама с собой беседую.

В л а с (*в кабинете гнусаво поет на голос «Вечная память»*). Семейное счастье... семейное счастье...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Влас, прошу тебя, молчи!

В л а с. Молчу...

О л ь г а А л е к с е е в н а. Это я его настроила...

К а л е р и я. Из леса вышли люди. Смотрите, как это красиво! И как смешно размахивает руками Павел Сергеевич...

Варвара Михайловна. Кто с ним еще?
Калерия. Марья Львовна... Юлия Филипповна... Соня, Зимин... и Замыслов.

Ольга Алексеевна (*кутается в шаль*).
А я такая замухрышка! Эта франтиха Суслова посмеется надо мной... Вот не люблю ее!

Варвара Михайловна. Влас, позвони Сашу.

Влас. Вы, патронесса, отрываете меня от моих прямых обязанностей — так и знайте!

Ольга Алексеевна. Эта великолепная барыня... совсем не занимается детьми, и — странно: они у нее всегда здоровы.

Марья Львовна (*входит в дверь с террасы*).
Ваш муж сказал, что вам нездоровится, — правда? Что с вами, а?

Варвара Михайловна. Я рада, что вы зашли, но я здорова...

(*На террасе шум, смех.*)

Марья Львовна. Лицо немножко нервное... (*Ольге Алексеевне.*) И вы здесь? Я не видала вас так давно...

Ольга Алексеевна. Как будто вам приятно видеть меня... всегда такую кислую...

Марья Львовна. А если мне нравится кислое? Как ваши детки?

Юлия Филипповна (*входит с террасы*).
Вот сколько я привела вам гостей! Но вы не сердитесь — мы скоро уйдем. Здравствуйте, Ольга Алексеевна... А почему же не входят мужчины? Варвара Михайловна, там Павел Сергеевич и Замыслов. Я позову их, можно?

Варвара Михайловна. Конечно!

Юлия Филипповна. Идемте, Калерия Васильевна.

Марья Львовна (*Власу*). Вы поухдели, отчего?

Влас. Не могу знать!

Саша (*входя в комнату*). Подогреть самовар?

Варвара Михайловна. Пожалуйста... и поскорее.

} Вместе

Марья Львовна *(Власу)*. А зачем вы гри-масничаєте?

Ольга Алексеевна. Он всегда...

Влас. Такая специальность у меня!

Марья Львовна. Всё стараетесь быть остроумным? Да? И всё неудачно?.. Дорогая моя Варвара Михайловна, Павел Сергеевич ваш окончательно погружается в протрацию...

Варвара Михайловна. Почему же мой?

(Входит Рюмин. Потом Юлия Филипповна и Калерия. Влас, нахмурившись, идет в кабинет и затворяет за собою дверь. Ольга Алексеевна отводит Марью Львовну налево и что-то неслышно говорит ей, указывая на грудь.)

Рюмин. Вы извините за такое позднее вторжение...

Варвара Михайловна. Я рада гостям...

Юлия Филипповна. Дачная жизнь хороша именно своей бесцеремонностью... Но если бы вы слышали, как они спорили, он и Марья Львовна!

Рюмин. Я не умею говорить спокойно о том... что так важно, необходимо выяснить...

(Саша вносит самовар. Варвара Михайловна — у стола — тихо отдает ей какие-то приказания, готовит посуду для чая. Рюмин, стоя у рояля, смотрит на нее задумчиво и упорно.)

Юлия Филипповна. Вы очень первны, это мешает вам быть убедительным! *(Варваре Михайловне.)* Ваш муж сидит с моим орудием самоубийства, пьют коньяк, и у меня такое предчувствие, что они изрядно напьются. К мужу неожиданно приехал дядя — какой-то мясоторговец или маслодел, вообще фабрикант, хохочет, шумит, седой и кудрявый... забавный! А где же Николай Петрович? Благоразумный рыцарь мой?..

Замыслов *(с террасы)*. Я здесь, Инезилья, стою под окном...

Юлия Филипповна. Идите сюда. Что вы там говорили?

Замыслов *(входя)*. Развращал молодежь... Соня и Зимин убеждали меня, что жизнь дана человеку для

ежедневного упражнения в разрешении разных социальных, моральных и иных задач, а я доказывал им, что жизнь — искусство! Вы понимаете, жизнь — искусство смотреть на всё своими глазами, слышать своими ушами...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Это — вздор!

З а м ы с л о в. Я его сейчас только выдумал, но чувствую, что это останется моим твердым убеждением! Жизнь — искусство находить во всем красоту и радость, даже искусство есть и пить... Они ругаются, как вандалы.

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Калерия Васильевна... Прекратите болтовню!

З а м ы с л о в. Калерия Васильевна! Я знаю, вы любите всё красивое — почему вы не любите меня? Это ужасное противоречие.

К а л е р и я *(улыбаясь)*. Вы такой... шумный, пестрый...

З а м ы с л о в. Гм... но теперь не в этом дело... Мы — я и эта прекрасная дама...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Перестаньте же! Мы пришли...

З а м ы с л о в *(кланяясь)*. К вам!

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Чтобы просить...

З а м ы с л о в *(кланяясь еще ниже)*. Вас!

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Я не могу! Пойдемте в вашу милую, чистую комнатку... я так люблю ее...

З а м ы с л о в. Пойдемте! Здесь всё мешает нам.

К а л е р и я *(смеясь)*. Идемте!

(Идут ко входу в коридор.)

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Пойдите! Вы представьте: фамилия дяди мужа — Двоеточие!

З а м ы с л о в *(дважды тычет пальцем в воздух)*. Понимаете? Двоеточие!

(Смеясь, скрываются за портьерой.)

О л ь г а А л е к с е е в н а. Какая она всегда веселая, а ведь я знаю, — живется ей не очень... сладко... С мужем она...

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*сухо*). Это не наше дело, Оля, мне кажется...

О л ь г а А л е к с е е в н а. Разве я говорю что-нибудь дурное?

Р ю м и н. Как теперь стали часты семейные драмы...

С о н я (*выглядывая в дверь*). Мамашка! Я ухожу гулять...

М а р ь я Л ь в о в н а. Еще гулять?

С о н я. Еще! Тут так много женщин, а с ними всегда невыносимо скучно...

М а р ь я Л ь в о в н а (*шутя*). Ты — осторожнее... Твоя мать — тоже женщина...

С о н я (*вбегая*). Мамочка! Неужели? давно?

О л ь г а А л е к с е е в н а. Что она болтает!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. И хоть бы поздоровалась!

М а р ь я Л ь в о в н а. Сонька! Ты неприлична!

С о н я (*Варваре Михайловне*). Да ведь мы видели сегодня друг друга? Но я с наслаждением поцелую вас... я добра и великодушна, если это мне доставляет удовольствие... или по крайней мере ничего не стоит...

М а р ь я Л ь в о в н а. Сонька! Перестань болтать и убирайся.

С о н я. Нет, какова моя мамашка! Вдруг назвала себя женщиной! Я с ней знакома восемнадцать лет и первый раз слышу это! Это знаменательно!

З и м и н (*просовывая голову из-за портьеры*). Да вы идете или нет?

С о н я. Рекомендую — мой раб!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Вы что же не входите?.. Пожалуйста.

С о н я. Он невозможен в приличном обществе.

З и м и н. Она оторвала мне рукав у тужурки — вот и всё!..

С о н я. И только! Этого ему мало, он недоволен мной... Мамашка, я за тобой зайду, хорошо? А теперь иду слушать, как Макс будет говорить мне о вечной любви...

З и м и н. Как же... Дожидайтесь!

С о н я. Посмотрим, юноша! До свиданья. Луна еще есть?

З и м и н. И я не юноша... В Спарте... Позвольте, Соня, зачем же толкать человека, который...

С о н я. Еще не человек... вперед — Спарта!

(Их голоса и смех долго звучат где-то около дома.)

Р ю м и н. Славная дочь у вас, Марья Львовна.

О л ь г а А л е к с е е в н а. Когда-то и я была похожа на нее...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Мне нравится, как вы относитесь друг к другу... славно! Садитесь чай пить, господа!

М а р ь я Л ь в о в н а. Да, мы друзья.

О л ь г а А л е к с е е в н а. Друзья... как это достигается?

М а р ь я Л ь в о в н а. Что?

О л ь г а А л е к с е е в н а. Дружба детей.

М а р ь я Л ь в о в н а. Да очень просто: нужно быть искренней с детьми, не скрывать от них правды... не обманывать их.

Р ю м и н *(усмехаясь)*. Ну, это, знаете, рискованно! Правда груба и холодна, и в ней всегда скрыт тонкий яд скептицизма... Вы сразу можете отравить ребенка, открыв перед ним всегда страшное лицо правды.

М а р ь я Л ь в о в н а. А вы предпочитаете отравлять его постепенно?.. Чтобы и самому не заметить, как вы изуродуете человека?

Р ю м и н *(горячо и нервно)*. Позвольте! Я этого не говорил! Я только против этих... обнажений... этих неумных, ненужных попыток сорвать с жизни красивые одежды поэзии, которая скрывает ее грубые, часто уродливые формы... Нужно украшать жизнь! Нужно приготовить для нее новые одежды, прежде чем сбросить старые...

М а р ь я Л ь в о в н а. О чем вы говорите? — не понимаю!..

Р ю м и н. О праве человека желать обмана!.. Вы часто говорите — жизнь! Что такое — жизнь? Когда вы говорите о ней, она встает предо мной, как огромное, бесформенное чудовище, которое вечно требует жертв ему. жертв людьми! Она изо дня в день пожирает мозг и мускулы человека, жадно пьет его кровь. *(Всё время*

Варвара Михайловна внимательно слушает Рюмина, и постепенно на лице ее появляется выражение недоумеваящее. Она делает движение, как бы желая остановить Рюмина.) Зачем это? Я не вижу в этом смысла, но я знаю, что чем более живет человек, тем более он видит вокруг себя грязи, пошлости, грубого и гадкого... и всё более жаждет красивого, яркого, чистого!.. Он не может уничтожить противоречий жизни, у него нет сил изгнать из нее зло и грязь,— так не отнимайте же у него права не видеть того, что убивает душу! Признайте за ним право отвернуться в сторону от явлений, оскорбляющих его! Человек хочет забвения, отдыха... мира хочет человек! *(Встречая взгляд Варвары Михайловны, он вздрагивает и останавливается.)*

Марья Львовна (спокойно). Он обанкротился, ваш человек? Очень жаль... Только этим и объясняете вы его право отдыхать в мире? Нелестно.

Рюмин (Варваре Михайловне). Простите, что я... так раскричался! Вам, я вижу, неприятно...

Варвара Михайловна. Не потому, что вы так нервны...

Рюмин. А почему же? Почему?

Варвара Михайловна (медленно, очень спокойно). Я помню, года два тому назад, вы говорили совсем другое... и так же искренно... так же горячо...

Рюмин (взволнованно). Растет человек, и растет мысль его!

Марья Львовна. Она мечется, как испуганная летучая мышь, эта маленькая темная мысль!..

Рюмин (всё так же волнуясь). Она поднимается спиралью, но она поднимается всё выше! Вы, Марья Львовна, подозреваете меня в неискренности, да?..

Марья Львовна. Я? нет! Я вижу: вы искренно... кричите... и, хотя для меня истерика не аргумент, я всё же понимаю — вас что-то сильно испугало... вы хотели бы спрятаться от жизни... И я знаю: не один вы хотите этого,— людей испуганных не мало...

Рюмин. Да, их много, потому что люди всё тоньше и острее чувствуют, как ужасна жизнь! В ней всё строго предопределено... и только бытие человека случайно, бессмысленно... бесцельно!..

Марья Львовна *(спокойно)*. А вы постарайтесь возвести случайный факт вашего бытия на степень общественной необходимости,— вот ваша жизнь и получит смысл...

Ольга Алексеевна. Боже мой! Когда при мне говорят что-нибудь строгое, обвиняющее... я вся съезживаюсь... точно это про меня говорят, меня осуждают! Как мало в жизни ласкового! Мне пора домой! У тебя хорошо, Варя... всегда что-нибудь услышишь, вздрогнешь лучшей частью души... Поздно уже, надо идти домой...

Варвара Михайловна. Сиди, голубчик! Чего ты так?.. вдруг? Если будет нужно, пришлют за тобой.

Ольга Алексеевна. Да, пришлют... Ну, хорошо, я посижу. *(Идет и садится на диван с ногами, сжимаясь в комок. Рюми нервно барабанит пальцами по стеклу, стоя у двери на террасу.)*

Варвара Михайловна *(задумчиво)*. Странно мы живем! Говорим, говорим — и только! Мы накопили множество мнений... мы с такой... нехорошей быстротой принимаем их и отвергаем... А вот желаний, ясных, сильных желаний нет у нас... нет!

Рюмин. Это по моему адресу? да?

Варвара Михайловна. Я говорю о всех. Неискренно, некрасиво, скучно мы живем...

Юлия Филипповна *(быстро входит, за нею Калерия)*. Господа! Помогите мне...

Калерия. Право, это лишнее!

Юлия Филипповна. Она написала новые стихи и дала мне слово прочитать их на нашем вечере в пользу детской колонии... Я прошу прочитать сейчас, здесь! Господа, просите!

Рюмин. Прочитайте! Люблю я ваши ласковые стихи...

Марья Львовна. Послушала бы и я. В спорах — грубеешь. Прочитайте, милая.

Варвара Михайловна. Что-нибудь новое, Калерия?

Калерия. Да. Проза. Скучно.

Юлия Филипповна. Ну, дорогая моя, про-

читайте! Что вам стоит? Пойдемте за ними! *(Уходит, увлекая Калерию.)*

Марья Львовна. А где же... Влас Михайлович?

Варвара Михайловна. Он в кабинете. У него много работы.

Марья Львовна. Я с ним немножко резко обошлась... Досадно видеть его только шутником, право!

Варвара Михайловна. Да, обидно это. Знаете, если бы вы немножко мягче с ним!.. Он — славный... Его многие учили, но никто не ласкал.

Марья Львовна *(улыбаясь)*. Как всех... как всех нас... И оттого все мы грубы, резки...

Варвара Михайловна. Он жил с отцом, всегда пьяным... Тот его бил...

Марья Львовна. Пойду к нему. *(Идет к двери в кабинет, стучит и входит.)*

Рюмин *(Варваре Михайловне)*. Вы всё ближе сходитесь с Марьей Львовной, да?

Варвара Михайловна. Она мне нравится...

Ольга Алексеевна *(негромко)*. Как она строго говорит обо всем... как строго!

Рюмин. Марья Львовна в высокой степени обладает жестокостью верующих... слепой и холодной жестокостью... Как это может нравиться?..

Дудаков *(входит из коридора)*. Мое почтение, извините... Ольга, ты здесь? Скоро домой?

Ольга Алексеевна. Хотя сейчас. Ты гулял?

Варвара Михайловна. Стакан чаю, Кирилл Акимович?

Дудаков. Чай? Нет. На ночь не пью... Павел Сергеевич, мне бы вас надо... можно к вам завтра?

Рюмин. Пожалуйста.

Дудаков. Это насчет колонии малолетних преступников. Они опять там накуролесили... чёрт их дери! Бьют их там... чёрт побери! Вчера в газетах ругали нас с вами...

Р ю м и н. Я, действительно, давно не был в колонии... Как-то всё некогда...

Д у д а к о в. Д-да... И вообще... некогда всем... Хлопот у всех много, а дела — нет... почему? Я вот... устаю очень. Шлялся сейчас по лесу — и это успокаивает... несколько... а то — нервы у меня взвинчены...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. У вас лицо осуилось.

Д у д а к о в. Возможно. И сегодня неприятность... Этот осел, голова, упрекает: неэкономно! Больные много едят, и огромное количество хины... Болван! Во-первых, это не его дело... А потом, осуши улицы нижней части города, и я не трону твоей хины... Ведь не пожираю я эту хину сам? Терпеть не могу хины... и нахалов...

О л ь г а А л е к с е е в н а. Стоит ли, Кирилл, раздражаться из-за таких мелочей? Право, пора привыкнуть.

Д у д а к о в. А если вся жизнь слагается из мелочей? И что значит — привыкнуть?.. К чему? К тому, что каждый идиот суется в твое дело и мешает тебе жить?.. Ты видишь: вот... я и привыкаю. Голова говорит — нужно экономить... ну, я и буду экономить! То есть это не нужно и это вредно для дела, но я буду... У меня нет частной практики, и я не могу бросить это дурацкое место...

О л ь г а А л е к с е е в н а *(укоризненно)*. Потому что большая семья? Да, Кирилл? Я это не однажды слышала от тебя... и здесь ты мог бы не говорить об этом... Бестактный, грубый человек! *(Накинув шаль на голову, быстро идет к комнате Варвары Михайловны.)*

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Ольга! Что ты?!

О л ь г а А л е к с е е в н а *(почти рыдая)*. Ах, пусть, пусть меня!.. Я это знаю! Я слышала...

(Они обе скрываются в комнате Варвары Михайловны.)

Д у д а к о в *(растерянно)*. Вот! И... совершенно не имел в виду... Павел Сергеевич, вы меня извините... Это совершенно случайно... Я так... смущен... *(Быстро уходит, сталкиваясь в дверях с Калерией, Юлией Филипповной и Замысловым.)*

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Доктор чуть не опрокинул нас! Что с ним?

Р ю м и н. Нервы... *(Варвара Михайловна входит.)*
Ольга Алексеевна ушла?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Ушла... да...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Не доверяю я этому доктору... Он такой... нездоровый, заикается, рассеянный... Засовывает в футляр очков чайные ложки и мешает в стакане своим молоточком... Он может напутать в рецепте и дать чего-нибудь вредного.

Р ю м и н. Мне кажется, он кончит тем, что пустит себе пулю в лоб.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Вы говорите это так спокойно...

Р ю м и н. Самоубийства часты среди докторов.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Слова волнуют нас больше, чем люди... Вы не находите?

Р ю м и н *(вздвргнув)*. О, Варвара Михайловна!

(Калерия садится за рояль, Замыслов около нее.)

З а м ы с л о в. Вам удобно?

К а л е р и я. Спасибо...

З а м ы с л о в. Господа, внимание!

(Входят Марья Львовна и Влас, очень оживленные.)

В л а с. Ого! Будут читать стихи, да?

К а л е р и я *(с досадой)*. Если вы хотите слушать, вам придется перестать шуметь...

В л а с. Умри, всё живое!

М а р ь я Л ь в о в н а. Молчим... Молчим...

К а л е р и я. Очень рада. Это стихотворение в прозе. Со временем к нему напишут музыку.

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Мелодекламация! Как это хорошо! Люблю! Люблю всё оригинальное... Меня, точно ребенка, радуют даже такие вещи, как открытые письма с картинками, автомобили...

В л а с *(в тон ей)*. Землетрясения, граммофоны, инфлюэнция...

К а л е р и я *(громко и сухо)*. Вы мне позволите начать? *(Все быстро усаживаются. Калерия тихо перебирает клавиши.)* Это называется — «Эдельвейс».

«Лед и снег нетленным саваном вечно одевают вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие — мудрое молчание гордых высот.

Безгранична пустыня небес над вершинами гор, и бесчисленны грустные очи светил над снегами вершин.

У подножия гор, там, на тесных равнинах земли, жизнь, тревожно волнуясь, растет, и страдает усталый владыка равнин — человек.

В темных ямах земли стон и смех, крики ярости, шёпот любви... многозвучна угрюмая музыка жизни земной!.. Но безмолвия горных вершин и бесстрастия звезд — не смущают тяжелые вздохи людей.

Лед и снег нетленным саваном вечно одевают вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие — мудрое молчание гордых высот.

Но как будто затем, чтоб кому-то сказать о несчастьях земли и о муках усталых людей, — у подножия льдов, в царстве вечно немой тишины, одиноко растет грустный горный цветок — эдельвейс...

А над ним, в бесконечной пустыне небес, молча гордое солнце плывет, грустно светит немая луна и безмолвно и трепетно звезды горят...

И холодный покров тишины, опускаясь с небес, обнимает и ночью и днем — одинокий цветок — эдельвейс».

(Пауза. Все, задумавшись, молчат. Далеко звучат трещотка сторожа и тихий свист. Калерия, широко открыв глаза, смотрит прямо перед собой.)

Ю л и я Ф и л и п п о в н а *(негромко)*. Как это хорошо! Грустно... чисто...

З а м ы с л о в. Слушайте! Это надо читать в костюме, белом... широком... и пушистом, как эдельвейс! Вы понимаете? Это будет безумно красиво! Великолепно!

В л а с *(подходя к роялю)*. И мне нравится, право! *(Сконфуженно смеется.)* Нравится! Хорошо!.. Точно — клюквенный морс в жаркий день!

К а л е р и я. Уйдите!

В л а с. Да я ведь искренно, вы не сердитесь!

С а ш а *(входит)*. Господин Шалимов приехали.

(Общее движение. Варвара Михайловна идет к дверям и останавливается при виде входящего Шалимова. Очльсьй.)

Ш а л и м о в. Я имею удовольствие видеть...

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(тихо, не сразу)*.
Пожалуйста... прошу вас... Сергей сейчас придет...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Поляна перед террасой дачи Басова, окруженная густым кольцом сосен, елей и берез. На первом плане с левой стороны две сосны, под ними круглый стол, три стула. За ними невысокая терраса, покрытая парусиной. Напротив террасы группа деревьев, в ней широкая скамья со спинкой. За нею дорога в лес. Дальше, в глубине правой стороны, небольшая открытая сцена раковинной, от нее — справа налево — дорога на дачу Суслова. Перед сценой несколько скамей. Вечер, заходит солнце. У Басовых К а л е р и я играет на рояле. П у с т о б а й к а медленно и тяжело двигается по поляне, расставляя скамьи. К р о п и л к и н с ружьем за плечами стоит около елей.

К р о п и л к и н. А ту дачу — кто ныне снял?

П у с т о б а й к а (*угрюмо, густым голосом*). Инженер Суслов.

К р о п и л к и н. Всё новые?

П у с т о б а й к а. Чего?

К р о п и л к и н. Всё новые, мол. Не те, что в прошлом году жили...

П у с т о б а й к а (*вынимая трубку*). Всё одно. Такие же.

К р о п и л к и н (*вздыхает*). Оно конечно... все — господа... эхе-хе!..

П у с т о б а й к а. Дачники — все одинаковые. За пять годов я их видал — без счету. Они для меня — вроде как в ненастье пузыри на луже... вскочит и лопнет... вскочит и лопнет... Так-то...

(*Из-за угла дачи Басова, шумя и смеясь, проходит по дороге в лес группа молодежи с мандолинами, балалайками и гитарами.*)

К р о п и л к и н. Ишь ты... музыка! Тоже, видно, представлять собираются?..

П у с т о б а й к а. И будут... чего им! Народ — сытый...

К р о п и л к и н. Вот никогда я не видал, как господа представляют... чай, смешно? Ты видал?

П у с т о б а й к а. Я — видал. Я, брат, всё видал...

(Справа доносится гулкий хохот Двоеточия.)

К р о п и л к и н. Ну? Как же они?

П у с т о б а й к а. Очень просто: нарядятся не в свою одежду и говорят... разные слова, кому какое приятно... Кричат, суетятся, будто что-то делают... будто сердятся... Ну, обманывают друг дружку. Один представляется — я, дескать, честный, другой — а я умный... или там — я-де несчастный... Кому что кажется подходящим... он то и представляет...

(Кто-то на левой стороне свистит собаку и кричит: «Баян! Баян!» Пустобайка колотит по скамье обувью топора.)

К р о п и л к и н. Ах ты... сделай милость! Н-да... И песни поют?

П у с т о б а й к а. Песен они мало поют... Инженерова жена верещит когда... ну, голос у ней — жидкий.

К р о п и л к и н. Идут господа...

П у с т о б а й к а. Ну и пускай идут...

(Двоеточие выходит с правой стороны около сцены, за ним Суслов.)

Д в о е т о ч и е *(добродушно)*. Ты надо мной не смейся... куда тебе! Тебе, понимаешь, едва сорок минуло, а ты — лысый, а мне под шестьдесят — однако я кудрявый, хоть и седой — что? Хо-хо!

(Пустобайка всё время лениво и неуклюже возится около сцены со скамьями. Кропилькин осторожно отходит за сцену.)

С у с л о в. Ваше счастье... Продолжайте, я слушаю...

Д в о е т о ч и е. Давай сядем. Так вот — явились, значит, немцы... У меня заводилко старый, машины — дрянь, а они, понимаешь, всё новенькое поставили, — ну, товар у них лучше моего и дешевле... Вижу — дело мое швах... подумал — лучше немца не сделаешь... Ну, и решил — продам всю музыку немцам. *(Задумчиво молчит.)*

С у с л о в. Всё продали?

Д в о е т о ч и е. Дом в городе оставил... большой дом, старый... А дела теперь у меня нет, только одно осталось — деньги считать... хо-хо! хо-хо! Такой старый дурак, если говорить правду... Продам, знаешь, и сразу почувствовал себя сиротой... Стало мне скучно, и не знаю я теперь — куда мне себя девать? Понимаешь: вот — руки у меня... Раньше я их не замечал... а теперь вижу — болтаются ненужные предметы... *(Смеется. Пауза. Варвара Михайловна выходит на террасу и, заложив руки за спину, медленно, задумавшись, ходит.)* Вон Басова жена вышла. Экая женщина... магнит! Кабы я годков на десять моложе был...

С у с л о в. Ведь вы... кажется... женаты?

Д в о е т о ч и е. Был. И неоднократно... Но — которые жены мои померли, которые сбежали от меня... И дети были... две девочки... обе умерли... Мальчонка тоже... утонул, знаешь... Насчет женщин я очень счастлив был... всё у вас, в России, добывал их... очень легко у вас жен отбивать! Плохие вы мужья... Приеду, бывало, посмотрю туда-сюда — вижу, понимаешь, женщина, достойная всякого внимания, а муж у нее — какое-то ничтожество в шляпе... Ну, сейчас ее и приберешь к рукам... хо-хо! *(Влас выходит на террасу из комнат, стоит и смотрит на сестру.)* Да, всё это было... а теперь — ничего вот нет... ничего и никого... понимаешь...

С у с л о в. Как же вы... думаете жить?

Д в о е т о ч и е. Не знаю. Посоветуй! А чепуха, брат, эта твоя ботвинья... и поросенок тоже... Есть поросенка летом — это называется анахронизм...

В л а с. Ну, что, Варя?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Ничего... так... жалкий человек я... да?

В л а с *(обнимает ее за талию)*. Хочется сказать тебе что-то ласковое... да не знаю, как это говорится... не знаю...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Оставь меня, милый...

Д в о е т о ч и е. Вон к нам господин Чернов идет...

С у с л о в. Шут гороховый...

Д в о е т о ч и е. Бойкий паренек, а бездельник, видимо...

В л а с *(подходя)*. Кого это вы?

Д в о е т о ч и е. А вот племянника, хо-хо! Да и вы тоже, видать, не очень деловиты, а?

В л а с. Насколько я успел узнать вас, почтеннейший Семен Семенович, под словом дело вы подразумеваете выжимание соков из ближних ваших? В этом смысле я еще не деловит... увы!

Д в о е т о ч и е. Хо-хо! Вы не горюйте! В юности, понимаете, это трудненько: совесть еще не окрепла, и в голове кисель розовый вместо мозгов. А созреете, и преудобно воссядете на чьей-нибудь шее, хо-хо! На шее ближнего всего скорее доедешь к благополучию своему.

В л а с. Вы, несомненно, человек опытный в такой езде... верю вам! *(Кланяется и уходит.)*

Д в о е т о ч и е. Хо-хо! Отбрил и доволен! Миляга... Чай, поди-ка, героем себя чувствует... Ну, ничего, пускай потешится молодая душа. *(Опустив голову, сидит молча.)*

К а л е р и я *(выходит на террасу)*. Ты всё еще не можешь помириться?

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(негромко)*. Нет, не могу...

К а л е р и я. Кого ты будешь ждать теперь?

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(задумчиво)*. Не знаю... не знаю.

(Калерия, пожимая плечами, сходит с террасы и идет налево, скрывается за углом дачи.)

Д в о е т о ч и е. Н-да! Ну, так что же, Петруха... Как же я буду жить-то?

С у с л о в. Это не решается сразу... надо подумать...

Д в о е т о ч и е. Не решается? Хо-хо! Эх ты... Что?

С у с л о в. Ничего... Я ничего не говорю.

Д в о е т о ч и е. Ничего и не скажешь, видно.
(Справа из лесу идут Басов и Шалимов, раскланиваясь, проходят под сосну, садятся у стола; у Басова на шее полотенце.) Вот — и писатель с адвокатом идут... Гуляете?

Б а с о в. Купались.

Д в о е т о ч и е. Холодно?

Б а с о в. В меру.

Д в о е т о ч и е. Пойти и мне поплавать. Пойдем, Петр, может, я утону, — наследство скорее получишь, а?

С у с л о в. Нет, я не могу. Мне вот с ними нужно поговорить.

Д в о е т о ч и е. А я пойду. (Встает и уходит направо в лес. Суслов смотрит вслед ему и, усмехаясь, идет к Басову.)

Б а с о в. Варя, скажи, чтоб нам бутылочку пива дали... нет, лучше три бутылочки... Ну, что, как твой дядя?

(Варвара Михайловна уходит в комнаты.)

С у с л о в. Надоедает понемногу...

Б а с о в. Да... эти старики не забавны...

С у с л о в. Он, должно быть, хочет жить со мной...

Б а с о в. Дядя-то? Мм-да... Ну, а ты как?

С у с л о в. Да... чёрт знает! Вероятно, будет так, как он хочет.

(Саша приносит пиво.)

Б а с о в. Ты что, Яков, молчишь?

Ш а л и м о в. Раскис немного... Забыл я — как зовут эту воинственную даму?

Б а с о в. Марья Львовна... Эх, Петр, какая, брат, сегодня у нас за обедом разыгралась словесная война!

С у с л о в. Конечно, Марья Львовна...

Ш а л и м о в. Свирепая женщина, скажу вам...

(Варвара Михайловна снова выходит на террасу.)

С у с л о в. Не люблю я ее.

Ш а л и м о в. Я человек мягкий, но, скажу вам по правде, едва не наговорил ей дерзостей.

Б а с о в *(смеясь)*. А она тебе наговорила.

Ш а л и м о в *(Суслову)*. Вы поставьте себя на мое место: человек что-то там пишет, волнуется... наконец, устает, скажу вам просто. Приезжает к приятелю отдохнуть, пожить нараспашку, собраться с мыслями... и вдруг — является дама и начинает исповедовать: как веруете, на что надеетесь, почему не пишете о том-то и зачем молчите об этом? Потом она говорит, что это у вас неясно, это неверно, это некрасиво... Ах, да напишите вы, матушка, сами так, чтобы оно было и ясно, и верно, и красиво! Напишите гениально, только дайте мне отдохнуть!.. ф-фу!

Б а с о в. Это надо терпеть, мой друг. Проезжая по Волге, обязательно едят стерляжью уху, а при виде писателя — всякий хочет показать себя умницей; это надо терпеть.

Ш а л и м о в. Неделикатно это... неумно! Она часто бывает у тебя?

Б а с о в. Нет... т. е. да, частенько! Но я ведь тоже не очень ее жалую... Она такая прямолинейная, как палка... Это жена с ней в дружбе... и она очень портит мне жену. *(Оглядывается на террасу и видит Варвару Михайловну.)* Варя... ты здесь?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Как видишь.

(Замыслов и Юлия Филипповна быстро идут по дороге от дачи Суслова. Смеются. Шалимов, усмехаясь, смотрит на смущенного Басова.)

З а м ы с л о в. Варвара Михайловна! Мы устраиваем пикник... Едем в лодках...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Дорогая моя, здравствуйте!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Идемте в комнаты.

(Скрываются в комнатах. Суслов встал и медленно идет за ними.)

З а м ы с л о в. А Калерия Васильевна дома?

Ш а л и м о в *(смеясь)*. Ты, кажется, побаиваешься жены-то, Сергей?

Б а с о в (*вздыхает*). Ну, пустяки. Она у меня... хороший человек!

Ш а л и м о в (*усмехаясь*). Почему же ты так грустно сказал это?

Б а с о в (*вполголоса, кивая головой на Суслова*). Ревнует... к моему помощнику... Понимаешь? А жена у него, — ты обрати внимание, — интереснейшая женщина!

(*В глубине поляны проходят Соня и Зимин.*)

Ш а л и м о в. Да? Посмотрим... Хотя эта Марья Львовна сильно отбивает охоту знакомиться со здешними женщинами, скажу тебе!

Б а с о в. Эта, брат, совсем в другом стиле. Эта — о! Ты увидишь... (*Пауза.*) А давно ты ничего не печатал, Яков. Пишешь что-нибудь большое?

Ш а л и м о в (*ворчливо*). Ничего я не пишу... скажу прямо... Да! И какого тут чёрта напишешь, когда совершенно ничего понять нельзя? Люди какие-то запутанные, скользкие, неуловимые...

Б а с о в. А ты так и пиши — ничего, мол, не понимаю! Главное, брат, в писателе искренность.

Ш а л и м о в. Спасибо за совет!.. Искренность... не в этом дело, друг мой! Искренно-то я, может быть, одно мог бы сделать: бросить перо и, как Диоклетиан, капусту садить... (*Нищие тихо поют за углом дачи Басова: «Благодетели и кормильцы, милостыньку Христа ради, для праздничка Христова, поминаючи родителей».* Из-за сцены появляется Пустобайка — идет знать нищих.) Но — надо кушать, значит, надо писать. А для кого? Не понимаю... Нужно ясно представить себе читателя — какой он? Кто он? Лет пять назад я был уверен, что знаю читателя... и знаю, чего он хочет от меня... И вдруг, незаметно для себя, потерял я его... Потерял, да. В этом драма, пойми! Теперь вот, говорят, родился новый читатель... Кто он?

Б а с о в. Я тебя не понимаю... Что это значит — потерять читателя? А я... а все мы — интеллигенция страны — разве мы не читатели? Не понимаю... Как же нас можно потерять? а?

Ш а л и м о в (*задумчиво*). Конечно... интеллиген-

дия — я не говорю о ней... да... А вот есть еще... этот... новый читатель.

Б а с о в (*трясет головой*). Ну? Не понимаю.

Ш а л и м о в. И я не понимаю... но чувствую. Иду по улице и вижу каких-то людей... У них совершенно особенные физиономии... и глаза... Смотрю я на них и чувствую: не будут они меня читать... не интересно им это... А зимой читал я на одном вечере и тоже... вижу — смотрит на меня множество глаз, внимательно, с любопытством смотрят, но это чужие мне люди, не любят они меня. Не нужен я им... как латинский язык... Стар я для них... и все мои мысли — стары... И я не понимаю — кто они? Кого они любят? Чего им надо?

Б а с о в. Н-да... это любопытно! Только, я думаю — нервы это, а? Вот поживешь здесь, отдохнешь, успокоишься, и читатель найдется... Главное в жизни — спокойное, внимательное отношение ко всему... вот как я думаю... Пойдем в комнаты! И, того, Яша, попрошу тебя! Ты, знаешь, так как-нибудь... эдак — павлином!

Ш а л и м о в (*изумленно*). Что-о? Как это павлином? Зачем это?

Б а с о в (*таинственно*). Так, знаешь, распусти хвост на все перья! Перед Варей... перед женой моей... развлекай ее... заинтересуй, по дружбе...

Ш а л и м о в (*не сразу*). Нужно, значит, сыграть роль громоотвода? Ты... чужак! Ну, что же, ладно!

Б а с о в. Да, нет, ты не думай... она милая! Только, знаешь, так как-то, скучает о чем-то... Теперь все скучают... всё какие-то настроения... странные разговоры, вообще, канитель! Кстати, ты женат? То есть, я слышал, что ты развелся с женой.

Ш а л и м о в. И снова был женат, и снова развелся... Трудно, скажу тебе, найти в женщине товарища.

Б а с о в. Н-да! Это верно! Это, друг мой, верно...

(*Уходят в комнаты. Дама в желтом платье и молодой человек в клетчатом костюме выходят из леса.*)

Д а м а. Еще никого нет? А назначено в шесть часов... Как это вам нравится?

Молодой человек. Собственно говоря, я — герой...

Дама. Представьте! Я так и думала...

Молодой человек. Да, я герой... А он дает мне комические роли. Нелепо же, согласитесь!

Дама. Они всё хорошенькое — для себя...

(Проходят направо в лес. С другой стороны являются Соня и Зимин. В глубине сцены Суслов медленно идет по направлению к своей даче.)

Зимин *(вполголоса)*. Ну, я туда не пойду, Соня... Так вот... завтра, значит, я еду...

Соня *(в тон ему)*. Хорошо... поезжай. Будь осторожен, Макс, я прошу тебя!

Зимин *(берет ее руку)*. И ты... пожалуйста.

Соня. Ну, до свиданья! Недели через три увидимся... не раньше?

Зимин. Нет, не раньше... до свиданья, милая Соня! Ты без меня... *(Смущается, молчит.)*

Соня. Что?

Зимин. Так... Глупость. До свиданья, Соня...

Соня *(удерживая его за руку)*. Нет, скажи... ты без меня — что?

Зимин *(негромко, опустив голову)*. Не выйдешь замуж?

Соня. Не смей так говорить, Максим... И думать не смей! Слышишь? Это — глупо... а пожалуй, и гадко, Максим... понимаешь?

Зимин. Не надо... Не обижайся. Прости... невольно как-то приходят в голову разные дикие мысли... Говорят, человек не хозяин своего чувства...

Соня *(горячо)*. Это — неправда! Это — ложь, Максим! Я хочу, чтобы ты знал: это ложь!.. Ее выдумали для оправдания слабости, — помни, Максим, я не верю в это! Иди!..

Зимин *(жмет ее руку)*. Хорошо! Я буду помнить это, Соня... буду! Ну, до свиданья, славная моя!

(Зимин быстро уходит за угол дачи. Соня смотрит ему вслед и медленно идет на террасу, потом в комнаты. Дудаков, Влас и Марья Львовна идут справа из лесу,

потом за ними Двоеточие. Марья Львовна садится на скамью, Двоеточие рядом с нею. Зевает.)

Д у д а к о в. Люди — легкомысленны, а жизнь тяжела... почему?

В л а с. Это мне неизвестно, доктор! Продолжаю: ну-с, так вот — отец мой был повар и человек с фантазией, любил он меня жестоко и всюду таскал за собою, как свою трубку. Я несколько раз бегал от него к матери, но он являлся к ней в прачешную, избивал всех, попадавших ему под руку, и снова брал меня в плен. Роковая мысль — заняться моим образованием — пришла ему в голову, когда он служил у архиерея... Поэтому я попал в духовное училище. Но через несколько месяцев отец ушел к инженеру, а я очутился в железнодорожной школе... а через год я уже был в земледельческом училище, потому что отец поступил к председателю земской управы. Школа живописи и коммерческое училище тоже имели честь видеть меня в своих стенах. Кратко говоря — в семнадцать лет отращивание к наукам наполняло меня до совершенной невозможности чему-нибудь учиться, хотя бы даже игре в карты и курению табака. Что вы на меня так смотрите, Марья Львовна?

М а р ь я Л ь в о в н а (*задумчиво*). Грустно это всё ..

В л а с. Грустно? Но — ведь это прошлое!

Ж е н щ и н а с п о д в я з а н н о й щ е к о й. Господа, не видали Женечку? Мальчик такой... не пробегал? В соломенной шляпочке... Беленький.

М а р ь я Л ь в о в н а. Не видали.

Ж е н щ и н а. Ах ты... грех какой... Мальчик-то господ Розовых! Бойкенский такой... а?

В л а с. Не видали, тетенька...

(*Женщина бормочет что-то и бежит в лес.*)

Д в о е т о ч и е. А вы, того, господин Чернов... понимаете...

В л а с. Чего? Не понимаю.

Д в о е т о ч и е. Нравитесь мне...

В л а с. Ну?

Двоеточные. Право...
Влас. Я рад... за вас!..

(Двоеточные хохочет.)

Дудак. Скверно вам будет, Влас!..

Влас. Когда?

Дудак. Вообще... всегда...

Двоеточные. Конечно, будет скверно... потому — человек прямой... и всякому, понимаете, забавно попробовать — а ну-ка, не согнется ли?

Влас. Увидим! А пока идемте чай пить, а? У нас, вероятно, пьют уже...

Дудак. Это — хорошее дело.

Двоеточные. Я бы пошел... Ловко ли?

Влас. Очень ловко, дедушка. Я иду вперед...

(Убегает на дачу, все медленно идут за ним.)

Двоеточные. Приятный паренек...

Марья Львовна. Да, славный, только вот — кривляется...

Двоеточные. Ничего! Это пройдет. В нем есть внутренняя честность, знаете... Обыкновенно честность у людей где-то снаружи прицеплена, вроде галстука, что ли... Человек больше сам про себя кричит: я честный, честный! Но когда, понимаете, девица часто про себя говорит: ах, я девушка! ах, я девушка! — для меня это верный признак, что она в дамки прошла... Хо-хо! Вы меня простите, Марья Львовна...

Марья Львовна. Что с вас возьмешь...

(Входят на террасу и в комнаты. Сулов выходит им навстречу.)

Двоеточные. Ты куда, Петр?

Сулов. Так... покурить, на воздух...

(Сулов медленно идет к своей даче. Навстречу ему выбегает женщина с подвязанной щекой. Из леса выходит господин в цилиндре, останавливается, пожимает плечами.)

Женщина. Господин, не видали вы мальчика? Колечка... то бишь, Женечка... В курточке!

Сулов *(негромко)*. Нет... уйди прочь!

(Женщина убегает.)

Господин *(элегантно кланяясь)*. Милостивый государь, извините... вы не меня ищете?

Суслов *(недоумевая)*. Это не я ищу, это баба ищет.

Господин. Видите ли что... я приглашен играть первую роль в пьесе.

Суслов *(идет)*. Это меня не касается.

Господин *(обиженно)*. Но позвольте... кого же это касается? Где, наконец, режиссер? Я два часа хожу, ищу... Ушел... невежа!.. *(Идет к сцене и скрывается за ней. Ольга Алексеевна идет по дороге с дачи Суслова.)*

Ольга Алексеевна. Здравствуйте, Петр Иванович!

Суслов. А... добрый вечер!.. Как душно!..

Ольга Алексеевна. Душно? Мне не кажется...

Суслов *(закуривая)*. А я вот — задыхаюсь... Ходят тут какие-то полуумные, ищут мальчиков, режиссеров...

Ольга Алексеевна. Да, да... Вы что — устали? У вас трясутся руки.

Суслов *(идет с нею обратно к даче Басова)*. Это... оттого, что я много выпил вчера и плохо спал...

Ольга Алексеевна. Зачем вы пьете?

Суслов. Чтоб веселее жить...

Ольга Алексеевна. Вы мужа не встречали?

Суслов. Он у Басовых пьет чай...

Варвара Михайловна *(появляясь на террасе)*. Ты ко мне, Оля?

Ольга Алексеевна. Я гуляю...

Варвара Михайловна. А вы почему ушли, Петр Иванович?

Суслов *(усмехаясь)*. По земле, как всегда, хожу... Надоело слушать речи господина писателя и почтенной Марии Львовны.

Варвара Михайловна. Да? Вам не интересно? А вот я слушаю.

Суслов *(пожимая плечами)*. На здоровье... До свиданья пока... *(Идет к своей даче.)*

Ольга Алексеевна *(негромко)*. Ты понимаешь, почему он такой?..

Варвара Михайловна. Нет... Мне не хочется понимать это. Идем в комнаты?

Ольга Алексеевна. Посиди со мной, там обойдутся и без тебя.

Варвара Михайловна. Несомненно. А ты опять расстроена?

Ольга Алексеевна. Могу ли я быть спокойной, Варя? Он приехал из города, заглянул на минутку домой и исчез... Меня это не может радовать, согласись...

Варвара Михайловна. Он у нас сидит.

(Они медленно идут к группе елей.)

Ольга Алексеевна *(раздраженно)*. Он бежит от меня и детей. Я понимаю, он заработался, ему надо отдохнуть... Но ведь и я тоже устала... О, как я устала! Я ничего не могу делать, у меня всё не ладится... это злит меня. Он должен помнить, что молодость мою, все мои силы я отдала ему.

Варвара Михайловна *(мягко)*. Милая Оля... Мне кажется, что тебе нравится жаловаться... нет? я ошибаюсь?

(Из комнат доносится глухой шум спора, он всё возрастает.)

Ольга Алексеевна. Не знаю... может быть! Я хочу сказать ему — пусть лучше я уеду... и дети...

Варвара Михайловна. Вот это так! Просто вам нужно отдохнуть друг от друга... Поезжай, я достану тебе денег.

Ольга Алексеевна. Ах, я так много должна тебе!

Варвара Михайловна. Пустяки это! Успокойся, сядем здесь.

Ольга Алексеевна. Я ненавижу себя за то, что не могу жить без твоей помощи... ненавижу! Ты думаешь, мне легко брать у тебя деньги... деньги твоего мужа?.. Нельзя уважать себя, если не умеешь жить... если всю жизнь нужно, чтобы кто-то помогал

тебе, кто-то поддерживал тебя... Ты знаешь? Иногда я не люблю и тебя... ненавижу! За то, что вот ты такая спокойная и всё только рассуждаешь, а не живешь, не чувствуешь...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Голубчик мой, я только умею молчать... Я не могу себе позволить жалоб — вот и всё!..

О л ь г а А л е к с е е в н а. Те, которые помогают, должны в душе презирать людей... Я сама хочу помогать.

(На дачу Басовых быстро проходит Рюмин.)

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Чтобы презирать людей?

О л ь г а А л е к с е е в н а. Да! да! Я — не люблю их! Не люблю Марию Львовну, — зачем она всех так строго судит? Не люблю Рюмина, — он всё философствует и ничего не смеет, не может. И мужа твоего не люблю: он стал мягкий, как тесто, он боится тебя; разве это хорошо? А твой брат... влюблен в эту резеррку, в эту злую Марию Львовну...

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(удивленно, с упреком)*. Ольга! Что с тобой? Это нехорошо! послушай...

О л ь г а А л е к с е е в н а. Да! да! Пускай нехорошо! А эта гордая Калерия!.. Говорит о красоте... а самой просто хочется замуж!

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(строго и холодно)*. Ольга! Ты не должна давать воли этому чувству... оно тебя заведет в такой темный угол...

О л ь г а А л е к с е е в н а *(негромко, но сильно и со злостью)*. Мне всё равно!.. Всё равно, куда я приду, лишь бы выйти из этой скучной мучки! Я жить хочу! Я не хуже других! Я всё вижу, я не глупая... Я вижу, что ты тоже... о, я понимаю!.. Тебе хорошо жить. Да, твой муж богат... он не очень щепетилен в делах, твой муж... это все говорят про него. Ты должна знать это!.. Ты сама тоже... Ты устроилась как-то так, чтобы не иметь детей...

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(медленно встает и смотрит в лицо Ольги изумленными глазами)*. Устроилась? Ты... что ты хочешь сказать?..

Ольга Алексеевна *(смущенно)*. Я ничего не говорю особенного... я только хотела сказать... мне муж говорил, что многие женщины не хотят детей...

Варвара Михайловна. Я не понимаю тебя, но я чувствую, — ты подозреваешь меня в чем-то гадком... Я не хочу знать, в чем именно...

Ольга Алексеевна. Варя, не говори так, не смотри на меня... Ведь это правда, твой муж... о нем дурно говорят...

Варвара Михайловна *(вздрагивая, задумчиво)*. Ты, Ольга, была мне как родная... Если бы я не знала, как тяжело тебе жить... если бы не помнила, что когда-то мы обе с тобой мечтали не о такой жизни...

Ольга Алексеевна *(искренне)*. Ну, прости меня... прости. Я — злая...

Варвара Михайловна. Мечтали о хорошей, яркой жизни и вместе оплакали эти мечты... Мне очень больно, Ольга... Ты хотела этого? Мне больно!

Ольга Алексеевна. Не говори... не говори так, Варя!..

Варвара Михайловна. Я уйду... *(Ольга Алексеевна встает.)* Нет! не ходи за мной... не надо...

Ольга Алексеевна. Ты... навсегда... Варя?.. Ты — навсегда?..

Варвара Михайловна. Молчи... Подожди... Я не понимаю — за что ты меня?..

(Двоеточие быстро сходит с террасы, зовет и, подойдя к Варваре Михайловне, берет ее за руку.)

Двоеточие. Сбежал я, сударыня! Красивенький философ — господин Рюмин — загонял меня до полного конфуза! В премудростях я не смышлен и противиться ему никак не могу... Так и увяз я в речах его... точно таракан в патоке... Сбежал, ну его!.. Лучше с вами потолкую... уж очень вы мне, старому лешему, нравитесь, право! А что у вас личико эдакое... как бы опрокинутое? *(Смотрит на Ольгу Алексеевну. Смущенно крикает.)*

Ольга Алексеевна *(кратко)*. Мне уйти, Варя?

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*твердо*). Да... (*Ольга Алексеевна быстро идет в глубину сцены. Варвара Михайловна смотрит ей вслед, обращается к Двоеточию.*) Вы говорите... что такое? Простите... я...

Д в о е т о ч и е (*дружески, просто*). Эх, сударыня! Смотрю я на вас: нехорошо вам тут, понимаете? Нехорошо, правда? (*Хочочет.*)

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*оглядывая его с головы до ног, спокойно, ровно*). Послушайте, Семен Семенович, вы не можете объяснить мне, кто дал вам право говорить со мной... в этом странном тоне?

Д в о е т о ч и е. Хо-хо-хо! Э! бросьте! Право это дает мне старость моя и — опыт мой...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Извините меня... но, мне кажется... этого слишком мало, чтобы так бесцеремонно вторгаться...

Д в о е т о ч и е (*добродушно*). Никуда я не вторгаюсь, а вижу я — чужая вы всем тут... и я чужой... ну вот, и того... понимаете... захотелось мне сказать вам что-то... ну, видно, не сумел... извините, коли так...

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*усмехаясь*). Простите и вы меня... я, кажется, грубо сказала вам... но, право, мне странно, я не привыкла к такому отношению.

Д в о е т о ч и е. Понимаю... Вижу, что не привыкли... где тут привыкнуть! Пойдемте, погуляем, а? Уважьте старика!..

(*Семенов влетает на велосипеде и подкатывается прямо к ногам Двоеточия.*)

Д в о е т о ч и е (*испуганно*). Куда вы, сударь мой? Что вы?

С е м е н о в (*задыхаясь*). Извините... уже кончилась?..

Д в о е т о ч и е. Что кончилось?.. Бог с вами!

С е м е н о в. Такая досада!.. Лопнула шина!.. Я, видите, сегодня на двух репетициях...

Д в о е т о ч и е. Да мне-то какое дело до этого?..

С е м е н о в. Вы не участвуете? Извините! Я думал, вы в гриме...

Д в о е т о ч и е (*Варваре Михайловне*). Что такое?

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*Семенову*). Вы на респетицию?

С е м е н о в. Да, и вот...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Еще не начинали.

С е м е н о в (*радостно*). О, благодарю вас! Это очень досадно... я всегда так аккуратен!

Д в о е т о ч и е. Чего же вам досадно?

С е м е н о в (*любезно*). То есть было бы досадно, если бы я опоздал... Извиняюсь. (*Отходит, раскланиваясь, к сцене.*)

Д в о е т о ч и е. Вот чудовищное насекомое! Наехал... Извольте радоваться! Уйдемте прочь отсюда, Варвара Михайловна, а то еще наскочит какой-нибудь эдакий... брандахлыст!

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*рассеянно*). Пойдемте... я возьму платок... я сейчас. (*Уходит на дачу, Семенов подходит к Двоеточию.*)

С е м е н о в. Там еще едут... две барышни и юнкер...

Д в о е т о ч и е. Ага? Едут? Приятно мне слышать это...

С е м е н о в. Они должны сейчас явиться... Знаете, это тот юнкер, у которого сестра застрелилась...

Д в о е т о ч и е. Тот самый... Скажите!..

С е м е н о в. Не правда ли, какой сенсационный случай... барышня и вдруг — стреляется?

Д в о е т о ч и е. М-да... Действительно... случай...

С е м е н о в. А я подумал, что вы в гриме... У вас такие волосы и лицо, точно грим.

Д в о е т о ч и е. Покорно вас благодарю...

С е м е н о в. Я не лъщу вам... поверьте...

Д в о е т о ч и е. Я — верю... Только не понимаю... чем тут... польстить можно?

С е м е н о в. Как же! В гриме человек всегда красивее, чем в натуре. А скажите, вы не декоратор, нет?

(*Из леса выходит Суслов, в глубине сцены являются дама в желтом и молодой человек в клетчатом костюме.*)

Д в о е т о ч и е. Нет... я просто дядя вон этого господина...

Д а м а в ж е л т о м. Господин Сазанов!

С е м е н о в. Это меня зовут. Вот, знаете, странно... у меня такая простая фамилия, а никто ее не запоминает... До свиданья! *(Идет на зов, оживленно кланяясь даме.)*

С у с л о в *(подходит)*. Жену не видали? *(Двоеточные отрицательно качает головой и облегченно вздыхает.)* На даче собрались эти... артисты...

Д в о е т о ч и е. Ко мне вот этот репей пристал... декоратором меня назвал... Спиноза тонконогая! Тоже место на земле занимает!.. Опять спорят! Ну!

(Из комнат дачи выходят: Калерия, Шалимов, Рюмин, Варвара Михайловна. Двоеточные идет им навстречу, внимательно слушает спор. Суслов садится на его место, угрюмо глядя на спорящих.)

Ш а л и м о в *(утомленно)*. Нет, я готов бежать от нее на северный полюс... невыносимо горяча она!

Р ю м и н. Меня положительно возмущает ее депотизм. Люди этого типа преступно нетерпимы... Почему они полагают, что все должны принимать их верования?

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(пристально смотрит на всех)*. Укажите им что-нибудь более великое и красивое, чем эти верования!

К а л е р и я. Ты называешь великим и красивым эти холодные, лишенные поэзии мечты о всеобщей сытости?

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(волнуясь)*. А я не знаю... Я не вижу ничего более яркого... *(Шалимов внимательно прислушивается к словам Варвары Михайловны.)* Я не умею говорить... Но, господа, я сердцем чувствую: надо, необходимо пробудить в людях сознание своего достоинства, во всех людях... во всех! Тогда никто из нас не будет оскорблять другого... Ведь мы не умеем уважать человека, и это так больно... обидно...

К а л е р и я. Ах, боже мой! Да не Марья же Львовна может научить этому!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Вы все относитесь к ней так враждебно... Зачем?

Р ю м и н. Она сама — прежде всех!.. Она раздражает... Когда я слышу, как люди определяют смысл

жизни, мне кажется, что кто-то грубый, сильный обнимает меня жесткими объятиями и давит, хочет изродовать...

Калерия. Как тяжело, тесно жить среди таких людей!

Варвара Михайловна. А среди людей, которые всё только жалуются на жизнь, — весело, легко, Калерия? Будем справедливы... разве легко и свободно жить среди людей, которые всё только стонут, всё кричат о себе, насыщают жизнь жалобами и ничего, ничего больше не вносят в нее?.. Что вносим в жизнь все мы... вы, я, ты?..

Рюмин. А она?.. А Марья Львовна? Вражду?

Калерия. Забытые слова — забыты, и прекрасно! Живые люди не могут жить заветами покойников.

(Около сцены собираются любители. Пустобайка на сцене расставляет стулья.)

Двоеточие. А вам бы, Варвара Михайловна, не волноваться так, а? Прекратить бы разговорец-то? Пойдемте гулять... вы обещали.

Варвара Михайловна. Да... я пойду! Я не умею сказать, что чувствую... что хочу... не умею! Как это обидно... быть умственно немой...

Шалимов. Свидетельствую, что это неправда... Вы позволите идти с вами?

Варвара Михайловна. Пожалуйста, идите...

Двоеточие. Пойдемте к речке... в беседку. Чего вы горячитесь, сударыня моя?

Варвара Михайловна. Ах... я чувствую какое-то тяжелое недоразумение.

(Уходят по дороге в лес. Сулов смотрит вслед им и усмехается.)

Рюмин *(смотрит им вслед).* Как она оживилась... когда приехал этот... Шалимов... Как она говорит! А что такое он? Ведь она видит, — он исписался, потерял почву под собой... и когда он говорит уверенно, он лжет себе, обманывает других.

К а л е р и я. Она это знает; вчера вечером, после разговора с ним, она плакала, как разочарованное дитя... Да... Издали он казался ей сильным, смелым, она ожидала, что он внесет в ее пустую жизнь что-то новое, интересное...

(Из-за угла дачи Басова идут Замыслов и Юлия Филипповна. Он что-то шепчет ей, она смеется. Суслов это видит.)

Р ю м и н. Пойдемте в комнаты. Сыграйте что-нибудь, пожалуйста... хочется музыки...

К а л е р и я. Пойдемте... Да, грустно жить, когда кругом тебя всё так...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Смотрите: артисты наши уже пришли. Репетиция в шесть, а теперь?

З а м ы с л о в. А теперь семь с половиной. Но раньше опаздывали только вы, а теперь — все. Плоды вашего влияния.

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Это — дерзость?..

З а м ы с л о в. Это — комплимент. Я на секунду забегу к патрону, вы позволите?

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Скорее!

(Замыслов уходит на дачу Басовых, Юлия Филипповна — к группе деревьев; напевая, видит мужа.)

С у с л о в. А, где была?

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Там... И там...

(Около сцены дама в желтом, молодой человек, Семенов, юнкер и две барышни. На сцене Пустобайка с грохотом ставит стол. Смех, отдельные восклицания: «Господа!» — «Где режиссер?» — «Господин Степанов!» — «Он здесь, я видел». — «Опоздаем мы в город!» — «Извините — Семенов, а не Степанов!»)

С у с л о в. Всё с ним?.. С этим... так открыто... чем ты рисуешься, Юлия? Надо мной уже смеются. Ты понимаешь?

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Уже смеются?.. Это скверно...

С у с л о в. Нам нужно объясниться... Я не могу позволить тебе...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Мне не улыбается роль жены человека, над которым смеются...

С у с л о в. Берегись, Юлия!.. Я способен...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Быть грубым, как извозчик? — я знаю...

С у с л о в. Не смей говорить так! Развратная!

Ю л и я Ф и л и п п о в н а *(негромко, спокойно)*. Мы кончим эту сцену дома. Сюда идут... Ты ушел бы... У тебя такое лицо... *(Брезгливо вздрагивает. Суслов делает шаг к ней, но быстро отступает и, сказав сквозь зубы свою фразу, исчезает в лесу.)*

С у с л о в. Когда-нибудь... я застрелю тебя!..

Ю л и я Ф и л и п п о в н а *(вслед ему)*. Это — не сегодня? да? *(Напевает.)* «Уже утомившийся день...» *(Голос у нее дрожит.)* «...Склонился в багряные воды...» *(Смотрит широко открытыми глазами вперед и медленно опускает голову. С дачи Басова выходят: Марья Львовна, очень взволнованная, Дудаков и Басов с удочками.)*

Б а с о в *(распутывая лесу)*. Уважаемая... Надо быть мягче, надо быть добрее... все мы — люди... Чёрт бы взял того, кто спутал мои удочки!..

М а р ь я Л ь в о в н а. Позвольте!

Д у д а к о в. Видите ли, человек устает...

Б а с о в. Нельзя же так, уважаемая! По-вашему выходит, что если писатель, так уж это непременно какой-то эдакий... герой, что ли? Ведь это, знаете, не всякому писателю удобно.

М а р ь я Л ь в о в н а. Мы должны всегда повышать наши требования к жизни и людям.

Б а с о в. Это так... Повышать — да! Но в пределах возможного... Всё совершается постепенно... Эволюция! Эволюция! Вот чего не надо забывать!

М а р ь я Л ь в о в н а. Я не требую... невозможного... Но мы живем в стране, где только писатель может быть глашатаем правды, беспристрастным судьей пороков своего народа и борцом за его интересы... Только он может быть таким, и таким должен быть русский писатель...

Б а с о в. Ну да, конечно... однако...

М а р ь я Л ь в о в н а *(сходит с террасы)*. Я этого

пе вижу в вашем друге, не вижу, нет! Чего он хочет? Чего ищет? Где его ненависть? Его любовь? Его правда? Кто он: друг мой? враг? Я этого не понимаю... (*Быстро уходит за угол дачи.*)

Б а с о в (*распутывая удочки*). Уважаю я вас, Марья Львовна, за эту... кипучесть... Исчезла?.. Нет, вы скажите мне — чего она горячится? Ведь даже гимназистам известно, что писатель должен быть честен... ну, и там... действовать насчет народа и прочее, а солдат должен быть храбр, адвокат же умен... Так нет, эта неукротимая женщина все-таки долбит зады... Пойдемте, милый доктор, поймем окуня... Кто это спутал удочки? Чёрт!

Д у д а к о в. Д-да... много она говорит, по-умному... Очень просто жить ей... Практика у все есть, потребности небольшие.

Б а с о в. А этот Яшка — шельмец! Вы заметили, как он ловко выскальзывал, когда она припирала его в угол? (*Смеется.*) Красиво говорит он, когда в ударе! А хоть и красиво... однако после своей первой жены, с которой, кстати сказать, он и жил всего полгода... а потом бросил ее...

Д у д а к о в. То есть разошелся, говорят в этих случаях.

Б а с о в. Ну, скажем, разошелся... а теперь вот, когда она умерла, хочет ее именъишко к своим рукам прибрать. Ловко?

Д у д а к о в. Н-но! Очень неловко. Это лишнее!..

Б а с о в. А он вот находит, что не лишнее... дорогой мой доктор! Идем на реку...

Д у д а к о в. А знаете что?..

Б а с о в. Что именно?

Д у д а к о в (*задумчиво, медленно*). Вам не странно, т. е. вас не удивляет, что мы не опротивели друг другу, а?

Б а с о в (*останавливается*). Что-о? Вы это серьезно?

Д у д а к о в. Вполне серьезно... Ведь ужасно пустые люди все мы... вам не кажется это?

Б а с о в (*идет*). Нет, не кажется... Я здоров... Я вообще нормальный человек, извините...

Д у д а к о в. Нет... вы без шуток...

Б а с о в. Шутки? Послушайте... вы, того, доктор... одним словом: врачу, исцелился сам! Кстати, спрошу вас — вы меня в воду не столкнете, а?

Д у д а к о в (*серьезно, пожимая плечами*). Зачем же?

Б а с о в (*идет*). А так... вообще... странное у вас... настроение.

Д у д а к о в (*угрюмо*). Трудно говорить серьезно с вами...

Б а с о в. И не говорите... не надо! А то вы очень уж оригинально понимаете серьезный разговор... Не будем говорить серьезно!

(Басов и Дудаков уходят. Справа выходят Соня и Влас. Из дачи Басова — Замыслов, он торопливо бежит к сцене, его встречают шумом. Около него собирается тесная группа, он что-то объясняет.)

С о н я. Не верю я в ваши стихи.

В л а с. И напрасно... у меня есть талантливые вещицы, например:

Как персик, так и ананас
Природой создан не для нас.
О Влас! Не пяль напрасно глаз
На персик и на ананас!

С о н я (*смеясь*). Зачем вы тратите себя на пустяки? Почему бы вам не попробовать отнестись к себе более серьезно?

В л а с (*тихо, таинственно*). Премудрая София, я пробовал! У меня даже есть стихотворение, написанное по поводу этих проб. (*Напевает гнусаво и негромко на мотив «Под вечер осенью ненастной».*)

Велик для маленького дела,
Для дела крупного я — мал!

С о н я (*серьезно*). Бросьте это! Ведь я чувствую, вам совсем не хочется душить... Скажите мне, как бы вы хотели жить?

В л а с (*с жаром*). Хорошо! Очень хорошо хочу я жить!

С о н я. Что же вы делаете для этого?

В л а с *(уныло)*. Ничего! совершенно ничего не делаю я!

М а р ь я Л ь в о в н а *(из леса)*. Соня!

С о н я. Я — здесь. Ты что?

М а р ь я Л ь в о в н а. Иди домой... К тебе приехали гости...

С о н я. Иду... *(Марья Львовна подходит.)* Поручаю тебе этого гримасника. Он городит чепуху и требует, чтобы его хорошенько отчитали за это. *(Убегает.)*

В л а с *(покорно)*. Ну, начинайте... Дщерь ваша пиявила меня всю дорогу от станции до сего пункта, но я еще дышу.

М а р ь я Л ь в о в н а *(ласково)*. Голубчик! Зачем делать из себя шута? Зачем унижать себя... Кому это нужно?

В л а с *(не глядя на нее)*. Не нужно, говорите вы... Но — никто не смеется, а я хочу, чтобы смеялись!.. *(Вдруг — горячо, просто, искренно.)* Тошно мне, Марья Львовна, нелепо мне... Все эти люди... я их не люблю... не уважаю: они жалкие, они маленькие, вроде комаров... Я не могу серьезно говорить с ними... они возбуждают во мне скверное желание кривляться, но кривляться более открыто, чем они... У меня голова засорена каким-то хламом... Мне хочется стонать, ругаться, жаловаться... Я, кажется, начну пить водку, чёрт побери! Я не могу, не умею жить среди них иначе, чем они живут... и это меня уродует... И я отравлюсь пошлостью. Вот они... Слышите? — идут! Иногда я смотрю на них с ужасом... Уйдемте! Я хочу, так жадно хочу говорить с вами!..

М а р ь я Л ь в о в н а *(берет его под руку)*. Если бы вы знали, как я рада видеть вас таким...

В л а с. Вы не поверите — порой так хочется крикнуть всем что-то злое, резкое, оскорбительное...

(Уходят в лес. Шалимов, Юлия Филипповна и Варвара Михайловна выходят с правой стороны.)

Ш а л и м о в. Ай, опять серьезные слова — пощадите! Я устал быть серьезным... Я не хочу философии —

сыт. Дайте мне пожить растительной жизнью, укрепить нервы... Я хочу гулять, ухаживать за дамами...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Вы ухаживаете за дамами, не беспокоя своих нервов? Это, должно быть, оригинально... Почему же вы не ухаживаете за мной?

Ш а л и м о в. Не премину воспользоваться вашим любезным разрешением...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Я не разрешаю, а спрашиваю...

Ш а л и м о в. Но все-таки я буду смотреть на вопрос ваш как на любезное разрешение.

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Ну, хорошо, оставим это... Отвечайте на мой вопрос... Но — правдиво!

Ш а л и м о в. Извольте: я допускаю дружбу с женщиной, но не считаю ее устойчивой... природу не обманешь!

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Иначе — вы допускаете дружбу только как предисловие к любви?

Ш а л и м о в. Любовь!.. Я смотрю на нее серьезно... Когда я люблю женщину, я хочу поднять ее выше над землей... Я хочу украсить ее жизнь всеми цветами чувства и мысли моей...

З а м ы с л о в *(у сцены)*. Юлия Филипповна! Пожалуйте!

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Иду! Пока до свиданья, господин цветовод! Приведите в порядок вашу оранжерею... *(Идет к сцене.)*

Ш а л и м о в. Немедленно! Какая милая, веселая... Вы что так странно смотрите на меня, Варвара Михайловна?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. К вам удивительно идут ваши усы...

Ш а л и м о в *(улыбаясь)*. Да? Благодарю вас. Вам не нравится мой тон? Вы строги... Но — право же, с ней как-то неловко говорить в ином тоне...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я, кажется, теряю способность удивляться...

Ш а л и м о в. Я понимаю — вам странно видеть меня таким? да? Но ведь нельзя же быть столь крикливо откровенным, как истеричный господин Рюмин... О, простите! — это, кажется... ваш... друг?

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(отрицательно качает головой)*. У меня нет друзей...

Ш а л и м о в. Я слишком уважаю жизнь своей души для того, чтобы открывать ее пред... каждым любопытным человеком. Пифагорейцы сообщали свои тайны только избранным...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Вот, ваши усы становятся лишними на вашем лице!

Ш а л и м о в. Э! Что усы! Оставим их в покое. Вы знаете пословицу: с волками жить — по-волчьи выть? Это, скажу вам, недурная пословица. Особенно для того, кто выпил до дна горькую чашу одиночества... Вы, должно быть, еще не вполне насладились им... и вам трудно понять человека, который... Впрочем, не смею задерживать вас...

(Кланяется и идет к сцене, где собравшаяся публика молча смотрит, как Замыслов, с книгой в руке, тоже молча крадется по сцене, показывая Семенову, как надо играть. Из дачи поспешно идет Басов с удочками.)

Б а с о в. Варя! Какой клев! Изумительно! Доктор, при всей его неспособности, и то — сразу — бац! Вот какого окуня!.. Дядя — трех... *(Оглядывается.)* Ты знаешь, сейчас иду сюда, и вдруг — представь себе! Там, около беседки, у сухой сосны, Влас на коленях перед Марьей Львовной! И целует руки!.. Каково? Голубчик мой, скажи ты ему — ведь он же мальчишка! Ведь она ему в матери годится!

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(негромко)*. Сергей, послушай: пожалуйста, молчи об этом... ни слова никому! Ты не понимаешь!.. Ты неверно понял... Я боюсь, ты расскажешь всем... и это будет нехорошо — пойми.

Б а с о в. Что ты волнуешься так? Ну, не надо говорить и не надо! Но как это глупо, а? И Марья Львовна...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Дай мне честное слово, что ты забудешь об этом! Дай!

Б а с о в. Честное слово?.. Даю... Чёрт с ними! Но объясни мне...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я ничего не могу объяснить... но я знаю, что это не то, о чем ты думаешь... это — не роман!..

Б а с о в. Ага! М-да! Не роман? Гм! А что же, Варя? Ну, ну, молчу, не волнуйся! Я иду ловить окуней и — ничего не видал! Ах да, постой! Ты знаешь, этот Яшка, — вот скотина, а?

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*испуганно*). Что такое, Сергей? Что еще?

Б а с о в. Да что ты так... курьезно относишься ко всему? Эта история совсем в другом роде...

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*негромко, брезгливо*). Послушай... Я ничего не хочу знать... пойми меня! Не хочу, Сергей!

Б а с о в (*удивленно, быстро*). Да ничего особенного нет, чудачка ты... Что с тобой? Просто он хочет оттягать землю у сестры своей покойной жены, с которой он...

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*брезгливо, с болью*). Прошу тебя — молчи!.. Прошу тебя! Неужели ты не понимаешь... не говори, Сергей!

Б а с о в (*обиженно*). Тебе надо лечить нервы, Варя! Извини, но — странно ты ведешь себя... И даже обидно!.. да!

(Басов быстро уходит, Варвара Михайловна тихо идет к террасе. Около сцены шум, смех.)

З а м ы с л о в. Сторож! Где фонарь?

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Господин Сомов! Где моя роль?

С е м е н о в. Семенов, если позволите!

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Пожалуйста!

З а м ы с л о в. Внимание, господа! Мы начинаем!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Поляна в лесу. В глубине ее, под деревьями, вокруг ковра, уставленного закусками и бутылками, расположились: Басов, Двоеточие, Шалимов, Суслов, Замыслов; направо от них, в стороне, большой самовар; около него Саша моет посуду, лежит Пустобайка и курит трубку, около него — весла, корзины, железное ведро. На первом плане с левой стороны — разбитая копка сена и большой пень, с корнем вывороченный из земли. На сене сидят: Калерия, Варвара Михайловна и Юлия Филипповна. Басов рассказывает что-то вполголоса, мужчины внимательно слушают его. С правой стороны иногда доносится голос Соны, бренчит балалайка, кто-то играет на гитаре.

Вечерет.

Юлия Филипповна. Скучен наш пикник.
Калерия. Как наша жизнь.

Варвара Михайловна. Мужчинам — весело.

Юлия Филипповна. Они много выпили и теперь, вероятно, рассказывают друг другу неприличные анекдоты.

(Пауза. Соня: «Не так... Медленнее!» — Звучит гитара. Двоеточие хохочет.)

Юлия Филипповна. Я тоже выпила... но это меня не веселит, напротив... когда я выпью рюмку крепкого вина, я чувствую себя более серьезной... жить мне — хуже... и хочется сделать что-то безумное

Калерия *(задумчиво)*. Всё — спутано... неясно... и пугает...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Что пугает?

К а л е р и я. Люди... Ненадежные они все... Никому не веришь...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Да. Именно ненадежны. Я понимаю тебя.

(Басов с армянским акцентом: «Зачем, душа моя? мне и так очень превосходно». — Общий смех мужчин.)

К а л е р и я. Нет, не понимаешь! И я тебя не понимаю. И никто никого не понимает... не хочет понять... Люди блуждают, как льдины в холодном море севера... сталкиваются друг с другом...

(Двоеточие встает и уходит направо.)

Ю л и я Ф и л и п п о в н а *(тихо поет).*

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды...

(Когда Варвара Михайловна начинает говорить, Юлия Филипповна перестает петь и пристально смотрит ей в лицо.)

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Жизнь — точно какой-то базар. Все хотят обмануть друг друга: дать меньше, взять больше.

Ю л и я Ф и л и п п о в н а.

Темнеют лазурные своды,
Прозрачная стелется тень.

К а л е р и я. Каковы должны быть люди... чтобы смотреть на них было не так... скучно?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Честнее они должны быть!.. и смелее...

К а л е р и я. Определеннее они должны быть, Варя! Во всяком случае, во всех отношениях определеннее они должны быть.

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Бросьте рассуждать! Это не забавно. Давайте петь...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Славный дуэт пели вы, Юлия Филипповна.

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Да, хороший... Чи-

стый!.. Я люблю всё чистое... вы не верите? Люблю, да... Смотреть люблю на чистое... слушать... *(Смеется.)*

К а л е р и я. У меня в душе растет какая-то серая злота... серая, как облако осени... Тяжелое облако злобы давит мне душу, Варя... Я никого не люблю, не хочу любить!.. И умру смешной старой девой.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Перестань, милая! Так тоскливо...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Быть замужем — тоже сомнительное удовольствие... На вашем месте я вышла бы замуж за Рюмина... Он немножко кисленький, но...

(Соля: «Подождите! Ну, начинайте! Нет, начинается мандолина». — Дуэт мандолины и гитары.)

К а л е р и я. Он резиновый...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Почему-то мне вспомнилась одна грустная песенка... Ее, бывало, пели прачки в заведении моей матери... Я тогда была маленькая, училась в гимназии. Помню, придешь домой, прачешная полна серого, удушливого пара... в нем качаются полуодетые женщины и негромко, устало поют:

Ты, родная моя матушка,
Пожалей меня, несчастную,—
Тяжело мне у чужих людей,
В злой неволе сердце высохло.

И я плакала, слушая эту песню... *(Басов: «Саша! дайте-ка пива... и портвейна...»)* Хорошо я жила тогда! Эти женщины любили меня... Помню, вечерами, кончив работать, они садились пить чай за большой, чисто вымытый стол... и сажали меня с собою, как равную.

К а л е р и я. Ты скучно говоришь, Варя! Скучно, как Марья Львовна...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Милые мои женщины, плохо мы живем!

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(задумчиво).* Да, плохо... И не знаем, как надо жить лучше. Моя мать всю жизнь работала... Какая она добрая была... какая веселая! Ее все любили. Она сделала меня образованной... Как она радовалась, когда я кончила гимназию!

В то время она уже не могла ходить — у нее был ревматизм... Умирала она спокойно... и говорила мне: «Не плачь, Варя, ничего! Мне — пора... пожила, поработала, будет!» В ее жизни было больше смысла, чем в моей. А вот мне — неловко жить... Мне кажется, что я зашла в чужую сторону, к чужим людям и не понимаю их жизни!.. Не понимаю я этой нашей жизни, жизни культурных людей. Она кажется мне непрочной, неустойчивой, поспешно сделанной на время, как делаются на ярмарках балаганы... Эта жизнь — точно лед над живыми волнами реки: он крепок, он блестит; но в нем много грязи... много постыдного... нехорошего... Когда я читаю честные, смелые книги, мне кажется — восходит горячее солнце правды... лед тает, обнажая грязь внутри себя, и волны реки скоро сломают его, раздробят, унесут куда-то...

К а л е р и я (*брезгливо, с досадой*). Почему ты не бросишь мужа? Это такой пошляк, он тебе совершенно лишний...

(*Варвара Михайловна с недоумением смотрит на Калерию.*)

К а л е р и я (*настойчиво*). Брось его и уходи куда-нибудь... учиться иди... влюбись... только уйди!

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*встает, с досадой*). Как это грубо...

К а л е р и я. Ты можешь: у тебя нет отвращения к грязному, тебе нравятся прачки... ты везде можешь жить...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Вы очень мило говорите о своем брате...

К а л е р и я (*спокойно*). Да! Хотите, я скажу вам что-нибудь такое же о вашем муже?

Ю л и я Ф и л и п п о в н а (*усмехаясь*). Скажите! Вероятно, я не обижусь. Я сама часто говорю ему кое-что, от чего он бесится... Он мне платит тем же... Еще недавно он сказал в лицо мне, что я — развратна...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. И вы... Что же вы?

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Я не возражала. Не знаю... не знаю я, что такое разврат, но я очень любопытна. Скверное такое, острое любопытство к мужчине

есть у меня. *(Варвара Михайловна встает, отходит шага на три в сторону.)* Я красива — вот мое несчастье. Уже в шестом классе гимназии учителя смотрели на меня такими глазами, что я чего-то стыдилась и краснела, а им это доставляло удовольствие, и они вкусно улыбались, как обжоры перед гастрономической лавкой.

Галерия *(вздрагивая)*. Брр... Какая гадость!

Юлия Филипповна. Да. Потом меня просвещали замужние подруги... Но больше всех — я обязана мужу. Это он изуродовал мое воображение... он привил мне чувство любопытства к мужчине. *(Смеется. От группы мужчин отделяется Шалимов и медленно идет к женщинам.)* А я уродую ему жизнь. Есть такая пословица: взявши лычко — отдай ремешок.

Шалимов *(подходя)*. Славная пословица! Несомненно, ее создал щедрый и добрый человек... Варвара Михайловна, не хотите ли пройтись к реке?

Варвара Михайловна. Пожалуй... Пойдемте...

Шалимов. Позвольте предложить вам руку?

Варвара Михайловна. Нет, спасибо... я не люблю.

Шалимов. Какое у вас грустное лицо. Вы не похожи на вашего брата... он весельчак. Забавный юноша...

(Уходят направо.)

Галерия. Среди нас — нет людей, довольных жизнью. Вот вы... такая всегда веселая, а между тем...

Юлия Филипповна. Вам нравится этот господин? В нем для меня есть что-то нечистое! Должно быть, холодный, как лягушка... Пойдемте и мы к реке.

Галерия *(вставая)*. Пойдемте! всё равно.

Юлия Филипповна. Он, должно быть, немножко увлекается ею. А действительно, какая она чужая всем! И так странно-пытливо смотрит на всех... Что она хочет видеть? Я ее люблю... но боюсь... Она — строгая... чистая...

(Уходят. С правой стороны раздаются громкие крики и смех. Кричат: «Лодку! Скорее! Где весла? Весла!»)

Пустобайка медленно встает и, положив весла на плечо, хочет идти. Сулов и Басов бегут на шум. Замыслов подскакивает к Пустобайке и вырывает у него весло.)

З а м ы с л о в. Живее, чёрт тебя возьми! Слышишь — должно быть, несчастье, а ты... рожа! *(Убегает.)*

П у с т о б а й к а *(идет вслед ему и ворчит).* Кабы несчастье, не бойсь не так бы завопили... Тоже... герой!.. Посскакал...

(Несколько секунд сцена пуста. Слышны крики: «Не бросайте камнями! Держите! Веслом!» Смах. С левой стороны быстро входят Марья Львовна и Влас, оба взволнованные.)

М а р ь я Л ь в о в н а *(возбужденно, но негромко).* Оставьте это, слышите? Я не хочу. Не смейте говорить со мной так! Разве я дала вам право?..

В л а с. Я буду говорить! Буду!

М а р ь я Л ь в о в н а *(протягивая руки вперед, как бы желая оттолкнуть Власа).* Я требую уважения к себе!

В л а с. Я вас люблю... люблю вас! Безумно, всей душой люблю ваше сердце... ваш ум люблю... и эту строгую прядь седых волос... ваши глаза и речь...

М а р ь я Л ь в о в н а. Молчите! Не смейте!

В л а с. Я не могу жить... вы нужны мне, как воздух, как огонь!

М а р ь я Л ь в о в н а. О боже мой... разве нельзя без этого?.. Нельзя?

В л а с *(схватив руками свою голову).* Вы подняли меня в моих глазах... Я блуждал где-то в сумраке... без дороги и цели... Вы научили меня верить в свои силы...

М а р ь я Л ь в о в н а. Уйдите, не надо мучить меня! Голубчик! Не надо мучить меня!

В л а с *(на коленях).* Вы уже много дали мне — этого еще мало все-таки! Будьте щедры, будьте великодушны! Я хочу верить, хочу знать, что я стою не только внимания вашего, но и любви! Я умоляю вас — не отталкивайте меня!..

М а р ь я Л ь в о в н а. Нет, это я вас умоляю! Уйдите! Потом... После я отвечу вам... не сейчас... И — встаньте! Встаньте, я вас прошу!

В л а с (*встает*). Поверьте — мне необходима ваша любовь!.. Я так запачкал свое сердце среди всех этих жалких людей... мне нужен огонь, который выжжет бы всю грязь и ржавчину моей души!..

М а р ь я Л ь в о в н а. Имейте хоть немного уважения ко мне!.. Ведь я — старуха! Вы это видите! Мне нужно, чтобы вы ушли теперь... Уйдите!

В л а с. Хорошо!.. Я ухожу... Но потом, после — вы скажете мне...

М а р ь я Л ь в о в н а. Да... да... потом... идите!
(*Влас быстро идет в лес направо и сталкивается с сестрой.*)

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Тише!.. Что с тобой?..

В л а с. Это... ты?.. Прости!..

М а р ь я Л ь в о в н а (*протягивая руки навстречу Варваре Михайловне.*) Дорогая моя! Идите ко мне!..

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Что с вами? Он вас оскорбил?

М а р ь я Л ь в о в н а. Нет... т. е. да... оскорбил?.. Я ничего, ничего не понимаю!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Вы сядьте... Что случилось?

М а р ь я Л ь в о в н а. Он сказал мне... (*Смеется, растерянно глядя в лицо Варваре Михайловне.*) Он... сказал мне... что любит меня! А у меня седые волосы... и зубы вставлены... три зуба! О друг мой, я старуха! Разве он не видит этого? Моей дочери восемнадцать лет! Это невозможно!.. Это ненужно!..

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*волнуясь*). Милая моя! Славная! Вы не волнуйтесь!.. расскажите... вы такая...

М а р ь я Л ь в о в н а. Я никакая! Как все мы... Я несчастная баба! Помогите мне! Его надо оттолкнуть от меня... Я не могу этого сделать... я — уеду!..

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я вас понимаю... Вам жалко его... он вам не нравится... Бедный Власик!

М а р ь я Л ь в о в н а. Ах! Я всё лгу вам! Мне не его жалко... Мне себя жалко!..

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(быстро)*. Нет... Почему?

(Соня выходит из леса и стоит несколько секунд за копной. В руках у нее цветы, она хочет осыпать ими мать и Варвару Михайловну. Слышит слова матери, делает движение к ней и, повернувшись, неслышно уходит.)

М а р ь я Л ь в о в н а. Я его люблю!.. Вам это смешно? Ну, да... я люблю... Волосы седые... а жить хочется! Ведь я — голодная! Я не жила еще... Мое замужество было трехлетней пыткой... Я не любила никогда! И вот теперь... мне стыдно сознаться... я так хочу ласки! нежной, сильной ласки, — я знаю — поздно! Поздно! Я прошу вас, родная моя, помогите мне! Убедите его, что он ошибается, не любит!.. Я уже была несчастна... я много страдала... довольно!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Славная вы моя! Я не понимаю вашего страха! Если вы любите его и он любит вас — что же? Вы боитесь будущего страдания, но ведь, может быть, это страдание далеко впереди!

М а р ь я Л ь в о в н а. Вы думаете, это возможно? А моя дочь? Соня моя? А годы? Проклятые годы мои? И эти седые волосы? Ведь он страшно молод! Пройдет год — и он бросит меня... О, нет, я не хочу унижений!..

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Зачем взвешивать... рассчитывать!.. Как мы все боимся жить! Что это значит, скажите, что это значит? Как мы все жалеем себя! Я не знаю, что говорю... Может быть, это дурно и нужно не так говорить... Но я... я не понимаю!.. Я бьюсь, как большая глупая муха бьется о стекло... желая свободы... Мне больно за вас... Я хотела бы хоть немножко радости вам... И мне жалко брата! Вы могли бы сделать ему много доброго! У него не было матери... Он так много видел горя, унижений... вы были бы матерью ему...

М а р ь я Л ь в о в н а *(опуская голову)*. Матерью... да! Только матерью... я понимаю вас... Спасибо!

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*торопливо*). Нет... вы не поняли... я не говорила...

(*Рюмин выходит из леса с правой стороны, видит женщин, останавливается, кашляет. Они его не слышат — он подходит ближе.*)

М а р ь я Л ь в о в н а. Вы не хотели сказать — и невольно сказали простую, трезвую правду... Матерью я должна быть для него... да! Другом! Хорошая вы моя... мне плакать хочется... я уйду! Вон, смотрите, стоит Рюмин. У меня, должно быть, глупое лицо... растерялась старушка! (*Тихо, устало идет в лес.*)

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я иду с вами.

Р ю м и н (*быстро*). Варвара Михайловна! Могу я попросить вас остаться? Я не задержу вас долго!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я догоню вас, Марья Львовна, идите к сторожке. Что вы хотите сказать, Павел Сергеевич?

Р ю м и н (*оглядываясь*). Сейчас... я скажу... (*Опускает голову и молчит.*)

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Почему вы так таинственно оглядываетесь? Что такое?

(*В глубине сцены проходит Суслов с правой стороны на левую, он что-то напевает. Слышен голос Басова: «Влас, вы хотели читать стихи. Куда же вы?»*)

Р ю м и н. Я... начну сразу... Вы давно знаете меня...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Четыре года. Но что с вами?

Р ю м и н. Я волнуюсь немножко... мне страшно! Я не могу решиться сказать эти слова... Я хотел бы... чтоб вы...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Не понимаю! Что мне нужно сделать?

Р ю м и н. Догадаться... Только догадаться!..

В а р в а р а М и х а й л о в н а. О чем? Вы говорите проще...

Р ю м и н *(тихо)*. О том, что я давно уже... давно хочу сказать вам... Теперь... вы поняли?

(Пауза. Варвара Михайловна, сдвинув брови, сурово смотрит на Рюмина и медленно отходит в сторону от него.)

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(невольни)*. Какой странный день!

Р ю м и н *(негромко)*. Мне кажется, всю жизнь я любил вас... не видя еще, не зная — любил! Вы были женщиной моей мечты... тем дивным образом, который создается в юности... Потом его ищут всю жизнь иногда — и не находят... А я вот встретил вас... мечту мою...

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(спокойно)*. Павел Сергеевич! Не надо об этом говорить: я не люблю вас, нет!

Р ю м и н. Но... может быть... Позвольте мне сказать...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Что? Зачем?

Р ю м и н. Ну, что же делать? Что делать? *(Тихо смеется.)* Вот и кончено! Как это просто всё... Я собирался так долго... сказать вам это... и мне было приятно и жутко думать о часе, когда я скажу вам, что люблю... И вот — сказал!..

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Но, Павел Сергеевич... что же я могу сделать?

Р ю м и н. Да... да... конечно... я понимаю! Знаете, на вас, на ваше отношение ко мне я возложил все мои надежды... а вот теперь нет их — и нет жизни для меня...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Не надо говорить так! Не надо делать мне больно... Разве я виновата?

Р ю м и н. А мне как больно! Надо мной тяготеет и давит меня неисполненное обещание... В юности моей я дал клятву себе и другим... я поклялся, что всю жизнь мою посвящу борьбе за всё, что тогда казалось мне хорошим, честным. И вот я прожил лучшие годы мои — и ничего не сделал, ничего! Сначала я всё собирался, выжидал, примеривался — и, незаметно для себя, привык жить покойно, стал ценить этот покой,

бояться за него... Вы видите, как искренно я говорю? Не лишайте меня радости быть искренним! Мне стыдно говорить... но в этом стыде есть острая сладость... исповеди...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Но что же... что я могу сделать для вас?

Р ю м и н. Не любви прошу — жалости! Жизнь пугает меня настойчивостью своих требований, а я осторожно обхожу их и прячусь за ширмы разных теорий, — вы понимаете это, я знаю... Я встретил вас, — и вдруг сердце мое вспыхнуло прекрасной, яркой надеждой, что... вы поможете мне исполнить мои обещания, вы дадите мне силу и желание работать... для блага жизни!

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*горячо, с тоской и досадой*). Я не могу! Поймите вы — я не могу! Я сама — нищая... Я сама в недоумении перед жизнью... Я ищу смысла в ней — и не нахожу! Разве это жизнь? Разве можно так жить, как мы живем? Яркой, красивой жизни хочет душа, а вокруг нас — проклятая суэта безделья... Противно, тошно, стыдно жить так! Все боятся чего-то, и хватаются друг за друга, и просят помощи, стонут, кричат...

Р ю м и н. И я прошу помощи! Теперь я слабый, нерешительный человек. Но если бы вы захотели!..

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*сильно*). Неправда! Не верю я вам! Всё это только жалобные слова! Ведь не могу же я переложить свое сердце в вашу грудь... если я сильный человек! Я не верю, что где-то вне человека существует сила, которая может перерождать его. Или она в нем, или ее нет! Я не буду больше говорить... в душе моей растет вражда...

Р ю м и н. Ко мне? За что?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. О, нет, не к вам... ко всем! Мы живем на земле чужие всему... мы не умеем быть нужными для жизни людьми. И мне кажется, что скоро, завтра, придут какие-то другие, сильные, смелые люди и сметут нас с земли, как сор... В душе моей растет вражда ко лжи, к обманам...

Р ю м и н. А я хочу быть обманутым, да! Вот я узнал правду — и мне нечем жить!

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(почти брезгливо)*. Не обнажайте предо мной вашей души. Мне жалко нищего, если это человек, которого ограбили, но если он прожился или рожден нищим,— я не могу его жалеть!..

Р ю м и н *(оскорбленный)*. Не будьте так жестоки! Ведь вы тоже больной, раненый человек!

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(сильно, почти с гордостью)*. Раненый — не болен, у него только разорвано тело. Болен тот, кто отравлен.

Р ю м и н. Да пощадите! Ведь человек же я!..

В а р в а р а М и х а й л о в н а. А я? А я разве не человек? Я только что-то нужное для того, чтобы вам лучше жилось? Да? А это не жестоко? Я вижу, знаю: вы не один давали в юности клятвы и обещания, вас, может быть, тысячи изменивших своим клятвам...

Р ю м и н *(вне себя)*. Прощайте! Я понимаю! Я опоздал! Да! Конечно... Только ведь и Шалимов тоже... Вы посмотрите на него... вы посмотрите, ведь и он...

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(холодно)*. Шалимов? Вы не имеете права...

Р ю м и н. Прощайте! Я не могу... прощайте!

(Быстро уходит в лес налево. Варвара Михайловна делает движение, как бы желая идти за ним, но тотчас же, отрицательно качнув головой, опускается на пень. В глубине сцены, около ковра с закусками, является Суслов, пьет вино. Варвара Михайловна встает, уходит в лес налево. С правой стороны быстро входит Рюмин, оглядывается и с жестом досады опускается на сено. Суслов, немного выпивший, идет к Рюмину, насвистывая.)

С у с л о в. Вы слышали?

Р ю м и н. Что?

С у с л о в *(садится)*. Спор.

Р ю м и н. Нет. Какой?

С у с л о в *(закуривая)*. Власа с писателем и Замысловым?

Р ю м и н. Нет...

С у с л о в. Жаль!

Р ю м и н. Не подожгите сено!

С у с л о в. Чёрт с ним!.. Да, они тут спорили...

Но всё это одно кривлянье... Я знаю. Я сам когда-то философствовал... Я сказал в свое время все модные слова и знаю им цену. Консерватизм, интеллигенция, демократия... и что еще там? Всё это — мертвое... всё — ложь! Человек прежде всего — зоологический тип, вот истина. Вы это знаете! И как вы ни кривляйтесь, вам не скрыть того, что вы хотите пить, есть... и иметь женщину... Вот и всё истинное ваше... Д-да! Когда говорит Шалимов, я понимаю: он литератор, игра словами — его ремесло, и когда говорит Влас, понимаю: он молод и глуп... Но когда говорит Замыслов, этот жулик, это хищное животное, — мне хочется заткнуть ему глотку кулаком!.. Вы слышали? В хорошенькую историю он всадил Басова! Грязная история... Они сцапают тысяч пятьдесят... Басов и этот жулик, да!.. Но уже никто после этой истории не назовет их порядочными людьми! И эта гордая Варвара, которая все не решается выбрать себе любовника...

Р ю м и н. Вы говорите гадости! *(Быстро уходит прочь.)*

С у с л о в. Дурацкий кисель! *(Справа выходит Пустобайка, он вынимает изо рта трубку и в упор смотрит на Сулова.)* Ну, чего ты уставился? Не видал людей? Ступай прочь!

П у с т о б а й к а. И уйду!.. *(Медленно уходит.)*

С у с л о в *(разваливаясь на сене).* «На земле весь род людской...» *(Кашляет.)* Все вы — скрытые мерзавцы... «Люди гибнут за металл...» Ерунда... Деньги ничто... когда они есть... *(дремлет)* а боязнь чужого мнения — нечто... если человек... трезв... и все вы — скрытые мерзавцы, говорю вам... *(Засыпает. Дудаков и Ольга тихо идут под руку. Она крепко прижалась к его плечу и смотрит в лицо его.)*

Д у д а к о в. И... конечно — неправы мы оба... Завертелись, засуетились... и потеряли уважение друг к другу. Да и за что тебе уважать меня? Что я такое?

О л ь г а А л е к с е е в н а. Милый мой Кирилл... ты отец моих детей... Я уважаю... я люблю тебя...

Д у д а к о в. Я устаю и... распускаюсь, и не могу удерживать мои нервы... а ты всё так близко прини-

маешь к сердцу... и вот создается это адское положение...

Ольга Алексеевна. Ты у меня один в целом свете.. Ты и наши детки! Ведь у меня — никого...

Дудак в. Ты вспомни, Ольга... когда-то мы с тобой... разве о такой жизни мечтали мы? (*Юлия Филипповна и Замыслов являются за деревьями с левой стороны*). Да...

Ольга Алексеевна. Но что же делать? Что делать? Ведь у нас — дети! Они требуют внимания...

Дудак в. Да... дети... я понимаю. Но порой задумаешься...

Ольга Алексеевна. Милый мой!.. Что же делать?

(Уходят в лес.)

Юлия Филипповна (*выходя, смеется*). Торжественно и трогательно! Какой урок мне!

Замыслов. Это предисловие к пятому ребенку... или к шестому уже? Ну, милая Юлька, так я жду?

Юлия Филипповна (*насмешливо*). Уж я не знаю, как теперь... они были так милы... не вернуться ли и мне на стезю добродетели, глупенький мой?

Замыслов. Это потом, Юлька...

Юлия Филипповна. Да, это потом; я решаю остаться на пути порока, и пусть мой дачный роман умрет естественною смертью. О чем вы так кричали с Власом и писателем?

Замыслов. Сегодня этот Влас какой-то полумный... Разговор зашел о вере...

Юлия Филипповна. И — во что же ты веришь?

Замыслов. Я? Только в себя, Юлька... Верю только в мое право жить так, как я хочу!

Юлия Филипповна. А вот я ни во что не верю...

Замыслов. У меня в прошлом голодное детство... и такая же юность, полная унижений... суровое прошлое у меня, дорогая моя Юлька! Я много видел тяжелого и скверного... я много перенес. Теперь — я сам судья и хозяин своей жизни — вот и всё!.. Ну,

я ухожу... до свиданья, моя радость!.. Нам все-таки нужно держаться поосторожнее... подальше друг от друга...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а (*с пафосом*). Вдали, вблизи — не всё ль равно, о мой рыцарь? Кого бо-
яться нам, столь безумно влюбленным?

З а м ы с л о в. Исчезаю, роскошь моя!.. (*Уходит в лес. Юлия Филипповна смотрит вслед ему, оглядывает поляну, свободно и глубоко вздыхает. Идет к сену, негромко напевая:*

Томимую душу тоской,
Как мать дитя, успокой...

Видит мужа. Останавливается, вздрагивает, несколько секунд стоит неподвижно и смотрит. Хочет идти прочь, но поворачивается и с улыбкой садится рядом с мужем. Щекочет лицо ему стеблем травы, Суслов мычит.)

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Очень музыкально...

С у с л о в. А... чёрт! Это ты?..

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Как от тебя пахнет вином! Целый стог сена не может заглушить этого запаха. Ты разоришься на дорогом вине, мой друг!

С у с л о в (*протягивая к ней руки*). Ты... так близко... Я уже забыл, Юлия, когда это было...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. И бесполезно вспоминать эти счастливые моменты, мой друг... Слушай, хочешь сделать мне удовольствие?

С у с л о в. Какое? Говори — я готов! Поверь мне, Юлия... я на всё готов для тебя...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Именно таким и должен быть любящий муж!

С у с л о в (*целует ее руку*). Ну, скажи мне... чего ты хочешь?

Ю л и я Ф и л и п п о в н а (*вынимая из кармана маленький револьвер*). Давай застрелимся, друг мой! Сначала ты... потом я!

С у с л о в. Какая тяжелая шутка, Юлия... Брось эту гадость... ну, брось, прошу тебя!

Юлия Филипповна. Подожди... убери прочь твою руку! Тебе не нравится мое предложение? Но ты же собираешься застрелить меня?.. Я застрелилась бы первой, но, боюсь, ты меня обманешь и останешься жить, а мне не хочется быть обманутой еще раз, и я не хочу разлучаться с тобой... я буду жить с тобой долго-долго... ты рад?

С у с л о в *(подавленно)*. Слушай, Юлия, так нельзя... нельзя!

Юлия Филипповна. Можно — ты видишь! Ну, хочешь, я сама застрелю тебя?

С у с л о в *(закрываясь от нее рукой)*. Не смотри на меня так! Это чёрт знает что! Я — уйду... я не могу!..

Юлия Филипповна *(весело)*. Иди... Я выстрелю тебе в спину... Ах — нельзя... вот шествует Марья Львовна... славная женщина! Отчего бы тебе, Петр, не влюбиться в нее? У нее такие красивые волосы!

С у с л о в *(негромко)*. Ты сводишь меня с ума! За что? За что ты ненавидишь меня?

Юлия Филипповна *(пренебрежительно)*. Тебя нельзя ненавидеть...

С у с л о в *(тихо, задыхаясь)*. Ты так мучаешь меня, но — за что? Скажи!

(Марья Львовна задумчиво идет, наклонив голову, согнувшись. Суслов стоит против жены, упорно следя за револьвером в ее руке.)

Юлия Филипповна. Марья Львовна! Идите сюда... Ты, Петр, сделал из меня мерзкую женщину... Ступай, иди! Марья Львовна, мы скоро едем домой?

Марья Львовна. Не знаю, право! Все куда-то разбрелись... Вы не видали Варвару Михайловну?

Юлия Филипповна. Она, вероятно, с этим писателем. Ты, кажется, хотел идти на реку? Иди, нам без тебя не будет скучно...

(Суслов молча уходит.)

Марья Львовна *(рассеянно)*. Как вы строго...

Юлия Филипповна. Это не вредно. Какой-то философ, говорили мне, советует мужчине: когда идешь к женщине, бери с собой плеть...

Марья Львовна. Это Ницше...

Юлия Филипповна. Да? Он, кажется, был полумумный? Я не знаю философов — ни умных, ни полумумных... но если бы я была философом, я сказала бы женщине: подходя к мужчине, моя милая, бери с собой хорошее полено. *(С левой стороны, в глубине поляны, являются Ольга Алексеевна и Калерия, они садятся около ковра с закусками.)* Говорили мне также, что у одного племени дикарей существует такой милый обычай: мужчина, перед тем как сорвать цветы удовольствия, бьет женщину дубиной по голове. У нас, людей культурных, это делают после свадьбы. Вас по голове дубиной били?

Марья Львовна. Да-а!..

Юлия Филипповна *(с улыбкой)*. Дикари честнее — не правда ли? А почему вы такая хмурая?

Марья Львовна. Не спрашивайте... Вам тяжело жить?

(Справа идет Двоеточие без шляпы, с удочкой в руках.)

Юлия Филипповна *(смеясь)*. Кто слышал мои стоны?.. Я всегда веселая... А вот дядюшка... Вам нравится он? Мне — очень.

Марья Львовна. Да, он славный...

Двоеточие *(подходя)*. А шляпа моя так и уплыла... Поехала молодежь спасать ее и окончательно утопила! Нет ли у кого лишнего платочка, голову повязать? А то, понимаете, комары лысину кусают.

Юлия Филипповна *(встает)*. Подождите, сейчас принесу. *(Отходит в глубину сцены.)*

Двоеточие. А там сейчас господин Чернов всех потешал... славный паренек!

Марья Львовна. Он... веселый?

Двоеточие. Удивительно! Так и сверкает весь!.. Стихи свои всё читал. Попросила его какая-то

барыня стихи в альбом ей написать; он, понимаете, и написал. Вы, говорит, смеясь, в глаза мне поглядели, но попал, говорит, мне в сердце этот взор и, увы, вот с лишком две недели я, говорит, не сплю, сударыня, с тех пор... понимаете! А дальше...

Марья Львовна (*торопливо*). Не надо, Семен Семенович, дальше... Я знаю эти стихи... Скажите... вы долго здесь проживете?

Двоеточие. Да я думал, понимаете, у племянника до конца дней основаться... а с его стороны не вижу охоты поддержать меня в этом намерении. А деваться мне некуда... никого у меня нет... Деньги есть... а больше ничего нет!

Марья Львовна (*рассеянно, не глядя на него*). Вы в самом деле — богатый?

Двоеточие. Около миллиона у меня, понимаете. Хо-хо! около миллиона. Умру — всё Петру останется... но его это, по-видимому, не прельщает. Не ласков он со мной, да. Вообще он какой-то нежелательный... ничего не нужно ему... не понимаю я его! Положим, он знает, что всё равно его деньги будут — чего же ему беспокоиться? Хо-хо!

Марья Львовна (*с большим интересом*). Эх вы, бедный!.. Вы бы употребили их на какое-нибудь общественное дело — всё лучше, больше смысла!

Двоеточие. Н-да! Мне это советовал один моншер, да не люблю я его, понимаете. Жулик он рыжий, хоть и притворяется либералом. А, по совести говоря, жалко мне эти деньги Петру оставлять. На что ему? Он и теперь сильно зазнался. (*Марья Львовна смеется. Двоеточие внимательно смотрит на нее.*) Чего вы смеетесь? Глупым кажусь? Нет, я не глупый... а просто — не привык жить один. Э-эхма! Вздохнешь да охнешь, об одной сохнешь, а раздумаешься — всех жалко! А... хороший вы человек, между прочим... (*Смеется.*)

Марья Львовна. Спасибо!

Двоеточие. Не на чем. Вам спасибо! Вот вы говорите мне — бедный... хо-хо! Этого я никогда не слышал... все говорили — богатый! Хо-хо! И сам я думал — богатый... А оказалось: бедный я...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а (*подходит, в руках у нее платок*). Вы, дядя, объясняетесь в любви?

Д в о е т о ч и е. Куда мне, к лешему! Я теперь только на уважение способен... Пояжи-ка покрасивее... И пойду закушу чего-нибудь на дорогу-то...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Вот... очень идет к вам!

Д в о е т о ч и е. Ну, и врешь! У меня лицо мужественное. Идем закусывать. Я всё хочу спросить тебя, — ты мужа-то не любишь?

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. А по-вашему, его можно любить?

Д в о е т о ч и е. А на что замуж за него вышла?

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. А он интересным прикинулся...

Д в о е т о ч и е (*хохочет*). Э, ну тебя к богу!..

(Все трое уходят в глубину сцены. Там начинается шум и смех, негромкий, но непрерывный. С левой стороны выходят: Басов, выпивший, Шалимов, Дудаков и Влас. Последний идет в глубину сцены, а первые трое — на сено.)

З а м ы с л о в (*кричит в лесу*). Господа! Пора домой!

Б а с о в. Чудные здесь места, Яша? Хорошая прогулка, а?

Ш а л и м о в. Ты же всё сидел, как сыч. Сидел и пил... и размок...

(В глубине сцены Соня повязывает платок на голове Двоеточия. Смех. Из леса, около ковра с закусками, выходит Замыслов, берет бутылку вина и стаканы и идет к Басову, за ним идет Двоеточие, отмахиваясь руками от Сони.)

Б а с о в (*опускаясь на сено*). Я и опять сяду... Наслаждаться природой надо сидя... Природа, леса, деревья... сено... люблю природу! (*Почему-то грустным голосом.*) И людей люблю... Люблю мою бедную, огромную, нелепую страну... Россию мою! Всё и всех я люблю!.. У меня душа нежная, как персик! Яков, ты

воспользуйся, это хорошее сравнение: душа нежная, как персик...

Ш а л и м о в. Хорошо, я воспользуюсь!

С о н я. Семен Семенович, позвольте!

Д в о е т о ч и е. Будет! Насмеялись над стариком... Обиделся я... Хо-хо!

Б а с о в. А, вино! Налейте мне. Как хорошо! Как весело, милые мои люди! Славное это занятие — жизнь... для того, кто смотрит на нее дружески, просто... К жизни надо относиться дружески, господа, доверчиво... Надо смотреть ей в лицо простыми, детскими глазами, и всё будет превосходно. (*Двоеточные стоят около пня и хохочет, слушая болтовню Басова.*) Господа! Посмотрим ясными, детскими глазами в сердца друг другу — и больше ничего не нужно. А дядя — смеется... Он поймал молодого, веселого окуня... а я взял окуня и пустил его назад, в родную стихию. Потому что я — пантеист, это факт! Я и окуня люблю... а дядя утопил свою шляпу — вот!

Ш а л и м о в. Заболтался ты, Сергей!

Б а с о в. Не суди — да не судим будешь... А говорю я не хуже тебя... ты человек красивого слова, и я человек красивого слова! Вот я слышу голос Марьи Львовны... Превосходная женщина... достойна глупого уважения!

Ш а л и м о в. А мне не нравится эта митральеза... Я вообще не поклонник женщин, достойных уважения...

Б а с о в (*радостно*). И это — верно! Недостойные уважения женщины — лучше достойных, они лучше, это факт!

Д в о е т о ч и е. И что говорит!.. Будучи женат на такой, можно сказать, королеве...

Б а с о в. Моя жена? Варя? О! Это пуристка! Пуританка! Это удивительная женщина, святая! Но — с ней скучно! Она много читает и всегда говорит от какого-нибудь апостола. Выпьем за ее здоровье!

Ш а л и м о в. Заключение весьма неожиданное! А все-таки Марья Львовна...

Б а с о в (*перебивая*). Ты знаешь, — у нее роман с моим письмоводителем, это факт! Я видел, как он объяснялся ей в любви!

Двое точие. Мм... об этом, пожалуй, лучше бы не говорить. *(Идет прочь.)*

Басов. О да! Это секрет!

Калерия *(подходит)*. Сергей! Ты Варю не видал?

Басов. Вот моя сестра! Моя милая поэтесса... Яков, она читала тебе свои стихи? О, ты послушай — очень мило! Так высоко всё! Облака... горы... звезды...

Калерия. Ты, кажется, выпил? да?

Басов. Всего один стакан.

Замыслов. Из этой бутылки.

Шалимов. Меня весьма интересуют ваши поэтические опыты, Калерия Васильевна.

Калерия. Вдруг я приму слова ваши как правду и принесу вам четыре толстейших тетради!

Шалимов. Не пугайте... я не робкий...

Калерия. Увидим.

Юлия Филипповна *(в лесу поет)*. Пора домой... домой!..

(Калерия отходит в правую сторону, встречается с Соней. Замыслов идет на голос Юлии Филипповны. Басов подмигивает вслед ему и, наклонясь к Шалимову, что-то шепчет ему. Шалимов, слушая его, смеется.)

Калерия. Собираемся домой?

Соня. Да, все устали...

Калерия. Когда я выхожу куда-нибудь из дома, вместе со мной всегда идет какая-то смутная надежда... а возвращаюсь домой — я одна... С вами этого не бывает — да?

Соня. Не бывает.

Калерия. Будет.

Соня *(смеясь)*. Мне почему-то кажется, что вы говорите грустные вещи с удовольствием.

Калерия. Да? Мне хочется покрыть тревожною тенью думы ваши ясные глаза. Я часто вижу около вас каких-то грубых, оборванных людей — и удивляюсь вашему бесстрашию перед грязью жизни... Вам не противно быть с ними?

С о н я *(смеясь)*. Ведь грязь у них на коже — она легко смывается мылом.

(Уходят в глубину, разговор становится неясен.)

Ш а л и м о в *(вставая)*. Ты — злоязычеп, Сергей... Смотри — сам муж...

Б а с о в. Я?

Ш а л и м о в. Природа — прекрасна, но зачем существуют комары? Где-то тут я бросил мой плед?

(Идет направо. Басов потягивается и мурлычет песенку. В глубине сцены Саша, Соня и Пустобайка собирают вещи. На левой стороне, около копны сена, появляется Варвара Михайловна, в руках у нее букет.)

В л а с *(в лесу)*. Кто едет в лодке, господа?

Б а с о в. Варя! Ты гуляешь? А я один. Все ушли.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Ты снова много вышел, Сергей...

Б а с о в. Разве много?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Ведь тебе вреден коньяк. Потом будешь жаловаться на сердце.

Б а с о в. Но я преимущественно портвейн... Не осуждай меня, Варя! Ты всегда говоришь со мной так жестко и строго, а я... я человек мягкий... я всё люблю нежной любовью ребенка... Дорогая моя, сядь здесь!.. И поговорим, наконец, по душе. Нам нужно поговорить...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Перестань! Уже собираются домой... Вставай и иди к лодке... ну, иди, Сергей!

Б а с о в. Хорошо — иду! Куда идти? Туда? Иду...

(Идет, слишком твердо ступая ногами. Варвара Михайловна смотрит вслед ему. Лицо у нее суровое. Оглянувшись направо, она видит Шалимова, который тихо подходит к ней и ласково улыбается.)

Ш а л и м о в. Лицо у вас утомленное, глазки грустные... Вы устали?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Немножко.

Ш а л и м о в. А я сильно устал... Устал смотреть

на людей... И мне больно видеть вас среди них. Простите!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. За что?

Ш а л и м о в. Вам, может быть, неприятны мои слова?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я сказала бы вам это...

Ш а л и м о в. Я смотрю на вас, как вы молча ходите в этой шумной толпе и глаза ваши безмолвно спрашивают... И ваше молчание — для меня красноречивее слов... Я ведь тоже испытал холод и тяжесть одиночества...

С о н я (*кричит*). Мама! Ты в лодке?

М а р ь я Л ь в о в н а (*из леса*). Нет, я пешком.

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*протягивает Шалимову цветок*). Хотите взять?

Ш а л и м о в (*с поклоном и улыбкой*). Благодарю вас. Я ревниво храню цветы, когда мне дают их так дружески просто. (*Влас в лесу направо: «Эй, сторож, где вторые весла?»*) Он будет лежать, ваш цветок, где-нибудь в книге у меня... Однажды я возьму эту книгу, увижу цветок — и вспомню вас... Это смешно? Сентиментально?

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*негромко, опустив голову*). Говорите...

Ш а л и м о в (*пытливо заглядывая ей в лицо*). А должно быть, вам очень тоскливо среди этих людей, которые так трагически не умеют жить.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Научите их жить лучше!

Ш а л и м о в. Во мне нет самонадеянности учителей... Я — чужой человек, одинокий созерцатель жизни... я не умею говорить громко, и мои слова не пробудят смелости в этих людях. О чем вы думаете?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я? Есть такие мысли... они отталкивают от людей... их надо убивать в зародыше...

Ш а л и м о в. И тогда ваша душа будет кладбищем... Нет, не надо бояться, что отойдешь от людей... Поверьте мне, в стороне от них — воздух более чист и прозрачен, всё яснее, всё определеннее...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я понимаю вас... и мне так грустно, как будто кто-то очень близкий мне — неизлечимо заболел...

(На правой стороне шумят.)

Ш а л и м о в *(не вслушиваясь в ее слова)*. Если бы вы поняли... как искренно я сейчас говорю!.. Вы не поверите мне, может быть, но я всё же скажу вам: перед вами мне хочется быть искренним, быть лучше, умнее...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Спасибо вам...

Ш а л и м о в *(целуя ее руку, волнуясь)*. Мне кажется, что, когда я рядом с вами... я стою у преддверия неведомого, глубокого, как море, счастья... что вы обладаете волшебной силой, которой могли бы насытить другого человека, как магнит насыщает железо... И у меня рождается дерзкая, безумная мысль... Мне кажется, что если бы вы... *(Он прерывает свою речь, оглядывается. Варвара Михайловна следит за ним.)*

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Если бы я?.. Что?

Ш а л и м о в. Варвара Михайловна... Вы... не посмеетесь надо мной? Вы хотите, чтобы я сказал?..

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Нет... Я поняла... Вы не очень ловкий соблазнитель...

Ш а л и м о в *(смущенно)*. Нет, вы не поняли меня!.. вы...

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(просто, грустно, тихо)*. Как я любила вас, когда читала ваши книги... как я ждала вас! Вы мне казались таким... светлым, всё понимающим... Таким вы показались мне, когда однажды читали на литературном вечере... Мне было тогда семнадцать лет... и с той поры до встречи с вами ваш образ жил в памяти моей, как звезда, яркий... как звезда!

Ш а л и м о в *(глухо, опустив голову)*. Послушайте... не надо! Я извиняюсь...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Задыхаясь от боли, я представляла себе вас — и мне было легче... была какая-то надежда...

Ш а л и м о в. Надо быть великодушной... надо понимать...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. И вот вы явились... такой же, как все! Такой же... Это больно! Скажите, что с вами случилось? Неужели невозможно сохранить силу своей души?

Ш а л и м о в *(возбужденно)*. Позвольте! Почему вы применяете ко мне иные требования... иные мерки, чем вообще к людям?.. Вы все... живете так, как вам нравится, а я, потому что я писатель, должен жить, как вы хотите!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Не надо так говорить! Не надо! Бросьте мой цветок!.. Я дала его вам — прежнему, тому, которого считала лучше, выше людей! Бросьте мой цветок... *(Быстро уходит.)*

Ш а л и м о в *(глядя вслед)*. Чёрт возьми!.. *(Мнет цветок.)* Ехидна. *(Нервно вытирая лицо платком, идет туда же, куда прошла Варвара Михайловна. Дудаков и Ольга быстро идут из леса с левой стороны.)*

З а м ы с л о в *(в лесу поет)*. «О ночь, поскорее укрой!..»

Ю л и я Ф и л и п п о в н а *(вторит)*. «...Прозрачным твоим покрывалом...»

В л а с *(в лесу)*. Да садитесь же!

Д у д а к о в. И вот... мы едва не опоздали...

О л ь г а А л е к с е е в н а. Я так устала! Милый мой Кирилл... ты не должен забывать этот день...

Д у д а к о в. А ты... своих обещаний... быть более сдержанной...

О л ь г а А л е к с е е в н а. Друг мой! Я так рада... теперь наша жизнь будет светлее...

(Проходят. Пустобайка с корзиной выходит с правой стороны и ищет что-то глазами на земле.)

П у с т о б а й к а. Ишь, как нахломили везде... Только хлам да сорье и остается после вас... Только землю портите!.. *(Уходит налево.)*

Ю л и я Ф и л и п п о в н а *(в лесу)*. Кого еще нет?

С о н я. Мама, ау!

Б а с о в. Ау, мамаша!

М а р ь я Л ь в о в н а *(выходит с левой стороны, лицо у нее усталое, растерянный взгляд)*. Я здесь, Соня!

С о н я (*выбегает*). Едем, мамашка, едем!.. Но что с тобой?

М а р ь я Л ь в о в н а. Ничего... Я пойду пешком... Иди, скажи, чтобы не ждали меня. Иди...

С о н я (*отбегаая в сторону и приставляя руки ко рту, кричит*). Не ждите нас, поезжайте! Мы пешком... Что? До свиданья!

Д в о е т о ч и е (*из леса*). Устанете!

С о н я. Прощайте!

М а р ь я Л ь в о в н а. Почему ты не поехала с ними?

С о н я. Потому, что осталась с тобой...

М а р ь я Л ь в о в н а. Ну, идем...

С о н я. Нет, мы посидим... Ты в мелапхолии, мамашка? Милая моя мамашка! Садись... вот так. Дай мне обнять тебя... вот так... Ну, говори теперь, что с тобой?

(*Из леса доносятся шум, смех, выделяются громкие возгласы.*)

Ю л и я Ф и л и п п о в н а (*из леса*). Не качайте лодку!

З а м ы с л о в. Нет, не надо петь!.. Пускай играют.

Б а с о в (*оттуда же*). Музыка, вперед!

(*Слышно, как настраивают гитару и мандолину.*)

В л а с (*из леса*). Отчалили!..

М а р ь я Л ь в о в н а. Соня!.. Дочка моя! Если бы ты знала!..

С о н я (*просто*). А я знаю!

М а р ь я Л ь в о в н а. Ты ничего не знаешь!..

С о н я. Мамочка моя! Помнишь,— когда я, маленькая, не понимала урока и ревела, как дурочка, ты приходила ко мне, брала мою голову на грудь себе, вот так, и баюкала меня. (*Поет.*)

Баю, баюшки-баю,

Баю мамочку мою...

Мне кажется, что теперь ты не понимаешь урока, моя мама... Если ты его любишь...

(*Двоеточие хохочет.*)

М а р ь я Л ь в о в н а. Соня! Молчи... Как ты знаешь?

(Играют на гитаре и на мандолине.)

С о н я. Ш-ш! Лежи спокойно...

Баю, баюшки-баю,
Баю мамочку мою...

У меня мама умница, она научила меня думать просто, ясно... Он славный парень, мама, — не отталкивай его! В твоих руках он будет еще лучше. Ты уже создала одного хорошего человека — ведь я недурной челове-чишка, мама? И вот ты теперь воспитаешь другого...

М а р ь я Л ь в о в н а. Родная моя! Это невоз-можно!

С о н я. Ш-ш! Он будет братом мне... Он груб, ты сделаешь его мягче, у тебя так много нежности... Ты научишь его работать с любовью, как работашь сама, как научила меня. Он будет хорошим товарищем мне... и мы заживем прекрасно... сначала трое... а потом нас будет четверо... потому что, родная моя, я выйду замуж за этого смешного Максима... Я люблю его, мама, он такой славный!

М а р ь я Л ь в о в н а. Соня, детка моя, ты будешь счастлива! Ты будешь!..

С о н я. Лежи и слушай! Кончим мы с ним наши науки и будем жить дружно, ярко, хорошо! Нас будет четверо, мама, четверо смелых, честных людей!..

М а р ь я Л ь в о в н а. Радость моя! Счастье мое! Нас будет трое: ты, твой муж и я. А он... если он — с нами... только как брат твой... как сын мой.

С о н я. И мы хорошо проживем нашу жизнь! Мы хорошо ее сделаем! А пока — отдохни, мама. Не надо плакать!..

Баю, баюшки-баю,
Баю мамочку мою!

(В голосе Сони дрожат слезы. Вдали чуть слышны гитара и мандолина.)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Декорация второго действия. Вечер, уже зашло солнце. Под соснами Б а с о в и С у с л о в играют в шахматы. На террасе С а ш а накрывает на стол к ужину. С правой стороны из леса доносятся хриплые звуки граммофона; в комнатах К а л е р и я играет на рояле что-то грустное.

Б а с о в. Наша страна прежде всего нуждается в людях, благожелательно настроенных. Благожелательный человек — эволюционист, он не торопится...

С у с л о в. Беру офицера...

Б а с о в. Возьми офицера... Благожелательный человек... изменяет формы жизни незаметно, потихоньку, но его работа есть единственно прочная...

(Из-за угла дачи спешно выходит Дудаков.)

Д у д а к о в. Э... жены у вас нет?

Б а с о в. Вашей — нет! Присаживайтесь, доктор...

Д у д а к о в. Не могу... Тороплюсь... надо учительский отчет приготовить к печати...

Б а с о в. Это вы его второй год готовите, кажется?

Д у д а к о в *(уходя)*. Если кроме меня никто не работает! Людей много, а работников нет — почему?

Б а с о в. Нелепая фигура — этот доктор.

С у с л о в. Ходи...

Б а с о в. Н-да-с... хожу! Так я говорю, — надо чувствовать благожелательно... Мизантропия, мой друг, излишняя роскошь... Одиннадцать лет тому назад явился я в эти места... и было у меня всего имущества портфель да ковер. Портфель был пуст, а ковер — худ. И я тоже был худ...

С у с л о в. Шах королеве.

Б а с о в. Ах, чёрт побери! Как же это я прозвал твой ход конем?

С у с л о в. Если человек философствует — он проигрывает...

Б а с о в. Факт, факт — как говорят утки...

(Они углубляются в игру. На правой стороне из леса выходят Влас и Марья Львовна, им не видно играющих.)

М а р ь я Л ь в о в н а *(негромко)*. Милый, хороший мой юноша! Поверьте... это скоро пройдет у вас... это пройдет. И тогда в душе вы скажете мне — спасибо!

В л а с *(громко)*. Тяжело мне, очень тяжело!

(Басов прислушивается, делая Суслову знак молчать.)

М а р ь я Л ь в о в н а. Уезжайте... уезжайте скорее, голубчик! Я обещаю писать вам... Работайте, ищите себе места в жизни... Будьте смелым, не уступайте никогда силе житейских мелочей. Вы — славный, и я — люблю вас. Да, да, я люблю вас. *(Басов таращит глаза. Сулов с улыбкой смотрит на него.)* Но это не нужно вам и страшно мне... я не стыжусь сознаться — это страшно! Вы быстро переживете ваше увлечение, а я... чем дальше, всё больше, всё крепче стала бы любить вас... И это кончилось бы очень смешно, даже пошло, — во всяком случае грустно для меня...

В л а с. Нет, клянусь вам...

М а р ь я Л ь в о в н а. Да и не нужно клясть...

В л а с. Пройдет любовь — останется уважение...

М а р ь я Л ь в о в н а. Этого мало для женщины, которая любит... И вот еще что, голубчик: мне стыдно жить личной жизнью... может быть, это смешно, уродливо, но в наши дни стыдно жить личной жизнью. Идите, друг мой, идите! И знайте: в трудную минуту, когда вам нужен будет друг, — приходите ко мне... я встречу вас как любимого, нежно любимого сына... Прощайте!

В л а с. Дайте вашу руку... Мне хочется встать перед вами на колени... Как я люблю вас! И хочется плакать... Прощайте!

М а р ь я Л ь в о в н а. Прощайте, хороший, ми-

мый мой! И помните мой совет: не нужно ничего бояться... Не подчиняйтесь ничему, никогда... никогда!

В л а с. Я ухожу... Любовь моя! Чистая, первая любовь моя! Благодарю... *(Марья Львовна быстро уходит в лес направо. Влас идет на дачу, видит Басова и Сулова, понимает, что они слышали; он останавливается. Басов встает и кланяется, хочет что-то сказать. Влас идет к нему.)* Молчать! Молчать! Ни слова! Не смейте, — ни слова! *(Уходит на дачу.)*

Б а с о в *(смущенно)*. С-строого!

С у с л о в *(смеясь)*. Что? Испугался?

Б а с о в. Нет, каков? Я знал это, но такое... эдакое благородство... ах, комики! *(Хочет. Юлия Филипповна и Замыслов идут по дороге от дачи Сулова. Юлия идет к мужу, Замыслов на дачу.)*

С у с л о в. А ведь она нарочно, для того, чтобы крепче парня в руки взять...

Б а с о в. Ах, чёрт возьми! а? Уморительно!

С у с л о в *(хмуро)*. Хитрая она... здоровую свинью подложила мне. Ты знаешь, дядя, по ее совету, все свои деньги отдал...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Петр, к тебе там приехал...

Б а с о в *(перебивая)*. Нет, вы спросите, что случилось!

С у с л о в. Кто приехал?

Ю л и я Ф и л и п п о в н а *(Басову)*. Что такое? *(Мужу.)* Какой-то подрядчик... говорит, спешное дело: где-то что-то провалилось...

С у с л о в *(быстро уходит)*. Что за вздор!

Б а с о в. Вы представьте, дорогая... Сидим мы — я и ваш муж, вдруг Марья Львовна... *(хохочет)* оказывается, они — у них роман!

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. У кого? У мужа с Марьей Львовной? *(Смеется.)*

Б а с о в. У Власа! У комика с этой...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Ах, вот что! Но это всем давно уже, благодаря вашему языку, известно...

Б а с о в. Да тут, видите, дело... в подробностях... *(Из-за угла дома выходят Двоеточие, со свертками в руках, и Рюмин.)*

Д в о е т о ч и е. Мир беседе! Что, Варвара Михайловна дома? Вон я кого привез.

Б а с о в. Ба! Из дальних странствий возвратись... Здравствуйте! Похорошел, загорел, хотя похудел, да... Откуда вы?

Р ю м и н. С юга. Первый раз видел море... Здравствуйте, Юлия Филипповна!

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. В самом деле, вы похорошели, Павел Сергеевич, — пожалуй, и я поеду к морю.

Д в о е т о ч и е. Пойду в комнаты... *(Идет.)* Племянница, а я тебе на прощанье конфет привез.

Б а с о в.

Я видел море... Я его
Очами жадными измерил
И силы духа моего
Перед лицом его проверил...

Так? Идите в дом, жена будет очень рада!

Р ю м и н. Там хорошо! Разве только музыка способна изобразить красоту и величие моря. Перед лицом его человек чувствует себя маленьким — ничтожной пылинкой, как перед лицом вечности.

(Из-за угла дома выходит Варвара Михайловна.)

Б а с о в. Я соберу шахматы. Варя, приехал Павел Сергеевич, знаешь?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Он у нас?

Б а с о в *(подходя к ней)*. Да. И, кажется, очень пополнил свой запас красивых слов... Варюша, если бы ты знала! Сижу я с Сусловым, играю, вдруг Марья Львовна и Влас... понимаешь — у них роман! *(Смеется.)* Вот ты говорила, это не то. То самое, самое оно! Факт!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Сергей, перестань! Я боюсь, ты скажешь пошлость...

Б а с о в. Варя! да ведь я еще не сказал...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я просила тебя не касаться отношений Марьи Львовны к моему брату, а ты разболтал всем... Неужели ты не понимаешь... как это нехорошо?

Б а с о в. Ну, пошла! Право, с тобой лучше не говорить ни о чем...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Да, тебе вообще надо меньше говорить и хоть однажды подумать о том, что ты делаешь, и хоть однажды прислушаться к тому, что о тебе говорят, Сергей...

Б а с о в. Обо мне? Я — выше сплетен... Пускай говорят всё, что угодно! Но меня удивляет, что ты, Варя, ты, моя жена...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Честь быть твоей женой... не так высока, как ты думаешь... и она очень тяжела, эта честь...

Б а с о в *(возмущаясь)*. Варвара, что ты говоришь! Как ты говоришь?

(На террасу выходят Двоеточие и Влас.)

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я говорю то, что думаю... и как чувствую.

Б а с о в. Я, однако, попрошу тебя объяснить мне...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Хорошо, я объясню после.

(Басов, фыркая, уходит на дачу. Влас провожает его недружелюбным взглядом, садится на нижнюю ступеньку лестницы на террасу.)

Д в о е т о ч и е. Варвара Михайловна, а я вам конфет привез.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Спасибо!

Д в о е т о ч и е *(садится тоже на ступеньку террасы)*. Я всем дамам конфет привез... чтобы не поминали лихом, — задобрить хочу, понимаете. Портретикто ваш дайте мне!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Ах, да... сейчас! *(Уходит в комнату.)*

Д в о е т о ч и е. Ну, что, дядя Влас, поехали мы?

В л а с. Скорее бы!

Д в о е т о ч и е. Меньше суток осталось. Н-да! Вот бы еще сестру вашу сманить. Нечего ей тут делать...

В л а с *(угрюмо)*. Здесь всем нечего делать.

Д в о е т о ч и е. А я рад, что вы со мной едете. Городишко у нас маленький, красивый; кругом лес,

река... Дом у меня огромный — десять комнат. В одной кашлянешь — по всем гул идет. Зимой, когда вьюга воеет, очень гулко в комнатах. Н-да! *(Соня быстро идет с правой стороны.)* В юности, понимаете, одиночество полезно человеку... а вот под старость лучше вдвоем, хо-хо! А, озорница!.. Прощайте! Завтра я уезжаю, а послезавтра вы забудете старика, точно его и нет на свете...

С о н я. Нет, не забуду. У вас такая смешная фамилия.

Д в о е т о ч и е. Только-то? Ну, и на том спасибо!

С о н я. Нет, милый дедушка, право, я не забуду вас! Вы такой простой, хороший! А я так люблю простых людей! Но... вы не видали маму мою?

Д в о е т о ч и е. Не имел удовольствия.

В л а с. На даче ее нет. Пойдемте, поищем... Может быть, она в беседке над рекой.

К а л е р и я. И я иду, вы ничего не имеете против?

С о н я. Пожалуйста!

(Втроем идут в лес. Двоеточие смотрит вслед им, вздыхает, мурлычет песенку. Варвара Михайловна выходит с фотографической карточкой в руках, за ней Рюмин.)

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Вот вам карточка моя. Когда вы едете?

Д в о е т о ч и е. Завтра. Спасибо за надпись! Эх, милая барыня, полюбил я вас!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. За что любить меня?

Д в о е т о ч и е. Да разве любят за что-нибудь? Любят так, просто!.. Настоящая любовь — она, как солнце в небе, неизвестно на чем держится.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Не знаю я этого...

Д в о е т о ч и е. Вижу, что не знаете... Ехали бы вы ко мне. Вот братишка ваш едет. Нашли бы себе какое-нибудь дело.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Что же я могу делать? Ничего я не умею!

Д в о е т о ч и е. Не учились, оттого и не умеете. А вы почитесь! Вот будем мы с Власием гимназии строить... мужскую и женскую...

Р ю м и н *(рассеянно)*. Чтобы жизнь имела смысл, нужно делать какое-то огромное, важное дело... следы которого остались бы в веках... Нужно строить какие-то храмы...

Д в о е т о ч и е. Ну, это — премудрость, для меня недоступная! Я и до гимназии-то не сам дошел, а добрый человек надоумил, да...

Р ю м и н. Даже высшие школы дают нам только ряд противоречивых теорий, только догадки о тайнах жизни...

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(с досадой)*. Господи! Как это скучно! Как избито... затрепано...

Р ю м и н *(смотрит на всех и странно, тихо смеется)*. Да, я знаю: это мертвые слова, как осенние листья... Я говорю их так, по привычке... не знаю зачем... может быть, потому, что осень настала... С той поры, как я увидел море, — в моей душе звучит, не умолкая, задумчивый шум зеленых волн, и в этой музыке тонут все слова людей... точно капли дождя в море...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Вы странный какой-то... Что с вами?

(Калерия и Влас идут из леса с правой стороны.)

Р ю м и н *(смеясь)*. Ничего... Уверю вас.

К а л е р и я. Твердо стоять на ногах — это значит стоять по колени в грязи?

В л а с. А вы бы желали утвердиться на воздухе? Вам бы всё только чистоту шлейфа и души сохранить? Но кому, зачем нужны вы, чистенькие, холодненькие?

К а л е р и я. Я себе нужна!..

В л а с. Заблуждение! И себе вы не нужны...

К а л е р и я. Я не хочу говорить с вами — вы грубы! *(Быстро уходит в комнаты.)*

Д в о е т о ч и е. Ну, что, дядя Влас? Разбередил барышню и доволен?

В л а с *(садится на нижнюю ступеньку у ног сестры)*. Надоела она мне! *(Передразнивает.)* Ах, я умираю с тоски... Я сказал ей: жить надо с людьми, умирать в одиночестве...

Р ю м и н *(быстро)*. Вот! Это жестоко, но — вы правы... да! Так!

(Басов и Юлия Филипповна выходят на террасу.)

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(как бы про себя)*. Жизнь проходит в стороне от нас и не трогает сердца... а только волнует нашу мысль...

Б а с о в. Варя, я распорядился, чтобы Саша накрывала для ужина здесь. *(Суслов быстро идет от своей дачи.)* Семен Семенович, мы устроим вам маленькие проводы... Выпьем шипучего! Предлог законный...

Д в о е т о ч и е. Очень тронут...

С у с л о в. Юлия, на минутку...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Что такое?

(Суслов отводит жену и по дороге что-то шепчет ей. Она отшатнулась от него, остановилась. Он берет ее под руку и ведет направо, где они несколько минут тихо разговаривают и возвращаются к террасе после того, как Басов уходит.)

Б а с о в. Я предложу вам, господа, колбасы... такая, знаете, колбаса! Мне прислал ее один клиент из Украины... А где же мой помощник? *(Негромко.)* Он же помощник мужа Юлии Филипповны...

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(возмущенно, тихо)*. Сергей! Как это гадко!

Б а с о в *(задорно)*. Но ведь это все знают, Варя! И ты напрасно так резко... Саша!.. *(Идет в комнаты.)*

Ю л и я Ф и л и п п о в н а *(злорадно)*. Дядя! А у Петра стена в тюрьме упала... раздавило двух рабочих!

С у с л о в *(усмехаясь)*. Обрадовалась!..

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(пугливо)*. Что вы? Где это?

С у с л о в. В уезде.

Д в о е т о ч и е. Поздравляю! Эх... чадо! Ты на постройке-то бывал?

С у с л о в. Был... Это подрядчик, мерзавец.

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Врет! Не был ни разу... ему некогда!

Д в о е т о ч и е. Пороть бы вашего брата!.. Экие люди! Живут без действия...

Су слов (*усмехаясь*). А вот я застрелюсь... и будет действие.

Р ю м и н (*отрицательно качая головой*). Вы — не застрелитесь.

Су слов. А вдруг?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Как же, Петр Иванович... что же те, которых задавило... умерли?

Су слов (*хмуро*). Не знаю... завтра съезжу туда.

(Идет Ольга Алексеевна.)

В л а с (*громко ворчит*). Экая мерзость!

Су слов (*оскалив зубы*). Тише, юноша, тише!

О л ь г а А л е к с е е в н а (*подходя*). Добрый вечер! Как вы сидите... точно птицы осенью... Я всех видела сегодня? Ах, Павел Сергеевич!.. Давно ли?

(Су слов снова отходит с женой в сторону и что-то говорит ей. Лицо у него злое. Юлия Филипповна насмешливо кланяется ему, идет обратно к террасе. Су слов, громко насвистывая, идет к своей даче. Двоеточные, посмотрев на Юлию Филипповну, идет за Су словым.)

Р ю м и н. Только сегодня.

О л ь г а А л е к с е е в н а. И уже здесь? Вы хороший друг. Душно как! Скоро осень... Переедем мы в город и там, среди каменных стен, будем еще более далеки и чужды друг другу...

В л а с (*ворчит*). Начинается нытье...

Б а с о в (*из двери на террасу*). Павел Сергеевич, на минутку!

(Рюмин идет на зов. Навстречу ему Калерия и Шалимов. Влас, не отвечая Ольге Алексеевне, встает со стульчика и идет к соснам.)

О л ь г а А л е к с е е в н а (*Власу*). Разве это не правда?

Ш а л и м о в (*скучно, лениво*). Ждут обновления жизни от демократии, но, спрошу вас, кто знает, что это за зверь — демократ?

К а л е р и я (*взволнованно*): Да, да! Вы тысячу раз правы... Это еще зверь, варвар! Его сознательное желание одно — быть сытым.

Ш а л и м о в. И носить сапоги со скрипом.

К а л е р и я. Во что он верует? В чем его культ?

В л а с *(раздраженно)*. А вы? Вы во что веруете?
В чем ваш культ?

К а л е р и я *(не отвечая Власу)*. Жизнь обновляется людьми верующими... аристократией духа...

В л а с. Кто эта аристократия? Где она?

К а л е р и я. Я не хочу говорить с вами, Влас!
Яков Петрович, идемте туда...

(Сходят с террасы, идут к елкам и там садятся, негромко разговаривая. Калерия первичает, Шалимов спокоен, движения ленивы, медленны, точно он сильно устал.)

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(подходя к Власу)*. Ты сегодня страшно нервен, Влас...

В л а с *(глухо)*. Мне тяжело, Варя...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Влас Михайлович, пойдемте к реке...

В л а с. Нет... извините... не хочется...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Ну, пожалуйста! Мне нужно что-то сказать вам...

В л а с *(нехотя)*. Хорошо, идемте. Что такое?

(Юлия Филипповна берет его под руку и что-то тихо говорит ему, идя в глубину сцены. Варвара Михайловна идет на террасу.)

О л ь г а А л е к с е е в н а *(ловя руку Варвары Михайловны)*. Варя! Ты всё еще сердишься?

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(задумчиво)*. Сержусь? Нет.

В л а с *(в глубине сцены, громко)*. Пошляк! Если бы он не был мужем сестры моей...

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Ш-ш! *(Увлекает его в лес.)*

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(испуганно)*. Боже мой! Что такое?

О л ь г а А л е к с е е в н а. Вероятно, инженерша сплетничает. Варя, я ведь вижу — ты сердишься! Ведь слово, сорвавшееся с языка в минуту раздражения...

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*задумчиво*). Прощу тебя — оставь это! Я не люблю ничего заштопанного... и заштопанной дружбы...

О л ь г а А л е к с е е в н а (*встает*). Как ты злопамятна! Неужели нельзя забыть? Простить, наконец!

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*твердо, холодно*). Мы слишком много прощаем... Это слабость... Она убивает уважение друг к другу... Есть человек, которому я очень много прощала... теперь я потеряла всякое значение в его глазах...

О л ь г а А л е к с е е в н а (*после паузы*). Ты говоришь о Сергее Васильевиче? (*Варвара Михайловна не отвечает, тихо покачивая головой и глядя куда-то вперед.*) Как быстро меняются люди! Я помню его студентом... какой он тогда был хороший! Беспечный, веселый бедняк... рубаха-парень — звали его товарищи... А ты мало изменилась: всё такая же задумчивая, серьезная, строгая... Когда стало известно, что ты выходишь за него замуж, я помню, Кирилл сказал мне: с такой женой Басов не пропадет. Он легкомыслен и склонен к пошлости, но она...

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*просто*). Зачем ты это говоришь, Ольга? Чтобы показать мне, что я сама — ничтожество?

О л ь г а А л е к с е е в н а. Варя! Как ты можешь думать это? Я просто так... я вспомнила...

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*негромко, очень ясно, как приговор себе*). Да, я тоже бессильный, жалкий человек. Это ты хотела сказать? Я это знаю, Ольга, давно знаю!

С а ш а (*на террасе*). Варвара Михайловна, барин просит вас.

(*Варвара Михайловна молча идет в комнаты.*)

О л ь г а А л е к с е е в н а (*идет вслед за Варварой Михайловной*). Варя, послушай, ты не поняла!

К а л е р и я (*негромко*). Человек, который думает, что истина открыта, — для меня умер! (*Пауза. Шалимов курит.*) Скажите, вам грустно жить?

Ш а л и м о в. Порою — очень.

Калерия. Часто?

Шалимов. Весело — никогда не живется. Я уже слишком много видел для того, чтоб веселиться. Да и время невеселое, скажу прямо.

Калерия *(тихо)*. Жизнь каждого думающего человека — тяжелая драма.

Шалимов. Да... Скажите...

Калерия. Что?

Шалимов *(встает)*. Скажите откровенно: вам нравятся мои рассказы?

Калерия *(живо)*. Очень! Особенно последние... Они менее реальны, в них меньше грубой плоти! Они полны той мягкой, теплой грустью, которая окутывает душу, как облако окутывает солнце в час заката. Немногие умеют ценить их, но эти немногие горячо любят вас.

Шалимов *(с улыбкой)*. Благодарю вас. Вы говорили о новых стихах... Не читаете ли?

Калерия. Хорошо. Потом как-нибудь. *(Пауза. Шалимов молча наклоняет голову, соглашаясь с Калерией. Влас и Юлия Филипповна задумчиво идут из леса с правой стороны, приходят к госнам. Влас садится, облокотясь на стол, и тихо свистит. Юлия Филипповна идет в комнаты.)* Хотите — сейчас?

Шалимов. Что — сейчас?

Калерия *(печально улыбаясь)*. Забыли уже?.. Как скоро!

Шалимов *(змурит брови)*. Позвольте... это...

Калерия *(встает)*. Вы просили прочитать стихи... Хотите, сейчас прочитаю?

Шалимов *(быстро)*. О да, прошу! Такой чудесный вечер... это будет славно. Вы ошибаетесь, я не забыл... просто задумался, не понял вопроса.

Калерия *(идет в дом)*. Хорошо... Я прочитаю. Хотя вам ведь это совсем неинтересно.

Шалимов *(следя за ней)*. Это неправда, поверьте мне.

(Калерия быстро вбегает на террасу, Шалимов пожимает плечами и делает гримасу. Оглядывается, видит Власа. По дороге от дачи Суслова идут Двоесточие и Суслов. Оба сердитые, молчат.)

Ш а л п м о в (Власу). Мечтаете?

В л а с (не грубо). Свищу.

(На террасу выходят: Ольга Алексеевна — садится в плетеное кресло около перил; Рюмин — становится сбоку, она что-то говорит ему негромко; Басов — останавливается у накрытого стола, рассматривает закуску. Варвара Михайловна стоит; прислонившись к колонне террасы. Замыслов перед ней.)

Б а с о в. Все в сборе? А Влас? Марья Львовна?

В л а с. Я здесь.

З а м ы с л о в. Мы все, Варвара Михайловна, люди сложные.

Б а с о в (перегибаясь через перила). Отлично. Яков, ты здесь? Ага!

(Юлия Филипповна выходит из дачи, тихонько напевая, садится на ступеньки террасы. Двоеточие стоит, слушая Замыслова. Суслов, взглянув на оратора, проходит под сосны, где молча сидят Шалимов и Влас.)

З а м ы с л о в. Именно эта сложность нашей психики и делает нас лучшими людьми страны — сиречь интеллигенцией, а вы...

В а р в а р а М и х а й л о в н а (нервно). Интеллигенция — это не мы! Мы что-то другое... Мы — дачники в нашей стране... какие-то приезжие люди. Мы суемтимся, ищем в жизни удобных мест... мы ничего не делаем и отвратительно много говорим.

(Из глубины сцены с правой стороны идут Марья Львовна и Соня.)

Б а с о в (насмешливо). Особенно блестяще ты сама доказываешь правду твоих слов.

(Калерия выходит с тетрадкой в руке, останавливается у стола и слушает.)

В а р в а р а М и х а й л о в н а (нервнее). И страшно много лжи в наших разговорах! Чтобы скрыть друг от друга духовную нищету, мы одеваемся в красивые фразы, в дешевые лохмотья книжной мудрости... Го-

ворим о трагизме жизни, не зная ее, любим ныть, жаловаться, стонать...

(Дудаков подходит к террасе и становится так, что жена не видит его.)

Р ю м и н *(нервозно)*. Надо быть справедливой! Жалоба человека красива... Жестоко это, Варвара Михайловна, сомневаться в искренности стонов человека.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Довольно жалоб, имейте мужество молчать! Надо молчать о своих маленьких печалях. Ведь мы умеем молчать, когда довольны днями нашей жизни? Каждый из нас поглощает свой кусок счастья в одиночестве, а горе свое, ничтожную царапину сердца мы выносим на улицу, показываем всем, и кричим, и плачем о нашей боли на весь мир! Мы выбрасываем вон из наших домов объедки наши и отравляем ими воздух города... вот так же мы выкидываем из наших душ всё дрянное и тяжелое под ноги ближних. Я уверена, что сотни и тысячи здоровых людей погибают, отравленные и оглушенные нашими жалобами и стонами... Кто дал нам злое право отравлять людей тяжелым видом наших личных язв?

(Пауза.)

В л а с *(негромко)*. Bravo, Варя!
Д в о е т о ч и е. Умница! Верно!

(Марья Львовна молча гладит руку Варвары Михайловны. Влас и Соня тоже около нее. Рюмин нервно встряхивает головой.)

Р ю м и н. Прощу слова! Позвольте мне сказать... мое последнее слово!

К а л е р и я. Надо иметь мужество молчать...

О л ь г а А л е к с е е в н а *(Басову)*. Как она стала говорить, смело... резко!..

Б а с о в. Да, заговорила Валаамова... *(Не кончив слова, испуганно закрывает себе рот рукой. Взволнованная Варвара Михайловна не заметила выходки*

мужа, но многие слышали и поняли ее. Замыслов быстро сходит с террасы к соснам и хохочет. Шалимов улыбается и укоризненно качает головой. Влас и Соня смотрят на Басова с презрением; остальные делают вид, будто ничего не заметили. После отрывочных замечаний, вызванных словами Варвары Михайловны, наступает неловкое молчание. Суслов кашляет, улыбаясь. Варвара Михайловна, замечая что-то неладное, растерянно осматривается.)

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я, кажется, сказала что-то... может быть, резкое, грубое? Отчего всё так странно?..

В л а с (громко). Это не ты сказала грубость...

О л ь г а А л е к с е е в н а (с невинным видом). В чем дело, господа?

М а р ь я Л ь в о в н а (быстро, негромко). Влас, пожалуйста, не надо! (Начинает говорить, чтобы затушевать выходку Басова. Потом увлекается, говорит сильно, горячо. Шалимов, Суслов и Замыслов демонстративно не слушают ее. Дудаков утвердительно качает головой. Басов смотрит на нее с благодарностью и знаками приглашает слушать.) Мы все должны быть иными, господа! Дети прачек, кухарок, дети здоровых рабочих людей — мы должны быть иными! Ведь еще никогда в нашей стране не было образованных людей, связанных с массою народа родством крови... Это кровное родство должно бы питать нас горячим желанием расширить, перестроить, осветить жизнь родных нам людей, которые все дни свои только работают, задыхаясь во тьме и грязи... Мы не из жалости, не из милости должны бы работать для расширения жизни... мы должны делать это для себя... для того, чтобы не чувствовать проклятого одиночества... не видеть пропасти между нами — на высоте — и родными нашими — там, внизу, откуда они смотрят на нас, как на врагов, живущих их трудом! Они послали нас вперед себя, чтобы мы нашли для них дорогу к лучшей жизни... а мы ушли от них и потерялись, и сами мы создали себе одиночество, полное тревожной суеты и внутреннего раздвоения... Вот наша драма! Но мы сами создали ее, мы достойны всего, что нас мучает!

они стоят рядом на нас, как на врагов, и судят нас беспощадно! Они всемогущи и все-
реды все, и мы им кажемся как будто допотопич-
ной физикой... в них ушли все и даже ин-
стинкты и ~~эмоции~~ - мы создали себе одну
потребность, а она, как прелесть, не удовлет-
воряется, а еще сильнее раздражает. Вспомни наша
Фрэнсис! Как она всеми силами ее... она
вспомнила все, а ты не можешь...
Вот Варя! она нам всем права и мы
ее не можем понять... Она устала и сидит
рядом с Варварой Михайловной...
Вот это! Это так! Это правда! Варвары Михайловны.
Ты слышишь? Ты слышишь... [Молчание.]
Олег Алексеевич...
Да...
Вы кончили Мария Львовна? [Молчание.]
Да...
Олег Алексеевич...
Ты слышал? Ты слышал? Какой дурак Басов!
Федя Басов... не правда ли?
Ты слышишь Федя Басов?
Ты слышишь Варвару Федю...
[Молчание.]

«ДАЧНИКИ».

Автограф. Конец монолога Марьи Львовны.

Да, Варя! Мы не имеем права насыщать жизнь нашими
стонами.

(Она устала от волнения и садится рядом с Варварой
Михайловной. Молчание.)

Дудakov (оглядывая всех). Вот!.. Это так! Это
правда!

Ольга Алексеевна (быстро). Ты здесь?
Поди сюда...

Шалимов (приподнимая шляпу). Вы кончили,
Мария Львовна?

Марья Львовна. Да.

Ольга Алексеевна (отводит мужа в угол
террасы). Ты слышал? Понял? Какой дурак Басов!

Д у д а к о в *(негромко)*. При чем тут Басов?

(На террасе общее движение. Варвара Михайловна смотрит на всех. Еще нет уверенности, что выходка Басова заглажена, забыта.)

О л ь г а А л е к с е е в н а. Тише! Варвара тут говорила такое злое, а он назвал ее Валаамовой ослицей.

Д у д а к о в. Ну, и дубина он! Оля, там дома, знаешь...

О л ь г а А л е к с е е в н а. Подожди!.. Калерия хочет стихи читать. Нет, это хорошо все-таки, это хорошо! Варвара стала такая горячка.

(Рюмин, подавленный, сходит с террасы и прожигивается около нее.)

Ш а л и м о в. Господа, вот Калерия Васильевна любезно согласилась прочесть свои стихи...

Б а с о в. Читай, милая, скорее!

К а л е р и я *(смущенно)*. Хорошо, я читаю... хорошо.

Ш а л и м о в. Вам стул.

К а л е р и я. Не надо. Варя, чему это я обязана? Такой интерес к моим стихам ужасает меня.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я не знаю. Очевидно, кто-то сделал бестактность, и все стараются скрыть ее.

К а л е р и я. Ну, я буду читать. Мои стихи постигнет та же участь, как и твои слова, Варя. Всё поглощается бездонной трясинной нашей жизни...

Осени дыхавшем гонимы,
Медленно с холодной высоты
Падают красивые снежинки,
Маленькие, мертвые цветы...

Кружатся снежинки над землею,
Грязной, утомленной и больной,
Нежно покрывая грязь земную
Ласковой и чистой целеной...

Черные, задумчивые птицы...
Мертвые деревья и кусты...
Белые, безмолвные снежинки
Падают с холодной высоты...

(Пауза. Все смотрят на Калерию, как будто ждут еще чего-то.)

Ш а л и м о в. Мило!
Р ю м и н *(задумчиво)*.

Падают красивые снежинки,
Мертвые, холодные цветы...

В л а с *(возбужденно)*. Я тоже сочинитель стихов,
я тоже хочу прочитать стихи!

Д в о е т о ч и е *(хохочет)*. А ну-ка!

Ш а л и м о в. Интересное состязание!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Влас, нужно ли
это?

З а м ы с л о в. Если это весело — это необходимо!

М а р ь я Л ь в о в н а. Голубчик! Напомню вам —
будьте самим собой!

*(Все смотрят на возбужденное лицо Власа. Становится
очень тихо.)*

В л а с. Господа! Я хочу показать вам, как это
легко и просто — насорить стихами в голове ближнего
своего... Внимание! *(Читает ясно и сильно, с вызовом.)*

Маленькие, нудные людишки
Ходят по земле моей отчизны,
Ходят — и уныло ищут места,
Где бы можно спрятаться от жизни.

Всё хотят дешевенького счастья,
Сытости, удобств и тишины,
Ходят и всё жалуется, стонут,
Серенькие трусы и лгуны.

Маленькие краденые мысли...
Модные, красивые словечки...

Ползают тихопько с краю жпзни
Тусклые, как тени, человечки.

(Кончив, он стоит неподвижно и смотрит поочередно на Шалимова, Рюмина, Сулова. Пауза. Всем неловко. Калерия пожимает плечами. Шалимов медленно закуривает папиросу. Сулов очень возбужден. Марья Львовна и Варвара Михайловна подходят к Власу, видимо, боясь чего-то.)

Д у д а к о в *(тихо, но вятно)*. Эт-то ужасно метко. Знаете... это ужасно верно!

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Bravo! Это мне нравится!

Д в о е т о ч и е. Ну, разнес!.. Ах ты... душа моя красная!

К а л е р и я. Грубо... Зло... Зачем?

З а м ы с л о в. Не весело... Нет!

Ш а л и м о в. Тебе нравится, Сергей?

Б а с о в. Мне? То есть, видишь ли, конечно, рифма слабая... Но — как шутка...

З а м ы с л о в. Для шутки это серьезно.

Ю л и я Ф и л и п п о в н а *(Шалимову)*. Ах, как вы ловко притворяетесь!

С у с л о в *(желчно)*. Позвольте теперь мне, тусклomu человечку, ответить на это... на этот... извините, не знаю — как назвать этот род творчества. Вы, Влас Михайлович... я вам не буду отвечать... Я обращусь прямо к источнику вашего вдохновения... к вам, Марья Львовна!

В л а с. Что такое? Вы! Смотрите!

М а р ь я Л ь в о в н а *(гордо)*. Ко мне? Это странно... но я слушаю.

С у с л о в. Ничуть не странно, ибо мне известно, что именно вы — муза этого поэта.

В л а с. Без пошлостей!

Ю л и я Ф и л и п п о в н а *(мягко)*. Без пошлостей он не может.

С у с л о в. Я просил бы не мешать мне... Когда я кончу, я отвечу, как вам будет угодно, за всё, что скажу... Вы, Марья Львовна, так называемый идейный человек... Вы где-то там делаете что-то таинственное...

может быть, великое, историческое, это уж не мое дело!.. Очевидно, вы думаете, что эта ваша деятельность дает вам право относиться к людям сверху вниз.

Марья Львовна (*спокойно*). Это неправда.

Суслов. Вы стремитесь на всех влиять, всех поучать... Вы настроили на обличительный лад этого юношу...

Влас. Что вы там мелете?

Суслов (*зло*). Терпение, юноша! Я до сего дня молча терпел ваши выходки!.. Я хочу сказать вам, что, если мы живем не так, как вы хотите, почтенная Марья Львовна, у нас на то есть свои причины! Мы наволновались и наголодались в юности; естественно, что в зрелом возрасте нам хочется много и вкусно есть, пить, хочется отдохнуть... вообще наградить себя с избытком за беспокойную, голодную жизнь юных дней...

Шалимов (*сухо*). Кто это мы, можно узнать?

Суслов (*всё горячее*). Мы? Это я, вы, он, он, все мы. Да, да... мы все здесь — дети мещан, дети бедных людей... Мы, говорю я, много голодали и волновались в юности... Мы хотим поесть и отдохнуть в зрелом возрасте — вот наша психология. Она не нравится вам, Марья Львовна, но она вполне естественна и другой быть не может! Прежде всего человек, почтенная Марья Львовна, а потом все прочие глупости... И потому оставьте нас в покое! Из-за того, что вы будете ругаться и других подстрекать на эту ругань, из-за того, что вы назовете нас трусами или лентяями, никто из нас не устремится в общественную деятельность... Нет! Никто!

Дудаков. Какой цинизм! Вы перестали бы!

Суслов (*всё горячее*). А за себя скажу: я не юноша! Меня, Марья Львовна, бесполезно учить! Я взрослый человек, я рядовой русский человек, русский обыватель! Я обыватель — и больше ничего-с! Вот мой план жизни. Мне нравится быть обывателем... Я буду жить, как я хочу! И, наконец, наплевать мне на ваши рассказы... призывы... идеи! (*Он нахлобучивает шляпу и быстро идет по направлению к своей даче. Общее недоумение. Замыслов, Басов и Шалимов отходят в сторону, оживленно и тихо разговаривая. Варвара Михайловна и Марья Львовна составляют отдельную*

группу. Юлия Филипповна, Двосточие и Дудаков с женой тоже в одной группе. Общий нервный говор. Калерия, подавленная, одиноко стоит под сосной. Рюмин быстро ходит взад и вперед.)

В л а с (отходит в сторону, схватив себя за голову). Чёрт меня возьми! Чёрт возьми!

(Соня идет за ним, говорит ему что-то.)

М а р ь я Л ь в о в н а. Да это истерия! Так обнажить себя может только психически больной!

Р ю м и н (Марье Львовне). Вы видите... вы видите, как ужасна правда?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Как это тяжело!

Д в о е т о ч и е (Юлии Филипповне). Ничего не понимаю... ничего!

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Марья Львовна, голубушка, скажите, он обидел вас, да?

М а р ь я Л ь в о в н а. Меня? Нет. Он себя обидел!

Д в о е т о ч и е. Чудны дела ваши, господа хорошие!

Д у д а к о в (жене). Подожди... (Двосточию.) Это нарыв! Понимаете, прорвался нарыв в душе... Это у каждого из нас может быть... (Взволнованный, машет руками и, сильно заикаясь, не может говорить.)

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Николай Петрович...

З а м ы с л о в (подходя к ней). Вас это расстроило?

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Нисколько... Но мне неудобно оставаться здесь. Проводите меня.

З а м ы с л о в. Как глупо, а? И жалко: патрон изготовил такой, знаете, съедобный сюрприз!

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Оставьте! Довольно сюрпризов.

(Уходят.)

Ш а л и м о в (подходя к Калерии). Как это вам нравится?

К а л е р и я. Это ужасно! Как будто тина поднялась со дна болота и душит меня, душит!..

(Басов подходит к Власу и молча берет его за рукав.)

В л а с. Что вам угодно?

Б а с о в *(отводя его в сторону)*. На пару слов.

Р ю м и н *(подходя к Варваре Михайловне, вне себя)*. Варвара Михайловна, этот ураган желчной пошлости смял мою душу... опрокинул... меня. Я уйду... прощайте! Я пришел проститься с вами... Мне хотелось провести тихий вечер... последний вечер! Я уйду навсегда. Прощайте!

В а р в а р а М и х а й л о в н а *(не слушая его)*. Знаете, что я думаю? Мне кажется, Суслов искреннее всех вас. Да, да, искреннее! Он грубо сказал, но он сказал ту беспощадную правду, которую другие не смеют сказать!

Р ю м и н *(отступая)*. Это всё? Это ваше прости? Боже мой! *(Идет в глубину сцены.)*

Б а с о в *(Власу)*. Ну, батенька, вы отличились! Как же теперь? Вы оскорбили мою сестру... и Якова, который... он писатель! Всеми уважаемый! К тому же Суслов... наконец, Рюмин! Вам надо извиниться...

В л а с. Что-о? Я? Извиняться? Перед ними?

Б а с о в. Ну, что же, это ничего! Ну, скажите: просто, мол, хотел пошутить, развеселить и — пересолил... Вас извинят, все привыкли к вашим выходкам... все ведь знают, что вы, в сущности, комик.

В л а с *(кричит)*. Ступайте к чёрту! Вы сами комик. Вы шут гороховый!

С о н я. Господа! Пощадите!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Влас, что ты?

М а р ь я Л ь в о в н а. Да это волна бззумия...

Д в о е т о ч и е. Влас, вы того, уйдите!

Б а с о в. Нет, позвольте, я тоже оскорблен.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Сергей, прошу тебя! Влас!

Б а с о в. Нет-с! Я не шут гороховый!

В л а с. Только уважение к сестре не позволяет мне сказать вам...

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Влас, не смей...

(Калерия подходит.)

С а ш а *(Варваре Михайловне)*. Подавать кушать?

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Уйдите!

С а ш а (*негромко Двоеточию*). Уж лучше бы подать! Барин увидят кушанье на столе и перестанут сердиться.

Д в о е т о ч и е. Пошла ты прочь!

Б а с о в (*Власу*). Нет-с, я прошу вас! (*Вдруг свирепо орет на Власа.*) Вы мальчишка!

К а л е р и я. Сергей, это дико!

Б а с о в. Он мальчишка! Да! Это факт!

Ш а л и м о в (*берет Басова под руку и уводит на дачу. Саша идет сзади*). Ну, перестань же!

М а р ь я Л ь в о в н а. Влас Михайлович! Эх, как вы!

В л а с. Разве я виноват? Разве я?

С а ш а. Барин! Ужинать подавать?

Б а с о в. Идите прочь! Я здесь — ничто! Меня в моем доме... (*Входит в комнаты.*)

М а р ь я Л ь в о в н а (*Сою*). Уведи его к нам. (*Власу*). Уйдите, голубчик!

В л а с. Вы простите меня, простите! И ты, сестра, прости! Я виноват. Несчастливая моя сестренка! Уйди отсюда! Уходи!

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*негромко*). Куда? Куда я уйду?

Д в о е т о ч и е. А вот ко мне бы, право! Как бы это хорошо!

(Его слов никто не слышит. Он тяжело вздыхает и тихо идет к даче Сулова.)

М а р ь я Л ь в о в н а. Идите и вы ко мне, Варя, идите!

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Я приду... Влас... после... приду...

(Варвара Михайловна идет на дачу, Марья Львовна за ней. Влас и Соля уходят в лес. Калерия, разбитая, шатаясь, тоже уходит на дачу.)

О л ь г а А л е к с е е в н а. Вот так скандал! И как всё это вдруг! Ты понимаешь что-нибудь, Кирилл?

Д у д а к о в. Я? понимаю! да! Когда-нибудь мы все должны были опротиветь друг другу!.. И вот

опротивели! Влас, он метко попал, Ольга! Он попал! Но надо тебе идти домой.

Ольга Алексеевна. Подожди! Это так интересно! Может быть, еще что-нибудь будет.

Дудаков. Э, Ольга, это же нехорошо! И надо идти домой... Там все кричат, плачут. Волька обругал няньку, она сердится, а он говорит, что она его за ухо дернула... И вообще — там катастрофы. Я давно уже говорю тебе — надо идти домой.

Ольга Алексеевна. Неправда! Ты не говорил!

Дудаков. Говорил же! Вон там мы стояли, ты что-то рассказывала о Басове, и я тебе сказал.

Ольга Алексеевна. Ты ничего не сказал мне, Кирилл!

Дудаков. Я не знаю — о чем ты споришь? Я же помню: иди домой, — сказал я...

Ольга Алексеевна. Ты не мог мне сказать: иди домой! Так говорят только детям и прислуге.

Дудаков. Ольга! Ты вздорная женщина!

Ольга Алексеевна. Да? Как тебе не стыдно, Кирилл! Ты обещал мне быть сдержанным.

Дудаков (*идет прочь от нее*). Не говори! Это... это глупо! Это бабство!

Ольга Алексеевна (*следуя за ним*). Глупо, Кирилл? Я — баба? (*Со слезами.*) Так, благодарю!

(Они скрываются в лесу. Несколько секунд сцена пуста. Темнеет. Из комнат на террасу выходят Басов и Шалимов.)

Шалимов (*Басову*). Мой друг, надо быть немножко философом! Смешно горячиться из-за пустяка...

Басов. Ведь досадно! Мальчишка! Молокосос! Ты уж не сердись, а?

Шалимов. Такие выходки, как выходка этого... куплетиста из неудачных... ежедневно встречаются в уличных газетах. Но, мой друг, кого же они трогают?

(Сходят с террасы и стоят у сосны; быстро подходит Сулов.)

С у с л о в. Сергей Васильевич! Я воротился... я понимаю, что должен извиниться перед тобой (*Шалимову*) и перед вами. Я не сдержался... Но меня давно возмущала она... Она и подобные ей — органически противны мне... Я ненавижу ее лицо, ее манеру говорить.

Б а с о в. Понимаю, батя, очень хорошо понимаю! Человек должен быть мягок, деликатен.

Ш а л и м о в (*сухо*). Но вы хватили через край вашей характеристикой... да-с...

Б а с о в (*торопливо*). Э, полно! Я подпишусь подо всем, что он сказал, ей-богу! А эту барыню я бы, откровенно говоря... так бы...

С у с л о в. Все женщины — актрисы, вот в чем дело! Русские женщины по преимуществу драматические актрисы... всё героинь хотят играть...

Б а с о в. Н-да-а, женщины... трудно с ними жить! (*Варвара Михайловна и Марья Львовна выходят на террасу.*)

Ш а л и м о в. Мы сами создаем эти трудности. Нам нужно сказать себе, что женщины — это всё еще пизшая раса.

Б а с о в (*как бы говоря чужими словами*). Конечно... да, друг ты мой. Женщина ближе нас к зверю. Чтобы подчинить женщину своей воле — нужно применять к ней мягкий, но сильный и красивый в своей силе, непременно красивый, деспотизм.

(*В лесу, на правой стороне, раздается выстрел. На него не обращают внимания.*)

С у с л о в. Просто нужно, чтобы она чаще была беременной, тогда она вся в ваших руках.

В а р в а р а М и х а й л о в н а (*негромко, сильно*). Какая гадость!..

М а р ь я Л ь в о в н а. Боже мой, это разложение какое-то! Точно трупы загнили... Идите, Варя, отсюда!

(*Суслов тихо идет прочь и сухо кашляет.*)

Б а с о в (*торопливо бросаясь к жене*). Это ты, Петр, того... Это уж ты перехватил... пересолил!

Варвара Михайловна *(Шалимову)*. Вы! Вы!

Шалимов *(снимая шляпу, пожимает плечами)*.
Что же я?

Марья Львовна. Идемте скорее, Варя!.. Идемте прочь! *(Увлекает Варвару Михайловну за собой. Басов растерянно смотрит вслед им.)*

Басов. Чёрт возьми!.. Подслушали... ах ты!

Шалимов *(усмехаясь)*. Ну, брат... плохой ты товарищ.

Басов *(огорченный, тревожно)*. Угораздило его... чёрта!.. Этакое желчное чудовище!.. Разве такие вещи говорят так неосторожно? Ф-фу!

Шалимов *(сухо)*. Завтра я уеду. Здесь свежо и сыровато... иду в комнаты.

Басов *(уныло)*. А там сестра ревет! Это факт!..

(Уходят. Тихо. Пустобайка и Кропилькин выходят из-за дачи Басова, оба тепло одетые, с трещотками и свистками. С дачи Суслова доносятся аккорды рояля. Потом Юлия Филипповна и Замыслов поют дуэт: «Уже утомившийся день».)

Пустобайка. Ну, ты пойдн на тот участок, а я обойду этот, покажемся, а потом в кухню, к Стенаниде, чай пить!

Кропилькин. Рано мы вышли... никто еще не спит.

Пустобайка. Для видимости надо походить. Ну, иди...

Кропилькин *(идет налево)*. Пошел... Эх, господи!

Пустобайка. Сору-то сколько... чертн! Вроде гулящих, эти дачники... появятся, насорят на земле — и нет их... А ты после ихнего житья разбирай, подметай... *(Громко, с досадой стучит трещоткой и свистит. Кропилькин отвечает свистом. Пустобайка уходит. Калерия выходит и садится под соснами, печальная, задумчивая. Прислушивается к пению, покачивая головой, тихо подпевает. С правой стороны в лесу раздается голос Пустобайки.)*

Пустобайка (*громко, тревожно*). Кто такой? Чего? Ах ты, сделай милость!

(*Калерия пугливо прислушивается.*)

Пустобайка (*ведет под руки Рюмина*). К Басову, что ли?

Калерия. Сергей! Сергей!..

Рюмин. Доктора... прошу вас!

Калерия. Павел Сергеевич! Вы? Что с вами? Что с ним?

Пустобайка. Я иду, а он ползет встречу... по земле... говорит — ранен...

Калерия. Вы ранены? Сергей, к Марье Львовне! Скорее доктора...

Басов (*выбегая*). Что ты? Что это?

Рюмин. Простите меня.

Калерия. Кто вас ранил?

Пустобайка (*ворчит*). Кому здесь ранить человека? Не иначе — сам себя. Пистолет — вот он... (*Вынимает из пазухи револьвер и спокойно, внимательно рассматривает его.*)

Басов. Это вы? А я думал — Замыслов... я думал, Петр его... (*Быстро убегает и кричит.*) Марья Львовна!

Шалимов (*в плед*). Что... это кто? Что случилось?

Калерия. Вам очень больно?

Рюмин. Мне стыдно... стыдно мне!

Шалимов. Может быть, это не опасно?

Рюмин. Уведите меня отсюда... Я не хочу, чтоб она видела... уведите меня! Прошу вас!

Калерия (*Шалимову*). Да идите же... зовите...

(*Шалимов идет к даче Сулова. Шум бегущих людей, отрывочные возгласы. Являются: Марья Львовна, Варвара Михайловна, Соня, Влас.*)

Марья Львовна. Вы? эх!... Соня, помогай! Снимай пиджак... спокойно, не волнуйся...

Варвара Михайловна. Павел Сергеевич...

Рюмин. Простите меня! Я должен был сразу...

но когда у человека сердце маленькое и сильно бьется, — в него трудно попасть пулей.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Зачем? Зачем вы?..

К а л е р и я (*Рюмину, истерически кричит*). Это жестоко! (*Спохватившись*.) Что я говорю! Простите!

В л а с (*Калерии*). Уйдите, вам вредно... уйдите, голубчик! (*Идет к соснам. Бегут: Суслов, Двоеточие в одном жилете и пальто, накинутом сверху, без шляпы; потом Замыслов и Юлия Филипповна, Дудаков, растрепанный, раздраженный, Ольга Алексеевна, робкая, растерянная.*)

М а р ь я Л ь в о в н а. Ага! Вот где!.. Ну, кажется, это пустяки!

Р ю м и н. Идут сюда... Варвара Михайловна, дайте мне вашу руку.

В а р в а р а М и х а й л о в н а. Зачем всё это?

Р ю м и н. Я люблю вас... не могу жить без вас!

В л а с (*сквозь зубы*). Чёрт тебя возьми... с твоей любовью!

К а л е р и я (*громко шепчет*). Не смейте так! Не добивайте умирающих!

М а р ь я Л ь в о в н а (*Варваре Михайловне*). Вы уйдите-ка, уйдите! А вы, сударь, не волнуйтесь, рана пустяковая... А, вот доктор.

Д у д а к о в. Н-ну, что? Рана?.. Ну, плечо?.. И кто же это стреляет себя в плечо? Надо в левый бок... в череп... если это серьезно.

М а р ь я Л ь в о в н а. Кирилл Акимович, что вы говорите?

Д у д а к о в. А... да! Извините! Ну... поревязали? Что же?.. Несите его...

Б а с о в. Несите к нам... к нам, Варя?

Р ю м и н. Не нужно... Я могу идти.

Д у д а к о в. Можете? И превосходно.

Р ю м и н (*идет шатаясь, Басов и Суслов держат его*). Да... вот, жил неудачно и умереть не сумел... жалкий человек!

(*Его уводят в комнаты. Дудаков провожает.*)

Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Он прав...

З а м ы с л о в (*уныло*). Какой печальный водевиль!

Пустобайка (*Двоеточию*). Это я привел господина.

Двоеточие. Ага... хорошо!

Пустобайка. Мне бы за беспокойство на водку надо получить с кого-нибудь.

Двоеточие (*укоризненно*). Какой ты, брат, несуразный! (*Дает ему денег.*)

Пустобайка. Спасибо.

Калерия (*Варваре Михайловне*). Он умрет? Это должна была сделать я, так, Варя?..

Варвара Михайловна. Молчи... не надо! (*Истерически.*) Какие все мы противные... О! Почему?

Шалимов (*Марье Львовне*). Что... очень опасная рана?

Марья Львовна. Нет...

Шалимов. Гм... неприятный случай!.. Варвара Михайловна, позвольте...

Варвара Михайловна (*вздрыгнув*). Что такое?

Шалимов. Назад тому несколько минут вы слышали слова...

(Выходят Басов, Суслов и Дудаков.)

Басов. Ну, положили мы его.

Варвара Михайловна. Оставьте! Я не верю... не хочу объяснения! Я ненавижу всех вас неиссякаемой ненавистью. Вы — жалкие люди, несчастные уроды!

Влас. Подожди, сестра, — это я скажу... я знаю: вы — ряженые! Пока я жив, я буду всегда срывать с вас лохмотья, которыми вы прикрываете вашу ложь... вашу пошлость... нищету ваших чувств и разврат мысли!

(Шалимов, пожимая плечами, отходит в сторону.)

Марья Львовна. Перестаньте! Это бесполезно!

Варвара Михайловна. Нет! Пусть эти люди слушают. Я дорого заплатила за мое право говорить с ними откровенно! Они изуродовали душу мою, они отравили мне всю жизнь! Разве такой я была?

Я не верю... я ни во что не верю! У меня нет сил... мне нечем жить! Разве такой я была?!

Юлия Филипповна *(с тоской)*. Это и я скажу! Это и я могу сказать!

Ольга Алексеевна *(мужу)*. Смотри на Варвару, на лицо ее... видишь, какая она злая!..
(Дудаков отстраняет жену рукой.)

Басов. Варя, полно! Разве нельзя всё это иначе? Ну, что такое? Ну, глуп этот Рюмин... стоит ли из-за него...

Варвара Михайловна. Поди прочь, Сергей.

Басов. Друг мой...

Варвара Михайловна. Я никогда не была твоим другом... и ты моим... никогда! Мы были только мужем и женой. Теперь мы чужие. Я уйду!

Басов. Куда? Ну, как не стыдно, Варя! При людях, на улице!

(В глубине сцены неподвижно стоит Сулов.)

Варвара Михайловна. Здесь нет людей...

Марья Львовна. Уйдемте, Варя...

Юлия Филипповна. Ах, не мешайте ей! Пусть она скажет.

Двоеточие *(горестно)*. Э-эх, господа! душу вы мне расстроили... эх, господа!

Калерия *(Марье Львовне)*. Послушайте, что же это такое? Что это?

Марья Львовна. Успокойтесь! Помогите мне увести ее.

Варвара Михайловна. Да, я уйду! Дальше отсюда, где вокруг тебя всё гниет и разлагается... Дальше от бездельников. Я хочу жить! Я буду жить... и что-то делать... против вас! Против вас! *(Смотрит на всех и кричит с отчаянием.)* О, будьте вы прокляты!

Влас. Иди, сестра! Не надо, будет! *(Ведет ее под руку прочь.)*

Басов *(Шалимову)*. Да помоги же мне прекратить всё это!

Шалимов *(спокойно, с усмешкой)*. Дай ей холодной воды... Чего же больше?

Ю л и я Ф и л и п п о в н а (*подходит к Варваре Михайловне*). Ах, если бы и я могла уйти!

Б а с о в. Варя! Ну, куда ты? Марья Львовна, это нехорошо. Вы — врач, вы должны успокоить.

М а р ь я Л ь в о в н а. Отстаньте от меня!

Д в о е т о ч и е (*Басову*). Эх, вы, злодей невинный! (*Идет вслед за Варварой Михайловной и Власом в лес направо.*)

К а л е р и я (*рыдая*). А я! А мне — куда же?

С о н я (*подходит к ней*). Идите к нам... идите! (*Уводит Калерию.*)

Ю л и я Ф и л и п п о в н а (*спокойно и как-то зловеще*). Ну, Петр Иванович!.. Идем... продолжать нашу жизнь...

(*Суслов молча оскалил зубы и идет.*)

Б а с о в. Что же это такое? С ума, что ли, все сошли? Этот Рюмин! Бог болван, а? Это всё его дурацкие нервы!.. Яков, что ты молчишь? Что ты смеешься? Ты думаешь, это несерьезно? Так неожиданно! Бум — и всё полетело к чёрту! Что же теперь делать?

Ш а л и м о в. Мой друг, успокойся! Всё это только риторика на почве истерии... поверь мне! (*Берет Басова под руку и ведет его на дачу. Дудаков, заложив руки за спину, выходит из комнат и медленно идет направо; там его молча ждет жена, неподвижно стоя под деревьями.*)

Б а с о в. Ах... чёрт побери!

Ш а л и м о в (*с усмешкой*). Успокойся... видишь — вон Сусловы пошли продолжать свою жизнь... пойдём и мы спокойно продолжать нашу...

О л ь г а А л е к с е е в н а. Кирилл... он умрет?

Д у д а к о в (*угрюмо*). Нет... Идем... Никто не умрет...

(*Идут в лес.*)

Ш а л и м о в. Всё это, мой друг, так незначительно... и люди и события... Налей мне вина!.. Всё это так ничтожно, мой друг... (*Пьет. В лесу тихо и протяжно свистят сторожа.*)

З а н а в е с

ДЕТИ СОЛНЦА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Павел Федорович Протасов.
Лиза, его сестра.
Елена Николаевна, его жена.
Дмитрий Сергеевич Вагн.
Борис Николаевич Чепурной.
Меланья, его сестра.
Назар Авдеевич.
Миша, его сын.
Егор, слесарь.
Авдотья, его жена.
Яков Трошин.
Автопова, нянька.
Фима, горничная.
Луша, горничная.
Роман.
Доктор.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Старый барский дом. Большая полутемная комната; в ее левой стене — окно и дверь, выходящие на террасу; в углу — лестница наверх, где живет Лиза; в глубине комнаты арка, за ней столовая; в правом углу — двери к Елене. Книжные шкафы, тяжелая, старинная мебель, на столах — дорогие издания, на стенах — портреты ученых натуралистов. На шкафе белеет чей-то бюст. У окна налево — большой круглый стол; перед ним сидит Протасов, перелистывает какую-то брошюру и смотрит, как на спиртовой лампочке греется колба с какой-то жидкостью. На террасе под окном возится Роман и глухо, уныло поет песню. Это пение беспокоит Протасова.

Протасов. Послушайте, дворник!

Роман *(в окне)*. Чего?

Протасов. Вы бы ушли... а?

Роман. Куда?

Протасов. Вообще... вы мне несколько мешаете...

Роман. А хозяин велел... почини, говорит...

Антоновна *(входит из столовой)*. Ишь, пачкун... сюда пришел...

Протасов. Молчи, старуха...

Антоновна. Мало тебе места в своих-то комнатах...

Протасов. Ты, пожалуйста, туда не ходи... я там надымил...

Антоновна. А теперь здесь напустишь угару... Дай хоть дверь открою...

Протасов *(торопливо)*. Не надо, не надо! Ах ты... старуха... Ведь я тебя не прошу... Ты вот

уговори дворника, чтоб он ушел... а то он — мычит...

Антоповна *(в окно)*. Ну, ты чего тут возишься? Уходи!

Роман. А как же... хозяин велел...

Антоновна. Иди, иди! После уделаешь...

Роман. Ну, ладно... *(С грохотом уходит.)*

Антоновна *(ворчливо)*. Задохнешься ты когда-нибудь... Вон, говорят, холера идет. Генеральский сын тоже... а занимается неизвестно чем, только одни неприятные запахи пускаешь...

Протасов. Подожди, старуха... я тоже буду генералом...

Антоновна. По миру ходить будешь ты. Дом-то вот спалил на свою химию с физией.

Протасов. Физикой, старуха, а не физией... И, пожалуйста, оставь меня в покое...

Антоновна. Там этот пришел... Егорка...

Протасов. Позови его сюда...

Антоновна. Пашенька! Скажи ты ему, злодею, что же он делает? На-ка, вчера опять жену смертным боем бил.

Протасов. Хорошо... я скажу...

(По лестнице неслышно сходит Лиза, — останавливается перед шкафом, тихо открывает его.)

Антоновна. Да ты — пригрозил... Я, мол, тебе дам!

Протасов. Уж я его напугаю! Не беспокойся, старуха, иди...

Антоновна. Надо — строго. А то ты со всеми людьми точно с господами разговариваешь...

Протасов. Ну, — будет, старуха! Елена — дома?

Антоновна. Нет еще. Как ушла после завтрака к Вагину, так и нет с той поры... Смотри — прозеваешь жену-то...

Протасов. Старуха, не говори глупостей! Я рассержусь.

Лиза. Няня! Ты мешаешь Павлу заниматься...

Протасов. Ага... ты здесь? Ну, что?

Лиза. Ничего...

Антоновна. Тебе, Лизанька, пора молоко пить.

Лиза. Я знаю...

Антоновна. А про Елену Николаевну я все-таки скажу: я бы на ее месте нарочно роман составила с кем-нибудь... Никакого внимания женщине нет... Видно, кашку слопал, чашку о пол... И детей нет... какое же удовольствие женщине? Ну, она и...

Протасов. Старуха! Я начинаю сердиться... уходи! Экая... смола!

Антоновна. Ну-ну... лютый! Не забудь про Егорку-то... *(Идет.)* Молоко в столовой стоит, Лизанька... А капли — пила?

Лиза. Да, да!

Антоновна. То-то... *(Уходит в столовую.)*

Протасов *(оглянувшись)*. Удивительная старуха! Бессмертна, как глупость... и так же назойлива... Как здоровье, Лиза?

Лиза. Хорошо.

Протасов. Это чудесно! *(Напевает.)* Это чудесно... это чудесно...

Лиза. А нянька права, знаешь?

Протасов. Сомневаюсь. Старики редко бывают правы... Правда всегда с новорожденным. Лиза, посмотри, здесь у меня простые дрожжи.

Лиза. Нянька — права, когда говорит, что ты мало обращаешь внимания на Елену...

Протасов *(с огорчением, но мягко)*. Как вы мне мешаете, — ты и нянька! Разве Лена — немая? Ведь она сама могла бы сказать мне... если б я что-нибудь... как-нибудь не так, как нужно, и... вообще там... А она молчит! В чем же дело? *(Из столовой выходит Егор, немного выпивший.)* Ага — вот Егор! Здравствуйте, Егор!

Егор. Доброго здоровья.

Протасов. Видите ли, в чем дело, Егор: нужно устроить маленькую жаровню... с крышкой... такая конусообразная крышка, а в вершине ее — круглое отверстие, выходящее трубой... понимаете?

Егор. Понимаю. Можно.

Протасов. У меня есть рисунок... где он?
Идите сюда...

*(Ведет Егора в столовую. В дверь с террасы стучит
Чепурной, Лиза открывает ему.)*

Чепурной. Эге, дома? Добрый день!

Лиза. Здравствуйте...

Чепурной *(поводит носом)*. И коллега дома,
как слышно по запаху...

Лиза. Откуда вы?

Чепурной. А с практики. Собачке жены управляющего казенной палатою горничная хвостик дверью отдала, — так я тот собачий хвост лечил, и дали мне за это три карбованца, — вот они! Хотел купить вам конфет, да подумал: пожалуй, неловко угощать вас на собачьи деньги, и — не купил.

Лиза. И хорошо сделали... садитесь...

Чепурной. Однако же от этого варева запах — сомнительной приятности. Коллега, уже кипит!

Протасов *(выбегая)*. Не надо, чтобы кипело!
Ну, что это?! Что же вы не сказали, господа?

Чепурной. Да я же сказал, что кипит оно...

Протасов *(огорченно)*. Но — поймите: мне совсем не нужно, чтобы кипело!

(Егор выходит.)

Лиза. Кто же это знал, Павел?..

Протасов *(ворчит)*. Мм... чёрт!.. Теперь снова надо...

Егор. Павел Федорович, дайте рублевку...

Протасов. Рублевку? Ага... сейчас! *(Ищет со
всех карманов.)* Лиза, у тебя нет?

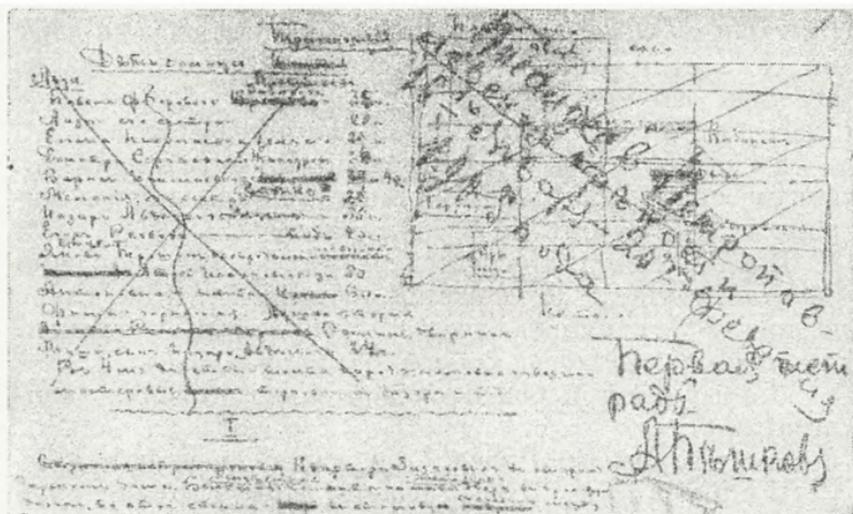
Лиза. Нет. У няни есть...

Чепурной. И у меня тоже... вот три!

Протасов. Три? Дайте, пожалуйста... Вот,
Егор, три, — всё равно?

Егор. Хорошо... сосчитаемся... Спасибо! Про-
щайте...

Лиза. Павел, няня просила тебя сказать ему...
ты забыл?

«ДЕТИ СОЛНЦА».

Верх первой страницы черновой рукописи.

Протасов. Что — сказать? Ах... да! Гм... да! Егор, вы... присядьте, пожалуйста! Вот... Может быть, ты сама скажешь, Лиза?.. (Лиза отрицательно качает головой.) Видите ли, Егор... мне надо вам сказать... т. е. это нянька просила... дело в том, что вы... будто бы бьете вашу жепу? Вы извините, Егор...

Егор (встает со стула). Бью...

Протасов. Да? Но, знаете, это ведь нехорошо... уверяю вас!

Егор (угрюмо). Чего хорошего...

Протасов. Вы понимаете? Так зачем же вы деретесь? Это зверство, Егор... это надо оставить вам... Вы — человек, вы разумное существо, вы самое яркое, самое прекрасное явление на земле...

Егор (усмехаясь). Я?

Протасов. Ну да!

Егор. Барин! А вы бы спросили сначала: за что я ее бью?

Протасов. Но — поймите: бить нельзя! Человек человека не должен, не может бить... это же так ясно, Егор!

Егор *(с усмешкой)*. А меня били... и очень даже много... Если же про жену сказать... может, она не человек, а — чёрт...

Протасов. Какой вздор! Что такое чёрт?

Егор *(решительно)*. Прощайте! А бить я ее буду... покуда она передо мной не станет, как трава перед ветром, буду я ее бить! *(Идет в столовую.)*

Протасов. Послушайте, Егор! Вы же сами сказали... ушел! И, кажется, обиделся... Как глупо вышло... Эта нянька всегда... что-нибудь устроит... нелепое! *(С досадой уходит за портьеру.)*

Чепурной. Очень убедительно говорил коллега!

Лиза. Милый Павел... он всегда смешной!

Чепурной. Я бы, знаете, того Егора за чуб да палкой!

Лиза. Борис Николаевич!

Чепурной. А что? Ну, простите, коли грубо. Но он рассуждает правильно: его били, значит, он может бить! Я продолжаю: следует его еще бить...

Лиза. Прощу вас... зачем вы так говорите, зачем?

Чепурной. Да на этой же логике построены все карательные законы!

Лиза. Вы знаете, как я не люблю, как боюсь всего грубого... и всегда вы, как будто нарочно, дразните меня! Подождите... Этот слесарь... он вызывает у меня чувство страха. Он такой... темный... и эти огромные обиженные глаза... Мне кажется, я их уже видела... тогда, там, в толпе...

Чепурной. Э, да не вспоминайте! Ну его...

Лиза. Разве можно забыть об этом?

Чепурной. Что толку?

Лиза. Там, где была пролита кровь, никогда не вырастут цветы...

Чепурной. Да еще как растут!

Лиза *(встает и ходит)*. Там растет только ненависть... Когда я слышу что-нибудь грубое, резкое, когда я вижу красное, в моей душе воскресает тоскливый ужас, и тотчас же перед глазами встает эта озверевшая, черная толпа, окровавленные лица, лужи теплой красной крови на песке...

Чепурной. Ну, снова вы договоритесь до при-
падка...

Лиза. И у ног моих — юноша с разбитой голо-
вой... он ползет куда-то, по щеке и шее у него льется
кровь, он поднимает голову к небу... я вижу его мут-
ные глаза, открытый рот и зубы, окрашенные кровью...
голова его падает лицом в песок... лицом...

Чепурной *(подходит к ней)*. Э, боже мой! Ну,
что мне делать с вами?

Лиза. Неужели вас не ужасает это?

Чепурной. А... пойдете в сад!

Лиза. Нет, скажите, скажите мне: понятен вам
мой ужас?

Чепурной. А как же? Я понимаю... чувствую!

Лиза. Нет... это неправда! Если бы вы понимали,
мне было бы легче... Я хочу сбросить с души моей
долю тяжести, и — нет другой души, которая приняла
бы ее... нет!

Чепурной. Мамочка моя! А ну — бросьте это!
И пойдете в сад... Вон какой запах здесь! Как будто
резиновую галошу в постном масле жарили...

Лиза. Да... запах... у меня кружится голова...

Антоновна *(из столовой)*. Лизанька! Уж
капли надо принять, а ты еще молоко не выпила!

Лиза *(идет в столовую)*. Сейчас...

Чепурной. Как живете, Антоновна?

Антоновна *(прибирает на столе)*. Ничего...
не жалуясь...

Чепурной. Добре! Здоровеньки?

Антоновна. Слава богу...

Чепурной. Жаль. А то я бы полечил.

Антоновна. Вы уж собачек лучше... Я не со-
бачка...

(Лиза входит.)

Чепурной. А мне хорошего человека полечить
хочется...

Лиза. Идемте...

*(Идут через дверь на террасу. Протасов с колбой
в руках.)*

Протасов. Нянька, давай мне кипятку!

Антоновна. Нет кипятку...

Протасов. Ну, пожалуйста, нянька!

Антоновна. погоди, самовар вскипит... Сказал Егорке-то?

Протасов. Сказал, сказал...

Антоновна. Строго?

Протасов. Очень! Так он, знаешь, весь и затрясся со страха! Я, говорю, тебя, милый, к этому... как его?

Антоновна. Полицеймейстеру?

Протасов. Нет... ну, всё равно! Да, к судье... к мировому судье...

Антоновна. Лучше бы полицеймейстером его пугнуть... Ну, что же он?

Протасов. А он... он, знаешь, сказал мне: дурак вы, барин!

Антоновна *(негодуя)*. Да что ты?

Протасов. Да. Именно. Дурак, говорит, вы... не в свое дело нос суете...

Антоновна. Так и сказал? Неужто, Пашенька?

Протасов *(смеясь)*. Нет, нет, старуха! Это не он, это я сам себе сказал... Он подумал, а я сказал...

Антоновна. Э, ну тебя... *(Хочет уйти, обиженная.)*

Протасов. Ты принеси мне кипятку сама... а то франтиха Фима всегда задевает за что-нибудь подолом или рукавами...

Антоновна. Она, Фима-то ваша, кажись, с хозьяйским сыном шашни завела... вот что!

Протасов. А тебе завидно?

Антоновна. Тьфу! Чай, ты ей — хозяйин... ты должен ей сказать, что это нехорошо для девушки!

Протасов. Ну, старуха, оставь! Право, потвоему, я должен ходить целый день и говорить всем, что хорошо и что нехорошо... Пойми, это не мое дело!

Антоновна. А зачем ты учился? Для чего?

(Меланья — в дверях с террасы.)

Протасов. Ну, иди же! Вот — Меланья Николаевна! Здравствуйте!

Мелания. Здравствуйте, Павел Федорович!

Антоновна. Кто же это дверь не запер? (*Запирает.*)

Мелания. Какое у вас довольное лицо!

Протасов. Я рад, что вы пришли... а то меня нянька загрызла. И потом мне сегодня удалась одна интересная работа...

Мелания. Да? Как это радует меня! Мне так хочется, чтоб вы прославились...

Антоновна (*ворчит, уходя*). В городе уж все говорят... Прославился...

Мелания. Я так верю, что вы будете чем-нибудь вроде Пастёра...

Протасов. Мм... это — неважно... Но надо говорить — Пастер... Это у вас — моя книга? Прочитали? Не правда ли, — ведь это интереснее, чем роман, да?

Мелания. О да! Только вот эти знаки...

Протасов. Формулы?

Мелания. Не понимаю я формулов!

Протасов. Это надо немножко заучить... Теперь я дам для вас — физиологию растений... Но прежде всего и внимательнее всего изучайте химию, химию! Это изумительная наука, знаете! Она еще мало развита, сравнительно с другими, но уже и теперь она представляется мне каким-то всевидящим оком. Ее зоркий, смелый взгляд проникает и в огненную массу солнца, и во тьму земной коры, в невидимые частицы вашего сердца (*Мелания вздыхает*), в тайны строения камня и в безмолвную жизнь дерева. Она смотрит всюду и, везде открывая гармонию, упорно ищет начало жизни... И она найдет его, она найдет! Изучив тайны строения материи, она создаст в стеклянной колбе живое вещество...

Мелания (*в восторге*). Господи! Почему вы не читаете лекций?

Протасов (*смущенно*). Н-ну, зачем же это?

Мелания. Вам необходимо читать! Вы так очаровательно говорите... когда я слушаю вас, мне хочется поцеловать вам руку...

Протасов (*рассматривая руки*). Не советую... у меня руки редко бывают чистые... знаете, возишься со всякой всячиной...

Мелания (*искренно*). Как бы я хотела сделать что-нибудь для вас, если бы вы знали! Я так восхищаюсь вами... вы такой неземной, такой возвышенный... Скажите, что вам нужно? Требуйте всего, всего!

Протасов. А... ведь вы можете...

Мелания. Что? Что я могу?

Протасов. У вас есть куры?

Мелания. Куры? Какие куры?

Протасов. Домашние птицы... вы же знаете! Семейство куриных... петухи, куры...

Мелания. Знаю... Есть... А — зачем вам?

Протасов. Голубушка! Если бы вы давали мне каждый день свежих яиц... самых свежих, только что снесенных, еще теплых яиц! Видите ли, мне очень много нужно белка, а няня — она скупая, она не понимает, что такое белок... она дает несвежие яйца... и всегда нужно много говорить... лицо у нее кислое...

Мелания. Павел Федорович! Какой вы жестокий!

Протасов. Я? Почему?

Мелания. Хорошо... я буду присылать вам каждое утро десятков...

Протасов. Чудесно! Это меня превосходно устраивает! И я очень, очень благодарю вас! Вы милая... право!

Мелания. А вы ребенок... жестокий ребенок! И ничего вы не понимаете!

Протасов (*удивлен*). Действительно, я плохо понимаю, почему — жестокий?

Мелания. Потом, когда-нибудь поймете. Елены Николаевны нет дома?

Протасов. Она у Вагина на сеансе...

Мелания. Он вам нравится?

Протасов. Вагин? О да! Ведь мы с ним давние товарищи... вместе учились в гимназии, потом — в университете... (*Смотрит на часы.*) Он тоже естествовик, но со второго курса ушел в академию.

Мелания. Он и Елене Николаевне, кажется, очень нравится...

Протасов. Да, очень. Он славный парень, несколько односторонен...

Мелания. А вы не боитесь...

(Чепурной стучит в дверь с террасы.)

Протасов *(открывая)*. Чего бояться? Это нянька закрыла...

Мелания. Ах, ты здесь?

Чепурной. А ты уже здесь? Где у вас вода? Елизавета Федоровна просит...

Протасов. Ей нехорошо?

Чепурной. Нет, ничего... капли принять... *(Идет в столовую.)*

Протасов. Мелания Николаевна, я на минутку оставлю вас... надо взглянуть...

Мелания. Идите, идите! И возвращайтесь скорее...

Протасов. Да, да! Вы бы в сад пошли, а?

Мелания. Хорошо...

Протасов. Там Лиза... Нянька! Что же — воду мне? *(Уходит.)*

Чепурной *(выходит)*. Ну что, Маланья? Как дела?

Мелания *(быстро и негромко)*. Ты не знаешь, что такое гидатопироморфизм?

Чепурной. Чего?

Мелания. Гидато-пиро-морфизм?

Чепурной. Бес его знает! А может быть, водяной фейерверк...

Мелания. Врешь?

Чепурной. Да уж так оно. Пиро — значит пиротехника, а метаморфоза — фокус. Что ж он, задачи тебе задает?

Мелания. Не твое дело. Иди себе.

Чепурной. А когда ты его у жены отобьешь, то мыльный завод построй: химику не надо будет жалованья платить... *(Идет в сад.)*

Мелания. Какой ты грубый, Борис! *(Встает, осматривается; входит Фима.)*

Ф и м а. Елизавета Федоровна просят вас в сад...

М е л а н и я. Хорошо... *(Антоновна несет кастриюлю горячей воды. Фима в столовой гремит посудой.)*
Что это вы несете, няня?

А н т о н о в н а. Кипяток Пашеньке...

М е л а н и я. Ах, это для опытов...

А н т о н о в н а. Да, всё для них... *(Уходит.)*

М е л а н и я *(заглядывая в столовую)*. Фима!

Ф и м а *(в дверях)*. Что-с?

М е л а н и я. Барыня каждый день ходит к художнику?

Ф и м а. В дождь или когда пасмурно не ходят. Тогда господин Вагин самп здесь бывают...

М е л а н и я *(подходит ближе к ней)*. Ты, Фимка, умная?

Ф и м а. Неглупая-с...

М е л а н и я. Ну, ежели что заметишь за ними, мне скажи, поняла?

Ф и м а. Поняла...

М е л а н и я. И — молчи. На. В долгу не останусь.

Ф и м а. Благодарю покорно... Он ей руки целует...

М е л а н и я. Ну, это немного. Так смотри же!

Ф и м а. Хорошо-с... Я повимаю...

М е л а н и я. Иду в сад... Выйдет Павел Федорович, позови меня... *(Уходит.)*

Ф и м а. Слушаю...

(Антоновна идет.)

А н т о н о в н а. Что гремишь чашками-то, как железными? Перебьешь...

Ф и м а. Что я, не умею, что ли, с посудой обращаться?

А н т о н о в н а. Ну, ну, не козырь! Про что тебя купчиха спрашивала?

Ф и м а *(идя в столовую)*. Про Лизавету Федоровну, насчет здоровья...

А н т о н о в н а *(за ней)*. Чай, сама бы пошла да поглядела, чем прислугу выспрашивать...

(Входит Назар Авдеев с террасы, снимает картуз, осматривает комнату, вздыхая, щупает пальцем обои. Кашляет.)

Ф и м а (*в столовой*). Она и пошла. А прислуга — тоже человек. И вы ведь прислуга...

А н т о н о в н а. Я знаю, кто я. А только природные господа с прислугой не разговаривают... они отдадут приказание — и всё... да! А теперь все норовят в баре, а повадки — как у твари... Кто это? (*Выходит.*)

Н а з а р. Это мы. Доброго здоровьица, нянюшка!

А н т о н о в н а. Вы что?

Н а з а р. Мне бы Павла Федоровича... Разговор к нему имею...

А н т о н о в н а. Ну... сейчас позову... (*Идет.*)

Ф и м а (*выглядывает*). Здравсте, Назар Авдеевич!

Н а з а р. Почет и уважение! Эх вы... махровая! Обманщица!

Ф и м а. Пожалуйста! Руками трогать не дозволяется...

Н а з а р. Так и не окажете внимания вдовцу? Вечерком чайку бы попить...

Ф и м а. Тсс...

(*Выходит Протасов, — сзади Антоновна.*)

П р о т а с о в. Вы — ко мне?

Н а з а р. Именно-с!

П р о т а с о в. Что такое?

Н а з а р. За квартиру бы...

П р о т а с о в (*немного раздражен*). Послушайте: когда я продал вам этот дом, я деньги ждал за вами целые два года... а вы... когда нужно платить?

Н а з а р. Вчера бы следовало...

П р о т а с о в. Ну вот! Ведь это — неделикатно... Я занят, а вы приходите... и прочее...

Н а з а р. Да я, собственно, не за этим... Я про деньги между прочим... чтобы самому себе напомнить...

П р о т а с о в. Вы напоминайте вот няньке или жене... Деньги есть, но — чёрт их знает, где они! Где-то в ящике... Жена пришлет вам... вот нянька принесет... До свидания!

(*Антоновна уходит в столовую.*)

Н а з а р. Дозвольте задержать вас!

П р о т а с о в. Что такое? Зачем?

Н а з а р. Насчет вашей землицы и дачки...

П р о т а с о в. Ну?

Н а з а р. Вам бы продать ее...

П р о т а с о в. Какой же дурак ее купит? Она никуда не годится... песок, ели...

Н а з а р *(вдохновенно)*. Это вы справедливо! Земля — совершенно негодная...

П р о т а с о в. Вот видите!

Н а з а р. И, кроме меня, никто ее не купит...

П р о т а с о в. А вам зачем?

Н а з а р. Под одно-с! Как я уже купил у соседа вашего... то и у вас бы надо...

П р о т а с о в. Ну, прекрасно, покупайте! Вы что же, всё богатеете, что ли?

Н а з а р. То есть, как сказать? Расширюсь...

П р о т а с о в. Смешной вы! Ну, зачем вам песок?

Н а з а р. А видите-с... сын мой кончил коммерческое училище и вышел очень образованный человек. Насчет промышленности очень он сообразителен... Вот и я возымел охоту к расширению русской промышленности... для чего думаю заводик поставить, чтобы пивные бутылки выдувать...

(Фима в дверях из столовой, слушает.)

П р о т а с о в *(хохочет)*. Нет, вы чудак! А ссудную кассу закроете?

Н а з а р. Зачем же? Ссудная касса — это для души... это предприятие благотворительное... действующее на помощь ближнему...

П р о т а с о в *(смеясь)*. Да? Ну, хорошо... покупайте мою землю... покупайте... До свидания! *(Смеясь, уходит.)*

Н а з а р. Позвольте-с! Мм... Ефимья Ивановна, что же это он ушел? Ведь для того, чтобы куплю-продажу совершить, двоих надо, а он ушел!

Ф и м а *(пожимая плечами)*. Известно — блаженной...

Н а з а р. Мм... неосновательно! Стало быть — до свидания! *(Уходит.)*

Р о м а н *(сзади Фимы)*. Где печка дымит?

Ф и м а. Ох, чтоб тебе лопнуть! Что ты?

Р о м а н. Чего боишься? Печка, слышь, дымит?

М и ш а *(вбегая из столовой)*. Да не здесь, буйвол!
В кухне!

Р о м а н. Ну... а я думал — здесь... *(Идет.)*

М и ш а *(быстро)*. Ну, Фимка, как же? Квартира и пятнадцать рублей в месяц — идет?

Ф и м а. Подите вы прочь, охальник! Что это — точно лошадь покупаете!

М и ш а. Ну, нечего там! Я человек деловой. Ты подумай, за кого ты можешь замуж выйти? За мастерового, а он тебя бить будет, вон как наш слесарь жену свою... А я тебя устрою скромно, но чистенько, сытно, и вообще — займусь твоим образованием...

Ф и м а. Ну вас тут... Я девушка честная... к тому же мне мясник Храпов сто рублей в месяц предлагает...

М и ш а. Старик ведь, дура! Ты сообрази...

Ф и м а. Я и не согласна с ним...

М и ш а. Ну, вот видишь, дурочка моя! Я же тебе...

Ф и м а. Давайте семьдесят пять...

М и ш а. Что-о? Семьдесят пять?

Ф и м а. И чтоб на все деньги, сколько следует за год, вексель мне...

М и ш а *(изумлен)*. Однако-с вы...

Ф и м а. Да-с... *(Красноречиво смотрят друг на друга. С террасы входит Егор, порядочно выпивший.)*
Тише... Ваш папаша ушли...

М и ш а. Ушел? Извините... *(Уходит.)*

Ф и м а. Ты куда это лезешь? Через кухню не мог? Хозяин дома через кухню ходит, а ты...

Е г о р. Молчи... Зови мне барина...

Ф и м а. Да еще и пьяный! Как же барин говорить с тобой будет?

Е г о р. Не твое дело! Зови! Я сам буду говорить...
Иди!

Ф и м а *(убегает в столовую)*. Няня! Нянька!

П р о т а с о в *(выходит из-за портьеры)*. Что вы кричите, Фима? Ах, это вы, Егор... Что вам? Я занят... пожалуйста скорее.

Егор. Погодите... Я несколько выпил... трезвый я говорить не умею...

Протасов. Ну, хорошо... в чем дело?

(Антоновна из столовой, за нею Фима.)

Егор. Давеча ты при людях обидел меня... начал говорить насчет жены... Ты кто такой, чтобы обижать?

Протасов. Вот видишь, старуха? Ага! Егор, я не хотел обижать вас...

Егор. Нет, погоди! Я с малых лет в обиде живу...

Протасов. Ну да, Егор... я понимаю...

Егор. Стой! Меня никто не любит и никто меня не понимает... И жена не любит... А я хочу, чтобы меня любили, дьявол вас...

Протасов. Не надо кричать...

Антоновна. Ах, пьяная рожа, а?

Егор. Человек я или нет? Почему меня все обижают?

Антоновна. Батюшка, да что же это? *(Бежит в столовую. На дворе слышен ее крик.)*

Протасов. Вы успокойтесь, Егор... Видите ли, это нянька сказала мне...

Егор. Няньку надо прочь... у тебя уж борода выросла... бородатому нянька — не указ. Ты слушай: я тебя уважаю... Я ведь вижу: ты человек особенный... это я чувствую... Ну, тем обиднее мне, что ты при людях... э-эх ты! Хочешь, я на коленки встану перед тобой? Один на один — это мне не обидно... но чтобы при скотском докторе... А жену я вздую... изувечу!.. Я ее люблю, и она меня должна...

(Вбегают Чепурной, Мелания, Лиза, Антоновна, Фима.)

Лиза. Что такое? Что это, Павел?

Чепурной *(удерживая Лизу)*. В чем дело? А ну те?

Протасов. Позвольте, господа...

Мелания. Няня, пошлите за дворником!

Антоновна *(уходит и кричит)*. Роман!

Егор. Ишь, налетело воронье... Шугни их хо-рошенько, Павел Федорович!

Чепурной. Вы бы, добрый человек, шли себе до вашего дому, а?

Егор. Я — не добрый человек...

Чепурной *(хмурит брови)*. И всё ж таки — идите!..

Мелания. Надо полицию...

Протасов. Пожалуйста — ничего не надо! Вы, Егор, идите... а потом — я сам приду к вам.

(Антоновна и Роман являются в дверях столовой.)

Егор. О? Придешь?

Протасов. Приду...

Егор. Ну, ладно... смотри же! Не врешь?

Протасов. Честное слово!

Егор. Вот! Ну, прощай... А все эти люди — как пыль против тебя... прощай! *(Уходит.)*

Роман. Меня, значит, не надо?

Протасов. Не надо, идите! Ф-фу... Ну, видишь, старуха? *(Антоновна вздыхает.)* Вот что ты натворила...

Лиза. Я боюсь этого человека... боюсь!

Мелания. Вы уж очень деликатны, Павел Федорович!

Протасов. Нет, ведь я действительно виноват перед ним...

Лиза. Нужно взять другого слесаря, Павел.

Чепурной. Мастеровые — они все пьяницы...

Протасов. Как это нервит и утомляет! Мне не везет сегодня... Вторгаются какие-то глупые мелочи... У меня там сложный опыт с циановой кислотой, а тут... Налей мне чаю, Лиза!

Лиза. Я скажу, чтоб чай перенесли сюда... ты не любишь столовой... *(Уходит.)*

Протасов. Да... хорошо... Я вообще не люблю темных комнат, а светлых в этом доме нет...

Мелания. Ах, я вас понимаю, Павел Федорович!

Чепурной. Маланья! Как это слово?

Мелания. Какое слово?

Чепурной. А вот ты спрашивала меня...

Мелания. Ничего я не спрашивала...

Чепурной. Забыла? Вот так! Она, знаете, коллега, когда от вас мудреное слово услышит, то у меня спрашивает: что оно значит?

Мелания *(обиженно)*. Ты, Борис... ужасный человек! У меня плохая память на иностранные слова... над чем тут смеяться?

(Фима входит, ловко накрывает стол у окна и постепенно переносит чай.)

Протасов. Вы о чем у него спрашивали?

Мелания *(виновато)*. Я... забыла, что такое гидатопироморфизм.

Чепурной. А я ей сказал, что то водяной фейрверк...

Протасов *(хохочет)*. Что-о?

(Лиза входит и хлопчет у стола.)

Мелания. Как тебе не стыдно, Борис!

Протасов *(с улыбкой)*. А странные у вас отношения... вы всегда как бы враждуете друг с другом... Извините, может быть, я бестактно говорю?

Мелания. Ах, полноте! Борис не любит меня... мы с ним — как чужие... Он воспитывался в Полтаве у тетки, я — в Ярославле у дяди... Ведь мы — сироты...

Чепурной. Казанские...

Мелания. Встретились мы уже взрослыми... и не понравились друг другу... Борис ведь никого не любит... у него не удалась жизнь, и он на всех сердится за это... Он ко мне и не ходит даже...

Чепурной. А знаете, коллега, когда ее муж старенький жив был, придешь к ней, так он просит меня, чтоб я полечил его...

Мелания. Врешь ведь...

Чепурной. Говорю ему — я не всех скотов лечить умею...

Лиза. Борис Николаевич!

(Протасов смущенно смеется.)

Чепурной. Пересолил?

Лиза. Пейте чай...

Чепурной. И ступайте домой. Понимаю...

Мелания. Павел Федорович! А помните, вы хотели показать мне водоросль под микроскопом?

Протасов. То есть клетку водоросли... да, как же... гм... Это можно... даже сейчас — хотите?

Мелания. Ах, пожалуйста! Я буду так рада...

Протасов. Пойдемте... Только у меня там запах... *(Идет.)*

Мелания *(идя за ним)*. Ничего, ничего!

Чепурной. Комедия! Водорослей захотела ко-рова!

Лиза *(огорченно)*. Борис Николаевич! Вы такой правдивый, простой и сильный... но...

Чепурной. Бейте сразу!

Лиза. Зачем вы напускаете на себя эту грубость, эту тяжелую, неприятную насмешливость? Зачем?

Чепурной. Да я ничего не напускаю...

Лиза. В жизни так много грубого и жесткого... так много ужасного... надо быть мягче, надо быть добрее...

Чепурной. Зачем же лгать? Люди грубы и жестоки, это их природа...

Лиза. Нет, неправда!

Чепурной. А как же неправда? Вы и сами так думаете... и чувствуете так... Разве вы не говорите, что люди — звери, что они грубы, грязны и вы боитесь их? Я тоже знаю это и верю вам... А когда вы говорите — надо любить людей, я не верю. Это вы от страха говорите...

Лиза. Вы не понимаете меня!..

Чепурной. Может быть... Но я понимаю, что любить можно полезное или приятное: свинью, потому что она ветчину и сало дает, музыку, рака, картину... А человек — он же бесполезен и неприятен...

Лиза. Боже мой! Зачем так говорить?

Чепурной. Надо говорить правду, как ее чувствуешь... А добрым я пробовал быть. Взял как-то мальчишку с улицы, воспитать думал, а он скрал у меня часы и — удрал! А то девицу взял, тоже, знаете, с улицы... молодая еще девица была... думал — поживем, а там и повенчаемся... Так она напилась однажды пьяная и в физиономию мне...

Л и з а. Перестаньте! Как вы не понимаете, что об этом нельзя рассказывать?

Ч е п у р н о й. А чего ж? Мне бы именно всё надо рассказать однажды, всю жизнь мою... может, оттого стал бы я чище душой...

Л и з а. Вам надо жениться...

Ч е п у р н о й. Эге! И я говорю — надо...

Л и з а. Найдите себе девушку...

Ч е п у р н о й *(спокойно)*. Вы же знаете: девушку нашел я и второй год хожу около нее, как медведь около дупла с медом...

Л и з а. Вы — снова? Милый Борис Николаевич, не надо! Я сказала вам мое решительное слово... оно не изменится никогда, ни в одном звуке!

Ч е п у р н о й. А может быть? Я — хохол, а они упрямы... А может быть?..

Л и з а *(почти со страхом)*. Нет!..

Ч е п у р н о й. Ну, поговоримте пока о другом...

Л и з а. Вы пугаете меня своим упрямством...

Ч е п у р н о й. А вы не бойтесь... Ничего не бойтесь...

(Пауза. Около террасы ворчит Роман. Лиза, вздрогнув, смотрит в окно.)

Л и з а. За что вы так нехорошо относитесь к вашей сестре?

Ч е п у р н о й *(спокойно)*. Она — дура, да еще и подлая...

Л и з а. Боже мой!

Ч е п у р н о й. Не буду, не буду! Вот беда человеку не иметь на языке красных слов!.. Сестра, говорите? Что ж она? Двадцати лет вышла замуж за богатого старика, — зачем это? Потом едва не порешила себя от тоски и отвращения к нему: раз ее с отдушника сняли, — повесилась... а то еще нашатырный спирт пила... Вот — умер он, — она теперь и бесится...

Л и з а. Может быть, вы сами виноваты, зачем не поддерживали ее?

Ч е п у р н о й. Может, виноват, а может и поддерживал...

Л и з а. Но казнить ее за это...

Чепурной. А я не только за это. Вы вот не понимаете, зачем она сюда ходит... а я понимаю...

Лиза. Не развивайте мне ваших догадок! Вы лучше подумайте: кто дал вам право быть судьей ее?

Чепурной. А вам кто дал право судить людей? И все люди пользуются этим правом без разрешения... Не судить, как не есть, невозможно для человека...

Мелания *(выходит, взволнованная, за ней Протасов)*. Павел Федорович... я понимаю, но — неужели это правда?

Протасов. Ну да. Всё — живет, всюду — жизнь. И всюду — тайны. Вращаться в мире чудесных, глубоких загадок бытия, тратить энергию своего мозга на разрешение их — вот истинно человеческая жизнь, вот где неисчерпаемый источник счастья и животворной радости! Только в области разума человек свободен, только тогда он — человек, когда разумен, и, если он разумен, он честен и добр! Добро создано разумом, без сознания — нет добра! *(Быстро выхватывает часы, смотрит.)* Но, вы извините... я должен идти... да, пожалуйста... чёрт возьми! *(Уходит.)*

Мелания. Если б вы слышали, что он говорил там... как он говорил! Мне говорил, одной мне, Мелании Кирпичовой, да! Первый раз в жизни со мной так говорили... о таких чудесах... со мной! Борис — смеется... пу, что же, Борис? *(Со слезами в голосе.)* Я ведь не говорю, что поняла его мысли, разве я говорю это? Я — дура... Лизавета Федоровна, я смешная? Голубушка моя... вы подумайте: живешь, живешь, так как-то, точно спишь... вдруг — толкнет, откроешь глаза — утро, солнце — и ничего не видишь сразу-то, только свет! И так вздохнешь всей душой, такой радостью чистой вздохнешь... Точно заутреня на пасху...

Чепурной. Да чего ты?

Лиза. Выпейте чаю... сядьте! Вы так взволнованы...

Мелания. Тебе не понять, Борис! Нет, спасибо... не буду чаю... я уйду. Вы меня извините, Лизавета Федоровна... я вам нервы расстроила! Я пойду... до свидания! Вы скажите ему, — ушла, мол... благода-

рит, мол... Радость вы моя, какой он светлый... чудный какой! *(Уходит в дверь на террасу)*

Чепурной. Чего она? Не понимаю...

Лиза. Я — понимаю. Когда-то и на меня Павел действовал вот так же... Говорит, и с моих глаз, с мозга точно пелена спадает... так ясно всё, так стройно, загадочно и просто, ничтожно и огромно! А потом я узнала настоящую жизнь, полную грязи, зверства, бессмысленной жестокости... душу мою охватил страх и недоумение... и вот тогда я попала в больницу...

Чепурной. Вам бы не вспоминать об этом... Что ж больница? Была, и нет ее...

Лиза. Будет.

(На террасе — Елена и Вагин.)

Чепурной. Кто-то идет... ага! Елена Николаевна... И художник... Пора уже мне уходить.

Елена. А, Борис Николаевич! Павел у себя, Лиза? Налей мне, пожалуйста, чаю... *(Идет к мужу.)*

Чепурной. Чего вы такой бледный и взъерошенный, Дмитрий Сергеевич?

Вагин. Разве? Не знаю! Как ваши успехи в живописи, Лиза?

Лиза. Я сегодня не писала...

Вагин. Жаль. Краски успокаивают нервы...

Чепурной. По вас того не видно...

Вагин. Не все, конечно...

Лиза *(вздвигнув)*. И — не красная...

Чепурной. До свидания... пойду! Пойду на речку раков ловить. А потом — сварю их и буду есть, пить пиво... и курить. Да не провожайте, Елизавета Федоровна, я еще ворочусь... завтра же. *(Елена выходит.)* До свидания, Елена Николаевна!

Елена. Уходите? До свидания...

(Чепурной и Лиза уходят.)

Вагин. Он занят?

Елена. Да... Скоро придет...

Вагин. Всё возится со своей нелепой идеей создать гомункула...

Елена. Какой тон... стыдитесь!

Вагин. Но если меня раздражает эта дрянная мыслишка педантов! И простить ему отношение к вам я не могу. Это чудовищно...

Елена. Я готова раскаяться в том, что позволила себе быть откровенной с вами...

Вагин. Вы должны быть свободным человеком, и того, кто вас не ценит, вы не должны щадить...

Елена. Я так и сделаю... вы увидите!

Вагин. Когда? Чего вы ждете?

Елена. Мне нужно знать, какое место занимаю я в душе его...

Вагин. Никакого!

Елена (*с тонкой улыбкой*). Если это так, это хорошо. Тогда всё решается просто: я не нужна ему, — я уйду. А если нет? Если его любовь только утомлена, отодвинута в глубину его души силой идеи, охватившей его? Я уйду от него, и вдруг в его душе снова вспыхнет...

Вагин. Вам этого хочется? да?

Елена. Вы понимаете, какая драма ждет его? А я — ненавижу драмы:

Вагин. За него ли боитесь вы?

Елена. Я не хочу мешать ему жить...

Вагин. Вы рассуждаете — значит, вы не хотите. Желая сильно, не рассуждают...

Елена. Звери. Не рассуждают — животные. А человек должен поступать так, чтоб на земле было меньше зла...

Вагин. Приносить себя в жертву долгу и прочее... На вас дурно влияет Лиза с ее кислой философией...

Елена. Зло — противно. Страдание — отвратительно... Я считаю страдание позором для себя, и нечестно, некрасиво причинять страдание другим.

Вагин. Как вы рассудочны!.. Но всё же вашим языком говорит душа рабыни... Вы приносите себя в жертву — кому? Человеку, который разлагает жизнь на мельчайшие частицы в тупом стремлении найти ее начало! Нелепая идея! Он служит черной смерти... а не свободе, не красоте и радости. И ему не нужна ваша жертва...

Е л е н а. Спокойнее, мой друг! Я ничего не говорю о жертве... И у меня нет причин верить в силу ваших чувств...

В а г н и. Вы не верите в мою любовь?

Е л е н а. Скажем так, я не верю себе...

(Лиза входит.)

В а г н и. Как вы... холодны!

Е л е н а. Я говорю искренно...

Л и з а. Сегодня Павлу целый день мешали...

Е л е н а. Кто?

Л и з а. Все — няня, этот слесарь, домохозяин...

Е л е н а. Это раздражало Павла?

Л и з а. Я думаю...

Е л е н а. Досадно...

(Вагнии выходит на террасу.)

Л и з а. Прости меня, но ты ужасно мало обращаешь внимания на него...

Е л е н а. Он никогда не говорил мне об этом...

Л и з а *(встает)*. Может быть, потому, что с тобой неприятно говорить... *(Идет к себе наверх.)*

Е л е н а *(мягко)*. Лиза! Ты снова... Лиза, ты не права... Послушай же...

(Лиза не отвечает. Елена смотрит вслед ей, пожимает плечами и, нахмутив брови, медленно идет к двери на террасу. Фима из столовой.)

Ф и м а. Барыня!

Е л е н а. А... что вам?

Ф и м а. Без вас приходила Мелания Николавна и говорит мне...

(Пауза.)

Е л е н а *(задумчиво)*. Да... что же она говорит?

Ф и м а. Мне так неприлично стало...

Е л е н а. Если неприлично, не надо говорить...

Ф и м а. Она сказала: следи, говорит, за барыней, — за вами, т. е. ...

Е л е н а. Что такое? Вы всегда, Фима, выдумываете какие-нибудь глупости... идите, пожалуйста!

Ф и м а. Это не глупости, честное слово! Следи, говорит, за ней и господином Вагиным...

Е л е н а (*негромко*). Ступайте вон!

Ф и м а. Я же не виновата! И вот рубль дала...

Е л е н а. Вон!

(*Фима быстро уходит. Протасов спешно выходит из-за портьера.*)

Протасов. Что ты кричишь, Лена, а? Ага! Война с Фимой... Это, знаешь, удивительная девица. У нее какие-то особенные юбки: они за всё задевают, всё опрокидывают, бьют... Я побуду с тобой минут... ровно десять! Налей мне чаю... А Дмитрий — не пришел?

Е л е н а. Он на террасе...

Протасов. И Лиза там?

Е л е н а. Лиза у себя...

Протасов. Ты как будто не в духе, а?

Е л е н а. Немного устала...

Протасов. Как подвигается твой портрет?

Е л е н а. Ты спрашиваешь об этом каждый день...

Протасов. Разве? А, вот Дмитрий... и сердитый! Отчего?

Вагин. Так... Однажды я напишу ваш сад... вот в это время, на закате...

Протасов. И это тебя уже заранее сердит?

Вагин. Ты сострил?

Е л е н а. Вам чаю?

Протасов (*встает*). Вы оба не в духе... Пойду в кухню... там у меня... Налей мне еще, Лена!..

Вагин. Вот он однажды посадит вас в колбу, оболет какой-нибудь кислотой и будет наблюдать, как вам это понравится...

Е л е н а. Не говорите вздора... если вам не хочется...

Вагин (*просто, искренно*). Я никогда не испытывал такого могучего чувства, как мое отношение к вам... оно меня мучает... но и возвышает меня...

Е л е н а. Да?

Вагин. Мне хочется быть пред вами всех выше, лучше, ярче...

Елена. Это хорошо... я очень рада за вас...

Вагин. Елена Николаевна! Поверьте мне...

Протасов (*в столовой, потом входит, держа в руках какой-то металлический сосуд*). Старуха, отстань! И почему кухарка — плюс муж? Бери просто кухарку, как таковую... а меня оставь!

Елена. Няня! Я вас просила...

Протасов. Вот, старая смола! Нефтяные остатки! (*Уходит к себе.*)

Елена. Я просила вас не тревожить Павла...

Антонювна. Позвольте, матушка Елена Николаевна, спросить, кто же в этом доме хозяин? Павлуша — занят, Лиза — больной человек, вы — целые дни дома не бываете...

Елена. Но Павла не должны касаться мелочи...

Антонювна. А уж за этим вы сами смотрите...

Елена. Недоставало только, чтоб вы меня учили...

Антонювна. А что же? Если я вижу, что дом брошен и Павлуша без внимания...

Елена (*мягко*). Я вас прошу, уйдите, няня!

Антонювна. Хорошо-с... Но и покойница генеральша из комнат меня не выгоняли... (*Уходит, обиженная. Елена встает, нервно расхаживает по комнате. Вагин с усмешкой смотрит на нее.*)

Елена. Вас забавляет это?

Вагин. Немножко глупости — всегда забавно! (*Горячо.*) Нужно уйти из этого дома! Вы созданы для красивой, свободной жизни...

Елена (*задумчиво*). Возможна ли такая жизнь, когда вокруг нас всюду дикие люди? Это странно: чем крупнее человек, тем более около него пошлости... Вот так ветер сметает всякий хлам к стене высокого здания... (*Протасов идет, подавленный и бледный. В нем есть что-то детское, беспомощное и обаятельное в своей искренности. Говорит негромко и точно виноватый.*) Ты что, Павел? Что с тобой?

Протасов. Она — раскислилась, — понимаешь? Да, раскислилась... А опыт был обставлен строго...

я всё принял во внимание... (Смотрит на жену и как бы не видит ее. Проходит к столу, садится, нервно шевелит пальцами. Вынимает из кармана записную книжку, быстро чертит карандашом и погружается в это. Вагин молча жмет руку Елены и уходит.)

Е л е н а (негромко). Павел... (Громче.) Милый Павел... ты очень огорчен? да?

П р о т а с о в (сквозь зубы). Подожди... Почему она раскислилась?

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Направо стена дома и широкая терраса с перилами. Несколько балясин из перил выпали. На террасе два стола: один большой, обеденный; другой, в углу, маленький, — на нем разбросаны кости лото. Задний бок террасы затянут парусиной. Во всю длину двора, до забора в глубине его, стоит зеленая старая решетка, за нею — сад. Вечер. Из-за угла террасы идут Чепурной и Назар Авдеевич.

Назар. Так — ничего, пройдет?

Чепурной. Ничего...

Назар. Это — приятно. Оно, хотя лошаденка и немудрая, а всё денег стоит... Шестьдесят рублей дано за нее семь лет тому назад, да сколько овса съела за это время... Но ежели она не поправится, вы скажите, тогда я ее продам...

Чепурной. Что ж, вы думаете — у другого хозяина она здорова будет?

Назар. А уж это не мое дело! Господин доктор?

Чепурной. Чего?

Назар. Есть у меня к вам одна деликатная просьбица, только не знаю, как ее выразить...

Чепурной *(закуривая)*. Выражайте короче...

Назар. Это самое резонное. Просьбишка моя, извольте ли видеть...

Чепурной. Еще короче...

Назар. Касаемо господина Протасова...

Чепурной. Эге... ну?

Назар. Видите ли, сын мой, обучившись в коммерческом училище промышленности, говорит, что, дескать, ныне химия большую силу берет... И сам

я вижу, — туалетные мыла, духи, помады и подобный товар идет ходко и большой барыш дает...

Чепурной. А ну, еще короче...

(Миша выглядывает из-за угла. Чепурной замечает его.)

Назар. Никак не могу, затея очень фигурная... Уксус, например; эссенции всякие... и многое другое... И вот — смотрю я на господина Протасова: без пользы они материал и время тратят... и от этого вскорости и проживутся они, надо думать... Так вот — поговорите вы с ними...

Чепурной. Насчет уксуса поговорить?

Назар. Вообще... Вы на то упирайте, что должны они скоро без средств остаться... И вот я предлагаю им дельце: я им заводик поставлю, а они полезный товар работать будут. Денег у них нет для компании, ну, я векселечки возьму...

Чепурной *(усмехаясь)*. А вы — добрый, э?

Назар. Сердце у меня очень мягкое! Вижу вот, что человек без пользы обращается, и сейчас мне хочется в дело его употребить. К тому же и они — господин, стоящий внимания! На рождение супруги своей фейерверк они изготовили — боже мой! Высокое искусство было обнаружено ими... Так поговорите?.. а?

(Фима на террасе готовит чай.)

Чепурной. Поговорю...

Назар. Большую пользу принесете им, как я разумею... А пока — до свидания!

Чепурной. До свидания! *(Фиме.)* А где господа?

Фима. Барин — у себя, а барыня в саду... с господином Вагиным, и Елизавета Федоровна там...

Чепурной. Ну, пойду и я в сад...

Миша *(быстро выходит из-за угла)*. Извините... не имею удовольствия знать имени и отчества вашего...

Чепурной. Ничего. Ведь и я вашего тоже не знаю...

Миша. Михаил Назаров Выгрузов — к вашим услугам!

Чепурной. Какие же услуги? Мне от вас ничего не нужно...

Миша (*покровительственно*). Это — из вежливости говорится. Я был случайным свидетелем разговора вашего с отцом моим...

Чепурной. Я видел этот случай... Скажите, чего ж вы так ногами дрыгаете?

Миша. Это — от нетерпения... от стремления... Характер у меня живой...

Чепурной. Куда ж вы стремитесь?

Миша. То есть, как? Живость у меня... вообще...

Чепурной. Ага! Понимаю... До свидания!

Миша. Позвольте! Я имею сказать вам...

Чепурной. Чего сказать?

Миша. По поводу предложения папаши. Видите ли, это моя идея... только папаша изложил вам ее не так ясно...

Чепурной. Нет, ничего, я понял...

Миша. А может быть, вы сделаете мне честь пожаловать сегодня в девять часов на Троицкую, ресторан «Париж»?

Чепурной. Нет, знаете, не сделаю я этой чести вам.

Миша. Очень грустно...

Чепурной (*вздыхнув с облегчением*). И мне тоже... (*Идет в сад.*)

Миша (*презрительно смотрит вслед ему*). Не вежа! Настоящий скотский доктор!

Фима. Что? И говорить-то с вами не хотят!

Миша. А знаешь, Фимка, что я могу с тобой сделать?

Фима. Ничего...

Миша. А вот заявлю, что кольцо, которое я тебе подарил, ты у меня украдала... Помощник пристава мой знакомый...

Фима. Не испугалась! Он за мной ухаживает, помощник-то!

Миша. Тем хуже для тебя... Нет, Фима, я шучу. Давай говорить серьезно: двадцать пять и квартира — идет?

Фима. Подите вы! Я девушка честная...

М и ш а. Дура ты... вот что! Ну, слушай! — у меня товарищ есть, Зотиков, красавец и богач... хочешь познакомлю?

Ф и м а. Опоздали! Он уж два раза ко мне письма присылал... что?

М и ш а *(поражен и — негодует)*. Врешь? Ах, подлец! Ну — люди! Вот жулье... тьфу! А ты, Фима, — молодец... т. е. женился бы на тебе, если б не надо было на богатой жениться...

Ф и м а *(тихо)*. Господа идут...

(Из сада идут Лиза и Чепурной.)

Л и з а *(Мише)*. Вам что угодно?

М и ш а. А вот — внушал вашей горничной, чтобы она химических жидкостей из окна в сад не выплескивала... от этого садовая растительность страдает, да к тому же и время опасное, холера идет, изволили слышать?

Ч е п у р н о й. До свидания, молодой человек!

М и ш а. Честь имею... *(Быстро скрывается.)*

Л и з а *(идя на террасу)*. Удивительно нахальное лицо...

Ч е п у р н о й. Вот коллега живое вещество изобретает, а — куда оно? Вон оно какое вредное... Или я... тоже живое вещество, а какой смысл имею?

Л и з а. Как вы сегодня тяжело настроены!.. Давайте кончим партию... садитесь... Я продолжаю: 6, 23.

Ч е п у р н о й. 10, 29 у меня...

Л и з а. Я вас не понимаю... 8, 31... вы такой здоровый, сильный...

Ч е п у р н о й. 7, 36...

Л и з а. И ничем не интересуетесь, ничего не делаете... 5, 36... Теперь, когда жизнь принимает такой трагический тон... всюду растет ненависть и так мало любви...

Ч е п у р н о й. 36? 10, 41...

Л и з а. Как много вы могли бы внести в эту жизнь своей работы — доброй, умной работы... 8 у меня, 44...

Ч е п у р н о й. Мне уже сорок лет... и семь очков... 48...

Л и з а. Сорок лет? Пустяки!.. 10, 54...

Ч е п у р н о й. И вы очень испортили меня... 3, 51...

Л и з а. Я? Испортила?

Ч е п у р н о й. Да... Все вы... ваш брат, Елена Николаевна, вы...

Л и з а. 8... Я — кончила... Давайте сначала, только не будем считать вслух, это мешает разговору... Объясните мне, чем это мы испортили вас?

Ч е п у р н о й. А знаете, до встречи с вами я жил с большим любопытством...

Л и з а. С интересом?

Ч е п у р н о й. Ну да, с любопытством... Мне всё было любопытно знать. Книжку новую вижу — читаю, хочу знать: а что в ней нового, кроме обложки? Человека на улице бьют — остановлюсь и посмотрю, усердно ли бьют его, и даже иногда спрошу, за что бьют. И ветеринарии я учился с большим любопытством...

А н т о н о в н а *(в дверях)*. Лизанька — капли принимала?

Л и з а. Да, да...

А н т о н о в н а. Самовар кипит, а за столом никого нет... О господи! *(Идет в сад.)*

Ч е п у р н о й. Вообще на всё я смотрел с любопытством... и видел, что жизнь устроена — дрянно, люди — жадны и глупы, а я — умнее и лучше, чем они... Это было мне приятно знать, и душа моя была спокойна... хоть я и видел, что иному человеку труднее жить, чем той лошади, что я лечу, да и хуже, чем собаке... но этот случай объяснялся тем, что человек глупее собаки и лошади.

Л и з а. Зачем так говорить? Ведь вы не верите в это?

Ч е п у р н о й. Так я и жил, и было мне недурно... Но вот — попал к вам, вижу: один горит в своей науке, другой бредит киноварью с охрой, третья — притворяется, что она веселая и разумная... а вы заглянули куда-то глубоко и трагедию в душе носите...

Л и з а. Чем же мы вас испортили? У меня — партия...

Ч е п у р н о й. Не умею это сказать... Сначала

мне так понравилось у вас, что я даже водку перестал пить, ибо от ваших разговоров хмелен бывал... А потом — потерял я мое любопытство и беспокойно стало мне...

А н т о н о в н а *(идет из сада)*. Пили бы чай-то...

П р о т а с о в *(из комнат)*. Готов самовар? Чудесно! Здравствуйте, ученый...

Ч е п у р н о й. Добрый день, коллега...

П р о т а с о в. А Лена в саду?

Л и з а. Да...

П р о т а с о в. Пойду звать ее... Вы проиграете...

Ч е п у р н о й. А проиграю...

П р о т а с о в. У тебя сегодня славный цвет лица, Лиза... и глаза — ясные... спокойные... Это — приятно видеть... *(Идет в сад.)*

Л и з а *(с досадой)*. Зачем он всегда говорит со мной, как с больным ребенком?..

Ч е п у р н о й. Да он со всеми, кто протоплазмой не интересуется, как с ребятами говорит...

Л и з а. Со мной все так говорят... все стараются напомнить мне, что я больна...

Ч е п у р н о й. А вы сами прежде всего позабудьте об этом...

Л и з а. Продолжайте... Вы говорите, вам стало беспокойно, — отчего?

Ч е п у р н о й. И беспокойно и... неловко как-то... Как будто механизм души моей вдруг заржавел... Нелепо мне, Елизавета Федоровна, и коли вы не можете...

Л и з а. Милый Борис Николаевич! Оставьте это... Я — калека, урод...

Ч е п у р н о й *(спокойно)*. Погибну я тогда, как навозный жук...

Л и з а *(вспочив)*. Да оставьте же! Ведь вы мучаете меня... неужели вы не понимаете этого?

Ч е п у р н о й *(испуган)*. Ну, не надо! Простите... не буду! Молчу... успокойтесь!

Л и з а. Боже мой! Как мучительно жалко всех... как все бессильны... одиноки!

(Пауза.)

Чепурной. Я, знаете, раньше хорошо спал. А теперь — лежу, вытаращив очи, и мечтаю, как влюбленный студент, да еще с первого курса... Хочется мне что-то сделать... эдакое, знаете, героическое... А что? Не могу догадаться... И всё кажется мне: идет по реке лед, а на льдине поросенок сидит, такой маленький, рыжий поросля, и верещит, верещит! И вот я бросаюсь к нему, проваливаюсь в воду... и — спасаю поросля! А оно — никому не нужно! И — такая досада! — приходится мне одному того спасенного поросенка с хреном съесть...

Лиза *(смеется)*. Это — смешно...

Чепурной. Даже до слез...

(Из сада идут Елена, Протасов, Вагин.)

Лиза. Налить чаю?

Чепурной. Давайте... что ж еще делать? А знаете, Елизавета Федоровна, — всё ж таки идите за меня замуж; то-то мы с вами настонали бы на земле!

Лиза *(неприятно удивлена)*. Как вы... шутите... как это тяжело и странно!

Чепурной *(спокойно)*. Да вы подумайте, что ж еще делать — вам и мне?

Лиза *(со страхом)*. Молчите... молчите!

Елена. Ну да, это — красиво, но по смыслу — неглубоко, а по сюжету доступно немногим...

Вагин. Искусство всегда было достоянием немногих... Это его гордость...

Елена. Это — его драма...

Вагин. Таково мнение большинства, и уже по одному этому — я против...

Елена. Не рисуйтесь! Искусство должно облагораживать людей...

Вагин. Оно не имеет целей...

Протасов. Мой друг, в мире нет ничего бесцельного...

Чепурной. Коли не считать самый мир...

Лиза. Боже мой! Я тысячу раз слышала всё это...

Елена. Дмитрий Сергеевич! Жизнь — трудна, человек часто устает жить... Жизнь груба, да? На чем

отдохнуть душе? Красивое — редко, но когда оно истинно красиво, оно согревает мне душу, как солнце, вдруг осиявшее пасмурный день... Нужно, чтобы все люди понимали и любили красоту, тогда они построят на ней мораль... они будут ценить свои поступки как красивые и безобразные... и тогда-то жизнь будет прекрасна!

Протасов. Это — чудесно, Лена! Это — может быть...

Вагин. Какое мне дело до людей! Я хочу громко спеть свою песню один и для себя...

Лена. Полноте! Зачем — слова? Нужно, чтоб в искусстве отражалось вечное стремление человека в даль, к высоте... Когда это стремление есть в художнике и когда он верует в солнечную силу красоты, его картина, книга, его соната — будут мне понятны... дороги... он вызовет в душе моей созвучный аккорд... и если я устала, — я отдохну и снова захочу работы, счастья, жизни!

Протасов. Славно, Лена!

Лена. Вы знаете, порой мне грезится такое полотно: среди безграничного моря — идет корабль; его жадно обнимают зеленые, гневные волны; а на носу его и у бортов стоят какие-то крепкие, мощные люди... Просто — стоят люди, — всё такие открытые, бодрые лица, — и, гордо улыбаясь, смотрят далеко вперед, готовые спокойно погибнуть по пути к своей цели... Вот и вся картина!

Вагин. Это интересно... да...

Протасов. Подожди...

Лена. Пусть эти люди идут под знойным солнцем по желтому песку пустыни...

Лиза *(невоЛЬНО, негромко)*. Он — красный...

Лена. Всё равно! Нужно только, чтоб это были особенные люди, мужественные и гордые, непоколебимые в своих желаниях и — простые, как просто всё великое... Такая картина может вызвать у меня чувство гордости за людей, за художника, который создал их... и она напомнит мне о тех великих людях, которые помогли нам уйти так далеко от животных и всё дальше уводят к человеку!

Вагин. Да, это я понимаю. Это — интересно... красиво! *(К террасе подходит Яков Трошин и, незамечаемый, стоит, открыв рот.)* Я попробую это, чёрт возьми!

Протасов. Конечно, Дмитрий! Пиши! Лена, ты молодец! Это... что-то новое у тебя... а, Лена?

Елена. Как ты можешь знать, новое это или старое?

Трошин. М-милостивые государи! *(Все обращаются к нему.)* Я долго ждал, когда вы кончите ваш интересный разговор... но принужден помешать вам... очень просто!

Чепурной. Вам чего?

Трошин. Узнаю малоросса... очень просто! Потому — сам был в Малороссии и играю на флейте...

Чепурной. Что ж вам нужно?

Трошин. Позвольте! Всё по порядку... Представляюсь — подпоручик Яков Трошин, бывший помощник начальника станции Лог... тот самый Яков Трошин, у которого поезд жену и ребенка раздавил... Ребенки у меня и еще есть, а жены — нет... да-а! С кем имею честь?

Протасов. Как интересно говорят пьяные...

Лиза *(укоризненно)*. Павел! Что ты...

Елена. Вам что угодно?

Трошин *(кланяясь)*. Сударыня — извините! *(Показывает ногу в туфле.)* Сан-сапогэ... ибо счастье — превратно... Сударыня! Скажите, где проживает слесарь Егор... Егор — а фамилию я позабыл... а может быть у него и нет фамилии... и даже, может, он — в ночи видение мне было?

Елена. Это — там... во флигеле, нижний этаж...

Трошин. Р-ремерси! Искал его целый день... утомлен и едва стою на ногах... За угол? Бон войяж! Он только вчера имел счастье познакомиться со мной... и вот я иду к нему... это надо оценить! За угол? Очень просто! До приятного свидания!..

Протасов. Вот комик! Сан-сапогэ, а?

Лиза. Тихе, Павел...

Трошин *(идет, пошатываясь, и бормочет)*. Ага! Вы думали — он ничтожество? Нет, это Яков

Трошин... он знает, что такое приличия... очень просто!
Яков Трошин! *(Скрывается.)*

Протасов. Какой забавный, а? Лена?

Лиза. А какое место в твоей картине, Лена, будут занимать вот эти люди?

Елена. Их там не будет, Лиза...

Протасов. Они, как водоросли и раковины, присосутся ко дну корабля...

Вагин. И будут затруднять его движение...

Лиза. Их участь — гибель, Елена? Без помощи, одни, эти люди должны погибнуть?

Елена. Они уже погибли, Лиза...

Вагин. Мы тоже — одни в темном хаосе жизни...

Протасов. Эти люди, мой друг, — мертвые клетки в организме...

Лиза. Как вы все жестоки! Я не могу слушать вас... Как вы слепы и жестоки... *(Идет в сад, Чепурной медленно поднимается и идет за ней.)*

Протасов *(негромко)*. Знаешь, Лена, при ней совсем невозможно ни о чем говорить... Она всё сводит к одному, в свой больной, темный угол...

Елена. Да... трудно с ней... Она живет страхом пред жизнью...

Вагин. Елена Николаевна! На носу корабля будет стоять кто-то один... У него лицо человека, сгорбившего на берегу, сзади себя, все свои надежды... но глаза его горят огнем великого упорства... и он едет, чтобы создать новые... одинокий среди одиноких...

Протасов. Не нужно бури, господа! Или — нет! — пусть будет буря, но впереди, на пути корабля, горит солнце! Ты назови свою картину «К солнцу!», источнику жизни!

Вагин. Да, к источнику жизни!.. Там, вдали, среди туч, яркое, как солнце, лицо женщины...

Протасов. Ну, зачем — женщина? Но пускай среди этих людей на корабле будут Лавуазье, Дарвин... Однако я заговорился... мне нужно уйти... *(Быстро идет в комнаты.)*

Вагин *(искренно)*. С каждым днем вы, родная моя, всё более властно и крепко привлекаете меня к себе... Я молиться готов на вас...

Протасов (*из комнат*). Дмитрий! На минуту...

Елена. Не сотвори себе кумира, ни всякого подобия его...

Вагин. Я напишу эту картину, вы увидите! И она будет петь своими красками величественный гимн свободе, красоте...

Протасов. Дмитрий!..

Елена. Идите, мой друг!

(Вагин уходит. Елена задумчиво проаживается по террасе. Из сада доносится голос Чепурной.)

Чепурной (*спокойно*). Да это же не может быть иначе... Говорит — человек, а поступки делает — всё еще животное...

Лиза (*тоскливо*). Но когда же, когда...

(*Их не слышно.*)

Мелания (*идет по двору*). Ах, Елена Николаевна! Вы дома?

Елена (*сухо*). Вас это удивляет?

Мелания. Нет, почему же? Здравствуйте...

Елена. Извините меня, но раньше, чем подать вам руку...

Мелания. Что-о?

Елена. Я должна спросить вас... будемте говорить правдиво и просто! Вы предлагали нашей горничной...

Мелания (*быстро*). Ах... какая мерзавка! Продала...

Елена (*не вдруг*). Значит — правда? Мелания Николаевна... Вы понимаете, как это... как нужно назвать ваш поступок?

Мелания (*искренно, горячо*). Да... да, понимаю! Просто — так уж просто! Всё равно... слушайте!.. Вы женщина, вы — любите, может быть, вы поймете...

Елена. Тихе... в саду ваш брат!

Мелания. Что мне? Вот... слушайте: я люблю Павла Федоровича... вот! Я его так люблю... готова в кухарки, в горничные к нему идти... Вы — тоже, я вижу! — вы ведь художника любите... вам Павел

Федорович не нужен... Хотите, — на колени встану? Отдайте мне его! Ноги буду целовать ваши...

Е л е н а *(поражена)*. Что вы говорите? Что вы?

М е л а н и я. Всё равно! У меня — деньги... я ему выстрою лабораторию... дворец выстрою! Буду ему служить, чтобы ветер не касался его... буду сидеть у дверей дни и ночи... вот! Зачем он вам? А я его — как угодника божия, люблю...

Е л е н а. Успокойтесь... подождите! Я, должно быть, неверно понимаю вас...

М е л а н и я. Барыня! Вы — умная, вы — благородная, чистая... А у меня жизнь была тяжелая, противная... и людей я видела только гнусных... а — он! Он-то! Дитя такое... такой — возвышенный! Да ведь я около него — царицей буду... ему — служанка, а для всех — царица! И душа моя... душа моя вздохнет! Чистого человека хочу я! Понимаете меня?.. Вот!

Е л е н а *(взволнованно)*. Мне трудно вас понять... нам нужно много говорить... Боже мой... какая вы несчастная, должно быть.

М е л а н и я. Да! О да! вы можете понять, должны понять! Я оттого вот так и говорю вам — сразу всё, я знаю, вы поймете. И не обманите меня: может, я тоже человеком буду, коли не обманете!

Е л е н а. Мне незачем обманывать вас... Я чувствую больное сердце ваше... Пойдемте ко мне... пойдемте!

М е л а н и я. Как вы говорите... неужели и вы тоже хороший человек?

Е л е н а *(берет ее за руку)*. Поверьте мне... поверьте, что если люди будут искренни, они поймут друг друга!

М е л а н и я *(идет за ней)*. Верю я вам или нет, не знаю. Слова ваши понятны, а чувства — не могу я понять... Хорошая вы или нет? Вот... Боюсь я верить в хорошее... не видела я его... и сама — дурной, темный человек... Морем слез омыла я душу мою... Но всё еще — темная...

(Уходят. Роман выглядывает из-за угла с топором в руке. Из сада идут Лиза и Чепурной. Антоновна — из комнат.)

А н т о н о в н а. Ишь... разбежались все... мечутся, как полуумные... Лизанька, ты чего всё бродишь? Тебе сидеть надо...

Л и з а. Отстань, няня...

А н т о н о в н а. Нечего сердиться... Какие у тебя силы? *(Идет в комнаты, ворчит.)*

Ч е п у р н о й. Старуха-хлопотуха... любит она вас...

Л и з а. Это так... просто привычка ухаживать... Она больше тридцати лет живет у нас. Ужасно тупая и упрямая... Странно... С той поры, как я помню себя, у нас в доме всегда звучала музыка и сверкали лучшие мысли мира... а вот она не стала добрее или умнее от этого...

(Протасов и Вагин выходят из комнат.)

П р о т а с о в. Понимаешь, когда волокно химически обработанного дерева можно будет пряхть — тогда мы с тобой будем носить дубовые жилеты, березовые сюртуки...

В а г и н. Брось ты свои деревянные фантазии... Скучно!

П р о т а с о в. Эх ты... ты сам скучен!.. Лиза, налей мне чаю!

Ч е п у р н о й. Это зонтик сестры моей... Коллега!.. Вчера Маланья спросила меня: в каком сродстве стоят гипотеза с молекулой? Так я ей сказал, что молекула гипотезе приходится внучкой.

П р о т а с о в *(смеясь)*. Ну, зачем вы? Она так наивно... и горячо интересуется всем...

Ч е п у р н о й. Наивно? Мм... А монера с монадой — подкидыши в науке... пeverно? Перепутал я генеологию, значит!

Л и з а. Вот видите: даже на ваших отношениях к сестре видно, как пренебрежительно и злобно относятся люди друг к другу...

Ч е п у р н о й. Э, какая там злоба!

Л и з а *(перво)*. Нет, я говорю вам — на земле всё больше скопляется ненависти, на земле растет жестокость...

Протасов. Лиза! Ты снова распускаешь черные крылья?..

Лиза. Молчи, Павел! Ты ничего не видишь, ты смотришь в микроскоп...

Чепурной. А вы — в телескоп? Не надо бы, знаете... лучше своими очами...

Лиза (*тревожно, болезненно*). Вы все — слепые! Откройте глаза; то, чем живете вы, ваши мысли, ваши чувства, они — как цветы в лесу, полном сумрака и гниения... полном ужаса... Вас мало, вы незаметны на земле...

Вагин (*сухо*). Кого ж вы на ней видите?

Лиза. На земле заметны миллионы, а не сотни... и среди миллионов растет ненависть. Вы, опьяненные красивыми словами и мыслями, не видите этого, а я — видела, как вырвалась на улицу ненависть и люди, дикие, озлобленные, с наслаждением истребляли друг друга... Однажды их злоба обрушится на вас...

Протасов. Всё это оттого так страшно, Лиза, что вот, видимо, собирается гроза, стало душно, и твои нервы...

Лиза (*умоляя*). Не говори мне о моей болезни!

Протасов. Ну, ты подумай, кому, за что ненавидеть меня? Или его?

Лиза. Кому? Всем людям, от которых вы ушли так далеко...

Вагин (*раздраженно*). Чёрт их побери! Не идти же назад ради них!

Лиза. За что? За отчуждение от них, за невнимание к их тяжелой, нечеловеческой жизни! За то, что вы сыты и хорошо одеты... Ненависть — слепа, но вы ярки, вас она увидит!

Вагин. Вам идет роль Кассандры...

Протасов (*возбуждаясь*). Подожди, Дмитрий! Ты неправ! Мы делаем большое и важное дело: он обогащает жизнь красотой, я — исследую ее тайны... И люди, о которых ты говоришь, со временем поймут и оценят нашу работу...

Вагин. Оценят или нет, мне всё равно!

Протасов. Не надо смотреть на них так мрачно: они лучше, чем тебе кажется; они разумнее...

Л и з а. Ты ничего не знаешь, Павел...

П р о т а с о в. Нет, я знаю, я вижу! *(В начале его речи на террасу выходят Елена и Мелания, обе озлобованные.)* Я вижу, как растет и развивается жизнь, как она, уступая упорным исканиям мысли моей, раскрывает предо мною свои глубокие, свои чудесные тайны. Я вижу себя владыкой многого; я знаю, человек будет владыкой всего! Всё, что растет, становится сложнее; люди всё повышают свои требования к жизни и к самим себе... Когда-то под лучом солнца вспыхнул к жизни ничтожный и бесформенный кусок белка, размножился, сложился в орла, и льва, и человека; наступит время, из нас, людей, из всех людей, возникнет к жизни величественный, стройный организм — человечество! Человечество, господа! Тогда у всех клеток его будет прошлое, полное великих завоеваний мысли, — наша работа! Настоящее — свободный, дружный труд для наслаждения трудом, и будущее — я его чувствую, я его вижу — оно прекрасно. Человечество растет и зреет. Вот жизнь, вот смысл ее!

Л и з а *(тоскливо)*. Я бы хотела веровать так, о, я бы хотела! *(Выхватывает из кармана книжку и быстро пишет что-то в ней. Мелания смотрит на Павла почти молитвенно, это выходит немного смешно. Лицо Елены, сначала суровое, проясняется грустной улыбкой. Вагин слушает оживленно. Чепурной низко наклонился над столом, и лица его не видно.)*

В а г и н. Люблю видеть тебя поэтом.

П р о т а с о в. Страх смерти — вот что мешает людям быть смелыми, красивыми, свободными людьми! Он висит над ними черной тучей, покрывает землю теньями, из него рождаются призраки. Он заставляет их сбиваться в сторону с прямого пути к свободе, с широкой дороги опыта. Он побуждает их создавать поспешные уродливые догадки о смысле бытия, он пугает разум, и тогда мысль создает заблуждения! Но мы, мы, люди, дети солнца, светлого источника жизни, рожденные солнцем, мы победим темный страх смерти! Мы — дети солнца! Это оно горит в нашей крови, это оно рождает гордые, огненные мысли, освещая мрак

наших недоумений, оно — океан энергии, красоты и опьяняющей души радости!

Л и з а (*вскакивая*). Павел, это хорошо! Дети солнца... Ведь и я?.. Ведь и я? Скорее, Павел, да? И я тоже?

П р о т а с о в. Да, да! И ты... все люди! Ну да, конечно!

Л и з а. Да? О, это хорошо... Я не могу сказать... как это хорошо! Дети солнца... да? Но — у меня расколота душа, разорвана душа... Вот, послушайте! (*Читает, сначала с закрытыми глазами.*)

Орел поднимается в небо,
Сверкая могучим крылом...
И мне бы хотелось, и мне бы
Туда, в небеса, за орлом!

Хочу! Но бесплодны усилья!
Я — дочь этой грустной земли,
И долго души моей крылья
Влачили в грязи и пыли...

Люблю ваши дерзкие споры
И яркие ваши мечты,
Но — знаю я темные норы,
Живут в них слепые кроты;

Красивые мысли им чужды,
И солнцу душа их не рада,
Гнетут их тяжелые нужды,
Любви и вниманья им надо!

Они между мною и вами
Стоят молчаливой стеною...
Скажите — какими словами
Могу я увлечь их за мною?

(*Все несколько секунд смотрят на нее молча. Вагину ее возбуждение не нравятся.*)

П р о т а с о в. Лиза! Как это ты?.. Разве ты пишешь стихи?

Е л е н а. Ты хорошо сказала, Лиза! Я понимаю тебя...

В а г и н. Позвольте, господа! Елизавета Федоровна, я знаю другие стихи, они могли бы служить ответом вам...

Л и з а. Скажите!

В а г и н.

Как искры в туче дыма черной,
Средь этой жизни мы — одни.
Но мы в ней — будущего зерна!
Мы в ней — грядущего огни!

Мы дружно служим в светлом храме
Свободы, правды, красоты —
Затем, чтоб гордыми орлами
Слепые выросли кроты...

П р о т а с о в. Bravo, Дмитрий! Чудесно, брат!

М е л а н и я (*в восторге*). Господи! Как хорошо...
Елена Николаевна, ведь я понимаю ее... понимаю!
(*Плачет.*)

Е л е н а. Успокойтесь... не надо!

Л и з а (*грустно*). Вот вы ликуете... а мне — жалко, мне грустно видеть, что так много хороших мыслей, вспыхнув, исчезают, как искры в ночной тьме, не освещая людям дороги! Мне это грустно...

М е л а н и я (*целует руку Протасова*). Ясный вы мой... спасибо!

П р о т а с о в (*смущен*). Что вы? Зачем вы? У меня руки могут быть нечистыми...

М е л а н и я. Не могут...

Л и з а. Борис Николаевич, что с вами?

Ч е п у р н о й. А ничего... слушаю!

Л и з а. Ведь я хорошо сказала?

Ч е п у р н о й. С вами — правда...

Л и з а. Со мной, да?

М е л а н и я (*Елене*). Я уйду... родная вы моя!..
(*Идет в комнаты, Елена за ней.*)

Ч е п у р н о й. А с ним — красота...

В а г и н. А что лучше?

Ч е п у р н о й. Да... красота лучше... а правда — нужнее людям...

Л и з а. А вам? Вам что пужнее?

Ч е п у р н о й. Да... я не знаю... Пожалуй, взял бы и того и другого... только в меру...

Е л е н а *(выходит)*. Павел, тебя зовёт Мелания Николаевна...

П р о т а с о в. Лена, ну зачем она мне руку поцеловала? Как это глупо и неприятно!

Е л е н а *(усмехаясь)*. Надо терпеть...

П р о т а с о в *(уходя)*. Губы — жирные... Что ей надо? *(Идет в комнаты. За углом террасы истерический крик Авдотьи.)*

А в д о т ь я. Врешь, подлец!

Л и з а *(вздвогнув)*. Что такое? Кто это?

А в д о т ь я *(выбегает)*. Не попал, дьявол, что?

Е г о р *(в руках березовое полено)*. Стой, говорю!

Л и з а. Боже мой! Спрячьте ее!

А в д о т ь я *(вбегая на террасу)*. Господа мои! Голубчики... убивает!

Е л е н а. Идите сюда... скорее!

А в д о т ь я *(мужу)*. Что, взял? *(Уходит с Еленой в комнаты.)*

Ч е п у р н о й. Э, снова этот пьяница... *(Лизе.)* Уйдите вы, а?

Л и з а. Ради бога... ради бога, остановите его!

Т р о ш и н *(выходит из-за угла)*. Резвов — острожно!

Ч е п у р н о й *(Егору)*. Пошел прочь!

В а г и н. Гоните его!

(Из комнат выскакивает Протасов, за ним Меланья.)

П р о т а с о в. Егор! Вы снова...

Е г о р *(Чепурному)*. Сам пошел к чёрту! Давайте мне жену!

П р о т а с о в. Вы с ума сошли...

Т р о ш и н. Жена принадлежит своему мужу, милостивый государь!.. Очень просто!

Е г о р. Вы ее не спрячете... я войду!

(Роман идет. Сонный. Становится сзади Егора.)

Р о м а н. Егор! Не бунтуй...

Ч е п у р н о й. Войди!

Л и з а. Борис Николаевич, у него полено...
Ч е п у р н о й. Ничего! Вы уходите...
П р о т а с о в. Уйди, Лиза...
Е г о р. Давайте ее мне... Чего вы? Ваше это дело?
М е л а н и я. Дворник, зови полицию!
Р о м а н. Егор! Я позову полицию!..
Е г о р. Барин! Послушайте, ко мне гость пришел...
Т р о ш и н. Очень просто!
Е г о р. Образованный человек, с душой...
Т р о ш и н. Совершенно верно!
Е г о р. А она его мокрой тряпкой по роже!
Т р о ш и н. Факт! Но не по роже, Егор, а по лицу...
П р о т а с о в. Голубчик! Ну, будьте же чело-
веком...
Е г о р. Давай ее сюда!
В а г и н. Чёрт! Какое лицо!
М е л а н и я. Дворник! Я тебе говорю — поли-
цию! Держи его... хватай!
Р о м а н. Егор! Я иду, ну тебя...
Е г о р (*идет на террасу*). Ежели вы слов не по-
нимаете...
Л и з а. Бегите... он идет! Он убьет!..
Ч е п у р н о й (*идя навстречу Егору, сквозь зубы*).
А ну, бей...
П р о т а с о в. Лиза, уходи... (*Насильно ведет ее
в комнату. Мелания за ними.*)
Е г о р. Уйди ты... (*Готовит полено.*)
Ч е п у р н о й (*смотрит в глаза ему*). А ну...
Е г о р. Ударю...
Ч е п у р н о й (*Егору, тихо*). Врешь, собака...
Е г о р. Не лайся...
Ч е п у р н о й. А ну, бей...
Е г о р. Бей ты! На! (*Бросает полено на землю.*)
Ч е п у р н о й. Прочь... Ну?
Т р о ш и н (*безнадежно*). Резвов, ретируйся!
Е г о р (*отступая*). Ишь ты... дьявол!
Ч е п у р н о й (*презрительно*). Э, собака...
Т р о ш и н (*Вагину*). Бон суар, мосье! Но семей-
ный очаг должен быть ненарушим...
В а г и н. Уходите вы...
Ч е п у р н о й (*сходит с террасы, идя на Егора*).

Ступай... ну? Кабы не было тут женщин, я бы вам обоим...

Т р о ш и н *(уходя за Егором)*. Повинуюсь насилью... очень просто! *(Скрывается за углом.)*

Ч е п у р н о й *(возвращается на террасу)*. Вот зверюга...

В а г и н. Однако и личико у вас было. Я залюбовался... такая экспрессия!..

П р о т а с о в *(выходит)*. Прогнали?

Л и з а *(быстро выходит, Чепурному)*. Он — не ударил? Он не тронул вас?

Ч е п у р н о й. Эге! Это не просто...

(Елена и Мелания идут.)

П р о т а с о в. Чёрт знает что такое... Не буду больше давать ему работу!.. Вот даже руки дрожат... смотри, Лена!

В а г и н. А он может убить...

Ч е п у р н о й *(усмехаясь)*. А что, коллега, они, вот такие хамы... и они тоже дети солнца?

Л и з а *(вдруг)*. Ты лгал, Павел! Ничего не будет... жизнь полна зверей! Зачем вы говорите о радостях будущего, зачем? Зачем вы обманываете сами себя и других? Вы оставили людей далеко сзади себя... вы одинокие, несчастные, маленькие... Неужели вам не понятен ужас этой жизни?.. Ведь вы окружены врагами... повсюду звери!.. Нужно уничтожить жестокость... победить ненависть... Поймите же меня! Поймитесь! *(С ней истерика.)*

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Обстановка первого действия. Пасмурный день. В кресле у стены сидит Елена. Лиза возбужденно ходит по комнате.

Елена. Ты — не волнуйся...

Лиза. Я — больная, но мои мысли — здоровы!

Елена. Разве тебе говорят — нет?

Лиза. Я знаю, мои слова серы и пресны; вам скучно слушать их... вы не хотите чувствовать трагической правды жизни...

Елена. Ты много преувеличиваешь...

Лиза. Нет! Взгляни на ту пропасть, которая отделяет тебя от твоей кухарки...

Елена. Разве она исчезнет оттого, что я встану на край ее и буду плакать, дрожа от страха?

Лиза. А разве можно жить спокойно, когда люди не понимают твоей души? Я не могу так жить... я боюсь тех, кто меня не понимает! Вот чем я больна... Елена, нужны жертвы! Ты понимаешь, нужно жертвовать собой...

Елена. Да... свободно, с радостью, в безумии восторга! Но насиловать себя — нет, Лиза! Это недостойно человека!

Антоновна *(из столовой)*. Елена Николаевна...

Лиза *(с досадой)*. Что тебе, няня?

Антоновна. Ну-ну-ну! Не тебя... Там хозяин пришел...

Лиза. Ах, ну пускай подождет... идите, няня! *(Антоновна уходит.)* Итак, я неправа?

Елена. Я не сказала этого...

Лиза. Ты понимаешь, как мы все одиноки?

Е л е н а. Нет... я этого не чувствую...

Л и з а. Просто ты не хочешь со мной говорить... Я всем надоела. Вы хотите жить, наслаждаясь и не замечая ничего грубого, страшного!

Е л е н а. Как можно чувствовать насильно?..

Л и з а. А ты... тебе — плохо жить! Но ты гордая и не хочешь сознаться в этом даже себе самой... Я ведь вижу — твои отношения с Павлом...

Е л е н а. Оставим это...

Л и з а *(с радостью)*. Ага! Видишь? Тебе больно, да?

Е л е н а. Нет... но — неприятно!

Л и з а. Тебе больно! Пусть! Это тебя оживит... Ты одинока, Елена!.. Ты несчастна...

Е л е н а. Лиза, твоя радость — нехорошая радость! Чего ты хочешь?

Л и з а. Чего я хочу? *(Пауза. Со страхом.)* Я не знаю... я этого не знаю! Я хотела бы жить и не умею... и не могу! Мне кажется, — я не имею права жить так, как я хочу... Я хотела бы родную душу иметь... родную душу! Мне надо отдохнуть от страха и — не с кем!

Е л е н а *(берет ее за руку)*. Прости меня, по разве Чепурной...

Л и з а. Какое я имею право? Ведь я больна, да? Вы все говорите это... о, вы часто это говорите! Слишком часто... Пусти меня... я не могу об этом... уйди! Пусти меня! *(Быстро уходит к себе. Елена, глубоко вздохнув, ходит по комнате, закинув руки за голову. Останавливается перед портретом мужа, смотрит на него, кусая губы. Руки у нее падают.)*

Е л е н а *(вполголоса)*. Прощай...

(Антоновна идет.)

А н т о н о в н а. Можно теперь хозяину-то?

Е л е н а. Да... хорошо...

А н т о н о в н а *(уходя)*. Идите, Назар Авдсич...

Н а з а р. Добренького здоровьица!

Е л е н а *(кивая головой)*. Вам что угодно?

Н а з а р *(ухмыляясь конфузливо)*. Видите ли, мне бы Павла Федоровича...

Е л е н а. Он занят...

Н а з а р. Мм... а с вами я уж не знаю как...

Е л е н а. Скажите; я передам ему...

Н а з а р. Предмет разговора неделикатный...

Е л е н а. Как угодно...

Н а з а р. Да уж всё равно... Полиция приходила, изволите видеть, насчет запаха... насчет помойных ям и прочих мест...

Е л е н а (*хмуря брови*). При чем здесь муж?..

Н а з а р. Конечно, они не больше других... все грешны... Полиция, по случаю холеры, требует, однако, чтобы запаху не было... Она не вникает, что чему положено иметь запах, так уж оно его даст... и грозит штрафом даже до трехсот рублей.

Е л е н а (*с отвращением*). Что вам угодно?

Н а з а р. Я — совет хотел взять, не возможно ли попрыскать чем-нибудь химическим против запаха?

Е л е н а (*возмущенно*). Послушайте, как вы... (*Сдерживаясь.*) Впрочем... я ему передам... до свидания!

Н а з а р. Сейчас передадите?

Е л е н а (*уходя*). Нянька ответит вам...

Н а з а р (*вслед ей*). Чувствительно тронут... Ишь какая... гордионка! Подожди... я те хвост прижму! (*Уходит. Из-за портьеры выходят Протасов и Елена.*)

П р о т а с о в. И еще, Лена, пожалуйста, пошли за Егором...

Е л е н а. Снова — Егор?

П р о т а с о в. Но — как же без него обойтись, Лена? Он такой ловкий, быстро схватывает всё... ты посмотри: он мне жаровню сделал — артистически! Изящная вещь! Какой тусклый день сегодня! Сеанса — нет?

Е л е н а. Нет... Итак, когда же можно поговорить с тобой?

П р о т а с о в. Пожалуйста, до вечера, да... Вечером я — свободен! Тебе скучно? А где же Дмитрий?

Е л е н а. У него, должно быть, есть еще какие-то дела, кроме обязанности развлекать меня...

П р о т а с о в (*не понял*). Да... гм! Вероятно... А знаешь, последнее время я смотрю на тебя, и мне

кажется — есть что-то новое в твоём лице... такое значительное...

Елена. Да?

Протасов. Да, да! Ну, я — исчез, как дым...
(Уходит к себе.)

Фима (входит). Сударыня! Пожалуйста, отпустите меня...

Елена. Днем? Но кто же будет служить?

Фима. Совсем отпустите... расчет.

Елена. А, хорошо! Но прежде, прошу вас, позвоните Егору...

Фима (твердо). Я к Егору не пойду-с...

Елена. Почему?

Фима. Так... не пойду-с.

Елена. Позовите няню...

Фима. Няня гулять пошла на кладбище...

Елена. Я отпущу вас, когда она придет... Пошлите мне дворника, — можете?

Фима. Могу-с. Так уж вы сегодня мне расчет.
(Уходит.)

Елена (вслед ей). Хорошо...

Чепурной (в дверь с террасы). А чего ж у вас двери не заперты? Добрый день!

Елена (подавая руку). Я не знаю... сегодня прислуга какая-то рассеянная...

Чепурной. Холеры боятся...

Елена. Говорят, она развивается?

Чепурной. А ничего... идет. Елизавета Федоровна дома?

Елена. У себя...

Чепурной. А как здоровенька?

Елена. Ничего... не особенно, по обыкновению...

Чепурной (озабоченно). Мм... Трагическая душа...

Елена. Борис Николаевич... простите меня, я мешаюсь не в свое дело, но — это очень важно...

Чепурной. Ага! Что именно?

Елена. Она говорила мне, что вы сделали ей предложение...

Чепурной (быстро). А как говорила?

Е л е н а. То есть, что — как?

Ч е п у р н о й. Ну, лицо какое? С гримасой говорила? С насмешкой, а?

Е л е н а *(удивляясь)*. Что вы?! С радостью...

Ч е п у р н о й. Нет?.. Верно?

Е л е н а. Да, да! С такой тихой радостью... и так хорошо...

(В дверях с террасы — Роман.)

Ч е п у р н о й. Я — дурак! Знаете, я осёл!

Р о м а н. Это меня сюда звали?

Ч е п у р н о й. Да никто тебя не звал... это я себя ругаю, чудак!

Е л е н а. Я его звала... Позовите слесаря, Роман...

Р о м а н. Это — Егора?

Е л е н а. Да...

Р о м а н. Сейчас?

Е л е н а. Да, да!

Р о м а н. Ладно... *(Уходит.)*

Ч е п у р н о й *(радостно)*. Дайте мне вашу руку, а я ее... вот, поцелую! Сделали вы мне подарок... Вот оно... Откуда не ждешь, оттуда и бьет; так и беда, так и радость...

Е л е н а. Позвольте... я не понимаю вас...

Ч е п у р н о й. А, боже ж мой! Да как же! О том, что я ее замуж позвал, она вам с радостью говорила?

Е л е н а. Да... уверяю вас!

Ч е п у р н о й *(победоносно)*. А всё ж таки отказала мне!

Е л е н а *(улыбаясь)*. Простите... выходит смешно...

Ч е п у р н о й. Да и смешно! Я, знаете, так и думал: не потому она за меня замуж не идет, что я ей противен, а потому, что она болезни своей боится...

Е л е н а. Да, вы правы...

Ч е п у р н о й. Теперь я знаю, что делать. Пойду к ней, как шар под гору... А! Какой случай?! Великая вещь случай, знаете!

Е л е н а. Но — снимите ваш галстук... она не любит красного...

Ч е п у р н о й *(усмехаясь)*. А я нарочно надел,

чтоб подразнить ее... Теперь уж всё равно, красный или зеленый... всё равно! Без галстука не можно... *(Идет.)* Спасибо вам! *(Егор в дверях столовой, растерянный, всклокоченный.)* А! Знакомый... ну, давай руку! Помиримся! Вот так! Эх ты... Илья Муромец!..

Е л е н а *(Егору)*. Сейчас, я скажу...

Е г о р *(глухо)*. Барыня, погодите...

Е л е н а. Что такое?

Е г о р. Жена захворала...

Е л е н а. Что с ней?

Е г о р. Тошнит...

Е л е н а *(тревожно)*. Давно?

Е г о р. С утра... Всё вас зовет... Позови, говорит, барыню... а то — издохну...

Е л е н а. Что же вы не позвали?.. Эх вы...

Е г о р. Стыдно было... Скандалил я тут...

Е л е н а. Глупости... Я иду к ней...

Е г о р. Погодите... я боюсь...

Е л е н а. Чего?

Е г о р. Может, холера...

Е л е н а. Вздор! Бояться нечего...

Е г о р *(просит и как бы требует)*. Елена Николаевна, вылечите ее!

Е л е н а. Надо доктора... Вы поезжайте сейчас...

Е г о р. Не надо доктора... не верю я! Вы сами...

Пр о т а с о в *(выходит)*. Ага! Вы здесь, воин...

Е л е н а *(быстро)*. Павел, подожди! У него жена заболела...

Пр о т а с о в. Вот видите, колотили вы ее...

Е л е н а. Он думает, холера... Я иду туда, а ты...

Пр о т а с о в *(тревожно)*. Ты — туда? Нет, Лена, пожалуйста... Почему ты?

Е л е н а *(удивлена)*. А почему — нет?

Пр о т а с о в. Но, Лена, если холера...

Е г о р *(глухо рычит)*. Значит, помирвай? Просто! Али мы не люди?

Е л е н а. Перестаньте, Егор... Павел, как ты не ловко...

Пр о т а с о в. Что ты понимаешь, Лена? Ты не врач... И это не шутка... это — опасно!

Егор (*злобно*). А которые издыхают, тем не опасно?

Протасов (*Егору*). Прошу не рычать на меня!

Елена (*укоризненно*). Павел! Идемте, Егор...

Протасов. Я тоже иду... Это безрассудно, Лена...

(*Все трое — Егор впереди — идут в столовую. Слышны их голоса.*)

Елена. Возвратись и позови по телефону карету...

Протасов. Нужен — доктор, а не ты! Что такое ты? (*Возвращается, взволнован.*) Что такое она, в данном случае? Нянька! Чёрт возьми! Меня не пустила... Фима! Или нянька! Вы умерли? Фима! (*Вбегают Фима.*) Я кричу, как зарезанный... а вы изволите любоваться своей наружностью...

Фима (*обиженно*). Вовсе нет, я ножи чистила...

Протасов. Бросьте ножи! Идите к Егору...

Фима (*решительно*). Я туда не пойду-с...

Протасов. Почему? Там барыня...

Фима. Всё равно-с!

Протасов. Но — почему?

Фима. Там холера-с!

Протасов (*передразнивая*). Ага! Холера-с! А вот барыня — пошла-с!

(*Звонок.*)

Фима. Звонок-с!

Протасов. Да-с! Отоприте-с! (*Фима убегает. Протасов вслед ей.*) С-с-с-с! Свистит, как змея... Да, телефон... чёрт! (*Мелания входит.*) А, это вы! Знаете новость: на дворе у нас холера,— забавно? И Елена пошла лечить, а? Нравится вам это?

Мелания. Ай-яй-яй! И у вас — тоже. У соседа моего, полковника, повара вчера увезли... А Елена Николаевна — пошла туда!.. Зачем же это она?

Протасов. Неизвестно! Тайна сия велика есть...

Мелания. Как же вы ее отпустили?

Протасов. Как? Не знаю... Да, телефон... (*Убегает к себе.*)

Ф и м а *(из столовой)*. Здравствуйте, Мелания Николаевна!

М е л а н и я *(недоброжелательно)*. А... здравствуй, красавица...

Ф и м а. У меня к вам большая просьба есть...

М е л а н и я. Какая же это?

Ф и м а. Замуж я выхожу...

М е л а н и я. Так...

Ф и м а. За почтенного человека... очень почтенный!

М е л а н и я. Кто же это?

Ф и м а. Сосед ваш...

М е л а н и я *(вскакивает, изумленная)*. Неужто — полковник?

Ф и м а *(скромно)*. Нет, где же мне! Кочерин, Василий Васильевич...

М е л а н и я. Ах он, старый чёрт... тьфу! Да ведь ему скоро шестьдесят лет... В ревматизмах весь... И как ты, Ефимья, решаешься? А впрочем, деньжищи... Эх ты, девушка... жалко мне тебя! Брось-ка... ну его и с деньгами!

Ф и м а. Я уж решила... И всё слажено...

М е л а н и я. Да? Жаль. А от меня чего надо?

Ф и м а. Как я сирота, из воспитательного, не пойдете ли вы в посаженные матери ко мне?

М е л а н и я *(показывает ей кукиш)*. Натек-ка, выкусите! Вы меня за сколько Елене Николаевне продали?

Ф и м а *(растерялась)*. Я-с?

М е л а н и я. Да-с, вы-с! Что?

Ф и м а *(оправилась)*. Очень жаль... Я думала, как вы сами себя старику продали...

М е л а н и я *(подавлена)*. Как? Как — ты?..

Ф и м а. ...то, может, уж и мне поможете в этом же...

М е л а н и я *(глухо)*. Не смей!..

Ф и м а *(спокойно и жестко)*. Вы сами должны понять, что так себя устроить всё же лучше, чем на улицу выходить... Хоть один будет, а не сто...

М е л а н и я *(в ужасе, тихо)*. Иди... иди вон... я тебе дам... я дам денег... иди! Иди прочь... дам!

Ф и м а. Благодарю вас! Когда дадите?

М е л а н и я. Уйди... нет со мной!

Ф и м а. Я сегодня вечером приду к вам... Не обманите...

М е л а н и я. Нет!.. Уйди, Христа ради!

(Фима, не торопясь, уходит. Мелания грузно валится в кресло и плачет и как-то рычит от боли.)

П р о т а с о в *(из своей комнаты)*. Она не воротилась, нет? Что это вы? Что с вами?

М е л а н и я *(встает на колени)*. Святой человек, спаси рабу!

П р о т а с о в *(изумлен)*. Как вы сказали? Встаньте... Зачем вы?

М е л а н и я *(обнимает его ноги)*. Утопаю в грязи... в подлости своей утопаю; подай руку! Кто лучше тебя на земле?

П р о т а с о в *(испуган)*. Позвольте... так — я упаду! И — не целуйте брюки... что вы?

М е л а н и я. Сделала я поступок, изгадила себе душу, — очисти! Кто, кроме тебя, это может?

П р о т а с о в *(стараясь понять)*. Вы — сядьте... т. е. встаньте! Теперь — сядьте, да! Что вы хотите?..

М е л а н и я. Возьми меня к себе! Позволь около жить, только бы видеть тебя каждый день... слышать тебя... Я — богата, всё возьми! Выстрой себе кабинет для науки твоей... башню выстрой! Взойди на высоту и — живи... а я внизу, у двери, день и ночь буду стоять, и никого к тебе не пущу... Все мои дома, земли — всё продай... и всё возьми себе!

П р о т а с о в *(улыбаясь)*. Позвольте... это, однако, идея! Чёрт побери! Какую можно устроить лабораторию!..

М е л а н и я *(рада)*. Да, да! И возьми меня, чтобы я всегда видела тебя... Не говори со мной, не надо! Только посмотри на меня иногда... только улыбнись мне! Была бы у тебя собака... ведь ты улыбался бы ей... ласкал бы ее иногда?.. Так вот я буду... вместо собаки!

П р о т а с о в *(озабочен)*. Подождите... зачем же так? Это странно... не нужно! Я, знаете, сильно поражен... разве я мог ожидать, что вас так увлечет...

Мелания *(не слушая)*. Ведь я — глупая, я — тупая, как бревно! Книжки твои — не понимаю я... Ты думаешь, читала я их?

Протасов *(теряется)*. Нет? Но — что же тогда?..

Мелания. Милый! Целовала я книжки... Взгляну в нее, а там такие слова, никто, кроме тебя, и понять их не может... И целую...

Протасов *(смущен)*. Вот отчего пятна на переплетах... Но — зачем же целовать книги? Это уж какой-то фетишизм...

Мелания. Пойми, люблю тебя! Так хорошо около тебя, чисто, ясно! Божий человек, люблю тебя...

Протасов *(негромко, пораженный)*. Позвольте... т. е. как это?

Мелания. Как собака! Не могу я говорить, молчать могу... и много лет молчала, а у меня с души кожу сдирали...

Протасов *(у него возникает надежда, что он ошибся)*. Вы... извините меня! Я не могу поймать вашу основную мысль... Может быть, вам... более удобно поговорить об этом с Леной?

Мелания. Говорила я с ней... Прекрасная она... она знает, что ты не любишь ее...

Протасов *(вскочив)*. Как — не люблю? Ишь вы...

Мелания. Она — всё знает, всё чувствует... хорошая она! Но — зачем два огня вместе? Она — гордая...

Протасов *(снова теряется)*. Знаете, всё это... такая путаница! То есть никогда я не чувствовал себя так нелепо...

Мелания. А как буду я с тобой... как будешь ты моим...

Протасов *(немного раздражен)*. Что-о? Как это — моим? *(Смотрит на нее и негромко, почти со страхом.)* Мелания Николаевна... нужно объясниться! Вы извините меня... Я ставлю вопрос прямо... Вы, может быть, влюбились в меня?

Мелания *(тоже несколько секунд смотрит на*

него и — упавшим голосом). А про что же я говорю... родной мой! Про это я и говорю.

Протасов. Да?.. Извините... я думал... я думал, вы не так...

Мелания *(тихо)*. Так, что вот обезумела...

Протасов *(нервно бегая по комнате)*. Я, конечно... очень благодарен... очень тронут... Но, к сожалению... ведь я — женат... нет, не то! Видите ли... сразу это нельзя разрешить... да! Но, знаете, не нужно, чтобы это знала Лена... мы уж как-нибудь одни разберемся...

Мелания. Да она знает...

Протасов *(почти с отчаянием)*. Что — знает? *(Чепурной и Лиза идут сверху по лестнице. Молча проходят через комнату на террасу. Чепурной — угрюмо спокоен. Лиза — взволнована.)*

Мелания *(тихо)*. Ой, идут! Тише... брат!

Протасов *(сестре)*. А... гм! Вы... идете?

Чепурной *(глухо)*. Идем...

(Пауза.)

Протасов *(очень искренно и просто)*. Мелания Николаевна! Согласитесь, — тут такое исключительное положение... невозможное положение... Вероятно, я вам смешон... и это обижает вас... Но, милая, хорошая моя... это так странно и — так не нужно мне!

Мелания. Не нужно?

Протасов. Нет!.. Простите меня... И я должен сказать всё это Лене... И — потом — я уйду... она всё там еще... это меня беспокоит... И я не могу не сказать ей... Вы не сердитесь... *(Идет к себе. Мелания — тихо за ним... Потом возвращается, растерянная, жалкая.)*

Мелания *(про себя)*. Не дошло до него... Стыд-то какой!.. *(Елена входит в дверь с террасы.)* Милая вы моя! Пожалейте дуру...

Елена. Что такое? Вы... сказали Павлу?

Мелания. Всё сказала...

Елена. И — он? Что же?

Мелания. Все слова мои... вся любовь моя — всё упало, как пыль на воду...

Елена (*просто, искренно*). Мне больно за вас... Что он говорил?..

Мелания. Не знаю... Ничего не пристало к нему... не дошло ему до сердца! Видно, огонь грязью не запачкаешь... На колени становилась я... не понимает...

Елена. Я говорила вам — подождите! Сначала нужно было мне спросить его...

Мелания. А я про вас подумала: обманет... Всё я отдавала ему... все деньги, цену души моей, на поругание проданной... не принял! Кто еще не принял бы? Только он...

Протасов (*выходит со шляпой в руке*). Елена, — ванну! Немедленно! И — всё долой с себя, в печку! Фима!.. Ванну! Эта Фима, чёрт бы ее побрал, миф какой-то, а не горничная...

Елена. Не суетись так... Ванна — готова, и я всё сделаю.

Протасов. Иди! Пожалуйста... Холера — это не шутка...

Елена (*уходя*). Иду, иду...

(*Протасов, проводив жену, боязливо, исподлобья смотрит на Меланию. Она сидит, как виноватая, низко опустив голову.*)

Протасов (*ходит*). Д-да... какой сегодня пасмурный и вообще... неприятный день!

Мелания (*тихо*). Да...

Протасов. Да. И эта холера... так несвоевременно...

Мелания. Действительно... вдруг...

Протасов. А тут еще у меня холодильник сломался...

Мелания. Павел Федорович, простите меня!

Протасов (*опасливо*). То есть как это? Что именно вы хотите сказать?..

Мелания. Забудьте всё... всё, что говорила я вам... Забудьте!

Протасов (*радостно*). Нет, — серьезно?

Мелания. Серьезно... Глупая... дерзкая я...

Протасов. Мелания Николаевна! Я вас очень люблю... т. е. уважаю! Вы удивительно непосредственный и цельный человек! Вы так горячо интересуетесь всем... Но — голубушка моя! — это лишнее... т. е. всё, что вы говорили мне, это не нужно! Будемте добрыми друзьями... вот и всё! Все люди должны быть друзьями... так?

Мелания. Стыдно мне смотреть на вас...

Протасов. Оставим это... Вашу руку!.. Вот чудесно! Нет, знаете, как хороши люди! Сколько в них простоты, ума и такой славной способности понимать друг друга... Люблю людей, — изумительно интересные существа!

Мелания *(усмехаясь)*. Я не видала людей-то... я среди торговцев жила... муж у меня мясом торговал... Вот только у вас увидела, что люди есть... и сейчас же покупать стала...

Протасов. Как вы говорите?

Мелания. Не слушайте меня... так это я...

Протасов *(оживленно)*. Знаете что? Давайте выпьем чаю?!

Мелания. Хорошо... Я к Елене Николаевне пройду... оправлюсь хоть...

Протасов. А я — распоряжусь насчет чая! У меня, знаете, холодильник сломался, чёрт его возьми, а у Егора — жена заболела; починить некому, и я сегодня — не могу работать... *(Смеется, идет к себе.)*

Мелания *(вслед ему, с глубоким чувством)*. Дитя ты мое милое... дитя мое прекрасное... *(Идет к Елене. Антоновна из столовой, раздраженная. Ворчит.)*

Антоновна. Как Мамай прошел по дому... нате-ка, поглядите! Разбросано всё, растворено... Уйти нельзя... Только у мертвеньких и порядок... на кладбище-то... Только там, видно, и спокой... *(В дверь с террасы входят Лиза и Чепурной.)* Лизанька, лекарство и молоко...

Лиза *(раздраженно)*. Молчи! Иди...

Антоновна. Нате-ка! *(Уходит.)*

Чепурной. Значит, кончено?

Л и з а. Да, Борис Николаевич!.. Больше ни слова об этом, никогда!

Ч е п у р н о й. Так... Я ведь сегодня потому говорил, что, показалось мне, ошибаетесь вы...

Л и з а. Нет! Не болезнь мешает мне... я не боюсь ее... Но — не могу я... не хочу я иметь детей... Никто не спрашивает себя — зачем рождаются люди? Я — спросила... Для личной жизни — нет места на земле тому, кто не имеет силы всю жизнь земли сделать личной, своей... Так вы — уедете, да?

Ч е п у р н о й *(спокойно)*. Хорошо...

(Вагин идет с террасы.)

Л и з а. Вам лучше будет... И не носите красных галстуков... это вульгарно! Как мне жаль, что именно сегодня вы — в красном...

В а г и н. Вот день! Точно в октябре...

Ч е п у р н о й. Денек задался скверный.

Л и з а. Вы куда думаете ехать?

Ч е п у р н о й *(спокойно)*. Я? А в Могилевскую губернию...

Л и з а *(тревожно)*. Почему... именно в эту?

Ч е п у р н о й. У меня там знакомых много...

В а г и н. Уехал в Могилевскую губернию, — так каламбуристы говорят иногда о покойниках...

Л и з а *(вздвигнув)*. Что это вы? Фуй...

В а г и н. Вы испугались каламбура? Уж не думаете ли вы, что Борис Николаевич — умрет? Разве только застрелится...

Л и з а *(укоризненно и тревожно)*. Зачем вы говорите так?

В а г и н. Спешу успокоить вас: не знаю случая, чтобы ветеринар застрелился...

А н т о н о в н а *(из столовой)*. Лизанька, иди чай наливать...

(Лиза молча идет.)

В а г и н. Грешный человек, люблю позлить ее... Интересничает она своей скорбью о мире... Скучнейший народ эти страдальцы за муки мира... И мне органически враждебно всё нездоровое...

Чепурной. Что ж вы ту картину — «К солнцу идут» или как оно? — будете писать?

Вагин. Непременно! Великолепная тема, а? Кстати — мне нужно бы вас для нее...

Чепурной (*удивлен*). Меня? Где ж мне там место? На дне корабля?

Вагин (*всматриваясь*). У вас над глазами есть одна такая упрямая складка... это очень характерно! Вы ничего не будете иметь, если я сейчас схвачу ее?

Чепурной. Хватайте...

Вагин (*вынимает альбом*). Роскошно... я — в минуту! (*Рисует.*)

Чепурной. Вы анекдоты любите?

Вагин. Очень! Если они не глупые...

Чепурной. Так вот я вам расскажу один...

Вагин. Пожалуйста... А я, когда рисую, молчу...

Чепурной. Я слышу, как вы молчите... Вот оно как было: когда-то через Ламанш, из Дувра в Кале, ехало английское посольство, и был на корабле француз. Хвастались, кто лучше: англичане или французы? Англичане говорят: мы везде! А француз говорит: нет! В этом проливе наших дипломатов много утонуло, а вот английских — ни одного! Тут молодой англичанин из посольства прыгнул за борт — гоп! — и утонул...

Вагин (*после паузы*). Ну? И что же?

Чепурной. Больше ничего...

Вагин. Это — весь анекдот?

Чепурной. Весь... Что ж вам? Захотел человек поддержать честь нации и — утонул!

Вагин. Ну, знаете, ваш анекдот хоть и морской, а не солон...

Чепурной. А хорошо вы галстух завязываете...

Вагин. Нравится? Это одна дама научила...

Чепурной. И цвет хороший...

Протасов (*входит*). Здесь рисуют? А Лена еще не выходила? Знаешь, Дмитрий, она сегодня возилась с холерной...

Вагин. Что-о?

Протасов. Да, да! С женой моего слесаря! Каково?

Вагин. По меньшей мере, неразумно! И как ты позволил?

Елена (*выходит*). Разве мне можно не позволять?

Вагин. Но ведь это же... не ваше дело!

Елена. Почему? Если я хочу его делать, значит, мое...

Вагин. Вы и... чёрт знает что!

Протасов. Нет, она молодец! Хотя я боялся за нее... Ты выпила капли, да?

Вагин (*кончил рисовать*). Вот и всё... спасибо!.. Славная это черточка у вас...

Чепурной. Очень рад...

Лиза (*из столовой*). Идите же пить чай!

Вагин. Идем! (*Берет под руку Чепурного, идут.*)

Протасов (*вполголоса*). Лена, мне что-то нужно сказать тебе...

Елена. Сейчас?

Протасов (*торопливо*). Да! Знаешь, случилось что-то чрезвычайно нелепое! Мелания Николаевна — она ушла?

Елена (*улыбаясь*). Ушла...

Протасов. Ты подожди, не смейся! Она, кажется, знаешь, влюбилась в меня! Самым обыкновенным образом, — как это нравится тебе? Ей-богу, я — не подавал ей повода, Лена... чего ты смеешься? Нужно отнестись к этому серьезно... это так неприятно, если бы ты знала! Она тут плакала, поцеловала мне брюки... и руку, вот эту...

Елена (*смеясь*). Перестань, Павел...

Протасов (*немного сердится*). Ты меня удивляешь! Я же говорю, она серьезно. Она предлагала мне все свои деньги... Хочу, говорит, жить с тобой! Понимаешь, говорит мне «ты»! Не подумай, пожалуйста... я не давал ей права на это... И от нее почему-то пахнет селитрой... чего ты?

Елена (*смеясь*). Я не могу... это смешно... ты — смешной!

Протасов (*несколько обижен*). Почему? Это —

тяжело, а не смешно... это нелепо! Я так испугался... что-то говорил ей, а в голове у меня всё перевернулось кверху ногами... Она очень серьезно, заметь! Да, — она говорила еще, что ты всё знаешь, но что именно, — я не понял... Сначала я не хотел тебе говорить об этом...

Е л е н а (ласково). Я всё знаю... славный ты мой!

П р о т а с о в. Знаешь? Как же... что же ты меня не предупредила...

Е л е н а (как бы вспомнила что-то и — сухо). Давай оставим это до вечера...

П р о т а с о в. Да, хорошо... Я хочу чаю... Но если ты знаешь, я рад! Значит, ты сама и распутаешь всё это, — да?

Л и з а (из столовой). Лена! Пойди сюда...

Е л е н а. Иду...

П р о т а с о в. Так уж ты возьми всё это на себя...

Е л е н а. Хорошо... не беспокойся!.. Идем...

(Идут.)

П р о т а с о в. Знаешь, когда я поднимал ее с пола, то под мышками... (Докапчивает шёпотом.)

Е л е н а. Фи, Павел! Как грубо...

(Сцена несколько секунд пуста. Из столовой доносится говор и звон посуды. Выходит Чепурной — со словами: «Ну, я здесь покурю»... Проходит к окну, заложив руки за спину. Вынимает изо рта папиросу, смотрит на нее и вполголоса поет.)

Ч е п у р н о й. «Ночевала тучка золотая...» (Голос у него вздрагивает и срывается.) Э-гм... «Но-очевала тучка золотая...»

В а г и н (выходит). «На груди утеса великана...» И меня изгнали, — не велят курить...

Ч е п у р н о й. Так вы любите анекдоты?

В а г и н. У вас есть еще один скучный?

Ч е п у р н о й. Я вам другой сочиню... А теперь — пойду себе до дому...

В а г и н. А когда же анекдот?

Ч е п у р н о й. Завтра! Дождь идет... Чи бул

у меня зонтик, чи не бул? — как говорил, бывало, Гамлет, принц датский... Прощайте!

Вагин (*задерживая его за руку*). Вы куда-то уезжаете, я понял?

Чепурной (*усмехаясь*). Да, еду... Надо поехать...

Вагин (*тоже улыбаясь*). Ну, счастливой дороги! Вы мне почему-то очень понравились сегодня...

Чепурной. Спасибо...

Вагин. Вы сегодня похожи на влюбленного... Скажите, вы влюблялись когда-нибудь?..

Чепурной. А как был студентом, то к хозяйке моей квартиры слабость имел, и даже объяснил ей это...

Вагин. Красивая?..

Чепурной. Это трудно было понять... она уже лет пятьдесят имела в то время... А когда я объяснил ей, она за квартиру три рубля в месяц лишних накинула.

Вагин (*смеясь*). Серьезно?

Чепурной. Да, уж так... Ну... Прощайте ж!

(Смеется, уходит в столовую. Вагин задумчиво смотрит вслед ему, потом ходит по комнате, курит, мурлычет что-то и потряхивает головой. Антоновна — из комнаты Елены.)

Антоновна (*ворчливо*). А я думала — это тот выхаживает...

Вагин. Кто — тот?

Антоновна. Хохол. Где он?

Вагин. Ушел домой...

Антоновна. Только и знает: прийти, чаю попить да уйти... А девушка — истомилась вся... ночей не спит... Хоть бы вы ему сказали, что ли уж...

Вагин. Какая девушка? Почему она не спит? И что надо сказать девушке?

Антоновна. А ну вас... Одна у нас в доме девушка... Она в годах... чего ее без толку тревожить? И так вся изболела... А вы всё тут ходите да разговариваете, и никому нет дела, что человеку так, может,

трудно, хоть руки на себя наложить... (Идет в сторону.)

Вагин (крепко потирает лоб, задумывается, потом встряхивает головой, как бы приняв некое решение). Павел!

Протасов (с книгой в руке). Вот я...

Вагин (неприятенно). Какое у тебя самодовольное лицо!

Протасов (удивлен). Ты за этим звал меня?..

Вагин. Мне нужно поговорить с тобой...

Протасов (зевает). А-а... Сегодня все хотят говорить со мной... Я уже много слышал необычного, и — ни одного слова путного...

Вагин. Вот я тебе скажу нечто путное...

Протасов (смотрит в книгу). Не будь самонадеян...

Вагин. Положи книгу...

Протасов. Куда? То есть, зачем?

Вагин. Куда-нибудь... Дело вот в чем... я люблю Елену Николаевну...

Протасов (спокойно). Вот удивил! Как же ее не любить?

Вагин. Я люблю ее, пойми! — как женщину...

Протасов (спокойно). Ну, и что ж? (Спохватившись, вскакивает.) А... а она? Она — знает? Ты сказал ей? Что она ответила?

Вагин. Да... она знает...

Протасов (тревожно). Ну? Что ж... она ответила?

Вагин (смущенно). Ничего... определенного... пока...

Протасов (рад). Ну, конечно! Я же знал это... разумеется...

Вагин (сдержанно). Подожди... дело, собственно, в том, что ты скверно относишься к ней...

Протасов (изумленно). Я? Как? Когда?

Вагин. Ты — игнорируешь ее... Ты убил в ней любовь к тебе...

Протасов (испуган). Это... она говорит?

Вагин. Это я говорю...

Протасов (обиженно). Позвольте, господа! Что

вы сегодня — с ума все сошли? Один говорит: я не люблю Лену; другой: она меня не любит... Что это такое? Вы совершенно неменяемы... и с вами наконец потеряешь голову! А она молчит... она — не говорит! При чем здесь вы? Ничего не понимаю!

Вагин. Павел, мы с тобой друзья с детства... я люблю тебя...

Протасов. Если можешь, прибавь к твоей любви немножко деликатности... да! И предоставьте вы человеку право говорить самому за себя... самому отстаивать свою свободу, свое достоинство... Когда он умеет делать это, он сделает лучше вас...

Вагин. А если — не умеет?

Протасов. Чёрт с ним тогда! Разве это человек?

Вагин. А — не хочет?

Протасов. Не хотеть — невозможно... Ты, Дмитрий, извини меня! Как все художники, ты несерьезен... Еще вчера ты молчал, а сегодня — вдруг! — я люблю ее...

Вагин. С тобой нельзя говорить... Впрочем, я сказал всё, что нужно было... Я — ухожу...

Протасов. Нет, подожди... я позову Лену... Лена!

Вагин (*тревожно*). Что ты? Зачем?

Протасов. Зачем? Лена! Пусть она при тебе скажет, в чем дело. Лена же! (*Елена выходит.*) Елена — вот! И он тоже, как эта Маланья, оказывается, влюблен... да! Но — он уже в тебя...

(*Елена вопросительно и строго смотрит на Вагина.*)

Вагин (*волнуясь*). Ну, да... что же? Я сказал ему, что люблю вас... что вам тяжело с ним...

Елена. Благодарю вас... Это так по-рыцарски... и так молодо... очень молодо!..

Вагин (*оскорблен*). Я не заслужил иронии. Я не хочу враждебного чувства к Павлу... а оно зарождалось... Пускай я сделал глупо, бестактно, грубо... но мной руководили чувства товарища... и любовь... Я поддался порыву, который вызвали в душе моей слова няньки... мне захотелось чего-то... хорошего для вас, Елена Николаевна... И между

такими людьми, каковы мы,— всё должно быть просто и ясно...

Елена. Я благодарю вас...

Протасов. Я ведь ничего не сказал обидного для тебя, Дмитрий?

Вагин. Нет! Я — уйду... До свидания...

Елена. Вы придете завтра... да?

Вагин (*уходит*). Да... вероятно...

Протасов (*вопросительно смотрит на жену*).

Ну, Лена? Что это? Как ты относишься к этому?

Елена. А — ты?

Протасов. Хорошо, что ты спокойная такая... ф-фу! Вот день! Он объяснялся с тобой?

Елена. Да, объяснялся...

Протасов. Говорил, что любит и прочее?

Елена. Именно это и прочее...

Протасов. Ишь, какой... художник! Ну, а ты что же говорила?

Елена. Много... разное...

Протасов. Но — ты сказала ему, что любишь меня?

Елена. Нет, не сказала...

Протасов. Это — напрасно. Надо было сказать... нужно было сразу сказать: я люблю Павла, т. е. мужа! После этого он, разумеется, должен был бы... мм... н-да! Ну, это я уж не могу решить, как бы он поступил в данном случае... да это, в сущности, и неважно!..

Елена. А что, по-твоему, важно?

Протасов. Чтобы подобный факт не повторился...

Елена. Павел! Ты говорил о нем и кое-что даже пытался решать за него... ты выразил желание, чтобы... всё это впредь не тревожило тебя... а где же я?

Протасов (*беспокойно*). То есть, как? Что ты хочешь сказать?

Елена. Немного. Я чувствую, что не нужна тебе. В твоей жизни я не играла никакой роли. Ты далек и чужд мне. Кто я для тебя? Ты никогда не спрашивал, чем я живу, что думаю...

Протасов. Не спрашивал? Но... мне некогда

разговаривать, Лена! И — почему ты сама не сказала...

Е л е н а (гордо). Я не хочу просить, как нищая, того, что я должна иметь по праву моему, человека и жены твоей... Я не могу просить, а требовать я не хотела... зачем насилие?

П р о т а с о в (с отчаянием). А, чёрт возьми, как это тяжело! Как ненужны все эти недоразумения... объяснения... как они обидны!

Е л е н а. Ты — не волнуйся. Видишь ли, я решила уйти от тебя... решила это твердо и мысленно уже простилась с тобой...

П р о т а с о в (поражен). Лена — нет! Куда уйти? Зачем? Ты... любишь Дмитрия? Да? Да?

Е л е н а. Нет. Не так, чтоб быть его женой...

П р о т а с о в (радостно). Как это хорошо! Но все-таки меня-то ты уже не любишь? Скажи! Скорее, Лена!

Е л е н а. Зачем тебе знать это?

П р о т а с о в (искренно). Ах, да ведь я тебя люблю...

Е л е н а. Полно, Павел...

П р о т а с о в (убежденно). Честное слово, Лена! Но мне так некогда... Послушай, ведь это несерьезно у тебя!.. Я понимаю, ты обижена... прости, извини, забудь! Ведь если ты уйдешь, я буду думать, где ты, что с тобой... а мои работы? Ты меня изувечишь, Лена... как же мои работы? Ведь или работать, или думать о тебе...

Е л е н а (с горечью). Проверь свои слова: ни слова обо мне... ни одного слова, мой друг!

П р о т а с о в (опускаясь на колени). Как ни слова? Да я же говорю, что не могу жить без тебя!.. Лена, пусть я виноват, — прости меня! Не мешай мне жить... жизнь — коротка, а в ней так много интересной работы!

Е л е н а. А для меня? Что в ней есть для меня? *(Прислушиваясь.)* Подожди...

(На лестнице шаги, торопливые и громкие. Протасов пугливо вскакивает. Сбегает Лиза, ее глаза широко открыты, и в них — ужас. Шевелит губами, делает знаки руками, — не может говорить.)

Протасов. Лиза! Что ты?

Елена. Воды! Дай воду!

Лиза. Нет! Послушайте... сейчас случилось несчастье... Поверьте мне, я знаю... такая тоска, вдруг... сердце точно умирает! Случилось несчастье где-то... с кем-то близким...

Елена. Полно, успокойся... тебе почудилось...

Лиза *(кричит)*. Поверьте мне... поверьте! *(Падает на руки брата.)*

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Обстановка второго действия. Полдень. Позавтракали, подак кофе. Р о м а н, в красной рубахе, чинит решетку сада. Л у ш а, стоя у террасы, смотрит на него. В комнатах смеется П р о т а с о в.

Л у ш а. Ты какой губернии?

Р о м а н. Рязанской.

Л у ш а. А я — калужская...

Р о м а н. Ничего... что же?

Л у ш а. Страшный ты больно...

Р о м а н (*ухмыляется*). Чего — страшный? Что бо-рода? Это ничего! Я вдовый... жениться надо...

Л у ш а (*подходя ближе*). А правду в лавочке го-ворили, будто барин-то мой чернокнижник?

Р о м а н. Может, и чернокнижник... Господа — они способные...

Л у ш а. Боюсь я... больно они все ласковые... такие ласковые — будто и не господа!

Р о м а н. Вот тоже, которые деньги фальшивые делают...

Л у ш а. Ну?

Р о м а н. Ну, ничего... В каторгу за это их...

(*Протасов и Лиза выходят из комнат.*)

П р о т а с о в. Вот и чудесно! Пей свое молоко...

Л и з а (*с гримасой, устало*). Зачем этот мужик в красном?

П р о т а с о в. Так ему нравится... Знаешь, Лена — это такая славная, умная женщина...

Л и з а (*мешает ложкой молоко*). Да?

Протасов (*ходит по террасе*). Да, Лиза, да! Поверь мне... А это вот новая горничная... вот какая! Вас как зовут?

Луша (*робея*). Нас? Лукерья...

Протасов. Ага... Лукерья... гм! Вы — грамотная?

Луша. Нету... Молитвы знаю...

Протасов А... вы — замужняя?

Луша. Нет еще... девицы мы...

Протасов. Вы, очевидно, прямо из деревни?

Луша. Прямо... мы прямо...

Протасов. Это хорошо... ну вот, живите у нас... мы люди простые... у нас, знаете... забавно!

Лиза (*улыбаясь*). Какой ты всегда смешной, Павел...

Протасов. Смешной? Ну что ж!.. Знаешь, Лиза, вот и Лена говорит тоже... ты, вообще, права... Мы все действительно далеко стоим от простых людей... и надо что-то делать, надо, чтоб они подошли ближе к нам... Елена прекрасно говорила об этом... так просто, доказательно... Я — поражен, — такое богатство ума и сердца было около меня, а я не знал! И не умел пользоваться. Во мне, очевидно, есть что-то тупое, ограниченное...

Лиза. Полно! Просто ты не замечаешь людей...

Протасов. Да, да! Что-то есть. Вчера, когда мы тебя уложили, я часа три говорил с Леной... Потом мы... послали за Дмитрием... Ты знаешь, он... ах, да об этом не надо говорить...

Лиза. О чем?

Протасов. Да... там... Дмитрий будто бы влюбился в Елену... т. е. это он же сам и говорит... Но я ему не верю... и она тоже... Елена великолепно говорила с ним... знаешь, как умная и любящая мать... И это было трогательно... так что все мы плакали... Знаешь, Лиза... как легко и приятно жить, если люди понимают и уважают друг друга! Мы все трое будем друзьями...

Лиза (*горько*). Трое? А я?

Протасов. И ты, конечно! Разумеется, и ты... Мы все, Лиза, будем друзьями, будем работать, нако-

пим для людей много сокровищ чувства и мысли, и, гордые сознанием, что вот мы — мы — сделали много важного и нужного для людей, уйдем из жизни, приятно усталые, спокойно примиренные с необходимостью уйти... Как это славно, Лиза! Как это ясно, просто!..

Л и з а. Люблю, когда ты говоришь так... люблю тебя, и жизнь мне кажется такой, как ты ее рисуешь, — простой, красивой... Но когда я — одна... а я — всегда одна...

П р о т а с о в. Не надо быть грустной, Лиза, а? Вчера тебе представилось... это всё только больные нервы...

Л и з а (*пугливо*). Не говори мне о болезни! Не говори... Дайте мне забыть ее... Мне это нужно, необходимо... Довольно... я тоже хочу жить... я имею право жить!

П р о т а с о в. Ты — не волнуйся... (*Идет Елена.*) Вот и Лена... вот моя Лена, мой добрый и немножко... суровый, строгий друг...

Е л е н а. Ну, полно... не надо. (*Указывает глазами на Лизу.*)

Л и з а (*нервно*). Елена! Ты ведь его любишь, да?

Е л е н а (*смущаясь*). Ну да, конечно...

Л и з а. Как я рада!.. А мне казалось...

Е л е н а. Мне бывало порой тяжело... безумно тяжело! Ведь этот господин — незаметно для себя и вовсе не желая — так может оскорбить...

Л и з а (*возбужденно*). Подожди!.. Я — тоже... я люблю Бориса Николаевича... Вчера я ему отказала... совсем, совершенно! А вечером мне вдруг почудилось, что с ним... произошло какое-то несчастье... какой-то ужас... с ним! Он ведь всех ближе мне... ближе всех вас!.. И вчера я узнала, что люблю его... что он мне нужен... и я не могу без него!..

Н а з а р (*кричит где-то на дворе*). Роман!..

Р о м а н (*негромко*). Чего?

Л и з а. Он такой... упрямый! Ведь он славный... да?

Е л е н а (*целуя ее*). Милая Лиза... желаю тебе счастья... немножко счастья — это так нужно всем нам...

Л и з а. Какие у тебя горячие губы...

П р о т а с о в. Ну — поздравляю! Это, ты увидишь, — чудесно подействует на тебя! Нормальная жизнь — это очень важно! И Чепурной... он мне нравится!.. Он — несравненно умнее своей сестры...

Н а з а р *(кричит)*. Роман, чёрт!

Р о м а н. Я говорю — чего?

Л и з а. Теперь я спокойна... Мы с ним уедем в степь куда-то... он любит степь... Мы будем с ним одни — совсем одни! — ходить по зеленой пустыне... и всё будет видно вокруг нас... всё и — ничего!

Н а з а р *(выходит из-за угла дома)*. Роман! Я тебя зову или нет?

Р о м а н. Я слышу... чего же?

Н а з а р. Облом! Запри, ступай, ворота и калитку... Мое почтение, Павел Федорович!.. Как здравствуете?..

П р о т а с о в. Великолепно!.. Что это вы запираете?

Н а з а р. Не слышали разве? Волнение идет в народе... по случаю болезни этой... Народ так понимает, что болезни вовсе нет. а, дескать, господа доктора для практики... стараются...

П р о т а с о в. Какая дикая ерунда!..

Н а з а р. Конечно-с... известно — народ! Так о нем и выражаются — подлый народ! Выдумывает всё, по дикости своей... дескать, докторов много, работы — нет им... ну они и — того... На всякий случай — для охраны имущества и покоя — я и велел ворота запереть...

П р о т а с о в. Нет, положительно только у нас возможна подобная велепость!

Н а з а р. Что и говорить... Вчера будто одного доктора помяли...

Л и з а. Какого? Фамилия... вы не знаете фамилии?

Н а з а р. Не знаю-с...

Е л е н а. Лиза!.. Что ты? Ведь Борис Николаевич не доктор...

Л и з а. Да... он не доктор...

Е л е н а. Идем отсюда... *(Уводит ее в комнаты.)*

Н а з а р. Напугал я барышню-то... Павел Федорович! А что, господин Чепурнов не говорил с вами?..

Миша (*является из-за угла*). Папаша! Там подрядчик пришел... Честь имею!

Протасов. Здравствуйте...

Назар. А я скажу — до приятного свидания!
(*Уходит.*)

Миша. Приятный день... не жарко...

Протасов. Да... приятно!

Миша. Позволю себе спросить вас: девушка у вас служила, — ушла она?

Протасов. Да, ушла...

Миша. Говорят, замуж она выходит, и будто за богатого?

Протасов. Не знаю... как мне знать?

Миша. А что она была — честная девушка?

Протасов. Безусловно! Только — неловкая... Очень много била посуды...

Миша. Н-да... скажите! Гм... А что, Павел Федорович, папаша мой ничего с вами не говорил о химическом заводе?..

Протасов (*удивленно*). О заводе? Нет! О каком, собственно, заводе?

Миша. А видите ли, есть у нас идея: выстроить химический завод, а вас взять управляющим...

Протасов. Позвольте... как это — взять? Что я — мешок? Вы несколько странно выражаетесь...

Миша. Пардон! Но — дело не в слове... оно глубже... Мы — т. е. я и папаша — относимся к вам лично с большим вниманием...

Протасов (*сухо*). Весьма тронут...

Миша. Средства ваши нам известны, и мы знаем, что вскорости вам, вероятно, придется место службы искать... А служить — это так трудно... тем более — вам...

Протасов. Гм... да! Вы, пожалуй, правы...

Миша. Вот я и папаша, оценив ваши способности и знания, видя, что вы человек для компании удобный, решили сделать вам такое предложение: составьте нам смету на оборудование завода...

Протасов. Но — позвольте! — я совершенно не умею составлять смет... никогда не составлял! И тех-

ническая химия меня не интересует... Я очень благодарен за вашу любезность...

Миша. А техникой не интересуетесь?

Протасов. О нет... это скучная вещь... это не для меня!

Миша *(смотрит на него, сожалея)*. Вы — серьезно?

Протасов. Совершенно серьезно...

Миша. Очень жаль... Но вы — на мой взгляд — должны будете передумать... а пока — до свидания! *(Уходит. Елена идет из комнат.)*

Елена *(тревожно)*. Павел...

Протасов. Что?

Елена. Мне кажется, Лиза серьезно заболела...

Протасов. Ну, это у нее всегда так после припадков... ничего! А я сейчас говорил с этим... сыном домохозяина... Такой антипатичный малый и — представь себе! — обнаружил прямо-таки трогательное внимание ко мне... Правда, в форме несколько грубой... но все-таки — предлагает составить какую-то смету и вообще...

Елена. И вообще хочет использовать тебя как орудие для своего обогащения... Я знаю их намерения, старик говорил со мной... Что это — тебе холодно?

Протасов. Почему? Нисколько!

Елена. Зачем же ты надел галоши?

Протасов *(смотрит на ноги)*. Действительно... галоши! Когда это я их надел? Странно... Я не знаю, право, как это они...

Елена. Может быть, это новая горничная так подала тебе обувь... а ты не заметил...

Протасов. Да — ты ее, пожалуйста, не пускай ко мне... я ее — боюсь, она такая дикая! Еще перебьет у меня всё... или обольется чем-нибудь... Утром я застал ее: мочит себе голову перекисью водорода, — очевидно, думала, что это одеколон... *(Берет ее за руки.)* Милая моя Ленка, как ты меня вчера... измучила!

Елена. В несколько минут? А я мучилась месяцы... годы...

Протасов. Ну-ну, не надо...

Елена. Если б ты знал, как унизительно любить, когда не чувствуют твоей любви! Ты делал из меня

нищую... заставляя меня ждать твоего внимания и ласки... Как это обидно — ждать ласки!.. Твоя душа — такая светлая... милая твоя голова много думает о великом, но мало о лучшем из великого — о людях...

Протасов. Всё это — прошло, Лена!.. Всё уже прошло... Только вот... Дмитрий... мне, право, жаль его... Кто-то звонит... ага! ворота заперты! Вероятно, Дмитрий... я бы хотел, чтоб это был Чепурной... ради Лизы, конечно!

Елена (*плутовато*). Ради Лизы? да?

Протасов. Ну, Лена... неужели ты меня подозреваешь в ревности и... прочее...

Елена (*торжественно*). О, конечно, нет! Ты? Ты, для которого, кроме науки...

Протасов. Вдруг я тебя побью, Ленка, а? (*Хочет поцеловать ее. Видит — к террасе идет Мелания. Сконфужен. Говорит озабоченно.*) Ты, Лена... пришла... и у тебя на плече какое-то перо...

Мелания (*улыбаясь виновато*). Здравствуйте...

Протасов (*преувеличенно рад*). Мелания Николаевна! Вы... вас так давно не видать!

Мелания. Где же давно? Вчера была... а вы уже запамятовали это?

Протасов. Ах... да! Нет, как же... я помню...

Мелания. А я думала, вы посмеетесь надо мной за вчерашнее-то...

Протасов (*торопливо*). Ну, что вы! Это — пустяки! (*Спозватился.*) То есть я хотел сказать, это с каждым может случиться... (*Окончательно теряетя.*)

Елена. Ты уж лучше не говори, Павел...

Мелания (*любовно и грустно*). Эх вы...

Протасов. Д-да! Я уж... не буду! Пойду... сниму галоши... Чёрт знает, зачем они?

Мелания (*грустно усмехаясь*). Вот он — пустяки, говорит... Я всю душу перед ним открыла... а он — это, говорит, со всяким может случиться... точно я на мозоль наступила ему!

Елена. Не обижайтесь на него, Меланья Николаевна!

Мелания (*искренно*). Голубушка моя! Мне ли обижаться на него? Я вот всю ночь не спала, всё ходила

по комнатам — думала: как это осмелилась я говорить с ним? Знаете что? Была у меня все-таки мысль: деньгами привлеку! Кто против больших денег устоять может? — думаю... А он не соблазнился...

Е л е н а. Забудьте это... *(Лиза медленно идет.)*
Ты что, Лиза?

Л и з а *(тоскливо)*. Бориса Николаевича нет?

Е л е н а. Нет еще... не приходил ..

Л и з а. Нет... *(Уходит в комнаты.)*

М е л а н и я. Не поздоровалась со мной... И какая бледная!

Е л е н а. Вчера припадок был...

М е л а н и я. Опять? Бедняга... Вы говорите, чтобы я забыла, — нет, не забуду! Не надо забывать: забуду, снова выкину что-нибудь эдакое же... Родная вы моя! Ах, и подлая я бабенка! Нахальная, испорченная... мыслей у меня немного, и все они — не прямые, а так, как червяки, — во все стороны виляют... И не хочу я этих мыслей, не хочу!.. Я хочу быть честной... надо мне честной быть... а то я столько зла могу сделать...

Е л е н а. Хотите — значит, будете! Какой тяжелой, уродливой жизнью жили вы... Вам надо отдохнуть, забыть о прошлом...

М е л а н и я. Мне было тяжело... Бог это знает! Как били меня... но не бока, не щеки я жалею, — душу жалко! Душу исковеркали мне... сердце мое выпачкали. Верить в хорошее — трудно мне, а без этой веры — какая жизнь? Вон — Борис надо всем смеется, ни во что не верит... что же он? Как пес бездомный... Вот вы тогда сразу поверили мне. Удивилась я... Обманывает, думаю... А вы приласкали, разъяснили мне меня...

Е л е н а. Будет, хорошая моя...

М е л а н и я. И как вы хорошо, просто как... Верно — не я, баба, люблю его, а я, человек... Человека-то я в себе и не чувствовала... в человека я не верила...

Е л е н а. Как я рада, что вы поняли это!

М е л а н и я. Сразу поняла. А все-таки дай, мол, попробую, может, и куплю себе забавного барина в мужья? Ведь вот подлая!

Е л е н а. Не говорите так о себе... Надо уважать себя,— без этого нельзя жить... Мне приласкать вас хочется...

М е л а н и я. Да, приласкайте! Подайте милостыньку Христа ради богатой бабе-торговке...

Е л е н а. Не надо так, не надо! И — не плачьте...

М е л а н и я. Ничего, пускай душа омоется... Елена Николаевна, приютите вы меня... Научите вы меня чему-нибудь доброму, хорошему... Вы — умная, вы можете... *(Лиза идет.)* Лизавета Федоровна, здравствуйте!

Л и з а *(молча подает руку)*. Он еще не пришел, Елена?

Е л е н а. Нет. Что с тобой?..

Л и з а. Нет?

Е л е н а. Тебе нехорошо?

Л и з а. Нет... так, тоска... Нет! *(Идет в сад.)*

М е л а н и я. Кого она ждет?

Е л е н а. Бориса Николаевича... Вы знаете: они жених и невеста...

М е л а н и я. Вот — господи! Значит, я — родня Павлу-то Федоровичу буду? И — вам? Ах, Борис... Лиза-то... милая! Я пойду к ней,— можно?

Е л е н а. Пожалуйста...

М е л а н и я *(оживленно, радостно)*. Нет, как всё устраивается! Что-то уж очень хорошо... Дайте — я вас поцелую... *(Антоновна выходит.)* Пойду к ней, в сад... Здравствуй, няня, здравствуй, милая... *(Идет.)*

А н т о н о в н а. Здравствуйте... Чего же эта лошадь, новая-то горничная, не убирает со стола?.. Взяли горничную из конторы... надо самим нанимать, а не через контору.

Е л е н а *(берет ее за плечи)*. Не ворчите, няня, сегодня такой светлый день...

А н т о н о в н а. Летом и должны быть теплые дни... а порядку — всегда время... Она вон, эта новая-то, как села давеча чай пить, так одна целый самовар и выхлебала... совсем как лошадь!

(Вагин идет.)

Е л е н а. Вам жалко воды...

А н т о н о в н а. Воды мне не жалко... А вот сахар она грызет, как репу... да... *(Идет в комнаты, захватив что-то со стола.)*

Е л е н а. А, здравствуйте, рыцарь...

В а г и н *(смущен)*. А руку поцеловать можно?

Е л е н а. Почему же нельзя?

В а г и н *(вздыхая)*. Да так уж...

Е л е н а. Как вы вздыхаете... О страдалец...

В а г и н *(задет)*. Смотрю я на вас... и знаете, что мне приходит в голову?

Е л е н а. Это — интересно... Что же?

В а г и н. Вы пользовались мной для того, чтоб Павел обратил на вас свое милостивое внимание... Это ловко сделано!

Е л е н а. Рыцарь! Какой тон... «Вы пользовались мной...» Что это? «Ловко сделано!».

В а г и н *(с горечью)*. Вы дали мне урок, как мальчишке...

Е л е н а *(серьезно)*. Дмитрий Сергеевич... я не люблю слушать вздора...

В а г и н *(задумчиво и просто)*. Я чувствую, что сыграл какую-то... не очень умную роль... и это меня обижает... И вообще я плохо себя чувствую... после вчерашнего разговора... как-то голова не в порядке... Елена Николаевна, скажите мне правду...

Е л е н а. Разве нужно просить меня об этом?

В а г и н. Мне хочется спросить вас: вы никогда не увлекались мной?..

Е л е н а. Как мужчиной — никогда! Как человека — я вас люблю серьезно и глубоко...

В а г и н *(усмехаясь)*. Это, должно быть, лестно мне? Не понимаю я людей... не понимаю!.. А вот я люблю всю вас... всю сразу! Вчера я почувствовал и понял, что женщина и человек так тесно спаяны, так неразрывно слиты в одно красивое, круглое целое... что мне и стыдно стало и жалко себя... И вчера я вас полюбил...

Е л е н а *(с досадой)*. Снова то же... зачем?

В а г и н *(просто и настойчиво)*. Да, полюбил! На всю жизнь... и ничего я у вас не прошу... Вероятно,

я — женюсь и прочее там... по положению, а любить буду вас... всегда! И достаточно об этом... надоел я вам, да?

Е л е н а (*протягивает ему руку*). Я верю вам... Мне кажется, вы говорите правду...

В а г и н. А раньше — никогда не чувствовали этой правды в моих словах — нет?

Е л е н а (*мягко улыбаясь*). Нет, никогда. Ведь как это случилось? Однажды, не сдержав себя, я вам пожаловалась на свое одиночество... Вы так прекрасно, просто отнеслись ко мне... так чисто! У меня явилось большое, горячее чувство благодарности вам, а вы тогда — заметьте! — тогда лишь только! — заговорили о любви...

В а г и н (*вдумываясь*). Тогда лишь?.. Вас это... оскорбило?

Е л е н а (*улыбаясь*). Не знаю... может быть, немного...

В а г и н (*с досадой и грустью*). Нет, я... не гениален, мягко говоря! Я глуп... не понимаю я людей!

Е л е н а. Оставим это... а? И будемте хорошими друзьями!..

В а г и н (*усмехаясь*). По рукам! Что ж?

Е л е н а. Дайте вашу голову... (*Целует его в лоб.*) Будьте свободны: для художника свобода так же необходима, как талант и ум... Будьте правдивы... и не смотрите на женщин так плохо...

В а г и н (*тронут, но сдерживается*). Дорогая моя, последнего не нужно бы говорить... Спасибо вам! Вы верно говорите — художник должен быть одинок... Свобода — ведь это одиночество, — не так ли?

Е л е н а. Да... вероятно, так, мой друг...

В а г и н. Павел идет... слышу его нелепые шаги... (*Протасов входит.*) Здравствуй, ты... соперник...

П р о т а с о в. А Мелания Николаевна ушла?

Е л е н а. Она в саду с Лизой... Позвать ее?

П р о т а с о в. Не финти, Ленка! Ты вон — взгляни: наша новая горничная собирается мыло есть... Я попросил ее развернуть кусок, а она сорвала бумажки, спрятала их в карман и потом — лизнула языком мыло...

Елена. Что такое? *(Идет в комнаты.)*

Вагин. Оставьте ее... пусть каждый наслаждается, как может... А я тут снова объяснялся в любви Елене Николаевне...

Протасов *(тревожно)*. Гм... Тебе, по-моему, уехать надо... Дмитрий... уехать! И всё пройдет...

Вагин. Я и уеду... хоть знаю — не пройдет! Но ты не беспокойся...

Протасов. Я — ничего... Только — неловко как-то...

Вагин. Счастливым быть неловко? Это, вероятно, делает тебе честь... хотя это и глупо...

Протасов. Ты не сердись на меня, Дмитрий... Ведь это... Лена! Я не виноват... Что ж, если она меня любит, а не тебя...

Вагин *(усмехаясь)*. О... как мило!

Протасов. Нет, Дмитрий, ты меня вчера ужасно подавил... ты лучше меня... да, да! Я — какая-то планета с неопределенной орбитой... вращаюсь около себя, куда-то лечу и — баста! А ты — вокруг солнца... ты в гармонии системы...

(Лица идет из сада, за ней — Мелания. Елена — из комнат.)

Вагин. Ну, как я там вращаюсь, это мне неизвестно... А тебе я советую вращаться около жены... не теряй ее из виду...

Протасов. Как все-таки хороши люди!

Лица *(тоскливо)*. Нет еще?

Елена. Нет, дорогая моя... послать за ним?

Лица. Не надо... нет... *(Уходит в комнаты.)*

Мелания *(тихо и тревожно)*. Господа! Она как будто заговаривается... говорит всё о степях, о пустынях...

Лица *(из комнат)*. Меланья Николаевна... где же вы?

Мелания *(убегая)*. Иду, иду...

Елена. Павел, она меня серьезно беспокоит... нужно позвать доктора...

Протасов. Ну, что же... я поеду...

Антоновна (*выходит*). Вам, Дмитрий Сергеевич, письмо.

Вагин. Откуда?

Антоновна. С квартиры... немедленно чтобы... (*Уходит.*)

Вагин. Ну, что такое? (*Рвет конверт, читает. Сильно поражен.*) Чёрт побери! Господа... Чепурной... слушайте!

Елена. Тише, тише, — Лиза... Что такое?

Вагин (*подавленно*). Уходя от вас вчера, он смеялся... шутил... честное слово! А теперь — вот... (*Читает — невольно с малороссийским акцентом и подражая голосу Чепурного.*) «А вот вам еще анекдот: ветеринар, и — удавился... Тоже захотел поддержать честь корпорации, как тот англичанин. Спасибо вам за складку, приятно всё же знать, что от тебя хоть какая-то морщина где-то осталась. Обращайте больше внимания на красоту галстуха, это важно... Чепурной».

Протасов. Да это несерьезно же!

Елена. Тише! Какой анекдот? Что это? Может быть, шутка?

Вагин. Нет... едва ли... Он смеялся, чёрт возьми...

Лиза (*быстро выходит, оглядывает всех*). Пришел? Где он?

Елена. Он не приходил...

Лиза. А голос? Его голос?.. Я слышала, он говорил сейчас... Что вы молчите? Где он?

Вагин. Это я... я говорил...

Лиза. Нет. Нет! Его голос...

Вагин. Я подражал ему... передразнивал...

Лиза. Зачем?

Вагин. Так...

Протасов. Видишь ли, мы тут болтали...вдруг...

Лиза. Что? Что вдруг?

Елена. Успокойся, Лиза...

Вагин. Я вспомнил его манеру говорить и сказал несколько фраз его голосом...

Лиза. Да? Это вы правду сказали? А почему они молчат? Павел, ты что? Что-то случилось, да? Милый Павел, ты не умеешь лгать... да? Что?

(*Вагин незаметно уходит в комнаты.*)

Протасов. Нет, Лиза... дело в том, видишь ли... это правда... т. е. говорил Дмитрий...

Елена. Послушай, Лиза, милая...

Лиза. Елена, не трогай меня... Павел, ты должен мне сказать...

Протасов. Я ничего не знаю...

Лиза. Что нужно знать? Елена, пошли за ним... за Борисом... сейчас же!

Елена. Да, да, сейчас же! Успокойся...

Лиза. Нет, вы что-то лжете... А где Вагин? Он говорит с его сестрой... и у нее лицо... лицо...

Протасов *(тихо, жене)*. Что делать?

Елена *(тихо)*. Доктора... скорее...

Лиза. Я упаду... Держи меня, Елена... я упаду... Вы о чем шептались?

Елена. Как успокоить тебя... Павел...

Лиза. Куда он побежал? Елена, ради бога! Смотри мне в глаза... не лги, Елена, я умоляю... *(Мелания из комнат, за ней — Вагин.)* Куда вы? Где он, ваш брат? Борис?

Мелания. Я не знаю...

Лиза. Ну, сразу... говорите сразу, сразу — умер?

Мелания. Не знаю... не знаю я... *(Идет к воротам.)*

Лиза. Нет! Нет! Нет же! Да скажите мне что-нибудь... ведь у меня сердце разрывается! Ведь если он умер, это я, я его убила... о нет!

Вагин. Позвольте, что за мысль...

Миша *(бежит к террасе и с оживлением, близким к радости, кричит)*. Господа! Вы знаете: ветеринар Чепурной...

Вагин *(грозя кулаком)*. Молчать, вы!..

Миша. ...повесился!

Лиза *(вырывается из рук Елены и спокойно, внятно)*. Вчера вечером, около девяти?..

Миша. Да, да... на раките, у речки... А я думал, вы не знаете... *(Уходит.)*

Лиза *(широко открыв глаза, смотрит на всех и негромко, со странной важностью в голосе)*. Я это знала... помнишь, Елена? Я это чувствовала... *(Тихо,*

с ужасом.) Нет! Нет! Ведь это не я... скажите, что не я убила... нет! *(Кричит.)* Я не хотела... нет!

(Вагин и Елена берут ее на руки и несут в комнаты. Она бьется и, всё учащая темп, кричит только одно слово: «Нет». Из-за угла террасы, не торопясь, выходит Роман и заглядывает в комнаты. Оттуда выбегает Луша, испуганная.)

Луша. Послушай... как тебя? Рязанский... чего это они делают?

Роман. А чего?

Луша. Тащат барышню-то, а она говорит — нет!

Роман. Это она кричала?

Луша. Она... а они ее и потащили... боюсь я!..

Роман *(философски)*. Чего ж она кричит?

Луша. Не знаю я... Вот так господа!

Роман. Кричать-то, пожалуй, не надо бы... не велят это...

Миша *(поспешно является из-за угла)*. Кто это кричал?

Роман *(живая головой на Лушу)*. Вот у них...

Луша *(отмахиваясь)*. Чего ты на меня? Это — у господ...

Миша *(строго)*. Кто кричал?

Луша. Барышня.

Миша *(присматриваясь к ней)*. Отчего?

Луша. Они ее тащили...

Миша. Кто?

Луша. Они... которые... там...

Миша *(хлопая ее по плечу)*. Эх ты... колода дубовая! *(Идет на террасу, Антоновна навстречу.)* Что у вас случилось, няня?

Антоновна. Припадок, с барышней...

Миша *(Роману и Луше)*. Вот видите, черти! *(Роман медленно отходит к изгороди сада и там снова начинает возиться)*. Отчего это, няня, а?

Антоновна. От господа... всё от него!

Миша *(коварно улыбаясь)*. А может быть, от ветеринара? *(Удовлетворенный, исчезает. Антоновна укоризненно смотрит на него и, вздохнув, говорит с сожалением.)*

А н т о н о в н а. Дурачок... Лукерья, ты чего же тут делаешь? Иди в комнаты...

Л у ш а. Нянька, это какой припадок-то? Черная немочь, что ли?

А н т о н о в н а. Да, да! А ты — иди...

Л у ш а (*идет*). Ну, черная-то немочь — ничего! Я видела... А напугалась я, как потащили барышню-то...

(*Роман что-то мычит. Вагин выходит из комнат, нахмуренный. Прохаживается по террасе, поглядывая на Романа. Вынимает альбом, карандаш.*)

В а г и н. Эй, дядя!

Р о м а н. Это я?

В а г и н. Ты. Постой так...

Р о м а н. Для чего?

В а г и н (*рисует*). А вот... я тебя нарисую...

Р о м а н. Ишь ты... Порчи мне от этого не будет?

В а г и н. Двугривенный будет.

Р о м а н. Ну, это ничего...

В а г и н. Голову выше подними...

Р о м а н (*задирая голову*). Можно...

В а г и н. Ниже... куда ты?

Р о м а н. Али хорош показался?

В а г и н (*сквозь зубы*). Недурен...

(*Пауза. Из комнат порою доносится стонущий звук. Где-то далеко на улице — смутный шум. Идет Мелания.*)

В а г и н. Ну? Что?

М е л а н и я (*глухо*). Видела... Страшный... сивый... Язык высунул и... точно насмехается... страшен! Как Лиза-то?

В а г и н (*угрюмо*). Вот — слышите?

М е л а н и я. Что это началось? Так хорошо было...

В а г и н. Почему именно — началось?

М е л а н и я. Не знаю... Ничего не понимаю... только — страшно... А вы — рисуете? Как это вы можете?

В а г и н (*не грубо*). А вы — дышите? Не дышать — не умеете?.. Ну, ладно, дядя... получи двугривенный! (*Бросает деньги к ногам Романа.*)

М е л а н и я. Елена Николаевна одна там? Пойду к ней, может, понадоблюсь... О господи... Надо хоронить Бориса и всё... а я ни о чем не распорядилась... взглянула на него и поехала сюда... На улицах народ чего-то шумит, бежит, суетится... а я ничего не понимаю... качается пред глазами синее лицо его, и язык мне показывает... смеется всё! *(Плачет и идет в комнаты.)*

Р о м а н *(с удовольствием)*. Гляди — барыня-то... заплакала. Чего она?

В а г и н. Брат помер...

Р о м а н. А-а! Ишь ты... Это — пичего... причина! А то бабы много зря плачут... Дашь ей по затылку, а она и ревет... *(Шум на улице становится яснее. Глухие крики. Где-то на дворе раздается пугливый крик Миши: «Роман!»)* Подождешь... *(Прислушивается.)* Пожар, видно... а может, бьют кого... Видно — вора... Тоже и вору тяжело бывает... Пойти взглянуть...

(Елена выходит. Вагин вопросительно смотрит на нее.)

Е л е н а *(очень взволнована)*. Едва ли она поправится...

В а г и н. Ну... полноте! Разве это впервые у нее?

Е л е н а. Это — впервые. У нее явилась хитрость безумных... Сначала она просила дать ей яду... потом, — как-то странно вдруг стала спокойнее... а в глазах ее загорелся хитрый огонек зверя...

В а г и н. Дать вам воды?

Е л е н а. Нет... Легла... Сказала мне, что я раздражаю ее... я вышла в соседнюю комнату... вдруг слышу — она тихо, тихо встала... идет... идет к столу Павла... а там, в ящике, лежал револьвер... вот он! Я боролась с ней... она царапала мне руки... как зверь... она была как зверь...

В а г и н. Чёрт возьми... и вы не позвали меня... не крикнули!..

Е л е н а. Не понимаю... как мы не застрелили друг друга... Теперь — она лежит... ее связали... Мне помогала горничная... а няня — смотрела и плакала... и умоляла не трогать Лизу... потому что она дочь генерала... Какой шум... почему это шумят? Где-то близко...

Вагин. Дворник пошел узнать, что это...

Елена. А Павла всё еще нет? Что это?

(У ворот дома — возня. Раздаются крики: «Держи его!» — «Ага-а!» — «Через забор...» — «Берегись, ребята...» — «Ты палкой?» — «Бей его!»)

Елена *(тревожно)*. Боже мой... идемте туда!

Вагин. Я — один...

(Из-за угла дома к террасе бросается доктор, растрепанный, без шляпы.)

Доктор. Спрячьте меня... закройте двери...

Елена. Доктор... что с вами?

Доктор. Быют... разбили барак... быют... за воротами поймали... убьют...

(Вагин бросается к воротам.)

Елена. Возьмите револьвер...

Доктор. Они вломятся и меня...

Елена *(ведет его в комнаты)*. Идите сюда... скорее! Няня... няня!..

(У ворот — громкий треск, сломали доску, хлопает калитка, звенит разбитое стекло. Выскакивает Протасов, на него лезет человек десять каких-то людей, он отмахивается от них шляпой и носовым платком. Это их забавляет, и некоторые из них — смеются.)

Протасов. Вы — ослы! Идиоты... прочь!

Первый *(из толпы)*. Ты меня платочком по морде...

Второй. Барин! Дай ему шляпой еще...

Третий *(злбно)*. Я те покажу, как ругаться...

Второй. Где доктор? Ищи его, ребята...

Третий. И это доктор... чего там?

Вагин *(где-то за углом)*. Запирай ворота... Дворник, гони их!

Протасов. Не смей меня толкать, дурак!

Вагин. Павел... Павел!.. Стойте! Буду бить... вон все!

(Являются Егор и Яков Трошин. Егор немного выпивши, Трошин — пьян сильно. Егор бросается на Протасова и хватает его за ворот.)

Е г о р. Ага... химик! Попался?

П р о т а с о в *(отталкивая)*. Не смей...

Е г о р. Ребята! Главный морила... Лекарства де-
лает!

П р о т а с о в. Врешь, болван! Я ничего не де-
лаю... Ко мне! На помощь!

Г о л о с и з т о л п ы. Кричи громче... не слышат!

*(На террасу выбегает Елена, видит свалку, выхватывает
револьвер, бросается к мужу.)*

Е л е н а. Егор, пустите! Прочь, Егор...

П р о т а с о в. Лена... Лена!..

Е г о р. А — помнишь? Холера, значит, умирай?
Помнишь, как ты...

Е л е н а. Я вас убью...

*(С появлением Елены в толпе раздаются несколько громких
возгласов: «Гляди, какая выскочила!» — «Эх ты,
с пистолетом!» — «Дай ей!» — «Сунься-ка...» — «Ишь,
какая!»)*

Е г о р. Барыня... я — овдовел...

Е л е н а. Буду стрелять!

Е г о р. И ты вдова будешь... удушю его!

*(Елена стреляет... Немного раньше сзади толпы, окру-
жавшей Егора, является Роман. В руках у него большой
осколок доски. Не торопясь, он взмахивает ею и бьет
по головам людей. Делает он это молча, сосредоточенно,
без раздражения. В момент, когда Елена стреляет
в Егора, Роман бьет его, и Егор, охнув, падает, увлекая
за собой Протасова. Елена идет на толпу, угрожая ре-
вольвером. После ее выстрела в толпе резкий поворот
настроения. Кто-то удивленно и негромко восклицает:
«Выстрелила!..» — «Гляди — упал...» — «Ах, собака...»
Кто-то бежит со двора и орет: «Ребята, убивают!»
Другой спешит за ним, крича: «Не трись... чего испу-
гался? Баба ведь...» Отступают почти все.)*

Е л е н а *(в самозабвении)*. Прочь!.. Буду стре-
лять... Дмитрий, где вы? Роман... помогите мужу!
Прочь!.. Звери!..

(Роман подходит к Трошину, который сидит на земле около Егора, что-то бормочет, тормошит его, и бьет Трошина доской. Тот мычит и падает. Вбегают из-за угла Вагин, сильно потрепанный, видит подвиг Романа.)

Вагин *(в руке у него кирпич)*. Что ты, чёрт, делаешь?

Роман. А чего?

Вагин *(к толпе)*. Елена... где Павел?

(Роман бросил доску и присел на корточки около Протасова.)

Елена *(приходя в себя)*. Его... он... упал...
(Кричит.) Он убит!

Вагин. Не может быть...

Мелания *(бежит, слышит крик Елены)*. Кто убит? Врете...

Елена *(направляя револьвер на Егора)*. Это вот он... я его...

Вагин *(выбивает револьвер)*. Что вы? Опомнитесь!

Мелания *(около Протасова)*. Он живой. Павел Федорович!..

Елена. Воды... дайте воды!

Вагин *(Мелании)*. Идите... воды дайте! Елена, успокойтесь...

(Мелания бежит в комнаты.)

Роман. Ничего... все живы... видишь, шевелятся... Так ли бьют людей... и то живы остаются!

(Вагин и Елена поднимают Павла. Он в обмороке. Роман тормошит Трошина.)

Елена *(со страхом)*. Павел... Павел!..

Вагин. Это обморок...

Роман. Ну, вставай... не балуй! А то я и еще дам...

Антоновна *(бежит)*. Пашенька! Где Пашенька?..

Вагин. Не кричите, няня...

Протасов (*полусознательно*). Лена... ты? Они убежали?... Ага...

Антоновна (*Елене*). Убили... не доглядели... что?

Елена (*мужу*). Тебе больно? Где больно?..
(*Егор очнулся, поднимает голову, охает.*)

Антоновна. Берите его... несите его...

Мелания (*несет воду*). Очнулся... Господи! Пейте... пейте!

Елена. Скажи — где больно? Тебя сильно ударили?

Протасов. Мне... нигде не больно... Он меня душил... этот вот... (*Приходит в себя.*) Лена, ты... ничего? Мне показалось, тебя ударили по голове... доской какой-то, сверху так...

Елена. Нет, нет... ты успокойся...

Вагин. А тебя... били?

Протасов. Нет... не больно... Они почему-то всё в живот меня, чёрт их возьми... А доктор? Он... жив?

Мелания. Жив, жив... Он — в гостиной на диване... плачет...

Елена (*заметила Антоновну, со страхом*). Няня... а Лиза?

Антоновна. Развязала я ее... не могу я это видеть...

Елена. Где она? Где?..

Антоновна (*со слезами*). Там... Платье всё разорвано было... Передела я ее...

Вагин. Что она делает?

Антоновна. На карточку смотрит, на его...

Елена. Идите к ней, няня... прошу вас, идите!

Антоновна. Пашеньку-то уложить бы... (*Идет, оглядываясь.*)

Протасов. Ничего, старуха... Просто испугался я...

Мелания. Голубчик вы мой... избili вас!

(*Егор, Трошин и Роман — составляют другую группу. Роман несколько более оживлен и подвижен, чем всегда.*)

Протасов. Меня? Нисколько! Я за нее испугался... мне показалось, кто-то выстрелил... и потом — палкой по голове... или доской...

Елена *(с гордостью)*. Меня никто не коснулся... Идем в комнаты...

Протасов. Я очень успешно защищался, — жалко, что ты не видала этого! И, знаешь, Лена, напрасно я давеча снял галоши... я бы их галошами!

Вагин *(с улыбкой, Елене)*. Вы видите, он совершенно здоров...

Протасов *(горячится)*. Галошами, по глупым рожам... *(Егору.)* Вы, милостивый государь...

Меланья. Ну, что с ним говорить? Идите, лечь вам надо...

Протасов. Позвольте...

Елена. Подожди... Егор, я попала в вас?

Егор *(глухо)*. Нет... не попало... По голове меня кто-то...

Роман *(с гордостью)*. Это я!

(Елена с напряжением на лице смотрит на Егора и на всех.)

Вагин. Если б ты видел, как действовала вот эта мрачная машина... ужас!

Трошин. Милостивые государи! Я тоже... контужен в голову...

Роман *(счастливо)*. И тебя я ударил...

Трошин. Господа... прошу запомнить это...

(Роман подходит к нему с улыбкой. Достает из кармана бутылку.)

Елена *(пристально всматриваясь в лицо Егора)*. Вам дать воды, Егор?..

Егор. Водки бы...

Протасов *(Егору)*. Вы... ужасно глупы, сударь мой...

Елена. Оставьте, Павел...

Протасов. Я никаких лекарств не делаю, чёрт вас возьми!

Вагин. Ну, перестань же...

Протасов *(со слезами в голосе)*. Нет, подожди!

Я хочу знать — за что он на меня бросился? Что я вам сделал, Егор? Что?

Егор (*глухо*). Ничего... не знаю я...

Мелания. Вот на суде узнаешь... мой друг... там тебе расскажут!

Протасов (*с досадой*). Ах, не надо! Какой суд? Я так высоко ценил вас, Егор... вы — прекрасно работаете... да! Но ведь я хорошо платил вам? За что же вы...

Егор (*встает, глухо и со злобой*). Не тронь меня, барин...

Елена (*твердо и настойчиво*). Оставь его в покое, Павел... прошу тебя!

Вагин (*Егору*). Вы ушли бы...

Егор (*грубо*). Знаю... Уйду... (*Уходит нетвердыми шагами. Роман и Трошин уже перешли к изгороди сада, сидят там на земле и пьют водку, принесенную Романом. Егор молча подходит к ним, садится и протягивает Роману руку.*)

Мелания. Смотрите, какой... зверь!

Елена. Не трогайте его... Идем, Павел...

Протасов (*волнуясь*). Нет, он возмутил меня... В нем есть что-то... отталкивающее... Люди должны быть светлыми и яркими... как солнце...

(На террасу выходит Лиза. На ней надето белое платье. Она красиво и странно причесана. Идет медленно, какой-то торжественной поступью; на ее лице застыла неясная, загадочная улыбка. Сзади ее Антоповна.)

Лиза. Прощайте! Нет, не говорите ничего... Я решила... я ухожу!.. Нет, нет, не надо возражений... Я ухожу далеко и надолго... навсегда. Вы знаете? Вот:

(Она останавливается и негромко, с улыбкой читает написанное на обороте фотографической карточки Чепурного.)

Милый мой идет среди пустыни
В знойном море красного песка...
Знаю я, в дали туманно-спней
Ждет его пустыня и тоска...

Солнце, точно чье-то злое око,
Молча смотрит с неба жгучим взглядом...
Я приду и встану с милым рядом —
Трудно ему там и одиноко!..

(Напевает какой-то страшный унылый мотив. Тихо.)

Мой милый — строен и высок,
А я — красива и легка,
И оба мы, как два цветка,
На красный брошены песок...

(Молчит. Вздохнув, читает снова.)

И вдвоем, объята жгучим зноем,
Мы пойдем далеко по песку,
И в пустыне мертвой мы зароем
Он — свои мечты... а я — тоску...

(Задумчиво смотрит на всех. Улыбается.)

Вот и всё. Это я — для Бориса... Вы его знаете, Бориса?.. Нет? *(Идет в сад.)* Мне очень жаль вас... мне очень жалко...

(Антоновна, недружелюбно взглянув на Елену, идет за ней.)

Е л е н а *(тоскливо и тихо)*. Павел... Павел... ты понимаешь?

П р о т а с о в *(удивлен)*. Как это хорошо, Лена! Дмитрий, ты понял? Как это хорошо!

В а г и н *(жестко)*. А ты понял, что она сошла с ума?..

П р о т а с о в *(не верит)*. Разве, Лена?

Е л е н а *(негромко)*. Идем... идем за ней...

(Все трое идут в сад. У изгороди сидит Егор и с угрюмой ненавистью в глазах следит за ними. Трошин что-то невнятно бормочет, щупая голову и плечо дрожащими руками.)

Р о м а н. Ничего... Меня не так били... а я — вот он!.. Стало быть, молчи... Жив, и — ладно...

В а г и н *(задумчиво)*.

Один... среди пустыни...

В знойном море красного песка...

З а н а в е с

ВАРВАРЫ

СЦЕНЫ В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ
В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Черкун Егор Петрович, 32 года, инженер.
Анна Федоровна, 23 года, его жена.
Цыганов Сергей Николаевич, 45 лет, инженер.
Богасвская Татьяна Николаевна, 55 лет,
домовладелица, дворянка.
Лидия Павловна, 28 лет, ее племянница.
Редозубов Василий Иванович, 60 лет, городской
голова.
Гриша, 20 лет }
Катя, 18 лет } его дети.
Притыкин Архип Фомич, под 35 лет, купец, лесо-
промышленник.
Притыкина Пелагея Ивановна, 45 лет, его жена.
Монахов Маврикий Осипович, 40 лет, акцизный
надзиратель.
Монахова Надежда Поликарповна, 28 лет,
его жена.
Головастик Павлин Савельевич, под
60 лет, мещанин.
Дробязгин, 25 лет, служит в казначействе.
Доктор Макаров, 40 лет.
Веселкина, 22 года, дочь почтмейстера.
Исправник, 45 лет.
Ивакин, 50 лет, садовник и пчеловод.
Лукин Степан, 25 лет, студент, его племянник.
Дунькин муж, под 40 лет, личность неопределенная.
Гогин Матвей, 23 года, деревенский парень.
Степа, 20 лет, горпичная Черкуна.
Ефим, 40 лет, рабочий Ивакина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Луговой берег реки; за рекою виден маленький уездный город, ласково окутанный зеленью садов. Перед зрителем — сад; яблоны, вишня, рябина и липы, несколько штук ульев, круглый стол, прытый в землю, скамейки. Вокруг сада — растрепанный плетень, на кольях торчат валеные сапоги, висит старый пиджак, красная рубаха. Мимо плетня идет дорога — от перевоза через реку на почтовую станцию. В саду направо — угол маленького ветхого дома; к нему примыкает крытый ларь — торговля хлебом, баранками, семечками и брагой. С левой стороны у плетня — какая-то постройка, крытая соломой, — сад уходит за нее. Лето, время — после полудня, жарко. Где-то дергает коростель, чуть доносится заунывный звук свирели. В саду, на завалинке под окном, сидит И в а к и н, бритый и лысый, с добрым смешным лицом, и внимательно играет на гитаре. Рядом с ним — П а в л и п, чистенький, аккуратный старичок, в поддевке и теплом картузе. На окне стоит красный кувшин с брагой и кружки. На земле у плетня сидит М а т в е й Г о г и н, молодой деревенский парень, и медленно жует хлеб. С правой стороны, где станция, доносится ленивый и больной женский голос: «Ефим...» Молчание. Слева по дороге идет Д у н ь к и н м у ж, человек неопределенного возраста, оборванный и робкий. Снова раздается крик: «Ефим!...»

И в а к и н. Ефим... Эй!

Е ф и м (*идет по саду вдоль плетня*). Слышу...
(*Матвею*.) Ты чего тут?

М а т в е й. Ничего... вот — сижу...

(*Третий раз, уже раздраженно, зовут: «Ефим!»*)

И в а к и н. Ефим! Что ж ты, братец ты мой...

Ефим. Сейчас... *(Матвею.)* Пошел прочь!.. *(Снимает рубаху с плетня, Дунькин муж кашляет и кланяется ему.)* А... явился! Чего надо?

Дунькин муж. Из монастыря иду, Ефим Митрич...

Ефим *(идет)*. Выгнали? У, дармоеды... черти!

Ивакин *(Ефиму)*. А ты, братец, иди, когда зовут... *(Павлину.)* Любит командовать старик...

Павлин. Всякому человеку этого хочется.

Ивакин. А люди — против... люди не желают, чтобы на них зря орали... да...

Павлин. Как ни поступай, одобрения от людей не заслужишь... Однако в строгости все нуждаются.

Ивакин. Этот же самый вальс можно играть на другой манер — вот как. *(Играет.)*

Дунькин муж. О господи! Обругал человек всех видимых и невидимых... а за что?

Матвей. Жарко.

Дунькин муж. И мне жарко, но я терплю молча... Просто — человек, который хоть несколько сыт, уже почитает себя начальством... Хлеб да соль!

Матвей. Ем да свой...

Дунькин муж. Деревенский? Хорошо в деревнях хлеб пекут.

Матвей. Когда мука есть, ничего, испечь могут... А это — у Ивакина я купил...

Дунькин муж. Скажите! Запах у него, однако, как у деревенского... Позвольте мне кусочек... отведать?

Матвей. Самому мало...

(Дунькин муж, вздохнув, двигает губами.)

Ивакин. Вот... можно играть еще медленнее.

Павлин. Говорите — называется это «Вальс сумасшедшего священника»?

Ивакин. Именно...

Павлин. Почему же так? Чувствую в этом некоторый соблазн и как бы неуважение к духовному сану...

Ивакин. Ну, пошел мудрить! Экой ты, Павлин, придира!

Павлин. Напрасно так осуждаете, ибо всем из-

вестно, что скелет души моей — смирение... но только ум у меня беспокойный...

И в а к и н. Не располагаешь ты к себе, братец мой... вот что!

П а в л и н. Ибо возлюбил правду превыше всего... На гонения же не ропщу и, будучи в намерениях моих тверд, ничего, кроме правды, не желаю.

И в а к и н. Чего тебе желать? Домишко есть, деньжонки есть... *(Слева слышны голоса, Ивакин смотрит.)* Почтмейстера дочь идет... куда это?

П а в л и н. Вертихвостка... Пагубного поведения девица...

(Идут Дробязгин и Веселкина.)

В е с е л к и н а. Я вам говорю: она была замужем за инженером!

Д р о б я з г и н. Марья Ивановна! Отчего у вас такое недоверие к фактам?

В е с е л к и н а. Я верю только в то, что знаю...

Д р о б я з г и н *(почти с отчаянием).* Но этот пессимизм совершенно не совпадает с вашей наружностью! Поверьте мне, — муж Лидии Павловны был директором лакричного завода, и она его не бросила, а просто он умер, подавившись рыбьей костью...

В е с е л к и н а. Она его бросила, говорю вам!

Д р о б я з г и н. Марья Ивановна! У нас в казначействе всё известно...

В е с е л к и н а. У нас на почте знают больше вашего. Он украл деньги и теперь — под судом... и она сама в это дело запутана, да-с!

Д р о б я з г и н. Лидия Павловна? Марья Ивановна! Сама Татьяна Николаевна...

В е с е л к и н а. А за то, что вы спорите, вы должны угостить меня брагой...

(Ивакин встает и уходит за угол дома. Павлин берет оставленную им гитару, заглядывает внутрь ее, трогает струны.)

Д р о б я з г и н. Извольте! А все-таки она — вдова!

В е с е л к и н а. Да? Хорошо же... Вы увидите... *(Уходят направо.)*

Д у н ь к и н м у ж *(негромко)*. Слушай... дай кусочек, Христа ради!

М а т в е й. Что ж ты, чудак, прямо не сказал? Просишь отведавать... разве хлеб отведывают?

(В саду является Ивакин, ставит на стол кувшин браги, два стакана, смотрит вдаль.)

Д у н ь к и н м у ж. Стыдно было прямо-то... спасибо!

И в а к и н. Павлин! Город-то... красота! Как яичница на сковороде... а?

П а в л и н. Проведут железную дорогу — всё испортят...

И в а к и н. Каркай! Чем испортят?

П а в л и н. Нашествием чужих людей...

(Входят в сад Веселкина и Дробязгин, садятся за стол, пьют брагу и вполголоса разговаривают. Ивакин и Павлин уходят за угол.)

М а т в е й. Ты кто будешь?

Д у н ь к и н м у ж. Мещанин... из города...

М а т в е й. У вас мещане богатые... а ты что?

Д у н ь к и н м у ж. А я — ослаб. Разорила меня жена... жена, брат... Сначала — ничего была... жили дружно. Красивая она, бойкая... да. А потом — скучно, говорит, мне. Начала вино пить... и я с ней тоже...

М а т в е й. И ты?

Д у н ь к и н м у ж. И я... что поделаешь? В распутство она ударилась... Стал я тогда бить ее... да. А она — сбежала... Дочь была у меня... и дочь сбежала на пятнадцатом году... *(Замолчал, задумался.)*

Д р о б я з г и н *(громко)*. Это неправда, Марья Ивановна! Доктор и Надежда Поликарповна... они оба люди романтические...

В е с е л к и н а. Т-сс! Тише!

М а т в е й. Она тоже распутная?

Д у н ь к и н м у ж. Кто?

М а т в е й. Дочь?

Д у н ь к и н м у ж. Нет... не знаю. Неизвестно мне, где она... Опять же мне вот, пьяному, кто-то внут-

ренности отбил... нездоров я теперь, в работу — не
гожусь... да и не умею ничего...

М а т в е й. Ишь ты... как же ты?

Д у н ь к и н м у ж. Так уж... как придется...

Д р о б я з г и н *(вскакивает)*. Марья Ивановна!
Это удивительно... и даже ужасно! Вы совсем не верите
ни во что светлое...

В е с е л к и н а. Не кричать! Вы совсем безумный.

Д р о б я з г и н. Нет! Чтобы Лидия Павловна...
чтобы исправник...

В е с е л к и н а. Сядьте вы...

Д у н ь к и н м у ж. Сегодня инженеры приедут...

М а т в е й. Дорогу строить?

Д у н ь к и н м у ж. Да... дороги строят, а идти
человеку некуда...

М а т в е й. Работа будет... а? Вот бы... порабо-
тать бы!

*(В саду является Павлин, он осторожно идет к столу,
Веселкина видит его.)*

В е с е л к и н а *(негромко)*. Головастиков идет...

Д р о б я з г и н. А, мудрец! Что скажете?

П а в л и н. Желая доброго здоровья...

Д р о б я з г и н. Спасибо...

П а в л и н. Сейчас через реку городской голова
переехал, сюда идет...

В е с е л к и н а. Это он инженеров хочет встре-
тить... скажите! Такой гордый старик...

(Ивакин идет, отдуваясь.)

Д р о б я з г и н. Да... Что, Иван Иванович, жарко?

И в а к и н *(смотрит вдаль налево)*. Да-а...

П а в л и н. Это ваше нетерпение увеличивает жа-
ру... Я вот никого не жду и потому жары не чувствую...

И в а к и н. Доктор идет... акцизный...

В е с е л к и н а. Кого ж мы ждем? Нам ждать
некого...

П а в л и н. Я не про вас — это вот он племянника
ждет...

Д р о б я з г и н. Студента?

И в а к и н. Да... Архип Притыкин с ними...

Веселкина. Первый студент в нашем городе. Это очень интересно!

Дробязгин. Не первый уж, Марья Ивановна! Статистик, который застрелился...

Веселкина. Он не кончил учиться...

Павлин. Да, его исключили вон за политическое поведение...

Ивакин (*грубовато*). А застрелился он потому, что ты донос на него написал... а зачем это тебе понадобилось — пес тебя знает! (*Идет прочь.*)

Павлин (*вслед ему*). Вредоносному всегда буду противоречить... Грубого характера человек Иван Иванович! И притом — несправедлив. Мне доподлинно известно, что господин статистик Рыбин от безнадежности своей любви к Надежде Поликарповне застрелился...

Дробязгин. Почему это вам всё известно?

Павлин. Потому что я внимателен...

(*Идут с левой стороны по дороге доктор, Монахов и Притыкин. Дунькин муж незаметно исчезает. Матвей встает, кланяется.*)

Притыкин. Нет, доктор, вы меня извините, а какая приятность в том, чтобы рыбу удить, я не могу понять!

Доктор (*угрюмо*). Рыба — молчит...

Монахов. Что вы, батя, вообще понимаете? Весьма немного... летом — купаться, зимой — в бане париться, — вот все ваши духовные наслаждения...

(*Павлин отходит к завалинке и садится поближе к плетню.*)

Притыкин. Тело человеچه любит чистоту...

Дробязгин (*кричит*). А мы уже здесь!..

Доктор (*остановился у плетня*). Спросите браги, Дробязгин...

Дробязгин (*кричит*). Ивакин! Давайте браги, похолоднее, побольше!

Притыкин. Играя в стуюлку, приятно обрэмизить человека...

Монахов. Не спорю...

П р и т ы к и н. Опять же — музыка... Когда тру-
бачи действуют, я чувствую себя военным.

Д о к т о р (*Монахову, сумрачно усмехаясь*). Это
он льстит вам...

*(Дробязгин подходит к плетню и стоит, слушая. За-
метно, что ему хочется вступить в разговор, но он не
успевает в этом. Веселкина отходит в глубь сада,
смотрит на город, тихо напевая.)*

П р и т ы к и н. Какая мне в этом польза? А что,
обучив пожарных музыкальному делу, Маврикий Оси-
пович перед всем городом славу заслужил навеки —
или это неверно?

М о н а х о в. Н-да! Могу сказать — потрудился я
с ними! Ведь не люди — моржи...

П р и т ы к и н. Я теперь, Маврикий Осипович,
даже на самовар глядя — вас вспоминаю...

Д о к т о р (*без улыбки*). Разве он похож на са-
мовар?

(Дробязгин смеется.)

П р и т ы к и н. Нисколько! Я хочу сказать, что всё
медное напоминает мне про вас...

Д о к т о р. Он вас изувечит похвалами...

П р и т ы к и н. То есть про ваши труды в му-
зыке...

М о н а х о в. Что это вы, батя, так сладко поете, а?

(Ивакин принес брагу, идет к плетню.)

П р и т ы к и н. Ежели я и пою, то как жаворонок,
безо всякой корысти... А что доктор насмехается, так
он лицо мрачного характера и, кроме рыбы, ничего
не любит...

М о н а х о в (*смотрит в сторону*). А дамы наши,
видно, устали: вон — едва идут...

Д р о б я з г и н. Татьяне Николаевне всех труд-
нее при их полноте и годах...

И в а к и н. Пожалуйте брагу кушать...

Д о к т о р. Ну, кругом я не пойду... (*Шагает через
плетень.*)

М о н а х о в. А Лидия Павловна к нашей компании интереса не чувствует...

Д р о б я з г и н. Дама светская... гордого образа жизни...

П р и т ы к и н. Хорошо она на лошади скачет...

М о н а х о в. Н-да-а! Это, батя, она умеет...

П р и т ы к и н. Вот, о приятном говоря, женский пол забыли мы, а что может быть приятнее? Я, конечно, не про супругу мою говорю...

М о н а х о в *(смеясь)*. Идемте, Фомич, брагу пить...

(Идут вдоль плетня.)

П р и т ы к и н. Однако времени немало, пора б уж почти быть... Посмотрим, каковы они, строители-то...

М о н а х о в. Н-да, интересно... Картежники, наверно...

П р и т ы к и н. И выпить любят, я полагаю... а?

(Уходят. Дунькин муж является.)

М а т в е й. Это они инженеров встречать собрались?

Д у н ь к и н м у ж. На ярмарку ходили в село... для прогулки. Но, конечно, которые люди с деньгами, они всякому нужны...

(С правой стороны является Лидия Павловна в амазонке, с хлыстом.)

Л и д и я П а в л о в н а. Послушайте — будьте добры подержать мою лошадь, я вам заплачу...

М а т в е й. Ладно... я могу...

Л и д и я П а в л о в н а. Пожалуйста... *(Уходит направо.)*

М а т в е й. Эх ты... какая!

Д у н ь к и н м у ж *(завистливо и беспокожно)*. Вот... кабы тебя не было, пришлось бы за лошадью мне смотреть... эх! Ежели она много даст, дай ты мне хоть пятак, а?

М а т в е й. А может, она всего пятак даст.

(Уходят оба направо. В саду разговаривают доктор и Веселкина.)

Доктор (*угрюмо*). Сочиняют — в молодости...

Павлин (*вставая*). Осмелюсь заявить — святые отцы и в преклонном возрасте сочиняли...

Доктор. Ну-с?

Павлиц. Больше ничего-с...

(*Идут Притыкина и Надежда — женщина очень красивая, большая, с огромными неподвижными глазами. Сзади Богаевская.*)

Надежда. Тогда он говорит ей: «Алиса! Моя любовь не умрет раньше меня, а пока я жив — я твой!»

Притыкина. Вон как! Наши мужчины и слов таких не знают...

Надежда (*садится на бревно*). Француз неверен, но любит страстно и благородно... Испанец в любви доходит даже до свирепости, а влюбленный итальянец обязательно ночью на гитаре играет под окном женщины, в которую влюблен.

Богаевская. Напрасно тебя, Надежда, грамоте выучили!

Надежда. Вы, Татьяна Николаевна, в таком возрасте, когда всё это уже совсем неинтересно, а я...

Богаевская. А ты — только язык чешешь...

Надежда (*серьезно*). Подождите...

Притыкина. А я вам завидую, милая вы моя... Сколько вы любовных историй знаете, и какие всё хорошие истории! Как сны девичьи... Где же мой Архип?

Богаевская. Лидочкина лошадь стоит...

Надежда. Познакомьте меня с ней...

Богаевская. С лошастью?

Надежда (*серьезно*). Нет, с Лидией Павловной...

Богаевская. Вот ты, душа моя, тысячи романов прочитала, а правильно спросить не умеешь... в смешное положение ставишь себя, да!

Надежда (*спокойно*). Ничего... Всяк по-своему умен.

Богаевская (*кричит и идет направо*). Ли-душа!

Притыкина (*негромко*). Как она грубо с вами... ай-ай!

Надежда *(спокойно)*. Дворяне с простыми людьми всегда так говорят — и даже в романах, где всё описывается лучше правды, дворяне — дерзкие... Смотрите, какая она красавица!

(Богаевская, за ней Лидия.)

Богаевская. Вот, Лидуша, Надежда Поликарповна просит познакомить ее с тобой... *(Надежда приседает.)* Видишь, даже приседать умеет...

(Доктор подходит.)

Надежда. Я вас знаю... вы каждый день мимо нашего дома на лошади скачете... А я смотрю и люблю — точно вы графиня или маркиза... Очень красиво это!

Лидия. Я часто вижу ваше лицо в окне и тоже люблюсь им...

Надежда. Благодарю вас! Похвалу красоте своей и от женщины слышать приятно...

Богаевская. Ишь ты!

Доктор *(сумрачно)*. От женщины приятнее или от мужчины?

Надежда. Как следует оценит красоту, конечно, только мужчина...

Лидия. Как вы... уверенно сказали это...

Притыкин *(кричит)*. Господа! Едут! Чу!

(Все прислушиваются, — звон бубенцов.)

Надежда *(Лидии)*. Вам интересно знать, какие они?

Лидия. Кто? Тетя, нам пора идти.

Надежда. Инженеры...

Притыкин *(выбегает)*. Сейчас приедут!

Лидия *(Надежде)*. Нет...

Богаевская. Устала я, Лидуша... подожди!

Надежда. А я жду их, как праздника...

Притыкина. И вдруг они — старые!

Лидия *(тетке, негромко)*. Это похоже на торжественную встречу... и — смешно.

Богаевская я. Идем в сад... я только выпью чего-нибудь... Идемте в сад!

(Все идут за нею.)

Притыкин. Приехали... а, доктор? Интересно!

Доктор *(угрюмо)*. Почему? Вот если бы они пешком пришли... ну, это туда-сюда!

Надежда. Какие глупости!

Богаевская я. Она хотела бы видеть их вер-
хами, в латах, в плащах...

*(Уходят все направо, их медленный говор заглушает
звон бубенцов. Справа медленно идет, заложив руки за
спину, Редозубов — седой суровый старик с черными
лохматыми бровями. Остановливается, слушая шум на
станции. Является Павлин, издали снимая картуз.)*

Редозубов. Здорово... ну?

Павлин. О вашем драгоценном здравии что
услышу приятного?

Редозубов. У доктора спроси. Приехали? Они?

Павлин. Именно — всеми ожидаемые инженеры;
один пожилой, бритый, с усами и как бы уже несколько
хмелен... другой — помоложе и весьма рыжеват. При
них дама — молодая, красивая — и прислуга с нею,
девица франтовитая. В двух экипажах ехали, а третий
с вещами и со студентом, племянником Ивакина...

Редозубов. А он как... с ними?

Павлин. Видимо, по бедности состояния при-
способился из милости...

Редозубов. Лошадь — Богаевской?

Павлин. Ихняя. Она в Фокино ездила на про-
гулку... А теперь — у Дарьи Ивакиной туалет оправ-
ляет... Дарья-то ведь у них долго в горничных жила...
а мать ее — их же ключница...

Редозубов *(угрюмо усмехаясь)*. Про бабуш-
ку — ничего не знаешь?

Павлин. Не припомню...

(Притыкин идет.)

Притыкин. Мое почтение, Василий Иванович!

Редозубов *(не давая руки)*. Здравствуй...

П р и т ы к и н. Гостей встретить пожелали?

Р е д о з у б о в. На что они мне?

П р и т ы к и н. Вообще. Люди, городу полезные.

Р е д о з у б о в (*идет к станции*). Ну, пускай город и встречает...

П р и т ы к и н (*негромко*). Врет?

П а в л и н. Врут. О подряде на шпалы мечтают...

П р и т ы к и н. Ишь, старый чёрт! Ты, Павлин, познакомься с прислугой ихней и разузнай... вообще... как и что... понял?

П а в л и н. Понял...

(*Оба идут к станции; в саду являются Ивакин, обрадованный, и Степан Лукин.*)

С т е п а н. Ну, как живешь?

И в а к и н. Видишь — здоров... а еще чего же надо? А ты — желтоват... эх ты! Брандахлыст... Зачем в тюрьме сидел?..

С т е п а н. Без этого — нельзя. Это, брат, теперь всеобщая повинность, вроде воинской... А впрочем — пустяки... и ты об этом не говори, брат, — ладно?

И в а к и н. Тоже, брат! Я тебе не брат, а дядя...

С т е п а н. Ну вот еще! Какой ты дядя? Просто ты — друг моего детства... Ты смотри — у меня в некотором роде борода и грива, а у тебя еще волосы не отросли...

И в а к и н. Ну-ну! Пей брагу-то... а старших почитай... (*Притыкин выбегает, оглядывается.*) Вы чего, Архип Фомич?

П р и т ы к и н. Да вот... Эй, парень, поди сюда!

М а т в е й. Чего?

П р и т ы к и н. Ты меня знаешь? Беги в город, ко мне, скажи, чтобы лошадей подали к перевозу и пролетку, и бричку, и телегу еще для багажа, — понял? Катай! (*Бежит к станции.*)

М а т в е й (*скрываясь*). Землячок, гляди за лошадью...

И в а к и н. Завертелся город Верхополье!

С т е п а н. Что у вас с мостом?

И в а к и н. Дождь шел, ну и сорвало... а голова

чинить не торопится, перевоз-то в его руках... Ты знаком с инженерами-то?

Степан. Служить у них буду... А как твои пчелы? Гитара? Удочки?

Ивакин. Всё в порядке...

(Идут доктор, Монахов, Дробязгин, Веселкина. Ивакин и Степан уходят из сада. На место их является Павлин, — постояв, исчезает и снова появляется во время разговора Цыганова с Дунькиным мужем.)

Монахов *(с завистью)*. А Притыкин живо познакомился, шельма!

Веселкина. Доктор, вы заметили, какой этот молодой... точно факел!

Доктор. Ну, где вы видели факелы?

Веселкина. А на похоронах... помните — князя Хрящеватого хоронили?

Дробязгин. Какие у нее глаза! Маврикий Осипович, вы обратили внимание?

Веселкина. Глупости! Глаза вполне обыкновенные...

Дробязгин. Вовсе нет! Замечательно поэтические...

Монахов. При одной даме невежливо говорить о красоте другой дамы... вот что!

Доктор. Противно. Бросились все... как осенние мухи на огонь...

Притыкин *(кричит)*. Доктор! Пожалуйста сюда...

Доктор. Зачем это?

Притыкин. По специальности... нужно...

Доктор *(идет)*. Ерунда...

Монахов *(с завистью)*. Вот и вы, батя, познакомитесь...

(Веселкина идет вслед за доктором, навстречу ей — Цыганов, изящно одетый барин, немного хмельной; она смущается и почему-то резко отворачивается от него. Цыганов вопросительно поднял брови. Дробязгин кланяется ему.)

Цыганов *(дотрагиваясь до шляпы)*. Мое почтение... с кем имею честь?

Д р о б я з г и н *(смущен)*. Порфирий... т. е. служащий в казначействе Порфирий Дробязгин... чиновник-с!

Ц ы г а н о в. А-а! Очень приятно... Скажите — в этом городе гостиница есть?

Д р о б я з г и н. Есть... с биллиардом! Прогимназия есть... женская...

Ц ы г а н о в. Прогимназия? Благодарю вас, это мне не так необходимо... А извозчики есть?

Д р о б я з г и н. Три! Около церкви стоят...

Ц ы г а н о в *(смотрит на город)*. Не услышат, если позвать?

Д р о б я з г и н *(улыбаясь)*. Где же-с! Тут — расстояние...

Д у н ь к и н м у ж *(с левой стороны)*. Ваше благородие! Помогите больному и несчастному...

Ц ы г а н о в *(доставая монету)*. Пожалуйста... извольте!

Д у н ь к и н м у ж *(вздрагивая от радости)*. Дай вам господи... пошли вам... *(Захлебнулся и исчезает.)*

Ц ы г а н о в. Пьет?

Д р о б я з г и н. Нет. Действительно несчастный... болен и... вообще... жена у него сбежала...

М о н а х о в *(подходя)*. Извините, что смею...

Ц ы г а н о в. Пожалуйста...

М о н а х о в. Маврикий Осипович Монахов, акцизный надзиратель...

Ц ы г а н о в. Весьма польщен... Сергей Николаевич Цыганов...

М о н а х о в. Гостиница — грязная, позволю сообщить вам, и в ней клопы...

Д р о б я з г и н. Несомненные... и — множество!

М о н а х о в. Вам надо снять дом Богаевской, лучший дом в городе... знаете, такой барский! Кстати, она здесь еще, кажется... Я вам сейчас устрою это... *(Быстро идет; навстречу ему Анна Федоровна и Степа.)*

Ц ы г а н о в. Но позвольте... вы так любезны... Послушайте!

Д р о б я з г и н *(срываясь с места)*. Сейчас я его ворочу...

Ц ы г а н о в. Да нет же! Это неловко!.. Убежал!

А н н а. Что такое?

Цыганов. Они здесь любезны... как истинные дикари! Могу вас поздравить: в городе нет гостиниц... т. е. гостиница есть, но она — занята клопами.

А н н а. И трудно попасть в этот город... что-то случилось с паромом...

Цыганов (*манит пальцем*). Послушайте... подите сюда! (*Является Дунькин муж*.) Скажите — есть в вашем городе что-нибудь... замечательное?

Дунькин муж. Раки-с... огромные раки!

(*Степа пристально всматривается в него*.)

Цыганов. Это недурно... иногда. Но ведь они, вероятно, в реке живут, а не в городе?

Дунькин муж. Да... в реке. Живые — они в воде.

Степа (*тихо*). Анна Федоровна... вот он!

А н н а. Кто?

Степа. Отец мой... отец... Как же быть?

Цыганов. А что же есть в городе?..

Дунькин муж. Пожарные играют на трубах... на медных трубах... Акцизный научил!

А н н а. Молчите... встаньте сзади меня...

Цыганов. Громко играют?

Дунькин муж. Во весь дух!

Степа. Я уйду туда... на станцию... он не видел меня...

Цыганов. Это меня не утешает... нет! Ну, благодарю вас... возьмите себе вот это...

Дунькин муж. Ваше высокородие... (*Хочет поцеловать руку*.)

Цыганов (*брезгливо*). Это лишнее, мой друг... идите!

Степа (*глядя вслед отцу*). Нищий... Я говорила вам, что встречу его... что мне нельзя сюда ехать... я говорила!

А н н а. Вы успокойтесь! Я всё устрою для того, чтобы он не трогал вас.

Степа. Я боюсь: он замучил мать... нищий!

Цыганов. В чем дело — можно спросить?

А н н а. Это ее отец...

Цыганов. О-о! Это оригинально...

Анна. Только? Идите, Степа, на станцию...

Цыганов. Мы не дадим вас в обиду...

Черкун *(кричит, не показываясь)*. Анна! Иди сюда... Анна!

Цыганов *(смотрит по направлению голоса)*. С кем он говорит? Позвольте... чёрт меня побери! Не может быть...

Анна *(идя на зов)*. Что с вами?

Цыганов *(радостно простирая руки)*. Лидия Павловна, это вы? Вы!

Лидия *(идет навстречу)*. Дядя Серж!

Цыганов. Вы! Здесь, в этой Огненной Земле, у дикарей! Почему?

(В саду — Веселкина. Она гуляет, обмахивая лицо цветами. Потом приходит Дробязгин, и они ходят рядом, прислушиваясь к разговору.)

Лидия. Я приехала к тетке... Рада видеть вас! Но вы, как всегда...

Цыганов. Таков мой рок! Первое знакомство на этой земле — акцизный!

Лидия. Дама — ваша жена?

Цыганов. Моя? У меня не было и не будет ответственности... А где же ваш почтеннейший супруг?

Лидия. Не знаю, право... это меня интересует меньше всего...

Цыганов. Понять ли ваш ответ?.. браво! Вы разошлись наконец? Да?

Веселкина *(слышала восклицание Цыганова)*. Ну-с? Чья правда?

(Дробязгин смущенно ежится.)

Лидия. Не надо шуметь...

Цыганов. Вы уже познакомились с моим товарищем?.. Жорж, иди сюда... Это мужчина интенсивно рыжий и очень дерзкий... Ты знаешь, кто это, Жорж? Ты помнишь, я говорил тебе всегда и много о женщине...

Черкун *(пожимая руку)*. Да, помню... Действительно, он часто говорил о вас...

Л и д и я. Это меня трогает...

Ч е р к у н. Но я не ждал, что встречу вас когда-нибудь... тем более в этой области мертвого уныния...

Л и д и я. Вам не нравится город?

Ч е р к у н. Я не люблю пасторалей.

Ц ы г а н о в. Он любит только скандалы...

(В саду является Надежда, стоит и упорно смотрит на Черкуна. Неподвижна, как статуя, лицо у нее каменное.)

Ч е р к у н. Маленькие домики прячутся в деревьях, точно птичьи гнезда... Это до тоски спокойно... и до отвращения мило... И ужасно хочется растрепать эту идиллию.

Ц ы г а н о в. Ты познакомь ее с женой.

Ч е р к у н. Ах да! Вы позволите?

Л и д и я. Пожалуйста... Но как вы... резко отнеслись к бедному городу...

Ц ы г а н о в. Теперь-то, я знаю, вы оцените нежность моей души и все другие мои достоинства...

Ч е р к у н. Всё, что я вижу,— сразу нравится или не нравится мне.

Ц ы г а н о в. У него — никаких достоинств!

Л и д и я. Человек из одних недостатков — это уж нечто определенное...

Ц ы г а н о в *(замечил Надежду)*. Гм... Да познакомь же ее с твоей женой, Жорж!

Ч е р к у н. Анна! Вот ей, вероятно, нравится эта милая картина... она у меня любит покой, тишину, любит мечтать...

Л и д и я. Многие в этом видят поэзию...

Ч е р к у н. Трусы, лентяи, усталые...

Ц ы г а н о в. Кто эта почтенная матрона, с которой идет сюда твоя жена?

Л и д и я. Это моя тетья...

Ч е р к у н. Знакомься, Анна.

Б о г а е в с к а я. Вот, Лидуша, представляю... они сняли у меня большой дом...

А н н а. Я очень рада... что всё устроилось так быстро и хорошо.

Цыганов. Да здравствует акцизный надзиратель! Это он — виновник торжества...

Лидия. Тише, — в саду его жена...

Цыганов. Это его жена?.. Гм... *(Рассматривает Надежду.)*

Анна. Но я так устала... хотелось бы скорее приехать куда-нибудь...

Богаевская. Сейчас подадут паром...

(Надежда медленно уходит.)

Черкун. А на берегу — нас уже дожидаются лошади этого купца... как его?

Богаевская. Притыкин... Лидуша, я поеду в лодке... распорядюсь там... надо для них...

Анна. О, не беспокойтесь...

Черкун. Мы не беспомощны...

Лидия *(тетке)*. Подожди! *(Анне.)* Вы ездите верхом?

Аппа. О нет!

Лидия. Жаль. Я хотела предложить вам мою лошадь... Там, выше по реке, есть брод...

Анна. Благодарю вас... Я боюсь лошадей... Я видела однажды, как лошадь убила мальчика... С той поры мне кажется, что всякая лошадь хочет убить человека.

Лидия *(улыбаясь)*. Но в экипажах вы ездите? Не боитесь?

Анна. Нет, не так. Там впереди меня сидит кучер или извозчик.

Черкун. Может быть, это очень трогательно, Анна, но ей-богу... неостроумно!

Анна. Я вовсе не пытаюсь быть остроумной...

Цыганов *(Лидии)*. Итак, я снова вижу вас!..

Черкун. Иногда следует попытаться, знаешь ли!

Цыганов. Ведь это почти чудо, а?

Лидия. А может быть, это только доказательство, как тесна жизнь?

Богаевская *(Анне)*. Вы посмотрите, какой нарядный городишко... *(Отводит Анну ближе к плетню.)*

Цыганов. Вы стали еще красивее... И что-то новое явилось у вас в глазах...

Лидия. Вероятно, это скука...

Черкун. Вам скучно?..

Лидия. Мне кажется — жизнь вообще не очень весела.

(Идет Редозубов со стороны станции. Подходит, останавливается, кашляет. Его не замечают. Поднимает руку к фуражке — быстро опускает ее, как бы испугавшись, что это движение замечено.)

Черкун. Не ожидал, что вы так скажете...

Лидия. Почему?

Черкун. Не знаю... Но мне казалось — вы иначе должны смотреть на жизнь...

Лидия. Что такое жизнь? — Люди. Я много видела людей, они однообразны...

Редозубов. Я — здешний градской голова... Василий Иванов Редозубов... голова.

Черкун *(холодно)*. Что же вам угодно?

Редозубов. Я к старшему. Вы — начальник?

Цыганов. Мы оба начальники, — можете это представить?

Редозубов. Всё равно. Вам лес на шпалы понадобится?

Черкун *(сухо)*. Милейший, о делах я буду говорить через неделю, не раньше...

(Пауза.)

Редозубов *(удивлен)*. Вы... может, не того...

Черкун. Что?

Редозубов. Я сказал... я, мол, голова здешний...

Черкун. Я это слышал... ну-с?

Редозубов *(сдерживая гнев)*. Мне 63 года... я староста церковный... весь город мне подчинен...

Черкун. Почему вы думаете, что мне нужно знать всё это?

Цыганов. Почтеннейший! Когда мы несколько придем в себя — мы обязательно примем во внимание все ваши редкие качества...

Черкун. А пока оставьте нас в покое. Когда будет нужно — мы вас позовем!

(Редозубов, смерив Черкуна гневным взглядом, молча идет прочь.)

Анна. Зачем ты... так обидно, Егор? Он же старый...

Черкун. Нахал! Я знаю таких... Это не голова, а — пасть... глупая и жадная пасть... я знаю...

Цыганов *(Лидии)*. Как вам нравится этот рыжий буян?

Лидия *(сухо)*. По совести — не очень.

Богаевская. Лида, нужно идти.

Анна. Мой муж всегда немного резок... но в сущности...

Черкун. Он мягок и добр — ты это хотела сказать? Не верьте ей... Я именно таков, каким кажусь...

Лидия. До свиданья... Ой! Этот человек не умеет обращаться с лошадьёю... *(Быстро идет направо, за ней Богаевская.)*

Богаевская. Так мы вас ждем...

Цыганов. Благодарим и не замедлим...

Анна. А где этот студент... наш студент?

Черкун *(смотрит на город)*. Не знаю...

Анна. Можно его попросить, чтобы он посмотрел за вещами, как ты думаешь? Степе — неудобно...

Черкун. Он — не лакей...

Цыганов. Жорж! Ты смотришь на этот город, как Атилла на Рим... До чего всё измельчало на свете!

Черкун. Отвратительный городишко... У этой женщины были любовники?

Цыганов. Однако, брат... это вопрос!

Анна. Егор! Фи!

Черкун. Что? Ты шокирована? Ты не знаешь, что многие женщины имеют любовников?

Анна. Об этом не говорят так...

Черкун. Они не говорят, я — говорю. Это безнравственно?

Анна. Неприлично и... грубо.

Черкун. Я думал — безнравственно. Были, Сергей?

Цыганов. Не знаю, мой друг. Не допускаю...
И если мне скажут про нее что-нибудь... в этом роде —
не поверю...

(Идут Притыкин, Дунькин муж.)

Притыкин. Пожалуйте, готово! Вещи ваши
унесли на паром; прошу покорно!

Цыганов. Благодарю вас! Захлопотались вы, а?

Притыкин. Помилуйте!.. Пустяк... к тому же
долг гостеприимства...

Цыганов. Вы — милейший человек, право! А
скажите — что у вас здесь пьют?

Притыкин. Всё!

Цыганов. А что предпочитают пить?

Притыкин. Водку...

Цыганов. Вкус грубый, но — здоровый...

(Проходят.)

Черкун *(Анне)*. Идем...

Анна *(берет его под руку)*. Почему ты вдруг стал
такой... сумрачный? Скажи!

Черкун. Я устал...

Анна. Это неправда... ты никогда не устаеть...

Черкун. Ну, так влюбился...

Анна *(тихо)*. Зачем так грубо, Егор? Зачем?

Дунькин муж *(подходит)*. Ваше сиятельство...

Черкун. Пошел прочь...

Анна *(дает монету)*. Возьмите...

(Уходят.)

Матвей *(выскакивает)*. Сколько дала?

Дунькин муж. Двугривенный. А всего мне
попало рубль двадцать...

Матвей. Эх ты... А мне — два пятака...

Притыкин *(кричит)*. Эй, парень!

Матвей. Бегу... *(Убегает. Через плетень лезет
Павлин.)*

Павлин. Рубль двадцать, говоришь?

Дунькин муж *(робко)*. Рубль двадцать.

Павлин. Покажи-ка... Н-да, верно... А за что?

а? На, пар-ршивец! Ступай... Стой! Сказал бы я тебе одну штуку... сказать?

Д у н ь к и н м у ж. Помилуйте, Павлин Савельич...

(Редозубов идет.)

П а в л и н *(строго)*. Иди, иди! Чего трешься тут? Р е д о з у б о в. Ушли?

П а в л и н. Ушли...

Р е д о з у б о в. С девицей ихней о чем говорил?

П а в л и н. Вообще... но ничего не мог... Я даже рубль ей дал.

Р е д о з у б о в. Зачем? Она может сказать, что ты подкупал ее...

П а в л и н. Я — мысленно дал, Василий Иванович... Я только подумал: а что если я ей дам рубль? И решил — не поможет! Избалованная девица... *(Редозубов смотрит на город, не слушая.)* Василий Иванович! А ведь она — беглая, Дунькина мужа дочь... сама в этом созналась...

Р е д о з у б о в *(вдруг, строго)*. А ты знаешь, что мне сам губернатор руку подает?

П а в л и н *(благоговейно)*. Как же не знать! Это все знают...

(Пауза. Из окна доносится голос Степана.)

Р е д о з у б о в *(негромко)*. Кто это говорит?

П а в л и н *(тихо)*. Ивакина племянник... студент...

Р е д о з у б о в *(так же)*. Молчи...

(Слушают. Где-то жалобно воет собака, дергает коростель.)

С т е п а н. Вот построим новую дорогу и разрушим вашу старую жизнь... *(Смеется.)*

Р е д о з у б о в *(негромко)*. Слышал?

П а в л и н *(убежденно)*. Врет он...

Р е д о з у б о в. Помни! *(Идет прочь. Павлин за ним.)*

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сад Богаевской. На деревьях растянута парусина, под ней простой, некрашенный стол, очень большой; за столом Черкун, перед ним ворох бумаг, карты, чертежи. Дом — с левой стороны, к нему ведет широкая дорожка, в глубине сада — забор. Под деревьями налево, в плетеном кресле, сидит Анна с книгой в руках.

Анна (*потягиваясь*). Тебе жарко?

Черкун. Конечно.

Анна. А Сергей Николаевич всё спит... Ты всегда больше работаешь — и всегда ты вместе с ним. Почему?

Черкун (*не поднимая головы*). Он имеет то, чего у меня мало, — опыт, знания...

Анна. Но он такой... распушенный.

Черкун. Знания ценнее нравственности...

(Пауза.)

Анна. Какие любопытные все здесь. Подсматривают за нами, следят... Наивные люди...

Черкун. Говоря проще — идиоты...

Анна. Вот и теперь в соседнем саду кто-то ходит вдоль забора и смотрит в щели. Я вижу, как блестят глаза.

Черкун. Чёрт с ними... пускай блестят...

Степан (*идет*). Ну-с, нанял я этого Матвея Гогина, вот его паспорт...

Анна. Дайте мне...

Черкун. Не давайте: она сунет его куда-нибудь и потом будет спрашивать у меня, куда сунула... Это не очень забавно...

Степан. Ну, люди здесь! Удивительная дичь! Смотришь на них и начинаешь сомневаться в будущем России... А как подумаешь, сколько тысяч сел и городов населено такими личностями, — душой овладевает пессимизм во сто лошадиных сил...

Черкун. Пессимизм для рабочего человека — излишен, как белые перчатки... Что, каков этот Матвей?

Степан. Кажется, не очень глуп... Вот он сам идет. Я вам не нужен?

(Матвей подошел. Одет чище, чем в первом действии.)

Черкун. Нет. *(Матвею.)* Ну-с, что скажете?

Матвей. Хочу поблагодарить вас, барин, за то, что взяли меня...

Черкун. Меня зовут Егор Петров, я так же, как и вы, крестьянин, а не барин. Благодарить нам друг друга не за что: вы будете работать, я буду платить вам деньги. А если вы вздумаете жульничать, я вас прогоню и отдам под суд... Это понятно?

Матвей. Понял. Уж постараюсь вам...

Черкун. Увидим... Идите.

Матвей *(подумал, помялся)*. Покорно благодарю...

Черкуп *(взглянув на него)*. Все-таки?

Матвей. Чего-с?

Черкун. Ничего! Ступайте...

(Пауза.)

Анна. Как ты требовательно относишься к людям, Егор...

Черкун. Так они относились ко мне...

(Пауза.)

Анна. Тебе нравится Татьяна Николаевна?

Черкун. Ее племянница — больше...

Анна. Зачем ты дразнишь меня?

Черкун. Зачем позволяешь? Протестуй...

(На заборе показывается голова Гриши Редозубова.)

Анна *(пугливо)*. Смотри, Егор! Смотри...

Черкун (*удивлен*). Вам что нужно?

Гриша (*улыбаясь*). Ничего. Я так... из любопытства только...

Черкун. Вы кто?

Гриша. Редозубов... сосед ваш...

Анна. Как он добродушно улыбается! Ты предложи ему, пусть идет сюда...

Черкун. Ну... идите же к нам! Познакомимся, что ли...

Гриша. Мне тут не перелезть... я — толстый...

Анна (*смеясь*). А вы идите через ворота...

Гриша. Мм... улицей, значит? Ладно... (*Исчезает; идет Цыганов.*)

Анна. Какой смешной!

Черкун. Вот тебе и развлечение...

Цыганов. Хотел уснуть и — не мог, чёрт поberi! Летают уездные мухи, — джж, джж! Ис размаха в стекло — бумс! Садятся на нос, щекочут...

Черкун. И, вероятно, голова болит со вчерашнего...

Цыганов. Да-а, знаешь... радушная встреча инженеров в уездном городе для меня сошла не совсем благополучно... Что такое они здесь пьют?

Черкун. Притыкин называет это зверобоем...

Цыганов. Штука высокого давления... Ты знаешь, Жорж... такая странность! У меня, видимо, начинается... отрывка, что ли? Вдруг сегодня вспомнил эту... брюнеточка такая... как ее звали? Хористка из оперетки... она потом утопилась в Мойке... ты знал такую?

Черкун. Нет...

Цыганов (*задумчиво*). Маленькая... милые глазки... И вот сейчас одна муха, которой я поджег папирсой крылья, почему-то напомнила мне эту девочку... Как ее имя?

Анна (*смотрит по направлению к дому*). Что это? Ой... смотрите!

Цыганов. Галлюцинация?

Черкун. Фу, болван какой!

Гриша (*в тяжелой меховой шубе*). Вот и я... ф-фу! Трудно мне!

Черкун. Послушайте вы... тип! Зачем это вы так нарядились?

Гриша (*улыбаясь*). В шубу-то? Это меня отец выпаривает... чтобы я похудел: мне осенью в солдаты идти... так вот он жир из меня выпаривает...

Цыганов. Остроумно...

Черкун. И вы позволяете так издеваться над собой?

Гриша. Чего же? С ним много не поспоришь... дерется! Да, может, и в самом деле, если похудею, не возьмут в солдаты-то!

Черкун. Ну, вот что — снимите шубу. На вас противно смотреть. Как вам не стыдно? Над вами, наверное, девицы смеются — подумайте! Что за уродство! Вы должны сказать отцу, что больше не хотите... носить шубу в жару — понимаете?

Гриша. Да-а, скажи-ка ему... попробуй!

Цыганов. Послушайте, юноша: а вдруг отец сядет на вас верхом и в праздник по улице возить себя заставит?

Гриша. Ну, он страмиться не станет: он гордый!

Черкун (*настойчиво*). Снимите шубу!..

Гриша (*снимает*). Ладно... только бы он не увидал!

Анна. Вы его любите, да?

Гриша (*не сразу*). Старый он... скоро, чай, помрет... тогда уж я сам себе хозяин буду!

Черкун. Ступайте домой и пошлите его ко мне.

Гриша (*изумлен*). Это кого — отца... послать?

Черкун. Ну да... он дома?

Гриша (*теряется*). Да... как же я скажу? Ишь вы! Послать... тоже! Разве можно? Он первое лицо...

Черкун (*вскакивает*). О, чёрт возьми! (*Идет к забору.*)

Гриша (*пугливо*). Что вы? Что он делает? Сударыня... Я уйду... ну вас тут! Вот озорник!

Черкун. Сергей! Не пускай его... (*Кричит через забор.*) Эй, кто там?.. Эй!

Анна (*смеется*). Егор! Право же, это лишнее...

Гриша. Сударыня! Это озорство! Заманили меня... а теперь... Я уйду... Что такое?

Цыганов. Юноша, будьте героем! Для этого вам нужно только смиренно ждать... садитесь!

Черкун (*через забор*). Это вы? Пожалуйте ко мне... Что? Да, сейчас!

Редозубов (*за забором*). Григорий! Гришка!

Гриша (*испуган*). Зовет... У-у-у! Батюшки!

Черкун. Он здесь, у меня...

Цыганов. Вот двигается еще один образец местной фауны...

Гриша (*со страхом*). Раз! Это Палагея Притыкина... ну!

Цыганов. Знаете что, вам надо выпить для храбрости... это помогает!

Гриша. Давайте... скорее! Ах ты... ну уж...

Анна (*хохочет*). Да полноте... ах, какой вы... чудак! Степа!

Притыкина. Здравствуйте!

Цыганов (*кланяясь*). Что вам угодно?

Притыкина. Татьяна Николаевна дома?

Цыганов. К сожалению, это мне неизвестно...

(Степа идет.)

Притыкина. Ах, Гриша! Здравствуй.

Гриша (*бормочет*). Ну вот... теперь началось...

Черкун. С вами здороваается дама, а вы сидите...

Анна (*Степе*). Принесите портвейн... и ликер...

Цыганов. И коньяк, и водку...

Гриша. Я ее знаю...

Притыкина. Мы знакомы, как же! А это — ваша супруга? Какие они красавицы у вас...

Черкун. Она тоже не знает, где Татьяна Николаевна...

(Степа приносит поднос с бутылками.)

Притыкина. Это мне не очень интересно! Я ведь, коли правду сказать, не к ней, а к вам пришла... ее-то я всегда видеть могу, а вот с вами мне лестно познакомиться...

Черкун. Анна! Это к тебе, я думаю...

Цыганов (*Анне*). Я уверен, что это к вам... Ну-с, юноша, вам чего дать?

Гриша. Которое злее...

Притыкина. Нет, я ко всем! Супруга ваша, конечно, со стороны туалетов, но и вы, судари мои, тоже очень интересные...

Гриша *(выпил)*. Ух! Сладко, а... здорово!

Цыганов *(клянясь Притыкиной)*. Весьма польщен... Юноша, запомните: эта влага называется — шартрез...

Анна *(Притыкиной)*. Садитесь, пожалуйста...

Притыкина. Мерси! Я давно говорю Архипу, мужу то есть: «Окаянный! Познакомь с инженерами!» А он страшает: «Они, говорит, строгие». А вы вовсе не строгие, но, конечно, образованные и потому гордые... Что же? Всякому человеку погордиться хочется, — мы вот деньгами гордимся, а вы — науками... А у кого нет ничего, тот уж — что он? Вроде младенца, который год прожил да и помер, и сказать про него нечего! Я этак-то родила...

Анна *(быстро встает)*. Может быть, вы пройдете туда, на веранду?

Притыкина. С удовольствием, дорогая вы моя, пройду! Какая вы приветливая, какая милая... И так я рада, что вы приехали, так рада! Городок у нас — милый, красивый, и кругом всё окрестности... и лесные окрестности, и полевые, и болотные... и клюква, уж столько клюквы!

Цыганов *(посмотрел вслед дамам)*. Занятно, Жорж, право... интересная женщина!

Гриша *(вдруг засмеялся)*. Она — дуреха!

Черкун. Что?

Гриша. Дура, говорю, она. Старая, а вышла за молодого замуж... Богатая она... Он всё забрал у нее, а сам, конечно, бегаёт... Он — ловкий! Ух... отец идет! Заслоните меня... я еще хвачу...

(Цыганов закрывает собою Гришу. Гриша наливает большую рюмку ликера, быстро проглатывает ее и дико таращит глаза. Идет Редозубов, глядя исподлобья на Черкуна, за ним — Павли с толстой тетрадью под мышкой.)

Редозубов *(не кланяясь)*. Гришка! Ты чего тут делаешь?

Гриша *(ухмыляясь)*. Так... ничего...

Черкун. Это я его пригласил...

Редозубов. Зачем?

Черкун. Нужно.

Редозубов. А он меня спросил, можно ли идти?

Черкун. Зачем?

(Молча смотрят друг на друга.)

Редозубов. Я его отец...

Черкун. Ну-с, долго разговаривать мне некогда. Ваш сын должен снять эту дурацкую шубу. Что за глупость!

Редозубов *(удивлен)*. Позволь... что такое?

(Павлин осторожно отодвигается в сторону от Редозубова.)

Черкун. Если же он будет носить шубу, — я напишу воинскому начальнику, что вы заставляете нашего сына уклоняться от исполнения воинской повинности... Вы поняли?

Гриша *(вдруг)*. Папаша! Желая в солдаты... ей-богу!

Черкун. Вы поняли? Это — уголовное преступление...

Редозубов *(растерян)*. погоди! По какому праву? Павлин, будь свидетелем... Гришка, ступай домой...

Гриша. Папаша! Не могу я похудеть... не могу!

(Притикин стоит слева за деревьями.)

Редозубов *(спокойнее)*. Ты, господин, приехал дорогу строить... Строй! Я тебе не мешаю... и ты в чужое дело не мешайся, да! И... и глаза на меня... зеленые глаза — не тарась... Григорий, домой! А я — жаловаться буду... я к губернатору поеду...

Цыганов *(с ласковой улыбкой)*. И приедете на скамью подсудимых... Это в шестьдесят-то лет! Будучи городским головой, церковным старостой, кумом по-

жарного и прочее и прочее... Такая блестящая карьера и такой мрачный конец! Вы представьте себе это...

Редозубов. Григорий, иди домой, собака! Не слушай... не гляди на них...

Гриша *(пьяно заплакал)*. Они тебя... в острог! И меня... в острог!

Редозубов *(хватает его за руку)*. Иди, пес... *(Быстро идет прочь.)*

Черкун *(вслед, спокойно)*. Почтенный, если вы побьете сына — это будет стоить вам дорого... *(Идет за ними.)*

Притыкин *(удивлен)*. Испугался! Василий Иванов Редозубов — испугался!

Цыганов. Любит почет, а?

Притыкин. У-у, страсть! Ежели в могилу человека с почетом несут, — он и тут завидует, так бы на его место и лег! Столбы каменные видели перед его домом? Улицу он ими загородил — хотел парадное крыльцо построить, как у князя Хрящеватого... Запретили ему портить улицу — седьмой год судится, не хочет уступить... И никогда никому он не уступал...

Павлин *(выступает и докладывает, считая на пальцах)*. Человек, заметить смею, жестокий: одну супругу в гроб забил, другая — в монастырь сбежала, один сын — дурачком гуляет, другой — без вести пропал...

Цыганов. Позвольте, мой дорогой, вы — что такое?

Павлин. Я-с?.. Меня все здесь знают...

(Пришла Степа, собирает со стола бутылки и уносит их.)

Притыкин. Дружок Редозубова то... тоже — перец!

Павлин. Я со всеми людьми желаю дружно жить...

Цыганов. Вам угодно что-нибудь от меня?

Павлин. Точно так. Вот сочинение мною написано... и как вы человек ученый, то желал бы я знать ваш взгляд, о чем и прошу вас усердно. Называется оно: «Некоторое рассуждение о словах, составленное

для обнажения лжи бескорыстным любителем истины»...
Девять лет писал...

Цыганов *(берет тетрадь)*. О чем же вы здесь рассуждаете?

Павлин. Против новых слов я... Как поступки человеческие остались с древности неизменны, а названия им даны другие, то я и противоречу этому... Вообще — против новых слов.

Цыганов. Что такое — новые слова?

Павлин. Например: раньше говорилось — ябеда, а теперь говорят — корреспонденция...

Притыкин. Это он про то, как его в газете обругали за донос на учителя... Небойсь, голове Редозубову ты ни в чем не противоречил...

Павлин. Куст дерево тенью не покроеет, Архип Фомич! Он выше меня по значению своему в городе... Недоступное — недосыгаемо!

Цыганов *(идет к дому)*. Хорошо, я просмотрю вашу рукопись...

Павлин. Чувствительно благодарен...

Цыганов. Вы зайдете как-нибудь...

Павлин. Сочту долгом...

(Все трое уходят. Над забором Редозубова появляется Катя, — она внимательно осматривает сад. Слышен голос Черкуна, — Катя исчезает. Идет Черкун, с ним Анна.)

Анна. Так издеваться над людьми за то, что они глупы, нехорошо!

Черкун. Они — злы...

Анна. Всё равно — от глупости...

Черкун. Ну, я знаю, что ты скажешь...

Анна. Как тяжело с тобой, Егор!

Черкун. Тебе — тяжело? Мне пока только скучно... *(Садится за стол.)* Тебя там ждут эти... гости...

Анна. Иду. Ты... не хочешь поцеловать меня?

Черкун. Нет...

(Анна, быстро повернувшись, уходит. Черкун работает. Над забором снова появляется Катя — бросает камень в Черкуна. Потом палку. Исчезает.)

Черкун *(по направлению к забору)*. Эй вы, дикарь! Я не терплю таких шуток!

Катя *(за забором)*. А мне наплевать на вас... слышали?!

Черкун *(встает)*. Вы — женщина?

Катя. Не ваше дело... рыжий!

Черкун. Если вы и женщина... то все-таки и грубо и глупо швырять камнями...

Катя. А вы смеете обижать людей?

Черкун. Каких людей?

Катя. Ага, каких... Отца и брата...

Черкун. Ах, вот что! Но — всё же нечестно из-за угла кидаться... Вы бы показались, что ли...

(Идет Степан и удивленно смотрит на Черкуна.)

Катя. Вы думаете, я боюсь вас?

Черкун. Могу подумать и это... Но, вернее, вы — очень некрасивая.

Степан. Это вы с кем же беседуете, патрон?

Черкун. С дамой...

Степан *(оглядываясь)*. А... где она?

Черкун. Там...

Степан. Ничего не понимаю! Вас хочет видеть исправник...

Черкун. Ну, что такое?

Степан. Не знаю. Пойду посмотреть даму...

Катя. Попробуйте-ка!

Черкун *(уходя)*. Вы осторожнее... Она швыряет в мужчин палками.

Катя. Я только в рыжих...

Степан. Значит, меня вы не стукнете палкой?

Катя. Влезайте... увидите!

Степан. Гм... страшно! А все-таки — полезу!

Катя *(является на заборе)*. Не нужно... Если увидит отец, он вам задаст. Что вам надо?

Степан. Ничего. А вам?

Катя. Когда придет рыжий — я непременно камнем в нос ему...

Степан. Ого! За что?

Катя. Уж я знаю! Скажите, красивая дама — законная жена рыжего?

Степан. А вам зачем знать это?

Катя. Нужно, значит. А он ее любит?

Степан. Вы об этом у него спросите... или у нее...

Катя. А вы будто не знаете?

Степан. Я не опытен в этом...

Катя. Как же... притворяйтесь! Все студенты — распутные, в бога не веруют и читают запрещенные книжки... я ведь знаю! И вы читаете запрещенные книжки?..

Степан. Грешен...

(Идет Цыганов, останавливается и с улыбкой слушает.)

Катя. Ах вы... бесстыдник! Зачем же вы это делаете?

Степан. Так, знаете... привычка!

Катя *(негромко)*. Дайте мне одну... только которая интереснее... хорошо? Я очень люблю читать... ай!
(Исчезает. Степан оглядывается.)

Цыганов. Похвально, юноша!

Степан *(смущен)*. Ну... уж вы сейчас... Совсем ничего нет особенного... просто она просила книг... конечно, через забор... ну что ж такое?

Цыганов. Да я же ничего не говорю!

Степан. Но... вот вы улыбаетесь...

Цыганов. Не красно говорите,— значит, еще не влюбились...

Степан. Вот... любовь! К чему это?

Цыганов. Я тоже часто спрашивал себя — к чему? Но это мне не помогало, юноша, и я влюблялся... А она хорошенькая, знаете... такая чертовочка растрепанная... Желаю успеха... *(Возвращается, взяв со стола сверток карт. Степан смотрит на забор, потом — хочет влезть на него. Идут Богаевская и Надежда.)*

Богаевская. Это вы зачем же на стену-то лезете, молодой человек?

Степан. Я фуражку... повесил фуражку, а она упала туда...

Богаевская. Да ведь фуражка на голове у вас?

Степан. Это — не та... та была... другая...

Б о г а е в с к а я. Вы, кажется, голову потеряли, а не фуражку... Надежда Поликарповна, вот познакомься — Степан Данилович Лукин...

Н а д е ж д а (*внимательно осматривает*). Очень молоденький...

Б о г а е в с к а я (*закуривает папиросу*). Ну и оставим его лазить по заборам... Вот все сюда идут... Ах, Надежда, говори ты меньше — может быть, умнее покажешься людям...

(Степа является, приносит корзину с посудой, бутылками лимонада, ликером, собирает со стола бумаги, покрывает стол скатертью. Несколько времени спустя приходят доктор, Цыганов, Анна.)

Н а д е ж д а (*спокойно*). У меня очень большой ум...

Б о г а е в с к а я. Не ври! Подумай — ведь кроме любви этой твоей... ты ни о чем не можешь говорить...

Н а д е ж д а. Ни о чем не могу...

Ц ы г а н о в (*доктору*). Сначала мы с вами выпьем, доктор, не так ли?

Д о к т о р. И потом выпьем.

Ц ы г а н о в. И потом, разумеется... Степа, готово? Вот... (*Возится с бутылкой. Доктор тяжелым, неподвижным взглядом смотрит на Надежду. Анна подходит и садится рядом с ней.*)

А н н а. А должно быть, вам скучно жить здесь...

Н а д е ж д а. Некоторые жалуются на это... А мне не скучно: я целые дни книжки читаю или сижу и думаю...

А н н а. Вы что читаете? Романы?

Н а д е ж д а. А что же еще? Был здесь один служащий в земстве, застрелился он потом...

А н н а. Застрелился? Отчего?

Н а д е ж д а. Не знаю...

Д о к т о р (*угрюмо и зло*). От любви к ней...

Б о г а е в с к а я (*ужоризненно*). Эх вы, батюшка...

Н а д е ж д а (*спокойно*). Он давал мне какие-то другие книги, не романы... но они скучные были, и я их не читала...

Цыганов. А здесь, в городе, в жизни — бывают романы?

Надежда. Как же без этого? И здесь влюбляются...

Анна. Должно быть, жалка эта местная любовь...

Надежда. Любовь везде одинакова, если она настоящая...

Цыганов. А что такое — настоящая любовь?

Надежда. Которая на всю жизнь...

Цыганов. Гм... да! Вы много прочитали романов... Вам, вероятно, часто объясняются в любви...

Надежда. Нет, не очень... Вот служащий этот, который застрелился, письма мне писал, а до него — земский начальник говорил (*доктор медленно отходит в сторону*), но после этого поехал на охоту, простудился там пьяный и в три дня умер...

Анна (*вздрыгнув*). Умер?

Надежда. Да. Не нравился он мне. Пил много, носом сопел, и лицо у него было красное. Теперь вот доктор говорит, что влюблен в меня...

Богаевская (*с упреком*). Матушка ты моя! Помолчать бы тебе! (*Встает, идет к дому. Среди деревьев стоит доктор и неподвижно смотрит на Надежду.*)

Анна (*подавлена*). Как вы рассказываете... просто!

Цыганов (*серьезно*). А вы... как относитесь к нему?

Надежда. Никак. Он на мужа моего похож...

Цыганов. Что вы! Мне кажется — нисколько!

Надежда. Нет, похож. С лица — не похож, а по душе они родные. Оба рыбу ловить любят, а кто любит рыбу удить — он всё равно что полумертвый: он сидит над водой, как будто смерти ждет...

Цыганов (*Анне*). Тут есть какая-то правда...

Анна. Это понравилось бы Егору...

Надежда. Какие у вашего супруга глаза обаятельные! И волосы... как огонь! И весь он — отличный мужчина... Раз увидишь — не забудешь! А у здешних мужчин у всех глаза одинаковые, и даже... как будто нет у них глаз...

А н н а *(негромко)*. Какая вы... странная!
Ц ы г а н о в *(медленно)*. Д-да-а... Я бы даже
сказал — страшная...

Н а д е ж д а *(впервые улыбаясь)*. Вы это — серьезно?

Ц ы г а н о в. Мое честное слово!

Н а д е ж д а. Вот и доктор тоже говорит...

А н н а *(тихо)*. Бедный доктор...

(Раздается смех Монахова. Идут Черкун, исправник, Монахов, Лидия, Богаевская.)

Ч е р к у н. Анна! Яков Алексеевич уходит... *(Остается в стороне с Лидией.)*

А н н а. Вы не хотите посидеть еще?

И с п р а в н и к. Благодарствую! На первый раз — довольно. А знаете, Сергей Николаевич, я как-то так... незаметно — выпил весь херес! Действительно, адское вино!

Ц ы г а н о в *(рассеянно)*. Вы подождите — вот я скоро получу кое-что в этом роде...

И с п р а в н и к. Жду! Нетерпеливо жду! *(Хочет.)*

М о н а х о в *(подходит к доктору)*. Что, батя, а?

Д о к т о р. Ничего... думаю — надо пива выпить...

М о н а х о в. Пей! Тоска пройдет...

И с п р а в н и к. Итак, завтра прогулка в лодках? В пять вечера пришлю за вами пожарных лошадей... А музыку — угодно?

Б о г а е в с к а я. Ну, уж избавьте, батюшка... Какая радость, если уши лопнут? Да пожарные и в городе могут понадобиться.

И с п р а в н и к. Чур меня! Я не люблю пожаров и вообще — жары! *(Хочет.)* До свиданья, господа! Ужасно рад, что в моем городе будут жить такие люди... и прочее... не умею говорить речей...

Н а д е ж д а. Вы на лошадях?

И с п р а в н и к. Всенепременно! Вас доставить на дом? Прошу!

Ц ы г а н о в. Куда вы, Надежда Поликарповна? Посидите!..

Надежда. Пора домой... До свиданья... Маврикий, я еду домой... До свиданья, Анна Федоровна! Монахов. Домой? Чудесно, Надя...

Анна. Я всегда рада буду видеть вас...

Цыганов. Я — тоже...

Исправник. Ее приятно видеть, а? Вашу руку, madame! Анна Федоровна, будьте здоровы! Сергей Николаевич, так я жду... кое-чего! Почтенная Татьяна Николаевна, доброй ночи...

Богачевская. Рано пожелал, батюшка... больно щедр!

Исправник. Для вас — мне ничего не жалко... А знаете, я благодарен голове, хоть он и вздорный мужик... Не пожалуйся он на вас, — еще когда я познакомился бы с вами! Всех благ!.. *(Идет с Надеждой.)*

Анна *(идет к доктору)*. Доктор, хотите пройтись по саду?

Доктор. Пожалуй... идемте.

Анна. Хоть бы сказали — с удовольствием...

Доктор. Я разучился говорить человеческим языком...

(Идут, разговаривая. Черкун и Лидия, говоря вполголоса, оба серьезные, идут к столу. Цыганов, сосредоточенно смотревший вслед Надежде, наливает себе большую рюмку чего-то и пьет. Монахов, стоя около стола, одобрительно щелкает языком.)

Черкун. Ну, Сергей, ты пьешь насмерть!

Цыганов. Поучись галантности у исправника, мой друг...

Черкун *(Лидии)*. Извините меня... На минуту, Сергей... Послушай, эта глупая баба, жена акцизного, смотрит на меня такими жадными глазами...

Цыганов. Ты глуп, Жорж... как это приятно мне!

Черкун. Нет, серьезно... мне неловко...

Цыганов. Иди! Тебя ждут... *(Черкун, пожав плечами, идет к Лидии.)* Маврикий Осипович, — ликеру?

Монахов. Не откажусь от удовольствия и в смертный час...

Цыганов. Правильно. И сигару... Вы в карты играете?

Монахов. А на что ж природа руки мне дала?

Цыганов. Э, да вы еще и остроумный человек... Обладатель такой прекрасной женщины (*Монахов смеется*), приятный собеседник...

Монахов (*вдруг*). Хотите пари?

Цыганов. Какое пари?

Монахов. Держу сто целковых против ваших пятидесяти, что вы влюбитесь в мою жену! Идет?

Цыганов (*внимательно смотрит на него и — с изящным нахальством барина*). Вы ничего не имеете против этого?

Монахов (*чертит пальцем в воздухе*). Ноль! Благословляю!

Цыганов (*усиливая тон*). А если — представьте казус! — она в меня влюбится?

Монахов. Держу пятьсот против ста за нет!

Цыганов (*смеясь*). Вы — милый человек... Но пока — оставим это, а? И поиграем в карты... Зовите доктора. Притыкин там с нашим студентом занят проверкой счетов... возьмем его, — ведь он не опоздает обокрасть нас, не так ли? (*Идет в дом. Там Анна играет на пианино что-то грустное.*)

Монахов. Конечно!

Цыганов. Люди становятся мельче, жулики — крупнее.

(Монахов хохочет. Из-за деревьев выходят Черкун и Лидия, идут медленно, останавливаются у стола и говорят стоя.)

Черкун. Вы долго будете здесь жить?

Лидия. Не знаю. Вероятно, месяц...

Черкун. Я — до зимы почти... до поздней осени...

Лидия. Я не люблю маленькие города: в них живут ничтожные люди... Когда я среди них, я спрашиваю себя — почему же они люди?

Черкун. Да, да!.. Среди них застывает энергия. В больших городах она кипит день и ночь. Там неустанное трение враждебных сил, там никогда не преры-

ваются битва за жизнь. Горят огни. Звучит музыка. Там всё, чем жизнь красна.

Лидия. Большой город, он — как симфония. Как сказочный зал волшебника, где всё есть и всё можешь взять. Там — хочешь жить!

Черкун. Да, жить! Я хочу жить много, жадно... Я видел, я испытал всё пошлое, всё тяжелое. Было время — меня унижали только за то, что я хотел есть. А вы не знаете, как унижают человека за то, что у него нечистое белье и не острижены вовремя ногти?

Лидия. Я вижу — вам было плохо...

Черкун. Ну да! Мне очень нужно посчитаться с людьми за прошлое, очень! Во мне нет жалости, нет снисхождения к тем жадным и тупым животным, которые командуют жизнью... И бессилие тех, которые подчиняются, меня приводит в ярость...

Лидия. Вам и теперь нехорошо живется?..

Черкун. Теперь? Да... и теперь...

Лидия *(широким жестом указывает вокруг)*. Вам нужно не это — нужно широкое поле битвы. Мне кажется, вы способны на что-то крупное... большое... Вы такой... прямой... Но — умеете ли вы оценить себя? Оценить себя выше — это не ошибка, можно подняться, прыгнуть; но понизить цену себе — это значит наклониться, чтоб другие прыгали через твою голову.

Черкун. Я понимаю это...

Лидия. Мне кажется — человек не должен иметь много, но пусть то, что он имеет, будет великолепно! Не нужно быть жадным... не нужно загромождать свою душу дешевым, мелким... Жизнь делается красива тогда, когда люди будут желать редкого...

Черкун. Вы — романтичны.

Лидия. Разве это плохо... если это так? Кто это?

(Идет Дунькин муж. Он еще более оборван, чем в первом действии. Пьян и шагает смело.)

Черкун. Что вам угодно?

Дунькин муж *(вдохновенно)*. Позвольте вам сказать... я — отец!

Черкун. Чей отец?

Дунькин муж. Ее... которая у вас... горничная... Степанида... Она — беглая... от меня. И я — требую... потому — отец! Что поделаете? Могу требовать...

Черкун (*Лидии*). Вот почти таким был мой отец...

Лидия. Прогоните его, — он противен...

Черкун. Что вам нужно?

Дунькин муж. Жалованье... Дочь — чья? Моя. И жалованье — мое, оттого я и требую... А то — возьму ее, дочь свою... Павлин говорит: никто не может держать у себя чужую дочь... если она беглая... а отец всегда может требовать жалованье... Павлин говорит...

Черкун. Вы — не отец. Родить ребенка — это еще не значит быть его отцом... Отец — это человек, но разве человек — вы?

Лидия (*усмехаясь*). Как вы молоды! Он не поймет; зачем вы говорите?

Черкун. Да, не поймет... Ну, вы... ступайте прочь!

Дунькин муж (*отступая*). А... жалованье?

(*Идет Анна, остановилась, смотрит.*)

Черкун. Ступайте прочь!

Дунькин муж (*испугался и несколько отрезвел*). Ну ничего... я уйду... только — дайте хоть полтинник!

Лидия (*бросая монету*). Идите...

Черкун. Живее! Но?

(*Дунькин муж, не оглядываясь, исчезает. Из кустов смотрит Анна.*)

Лидия (*улыбаясь*). Как просто! Вот он и променял свою дочь на маленький кусок плохого серебра. А нас хотят заставить жалеть, даже любить таких людей... вам это нравится? Разве им поможет жалость? И разве можно их любить? Вот... Анна Федоровна! Устали от гостей?

Анна (*сухо*). Нет, ничего. Они играют в карты... Я вышла посмотреть...

Черкун (*подозрительно*). Посмотреть — на что?

А н н а. Я видела, как прошел в сад этот жалкий человек...

Л и д и я. Ну, я иду домой... Мы вечером увидимся, я не прощаюсь...

Ч е р к у н. Да... мы увидимся...

(Лидия уходит. Черкун смотрит вслед ей. Анна наблюдает за ним, кусая губы. К ней бросается Степа.)

С т е п а. Он за мной приходил... за мной?

А н н а. Нет, Степа... это так... не бойся!

С т е п а. Христа ради... не отдавайте меня ему...

А н н а. Да нет же! Ты успокойся... иди!

С т е п а. Я в монастырь уйду! Туда его не пустят... Туда ведь не пустят?

Ч е р к у н. Идите, Степа! Всё это чепуха... Он ничего не может сделать с вами...

А н н а. Мы не дадим вас ему...

С т е п а *(уходя)*. О господи...

А н н а. Мне кажется, Егор, этого человека нужно как-нибудь...

Ч е р к у н *(резко)*. Ничего не нужно делать как-нибудь!

А н н а *(ласково)*. Ты раздражен...

Ч е р к у н. Нет. Но я хочу тебе сказать — ты слишком ясно подчеркиваешь свою неприязнь к Лидии Павловне...

А н н а. Позволь! С чего ты взял?

Ч е р к у н. Неправда — везде излишняя, тем более меж нами, Анна... Она мне нравится, с ней — интересно; ты это видишь и боишься...

А н н а *(тревожно)*. Чего боюсь? Я... не боюсь, нет!

Ч е р к у н. Я ведь вижу, Анна...

А н н а. Что? Что ты видишь? Скажи... скажи... скорее... Нет, не говори... прошу тебя — не надо!

Ч е р к у н *(угрюмо)*. Тише, Анна...

А н н а. Молчи! Прошу тебя... Дай мне привыкнуть к мысли...

Ч е р к у н. Эта мысль давно уже с тобой, а ты всё не привыкла...

А н н а. Но если — не могу! Ведь я люблю тебя, люблю! Я всё тебе прощаю...

Черкун. Прощенья мне не нужно...

Анна. Я скучный, я обыкновенный человек... я знаю это, да! Но я люблю тебя... И не могу я без тебя... я не могу! Разве за это можно презирать? Разве можно... так жёстко...

Черкун. Я тебя не презираю. Это неправда... Но я уже не люблю тебя. Вот правда...

Анна. Но ты любил меня... Нет... подожди! Ты ошибаешься.

Черкун. Это сгорело. А не любя живут с женами только развратники... или лгуны...

Анна. О, подожди! Подожди... Дай мне время... я попробую, быть может, я буду... другой! Быть может, я не буду такой неинтересной...

Черкун. Эх, Анна! Стыдись! Как можно отречься от себя?

Анна. Мой дорогой! Любимый мой... Я не могу жить без тебя...

Черкун *(твёрдо)*. А я — с тобой... *(Идет к дому. Анна, подавленная, медленно садится к столу. Шум; кто-то перелез через забор, как слышно по звукам. Анна не слышит. Из-за деревьев выбегает Катя.)*

Катя *(обнимая Анну)*. Милая, славная моя! Вы не плачьте... он подлец...

Анна *(вскакивая)*. Уйдите! Кто вы?

Катя. Он — дурак! Разве так можно говорить? Разве можно не любить вас?

Анна. Кто вы? Как вы...

Катя. Я — Катя, я Редозубова! Вы его бросьте... вы молодая, полюбите еще! Полюбите другого, хорошего, доброго... А ему... Я бы отхлестала его по щекам...

Анна. Зачем вы слушали? О боже мой!

Катя. Я всё знаю, что у вас делается... я целый день слежу за вами в щель... и так люблю вас, так люблю!

Анна *(несколько оправляясь)*. Это нехорошо... подслушивать...

Катя. А почему нехорошо? Надо всё видеть, это интересно! Вот если б я не пришла, вы бы сидели одна и плакали... А теперь я буду утешать вас...

(Идет Степан.)

А н н а. Молчите... тише! Вы ничего не знаете, не слышали... прошу вас!

К а т я *(с важностью)*. Я понимаю! Ах, это... этот!

С т е п а н *(снимая фуражку, кланяется)*. Тот самый... Через забор изволили прибыть?

К а т я. А вам какое дело? Вы думаете, если я через забор, так уж и дурочка? Я не глупее вас... уберите!

С т е п а н. Вот тебе и раз! Чем я прогневал...

К а т я *(топая ногой)*. Молчите! С вами не разговаривают... Идемте! *(Берет Анну за руку.)*

А н н а. Я... простите меня... не могу... мне некогда...

К а т я. Я понимаю... Я буду с вами... Идемте! *(Ведет ее в глубину сада. Степан недоумевает. Идут Редозубов и Павлин, Редозубов растрепан и взволнован.)*

Р е д о з у б о в. Будь свидетелем, Павлин... давеча сына сманили... напоили... теперь дочь... *(Степану.)*

Ты кто? Служащий? Зови господ... Гляди, Павлин...

С т е п а н. Вы ошибаетесь, почтенный...

Р е д о з у б о в. Мне всё равно! Здесь — вертеп, да! Ах, фармазоны, а? Зови их!

С т е п а н. Не хочу...

Р е д о з у б о в. Как? Я тебе говорю, а ты...

(Черкун идет.)

П а в л и н. Они — студент...

Р е д о з у б о в. Ага! Значит, одна шайка...

Ч е р к у н *(спокойно)*. Что такое? В чем дело?

Р е д о з у б о в. Где дочь?

Ч е р к у н. Не знаю...

Р е д о з у б о в. Врешь, фармазон!..

Ч е р к у н *(Степану)*. Что такое — фармазон?

С т е п а н. Первый раз слышу...

Р е д о з у б о в. Не шути, барин! Где дочь?

П а в л и н. По-научному если — франкмасон горорится.

Ч е р к у н. Послушайте, старик: ваша дочь бросала в меня камнями, а больше я ничего не знаю о ней... Вы понимаете?

(Катя бежит.)

Р е д о з у б о в. А это что? Катерина... кто велел...
К а т я. Ну, не шуми... Иди сюда! Иди, иди... не бойся, он не пойдёт...

Р е д о з у б о в. Дочка моя! Не место тебе тут...
К а т я (*Черкуну*). Вы — не ходите! Слышите... вы! Урод!.. (*Уходит, увлекая за собой отца. Степан смеется. Черкун, улыбаясь, смотрит на него. Павлин поджал губы и наблюдает.*)

Ч е р к у н. Нелепо... но очень мило, право! Славная девчужка... Пришла, командует... гм...

С т е п а н (*смеясь*). Ах, чёрт возьми! Ведь ловко, патрон?

Ч е р к у н. Надо поговорить со стариком...

(*На заборе появляется голова Гриши. Лицо у него испуганное.*)

П а в л и н. Осмелюсь сказать — вы его вполне потрясли и нарушили...

Ч е р к у н (*Степану*). Это кто?

С т е п а н (*усмехаясь*). Местный мудрец... и прочее, что потребуется...

Г р и ш а. Барин, эй!

Ч е р к у н. Ну?

Г р и ш а. А он меня не бил... ей-богу!

К а т я (*бежит*). Послушайте... вы! Подите сюда... отец зовет вас... Ну, чего вы зубы оскалили? Я всё знаю про вас... У-у, рыжий! (*Показывает ему язык и убегает. Степан раздражается хохотом. Павлин не знает, как отнестись к этому. Черкун улыбается, идет на зов Кати. Гриша опасливо следит за ним.*)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Тот же сад. Вечер. Солнце заходит. На деревьях висят разноцветные фонарики. Стол уставлен винами и закусками; вокруг него, в беспорядке, разнообразные стулья. Около стола возится Степа; Матвей Гогин, одетый очень чисто, открывает под деревьями бутылки пива. В глубине сада, у забора, стоит Приемыкин; рядом с ним Монахов тихонько наигрывает на кларнете. В доме — шумят. Кто-то одним пальцем играет на пианино «Чижика» и всё сбивается. Хохочет и справник.

Матвей. Я уж около трех сотен накопил...

Степа. Какое мне дело до этого?

Матвей. Значит — не дурак...

Степа. Я не говорила, что вы дурак. А вот вы жадный... всё про деньги говорите... как все мужики...

Матвей. Что ж — мужики?

(Черкун идет к столу, вслед за ним Надежда.)

Черкун. Степа, дайте зельтерской! *(Надежде.)* И вы захотели освежиться? Душно там, да?

Надежда. Нет... ничего...

Черкун. Почему это вы так... странно смотрите на меня?

Надежда *(негромко)*. Что же тут странного?

Черкун *(усмехаясь)*. Не дать ли вам холодной воды... зельтерской, а?

Надежда. Нет, я не желаю...

Черкун *(идет обратно)*. Ну-с, пойду доигрывать...

(Надежда медленно идет за ним.)

М а т в е й *(упрямо)*. Что я мужик, ничего не значит! Степан Данилыч — студент, он всё знает... он говорит — раньше все люди мужиками были, а потом — которые умные, господами сделались... вот оно!

С т е п а. Отстаньте... не люблю я таких...

М а т в е й. Женимся — полюбите... Я парень здоровый...

С т е п а *(как бы про себя)*. Я в монастырь уйду...

(Идут исправник и Цыганов, оба выпивши.)

М а т в е й *(смеется)*. Ну, это вы врете... в монастырь... тоже!

И с п р а в н и к *(у стола)*. Здесь — всё прекрасно, но закуска и выпивка далеко...

Ц ы г а н о в *(наливая вино)*. Она — эпическая женщина...

И с п р а в н и к. Вы всё про нее?.. Н-да... зверь! Я вот два года за ней ухаживаю... Мужчина — не урод, как видите, военный и прочее... Вы, говорит, не герой... А почему я не герой? Неизвестно! И наконец, что такое — герой? В уездном городе и вдруг — герой! Смешно...

(Монахов и Притыкин идут к столу.)

Б о г а е в с к а я *(кричит)*. Яков Алексеевич, вам сдавать!

И с п р а в н и к *(идет с куском в руках)*. Спешу...

Ц ы г а н о в *(Монахову)*. А мы вот всё говорим о вашей супруге...

М о н а х о в. Приятно слышать... А что именно вы говорите, если это не секрет?

Ц ы г а н о в. Хотим понять — что она такое? И не понимаем...

П р и т ы к и н. Женщину очень трудно понять...

М о н а х о в. Это ты про Марию Ивановну?

П р и т ы к и н *(дергает его за рукав)*. Нет, вообще... Редкие понимают женщину...

М о н а х о в. Что мне нужно, я, батя, понял... а что не нужно, того и понимать не надо...

П р и т ы к и н. Это, конечно, спокойнее. Опять же — всего никогда не поймешь...

Цыганов. Где вы ее достали, мой друг, а?

Монахов. В епархиальном училище за обедней заметил...

Притыкин. Вон она идет... и доктор около...
(Смеется. Монахов незримо вторит ему. Цыганов смотрит на них, и усы его презрительно вздрагивают.)

Монахов (Цыганову). А Мопассана вашего она не одобряет, — скучно, говорит, и очень всё кратко. Зато мне он нравится! Такие есть штучки... ой-ой!

Цыганов. Надежда Поликарповна, хотите еще шампанского?

Надежда. Пожалуйста... Мне очень нравится оно...

Монахов. Смотри, Надежда, будешь пьяной...

Надежда. Какие грубости ты говоришь! Люди могут подумать, что я уж была пьяная. Зачем ты ходишь с этой палкой?

Монахов. А вот скоро играть буду.

Притыкин (берет Монахова под руку). Идемте, посмотрим, как исправник козыряет...

(Идут. Монахов — неохотно.)

Цыганов (подает бокал Надежде). Вам не нравится кларнет?

Надежда. Я гитару люблю, на ней можно играть очень трогательно. А кларнет всегда точно с насморком... Вы очень много пьете, доктор...

Доктор. Меня зовут Павел Иванович...

Цыганов. Представьте! Первый раз слышу ваше имя... странно, а?

Доктор. Что — имя? Здесь души не замечают...

Цыганов. Какой вы всегда невеселый, дорогой мой Павел Иванович...

Доктор. Не всякий способен смеяться в мертвецкой...

Черкун (кричит). Сергей! Тебя зовет Лидия Павловна...

Цыганов. Извиняюсь... Иду...

Доктор (тяжело смотрит на Надежду). Он вам нравится... этот?

Надежда. Приятный... говорит интересно и всегда чисто одет...

Доктор (*негромко, глухо*). Он — мерзавец. Он хочет развратить вас... он это сделает... мерзавец!

Надежда (*спокойно*). Вы всегда всех ругаете, и при этом видно, что у вас зубы гнилые...

Доктор (*страстно и тоскливо*). Надежда! Я не могу видеть тебя среди них... это убьет меня! Голосом души моей говорю — уйди! Они жадные... им ничто не дорого... они готовы всё пожрать...

Надежда (*встает*). Зачем же вы говорите на ты? Это вовсе невежливо...

Доктор. Не уходи! Послушай... ты, как земля, богата силой творческой... Ты носишь в себе великую любовь... дай же мне частицу ее! Я весь изломан, раздавлен страстью... Я буду любить тебя, как огонь... и всю жизнь!

Надежда. Ах, господи... ну если вы мне совсем не нравитесь! Вы посмотрите на себя — какой же вы любовник? Даже смешно это...

Доктор. Смотри же... помни! Я лягу на твоём пути — увидишь! Один уже убит тобой... Я буду вторым... Как только я увижу, что этот прохвост овладел тобой...

Надежда (*с легкой досадой*). Вы, право, очень глупый человек! Как это можно овладеть мной, если я не хочу? И всё это совсем не касается вас... Какой вы досадный... даже нестерпимо!

Веселкина (*бежит*). Вы можете представить, какая неожиданная новость? Вдруг — приехала Анна Федоровна... Я ничего не понимаю! Значит, они — не разошлись? Или снова сошлись? А как же тогда Лидия Павловна? Ведь он в нее влюблен...

(Доктор отходит к столу и тяжело смотрит на Надежду.)

Надежда (*медленно*). Как это интересно... Только я не верю... что он влюбился в Лидию Павловну...

Веселкина. Что вы! Весь город знает это...

Надежда. Этого нельзя знать, милая, потому что это — в сердце...

Веселкина. И в глазах, и в голосе...

Надежда *(задумчиво)*. А вот зачем она приехала... его жена? Зачем? Хотя она и не опасная противница...

Доктор. Кому?

Надежда *(не сразу, медленно)*. А вам какое дело?

Веселкина *(доктору)*. Вы нездоровы? У вас лицо...

Доктор *(негромко, как эхо)*. А вам какое дело?

Веселкина. Фу, как невежливо! Пойдемте, дорогая, посмотрим, как всё это будет...

(Идут. Из-за деревьев является Монахов, подходит к доктору с усмешкой.)

Монахов. Что, батя, а?

Доктор. Сто раз я слышал этот умный вопрос... Что вы хотите знать? Ну?

Монахов. Шш! Эх вы... Мне ничего не надо знать... я знаю всё, что надо...

Доктор *(зло)*. Вы знаете, что я... люблю вашу жену?

Монахов *(тихо, с усмешкой)*. Кто этого не знает, батя?

Доктор *(хочет уйти)*. Ну... и ступайте к чёрту!

Монахов *(хватает его за рукав)*. Тс! Зачем ругаться? Мы рождены не для волнений, сказал поэт... и не люблю я ничего драматического...

Доктор *(резко, тихо)*. Что вам нужно?

Монахов *(таинственно)*. Чтобы она — несчастье испытала... чтобы удар ей дали... но — не я! И не вы, батя... Вас мне жалко... я ведь — добрый... и я вижу... всё вижу! От удара — она мягче будет... несчастье смягчает... поняли, батя?

Доктор. Вы... пьяны? Или вы...

Монахов *(с усмешкой)*. Выпил... все выпили! Разве это не приятно? Это очень приятно...

Доктор *(злобно)*. Вы, кажется, просто... гадина! *(Быстро идет прочь. Монахов подходит к столу—*

на лице его жалкая, странная улыбка. Паливает вина. Бормочет.)

Монахов. Да... тебе, брат, больно? А мне — не больно?

Притыкина (идет, за ней Дробязгин, Веселкина). Маврикий Осипович, слышал, а?

Монахов. Что именно?

Веселкина. К Черкуну жена воротилась...

Монахов (как всегда). Уже воротилась? Н-да... как же к этому происшествию нужно отнестись?

Притыкина. Сам-то не понимаешь, батюшка?

Веселкина. Ведь он влюбился в Лидию Павловну...

Дробязгин (торопливо). По-моему, они очень подходят друг к другу...

Монахов. Вот и прекрасно...

Притыкина. Что же тут прекрасного?

(Дробязгин оглянулся, взял со стола грушу и незаметно ест ее.)

Монахов. Всё. И что они подходят, и что она воротилась... и вы все прекрасные люди, и я хороший человек... Главное — не надо нам мешать друг другу... (Смеется и идет.)

Притыкина. А верно, хороший он... только мало понимает...

Веселкина. Ему некогда понимать, нужно за женой следить...

Дробязгин. Надежда Поликарповна — скромная женщина...

Веселкина. Вы всегда всё знаете! Она только и ждет, как бы влюбиться в кого-нибудь...

Дробязгин. Этого все желают... даже курицы...

Притыкина (вздыхая). Вот уж верно... все желают!

Веселкина. Вы, Палагея Ивановна, Архипа Фомича любите?

Притыкина. Я-то его — очень, да он-то меня не особенно... Ну, что ж делать? Сама виновата: не

ходи сорок за двадцать... Вона — голова идет... и сама рожденница с ним... очень милая женщина!

(Идут Богаевская, Редозубов с сыном, Павлин. Дробязгин подтягивается, принимая скромный вид. Гриша делает ему дружеские гримасы, Веселкина смеется, видя это.)

Павлин. Я говорю ей: монастырь — это, девушка, не трудно, а ты вот гнусного родителя твоего возьми и пригрей — это ноша, это, говорю, крест...

Редозубов. Слышишь, Гришка?

Гриша. Слышу... Ведь я в монастырь не хочу... чего же?

Редозубов. Эх... дурак!

Притыкина. Уж как всё хорошо у вас, Татьяна Николаевна! Всего-то много, и всё вкусное, всё — редкое... Ах, дорогая вы моя, как это приятно!

Богаевская. Ну, я рада, коли угодила... Жарко вот очень...

Притыкина. А вы лимонадцу с коньячком... меня Сергей Николаевич научил лимонад с коньячком пить... освежает!

Редозубов *(тоскливо)*. Татьяна Николаевна! Зачем ты меня позвала? Сидел бы я дома... Вон Павлин говорит: это, говорит, Валтасаров пир...

Богаевская. Оставь детей и уходи, коли не нравится... А Павлин глупости говорит, хоть он и старик... да...

Редозубов *(задумчиво)*. Заглотал он меня... Что хочет, то и делаю... Это — я?!

Богаевская. Зато глупостей меньше делать стал... Давно уж тебя, батюшка, следовало ограничить...

Редозубов. Столбы сломал я... Семь лет за них держался, сколько денег убил по судам...

Павлин. Столбиков — жалко! Очень украшали они улицу...

Богаевская. Ну и врешь...

Притыкина. Ездить стеснительно было... а так — ничего! Все-таки каждый видит, каждый спро-

сит — чьи столбы? И узнает, что вот в Верхополье городской голова Редозубов...

Редозубов. Гришка! Чего глаза пялишь на бутылки?

Гриша. Я так, папаша... Больно много их...

Богаевская. Что ты на него орешь? Сам сделал парня дураком, да сам же и сердится...

Редозубов. Ты думаешь, я не вижу, что делается? Эти фармазоны... они варвары, они — нарушители! Они всё опрокидывают, всё валится от них...

Богаевская (*позевывая*). Видно, плохо было построено...

Редозубов. Ты — барыня... тебе ничего не жалко... Вы, баре, чужими руками делали, оттого вам и не жаль... а мы — своим горбом... да...

Богаевская. Да, мы не жадничали... И что нами хорошо было сделано, то, батюшка мой, осталось... А вот умрешь ты, и на месте, где жил, останется только земля испорченная... земля ограбленная.

Редозубов (*гневно*). Гришка! Иди прочь... Где Катерина? (*Идут исправник и Притыкин.*) Зови ее домой... иди! Вон — Архип идет... чем он меня лучше? А его наравне со мной ставят... (*Идет прочь. Павлин за ним.*)

Богаевская. А пожалуй, напрасно я старику-то наговорила... а? Вот... дура!..

Притыкина. Ну, дорогая моя, а он как говорил?

Исправник. Ваш дом — эдем, Татьяна Николаевна, и сами вы — богиня...

Богаевская. Да, очень похожа...

Исправник. А посему — желаю вам праздновать день вашего рожденья еще раз пятьдесят!

Богаевская. Не много ли?

Притыкин. Действительно, Татьяна Николаевна... верно! В другом бы месте Редозубов излял меня, как собака, а у вас — не может! Потому — вас все уважают... и никто ничего не может...

Богаевская (*спокойно*). Знают, что я и вон выгнать могу...

Исправник. Bravo!

П р и т ы к и н (с восторгом). Знают!

П р и т ы к и н а (вздыхая). Это очень хорошо, если человек чувствует, что его выгнать могут!

П р и т ы к и н (жене, значительно, задорно). Это вы... насчет кого же?

П р и т ы к и н а. Вообще! А ты думал — про тебя?

П р и т ы к и н. То-то...

И с п р а в н и к. Смирно-о! Выпили, закусили — ну-с?

П р и т ы к и н. В стуколку?

П р и т ы к и н а. В стуколку и я буду...

И с п р а в н и к. Извиняюсь...

Б о г а е в с к а я. Идите, батюшка, идите...

(Все уходят. Богаевская сидит в кресле, обмахиваясь платком. С правой стороны доносится голос Степана. Матвей развешивает и оправляет фонарики. Степан и Катя идут рядом. Степан, как всегда, говорит резко и как бы насмешливо.)

С т е п а н. ...Там горит великий огонь разума, и все честные, все умные люди видят при свете его, как грязно и скверно устроена жизнь...

К а т я (негромко). Там много честных и умных?

С т е п а н (усмехнулся). Ну... не очень... *(Богаевская тихо смеется.)* Потому-то я и говорю — идите туда! Отдайте хоть два-три года вашей юности мечтам о новой жизни и борьбе за эти мечты. Бросьте частицу вашего сердца в общий костер протеста против пошлости и лжи...

К а т я (просто). Я пойду...

С т е п а н. Быть может, вы испугаетесь и снова вернетесь в это болото... но — будет у вас чем вспомнить юность... а это — хорошая награда за то, что вы можете дать...

К а т я. Я не ворочусь...

С т е п а н. Сюда, в этот чёртов угол, не долетает ни звука той жизни... Вы посмотрите, как слепы, глухи, глупы все здесь...

К а т я (вздрыгнула). Монахов и доктор похожи на лягушек...

Степан. Что вам делать здесь? Ну, выйдете вы замуж за какого-нибудь купчика, вроде вашего брата... *(Видит Богаевскую, немного смущен, поправляет фуражку.)*

Богаевская *(улыбаясь)*. Что, милый? Чего конфузитесь?.. Он хорошо говорит, Катюша... честно говорит! Ничего не обещает — это хорошо... А когда обещать начнет — не верь...

Степан *(грубовато, очень искренно)*. Знаете... славная вы... честное слово!

Богаевская. Ну, ну... идите! Идите... живите! *(Степан и Катя уходят.)* Эх... милые вы мои человечки... *(Идет Лидия, читает какую-то записку, нервно двигая бровями.)* Лидуша!

Лидия. А, вы здесь? Надоели вам эти люди, да?

Богаевская. В мои годы люди скоро надоедают... Послушай-ка, хочу я тебе сказать... присядь-ка! Видишь ли, я тринадцать лет безвыездно прожила здесь... одичала я и многого теперь не понимаю... Так ты уж извини мне... ежели я что-нибудь не так скажу...

Лидия *(кладет ей руку на плечо)*. Не нужно говорить об этом... Ведь вы... по поводу моих отношений к Черкуну?

Богаевская. Да, да... Болтают они тут... перемигиваются...

Лидия. Что нам они?

Богаевская. Ну... не о чем и говорить.

Лидия *(задумчиво)*. Вот... если хотите... Его жена прислала мне записку, в которой сообщает, что у нее нет вражды ко мне... что-то в этом роде. Как жалки люди, не правда ли?

Богаевская. Люди-то? Да-а... Ее мне жалко...

Лидия *(улыбаясь)*. Надеюсь, вы не считаете меня способной отнять у нищего его единственный кусок?

Богаевская. Ну что ты, Лидочка! Ты — Богаевская, а этого достаточно, чтобы знать себе цену... Ну, отдохнула, пойду к ним снова... Скажи — он нравится тебе?..

Лидия. Не очень... Но среди других...

Б о г а е в с к а я. Груб он... резок... Ну, дай бог счастья тебе...

Л и д и я. О тетя... если я захочу, я сама возьму...

Б о г а е в с к а я *(тихо)*. Вот они идут...

Л и д и я *(пожимая плечами)*. Зачем же шептать?

(Идут Анна, Надежда, Черкун.)

Б о г а е в с к а я. Здравствуйте, Анна Федоровна... Вот как приятно для меня: день моего рождения, и вы приехали...

А н н а *(нервно оживлена)*. Поздравляю вас... Здравствуйте, Лидия Павловна. *(Лидия подает руку, молча улыбаясь.)* Так странно мне — я жила это время почти одна, в глухом деревенском углу, в тишине... и вот теперь попала прямо в этот шум... даже голова кружится!..

Ч е р к у н *(хмуро)*. Ты бы отдохнула...

А н н а. Потом... А где же Катя?

Н а д е ж д а *(Лидии)*. Какая Анна Федоровна миленькая стала, — смотрите-ка!

Л и д и я. Она всегда была такой красивой... мне кажется...

К а т я *(бежит)*. Приехала! Ай, как хорошо... как я рада, милая... приехала! Как похудела... а глаза какие...

(Они обнимаются. Черкун хмурит брови. Надежда следит за ним и Лидией. В кустах Веселкина, Монахов.)

А н н а. Какие?

К а т я. Серьезные... беспокойные.

А н н а. Как ты живешь, скажи?

К а т я. Мне хорошо... интересно! Я всё гуляю с Лукиным... отец меня грызет за это — ух как! А Лукин — он очень умный... только говорит со мной, как с девочкой... Он гораздо лучше говорит с мужиками... Пройдемся, а?

А н н а *(идет)*. Он ведь сам из простых...

(Цыганов идет. Черкун смотрит вслед жене, из-за деревьев ему улыбается рожка Монахова. Вдали стоит доктор. Лидия, напевая, чистит грушу.)

Черкун. Ты что же бросил гостей?

Цыганов. Надежда Поликарповна ушла, а вдали от нее — я чувствую себя не на своем месте...

Надежда. Как хорошо вы говорите комплименты... сразу и не поймешь даже...

Цыганов. Благодарю за комплимент...

Надежда. А вот Егор Петрович... никогда не говорит любезностей...

(Лидия идет к дому.)

Цыганов. Это мужчина дикий, невоспитанный...

Надежда. Маврикий! Что ты там нашел?

Монахов. Паука...

Надежда. Какие гадости!

Монахов. Я люблю наблюдать... занятие поучительное...

Цыганов. Чему же учит вас паук, а?

Монахов. А вот он поймал букашку и — сам-то маленький — не может сладить с ней... Посуетился около нее, к соседу побежал — помоги, дескать, съесть...

Доктор *(издали, грубо и глухо)*. Он действует, как вы, Монахов... совсем как вы... *(Идет прочь.)*

Цыганов. Что такое?

Надежда. О господи... вот испугал!

Монахов. Выпил! В пьяном виде многие философствуют. *(Идет туда, где скрылся доктор.)*

Черкун. Удивительно грубое животное этот доктор!

Цыганов. Вы слышите, как говорит этот рыжий господин, а?

Надежда. Правду говорит... и это очень хорошо... И всегда Егор Петрович говорит прекрасно...

Цыганов. Нам придется стрелять друг в друга, Жорж, я это чувствую!.. Богиня моя, уйдемте прочь от него... он скверно действует мне на нервы... Давайте гулять по саду и говорить о любви...

Надежда *(идет)*. А вот Егор Петрович никогда не говорит о ней...

Цыганов. Он — личность бесстрастная...

Надежда. Уж это извините... Как вы хорошо зовете его — Жорж!

(Уходят. Черкун озабоченно колотит пальцами по столу и резко насвистывает что-то. Идут Анна, Катя, Степан. Со стороны дома слышен торжествующий голос Притыкина. Ко времени, когда Анна начинает говорить о детях, у стола являются исправник, Притыкин. Гриша, шевеля губами, внимательно читает этикетки на бутылках.)

Притыкин. А я таки наговорил словечек старому чёрту Редозубову, будет он меня помнить. Он боится задеть меня здесь, а я тут — свой человек! *(Хочет.)*

Анна. Прошло всего два месяца, но, право, точно годы я прожила! Так всё это страшно...

Степан. Да-с... жизнь серьезная...

Анна. Ты знаешь, Катя,— есть люди, которые с наслаждением бьют женщин... кулаками по глазам... по лицу, до крови... ногами бьют... ты понимаешь?

Катя *(негромко, не сразу).* Я знаю. Отец бил маму... Гришу бьет...

Анна *(тоскливо).* О боже... милая моя, дитя мое!

Черкун. Ты сядь... не волнуйся...

Степан. Забавно мне смотреть на вас... вы точно вчера прозрели...

Анна. Какие страшные дети есть там! Они заражены... болезнью... глаза у них тревожные, унылые... точно погребальные свечи... А матери бьют и проклинают своих детей за то, что дети родились больными... Ах, если б все люди знали, на чем построена их жизнь!

Притыкин. Мы знаем! Это вам в диковинку, а мы очень даже хорошо знаем! Народ — зверье... и становится всё хуже... Еще бабы — смиреннее, а мужики — сплошь арестанты!

Монахов. Ну и бабы тоже! Кто тайно водкой торгует?

Исправник. О да! А вам известно, как они мужей травят? Испечет, знаете, пирожок с капустой и мышьяком и — угостит, да-с!

К а т я (*горячо*). А как же иначе, если они дерутся? Так и нужно!

П р и т ы к и н а (*пугливо*). Ах, милая! Ведь что говорит!

И с п р а в н и к (*шутя*). А вот за такие речи я вас, сударыня...

К а т я. Не дышите на меня... ф-фу!

А н н а (*растерянно*). Но, господа, если вы знаете всё это...

Ч е р к у н. Не будь наивной, Анна...

С т е п а н (*усмехаясь*). Кого вы здесь думаете удивить?

К а т я. Как не люблю я вашу улыбку... Чему вы смеетесь всегда?

С т е п а н. Жизнь полна преступлений, которым имени нет... и преступники не наказаны, они всё командуют жизнью... а вы — всё только ахаете...

(Исправник берет под руку Притыкина и уходит с ним.)

К а т я. Ну, что же делать?

А н н а. Что нужно делать?

(Гриша оглянулся, взял со стола бутылку и ушел с ней.)

С т е п а н. Открывайте глаза слепорожденным — больше вы ничего не можете сделать... ничего!

Ч е р к у н. Надо строить новые дороги... железные дороги... Железо — сила, которая разрушит эту глупую, тесную, деревянную жизнь...

С т е п а н. И сами люди должны быть как железные, если они хотят перестроить жизнь... Мы не делаем этого, мы не можем даже разрушить отжившее, помочь разложиться мертвому, — оно нам близко и дорого... Не мы, как видно, создадим новое, нет, не мы! Это надо понять... это сразу поставит каждого из нас на свое место...

М о н а х о в (*Кате*). А ваш братец бутылку шар-трезу взял и — видите? — пьет!

К а т я (*убегая*). Ах... негодяй!..

М о н а х о в. Зелье крепкое...

Гриша (*его не видно*). А тебе что? Не твое...
Пошла, ну... не дам!

Степан (*идет на шум*). Он еще стукнет
ее...

Монахов (*тоже идет*). Всё возможно...

Анна. Сергей Николаевич продолжает воспитывать его? Это может дурно кончиться...

Черкун. Ну, Сергей едва ли учил его красть бутылки...

Анна. А пить вино? (*Оглядывается. Быстро и нервно говорит.*) Чтобы сразу всё было понятно, Егор, я приехала к тебе...

Черкун. Отложим это до другого времени...

Анна. Нет, подожди! Я примирилась с мыслью, что мы с тобой чужие... что я чужая для тебя...

Черкун (*негромко, усмехаясь*). Чужая? Тебя со мной роднили поцелуи и — только?

Анна (*тоскливо*). Нет... я не знаю! Скажу одно: мне без тебя так трудно! Я так глупа... бессильна! Я ничего не знаю и не умею...

Черкун. Послушай... скажи мне сразу, чего ты хочешь?

Анна. Не обижай меня! Я ведь не за милостинной пришла... Я люблю тебя, да... очень сильно люблю, Егор... но я знаю: если ты решил... это бесполезно... если ты решил...

Черкун (*глухо*). Зачем друг другу дергать нервы, Анна?

Анна. Моя любовь — маленькая, но она мучает меня... нет, не уходи!.. Мне стыдно, что моя любовь такая... Сначала мне было обидно, больно... я думала о смерти, когда уехала...

Черкун (*угрюмо*). Что я могу сказать тебе? Не понимаю я тебя...

Анна (*со страхом и мольбой*). Я так беспомощна... я такая ничтожная... и всё так страшно... когда одна... Так нестерпимо жалко видеть больного, избитого ребенка, который даже плакать боится...

Черкун (*твердо*). Анна, мне нужно знать — чего ты хочешь?

Анна. О... я хочу побыть около тебя еще не-

много... еще немного! Я не помешаю тебе... живи, как хочешь! Но мне необходимо это...

Черкун (*угрюмо*). Тебе тяжело будет — смотри!

(*Катя идет.*)

Анна (*с бледной улыбкой*). Тогда я уйду... я уйду! Видишь ли, я ничего не понимаю, я ни о чем не думала серьезно до сей поры... Ты должен научить меня...

Катя. О чем ты говоришь?

Анна. О жизни, девочка моя! (*Мужу.*) Ты должен что-то дать мне взамен того, что взял...

Черкун. Не знаю... как я сделаю это... не знаю, Анна! Мне так неловко...

Катя (*ворчливо*). Ага, неловко! То-то! (*Топая ногой.*) Ух... ненавижу мужчин! Когда-нибудь я этого Лукина... так отщелкаю!

Анна (*с улыбкой*). Мне ведь тоже неловко... и обидно, что я такая... Но куда же я пойду? Не знаю... В моей семье — всё по-старому, все чувствуют себя правыми и всё злятся, всё обижаются. Старая мебель и книги, старые вкусы... холодно и мертво! Порой они вдруг испугаются, засуетятся и говорят со злобой и со страхом, что жизнь испорчена... и снова, как в чад, живут в своих воспоминаниях о старине... (*К столу подходят Цыганов и Надежда. Цыганов наливает ей лимонада, себе — вина.*) Я отвыкла от них, они мне непонятны...

Цыганов. С вами, моя дорогая, приятно и страшно, как над пропастью...

Надежда. Как вы много пьете!

Катя. Вы помирились?

Черкун. Не говори ей, Анна. Пускай она умрет от любопытства...

Катя. Да ведь я вижу... Эх, кабы вы были моим мужем... я бы вас — вот как держала! (*Крепко сжимает кулак.*)

Черкун. Ну, не пугайте меня...

Анна. Милая ты моя...

(*За деревьями является Монахов.*)

Цыганов. Как злит меня, что вы неуязвимы для яда, который я хотел бы вам привить... Как это жаль!..

Анна *(быстро)*. Пойдем отсюда, Катя... *(Ведет ее за руку.)*

Катя. Только не в комнаты! В беседку...

Черкун *(усмехаясь, идет к дому)*. Ты слишком откровенно ведешь свои дела, Сергей...

Цыганов. Мир может восхищаться ими, если хочет...

Надежда *(задумчиво)*. Жорж... милое имя! Маврикий, ты чего там?

Монахов *(является, кивая головой на стол)*. А вот... сюда!

Надежда. Как нехорошо это — вертеться на глазах...

Монахов *(кратко)*. Ты чего ворчишь? Опять живот болит? Или мозоль?

Надежда *(Цыганову)*. Вы понимаете: это он нарочно грубости и гадости говорит, чтобы отвратить от меня мужчин...

Цыганов. Да? Прием... любопытный...

Надежда *(искренне и просто)*. Ах, если бы вы знали, какой это противный человек! То он говорит, что у меня изо рта пахнет...

Монахов *(тревожно)*. Ну что ты, Надя? Кому же я говорил?..

Надежда *(идет к нему)*. Напомнить? Я напомню...

Монахов *(отступает)*. Ну вот, Надя... что такое? Я пошутил...

(Они скрываются в деревьях. Цыганов устало садится в кресло, лицо у него тоскливое. К столу подходят Дробязгин и Гриша.)

Дробязгин. Сергей Николаевич! Позвольте вас спросить — что такое тайные пороки?

Цыганов. Я вам не скажу этого, мой друг... предпочитаю видеть вас явно порочным... Это значительнее и красивее...

Дробязгин. А добродетели тайные бывают?

Цыганов. Они, должно быть, всегда таковы... я не видал явных добродетелей...

Гриша. А как оно называется... это зеленое, густое... которое первый-то раз вы мне поднесли... помните?

Цыганов. Шартрез, юноша...

(Гриша повторяет вполголоса и улыбается. В саду Матвей зажигает фонарики.)

Дробязгин. А кто, Сергей Николаевич, мудрейший из мудрецов?

Цыганов. По этому поводу в истории философии рассказано следующее: было три мудреца; первый доказывал, что мир есть мысль, другой утверждал что-то противное... я, право, не помню, что именно. Но я наверное знаю, что третий соблазнил жену первого, украл у второго рукопись, напечатал ее как свою и его увенчали лаврами...

Гриша *(в восторге)*. Ло-овко!

Дробязгин *(неуверенно)*. Н-да... действительно... подкузьмил!

Цыганов. И объегорил, прибавьте... А теперь давайте выпьем, и да здравствует юность! Поздно понимает человек, как это прекрасно — быть юношей!

(Лидия стоит с цветком в руках и брезгливо смотрит, как мужчины пьют.)

Дробязгин *(задумчиво)*. Я полагаю, Сергей Николаевич, так, что воровство — всегда будет?

Цыганов. Непременно, мой друг... По крайней мере, до той поры, пока кто-нибудь не украдет всё... понимаете — всё! Тогда красть будет нечего, и поневоле все люди станут честными...

Гриша *(хохочет)*. Голыми все будут... А вот Емелька Пугачев хотел всё-то украсть, так его живьем сварили... растопили котел серебра да башкой его туда... издох! *(Хохочет.)*

Лидия. Дядя Серж!

Цыганов. Что вы мне прикажете, дорогая моя?

(Дробязгин и Гриша почтительно сторонятся и уходят.)

Лидия. Зачем это вы их... так?

Цыганов. Приятно, знаете, немножко развратить этих двух поросят... может быть, порок сделает их более похожими на людей... а?

Лидия. Серж Цыганов, гурман и лев, еще недавно законодатель мод — напивается... с кем?

Цыганов. И влюблен в жену акцизного надзирателя... Да, земля вертится скверно, что-то испортилось в гармонии вселенной...

Лидия. В самом деле — что с вами?

Цыганов *(негромко)*. Какая это женщина... чёрт возьми!

Лидия. Вы дурите?

Цыганов. Нет...

Богаевская *(кричит)*. Сергей Николаевич!

Цыганов. Иду. Знаете, моя дорогая... я, может быть, предложу ей вступить со мной в законный брак... Мне уже пора в брак, как острят приказчики... Идете?

Лидия. Нет... Тяжело смотреть на вас, господа... Мне уехать хочется отсюда...

Цыганов. Потому что кто-то неожиданно приехал?

Лидия. Фи! Зачем же быть вульгарным и со мной?

(Цыганов пожал плечами и уходит. Лидия, тихо напевая, идет напрасо. Навстречу ей, быстро — Анна.)

Анна. Вы получили мою записку?

Лидия. Зачем вы написали это?

Анна. Я вас обидела?

Лидия. Вы унижаете себя... мне кажется...

Анна. Ах, разве это важно, если любишь!

Лидия. Вы хотите сказать мне что-то?

Анна *(тревожно и тоскливо)*. Да. Да. Не презирайте меня... я сама себе противна в эту минуту... У меня нет другого места, вы понимаете, нет у меня другого места... Жизнь так огромна! Я могу жить только около него...

Лидия *(холодно)*. Зачем мне это нужно знать?

Анна. Не говорите так! Сильные должны быть

добрыми... Я хочу спросить вас и не могу... Вы знаете, о чем я хочу вас спросить?..

Л и д и я. Да. Пожалуй, знаю... Люблю ли я вашего мужа, это? Нет. Не люблю...

(Гриша осторожно подходит к столу, берет бутылку вина и исчезает.)

А н н а. Правда? *(Хватает ее за руку.)* А — он? А он вас? Скажите!

Л и д и я. Не знаю. Не думаю...

А н н а *(тоскливо)*. Этого нельзя не знать!..

Л и д и я. Мы с ним друзья... о многом говорим...

А н н а *(гордо)*. А! Теперь я сама могу говорить о многом!

Л и д и я *(улыбаясь)*. Вот и прекрасно!

А н н а. Я женщина, я люблю, я хочу быть с ним...

Л и д и я. Могу уйти?

А н н а *(искренно)*. Я вам противна, да? Поймите, — я не могу жить иначе...

Л и д и я. Простите меня... но, мне кажется, ваша... такая любовь — тяжела ему!

А н н а. Он — сильный, он очень сильный!

Л и д и я. До свиданья! *(Идет.)*

А н н а. Не презирайте меня... Ну, всё равно! О господи... помоги мне... помоги мне!

(Идут исправник и Притыкин, оба сильно выпившие. Анна, заметив их, поспешно исчезает.)

И с п р а в н и к. Представь, Архип, что ты исправник и тебе надо жениться... на ком? Вот вопрос... да!

П р и т ы к и н. Я бы во всяком положении на богатой женился...

И с п р а в н и к. Это разумеется. Ну, а если они обе богаты — и Монахова и Лидия Павловна? Ну?

П р и т ы к и н. Я бы Лидию Павловну взял...

И с п р а в н и к. Н-да... а почему?

П р и т ы к и н. Потому — Монахова замужем... А вот студент этот, знаете... я вам скажу...

И с п р а в н и к. Чёрт с ним! Мальчишка... Она замужем... мм... это верно! Но ведь она может быть вдовой...

П р и т ы к и н. Это всякая женщина может...

И с п р а в н и к *(поражен)*. Именно... всякая!
Ф-фу! Значит — все мы умрем... ты понимаешь?

П р и т ы к и н. Уж такое положение...

И с п р а в н и к. Верно — положение! Это ты хорошо сказал... каналья! Положат тебя, и — лежи...

П р и т ы к и н. Он такие слова говорит... ой-ой!

И с п р а в н и к *(задумчиво)*. Другие люди ездят на охоту, играют в карты, а ты — лежи...

П р и т ы к и н. Вы обратите внимание... да! Он говорит — народ своей кровью...

И с п р а в н и к. Ерунда!

(Дробязгин бежит.)

П р и т ы к и н. Нет... он язва!

Д р о б ы з г и н. Яков Алексеевич, пожалуйста! Доктор Монахову в морду дал!

И с п р а в н и к. Что такое? Почему?

Д р о б ы з г и н. Неизвестно...

(Втроем идут к дому. За деревьями является Дунькин муж, одичавший от пьянства, оборванный. Черкун ведет за руку доктора, сзади идет Надежда и потом Степа.)

Ч е р к у н. Вы сейчас же уйдете...

Д о к т о р *(ревет)*. Кто вы такой? Вы здесь развратили всех...

Ч е р к у н *(тихо)*. Ну... молчать! Стыдитесь...

Д о к т о р. Вы оба — воронье... Я вам не пададь... меня не расклюете, как Редозубова... Кто вы такой, я спрашиваю?

Ч е р к у н. Да ну, идите же! *(Ведет его в глубину сада.)*

Н а д е ж д а *(радостно, Степе)*. Ты видела, как он его? Какой прекрасный... храбрый! Как просто... схватил, увел... *(Идет вслед за Черкуном.)*

С т е п а *(кричит)*. Егор Петрович! *(Видит отца, — испугана и обозлилась.)* Опять пришел... опять! Зачем? Чего тебе?

Д у н ь к и н м у ж. Степанида! Я твой отец... верно? Иди ко мне... значит!

С т е п а. Я не хочу! Уйди! Я не пойду...

Дунькин муж. А я тебя через полицию...

Степа. В могилу — уйду... (*Идут Черкун, Надежда, Анна, Лидия, Цыганов.*) Слышал? Ты не отец мне... ты болезнь моя...

Черкун. Ты снова? Чего тебе?

Дунькин муж. За ней... за этой...

Степа. Он пó душу мою пришел...

Анна. Уйдите, Степа...

Черкун. Ну, ты, ступай вон!

Дунькин муж. Уж ежели... отняли дочь... дайте хоть рубль!

Степа (*выхватив из кармана деньги, бросает их и бежит прочь*). На! Подавись! На!

Черкун. Послушай, если ты...

Надежда. Ах, ну зачем вы с ним говорите?

Черкун. Позвольте, Надежда Поликарповна...

Надежда. Вам вовсе нельзя говорить с таким. Ты — уходи. А завтра я скажу исправнику, чтобы он тебя уничтожил...

Дунькин муж (*подбирая деньги*). Нельзя меня уничтожить... не боюсь я... да...

Цыганов. Каков мужчина, а? Всё растет...

Лидия. Чувствует свою силу... силу слабости...

Анна. Вот вы, Сергей Николаевич, постоянно даете ему...

Цыганов. О, не беспокойтесь! Это меня не разорит...

Надежда (*Черкуну*). Какой сегодня тяжелый день для вас... всё неприятности!..

Анна (*невольно, как эго*). Тяжелый... Ты устал, Егор?

Черкун. Я вот... не знаю — что нужно сделать с этим человеком, чтоб он оставил дочь свою в покое? Это злит.

Надежда. Вам ничего не надо делать! Я сама... вы только не волнуйтесь...

Цыганов. Моя дорогая, ваш супруг, вот кто, мне кажется, взволнован...

Надежда (*как бы удивилась*). Он?

Черкун (*вдруг обозлился*). Он — как лужа грязи, в которую наступили ногой... ваш супруг...

А н н а (*негромко, пораженная*). Егор... что ты?

Ц ы г а н о в (*усмехнулся*). Ты, Жорж, преувеличиваешь...

Ч е р к у н (*Надежде*). Я удивляюсь, как вам не стыдно терпеть около себя такого... пошляка!

Н а д е ж д а (*даже дыхание у нее захватило от восторга*). Ах... как вы это сказали!.. Как верно... строго! (*Цыганову*.) Вот кто страшный... вот кто!

А н н а (*беспокойно, Лидии*). Боже мой... Какая она... странная... не правда ли? Вы видите?

Л и д и я. Да... вижу... Идемте.

Н а д е ж д а. Я — не странная... я мужество люблю...

Ч е р к у н (*смущен*). Ну... это уж что-то... я не понимаю! Пойду... пройдусь...

Н а д е ж д а. И я с вами... и я тоже...

(*Идут.*)

А н н а (*тревожно, Цыганову*). Она — смешная, да? Она — милая, я понимаю... но — только... плохо воспитана?

Ц ы г а н о в (*Анне*). Вам надо отдохнуть с дороги. Так шумно здесь... пестро...

А н н а. Да... я пойду... Нет, какая она... все-таки... (*Поспешно уходит. Цыганов курит и улыбается. Слышен пьяный смех и говор — это идут Монахов, Дробязгин, Гриша.*)

Л и д и я (*брезгливо*). Как всё это отвратительно... И эта женщина... обе эти женщины... как они жалки... Что вы смеетесь?

Ц ы г а н о в. А вдруг она нашла героя, а?

Л и д и я (*не сразу*). Нет. Это... невероятно, дядя Серж!

Ц ы г а н о в (*усмехаясь*). Что тут невероятного?

М о н а х о в. Он... ударил меня?.. Хорошо... пускай!.. А я — жив... А он скоро сдохнет...

Л и д и я. Идут пьяные... я уйду.

Ц ы г а н о в. Идемте...

Г р и ш а (*убежденно*). Я тоже... могу в рожу дать... во!

Л и д и я. Но — зачем, зачем он вмешивается в эту... грязь?

Ц ы г а н о в. Это — стихия... она втягивает... это — как магнит, дорогая моя... Голодный инстинкт, чуть прикрытый ветошью романтики...

(Они уходят. Монахов подмигивает своим спутникам и грозит пальцем вслед Цыганову.)

Д р о б я з г и н. Почему? Он очень умный... ей-богу!

М о н а х о в. Что такое ум? *(Хочет. Дробязгин и Гриша вторят ему.)*

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Большая уютная комната. В левой стене — дверь в прихожую и два окна, в правой — дверь в комнату Анны и другая к Егору. Прямо широкие двери в гостиную, она выступает в комнату углом, между ним и голландской печью в правом углу — ниша, в ней широкий диван, на диване полулежит Цыганов и курит. Направо, между дверей — пианино; Анна что-то играет, чуть касаясь клавиш. По середине комнаты за столом Богаевская раскладывает пасьянс. В комнате Черкун Степан тихо щелкает на счетах. Черкун задумчиво ходит по комнате, останавливается пред окном, смотрит во тьму. Вечер.

Горят лампы.

Богаевская. Холодновато!

Анна. Дать вам шаль?

Богаевская. Лидуша пошла за ней...

Цыганов. Юноша! Бросьте вы щелкать!

Степан. А вот поймаю — брошу...

Богаевская. Кого это вы ловите?

Степан. Купца Притыкина...

Богаевская. Разве он и плутует?

Степан. Довольно усердно...

Богаевская. Да... вот он, купец! Даже и влюбленный — плутует...

Цыганов. Сие свойственно людям всех сословий... Я, в сущности, против обличения мошенников: это только изощряет их приемы. Что ты всё ходишь, Егор? кого ты ждешь?

Черкун *(не вдум)*. Так... хожу вот... А что тебе?

Цыганов. Я не имею больше вопросов, как говорят прокуроры... Какая дурацкая погода!

Анна. Его взволновал спор...

Черкун (*сухо*). Откуда это известно тебе?

Анна. Мне кажется... когда не соглашаются — это раздражает...

Черкун (*насмешливо*). Да? Поздравляю... очень оригинальное наблюдение.

Богаевская. Интересно спорили... да! Я хоть и не поняла ничего... а интересно!

Черкун. Лидия Павловна — слишком прямолинейна...

Цыганов. Это говоришь ты?

Богаевская. А скучно мне будет, когда вы уедете... очень скучно!

Цыганов. Поезжайте с нами. Что вам делать здесь?

Богаевская. А там? Мне, батюшка, везде нечего делать... И всю жизнь я ничего не делала...

Цыганов. И ни одной ошибки?

Богаевская (*мешая карты*). И ни одной ошибки... Нет, Анна Федоровна, не вышло...

Анна (*грустно*). Нет?.. Жаль... А мне так хотелось, чтоб вышло...

Богаевская. А вот мы еще раз спросим судьбу...

Степан (*торжественно-шутливо*). Судьбу насиловать нельзя...

Черкун (*негромко*). Она сама насилует людей...

Степан. А особенно жадных...

Богаевская. А вы — щелкайте, щелкайте...

(*Лидия входит, несет шаль.*)

Цыганов. Пока судьба вас не отщелкала...

Богаевская. Ну, вот спасибо, Лидуша... Ты слышала — у Архипа Притыкина роман с Веселкиной Марией...

Лидия. Как это интересно, тетя!

Богаевская. Все-таки... забавно!

Цыганов. Вас, дорогая моя, ничто не интересует, кроме верховой езды... Странно вы живете...

скачете верхом по полям во всякую погоду и — только!
Удивительно изменились вы...

Лидия. В дурную сторону?

Цыганов. Конечно! Люди с детства идут только в эту сторону!..

Лидия. Тогда — чему же удивляться?

Цыганов. Я ждал, что вы будете прекрасным ядовитым цветком на ниве порока... а вы — что такое вы? Чего вы ищете? Чего вам хочется?

Лидия. Найду — узнаете...

Степан. Не там вы ищете, где надо... не там!

Богаевская. Однако, батюшка, быть может, я стесняю ваше красноречие?

Цыганов. О нет! Почему?

Богаевская. То-то! А то некоторые стесняются говорить пошлости при мне... дескать, старушка почтенная...

Лидия. Вы слишком строги, тетя... В обществе, где я вращалась, говорят хуже...

Богаевская. Хуже? Ну извиняюсь... одичала я...

Цыганов. О полноте!

(Вбегают Катя.)

Степан *(выскакивая)*. Ну? Как? Что?

Катя. Да. Еду...

Степан *(одобрительно)*. Bravo! Молодец...

Катя *(подходит к Анне)*. Не кричите... Тяжело! Он плачет... отец плачет! Такой жалкий...

Степан. Это — возмездие! Он всю жизнь давил людей...

Катя *(топая ногой)*. Не смейте так! Не ваше дело...

Анна. Ну, не волнуйся... ничего...

Цыганов. Это именно его дело... ведь он вас утащил...

Катя. Меня никто не утащил, я сама... не говорите мне глупостей... А отца мне жалко... я его люблю... я знаю: он грубый, он жестокий... и все такие! Все люди — грубые и жестокие... И вы, Степан Данилович... и вы тоже...

Степан *(вспыхнул, усмехается)*. Может быть... Ну что же? Но жизнь так устроена, что жестокость необходима...

Катя. Ненавижу я вашу усмешку... молчите!

Анна. Успокойся же... идем ко мне! *(Ведет ее в свою комнату.)*

Черкун *(улыбаясь)*. Милый звереныш...

Цыганов. А у вас, юноша, сварливая будет жена...

Степа *(входит)*. Степан Данилович...

Степан *(брезгливо)*. Вы не можете без пошлостей?..

Черкун *(с гримасой)*. Господа!

Степа. Степан Данилович, вас спрашивает Гогин...

(Степан, круто повернувшись, идет в прихожую, Степа — за ним.)

Цыганов. Задорный юноша... Чему вы улыбаетесь, Лидия Павловна?..

Лидия. Хорошая пара...

Черкун. Д-да... славные...

Лидия. Красивая жизнь впереди у них...

Цыганов. Но, вероятно, голодная...

Лидия. Мне нравится Лукин... В нем есть что-то значительное...

Цыганов. Его усмешка отрицает вас...

Лидия. Она всех отрицает...

(Из прихожей идет, усмехаясь, Степан; за ним Гогин, одетый в хорошую новую поддевку. Он мнетя и что-то шепчет на ухо Степану.)

Степан. Э, нет, скажите сами, синьор.

Черкун. Что такое? Что вам нужно, Гогин?

Матвей *(конфузится)*. Да вот... жениться хочу...

Цыганов. Оригинально! Как это вы надумали, а?

Матвей. Уж так... пора! Двадцать три года мне...

Черкун. Ну? Что же дальше?

М а т в е й. Так вот, Егор Петрович, помогите! Заслужу!... Как я сам из мужиков, то знаю все больные места ихние... Уж я им не дам...

С т е п а н. Воспитали человека... отечеству на пользу...

(Катя и Анна выходят и стоят у пианино.)

Ч е р к у н *(хмуро)*. Чем — помочь?

М а т в е й. Да видите... выбрал я Степаниду, а она не хочет: не пойду, говорит, и — шабаш! А она такая скромная, баловать не станет, я ожидаю, а бояться будет... Так вот я просить вас и барыню хочу — припугните вы ее!

Ч е р к у н. Это... зачем же?

М а т в е й. А чтобы она шла за меня, а то, скажите ей — к отцу, мол, отправим! Она его до смерти боится. А я ему уж полтину дал, чтобы он ее, значит, ко мне толкнул...

К а т я *(изумленно)*. Ах, какой мерзавец!

М а т в е й *(вздрыгнув)*. Чего-с?

Ч е р к у н *(сухо, Степану)*. Выдайте ему расчет...

М а т в е й *(поражен)*. Расчет? Мне? За... за что?

С т е п а н. Подумайте — за что бы?

Ч е р к у н. Идите...

М а т в е й *(опускается на колени)*. Егор Петрович...

Ч е р к у н *(резко)*. Встать!

М а т в е й *(вскакивает)*. Сергей Николаевич, за что же?

К а т я *(торжествует)*. Ага-а?

М а т в е й *(слезливо)*. Что я худого сделал? Эх, Степан Данилович... подвели вы меня под обух...

Ц ы г а н о в. Вы — идите... Потом, может быть...

Ч е р к у н *(спокойно)*. Ничего не может быть...

М а т в е й *(уходя со Степаном)*. Господа... напрасно это! Разве так можно? а? Вдруг, ни с того ни с сего... а?

Ц ы г а н о в *(Черкуну)*. Мне не кажется, что ты поступил, как Соломон... нет! Денег он уже наворовал... зачем гнать его? Парень неглупый... а кулаком будет, всё равно... Умные люди — всегда жулики...

Степа (*вбегают и бросаются в ноги Черкуну*).
Егор Петрович... дай вам бог...

Черкун. Э, чёрт возьми! Сейчас же встаньте!

Степа (*встает*). Я боялась, я дрожала... думала — отдадут они меня ему!..

Катя. Какая глупая...

Анна. Степа! Вас никто не может...

Степа (*со страхом*). Да ведь я — одна! Одна я! Со мной — всё можно сделать... И возьмут они меня... отец и этот... они возьмут!

Анна (*подходит к ней*). Полноте, Степа...

Степа. Уйду в монастырь... оттуда не достанут... Ведь не достанут?!

Анна (*уводит ее к себе*). Идите ко мне...

Катя (*Черкуну*). Вот это вы хорошо сделали! Так и нужно... Раз-два — шишка на лбу и никакого удовольствия...

Черкун. Наконец-то удостоился вашей похвалы...

Цыганов (*позевывая*). Которой жаждал так трепетно и долго...

Черкун. Но когда вот так — раз-два — я вашего папашу поучил...

Катя (*убегая в комнату Анны*). Ишь вы! То — отец мой...

(*Анна идет навстречу, наливает стакан воды и уходит.*)

Анна. Как хорошо ты поступил, Егор...

Черкун (*морщится*). Ну, Анна, перестань...

Цыганов. Так, Жорж! Именно скромность всего приличнее герою...

Лидия. Нет, дядя Серж, как быстро следует за подвиги награда!..

Анна (*уходя*). Как вы не устаете, господа, осмевать всё на свете?

Черкун (*хмуро*). Вы, кажется, думаете, что я не способен верно оценить всё это? да?

Лидия (*прислушиваясь*). Звонок?

Черкун (*быстро*). Да... Пойду открою... (*Идет.*)

Цыганов. А я знаю, кого он хочет встретить...

Лидия. Вы что молчите, тетя?

Богаевская. Нельзя же в одно время думать и говорить... У меня тут затруднение...

Цыганов. А я знаю, кого он ждет...

Богаевская. Откуда-то явилась пятая дама, и нет девятки...

Лидия. Вот девятка... а это не дама — валет...

Богаевская. Воистину так... ишь ты! Глаза-то... Валет... ну-с...

Цыганов *(поет)*. А я знаю... а я знаю...

Лидия. Не остроумно, дядя Серж... Тетя, вы скоро пойдете к себе? Это очень вредно — так долго сидеть...

Богаевская *(озабоченно)*. Подожди... я сейчас... Да... я — скоро...

(Идут Черкун, исправник.)

Черкун. Всё еще не нашли?

Исправник *(уныло)*. Нет. Чёрт его знает, где он... И куда можно убежать из этого города? Добрый вечер, Лидия Павловна... Здравствуйте, почтенная Татьяна Николаевна... *(Молча жмет руку Цыганова.)*

Богаевская *(не глядя на него)*. Ну, что ваш чиновник?

Исправник. Пропал, каналья... Ищем, ищем... в горле пересохло!

Цыганов. Последнему могу помочь. *(Наливает вина.)* Да сколько он украл?

Исправник. 463 рубля 32 копейки... болван! Уж тащил бы всё, там тысяч восемь было... А то — один пакет, осел! И наконец — ну, украл... ну что же? Не редкость... не убийство! Приди и скажи, — вот я... Получишь за это смягчение вины... а он, извольте видеть, скрылся... и девять человек ищут его...

Черкун. Несчастный мальчишка...

Богаевская *(не отрываясь от карт)*. И украл, как нищий... с копейками!

Цыганов. Bravo, Татьяна Николаевна!

(Лидия и Черкун смеются.)

Исправник *(смотрит на часы)*. Я, видите ли, заехал сказать вам, Сергей Николаевич... это самое... и прочее... Вы его видели в день совершения кражи... так вот придется вам...

Цыганов *(серьезно)*. Понимаю. На меня падает подозрение в соучастии...

Исправник. Э... как? *(Хочет.)* Ах вы!.. Как хочется посидеть у вас... а надо ехать... там какой-то дурак жену избил...

Богаевская *(как раньше)*. До смерти?

Исправник. Кажется, до смерти... А где же Притыкин? Он со мной приехал... Мы думали несколько повинтить...

Черкун. Он занят с Лукиным...

Исправник *(грустно)*. А на дороге полицейский доложил об этой драке... Да, вот еще Лукин... Вы бы сказали ему, чтоб он... воздержался! Про него ходят слухи... насчет его знакомств с рабочими на войлочных фабриках... Ну зачем это? Тут, знаете, есть такой благочестивый мужчина — Головастиков... купорос! Сами его боимся... Всё знает! Сны ваши, и те знает... А мне не хочется прибегать к мерам... не люблю неприятностей!

Цыганов. Хорошо! Беру это на себя... Кому приятны неприятности?

Исправник. Вот именно! Ну-с... общий поклон... Ах, Сергей Николаевич, славный вы человек...

Цыганов *(проводя его)*. Несмотря на тяготеющее подозрение в соучастии с Порфирием Дробязгиным, укравшим 32 казенные копейки?

(Исправник хочет. Из прихожей доносится слащавый голос Притыкина и едкие возгласы Степана.)

Черкун *(негромко, Лидии)*. Как это вам нравится, а?

Лидия. Вы по поводу Лукина?

Черкун. О нет! Это естественно... а вот этот Дробязгин... чёрт его возьми! Как бы ему помочь, что ли? Ведь если правду говорить — Сергей... вы понимаете?

Лидия (*улыбаясь*). Вы скоро будете совсем почтенным человеком... право!

Черкун (*серьезно*). Он развратил мальчишку... это несомненно! Чему же вы смеетесь?

Лидия. А помните — когда-то вы хотели поставить город вверх дном?

Черкун. Хотел? Ну да... хотел... Так что же? Что вы хотите сказать?

Лидия. Я только напоминаю. Вы говорили, что вашей волей сюда придут новые мысли, новые вкусы... А дядя Серж ничего не говорил, но, посмотрите, сколько мертвецов разложилось благодаря ему...

Черкун. Ага, я понимаю вас! Говорите дальше...

Лидия. Я вот не вижу, чтоб жизнь обновилась благодаря вам... а сами вы, мне кажется, немного потускнели...

Степан (*из прихожей*). Егор Петрович, на минуточку!

Притыкин (*жалобно*). Пожалуйста, Егор Петрович.

Черкун (*уходя*). Я вам отвечу... потом...

Лидия. Тетя! Да бросьте же! Пойдем к себе, а?

Богаевская. Я и здесь, как у себя... подожди... Тут всё так спуталось, запуталось... перепуталось... Это, милая моя, самый трудный пасьянс, «Две необходимости» — зовут его...

Лидия. Я — иду... (*Идет в прихожую и по лестнице вверх.*)

Богаевская (*наклонясь над картами*). Ты идешь... ты идешь... а вот я что буду делать? Да... А вот я и не знаю, что мне делать... (*Поднимает голову, оглядывается.*) А?.. Ушли все... и осталась я одна... ну, одна, так одна... (*Смотрит на карты и вдруг смешивает их.*) Эх, Татьяна... скоро ты умрешь, Татьяна... скоро ты умрешь, старая дура... да... (*Идет в прихожую — в дверях стоит Притыкина, в платке, жалкая, лицо дряблое, не покрашенное, как всегда. Богаевская отступает перед ней.*) Что тебе? Кто это?

Притыкина (*тихо*). Я...

Богаевская. Это... ты, Палагея?

Притыкина. Да... я... Муж-то здесь?

Б о г а е в с к а я. Кажется, здесь... ну?

П р и т ы к и н а *(тихо плачет)*. Ведь бросает он меня... покидает он меня... Все вечера у Веселкина сидит, в карты с ним играет... и дочь его обольстить хочет... милая вы моя!

Б о г а е в с к а я. Ну, не дури... врешь всё! Тоже... обольстителя нашла! Не срамись... иди ко мне... наверх... да... ишь ты!

П р и т ы к и н а. Сердечная вы моя, бьет меня! Век ты мой загубила, говорит, чёртова кукла... старая, говорит, ведьма ты... Иди вон, говорит... А куда я пойду? Имущество всё на него переведено... всё у него в руках... Матушка, что делать буду?

Б о г а е в с к а я *(идет)*. Лезь наверх... не шуми тут...

П р и т ы к и н а *(следуя за ней)*. Лезу, лезу... Посоветуйте вы мне — как с ним быть? Как я буду теперь? Ай! Голос его слышу... пустите вперед меня... матушка...

(Они скрываются. Почти в то же время хлопает быстро открытая дверь, и из прихожей является взволнованный Притыкин; за ним Черкун и Степан.)

П р и т ы к и н. Нет, господин студент, так со мной нельзя-с! Я человек всем здесь известный... и даже буду головой... да-с! А вы еще, с позволения сказать, просто молодой человек... и больше ничего!

Ч е р к у н. Ну, здесь не место кричать...

П р и т ы к и н. А место здесь называть меня жуликом? Почему я жулик... именно-с?

С т е п а н *(с усмешкой)*. А вот — цифры...

П р и т ы к и н. Цифры? Цифры можно написать... какие угодно... это не резон... да-с!

С т е п а н. Вы и написали, какие вам было угодно... Вот объясните мне, откуда у вас эти 6 тысяч 300 рублей взялись...

П р и т ы к и н. Егор Петрович, позвольте мне не объяснять... пусть это будет между нами... Сергей Николаевич верят мне... А господин Лукин — я не знаю, чего они желают...

С т е п а н. Поймать вас в плутовстве...

П р и т ы к и н. Плутовство? Нет... я так не могу!..

Ч е р к у н *(сухо)*. Оставим это до завтра...

П р и т ы к и н. Нет-с, не могу! Я человек честный... Сергей Николаевич это знает... Я насчитал верно-с... Спросите их... они знают...

Ч е р к у н *(негромко, гневно)*. Молчать... Идите сюда... ну? *(Ведет Притыкина к себе.)*

П р и т ы к и н. Позвольте... тащить меня нельзя... *(Черкун еталкивает его в дверь и резко захлопывает ее. Степан бросил счета на стол, сунул руки в карманы и уходит.)*

С т е п а н *(сквозь зубы)*. Э... жулье!..

(Из комнаты Анны выходит Степа с какой-то книгой в руках, проходит в гостиную. Слышен голос Анны — она что-то читает. В прихожей шум, шаги. Идут Цыганов и Надежда.)

Ц ы г а н о в. ...И стоял на крыльце... один. Осенью иногда хорошо посмотреть в небо...

Н а д е ж д а. А где же все?

Ц ы г а н о в *(усмехаясь)*. Тот, кого вам нужно, явится, когда услышит ваш голос... но он не даст вам ничего... Осенью по небу быстро бегут черные тучи... тяжелые тучи...

Н а д е ж д а. Не люблю черного цвета. Самый важный, самый внушительный цвет — красный. В красном королевы ходят и разные аристократки...

Ц ы г а н о в. Не видал, но представляю, как это красиво... Н-ну-с, скоро я уеду, дорогая моя...

Н а д е ж д а *(на диване)*. Вы не один уедете...

Ц ы г а н о в. Не один? Как это понять? Вы решили?

Н а д е ж д а. Что я решила?

Ц ы г а н о в *(негромко)*. Едете со мной? В Париж? Подумайте — Париж! Маркизы, графы, бароны — все в красном... И у вас будет всё, что вы захотите.. я всё дам...

Н а д е ж д а *(спокойно)*. Это просто даже неприлично, Сергей Николаевич! Как будто я какая-нибудь... этакая...

Цыганов. Вы — дивная, вы — редкая... страшная! И я люблю вас — поверьте мне! Люблю, как юноша... Вы... сила! Сколько счастья, сколько наслаждений ждет вас...

Надежда. Сергей Николаевич, ну зачем же всё это? И разве можете вы любить, как юноша, когда вам скоро пятьдесят лет, и через два года, может быть, вы совсем лысый будете? И что же это за езда по Парижам, если я вас не могу любить? Вы очень интересный мужчина, но пожилой и мне не пара. Обидно даже, извините меня, слышать такие ваши намерения...

Цыганов (*почти стонет*). О... чёрт возьми! Ну... хотите — обвенчаемся? Я устрою вам развод с мужем и...

Надежда. Не всё ли это мне равно? Ведь важен мужчина, а не что-нибудь другое... Нет, вы меня, пожалуйста, оставьте... Вы многому меня научили, стала я теперь умнее и смелее...

Цыганов (*приходит в себя*). Ну хорошо! Давайте — похороним это, мой друг! Честное слово — моя последняя попытка... больше нет времени... и сил! И сил нет...

Надежда. Ну вот! Вы умный человек... вы понимаете, что силу в лавочке не купишь...

Цыганов (*как всегда*). О да, вы правы! Это нечто вроде ума — его не продают даже в универсальных магазинах...

Надежда. Вот видите!

(*Входят Редозубов и Павлин. Редозубов сильно постарел.*)

Редозубов. Здорово... Дочь у вас?

Цыганов. Здесь, кажется... (*Стучит в дверь к Анне.*)

Редозубов (*Павлину*). Видишь? Всё — парами... да...

Анна (*из двери*). А, здравствуйте, Василий Иванович... Катя!

Надежда. Добрый вечер, Анна Федоровна...

Анна (*вздрыгнула*). Ах... это вы?

Надежда. Да...

К а т я (отцу). Ты что приплелся?..

П а в л и н (негромко). Тоскуют...

А н н а (зовет). Степа! (Надежде.) Вы будете пить чай? Вы любите...

Н а д е ж д а. Не откажусь...

(Степа входит.)

А н н а (Степе). Пожалуйста, Степа, чаю... Я — сейчас! (Уходит к себе.)

Ц ы г а н о в. И коньяку, Степа, и коньяку... (Подходит к Надежде и тихо говорит ей что-то.)

Р е д о з у б о в. Ты с кем там была? Только с ней?

К а т я. Молчи... что за глупости!

Р е д о з у б о в. Иди домой... а? Последние-то дни... дома бы посидела... а?

К а т я. Хорошо... Подожди, я сейчас... (Быстро идет к Анне.)

Р е д о з у б о в (Павлину). Видел? Совсем чужая стала... Отбили дочь.. сына — пьяницей сделали... разрушили жизнь мою... И — ничего...

П а в л и н (тихонько). Не огорчайтесь... подождите!

Р е д о з у б о в. Чего ждать? Кому жаловаться?

П а в л и н. Исправника они купили, но господу никто купить не может... поняли?

Р е д о з у б о в. Притыкина обласкали, а меня исказили... Теперь — дочь... Она, может, там со студентом, а я... жду! Я? (Вдруг встает и свирепо кричит.) Катька!

Н а д е ж д а. Ах!.. Что это?

Ц ы г а н о в. Что с вами, почтенный?

(Выходит Черкун, за ним — Притыкин с видом человека, у которого болят зубы. Выбегает Катя, Анна.)

К а т я. Что ты кричишь?

Р е д о з у б о в. Домой!

Ч е р к у н. Послушайте... здесь не базар...

Р е д о з у б о в (рычит). На... на — добей! Разбойник! Бей меня...

К а т я. Отец... о господи!..

Ч е р к у н. Послушайте, старик...

Р е д о з у б о в. Молчи! Не говори со мной... фар-
мазон! Катерина, домой! Что, Архип... а? Радуешься?
Блюдолиз...

П р и т ы к и н. Я, Василий Иванович... не вино-
ват!

Р е д о з у б о в. Ага! Женился на богатой старухе,
ограбил ее... любовниц заводись... в головы лезешь...
прихвостень!

Ч е р к у н. Ну, вот что — идите же ругаться куда-
нибудь в другое место...

К а т я (*кричит*). Иди... или тебя выгонят отсюда!
Ведь это будет стыдно мне, больно мне, как я тогда
приду к ним? Ведь я возненавижу тебя, если выгонят...

Р е д о з у б о в (*тихо*). Что?.. Как?

А н н а. Послушайте: она вас любит... ей жалко
вас... она плакала... она вас любит!

Р е д о з у б о в. Коли любит... как же бросает
меня, а?

К а т я. Идем... иди, ради бога! (*Ведет отца в при-
хожую. Павлин как-то странно вильнул и остановился
у двери.*)

Ч е р к у н. Архип Фомич, вы тоже уходите. Нам
больше не о чем говорить...

П р и т ы к и н (*вздыхая*). Что ж... уйду... А между
прочим, господину Лукину я этого не забуду... Он
здешний... я тоже... да-с...

А н н а. Боже мой... как всё это... странно...

*(Надежда всё время из угла следит с улыбкой за Черку-
ном. Улыбка неподвижная, странная. Цыганов усиленно
курит сигару и смотрит на всех, шевеля усами. Степа
готовит чай и пугливо, с ненавистью поглядывает на
Павлина. Анна, посмотрев на Надежду, вздрогнула,
делает движение к ней, но, быстро повернувшись, уходит
в свою комнату.)*

Ц ы г а н о в (*Черкуну*). Ты с ним... подвел итоги?

Ч е р к у н. Да. Нам нужно поговорить с тобой...
О, Надежда Поликарповна,— вы пришли? А я не вижу
вас! Ну здравствуйте... Скверная погода, не правда
ли?..

Цыганов. Мы с тобой, очевидно, не сейчас будем говорить...

Черкун. Ну разумеется! Вы что же здесь, в углу и в темноте? Идемте в гостиную...

Надежда. С удовольствием... А я ждала всё, когда вы взглянете на меня...

(Они уходят в гостиную — оттуда слышен их негромкий говор.)

Цыганов *(Павлину)*. Н-да... вы здесь? Н-ну, что ж вы скажете мне?

Павлин. Разрушился старик-то... Ему бы допустить, чтоб его выгнали отсюда, — после такого с ним поступка Катюше-то, действительно, неместно было бы ходить сюда...

Степа *(невоЛЬНО, негромко)*. У-у... змей!

Цыганов *(задумался и не слушал Павлина)*. Д-да... ну что же?

Павлин. А там уж видно было бы... Осмелюсь, сударь мой, спросить вас — как труд мой? Рассмотрели? *(Цыганов смотрит на него и молчит, Павлин отодвинулся от него.)* Тетрадочку моего рукописного труда, говорю я, изволили читать?

Цыганов. Что? Ах да... *(Резко.)* Это чепуха, старик...

Павлин *(не верит)*. Девятилетний труд мой — чепуха?

Цыганов *(пренебрежительно)*. Сейчас я отдам эту философию... подождите... *(Идет в гостиную.)* Согрейте мне бутылку красного, Степа...

Павлин *(негромко)*. А я, девушка, сегодня опять папашу твоего видел. *(Степа оперлась руками о стол и в упор смотрит на Павлина.)* Ветер на улице, дождик сеет... а отец твой пьяненький идет... голый весь и — плачет... и горько плачет!..

Степа *(глухо)*. Врешь! За что мучаешь? *(Бросает в него крышкой от самовара.)* Вот тебе... дьявол... колдун!

Анна *(отворяя дверь)*. Что это? Боже мой...

Павлин *(поднимая крышку)*. Тушилочка упала... по неосторожности...

С т е п а. Прогоните его!..

Ц ы г а н о в *(выходя)*. Вот, получите...

С т е п а. Прогоните его!

(Анна подходит к ней, тихо спрашивает о чем-то. Потом Степа уходит. Анна стоит у стола, слышит разговор в гостиной, — на ее лице боль и отвращение.)

П а в л и н. Зачем же, девушка, гнать? Я и само-вольно уйду! Так, изволили сказать, чепуха?

Ц ы г а н о в. Да, да...

П а в л и н. Значит — девять лет я ошибочно рассуждал? Покорнейше благодарю вас, сударь мой... А с вашей стороны — ошибки быть не может? Прощайте... *(Идет.)*

Ц ы г а н о в. Действительно — купорос, как говорит исправник... Однако вам дурно?

А н н а *(шёпотом)*. Что она говорит? Послушайте...

Ц ы г а н о в *(негромко)*. Я при таких условиях не позволяю себе что-либо слышать...

А н н а. О, что она делает?

Ц ы г а н о в *(громко)*. Вы что же, господа, не идете? Чай готов...

Ч е р к у н. Сейчас...

А н н а *(негромко, с болью)*. Вы думаете, я... вы думаете, я подслушивала, да? Как вам не стыдно!

Ц ы г а н о в. Да нет же! Егор, пойдя сюда...

(Анна бежит в свою комнату.)

Ч е р к у н *(в двери)*. Ну? Что?

Ц ы г а н о в *(негромко)*. Пойди сюда... Сейчас твоя жена слышала что-то и очень взволновалась...

Ч е р к у н *(с гримасой)*. Э, обычная история! Надежда Поликарповна шалит... и больше ничего! Рассказывает мне, как разные люди должны объясняться в любви... Это удивительно забавно... *(Поспешно уходит. Цыганов пожал плечами, расправил усы, налил большую рюмку коньяку, выпил. Взял шляпу, идет в прихожую; навстречу Монахов, смиренный, грустный.)*

М о н а х о в *(тихо)*. Здравствуйте!

Ц ы г а н о в. Добрый вечер... Хотите коньяку?

М о н а х о в. Позвольте... холодно...

Ц ы г а н о в. Да, мой друг, холодно...

М о н а х о в. Надежда моя здесь?

Ц ы г а н о в. Налить еще?

(Монахов молча кивает головой. Цыганов насвистывает что-то.)

М о н а х о в *(тихо)*. А я... за ней...

Ц ы г а н о в *(улыбаясь)*. Позвать?

М о н а х о в. Нет... не надо... Я лучше еще выпью...

Ц ы г а н о в *(улыбаясь)*. Разве это лучше?

М о н а х о в. Не смейтесь... что уж!

Ц ы г а н о в. А помните — пари?

М о н а х о в. Что ж... вы проиграли...

Ц ы г а н о в. Вас, однако, не радует это? Э, что это вы? Не надо!..

М о н а х о в *(плачет)*. Тоска... как я теперь буду, а? Подумайте... как? Ведь, кроме ее, ничего нет! Ничего!

Ц ы г а н о в *(скрывая брезгливость)*. Ну, пойдете... ко мне... или на воздух... Идите, пожалуйста! Страдайте, если это необходимо, но никогда не нужно быть смешным и некрасивым, мой друг...

(Идут в прихожую. В комнате тихо. Из гостиной раздается мурлыкающий, пониженный голос Надежды.)

Н а д е ж д а. Настоящая любовь ничего не жалеет, ничего не боится...

Ч е р к у н *(смеясь)*. Ну, оставим это... вы сегодня так говорите... *(Является в дверях гостиной, взволнован.)*

Н а д е ж д а *(сзади его)*. О любви ничего нельзя сказать... Это я вам о том говорила, как разные герои объясняются. А любить нужно молча...

Ч е р к у н *(бормочет)*. Молча?.. Ну... давайте чай пить... что ли...

Н а д е ж д а *(негромко)*. Бойтесь?

Ч е р к у н. Я? Чего?

Н а д е ж д а. Меня. Вот уж не думала я...

Ч е р к у н. Довольно, однако...

Надежда. Не думала, что вы бояться можете...

Черкун *(близко к ней)*. Смотрите... берегитесь!

Надежда. Чего же мне беречься?

Черкун *(кладет ей на плечи руки свои)*. Ты любишь меня... да? Ну, говори... любишь?..

Надежда *(тихо, твердо)*. Да. Как увидела... сразу... Мой — Жорж... Ты мой Жорж... *(Обнимает его. Он делает движение, чтобы освободить себя. Анна выходит, лицо у нее заплакано, в руках платок. Увидала мужа и Надежду, выпрямилась, вся натянулась, как струна.)*

Анна *(негромко)*. Это... мерзко!

Черкун *(с пьяной улыбкой)*. Не спеши, Анна... хотя — всё равно!

Надежда. Да. Уж теперь — всё равно!

Анна *(с отвращением)*. О... вы зверь! Вы — гадкий зверь...

Надежда *(спокойно)*. Это потому, что полюбила?

Черкун *(точно проснулся)*. Подожди, Анна, молчи...

Анна. Молчать? Как низко ты упал... Я поняла бы... если б не эта... если б — другая... но — эта! Это животное...

Надежда *(Черкуну)*. Уйдем, Жорж...

Черкун. Надежда Поликарповна, послушайте...

(Шум в прихожей. Быстро вбегает Цыганов, за ним бежит доктор и Монахов.)

Цыганов. Уймите этого болвана!

Доктор *(в руках у него большой старый револьвер. Держась рукой за косяк, он целится в Цыганова.)*
Я тебя убью... убью... *(Спускает курок. Осечка.)*

Цыганов. Осёл! Стрелять не умеешь!

Черкун *(бросаясь к доктору)*. Брось!

Анна и Надежда *(вместе)*. Уйди! Убьет!

Доктор *(вертит пальцами барабан)*. Будь проклят!.. чёрт...

Надежда *(вырывая револьвер)*. Ах ты... глупый!

Черкун. Вы с ума сошли?

Монахов. Надя... Брось пистолет!

Лидия *(вбегают)*. Что случилось?

Цыганов *(возбужденно)*. У меня достаточно своих грехов... я не хочу платиться за чужие... дикарь!

Анна *(Лидии)*. Он целовал ее... ее! *(Монахову.)* Уберите отсюда эту... *(Лидии.)* Он целовался с ней...

Лидия *(ведет ее прочь, к ней)*. Степа! Позовите тетю сюда...

Доктор *(глухо, Черкуну)*. С ним? С вами?

Черкун. Ступайте вон...

Цыганов *(обертывая руку платком)*. Проснулся... идиот!

Доктор *(тоскливо)*. Надежда! Кого ты выбрала?

Надежда *(всё время смотрела на него с довольной улыбкой)*. Я вам не — ты...

Доктор. Кого ты выбрала?

Надежда *(указывая на Черкуна, гордо)*. Его!

Монахов *(стонет)*. Надя... Надя! За что?.. Надюша!

Богаевская *(идет)*. Что, скандал? Дожили! *(Проходит в комнату Анны.)*

Доктор *(Цыганову)*. Вы... барин! Я — виноват... оказывается, надо было его... а впрочем, это всё равно! Вы оба — хищники... мне жаль, что я не убил вас... мне жаль...

Надежда *(сожалея)*. Что вы можете... эх вы!

Доктор. Да, ничего не могу! Всё сторело в душе моей...

Черкун. Ну... довольно, я говорю!

Монахов. Надя, уйдем домой!

Надежда *(твердо)*. Мой дом — там, где он... там мой дом!

Доктор. Четыре долгих года горело сердце... что я теперь?

Цыганов. Егор! Чего он разглагольствует? Сорвал мне ноготь...

Черкун *(доктору)*. Вы дешево отделались за вашу выходку... Ступайте! Будет...

Доктор *(пришел в себя, просто)*. Прощай, Надежда! Я тебя люблю... Прости меня... за всё! Прощай...

Ты погибнешь с ними... погибнешь! Прощай!.. Прощайте... воронье... *(Идет.)*

Цыганов *(Надежде)*. Ну, вы довольны наконец? Всё — как в романе: любовь счастливая, штуки три несчастных... попытка выпалить из револьвера... кровь *(показывает завернутый платком палец)* — хорошо?

Надежда *(тупо)*. Что ж он теперь... тоже убьет себя?

Цыганов. Я бы застрелился... от стыда...

Монахов *(Черкуну, тихо)*. Отдайте мне... жену! Отдайте... Больше ничего не имею... всё в ней! Всю жизнь ей отдал... воровал — для нее...

Черкун *(резко)*. Пожалуйста... возьмите!

Надежда *(изумленно, Черкуну)*. Что ты сказал? Возьмите? да?

Черкун *(твердо)*. Да. Вот что, Надежда Поликарповна, я вас прошу: простите меня...

Надежда. За что?

Черкун. Не придавайте значения моему поступку... Минутная вспышка... вызванная вами же... это не любовь...

Надежда *(глухо)*. Говори проще... чтобы я поняла скорее...

Черкун. Я не люблю вас... нет!

Надежда *(не верит)*. Да... нет же! Ты — поцеловал меня... Меня никто не целовал... только ты!

Монахов *(кротко)*. А я... а я, Надя?

Надежда *(тяжело)*. Молчи, покойник!

Черкун. Кончим всё это! Вы поняли меня?.. Простите... если можете! *(Хочет уйти.)*

Надежда *(странно, печально)*. Да нет же! Я вот сяду... Жорж, сядьте рядом, а? Егор Петрович...

Черкун. Я не люблю вас... не люблю! *(Уходит к себе. Надежда тихо опускается на диван. Остолбенела. Цыганов радостно изумлен. Усы у него двигаются. Монахов стоит у двери, весь какой-то кривой, изломанный.)*

Цыганов *(весело)*. Вот идиотский город! Всё вверх ногами в нем: доктор должен лечить, а он — наносит раны...

Монахов. Надя!..

Надежда. А...

Монахов. Идем домой...

Надежда *(негромко, спокойно)*. Иди один, покойник... иди!

(Вздохнув, Монахов ушел в прихожую.)

Цыганов *(негромко)*. Поезжайте-ка в Париж, дорогая моя, а?

Надежда. А он меня не любит?.. Это верно?

Цыганов. Конечно! Разве, когда любят...

Надежда. Не надо... я сама знаю...

Цыганов. Ну, вот видите, радость моя...

Надежда *(в тоске)*. А может... только боится?

Цыганов *(вздохнул)*. Ну... чего ему бояться?

Надежда. А доктор... убьет себя... да?

Цыганов. Сомневаюсь. Но если и так, — что же? Вы к этому привыкли... теперь вот доктор... потом, вероятно, я...

Надежда *(качая головой)*. Из чего ему убить себя? Пистолет — вот он...

Цыганов. Можно другой купить...

Надежда. Здесь — не продают... Душно здесь! Ах, как душно мне... Пойдемте... хоть на крыльцо... постоим там... пойдемте!

Цыганов. За вами я — куда угодно... хоть на крышу! Ведь я люблю вас... я вас — люблю!

Надежда. Нет... не надо! *(С глубоким убеждением.)* Как вы можете любить, если он не может? Он! Он испугался... сам он! Никто не может меня любить... никто! Никто не может любить меня...

(Они уходят. Из комнаты Анны выбегает Степа, за ней Лидия. Степа берет что-то из шкафа. Выходит Черкун, угрюмый, подавленный.)

Лидия. Пятнадцать капель, Степа...

Степа. Да. Как страшно... Господи! Какая это жизнь?

Лидия. Идите, нужно скорее...

Черкун. Что... Анна?

Лидия *(пожимая плечами)*. Ничего... как скажешь иначе?

Черкун. Мне... т. е. ей трудно будет видеть меня...

Лидия. А что вам нужно от нее?

Черкун. Я очень прошу вас сказать ей... что Монахова... ушла. Я объяснил ей мой поступок... и просил простить меня... Она ушла... больше не вернется...

Лидия. Я плохо понимаю...

Черкун. Она... сама же разбудила во мне зверя... ну, я поцеловал ее... не мог сдержать себя... Сильна эта женщина!

Лидия *(с иронией)*. А! Это она виновата? Вас — соблазнили? Бедный...

Черкун *(тихо)*. Вы... я вам противен?

Лидия *(тихо, сильно, мстительно)*. О да, вы мне противны, да! Я презираю вас...

Черкун. Нет! Зачем вы так? Почему, когда вы видели, что я падаю...

Лидия. Я не занимаюсь спасением погибающих... Пусть тот, кто способен погибнуть, — погибнет! Это освежает жизнь... это уничтожит лишнее... только лишнее!

Черкун. Я чувствовал — вы что-то искали во мне... Я много любовался вами... и... но я теперь не смею этого сказать...

Лидия. Да, вы не смеее сказать это! Да! Я искала... я думала, что найду стойкого, твердого человека, которого можно бы уважать... Я давно ищу... я ищу человека, чтобы поклониться ему, чтобы пойти рядом с ним... Пусть это мечта... но я буду искать человека...

Черкун *(тихо)*. Чтобы поклониться ему...

Лидия. И пойти рядом с ним... Да неужели нет на земле людей-жрецов, людей-героев, для которых жизнь была бы великой творческой работой... неужели нет?

Черкун *(глухо, с отчаянием)*. Здесь невозможно сохранить себя, поймите это... невозможно! Сила этой жизни... этой грязи...

Лидия *(гневно)*. Всюду — жалкие, всюду — жадные...

(Выстрел на дворе.)

Черкун *(тоскливо)*. О... еще! Что там... еще?
Анна *(выскакивает из комнаты)*. Егор! Где...
Ах... боже мой... *(Валится на диван.)*
Лидия *(идет)*. Я посмотрю...
Богаевская. А я уж хотела спать идти... да...
Цыганов *(в прихожей)*. Не ходите...
Черкун. Кто стрелял?
Цыганов *(бледный, усы опустились)*. Она...
Надежда Поликарповна...
Черкун. В... кого?
Цыганов *(вздрагивая)*. В себя... при мне... при
муже... так спокойно... просто... чёрт побери!
Богаевская *(идет в прихожую)*. Вот дуреха!
Кто бы мог подумать, а?
Анна *(бросается к мужу)*. Егор... ты не виноват!
Нет, Егор...
Черкун. Где... этот... доктор?
Монахов *(идет)*. Не надо доктора... ничего не
надо... Господа, вы убили человека... за что?
Анна. О Егор... это не ты... это — не ты!
Монахов *(тихо, с ужасом)*. Что же вы сделали?
а? Что вы сделали?
(Все молчат. Слышно, как на дворе воет ветер.)

З а н а в е с

ВРАГИ

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Бардин Захар, 45 лет.
Полина, его жена, под 40 лет.
Бардин Яков, 40 лет.
Татьяна, его жена, 28 лет, актриса.
Надя, племянница Полины, 18 лет.
Печенегов, генерал в отставке, дядя Бардиных.
Скроботов Михаил, 40 лет, купец, компаньон Бардиных.
Клеопатра, жена его, 30 лет.
Скроботов Николай, брат его, 35 лет, юрист, товарищ прокурора.
Синцов, конторщик.
Пологий, конторщик.
Ковень, отставной солдат.
Греков
Левшин
Ягодин
Рябцов
Акимов } рабочие.
Аграфена, экономка.
Бобоедов, ротмистр.
Квач, вахмистр.
Поручик.
Следователь.
Письмоводитель.
Становой.
Урядник.
Жандармы, солдаты, рабочие, служащие, прислуга.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сад. Больше, старые липы. В глубине, под ними, белая солдатская палатка. Направо, под деревьями, широкий диван из дерна, перед ним стол. Налево, в тени лип, длинный стол, накрытый к завтраку. Кипит небольшой самовар. Вокруг стола плетеные стулья и кресла. А г р а ф е н а варит кофе. Под деревом стоит К о н ь, куря трубку, перед ним — П о л о г и й.

П о л о г и й (*говорит, нелепо жестикулируя*). ... Конечно, ваша правда, я человек маленький, жизнь у меня мелкая, но каждый огурец взращен мною собственноручно, и рвать его без возмездия мне я не могу разрешить.

К о н ь (*угрюмо*). А твоего разрешения никто и не просит.

П о л о г и й (*прижимая руку к сердцу*). Но позвольте! Если вашу собственность нарушают,— имеете вы право просить защиты закона?

К о н ь. Проси. Сегодня огурцы рвут, а завтра голы рвать будут... Вот тебе и закон!

П о л о г и й. Однако... это странно и даже опасно слышать! Как же вы, солдат и кавалер, можете пренебрегать законом?

К о н ь. Закона — нет. Есть — команда. Налево кругом, марш! И — ступай! Скажут — стой! Значит — стой.

А г р а ф е н а. Вы бы, Конь, не курили здесь вашу махорку, от нее лист на деревьях вянет...

П о л о г и й. Если бы они с голоду,— это я понимаю... Голод может объяснить многие поступки; можно

сказать, что все подлости совершаются для утоления голода. Когда хочется кушать, то, конечно...

К о н ь. Ангелы — не едят, а сатана против бога пошел все-таки...

П о л о г и й (*радостно*). Вот это я и называю озорством!..

(*Идет Яков Бардин. Говорит негромко и как бы сам прислушивается к своим словам. Пологий кланяется ему. Конь небрежно «отдает честь».*)

Я к о в. Здравствуйте. Вы — что?

П о л о г и й. К Захару Ивановичу с покорной просьбой...

А г р а ф е н а. Жаловаться пришел. У него этой ночью фабричные ребята огурцы украли.

Я к о в. А-а... Это нужно сказать брату...

П о л о г и й. Совершенно верно... я к ним и направляюсь.

К о н ь (*ворчливо*). Никуда ты не направляешься, а стоишь на одном месте и ноешь.

П о л о г и й. Я вам, думается, не мешаю. Если бы вы газету читали или что другое, то, конечно, я бы вам мешал.

Я к о в. Конь, подите сюда...

К о н ь (*идет*). Крохобор ты, Пологий... кляузник!

П о л о г и й. Вы совершенно напрасно произносите эти слова... Язык дан человеку для вознесения жалоб...

А г р а ф е н а. Да перестаньте, Пологий... точно вы не человек, а комар...

Я к о в (*Коню*). Что он тут, а? Ушел бы...

П о л о г и й (*Аграфене*). Если слова мои беспокоят ваше ухо, но сердца не трогают, — я замолчу. (*Идет прочь и, прохаживаясь по дорожке, щупает рукой деревья.*)

Я к о в (*смущенно*). Что, Конь, я, кажется, вчера опять... обидел кого-то?

К о н ь (*усмехаясь*). Было. Это — было.

Я к о в (*прохаживаясь*). Гм... удивительно! Почему пьяный я всегда дерзости говорю?

К о н ь. Бывает это. Иной раз пьяные люди лучше

трезвых, храбрее. Никого не боится, ну и себя не милует... У нас в роте унтер-офицер был, трезвый — подлиза, ябедник, драчун. А пьяный — плачет. Братцы, говорит, я тоже человек, плюньте, просит, мне в рожу. Некоторые — плевали.

Яков. А с кем я вчера говорил?

Конь. С прокурором. Сказали ему, что у него деревянная голова. Потом о директоровой жене сказали прокурору, что у нее любовников много.

Яков. Ну, вот... а какое мне дело до этого?

Конь. Не знаю. Еще вы...

Яков. Хорошо, Конь, довольно... а то окажется, что я всем что-нибудь сказал неприятное... Да, вот какое несчастье — водка... *(Подошел к столу и смотрит на бутылки, наливает большую рюмку, маленькими глотками высасывает ее. Аграфена, искоса глядя на него, вздыхает.)* Вам немножко жалко меня, а?

Аграфена. Очень жалко... такой вы простой со всеми — точно и не барин...

Яков. А вот Конь никого не жалеет, он только философствует. Чтобы человек задумался, его надо обидеть — так, Конь? *(В палатке раздается крик генерала: «Конь! Эй!»)* Вас сильно намучили, оттого вы и умный?

Конь *(идет)*. Я, как увижу генерала, то сразу дураком становлюсь...

Генерал *(выходит из палатки)*. Конь! Купаться, живо!

(Идут в глубину сада.)

Яков *(сел, качается на стуле)*. Моя супруга еще спит?

Аграфена. Уже встали. Купались.

Яков. Так вам меня жалко?

Аграфена. Вам бы полечиться.

Яков. Ну, налейте мне немножко коньяку.

Аграфена. Может, не надо, Яков Иванович?

Яков. А почему? Если я не выпью однажды, — это ничему не поможет.

(Вздохнув, Аграфена наливает коньяку. Быстро идет Михаил Скроботов, возбужденный; нервно тербит ост-

рую черную бородку. Шляпа — в руке, и он мнет ее пальцами.)

М и х а и л. Захар Иванович встал? Нет еще? Разумеется! Дайте мне... есть тут холодное молоко? Спасибо. Доброе утро, Яков Иванович!.. Вы знаете новость?.. Эти подлецы требуют, чтобы я прогнал мастера Дичкова... да! Грозят бросить работу... чёрт бы их...

Я к о в. А вы удалите мастера.

М и х а и л. Это — просто, да, но — не в этом же дело! Дело в том, что уступки их развращают. Сегодня они требуют — прогнать мастера, завтра они захотят, чтобы я повесился для их удовольствия...

Я к о в *(мягко).* Вы думаете, они завтра захотят этого?

М и х а и л. Вам — шутки! Нет, вы бы попробовали повозиться с чумазыми джентльменами, когда их около тысячи человек да им кружат головы — и ваш братец разной либеральностью и какие-то идиоты прокламациями... *(Смотрит на часы.)* Скоро десять, а в обед они обещают начать свои дурачества... Да-с, Яков Иванович, за время моего отпуска ваш почтенный братец испортил мне фабрику... развратил людей недостатком твердости...

(Справа является Синцов. Ему лет тридцать. В его фигуре и лице есть что-то спокойное и значительное.)

С и н ц о в. Михаил Васильевич! В контору пришли депутаты рабочих, требуют хозяина.

М и х а и л. Требуют? Пошлите вы их ко всем чертям! *(Полина идет с левой стороны.)* Извиняюсь, Полина Дмитриевна!

П о л и н а *(любезно).* Вы — всегда ругаетесь. Почему — сейчас?

М и х а и л. Да вот, всё этот пролетариат!.. Он там — требует!.. Раньше он у меня смиренно просил...

П о л и н а. Вы жестоки с людьми, уверяю вас!

М и х а и л *(разводит руками).* Ну, вот!

С и н ц о в. Что же сказать депутатам?

М и х а и л. Пусть подождут... Идите!

(Синцов, не спеша, уходит.)

Полина. Интересное лицо у этого служащего. Давно он у нас?

Михаил. Около года, кажется...

Полина. Он делает впечатление порядочного человека. Кто он?

Михаил *(пожимая плечами)*. Получает сорок рублей. *(Смотрит на часы; вздыхая, оглядывается, видит под деревом Полозого.)* Вы что? За мной?

Пологий. Я, Михаил Васильевич, к Захару Ивановичу...

Михаил. Зачем?

Пологий. По случаю нарушения права собственности...

Михаил *(Полине)*. Вот, рекомендую, тоже один из новых служащих! Человек со стремлением к огородничеству. Глубоко убежден, что всё на земле создано затем, чтобы нарушать его интересы. Всё ему мешает — солнце, Англия, новые машины, лягушки...

Пологий *(улыбаясь)*. Лягушки, смею заметить, всем мешают, когда они кричат...

Михаил. Идите-ка вы в контору! Что это за привычка у вас — бросить дело и ходить жаловаться? Мне это не нравится... Идите!

(Пологий, поклонившись, идет. Полина с улыбкой смотрит на него в лорнет.)

Полина. Вот какой вы строгий! А он — смешной... Вы знаете, в России люди разнообразнее, чем за границей.

Михаил. Скажите — безобразнее, — и я согласюсь. Я команду народом пятнадцать лет... Я знаю, что это такое — добрый русский народ, раскрашенный поповской литературой.

Полина. Поповской?

Михаил. Ну, конечно. Все эти Чернышевские, Добролюбовы, Златовратские, Успенские... *(Глядя на часы.)* Долго же не идет Захар Иванович, ах!

Полина. Вы знаете, чем он занят? Доигрывает вчерашнюю партию в шахматы с вашим братом.

Михаил. А там после обеда хотят работу бросать... Нет, знаете, из России толку не выйдет никогда!

Уж это верно. Страна анархизма! Органическое отвращение к работе и полная неспособность к порядку... Уважение к законности — отсутствует...

П о л и н а. Но это естественно! Как возможна законность в стране, где нет законов? Ведь, между нами говоря, наше правительство...

М и х а и л. Ну да! Я не оправдываю никого! И правительство. Вы возьмите англосакса. (*Идут Захар Бардин и Николай Скроботов.*) Нет лучшего материала для строения государства. Англичанин перед законом ходит, как дрессированная лошадь в цирке. Чувство законности у него в костях, в мускулах... Захар Иванович, здравствуйте! Здравствуй, Николай! Позвольте вам сообщить о новом результате вашей либеральной политики с рабочими: они требуют, чтобы я немедленно прогнал Дичкова, в противном случае после обеда бросают работу... да-с! Как вы на это смотрите?

З а х а р (*потирая лоб*). Я? Гм... Дичков? Это... который дерется? И насчет девиц что-то такое?.. Прогнать Дичкова, разумеется! Это — справедливо.

М и х а и л (*волнуется*). Ф-фу! Уважаемый компаньон, давайте говорить серьезно. Речь идет о деле, а не о справедливости; справедливость — это вот задача Николая. И я еще раз скажу, что справедливость, как вы ее понимаете, пагубна для дела.

З а х а р. Позвольте, дорогой! Вы говорите парадоксы!

П о л и н а. Деловые разговоры при мне... с утра...

М и х а и л. Тысяча извинений, но я буду продолжать... Я считаю это объяснение решительным. До моего отъезда в отпуск я держал завод вот так (*показывает сжатый кулак*), и у меня никто не смел пищать! Все эти воскресные развлечения, чтения и прочие штуки я, как вам известно, не считал полезными в наших условиях... Сырой русский мозг не вспыхивает огнем разума, когда в него попадает искра знания, — он тлеет и чадит...

Н и к о л а й. Говорить надо спокойно.

М и х а и л (*едва сдерживаясь*). Благодарю за совет. Он очень мудр, но — мне не годится! Ваше отношение к рабочим, Захар Иванович, в полгода развин-

тило и распатало весь крепкий аппарат, созданный моим восьмилетним трудом. Меня уважали, меня считали хозяином... Теперь всем ясно, что в деле два хозяина, добрый и злой. Добрый, конечно, вы...

Захар (*смущенно*). Позвольте... Зачем же так?

Полина. Михаил Васильевич, вы говорите очень странно!

Михаил. Я имею причину говорить так... я поставлен в глупейшее положение! Прошлый раз я заявил рабочим, что скорее закрою фабрику, чем выгоню Дичкова... Они поняли, что я сделаю так, как говорю, и — успокоились. В пятницу вы, Захар Иванович, сказали рабочему Грекову, что Дичков — грубый человек и вы его собираетесь прогнать...

Захар (*мягко*). Но, дорогой мой, если он бьет людей по зубам... и прочее? Согласитесь — этого нельзя терпеть! Мы же европейцы, мы — культурные люди!

Михаил. Прежде всего мы — фабриканты! Рабочие каждый праздник бьют друг друга по зубам, — какое нам до этого дело? Но вопрос о необходимости учить рабочих хорошим манерам вам придется решать после, а сейчас вас ждет в конторе депутация — она будет требовать, чтобы вы прогнали Дичкова. Что вы думаете делать?

Захар. Но разве Дичков такой ценный человек, а?

Николай (*сухо*). Насколько я понимаю — здесь дело идет не о человеке, а о принципе.

Михаил. Именно! Стоит вопрос: кто хозяин на фабрике — мы с вами или рабочие?

Захар (*растерянно*). Да, я понимаю! Но...

Михаил. Если мы уступим им, — я не знаю, чего они еще потребуют. Это нахалы. Воскресные школы и прочее сыграло свою роль за полгода — они смотрят на меня волками, и есть уже прокламации... слышен запах социализма... да!

Полина. Такая глушь, и вдруг — социализм... это забавно.

Михаил. Вы думаете? Уважаемая Полина Дмитриевна, когда дети малы, они все забавные, но постепенно они растут, и однажды — мы встречаемся с большими мерзавцами...

З а х а р. Что же вы хотите делать, а?

М и х а и л. Закрывать завод. Пусть немножко поголодают, это их охладит. (*Яков встает, подходит к столу и выпивает; потом медленно уходит прочь.*) Когда мы закроем завод, в дело вступят женщины... Они будут плакать, а слезы женщин действуют на людей, опьяненных мечтами, как нашатырный спирт, — они отрезвляют!

П о л и н а. Вы ужасно жестко говорите!

М и х а и л. Так требует жизнь.

З а х а р. Но, знаете, эта мера... вызвана ли она необходимостью?

М и х а и л. Вы можете предложить что-нибудь другое?

З а х а р. Если я пойду поговорю с ними, а?

М и х а и л. Вы, конечно, уступите им, и тогда мое положение станет невозможным... Вы извините меня, но ваши колебания мне обидны, да! Не говоря о их вреде...

З а х а р (*поспешно*). Но, дорогой, ведь я не возражаю, я только думаю. Вы знаете, я больше помещик, чем промышленник... Всё это для меня ново, сложно... Хочется быть справедливым... Крестьяне мягче, добродушнее рабочих... с ними я живу прекрасно!.. Среди рабочих есть очень любопытные фигуры, но в массе — я соглашаюсь — они очень распухли...

М и х а и л. Особенно с той поры, как вы надавали им обещаний...

З а х а р. Но, видите ли, после вашего отъезда сразу началось какое-то оживление... т. е. возбуждение... Я, может быть, вел себя неосторожно... однако нужно было успокоить их. Писали в газетах о нас... И очень резко, знаете...

М и х а и л (*нетерпеливо*). Сейчас семнадцать минут одиннадцатого. Вопрос необходимо решить; он стоит так: или я закрываю завод, или ухожу из дела. Закрыв завод, мы не терпим убытка, — я принял меры. Спешные заказы готовы, и в складах кое-что есть...

З а х а р. Н-да-а. Необходимо решить сейчас... я понимаю! Как вы думаете, Николай Васильевич?

Н и к о л а й. Думаю, что брат прав. Необходимо

твёрдо держаться строго определенных принципов, если нам дорога культура.

Захар. То есть вы тоже думаете — закрыть? Как это досадно!.. Дорогой Михаил Васильевич, не обижайтесь на меня... я отвечу минут... через десять!.. Хорошо?

Михаил. Пожалуйста!

Захар. Полина, я тебя попрошу, иди со мной...

Полина (*идя за мужем*). Ах, боже мой! Как всё это неприятно...

Захар. У крестьянина есть врожденное веками чувство уважения к дворянину...

(*Ушли.*)

Михаил (*сквозь зубы*). Кисель! Это он говорит после аграрных погромов на юге! Дуррак...

Николай. Спокойнее, Михаил! Зачем так распускаться?

Михаил. У меня нервы болят, пойми! Я иду на фабрику и — вот! (*Вынимает из кармана револьвер.*) Меня ненавидят благодаря этому болвану! И я не могу бросить дело — ты первый осудил бы меня за это. В нем весь наш капитал. Уйди я — этот лысый идиот всё погубит.

Николай (*спокойно*). Это скверно, если ты не преувеличиваешь.

Синцов (*идет*). Вас просят рабочие...

Михаил. Меня? Что такое?

Синцов. Распространился слух, что с обеда завод закроют.

Михаил (*брату*). Каково! Откуда они знают?

Николай. Вероятно, это Яков Иванович сказал.

Михаил. А... чёрт! (*Смотрит на Синцова с раздражением, которого не может сдержать.*) Почему именно вы так беспокоитесь, господин Синцов? Приходите, спрашиваете... а?

Синцов. Меня просил сходить за вами бухгалтер.

Михаил. Да? Что это за привычка у вас смотреть исподлобья и демонски кривить губы? Чему вы рады, смею спросить?..

Синцов. Я думаю — это мое дело.

Михаил. А я думаю иначе... и предлагаю вам вести себя со мной более прилично... да! *(Синцов пристально смотрит на него.)* Ну-с? Чего вы ждете?

Татьяна *(входит с правой стороны)*. А, директор... торопитесь? *(Кричит Синцову.)* Матвей Николаевич, здравствуйте!

Синцов *(ласково)*. Добрый день! Как чувствуете себя? Не устали, нет?

Татьяна. Нет, спасибо. Руки болят от весел... Идете на службу? Я вас провожу до калитки. Знаете, что я вам хочу сказать?

Синцов. Нет, разумеется.

Татьяна *(идет рядом с Синцовым)*. Во всем, что вы вчера говорили, много ума, но еще больше — чего-то эмоционального, преднамеренного... Есть речи, которые более убедительны тогда, когда в них мало чувства... *(Не слышно, что говорят.)*

Михаил. Извольте видеть, какая ситуация! Служащий ваш, которого вы оборвали за дерзость, фамильярничает на ваших глазах с женой брата вашего компаньона... Брат — пьяница, жена — актриса. И на кой чёрт они сюда приехали? Неизвестно!..

Николай. Странная женщина. Красива, умеет одеваться, так соблазнительна — и, кажется, устраивает роман с нищим. Экцентрично, но глупо.

Михаил *(с иронией)*. Это демократизм. Она, видишь ли, дочь сельской учительницы и говорит, что ее всегда тянет к простым людям... Чёрт меня дернул связаться с этими помещиками...

Николай. Ну, положим, это неплохо, хозяин дела — ты.

Михаил. Буду! Но еще не хозяин...

Николай. Я думаю, она очень доступна... кажется — чувственная.

Михаил. Этот либерал — спать лег там, что ли?.. Нет, Россия не жизнеспособна, говорю я!.. Люди сбиты с толку, никто не в состоянии точно определить свое место, все бродят, мечтают, говорят... Правительство — кучка каких-то обалдевших людей... злые, глупые, они ничего не понимают, ничего не умеют делать...

Т а т ь я н а *(возвращается)*. Кричите?.. Все почему-то начинают кричать...

А г р а ф е н а. Михаил Васильевич, вас просят Захар Иванович...

М и х а и л *(идет, не дослушав)*. Наконец!

Т а т ь я н а *(садится к столу)*. Почему он такой возбужденный?

Н и к о л а й. Полагаю, вам это не интересно.

Т а т ь я н а *(спокойно)*. Он мне напоминает одного полицейского. У нас в Костроме часто дежурил на сцене полицейский... такой длинный, с вытаращенными глазами.

Н и к о л а й. Не вижу сходства с братом.

Т а т ь я н а. Я говорю не о внешнем сходстве... Он, полицейский, тоже всегда торопился куда-то, он не ходил, а бегал, не курил, а как-то задыхался дымом; казалось, он не живет, а прыгает, кувыркается, стараясь поскорее достичь чего-то... а чего — он не знал.

Н и к о л а й. Вы думаете — не знал?

Т а т ь я н а. Я уверена. Когда у человека есть ясная цель, он идет спокойно. А этот торопился. И торопливость была особенная — она хлестала его изнутри, и он бежал, бежал, мешая себе и другим. Он не был жаден, узко жаден... он только жадно хотел скорее сделать всё, что нужно, оттолкнуть от себя все обязанности — и обязанность брать взятки в том числе. Взятки он не брал, а хватал, — схватит, заторопится и забудет сказать спасибо... Наконец он подвернулся под лошадей, и они его убили.

Н и к о л а й. Вы хотите сказать, что энергия брата бесцельна?

Т а т ь я н а. Да? Так вышло? Я не хотела этого сказать... Просто он похож на того полицейского...

Н и к о л а й. Лестного тут мало для брата.

Т а т ь я н а. Я не собиралась говорить о нем лестно...

Н и к о л а й. Вы оригинально кокетничаете.

Т а т ь я н а. Да?

Н и к о л а й. Но — невесело.

Т а т ь я н а *(спокойно)*. Разве есть женщины, которым с вами весело?

Н и к о л а й. Ого!

П о л и н а (*идет*). Сегодня у нас всё как-то не клеится. Никто не завтракает, все раздражены... Точно не выспались. Надя рано утром ушла с Клеопатрой Петровной в лес за грибами... Я вчера просила ее не делать этого... О, боже... трудно становится жить!

Т а т ь я н а. Ты много кушаешь...

П о л и н а. Таня, зачем этот тон? Ты ненормально относишься к людям...

Т а т ь я н а. Разве?

П о л и н а. Легко быть спокойной, когда у тебя ничего нет и ты свободна! А вот когда около тебя кормятся тысячи людей... это не шутка!

Т а т ь я н а. Ты брось, не корми их, пусть они сами живут, как хотят... Отдай им всё — завод, землю — и успокойся.

Н и к о л а й (*закуривая*). Это вы — из какой пьесы?

П о л и н а. Зачем так говорить, Таня? Не понимаю! Ты бы видела, как расстроен Захар... Мы решили закрыть завод на время, пока рабочие успокоятся. Но ты подумай, как это тяжело! Сотни людей останутся без работы. А у них дети... ужасно!

Т а т ь я н а. Так не закрывайте, если ужасно... Зачем же делать неприятности самим себе?

П о л и н а. Ах, Таня, ты раздражаешь! Если мы не закроем — рабочие сделают стачку, и это будет еще хуже.

Т а т ь я н а. Что будет хуже?

П о л и н а. Всё вообще... Не можем же мы уступить всем их требованиям? И, наконец, это совсем не их требования, а просто социалисты научили их, они и кричат... (*Горячо.*) Этого я не понимаю! За границей социализм на своем месте и действует открыто... А у нас, в России, его нашептывают рабочим из-за углов, совершенно не понимая, что в монархическом государстве это неуместно!.. Нам нужна конституция, а совсем не это... Как вы думаете, Николай Васильевич?

Н и к о л а й (*усмехаясь*). Несколько иначе. Социализм очень опасное явление. И в стране, где нет

самостоятельной, так сказать, расовой философии, где всё хватают со стороны и на лету, там он должен найти для себя почву... Мы люди крайностей... вот наша болезнь.

Полина. Это очень верно! Да, мы люди крайностей.

Татьяна (*вставая*). Особенно ты и твой муж. Или вот товарищ прокурора...

Полина. Ты не знаешь, Таня... а Захара считают одним из красных в губернии!

Татьяна (*ходит*). Я думаю, он краснеет только со стыда, да и то не часто...

Полина. Таня! Что ты, бог с тобой?..

Татьяна. Разве это обидно? Я не знала... Мне ваша жизнь кажется любительским спектаклем. Роли распределены скверно, талантов нет, все играют отвратительно... Пьесу нельзя понять...

Николай. В этом есть правда. И все жалуется — ах, какая скучная пьеса!

Татьяна. Да, мы портим пьесу. Мне кажется, это начинают понимать статисты и все закулисные люди... Однажды они прогонят нас со сцены...

(Идут генерал и Конь.)

Николай. Однако! Куда вы метнули.

Генерал (*кричит, подходит*). Полина! Молока генералу, — х-хо! Холодного молока!.. (*К Николаю.*) А-а, гроб законов!.. Моя превосходная племянница, ручку! Конь, отвечай урок: что есть солдат?

Конь (*скучно*). Как угодно начальству, ваше превосходительство!

Генерал. Может солдат быть рыбой, а?

Конь. Солдат должен всё уметь...

Татьяна. Милый дядя, вы и вчера забавляли нас этой сценой... Неужели — каждый день?

Полина (*вздыхая*). Каждый день, после купанья.

Генерал. Каждый день, да! И всегда разное — обязательно! Он, старый шут, должен сам выдумывать ответы и вопросы.

Татьяна. Вам это нравится, Конь?

К о н ь. Его превосходительству нравится.

Т а т ь я н а. А вам?

Г е н е р а л. Ему тоже...

К о н ь. Стар я для цирка... ну, а терпеть надо, когда есть нужно...

Г е н е р а л. А! Хитрая каналья! Кругом марш!..

Т а т ь я н а. Вам не скучно издеваться над стариком?

Г е н е р а л. Я сам старик! А вы сами скучная... Актриса должна смешить, а вы что?

П о л и н а. Ты знаешь, дядя...

Г е н е р а л. Ничего не знаю...

П о л и н а. Мы закрываем завод...

Г е н е р а л. Ага! Прекрасно! Он — свистит. Рано утром спишь так крепко, вдруг — у-у-у! Закрывать его!..

М и х а и л (*быстро идет*). Николай, на минутку! Ну, завод закрыт. Но на всякий случай надо принять меры... Пошли телеграмму вице-губернатору: кратко сообщи положение дела и требуй солдат... Подпиши моим именем.

Н и к о л а й. Я с ним тоже приятель.

М и х а и л. Иду объявить этим депутатам — к чёрту!.. Ты не говори о телеграмме, я сам скажу, когда будет нужно... Да?

Н и к о л а й. Хорошо.

М и х а и л. А великолепно чувствуется, когда поставишь на своем! Я, брат, старше тебя годами, но моложе душой, а?

Н и к о л а й. Это не молодость, а нервозность, я думаю...

М и х а и л (*с иронией*). Вот я тебе покажу нервозность! Увидишь! (*Смеется, уходит.*)

П о л и н а. Решили, Николай Васильевич, да?

Н и к о л а й (*уходя*). Да, кажется.

П о л и н а. О боже мой!..

Г е н е р а л. Что решили?

П о л и н а. Закрывать завод...

Г е н е р а л. Ах, да... Конь!

К о н ь. Здесь.

Г е н е р а л. Удочки и лодку.

К о н ь. Готово.

Г е н е р а л. Пойду молчать с рыбами... Это более умно, чем скучать с людьми... (*Хочовет.*) Ловко сказано, а? (*Надя бежит.*) А-а, мотылек!.. Что такое?

Н а д я (*радостно*). Приключение! (*Обернувшись назад, зовет.*) Идите, пожалуйста! Греков! Вы не пускайте его, Клеопатра Петровна! Знаешь, тетя, выходим мы из лесу — вдруг трое пьяных рабочих... понимаешь?

П о л и н а. Ну вот! Я всегда говорила тебе...

К л е о п а т р а (*за нею Греков*). Представьте, какая гадость!

Н а д я. Почему — гадость? Просто смешно!.. Трое рабочих, тетя... Улыбаются и говорят: «Барышни вы наши милые...»

К л е о п а т р а. Я непременно попрошу мужа прогнать их...

Г р е к о в (*улыбаясь*). За что же?

Г е н е р а л (*Наде*). Это кто такой — чумазий?

Н а д я. Наш спаситель, дед, понимаешь?

Г е н е р а л. Ничего не понимаю!

К л е о п а т р а (*Наде*). Вы рассказываете бог знает как.

Н а д я. Я говорю, как нужно!

П о л и н а. Но ничего нельзя понять, Надя!

Н а д я. Вы мне мешаете потому что!.. Подходят к нам и говорят: «Барышни! давайте с нами песни петь...»

П о л и н а. Ах, какое нахальство!

Н а д я. Вовсе нет! «Мы, говорят, знаем,— вы очень хорошо поете... Конечно, мы выпивши, но выпившие мы лучше!» Это верно, тетя! Пьяные они не такие хмурые, как всегда...

К л е о п а т р а. На наше счастье, вот этот молодой человек...

Н а д я. Я расскажу лучше вас! Клеопатра Петровна начала их ругать... Это вы напрасно! Уверю вас!.. Тогда один из них, такой высокий и худой...

К л е о п а т р а (*с угрозой*). Я его знаю!

Н а д я. Взял ее за руку и — так грустно — сказал: «Такая вы красивая, образованная женщина, смотреть

на вас приятно, а вы — ругаетесь. Разве мы вас обидели?» Он очень хорошо сказал, так... от души! Ну, а другой — он действительно... Он сказал: «Чего ты с ними говоришь? Разве они что-нибудь могут понять? Они — зверье!..» Это мы зверье — я и она! *(Смеется.)*

Т а т ь я н а (усмехаясь). Ты, кажется, довольна этим титулом?

П о л и н а. Я говорила тебе, Надя... Вот ты бегаешь всюду...

Г р е к о в (Наде). Я могу идти?

Н а д я. О нет, пожалуйста! Хотите чаю? Или молока? Хотите?

(Генерал хохочет, Клеопатра пожимает плечами. Татьяна смотрит на Грекова и что-то напевает сквозь зубы. Полина опустила голову и тщательно вытирает ложки полотенцем.)

Г р е к о в (улыбаясь). Спасибо, не хочу.

Н а д я (убедительно). Вы, пожалуйста, не стесняйтесь!.. Это всё... хорошие люди, уверяю вас!

П о л и н а (протестуя). О, Надя!

Н а д я (Грекову). Вы не уходите, я сейчас всё расскажу...

К л е о п а т р а (недовольно). Одним словом, этот молодой человек явился вовремя и уговорил своих пьяниц-товарищей оставить нас в покое... а я попросила его проводить нас. Вот и всё...

Н а д я. Ах, ну что это! Если бы всё было, как вы рассказываете... все умерли бы со скуки!

Г е н е р а л. Каково, а?

Н а д я (Грекову). Вы сядьте! Тетя, да пригласите же его сесть! Отчего вы все такие кислые?

П о л и н а (сидя, Грекову). Благодарю вас, молодой человек...

Г р е к о в. Не за что...

П о л и н а (более сухо). С вашей стороны было очень хорошо защитить женщин.

Г р е к о в (спокойно). Они не нуждались в защите... их никто не обижал.

Н а д я. Но, тетя же! Разве можно так говорить?

Полина. Я попрошу не учить меня...

Надя. Но пойми — никакой защиты не было! Он просто сказал им: «Оставьте, товарищи, это нехорошо!» Они обрадовались ему: «Греков! Идем с нами, ты — умный!» Он действительно, тетя, очень умный... вы извините меня, Греков, но ведь это правда!..

Греков (*усмехаясь*). Вы ставите меня в неловкое положение...

Надя. Это не я, а вот они, Греков!

Полина. Надя!.. Ты знаешь, я не понимаю экстаза... Всё это смешно... И — довольно!

Надя (*возбужденно*). Так смейтесь! Почему же вы сидите, как сычи? Смейтесь!

Клеопатра. У Нади способность из всякого пустяка делать историю с шумом, с восторгом. И особенно это хорошо сейчас на глазах... чужого человека, который видите, — смеется над ней.

Надя (*Грекову*). Вы надо мной смеетесь? Почему?

Греков (*просто*). Я люблюсь вами, а не смеюсь!..

Полина (*поражена*). Что? Дядя...

Клеопатра (*усмехаясь*). Вот вам!

Генерал. Ну, баста! Хорошенького понемножку. Молодой человек, вот, возьми себе и — ступай...

Греков (*отворачиваясь*). Благодарю... не нужно.

Надя (*закрыв лицо руками*). Ой! Зачем?

Генерал (*останавливая Грекова*). Подожди! Это — десять рублей...

Греков (*спокойно*). Ну, и что же?

(*Секунду все молчат.*)

Генерал (*смущен*). Э... Вы кто такой?

Греков. Рабочий.

Генерал. Кузнец?

Греков. Слесарь.

Генерал (*строго*). Это всё равно! А почему ты не берешь деньги, а?

Греков. Не хочу.

Генерал (*раздражаясь*). Что за комедия? Что же тебе нужно?

Греков. Ничего.

Г е н е р а л. А может быть, ты хочешь попросить руку барышни, а? *(Хочет. Все смущены выходкой генерала.)*

Н а д я. Ой!.. что вы делаете!

П о л и н а. Дядя, пожалуйста...

Г р е к о в *(генералу спокойно)*. Вам сколько лет?

Г е н е р а л *(удивлен)*. Что? Мне... лет?

Г р е к о в *(так же)*. Сколько вам лет?

Г е н е р а л *(оглядываясь)*. Что такое? Шестьдесят один год... Ну, и что же?

Г р е к о в *(идет прочь)*. В эти годы следует быть умнее.

Г е н е р а л. Как?.. Мне... умнее?..

Н а д я *(бежит за Грековым)*. Послушайте... вы не сердитесь! Он — старик. И все они хорошие люди, честное слово!

Г е н е р а л. Что за чертовщина?

Г р е к о в. Вы не беспокойтесь... это всё естественно!

Н а д я. Им — жарко... У них поэтому дурное настроение... А я так плохо рассказала.

Г р е к о в *(улыбаясь)*. Как бы вы ни рассказали, вас не поймут, поверьте.

(Они скрываются.)

Г е н е р а л *(ошалев)*. Это он меня... смел, а?

Т а т ь я н а. Вы напрасно сунули ваши деньги.

П о л и н а. Ах, Надя... Эта Надя!

К л е о п а т р а. Скажите! Какой гордый испанец! Вот я попрошу мужа, чтоб он его...

Г е н е р а л. Такой щенок!

П о л и н а. Надя — невозможна!.. Пошла с ним... Как она волнуется!

К л е о п а т р а. Они с каждым днем всё больше распускаются, ваши социалисты...

П о л и н а. Почему вы думаете, что он социалист?

К л е о п а т р а. Уж я вижу! Все порядочные рабочие — социалисты.

Г е н е р а л. Я скажу Захару... сегодня же в шею с завода этого молокососа!

Т а т ь я н а. Завод закрыт.

Г е н е р а л. Вообще — в шею!

П о л и н а. Таня! Позови Надю... я прошу тебя! Скажи ей, что я поражена...

(Татьяна идет.)

Г е н е р а л. Ах, скотина! Сколько лет, а?

К л е о п а т р а. Эти пьяные свистели вслед нам... А вы с ними любезничаете... чтения разные... К чему это?

П о л и н а. Да, да!.. Вы представьте: в четверг я еду в деревню, вдруг — свистят! Даже мне свистят, а? Не говоря о неприличии — это может испугать лошадей!

К л е о п а т р а (поучительно). Захар Иванович во многом виноват!.. Он неверно определяет расстояние между собой и этим народом, как говорит муж...

П о л и н а. Он мягок... он хочет быть добрым со всеми! Добрые отношения с народом выгоднее для обеих сторон, это его убеждение... Крестьяне очень оправдывают его взгляды... Берут землю, платят аренду, и — всё идет прекрасно. А эти... (Идут Татьяна и Надя.) Надя! моя милая, ты понимаешь, как неприлично...

Н а д я (горячо). Это вы... вы неприличны! Вы все угорели от жары, вы злые, больные и ничего не понимаете!.. А вы, дед... ах, какой вы глупый!..

Г е н е р а л (взбешен). Я? Глуп? Еще раз?

Н а д я. Зачем вы сказали это... о руке? Не стыдно вам?

Г е н е р а л. Стыдно? Нет, баста! Благодарю! Довольно на сегодня! (Идет прочь и орет.) Конь! Чёрт бы взял всю твою родню, где там увязли твои дурацкие ноги, болван, тупая башка!

Н а д я. А вы, тетя, вы!.. Еще за границей жили, о политике говорите!.. Не пригласить человека сесть, не дать ему чашку чая!.. Эх вы...

П о л и н а (встает, бросает ложку). Это нестерпимо... Что ты говоришь?

Н а д я. И вы, Клеопатра Петровна, тоже... до-рогой вы были с ним и ласковы и любезны, а здесь...

Клеопатра. Да что ж — целовать мне его, что ли? Извините, он не умыт. И я не расположена слушать ваши выговоры. Вот, Полина Дмитриевна, видите? Это демократизм или — как там — гуманизм!.. Это всё ложится пока на шею моего мужа... но ляжет и на вашу, вы увидите!

Полина. Клеопатра Петровна, я извиняюсь перед вами за Надю...

Клеопатра (*уходя*). Это лишнее. И не в ней дело, не в одной Наде... Все виноваты!

Полина. Послушай, Надя! Когда твоя мать, умирая, поручила мне тебя, твое воспитание...

Надя. Не трогайте мою маму! Вы говорите о ней всегда не так!

Полина (*изумленно*). Надя! Ты больна?.. Опомнись! Твоя мать была сестрой мне, я ее знаю лучше тебя...

Надя (*со слезами, но сдерживая их*). Ничего вы не знаете, вот! И бедные богатым не родня... Моя мама была бедная, хорошая... Вы не понимаете бедных!.. Вы вот даже тетю Таню не понимаете...

Полина. Надежда, я прошу тебя уйти! Уходи!

Надя (*уходя*). И уйду!.. А все-таки я права! Не вы, а я!

Полина. Ф-фу! Боже мой!.. Здоровая девушка — и вдруг... такой припадок, почти истерия! Ты извини меня, Таня, но здесь я вижу твое влияние... да! Ты говоришь с нею обо всем, как со взрослой... вводишь ее в компанию служащих... Эти конторщики... какие-то чудачки из рабочих... абсурд! Наконец, катанья в лодках...

Татьяна. Ты успокойся... выпей чего-нибудь, что ли! Тебе нужно согласиться, что с этим рабочим ты вела себя... довольно бестолково! Ведь он не изломал бы стула, если б ты предложила ему сесть.

Полина. Ты неправа, нет... Разве можно сказать, что я дурно отношусь к рабочим? Но всё должно иметь свои границы, моя дорогая!..

Татьяна. Затем я ее никуда не ввожу, как ты говоришь. Она сама идет... и я не думаю, что ей нужно мешать.

Полина. Она сама идет! Как будто она понимает — куда?

(Медленно идет Яков, выпивший.)

Яков *(садясь)*. А на заводе будет бунт...

Полина *(тоскливо)*. Ах, перестаньте, Яков Иванович!..

Яков. Будет. Бунт будет. Они зажгут завод и всех нас изжарят на огне... как зайцев.

Татьяна *(с досадой)*. Ты, кажется, уже выпил...

Яков. Я в это время всегда уже выпил... Сейчас видел Клеопатру... это очень дрянная баба! Не потому, что у нее много любовников... но потому, что в груди у нее, вместо души, сидит старая злая собака...

Полина *(встает)*. Ах, боже мой, боже мой!.. Всё шло хорошо, и — вдруг... *(Ходит по саду.)*

Яков. Небольшая собака, с облезлой шерстью. Жадная. Сидит и скалит зубы... Уже сыта, всё ела... но чего-то хочет еще... А чего — не знает... И беспокоится...

Татьяна. Замолчи, Яков!.. Вон идет твой брат.

Яков. Мне не нужен брат! Таня, я понимаю, меня нельзя уже любить... Но все-таки это мне обидно! Обидно... и не мешает мне любить тебя...

Татьяна. Ты бы освежился... Иди, выкупайся...

Захар *(подходя)*. Что? Объявили уже, что завод закрывается?

Татьяна. Не знаю.

Яков. Не объявили, но рабочие знают.

Захар. Почему? Кто сказал им?

Яков. Я. Пошел и сказал.

Полина *(подходит)*. Зачем?

Яков *(пожимая плечами)*. Так... Им это интересно. Я им всё говорю... если они слушают. Они меня любят, я думаю. Им приятно видеть, что брат их хозяина — пьяница. Это должно внушать идею равенства.

Захар. Гм... ты, Яков, часто бываешь на заводе... против этого я, конечно, ничего не имею!.. Но Михаил Васильевич говорит, что иногда ты, раз-

говаривая с рабочими, осуждаешь порядки на заводе...

Яков. Это он врет. Я ничего не понимаю в порядках и беспорядках.

Захар. А также он говорит, что ты иногда приносишь с собой водку...

Яков. Врет. Не приношу, а посылаю за ней, и не иногда, а всегда. Ты же понимаешь, что без водки — я им не интересен!

Захар. Но, Яков, посуди сам, ты — брат хозяина...

Яков. Это не единственный мой недостаток...

Захар (*обиженно*). Ну, я молчу! Молчу! Вокруг меня создается непонятная мне атмосфера враждебности...

Полина. Да, это верно. Ты послушал бы, что тут говорила Надежда!

Пологий (*бежит*). Позвольте сказать... сейчас... сейчас убит господин директор...

Захар. Как?

Полина. Вы... что вы?

Пологий. Совершенно... убит... упал...

Захар. Кто... кто стрелял?

Пологий. Рабочие...

Полина. Схватили их?

Захар. Доктор там?

Пологий. Я не знаю...

Полина. Яков Иванович!.. Да идите вы!

Яков (*разводя руками*). Куда?

Полина. Как это случилось?

Пологий. Господин директор были в агитации... и попали ногой в живот рабочему...

Яков. Идут... Сюда...

(Шум. Ведут Михаила Скроботова, под одну руку Левшин, лысоватый пожилой рабочий, под другую — Николай. Их провожают несколько рабочих и служащих.)

Михаил (*устало*). Оставьте меня... положите...

Николай. Ты видел, кто стрелял?

Михаил. Я устал... я устал...

Н и к о л а й *(настойчиво)*. Ты заметил, кто стрелял?

М и х а и л. Мне больно... Какой-то рыжий... Положите меня... Какой-то рыжий...

(Его укладывают на дерновую скамью.)

Н и к о л а й *(уряднику)*. Вы слышали? Рыжий...
У р я д н и к. Слушаю!..

М и х а и л. А! Теперь всё равно...

Л е в ш и н *(Николаю)*. Вы бы не тревожили его в такую минуту...

Н и к о л а й. Молчать! Где же доктор?.. Доктор где, я спрашиваю?

(Все бестолково суетятся, шепчутся.)

М и х а и л. Не кричи... Мне больно... Дайте же отдохнуть!..

Л е в ш и н. Отдохните, Михаил Васильевич, ничего! Эх, дела человеческие, копеечные дела! Из-за копейки пропадаем... Она и мать нам и смерть наша...

Н и к о л а й. Урядник! Попросите удалиться всех лишних.

У р я д н и к *(негромко)*. Пошел прочь, ребята! Нечего тут смотреть...

З а х а р *(тихо)*. Где же доктор?

Н и к о л а й. Миша!.. Миша!.. *(Наклоняется к брату, и все наклоняются за ним.)* Мне кажется... он скончался... да.

З а х а р. Не может быть! Это обморок.

Н и к о л а й *(медленно, негромко)*. Вы понимаете, Захар Иванович? Он умер...

З а х а р. Но... вы можете ошибиться!

Н и к о л а й. Нет. Это вы поставили его под выстрел, вы!

З а х а р *(поражен)*. Я?

Т а т ь я н а. Как это жестоко... глупо!

Н и к о л а й *(наступая на Захара)*. Да, вы!..

С т а н о в о й *(бежит)*. Где господин директор? Тяжело ранен?

Л е в ш и н. Помер. Торопил, торопил всех, а сам — вот...

Н и к о л а й *(становому)*. Он успел сказать, что его убил какой-то рыжий...

С т а н о в о й. Рыжий?

Н и к о л а й. Да, примите меры... немедленно!

С т а н о в о й *(уряднику)*. Немедленно собрать всех рыжих!

У р я д н и к. Слушаю.

С т а н о в о й. Всех!

(Урядник уходит.)

К л е о п а т р а *(бежит)*. Где он?.. Миша!.. Что такое... обморок? Николай Васильевич... Это обморок? *(Николай отвертывается в сторону)*. Умер? Нет?

Л е в ш и н. Успокоился... Пистолетом грозил. А вот он, пистолет, против него и обернулся.

Н и к о л а й *(глобно, но негромко)*. Вы — прочь! *(Становому)*. Уберите этого!

К л е о п а т р а. Ну, что... что, доктор?

С т а н о в о й *(Левшину, тихо)*. Ты! Пошел!

Л е в ш и н *(тихо)*. Иду. Зачем толкать?

К л е о п а т р а *(негромко)*. Убили?

П о л и н а *(Клеопатре)*. Моя дорогая...

К л е о п а т р а *(негромко, зло)*. Подите прочь! Ведь это ваше дело... ваше!

З а х а р *(подавленно)*. Я понимаю... вы поражены... но зачем же... зачем же так?

П о л и н а *(со слезами)*. Вы подумайте, дорогая, как это страшно!..

Т а т ь я н а *(Полине)*. Ты уйди... Где же доктор?

К л е о п а т р а. Это вы убили его вашей проклятой дряблостью!

Н и к о л а й *(сухо)*. Успокойтесь, Клеопатра! Захар Иванович не может не сознавать своей вины перед нами...

З а х а р *(подавленный)*. Господа... Я не понимаю! Что вы говорите? Разве можно бросать такое обвинение?

П о л и н а. Какой ужас! Боже мой... так безжалостно!

К л е о п а т р а. А, безжалостно? Вы натравили на него рабочих, вы уничтожили среди них его влияние... Они боялись его, они дрожали перед ним... и — вот!

Теперь они убили... Это вы... вы виноваты! На вас его кровь!..

Н и к о л а й. Довольно... не надо кричать!

К л е о п а т р а (*Полине*). Плачете? Пусть она из глаз ваших потечет, его кровь!..

У р я д н и к (*идет*). Ваше благородие!..

С т а н о в о й. Тише, ты!

У р я д н и к. Рыжие готовы!

*(В глубине сада идет генерал, толкая перед собой
Коня, громко хохочет.)*

Н и к о л а й. Тише!..

К л е о п а т р а. Что, убийцы?

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лунная ночь. На земле лежат густые, тяжелые тени. На столе в беспорядке набросано много хлеба, огурцов, ящ, стоят бутылки с пивом. Горят свечи в абажурах. А графена моет посуду. Ягодин, сидя на стуле с палкой в руке, курит. Слева стоят Татьяна, Надя, Левшин. Все говорят тихо, пониженными голосами и как будто прислушиваясь к чему-то. Общее настроение — тревожного ожидания.

Левшин (*Наде*). Всё человеческое на земле — медью отравлено, барышня милая! Вот отчего скучно душе вашей молодой... Все люди связаны медной копеечкой, а вы свободная еще, и нет вам места в людях. На земле каждому человеку копейка звенит: возлюби меня, яко самого себя... А вас это не касается. Птичка не сеет, не жнет.

Ягодин (*Аграфене*). Левшин и господ учить начал... чудаки!

Аграфена. Что ж? Он правду говорит. Немножко правды и господам знать надо.

Надя. Вам очень тяжело жить, Ефимыч?

Левшин. Мне — не очень. У меня детей нет. Баба есть — жена, значит, — а дети все померли.

Надя. Тетя Таня! Почему, когда в доме мертвый, все говорят тихо?..

Татьяна. Я не знаю...

Левшин (*с улыбкой*). Потому, барышня, что виноваты мы перед покойником, кругом виноваты...

Надя. Но ведь не всегда, Ефимыч, людей... вот так... убивают... При всяком покойнике тихо говорят...

Л е в ш и н. Милая,— всех мы убиваем! Которых пулями, которых словами, всех мы убиваем делами нашими. Гоним людей со свету в землю и не видим этого и не чувствуем... а вот когда бросим человека смерти, тогда и пойдем немножко нашу вину перед ним. Станет жалко умершего, стыдно пред ним и страшно в душе... Ведь и нас так же гонят, и мы в могилу приготовлены!..

Н а д я. Да-а... это страшно!

Л е в ш и н. Ничего! Теперь — страшно, а завтра — всё пройдет. И опять начнут люди толкаться... Упадет человек, которого затолкают, все замолчат на минутку, сконфузятся... вздохнут — да и опять за старое!.. Опять своим путем... Темнота! А вот вы, барышня, вины своей не чувствуете: вам и покойники не мешают, вы и при них можете громко говорить...

Т а т ь я н а. Что нужно сделать, чтобы жить иначе?.. Вы знаете?..

Л е в ш и н *(таинственно)*. Копейку надо уничтожить... схоронить ее надо! Ее не будет,— зачем враждовать, зачем теснить друг друга?

Т а т ь я н а. Это — всё?

Л е в ш и н. Для начала — хватит!..

Т а т ь я н а. Хочешь пройтись по саду, Надя?

Н а д я *(задумчиво)*. Хорошо...

(Они идут в глубину сада; Левшин — к столу. У палатки появляются генерал, Конь, Пологий.)

Я г о д и н. Ты, Ефимыч, и на камне сеешь... чудак!

Л е в ш и н. А что?

Я г о д и н. Напрасно стараешься... Разве они поймут? Рабочая душа поймет, а господской это не по недугу...

Л е в ш и н. Девчоночка-то хорошая. Мне про нее Митяйка Греков сказывал...

А г р а ф е н а. Может, еще выпьете чаю?

Л е в ш и н. Это — можно.

(Молчат. Слышен густой голос генерала. Мелькают белые платья Нади и Татьяны.)

Г е н е р а л. Или протянуть через дорогу веревку... так, чтобы ее не видно было... Идет человек и вдруг — хлоп!

П о л о г и й. Приятно видеть, когда человек падает, ваше превосходительство!

Я г о д и н. Слышишь?

Л е в ш и н. Слышу...

К о н ь. Сегодня этого нельзя ничего — покойник в доме. При покойнике не шутят.

Г е н е р а л. Не учить меня! Когда ты умрешь, я плясать буду!

(К столу идут Татьяна и Надя.)

Л е в ш и н. Стар человек!..

А г р а ф ь е н а *(идет к дому)*. Уж так он озорничать любит...

Т а т ь я н а *(садится к столу)*. Ефимыч, скажите, вы — социалист?

Л е в ш и н *(просто)*. Я-то? Нет. Мы вот с Тимофеем ткачи, мы — ткачи...

Т а т ь я н а. А вы знаете социалистов? Слышали о них?

Л е в ш и н. Слышали... Знать — не знаем, а слышали, да!

Т а т ь я н а. Вы Синцова знаете? Конторщика?

Л е в ш и н. Знаем. Мы всех служащих знаем.

Т а т ь я н а. Говорили с ним?

Я г о д и н *(беспокойно)*. О чем нам говорить? Они — наверху, мы — внизу. Придешь в контору, они нам скажут, что им директор велел... и всё! Вот и знакомство.

Н а д я. Вы, кажется, боитесь нас, Ефимыч? Вы не бойтесь, нам интересно...

Л е в ш и н. Зачем бояться? Мы ничего худого не сделали. Нас вот позвали сюда для охраны порядка, — мы пришли. Там народ, который разозлился, говорит: сожжем завод и всё сожжем, одни угли останутся. Ну, а мы против безобразия. Жечь ничего не надо... зачем жечь? Сами же мы строили, и отцы наши, и деды... и вдруг — жечь!

Т а т ь я н а. Вы не думаете ли, что мы расспрашиваем вас с каким-нибудь злым умыслом?

Я г о д и н. Зачем? Мы зла не желаем!

Л е в ш и н. Мы так думаем — что сработано, то свято. Труды людские ценить надо по справедливости, это так, а не жечь. Ну, а народ темен — огонь любит. Обозлились. Покойничек строгонек был с нами, не тем будь помянут! Пистолетом махал... угрожал.

Н а д я. А дядя? Он — лучше?

Я г о д и н. Захар Иванович?

Н а д я. Да! Он — добрый? Или он... тоже обижает вас?

Л е в ш и н. Мы этого не говорим...

Я г о д и н (*узрюмо*). Для нас все одинаковы. И строгие и добрые...

Л е в ш и н (*ласково*). И строгий — хозяин, и добрый — хозяин. Болезнь людей не разбирает.

Я г о д и н (*скучно*). Конечно, Захар Иванович человек с сердцем...

Н а д я. Значит, лучше Скроботова, да?

Я г о д и н (*тихо*). Да ведь директора нет уж...

Л е в ш и н. Дядюшка ваш, барышня, мужчина хороший... Только нам... нам от красоты его не легче.

Т а т ь я н а (*с досадой*). Пойдем, Надя... Они не хотят понять нас... ты видишь!

Н а д я (*тихо*). Да...

(*Молча идут. Левшин смотрит вслед им, потом на Ягодина; оба улыбаются.*)

Я г о д и н. Вот тянут за душу!

Л е в ш и н. Интересно, видишь, им...

Я г о д и н. А может, думают, и сболтнут чего-нибудь.

Л е в ш и н. Барышня-то хорошая... Жаль — богатая!

Я г о д и н. Матвею-то Николаевичу надо сказать... барыня, мол, расспрашивает...

Л е в ш и н. Скажем. И Грекову Митяйке скажем.

Я г о д и н. Как-то там, а? Должны нам уступить...

Л е в ш и н. Уступят. А погода опять наступят.

Я г о д и н. На горло нам...

Л е в ш и н. А как же?

Я г о д и н. Да-а... Спать хочется!

Л е в ш и н. Потерпи... Вон генерал идет.

(Генерал. Рядом с ним почтительно шагает Пологий, свади — Конь. Пологий вдруг подхватывает генерала под руку.)

Г е н е р а л. Что такое?

П о л о г и й. Ямочка!..

Г е н е р а л. А!.. Что тут на столе? Дрянь какая-то. Это вы ели?

Я г о д и н. Так точно... Барышня тоже с нами кушали.

Г е н е р а л. Ну, что же?.. Охраняете, а?

Я г о д и н. Так точно... караулим.

Г е н е р а л. Молодцы! Скажу про вас губернатору. Вас сколько тут?

Л е в ш и н. Двое.

Г е н е р а л. Дурак! Я умею считать до двух... Сколько всех?

Я г о д и н. Человек тридцать.

Г е н е р а л. Оружие есть?

Л е в ш и н *(Ягодину)*. Тимофёй, у тебя где писто-лет?

Я г о д и н. Вот он.

Г е н е р а л. Не бери за дуло... чёрт! Конь, научи болванов, как надо держать оружие в руке. *(Левшину.)*

У тебя есть револьвер?

Л е в ш и н. Не-ет, у меня нет!

Г е н е р а л. Что же, если мятежники придут, вы будете стрелять?

Л е в ш и н. Они не придут, ваше превосходительство... так это они: погорячились, и — прошло.

Г е н е р а л. А если придут?

Л е в ш и н. Обиделись они очень... по случаю закрытия завода... Некоторые детей имеют...

Г е н е р а л. Что ты мне поешь! Я спрашиваю — стрелять будешь?

Л е в ш и н. Да мы, ваше превосходительство, готовы... почему же не пострелять? Только не умеем мы. И — не из чего. Из ружей бы... Из пушек.

Г е н е р а л. Конь! Иди, научи их... Ступай туда, к реке...

К о н ь (*угрюмо*). Докладаю вашему превосходительству — ночь теперь. И произойдет возбуждение, если стрелять. Прилетит народ. А мне — как желаете.

Г е н е р а л. Отложить до завтра!

Л е в ш и н. А завтра всё будет тихо. Завод откроют...

Г е н е р а л. Кто откроет?

Л е в ш и н. Захар Иванович. Он теперь насчет этого собеседует с рабочими...

Г е н е р а л. Чёрт! Я бы этот завод закрыл навсегда. Не свисти рано утром!..

Я г о д и н. Позднее и нам бы лучше...

Г е н е р а л. А вас всех — уморить голодом! Не бунтуй!

Л е в ш и н. Да мы разве бунтуем?

Г е н е р а л. Молчать! Вы чего тут торчите? Вы должны ходить вдоль забора... и если кто полезет — стрелять... Я отвечаю!

Л е в ш и н. Идем, Тимофей! Пистолет-то захвати.

Г е н е р а л (*вслед им*). Пистолет!.. Ослы зеленые! Даже оружия не могут правильно назвать...

П о л о г и й. Осмелюсь доложить вашему превосходительству — народ вообще грубый и зверский... Возьму свой случай: имея огород, собственноручно развожу в нем овощи...

Г е н е р а л. Да. Это похвально!

П о л о г и й. Работаю по мере свободного времени...

Г е н е р а л. Все должны работать!

(*Татьяна и Надя.*)

Т а т ь я н а (*издали*). Зачем вы так кричите?

Г е н е р а л. Меня раздражают. (*Пологому.*) Ну?

П о л о г и й. Но почти каждую ночь рабочие похищают плоды моих трудов...

Г е н е р а л. Воруют?

Пологий. Именно! Ищу защиты закона, но оный представлен здесь господином становым приставом, личностью, равнодушной к бедствиям населения...

Татьяна (*Пологому*). Послушайте, зачем вы говорите таким глупым языком?

Пологий (*смущен*). Я? Извините!.. Но я три года учился в гимназии и ежедневно читаю газету...

Татьяна (*улыбаясь*). Ах, вот что...

Надя. Вы очень смешной, Пологий!

Пологий. Если это вам приятно, я очень рад! Человек должен быть приятен.

Генерал. Вы рыбу удить любите?

Пологий. Не пробовал, ваше превосходительство!

Генерал (*пожимая плечами*). Станный ответ.

Татьяна. Чего не пробовали — удить или любить?

Пологий (*сконфузился*). Первое.

Татьяна. А второе?

Пологий. Второе пробовал.

Татьяна. Вы женаты?

Пологий. Только мечтаю об этом... Но, получая всего 25 рублей в месяц (*быстро идут Николай и Клеопатра*) — не могу решиться.

Николай (*обозлен*). Нечто изумительное! Полный хаос!

Клеопатра. Как он смеет? Как он мог!..

Генерал. В чем дело?

Клеопатра (*кричит*). Ваш племянник — тряпка! Он согласился на все требования бунтовщиков... убийц моего мужа!

Надя (*тихо*). Но разве все они убийцы?

Клеопатра. Это глумление над трупом... и надо мной! Открыть завод в то время, когда еще не похоронен человек, которого мерзавцы убили именно за то, что он закрыл завод!

Надя. Но дядя боится, что они всё сожгут...

Клеопатра. Вы ребенок... и должны молчать.

Николай. А речь этого мальчишки!.. Явная проповедь социализма...

Клеопатра. Какой-то конторщик всем рас-

поряжается, дает советы... осмелился сказать, что преступление было вызвано самим покойным!..

Н и к о л а й (*записывая что-то в записную книжку*). Этот человек подозрителен,— он слишком умен для конторщика...

Т а т ь я н а. Вы говорите о Синцове?

Н и к о л а й. Именно.

К л е о п а т р а. Я чувствую, что мне как будто плюнули в лицо...

П о л о г и й (*Николаю*). Позвольте заметить: читая газеты, господин Синцов всегда рассуждает о политике и очень пристрастно относится к властям...

Т а т ь я н а (*Николаю*). Вам это интересно слышать?

Н и к о л а й (*с вызовом*). Да, интересно!.. Вы думаете меня смутить?

Т а т ь я н а. Я думаю, что господин Пологий лишний здесь...

П о л о г и й (*смущенно*). Извините... я уйду! (*Уходит спешно.*)

К л е о п а т р а. Он идет сюда... я не хочу, не могу его видеть! (*Быстро уходит.*)

Н а д я. Что такое творится?

Г е н е р а л. Я слишком стар для такой канители. Убивают, бунтуют!.. Пригласив меня к себе отдыхать, Захар должен был предвидеть... (*Появляется Захар; взволнован, но доволен. Видит Николая, смущенно останавливается, поправляет очки.*) Послушай, дорогой племянник... э... ты понимаешь свои поступки?

З а х а р. Подождите, дядя, минутку... Николай Васильевич!

Н и к о л а й. Да-с...

З а х а р. Рабочие были так возбуждены... И боясь разгрома завода... я удовлетворил их требование не прекращать работ. А также насчет Дичкова... Я поставил им условие — выдать преступника, и они уже принялись искать его...

Н и к о л а й (*сухо*). Они могли бы не беспокоиться об этом. Мы найдем убийцу без их помощи.

З а х а р. Мне кажется, лучше, если они сами... да... Завод мы решили открыть завтра с полудня...

Н и к о л а й. Кто это — мы?

З а х а р. Я...

Н и к о л а й. Ага... Благодарю за сообщение... Однако мне кажется, что после смерти брата его голос переходит ко мне и к его жене, и, если я не ошибаюсь, вы должны были посоветоваться с нами, а не решать вопроса единолично...

З а х а р. Но я вас приглашал! Синцов ходил за вами... вы отказались...

Н и к о л а й. Согласитесь, что мне трудно в день смерти брата заниматься делами!

З а х а р. Но ведь вы были там, на заводе!

Н и к о л а й. Да, был. Слушал речи... ну, что ж из этого?

З а х а р. Но поймите — покойный, оказывается, отправил в город телеграмму... он просил солдат. Ответ получен — солдаты придут завтра до полудня...

Г е н е р а л. Ага! Солдаты? Вот это так! Солдаты — это не шутка!

Н и к о л а й. Мера разумная...

З а х а р. Не знаю! Придут солдаты... настроение рабочих повысится... И бог знает что может случиться, если не открыть завод! Мне кажется, я поступил разумно... возможность кровавого столкновения теперь исчезла...

Н и к о л а й. У меня иной взгляд... Вы не должны были уступать этим... людям, хотя бы из уважения к памяти убитого...

З а х а р. Ах, боже мой... Но вы ничего не говорите о возможной трагедии!

Н и к о л а й. Это меня не касается.

З а х а р. Ну да... но я-то? Ведь я должен буду жить с рабочими! И если прольется их кровь... Наконец они могли разбить весь завод!

Н и к о л а й. В это я не верю.

Г е н е р а л. Я тоже!

З а х а р *(подавлен)*. Итак, вы осуждаете меня?

Н и к о л а й. Да, осуждаю!

З а х а р *(искренно)*. Зачем... зачем вражда? Я ведь хочу одного — избежать возможного... я не хочу крови. Неужели неосуществимо мирное, разумное

течение жизни? А вы смотрите на меня с ненавистью, рабочие — с недоверием... Я же хочу добра... только добра!

Г е н е р а л. Что такое — добро? Даже не слово, а буква... Глаголь, добро... А делай — дело... Как сказано, а?

Н а д я *(со слезами)*. Молчи, дед! Дядя... успокойся... он не понимает!.. Ах, Николай Васильевич, — как вы не понимаете? Вы такой умный... Почему вы не верите дяде?

Н и к о л а й. Извините, Захар Иванович, я уйду. Я не могу вести деловые разговоры с участием детей... *(Идет прочь.)*

З а х а р. Вот видишь, Надя...

Н а д я *(берет его за руку)*. Это ничего, ничего... Знаешь, главное, чтобы рабочие были довольны... их так много, их больше, чем нас!..

З а х а р. Подожди... я должен тебе сказать... я очень недоволен тобой, да!

Г е н е р а л. Я тоже!

З а х а р. Ты симпатизируешь рабочим... Это естественно в твои годы, но не надо терять чувства меры, дорогая моя! Вот ты утром привела к столу этого Грекова... Я его знаю, он очень развитой парень, — однако тебе не следовало из-за него устраивать тете сцену.

Г е н е р а л. Хорошенько ее!

Н а д я. Но ведь ты не знаешь, как это было...

З а х а р. Я знаю больше тебя, поверь мне! Народ наш груб, он некультурен... и, если протянуть ему палец, он хватает всю руку...

Т а т ь я н а. Как утопающий — соломинку.

З а х а р. В нем, мой друг, много животной жадности, и его нужно не баловать, а воспитывать... да! Ты, пожалуйста, подумай над этим.

Г е н е р а л. А теперь я скажу. Ты обращаешься со мной чёрт знает как, девчонка! Напоминаю тебе, что ты моей ровесницей будешь лет через сорок... тогда я, может быть, позволю тебе говорить со мной, как с равным. Поняла? Конь!

К о н ь *(за деревьями)*. Здесь!

Г е н е р а л. Где этот... как его, штопор?

К о н ь. Какой штопор?

Г е н е р а л. Этот... как его? Плоский... Ползучий...

К о н ь. Пологий. Не знаю.

Г е н е р а л *(идет в палатку)*. Найди!

(Захар, опустив голову и вытирая платком очки, ходит; Надя задумчиво сидит на стуле; Татьяна стоит, наблюдая.)

Т а т ь я н а. Известно, кто убил?

З а х а р. Они говорят — не знаем, но — найдем... Конечно, они знают. Я думаю... *(Оглядываясь, понижает голос.)* Это коллективное решение... заговор! Говоря правду, он раздражал их, даже издевался над ними. В нем была такая болезненная особенность... он любил власть... И вот они... ужасно это, ужасно своей простотой! Убили человека и смотрят такими ясными глазами, как бы совершенно не понимая своего преступления... Так страшно просто!

Т а т ь я н а. Говорят, Скроботов хотел стрелять, но кто-то из них вырвал у него револьвер и...

З а х а р. Это всё равно. Убили они... а не он...

Н а д я. Ты бы сел... а?

З а х а р. Зачем он вызвал солдат? Они об этом узнали... они всё знают! И это ускорило его смерть. Я, конечно, должен был открыть завод... в противном случае, я надолго испортил бы мои отношения с ними. Теперь такое время, когда к ним необходимо относиться более внимательно и мягко... и кто знает, чем оно может кончиться? В такие эпохи разумный человек должен иметь друзей в массах... *(Левшин идет в глупине сцены.)* Это кто идет?

Л е в ш и н. Это мы ходим... охраняем.

З а х а р. Что, Ефимыч, убили человека, а теперь вот стали ласковые, смиренные, а?

Л е в ш и н. Мы, Захар Иванович, всегда такие... смиренные.

З а х а р *(внушительно)*. Да. И смиренно убиваете?.. Кстати, ты, Левшин, что-то там проповедуешь... какое-то новое учение — не нужно денег, не нужно хозяев и прочее... Это простительно... т. е.

понятно у Льва Толстого, да... Ты бы, мой друг, прекратил это! Из таких разговоров ничего хорошего для тебя не будет.

(Татьяна и Надя идут направо, где звучат голоса Синцова и Якова; из-за деревьев появляется Ягодин.)

Левшин *(спокойно)*. Да я что говорю? Пожил, подумал, ну и говорю...

Захар. Хозяева — не звери, вот что надо понимать... Ты знаешь — я не злой человек, я всегда готов помочь вам, я желаю добра...

Левшин *(вздыхнув)*. Кто себе зла желает?

Захар. Ты пойми — я вам, вам хочу добра!

Левшин. Мы понимаем...

Захар *(посмотрев на него)*. Нет, ты ошибаешься. Вы не понимаете. Странные вы люди! То — звери, то — дети... *(Идет прочь. Левшин, опираясь руками на палку, смотрит вслед ему.)*

Ягодин. Опять проповедь читал?

Левшин. Китаец... Совсем китаец... Что говорит? Ничего, кроме себя, не может понять...

Ягодин. Добра, говорит, хочу...

Левшин. Вот, вот!

Ягодин. Идем... а то вон они!..

(Идут в глубину сцены. Справа Татьяна, Надя, Яков, Синцов.)

Надя. Кружимся мы все, ходим... точно во сне.

Татьяна. Хотите закусить, Матвей Николаевич?

Синцов. Дайте лучше стакан чаю... Я сегодня говорил, говорил... даже горло болит!

Надя. Вы ничего не боитесь?

Синцов *(садясь за стол)*. Я? Ничего!

Надя. А мне страшно!.. Вдруг всё как-то спуталось, и я уж и не понимаю... где хорошие люди, где — дурные?

Синцов *(улыбаясь)*. Распутается. Вы только не бойтесь думать... думайте бесстрашно, до конца!.. Вообще — бояться нечего.

Татьяна. Вы полагаете — всё успокоилось?

Синцов. Да. Рабочие редко побеждают, и даже маленькие победы дают им большое удовлетворение...

Надя. Вы их любите?

Синцов. Это не то слово. Я с ними долго жил, знаю их, вижу их силу... верю в их разум...

Татьяна. И в то, что им принадлежит будущее?

Синцов. И в это.

Надя. Будущее... Вот чего я не могу себе представить.

Татьяна (*усмехаясь*). Они очень хитрые, эти ваши пролетарии! Мы с Надей пробовали говорить с ними... вышло глупо...

Надя. Обидно даже. Старик говорил так, точно мы обе — какие-то нехорошие люди... шпионы, что ли! Тут есть другой... Греков... он иначе смотрит на людей. А старик всё улыбается... И — так, точно ему жалко нас, точно мы больные!..

Татьяна. Не пей ты так много, Яков! Неприятно смотреть.

Яков. Что ж мне делать?

Синцов. Разве уж нечего?

Яков. Питаю отвращение... непобедимое отвращение к деловитости и к делам. Я, видите ли, человек третьей группы...

Синцов. Как?

Яков. Так уж! Люди делятся на три группы: одни — всю жизнь работают, другие — копят деньги, а третьи — не хотят работать для хлеба, — это же бессмысленно! — и не могут копить денег — это и глупо и неловко как-то. Так вот я — из третьей группы. К ней принадлежат все лентяи, бродяги, монахи, нищие и другие приживалы мира сего.

Надя. Скучно ты говоришь, дядя! И совсем ты не такой, а просто — ты добрый, мягкий.

Яков. То есть никуда не погужь. Я это понял еще в школе. Люди уже в юности делятся на три группы...

Татьяна. Надя верно сказала: это скучно, Яков...

Яков. Согласен. Матвей Николаевич, как вы думаете, жизнь имеет лицо?

С и н ц о в. Может быть...

Я к о в. Имеет. Оно всегда — молодое. Не так давно жизнь смотрела на меня равнодушно, а теперь смотрит строго и спрашивает... спрашивает: «Вы кто такой? Вы куда идете, а?» *(Он испуган чем-то, хочет улыбнуться, но губы у него дрожат, не слушаются, лицо искажает жалкая гримаса.)*

Т а т ь я н а. Ты оставь это, пожалуйста, Яков!.. Вон прокурор гуляет... мне бы не хотелось, чтобы ты при нем говорил.

Я к о в. Хорошо.

Н а д я *(тихо)*. Все чего-то ждут... и боятся. Почему мне запрещают знакомиться с рабочими? Это глупо!

Н и к о л а й *(подходит)*. Могу я попросить стакан чая?

Т а т ь я н а. Пожалуйста.

(Несколько секунд все сидят молча. Николай стоит, размешивая ложкой чай.)

Н а д я. Я хотела бы понять, почему рабочие не верят дяде, и вообще...

Н и к о л а й *(угрюмо)*. Они верят только тем, которые обращаются к ним с речами на тему «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»... В это они верят!

Н а д я *(поводя плечами, тихо)*. Когда я слышу эти слова... этот всемирный созыв... мне кажется, что все мы на земле — лишние...

Н и к о л а й *(возбуждаясь)*. Конечно! Так должен себя чувствовать каждый культурный человек. И скоро, я уверен, на земле раздастся другой клич: «Культурные люди всех стран, соединяйтесь!» Пора кричать это, пора! Идет варвар, чтобы растоптать плоды тысячелетних трудов человечества. Он идет, движимый жадностью...

Я к о в. А душа у него в животе, в голодном животе... Картина, возбуждающая жажду. *(Наливает себе пива.)*

Н и к о л а й. Идет толпа, движимая жадностью, организованная единством своего желания — жрать!

Т а т ь я н а (*задумчиво*). Толпа... Всюду толпа: в театре, в церкви...

Н и к о л а й. Что могут внести с собой эти люди? Ничего, кроме разрушения... И, заметьте, у нас это разрушение будет ужаснее, чем где-либо...

Т а т ь я н а. Когда я слышу о рабочих как о передовых людях, мне это странно! Это далеко от моего понимания...

Н и к о л а й. А вы, господин Синцов... вы, конечно, не согласны с нами?..

С и н ц о в (*спокойно*). Нет.

Н а д я. Помнишь, тетя Таня, старик говорил о копейке? Это ужасно просто.

Н и к о л а й. Почему же вы не согласны, господин Синцов?

С и н ц о в. Иначе думаю.

Н и к о л а й. Вполне резонный ответ! Но, быть может, вы поделитесь с нами вашими взглядами?

С и н ц о в. Нет, мне не хочется.

Н и к о л а й. Крайне сожалею! Утешаюсь надеждой, что, когда мы встретимся с вами еще раз, ваше настроение изменится. Яков Иванович, если можно, я попрошу вас... проводите меня! Я до такой степени расстроил нервы...

Я к о в (*вставая с трудом*). Пожалуйста. Пожалуйста...

(*Идут.*)

Т а т ь я н а. Этот прокурор — противная фигура. Мне неприятно соглашаться с ним.

Н а д я (*встала*). Почему же ты соглашаешься?

С и н ц о в (*усмехаясь*). Почему, Татьяна Павловна?

Т а т ь я н а. Я сама чувствую так же...

С и н ц о в (*Татьяне*). Вы думаете так, но чувствуете иначе, чем он. Вы хотите понять, он об этом не заботится... ему понимать не нужно!

Т а т ь я н а. Вероятно, он очень жесток.

С и н ц о в. Да. Там, в городе, он ведет политические дела и отвратительно относится к арестованным.

Т а т ь я н а. Кстати, он что-то записывал себе в книжку о вас.

С и н ц о в *(с улыбкой)*. Вероятно, записывал. Беседует с Пологим... вообще — работает!.. Татьяна Павловна, у меня к вам есть просьба...

Т а т ь я н а. Пожалуйста... поверьте, если я могу, я сделаю с удовольствием!

С и н ц о в. Спасибо. Вероятно, вызваны жандармы.

Т а т ь я н а. Да, вызваны.

С и н ц о в. Значит, будут обыски... Вы не можете мне кое-что спрятать?

Т а т ь я н а. Вы думаете, у вас будет обыск?

С и н ц о в. Наверное.

Т а т ь я н а. И могут арестовать?

С и н ц о в. Не думаю. За что?.. Говорил речи? Но Захар Иванович знает, что я в этих речах призвал рабочих к порядку...

Т а т ь я н а. А в прошлом у вас ничего?

С и н ц о в. У меня нет прошлого... Так вот, можете вы мне? Я не беспокоил бы вас... но я думаю, что все, кто мог бы спрятать эти вещи, завтра будут обысканы. *(Смеется тихонько.)*

Т а т ь я н а *(смущена)*. Я буду говорить открыто... Мое положение в доме не позволяет мне смотреть на комнату, отведенную мне, как на мою...

С и н ц о в. Не можете, значит? Ну что ж...

Т а т ь я н а. Не обижайтесь на меня!

С и н ц о в. О нет! Ваш отказ понятен...

Т а т ь я н а. Но подождите, я поговорю с Надей...

(Идет. Синцов барабанит пальцами по столу, глядя след ей. Слышны осторожные шаги.)

С и н ц о в *(тихо)*. Кто это?

Г р е к о в. Я. Вы одни?

С и н ц о в. Да. Там ходят люди... Что на заводе?

Г р е к о в *(усмехаясь)*. Вы знаете, они решили найти стрелявшего. Теперь там производят следствие. Некоторые кричат: «Социалисты убили!» Вообще задела шкура свою скверную песню.

С и н ц о в. Вы знаете — кто?

Г р е к о в. Акимов.

С и н ц о в. Неужели? Эх... не ожидал! Такой славный, разумный парень...

Г р е к о в. Горяч он. Хочет заявить... У него жена, ребенок... ждут другого... Сейчас я говорил с Левшиным. Он, конечно, сочиняет фантазии: надо, говорит, подменить Акимова кем-нибудь помельче...

С и н ц о в. Чудак... Но как это досадно! *(Пауза.)* Вот что, Греков, зарывайте всё в землю... Спрятать негде.

Г р е к о в. Я нашел место. Телеграфист согласился всё взять. Вам бы, Матвей Николаевич, уйти отсюда!

С и н ц о в. Нет, я не уйду.

Г р е к о в. Арестуют вас.

С и н ц о в. Ну что ж! А если я уйду — это произведет скверное впечатление на рабочих.

Г р е к о в. Это — так... Но жалко вас...

С и н ц о в. Чепуха. А вот Акимова жалко.

Г р е к о в. Да. И ничем не поможешь! Хочет заявить... А смешно на вас смотреть в роли начальника охраны хозяйской собственности!

С и н ц о в *(улыбаясь)*. Что поделаешь? Команда моя, кажется, спит?

Г р е к о в. Нет. Собрались кучками, рассуждают. Хорошая ночь!

С и н ц о в. Я бы тоже ушел отсюда... да вот жду... Вас, наверное, тоже арестуют.

Г р е к о в. Посидим! Иду. *(Уходит.)*

С и н ц о в. До свидания. *(Татьяна идет.)* Не трудитесь, Татьяна Павловна, всё устроилось. До свидания!

Т а т ь я н а. Мне, право, очень грустно...

С и н ц о в. Доброй ночи!

(Уходит. Татьяна тихо шагает, глядя на носки своих туфель. Идет Яков.)

Я к о в. Почему ты не идешь спать?

Т а т ь я н а. Не хочу. Я думаю уехать отсюда...

Я к о в. Да. А вот мне — некуда ехать... я проехал уже мимо всех континентов и островов.

Т а т ь я н а. Здесь тяжело. Всё качается и странно кружит голову. Приходится лгать, а я этого не люблю.

Яков. Гм... Ты этого не любишь... к сожалению, для меня... к сожалению...

Татьяна (*говорит сама себе*). Но сейчас — я солгала. Надя, конечно, согласилась бы спрятать эти вещи... но я не имею права толкать ее на такую дорогу.

Яков. О ком ты говоришь?

Татьяна. Я? Так это... Странно всё... еще недавно жизнь была ясна, желания определенны...

Яков (*тихо*). Талантливые пьяницы, красивые бездельники и прочие веселых специальностей люди, увы, перестали обращать на себя внимание!.. Пока мы стояли вне скучной суеты — нами любовались... Но суета становится всё более драматической... Кто-то кричит: эй, комики и забавники, прочь со сцены!.. Но сцена — это уже твоя область, Таня!

Татьяна (*беспокойно*). Моя область?.. Я думала, что я стою на сцене твердо... могу вырасти высоко... (*С тоской и с силой.*) Мне тяжело, мне неловко перед людьми, которые смотрят на меня холодными глазами и молча говорят: «Мы это знаем. Это старо и скучно!» Я чувствую себя слабой, безоружной перед ними... я не могу взять их, не могу возбудить!.. Я хочу дрожать от страха, от радости, я хочу говорить слова, полные огня, страсти, гнева... слова, острые, как ножи, горящие, точно факелы... я хочу бросить их людям множество, бросить щедро, страшно!.. Пусть люди вспыхнут, закричат, бросятся бежать... Но таких слов — нет. Я останавливаю их и снова бросаю им слова, прекрасные, как цветы, полные надежды, радости, любви!.. Все плачут... и я тоже... такими хорошими слезами плачу!.. Мне аплодируют, цветы меня душат... меня несут на руках... На минуту я владыка людей... в этой минуте жизнь... вся жизнь в одной минуте! Но — живых слов нет.

Яков. Мы все умеем жить только минутами...

Татьяна. Всё лучшее всегда в одной минуте. Как хочется других людей — более отзывчивых, — другой жизни, не такой суетливой... жизни, в которой искусство было бы всегда необходимо... всем и всегда! Чтобы я не была лишней... (*Яков смотрит во тьму,*

широко открыв глаза.) Зачем ты так пьешь? Это убило тебя... Ты был красив...

Яков. Оставь...

Татьяна. Ты чувствуешь, как мне тяжело?

Яков *(с ужасом)*. Как бы я ни был пьян — я всё понимаю... вот несчастье! Мозг с проклятой настойчивостью работает, работает... всегда! И передо мною — морда, широкая неумытая морда с огромными глазами, которые спрашивают: «Ну?» Понимаешь, она спрашивает только одно слово: «Ну?»

Полина *(бежит)*. Таня!.. Таня, прошу тебя, иди туда... Эта Клеопатра... она сошла с ума! Она всех оскорбляет... Ты, может быть, успокоишь ее.

Татьяна *(тоскливо)*. Ах, да отстаньте вы от меня с вашими дрязгами! Съешьте скорее друг друга, но не мечитесь, не путайтесь под ногами у людей!

Полина *(испугалась)*. Таня!.. Что ты? Что с тобой?

Татьяна. Что вам нужно? Чего вы хотите?

Полина. Да ты посмотри на нее... она идет сюда!

Захар *(его еще не видно)*. Я вас прошу — замолчите наконец.

Клеопатра *(так же)*. Вы... это вы должны молчать передо мной!..

Полина. Она будет кричать здесь... тут ходят мужики... это ужасно! Таня, я прошу тебя...

Захар *(идет)*. Послушайте... я, кажется, с ума сойду!

Клеопатра *(идет за ним)*. Вы от меня не убежите, я вас заставлю выслушать меня!.. А, вы заигрывали с рабочими, вам нужно их уважение, и вы бросаете им жизнь человека, точно кусок мяса злым собакам! Вы гуманисты за чужой счет, за счет чужой крови!

Захар. Что она говорит?

Яков *(Татьяне)*. Ты ушла бы. *(Уходит.)*

Полина. Сударыня! Мы порядочные люди и не можем позволить кричать на нас женщине с такой репутацией...

Захар *(испуганно)*. Молчи, Полина... ради бога!

Клеопатра. Почему вы порядочные люди?

Потому что болтаете о политике? О несчастиях народа? О прогрессе и гуманности, да?

Т а т ь я н а. Клеопатра Петровна!.. Довольно!

К л е о п а т р а. Я не говорю с вами, нет! Вы здесь лишняя, это не ваше дело!.. Мой муж был честный человек... прямой и честный... Он знал народ лучше вас... Он не болтал, как вы... А вы вашими подлыми глупостями предали, убили его!

Т а т ь я н а *(Полине и Захару)*. Да уйдите вы!

К л е о п а т р а. Я сама уйду!.. Вы ненавистны мне... все ненавистны! *(Уходит.)*

З а х а р. Вот бешеная баба... а?

П о л и н а *(со слезами)*. Нужно бросить всё... нужно уехать! Так оскорблять людей...

З а х а р. И почему она так?.. Если бы она любила мужа, жила с ним в мире... А то меняет каждый год по два любовника... и в то же время — кричит!

П о л и н а. Нужно продать завод!

З а х а р *(с досадой)*. Бросить, продать... это не так, не то! Надо подумать... хорошенько подумать!.. Вот я сейчас говорил с Николаем Васильевичем... эта баба ворвалась и помешала нам...

П о л и н а. Он ненавидит нас, Николай Васильевич... он зол!

З а х а р *(успокаиваясь)*. Он слишком озлоблен и потрясен, но он умный человек, и у него нет причины ненавидеть нас. Его связывают со мной теперь, после смерти Михаила, вполне реальные интересы... да!

П о л и н а. Я ему не верю, я боюсь его... он тебя обманет!

З а х а р. Ах, Полина, это всё пустяки!.. Он очень разумно судит... да! Дело в том, что в моих отношениях с рабочими я выбрал шаткую позицию... в этом надо сознаться. Вечером, когда я говорил с ними... о, Полина, эти люди слишком враждебно настроены...

П о л и н а. Я говорила тебе... говорила! Они всегда — враги! *(Татьяна идет прочь и тихо смеется. Полина глядит на нее и, нарочно повышая голос, продолжает.)* Нам все враги! Все завидуют... и потому бросаются на нас!..

Захар *(быстро ходит)*. Ну да... отчасти так, конечно! Николай Васильевич говорит: не борьба классов, а борьба рас — белой и черной!.. Это, разумеется, грубо, это натяжка... но если подумать, что мы, культурные люди, мы создали науки, искусства и прочее... Равенство... физиологическое равенство... гм... Хорошо. Но сначала — будьте людьми, приобщитесь культуре... потом будем говорить о равенстве!..

Полина *(вслушиваясь)*. Это новое у тебя...

Захар. Это схематично, недодумано... Надо понять себя, вот в чем дело!

Полина *(берет его за руку)*. Ты слишком мягок, мой друг, вот отчего тебе так трудно!

Захар. Мы мало знаем и часто удивляемся... Вот, например, Синцов — он удивил меня, расположил меня к себе... такая простота, такая ясная логика!.. Оказывается, он социалист, вот откуда простота и логика!..

Полина. Да, да... он обращает на себя внимание... такое неприятное лицо!.. Но ты отдохнул бы... пойдём, а?

Захар *(идет за ней)*. И еще один рабочий, Греков... ужасно заносчив! Сейчас нам с Николаем Васильевичем вспомнилась его речь... Мальчишка... но так говорит... с таким нахальством...

(Ушли. Тишина. Где-то поют песню. Потом раздаются тихие голоса. Появляются Ягодин, Левшин и Рябцов, молодой парень. Он часто встряхивает головой; лицо добродушное, круглое. Все трое останавливаются у деревьев.)

Левшин *(тихо, таинственно)*. Тут, Пашок, дело товарищеское.

Рябцов. Знаю я...

Левшин. Дело общее, человеческое... Теперь, брат, всякая хорошая душа большую цену имеет. Поднимается народ разумом, слушает, читает, думает... Люди, которые кое-что поняли, — дороги...

Ягодин. Это верно, Пашок...

Рябцов. Знаю... Чего же? Я пойду.

Л е в ш и н. Зря никуда идти не надо, — надо по-
пытать... Ты молодой, а это — каторга...

Р я б ц о в. Ничего. Я убегу...

Я г о д и н. Может, и не каторга!.. Для каторги
тебе, Пашок, года не вышли...

Л е в ш и н. Будем говорить — каторга! В этом
деле страшнее — лучше. Ежели человек и каторги не
боится, значит, решил твердо!

Р я б ц о в. Я решил.

Я г о д и н. Погоди. Подумай...

Р я б ц о в. Чего же думать? Убили, так кто-нибудь
должен терпеть за это...

Л е в ш и н. Верно! Должен. А ежели одному не
пойти — многих потревожат. Потревожат лучших, ко-
торые дороже тебя, Пашок, для товарищеского дела.

Р я б ц о в. Да ведь я ничего не говорю. Хоть
молодой, а я понимаю — нам надо цепью... крепче
друг за друга...

Л е в ш и н *(вздыхнув)*. Верно.

Я г о д и н *(улыбаясь)*. Соединимся, окружим, тис-
нем — и готово.

Р я б ц о в. Ладно. Чего же? Я один, мне и следует.
Только противно, что за такую кровь...

Л е в ш и н. За товарищей, а не за кровь.

Р я б ц о в. Нет, я про то, что человек он был нена-
вистный... Злой очень...

Л е в ш и н. Злого и убить. Добрый сам помрет,
он людям не помеха.

Р я б ц о в. Ну, всё?

Я г о д и н. Всё, Пашок! Так, значит, завтра ут-
ром скажешь?

Р я б ц о в. Да чего же до завтра-то? Я говорю —
я иду.

Л е в ш и н. Нет, ты лучше завтра скажи! Ночь,
как мать, она добрая советчица...

Р я б ц о в. Ну, ладно... Я пойду теперь.

Л е в ш и н. С богом!

Я г о д и н. Иди, брат, иди твердо...

*(Рябцов уходит не спеша. Ягодин вертит палку в ру-
ках, рассматривая ее. Левшин смотрит в небо.)*

Левшин *(тихо)*. Хороший народ расти начал, Тимофей!

Ягодин. По погоде и... урожай!

Левшин. Этак-то пойдет, выправимся мы.

Ягодин *(грустно)*. Жалко парня-то...

Левшин *(тихо)*. Как не жалко! И мне жалко. Вот, иди-ка в тюрьму, да еще по нехорошему делу. Одно ему утешение — за товарищей пропал.

Ягодин. Да...

Левшин. Ты... Молчи уж!.. Эх, напрасно Андрей курок спустил! Что сделаешь убийством? Ничего не сделаешь! Одного пса убить — хозяину другого купить... вот и вся сказка!..

Ягодин *(грустно)*. Сколько нашего брата погибает...

Левшин. Идем, караульный, хозяйское добро сторожить! *(Идут.)* О господи!..

Ягодин. Чего ты?

Левшин. Тяжело! Скорее бы распутать жизнь-то!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Большая комната в доме Бардиных. В задней стене четыре окна и дверь, выходящие на террасу; за стеклами видны солдаты, жандармы, группа рабочих, среди них Л е в ш и н, Г р е к о в. Комната имеет нежпокой вид: мебели мало, она стара, разнообразна, на стенах отклеились обои. У правой стены поставлен большой стол. К о н ь сердито двигает стульями, расставляя их вокруг стола. А г р а ф е н а метет пол. В левой стене большая двустворчатая дверь, в правой — тоже.

А г р а ф е н а. На меня сердиться не за что...

К о н ь. Я не сержусь. Мне наплевать на всех... я, слава богу, умру скоро... У меня уж сердце оставливается.

А г р а ф е н а. Все умрем... хвастаться нечем...

К о н ь. Будет уж... омерзело всё! В шестьдесят пять лет — пакости, как орехи... зубов у меня нет заниматься ими... Нахватали народу... мочат его на дожде...

(Из левой двери выходят ротмистр Бобоедов и Николай.)

Б о б о е д о в *(весело)*. Вот и зал заседания, чудесно! Так, значит, вы при исполнении служебных обязанностей?

Н и к о л а й. Да, да! К о н ь, позовите вахмистра!

Б о б о е д о в. И мы подаем это блюдо так: в центре этот... как его?

Н и к о л а й. Синцов.

Б о б о е д о в. Синцов... трогательно! А вокруг него — пролетарии всех стран?.. Так! Это радует душу... А милый человек здешний хозяин... очень! У нас о нем

думали хуже. Свояченицу его я знаю — она играла в Воронеже... превосходная актриса, должен сказать. (*Квач входит с террасы.*) Ну что, Квач?

К в а ч. Всех обыскали, ваше благородие!

Б о б о е д о в. Да? Ну и что же?

К в а ч. Да ничего не оказалось... спрятали! Докладую: становой очень торопится, ваше благородие, и невнимателен к занятиям.

Б о б о е д о в. Ну, конечно, полиция всегда так! У арестованных нашли что-нибудь?

К в а ч. У Левшина за образами оказалось.

Б о б о е д о в. Принеси всё в мою комнату.

К в а ч. Слушаю! Молодой жандарм, ваше благородие, который недавний, из драгун который...

Б о б о е д о в. Что такое?

К в а ч. Тоже невнимателен к занятиям.

Б о б о е д о в. Ну, уж ты сам с ним справляйся. Иди! (*Квач уходит.*) Вот, знаете, птица этот Квач! С виду так себе и даже как будто глуп, а нюх — собачий!

Н и к о л а й. Вы, Богдан Денисович, обратите внимание на этого конторщика...

Б о б о е д о в. Как же, как же! Мы его прижмем!

Н и к о л а й. Я говорю о Пологом, а не о Синцове. Он, мне кажется, вообще может быть полезен.

Б о б о е д о в. А, этот наш собеседник! Ну, разумеется, мы его пристроим...

(*Николай идет к столу и аккуратно раскладывает на нем бумаги.*)

К л е о п а т р а (*в дверях направо*). Ротмистр, хотите еще чаю?

Б о б о е д о в. Благодарю вас, пожалуйста! Красиво здесь... Очень! Чудесная местность!.. А ведь я госпожу Луговую знаю! Она в Воронеже играла?

К л е о п а т р а. Да, кажется, играла... Ну, а что ваши обыски, нашли вы что-нибудь?

Б о б о е д о в (*любезно*). Всё, всё нашли! Мы найдем, не беспокойтесь! Для нас даже там, где ничего нет, всегда что-нибудь... найдется.

К л е о п а т р а. Покойник смотрел легко на все

эти прокламации... он говорил, что бумага не делает революции...

Б о б о е д о в. Гм... Это не совсем верно!

К л е о п а т р а. И называл прокламации — предписания, исходящие из тайной канцелярии явных идиотов к дуракам.

Б о б о е д о в. Это метко... хотя тоже неверно!

К л е о п а т р а. Но вот они от бумажек перешли к делу...

Б о б о е д о в. Вы будьте уверены, что они понесут строжайшее наказание, строжайшее!

К л е о п а т р а. Это меня очень утешает. При вас мне сразу стало как-то легче... свободнее!

Б о б о е д о в. Наша обязанность вносить в общество бодрость...

К л е о п а т р а. И так отрадно видеть довольного, здорового человека... ведь это редкость!

Б о б о е д о в. О, у нас в корпусе жандармов мужчины на подбор!

К л е о п а т р а. Пойдемте же к столу!

Б о б о е д о в (*идет*). С удовольствием! А скажите, в этот сезон где будет играть госпожа Луговая?

К л е о п а т р а. Не знаю.

(*С террасы входят Татьяна и Падя.*)

Н а д я (*взволнованно*). Ты видела, как посмотрел на нас старик... Левшин?

Т а т ь я н а. Видела...

Н а д я. Как это всё нехорошо... как стыдно! Николай Васильевич, зачем это? За что их арестовали?

Н и к о л а й (*сухо*). Причин для арестов более чем достаточно... И, попрошу вас, не ходите через террасу, пока там эти...

Н а д я. Не будем... не будем...

Т а т ь я н а (*смотрит на Николая*). И Синцов арестован?

Н и к о л а й. И господин Синцов арестован.

Н а д я (*ходит по комнате*). Семнадцать человек! Там у ворот, плачут жены... а солдаты толкают их, смеются! Скажите солдатам, чтобы они хоть вели себя прилично!

Н и к о л а й. Это меня не касается. Солдатами командует поручик Стрепетов.

Н а д я. Пойду попрошу его...

(Уходит в дверь направо. Татьяна, улыбаясь, подошла к столу.)

Т а т ь я н а. Послушайте, кладбище законов, как вас называет генерал...

Н и к о л а й. Генерал не кажется мне остроумным человеком. Я бы не повторял его острот.

Т а т ь я н а. Я ошиблась, он называет вас — гроб законов. Вас это сердит?

Н и к о л а й. Просто я не расположен шутить.

Т а т ь я н а. Будто вы такой серьезный?..

Н и к о л а й. Напомню вам — вчера убили моего брата.

Т а т ь я н а. Да вам-то что до этого?

Н и к о л а й. Позвольте... как?

Т а т ь я н а *(усмехаясь)*. Не надо никаких ужимок! Вам не жалко брата... Вам никого не жалко... вот, как мне, например. Смерть, т. е. неожиданность смерти, на всех скверно действует... но, уверяю вас, вам ни одной минуты не было жалко брата настоящей, человеческой жалостью... нет ее у вас!

Н и к о л а й *(с усилием)*. Это интересно. Но что вы хотите от меня?

Т а т ь я н а. Вы не замечаете, что мы с вами родственные души? Нет? Напрасно! Я актриса, человек холодный, желающий всегда только одного — играть хорошую роль. Вы тоже хотите играть хорошую роль и тоже бездушное существо. Скажите, вам хочется быть прокурором, а?

Н и к о л а й *(негромко)*. Я хочу, чтобы вы кончили это...

Т а т ь я н а *(помолчав, смеется)*. Нет, я не способна к дипломатии. Я шла к вам с целью... я хотела быть любезной с вами, обворожительной... Но увидела вас и начала говорить дерзости... Вы всегда вызываете у меня желание наговорить вам обидных слов... ходите вы или сидите, говорите или молча осуждаете людей... Да, я хотела вас просить...

Н и к о л а й *(усмехаясь)*. Догадываюсь о чем!

Т а т ь я н а. Может быть. Но теперь это уже бесполезно, да?

Н и к о л а й. Теперь и раньше — всё равно. Господин Синцов скомпрометирован очень сильно.

Т а т ь я н а. Вы чувствуете маленькое удовольствие, говоря мне это? Так?

Н и к о л а й. Да... не скрою.

Т а т ь я н а *(вздыхнув)*. Вот видите, как мы похожи друг на друга. Я тоже очень мелочная и злая... Скажите — Синцов всецело в ваших руках... именно в ваших?

Н и к о л а й. Конечно!

Т а т ь я н а. А если я попрошу вас оставить его?

Н и к о л а й. Это не будет иметь успеха.

Т а т ь я н а. Даже если я очень попрошу вас?

Н и к о л а й. Всё равно... Удивляюсь вам!

Т а т ь я н а. Да? Почему?

Н и к о л а й. Вы — красавица... женщина, несомненно, оригинального склада ума... у вас чувствуется характер. Вы имеете десятки возможностей устроить свою жизнь роскошно, красиво... и занимаетесь каким-то ничтожеством! Эксцентричность — болезнь. И всякого интеллигентного человека вы должны возмущать... Кто ценит женщину, кто любит красоту, тот не простит вам подобных выходов!

Т а т ь я н а *(смотрит на него с любопытством)*. Итак, я осуждена... увы! Синцов — тоже?

Н и к о л а й. Вечером этот господин поедет в тюрьму.

Т а т ь я н а. Решено?

Н и к о л а й. Да.

Т а т ь я н а. Никаких уступок из любезности к даме? Не верю! Если б я сильно захотела, вы отпустили бы Синцова.

Н и к о л а й *(глухо)*. Попробуйте захотеть... попробуйте.

Т а т ь я н а. Не могу. Не умею... Но все-таки скажите правду, — сказать однажды правду — это не трудно, — вы отпустили бы?

Н и к о л а й *(не сразу)*. Не знаю...

Т а т ь я н а. А я знаю! *(Помолчав, вздохнула.)* Какие мы с вами оба дряни...

Н и к о л а й. Однако есть вещи, которые нельзя прощать и женщине!

Т а т ь я н а *(небрежно)*. Ну, что там? Мы одни... никто нас не слышит. Ведь я имею право сказать вам и себе, что оба мы...

Н и к о л а й. Прошу вас... я не хочу более слушать...

Т а т ь я н а *(настойчиво, спокойно)*. А все-таки вы цените эти ваши принципы ниже поцелуя женщины!

Н и к о л а й. Я уже сказал, что не хочу вас слушать.

Т а т ь я н а *(спокойно)*. Так — уходите. Разве я вас держу?

(Он быстро уходит. Татьяна кутается в шаль, стоит среди комнаты и смотрит на террасу. Из двери с правой стороны идут Надя и поручик.)

П о р у ч и к. Солдат никогда не обижает женщину, даю вам честное слово! Женщина для него — святыня...

Н а д я. Вот вы увидите...

П о р у ч и к. Это невозможно! Только в армии еще сохранилось рыцарское отношение к женщине...

(Проходят в дверь налево. Идут Полина, Захар и Яков.)

З а х а р. Видишь ли, Яков...

П о л и н а. Вы подумайте, как же иначе?

З а х а р. Тут реальность, необходимость...

Т а т ь я н а. Что такое?

Я к о в. Вот отпевает меня...

П о л и н а. Удивительная жестокость! Все нападают на нас! И даже Яков Иванович, всегда такой мягкий... Но разве мы вызывали солдат? И никто не приглашал жандармов. Они всегда сами являются.

З а х а р. Обвинять меня за эти аресты...

Я к о в. Я не обвиняю...

З а х а р. Ты не говоришь прямо, но я чувствую...

Яков (*Татьяне*). Я сижу, он подошел ко мне и говорит: «Ты что, брат?» А я сказал: «Противно, брат!» Вот и всё!

Захар. Но надо же понять, что пропаганда социализма в такой форме, как это делается у нас, нигде невозможна, нигде недопустима...

Полина. Занимайтесь политикой, это всем нужно, но при чем тут социализм? Вот что говорит Захар. И он прав!

Яков (*угрюмо*). Какой же социалист старик Левшин? Просто он заработался и бредит... от усталости...

Захар. Они все бредят!

Полина. Надо щадить людей, господа! Мы так измучены!

Захар. Ты думаешь, мне не тяжело, что вот у меня в доме устраивается судилище? Но всё это — затей Николая Васильевича, а спорить с ним после такой драмы... было бы невозможно!

Клеопатра (*быстро идет*). Вы слышали? Убийца найден... Сейчас его приведут сюда.

Яков (*ворчит*). Ну, вот...

Татьяна. Кто это?

Клеопатра. Какой-то мальчишка... Я рада... Может быть, с точки зрения гуманности это нехорошо, но я — рада! И если он — мальчишка, я бы велела его пороть каждый день до суда... Николай Васильевич где?.. Не видали? (*Идет в дверь налево, навстречу ей генерал.*)

Генерал (*угрюмо*). Ну вот!.. Стоят все, как мокрые курицы.

Захар. Неприятно, дядя...

Генерал. Жандармы? Да... этот ротмистр порядочный нахал! Мне хочется сыграть с ним штуку... Они не останутся ночевать?

Полина. Я думаю, нет... зачем же?

Генерал. Жаль! А то бы... ведро холодной воды на него, когда он ляжет спать! Это делали у меня в корпусе с трусливыми кадетами... Ужасно смешно, когда голый и мокрый человек прыгает и орет!..

Клеопатра (*стоя в дверях*). Бог знает, что вы говорите, генерал! И почему? Ротмистр очень прилич-

ный человек и удивительно деятельный... явился и всех переловил! Это надо ценить! (*Уходит.*)

Г е н е р а л. Гм... для нее все мужчины с большими усами — приличные люди. Каждый должен знать свое место, вот что... Именно — в этом порядочность! (*Идет к двери налево.*) Эй, Конь!

П о л и н а (*негромко*). Она положительно чувствует здесь себя хозяйкой. Вы посмотрите, как она себя ведет!.. Невоспитанная, грубая...

З а х а р. Скорее кончалось бы всё это! Так хочется покоя, мира... нормальной жизни!

Н а д я (*вбегает*). Тетя Таня, он глуп, этот поручик!.. И он, должно быть, бьет солдат... Кричит, делает страшное лицо... Дядя, надо, чтобы к арестованным пустили жен... тут есть пять человек женатых!.. Ты поди скажи этому жандарму... оказывается, он тут главный.

З а х а р. Видишь ли, Надя...

Н а д я. Вижу, ты не идешь!.. Иди, иди, скажи ему!.. Там плачут... Иди же!

З а х а р (*уходя*). Я думаю — это бесполезно...

П о л и н а. Ты, Надя, всегда всех тревожишь!

Н а д я. Это вы всех тревожите...

П о л и н а. Мы? Ты подумай...

Н а д я (*возбужденно*). Все мы — и я, и ты, и дядя... это мы всех тревожим! Ничего не делаем, а всё из-за нас... И солдаты, и жандармы, и всё! Эти аресты — тоже... и бабы плачут... всё из-за нас!

Т а т ь я н а. Поди сюда, Надя.

Н а д я (*подходит*). Ну, пришла... ну, что?

Т а т ь я н а. Сядь и успокойся... Ты ничего не понимаешь, ничего не можешь сделать...

Н а д я. А ты даже сказать ничего не можешь! И не хочу я успокоиться, не хочу!

П о л и н а. Твоя покойница мать, говоря о тебе, была права, — ужасный характер.

Н а д я. Да, она была права... Она работала и ела свой хлеб. А вы... что вы делаете? Чей хлеб едите вы?

П о л и н а. Вот, начинается! Надежда, я тебя прошу оставить этот тон... что за окрики на старших!

Н а д я. Да вы не старшие! Ну, какие вы старшие?.. Просто — старые вы!

П о л и н а. Таня, право, это всё твои идеи! И ты должна сказать ей, что она глупая девочка...

Т а т ь я н а. Слышишь? Ты глупая девочка... (*Гладит ее плечо.*)

Н а д я. Ну, вот. И больше вы ничего не можете сказать!.. Ничего! Вы даже защищать себя не умеете... удивительные люди! Вы, право, все какие-то лишние, даже здесь, в вашем доме, — лишние!

П о л и н а (*строго*). Ты понимаешь, что ты говоришь?..

Н а д я. Пришли к вам жандармы, солдаты, какие-то дурачки с усиками, распоряжаются, пьют чай, гремят саблями, звенят шпорами, хохочут... и хватают людей, кричат на них, грозят им, женщины плачут... Ну, а вы? При чем тут вы? Вас куда-то затолкали в углы...

П о л и н а. Пойми, ты говоришь вздор! Эти люди пришли защищать нас.

Н а д я (*горестно*). Ах, тетя! Солдаты не могут защитить от глупости, не могут!

П о л и н а (*возмущена*). Что-о?

Н а д я (*протягивая к ней руки*). Ты не сердись! Я это о всех говорю! (*Полина быстро уходит.*) Вот... убежала! Скажет дяде, что я груба, строптива... дядя будет говорить длинную речь... и все мухи умрут со скуки!

Т а т ь я н а (*задумчиво*). Как ты будешь жить? Не понимаю!

Н а д я (*обводя руками кругом себя*). Не так! Ни за что — так! Я не знаю, что я буду делать... но ничего не сделаю так, как вы! Сейчас иду мимо террасы с этим офицером... а Греков смотрит, курит... и глаза у него смеются. Но ведь он знает, что его... в тюрьму? Видишь! Те, которые живут, как хотят, они ничего не боятся... Им весело! Мне стыдно смотреть на Левшина, на Грекова... Других я не знаю, но эти!.. Этих я никогда не забуду... Вот идет дурачок с усиками... у-у!

Б о б о е д о в (*входит*). Как страшно! Кого это вы пугаете?

Н а д я. Я вас боюсь... Вы пустите женщин к мужьям, да?

Б о б о е д о в. Нет, не пущу. Я — злой!

Надя. Конечно, если вы жандарм. Почему вы не хотите пустить женщин?

Бобоедов (*любезно*). Сейчас — невозможно! А вот потом, когда их повезут, я разрешу проститься.

Надя. Но почему же невозможно? Ведь это от вас зависит?

Бобоедов. От меня... т. е. — от закона.

Надя. Ну, какой там закон! Пустите... я вас прошу!

Бобоедов. Как это — какой закон? И вы тоже законы отрицаете? Ай-яй-яй!

Надя. Не говорите со мной так! Я не ребенок...

Бобоедов. Не верю! Законы отрицают только дети и революционеры.

Надя. Так вот я революционерка.

Бобоедов (*смеясь*). О! тогда вас надо в тюрьму... арестовать и — в тюрьму...

Надя (*с тоской*). Ах, не надо шутить! Пустите их!

Бобоедов. Не могу... Закон!

Надя. Дурацкий закон!

Бобоедов (*серьезно*). Гм... это вы напрасно! Если вы не дитя, как вы говорите, вы должны знать, что закон установлен властью и без него невозможно государство.

Надя (*горячо*). Закон, власти, государство... Фу, боже мой! Но ведь это для людей?

Бобоедов. Гм... я думаю! То есть прежде всего — для порядка!

Надя. Так это же никуда не годится, если люди плачут. И ваши власти и государство — всё это не нужно, если люди плачут! Государство... какая глупость! Зачем оно мне? (*Идет к двери.*) Государство! Ничего не понимают, а говорят! (*Уходит. Бобоедов несколько растерялся.*)

Бобоедов (*Татьяне*). Оригинальная барышня! Но — опасное направление ума... Ее дядюшка, кажется, человек либеральных взглядов, да?

Татьяна. Вам это лучше знать. Я не знаю, что такое либеральный человек.

Бобоедов. Ну, как же? Это все знают!.. Неуважение ко власти — вот и либерализм!.. А ведь я вас,

м-те Луговая, видел в Воронеже... как же! Наслаждался вашей тонкой, удивительно тонкой игрой! Может быть, вы заметили, я всегда сидел рядом с креслом вице-губернатора? Я тогда был адъютантом при управлении.

Т а т ь я н а. Не помню... Может быть. В каждом городе есть жандармы, не правда ли?

Б о б о е д о в. О, еще бы! Обязательно в каждом! И должен вам сказать, что мы, администрация... именно мы являемся истинными ценителями искусства! Пожалуй, еще купечество. Возьмите, например, сборы на подарок любимому артисту в его бенефис... на подписном листе вы обязательно увидите фамилии жандармских офицеров. Это, так сказать, традиция! Где вы играете будущий сезон?

Т а т ь я н а. Еще не решила... Но, конечно, в городе, где непременно есть истинные ценители искусства!.. Ведь это неустранимо?

Б о б о е д о в (*не понял*). О, конечно! В каждом городе они есть, обязательно! Люди все-таки становятся культурнее...

К в а ч (*с террасы*). Ваше благородие! Ведут этого... который стрелял! Куда прикажете?

Б о б о е д о в. Сюда... введи всех их! Позови товарища прокурора. (*Татьяне*.) Пардон! Должен непременно заняться делом.

Т а т ь я н а. Вы будете допрашивать?

Б о б о е д о в (*любезно*). Чуть-чуть, поверхностно, чтобы познакомиться с людьми... Маленькая переключка, так сказать!

Т а т ь я н а. Мне можно послушать?

Б о б о е д о в. Гм... Вообще это не принято у нас... в политических делах. Но это уголовное дело, мы находимся не у себя, и мне хочется доставить вам удовольствие...

Т а т ь я н а. Меня не будет видно... Я вот отсюда посмотрю.

Б о б о е д о в. Прекрасно! Я очень рад хоть чем-нибудь отплатить вам за те наслаждения, которые испытывал, видя вас на сцене. Я только возьму некоторые бумаги. (*Уходит. С террасы двое пожилых рабочих вводят Рябцова. Сбоку идет Конь, заглядывая ему в лицо.*)

За ними Левшин, Ягодин, Греков и еще несколько рабочих. Жандармы.)

Рябцов (сердито). Зачем руки связали? Развяжите... ну!

Левшин. Вы, братцы, развяжите руки ему!.. Зачем обижать человека?

Ягодин. Не убежит!

Один из рабочих. Для порядку — надо! По закону требуется, чтобы вязать...

Рябцов. Не хочу я этого! Развязывай!

Другой рабочий (Квачу). Господин жандарм! Можно? Парень смирный... Мы диву даемся... как это он?

Квач. Можно. Развяжи... ничего!

Конь (внезапно). Вы его напрасно схватили!.. Когда там стреляли, он на реке был... я его видел, и генерал видел! (Рябцову.) Ты чего молчишь, дурак? Ты говори — не я, мол, стрелял... Чего ты молчишь?

Рябцов (твердо). Нет, это я.

Левшин. Уж ему, кавалер, лучше знать, кто...

Рябцов. Я.

Конь (кричит). Врешь ты! Пакоостник... (Входят Бобоедов и Николай Скроботов.) Ты в тот час в лодке по реке ехал и песни пел... что?

Рябцов (спокойно). Это я... после.

Бобоедов. Этот?

Квач. Так точно!

Конь. Нет, не он!

Бобоедов. Что? Квач, уведи старика! Откуда старик?

Квач. Состоит при генерале, ваше благородие!

Николай (присматриваясь к Рябцову). Позвольте, Богдан Денисович... Оставьте, Квач!

Конь. Не хватай! Я сам солдат!

Бобоедов. Стой, Квач!

Николай (Рябцову). Это ты убил хозяина?

Рябцов. Я.

Николай. За что?

Рябцов. Он нас мучил.

Николай. Как тебя зовут?

Рябцов. Павел Рябцов.

Н и к о л а й. Так! Конь... вы говорите — что?

К о н ь (*волнуясь*). Не он убил! Он по реке ехал в тот час!.. Присягу приму!.. Мы с генералом видели его... Еще генерал говорил: хорошо бы, говорит, опрокинуть лодку, чтобы выкупался он... да! Ишь ты, мальчишка! Ты это что делаешь, а?

Н и к о л а й. Почему вы, Конь, так уверенно говорите, что именно в минуту убийства он был на реке?

К о н ь. До того места, где он был, от завода в час не дойдешь.

Р я б ц о в. Я прибежал.

К о н ь. Едет в лодке и песни поет. Убивши человека, песню не запоешь!

Н и к о л а й (*Рябцову*). Ты знаешь, что закон строго наказывает за попытку скрыть преступника и за ложное показание... знаешь ты это?

Р я б ц о в. Мне всё равно.

Н и к о л а й. Хорошо. Итак, это ты убил директора?

Р я б ц о в. Я.

Б о б о е д о в. Какой звереныш!..

К о н ь. Врет!

Л е в ш и н. Эх, кавалер, посторонний вы тут!

Н и к о л а й. Что такое?

Л е в ш и н. Я говорю — посторонний кавалер-то, а мешается...

Н и к о л а й. А ты не посторонний? Ты причастен к убийству, да?

Л е в ш и н (*смеется*). Я-то? Я, барин, один раз зайца палкой убил, так и то душа тосковала...

Н и к о л а й. Ну, и молчать! (*Рябцову*.) Где револьвер, из которого ты стрелял?

Р я б ц о в. Не знаю.

Н и к о л а й. Какой он был? Расскажи!

Р я б ц о в (*смущен*). Какой... какие они бывают? Обыкновенный.

К о н ь (*с радостью*). А, сукин кот! И револьвера-то не видал!

Н и к о л а й. Величины какой? (*Показывает размер руками в пол-аршина*.) Такой? Да?

Р я б ц о в. Да... поменьше...

Н и к о л а й. Богдан Денисович, пожалуйста сюда. *(Говорит ему вполголоса.)* Тут скрыта какая-то пакость. Необходимо более строгое отношение к мальчишке... Оставим его до приезда следователя.

Б о б о е д о в. Но ведь он сознается... чего же?

Н и к о л а й *(внушительно)*. Мы с вами имеем подозрение, что этот мальчишка не настоящий преступник, а подставное лицо, понимаете?

(Из двери около Татьяны осторожно выходит пьяный Яков и молча смотрит. Порою голова его бессильно опускается, точно он задремал; вскинув голову, испуганно оглядывается.)

Б о б о е д о в *(не понимает)*. Ага-а... да, да, да! Скажите, а?..

Н и к о л а й. Это заговор! Коллективное преступление...

Б о б о е д о в. Каков мерзавец, а?

Н и к о л а й. Пусть вахмистр уведет его пока. Самая строгая изоляция! Я сейчас уйду на минуту... Конь, вы пойдете со мной! Где генерал?

К о н ь. Червей роет...

(Уходят.)

Б о б о е д о в. Квач, уведи-ка этого. И смотреть за ним! Чтобы ни-ни!

К в а ч. Слушаю! Ну, идем, малый!

Л е в ш и н *(ласково)*. Прощай, Пашок, прощай, милый!..

Я г о д и н *(угрюмо)*. Прощай, Павлуха!..

Р я б ц о в. Прощайте... Ничего!..

(Рябцова уводят.)

Б о б о е д о в *(Левшину)*. Ты, старик, знаешь его?

Л е в ш и н. А как не знать? Работаем вместе.

Б о б о е д о в. А тебя как зовут?

Л е в ш и н. Ефим Ефимов Левшин.

Б о б о е д о в *(Татьяне, негромко)*. Вы посмотрите, что будет! Скажи мне, Левшин, правду — ты человек старый, разумный, ты должен говорить начальству только правду...

Левшин. Зачем врать...

Бобоедов (*с уноением*). Да. Так вот, скажи ты мне по чистой совести — что у тебя дома за образами спрятано, а? Правду говори!

Левшин (*спокойно*). Ничего там нет.

Бобоедов. Это правда?

Левшин. Да уж так...

Бобоедов. Эх, Левшин, стыдно тебе! Ты вот лысый, седой, а врешь, как мальчишка!.. Ведь начальство знает не только то, что ты делаешь, а что думаешь — знает. Плохо, Левшин! А это что такое в руках у меня?

Левшин. Не видать мне... слаб я глазами...

Бобоедов. Я скажу. Это запрещенные правилами книжки, призывающие народ к бунту против государя. Эти книжки взяты у тебя за образами... ну?

Левшин (*спокойно*). Так.

Бобоедов. Ты признаешь их своими?

Левшин. Может быть, и мои... Ведь они похожи одна на другую...

Бобоедов. Так как же ты, старый человек, лжешь?

Левшин. Да я вам, ваше благородие, сущую правду сказал. Вы спросили, что у меня за образами лежит, а уж если вы спрашиваете об этом, значит, там ничего нет, значит — вытащили. Я и сказал — ничего там нет. Зачем же стыдить меня? Я этого не заслужил.

Бобоедов (*смущен*). Вот как? Прошу, однако, поменьше разговаривать... со мной шутки плохи! Кто дал тебе эти книжки?

Левшин. Ну, это зачем же вам знать? Этого я не скажу. Уж я и позабыл, откуда они... Вы уж не беспокойте себя.

Бобоедов. Ага... так? Хорошо... Алексей Греков! Который Греков?

Греков. Это я.

Бобоедов. Вы привлекались к дознанию в Смоленске по делу о революционной пропаганде среди ремесленников — да?

Греков. Привлекался.

Б о б о е д о в. Такой молодой и — такой талантливый? Приятно познакомиться!.. Жандармы, выведите их на террасу... здесь стало душно. Вырыпаев Яков? Ага... Свистов Андрей?

(Жандармы выводят всех на террасу. Бобоедов со списком в руках идет туда же.)

Я к о в *(тихо)*. Нравятся мне эти люди!

Т а т ь я н а. Да. Но почему они так просты... так просто говорят, просто смотрят — почему? В них нет страсти? Нет героизма?

Я к о в. Они спокойно верят в свою правду...

Т а т ь я н а. Должна быть у них страсть! И должны быть герои!.. Но здесь... ты чувствуешь — они превирают всех!

Я к о в. Хорош Ефимыч!.. Какие у него всё понимающие, грустно-ласковые глаза. Он как бы говорит: «Ну, зачем всё это? Ушли бы вы в сторону... дали бы нам свободу... ушли бы!»

З а х а р *(выглядывая из дверей)*. Удивительно тупы эти господа представители закона! Устроили судьбище... Николай Васильевич держится каким-то завоевателем...

Я к о в. Ты, Захар, только против того, что вся эта история разыгрывается у тебя на глазах?

З а х а р. Ну, конечно, меня могли бы избавить от этого удовольствия!.. Надя совсем взбесилась... Наговорила мне и Полине дерзостей, назвала Клеопатру щукой, а теперь валяется у меня на диване и ревет... Бог знает, что делается!..

Я к о в *(задумчиво)*. А мне, Захар, становится всё более противен смысл происходящего.

З а х а р. Да, я понимаю... Но что же делать? Если нападают — надо защищаться. Я положительно не могу найти себе места в доме... точно он перевернулся книзу крышей! Сыро сегодня, холодно... этот дождь!.. Рано идет осень!

(Идут Николай и Клеопатра, оба возбужденные.)

Н и к о л а й. Я убежден теперь — его подкупили...

К л е о п а т р а. Сами они не могли этого выдумать... Тут необходимо искать умного человека.

Н и к о л а й. Вы думаете — Синцов?

К л е о п а т р а. А кто же? Вот мосье Бобоедов...

Б о б о е д о в *(с террасы)*. Чем могу служить?

Н и к о л а й. Я окончательно убедился, что мальчишку подкупили... *(Говорит тихо.)*

Б о б о е д о в *(негромко)*. О-о? Мм...

К л е о п а т р а *(Бобоедову)*. Вы понимаете?

Б о б о е д о в. М-н-да-а... Какие мерзавцы!

(Оживленно разговаривая, Николай и ротмистр скрываются в дверях. Клеопатра, оглянувшись, видит Татьяну.)

К л е о п а т р а. А... вы здесь?

Т а т ь я н а. Еще что-то случилось?

К л е о п а т р а. Вам это безразлично, я думаю... Вы слышали о Синцове?

Т а т ь я н а. Знаю.

К л е о п а т р а *(с вызовом)*. Да, арестован! Я рада, что наконец выкосили на заводе всю эту сорную траву... а вы?

Т а т ь я н а. Я думаю, вам безразлично, что я чувствую...

К л е о п а т р а *(злорадно)*. Вы симпатизировали этому Синцову! *(Смотрит на Татьяну, и лицо ее становится мягче.)* Как вы странно смотрите... и лицо измученное... почему?

Т а т ь я н а. Вероятно, от погоды.

К л е о п а т р а *(подходит к ней)*. Вот что... может быть, это глупо... но я — человек прямой!.. Пожила я... много! Много чувствовала... и очень обозлилась! Я знаю, что только женщина может быть другом женщины...

Т а т ь я н а. Вы что-то хотите спросить?

К л е о п а т р а. Сказать, не спросить! Вы мне нравитесь... такая вы свободная, так ловко одеты всегда... и хорошо держитесь с мужчинами. Я вам завидую... и как вы говорите и как ходите... А иногда я вас не люблю... даже ненавижу!

Т а т ь я н а. Это интересно. За что?

К л е о п а т р а *(странно)*. Кто вы такая?

Т а т ь я н а. То есть?

К л е о п а т р а. Не понимаю я — кто вы? Я хочу видеть всех людей определенными, я люблю знать, чего человек хочет! По-моему, люди, которые нетвердо знают, чего они хотят, — такие люди опасны! Им нельзя верить!

Т а т ь я н а. Странно говорите вы! Зачем мне нужно знать ваши взгляды?

К л е о п а т р а (*горячо и тревожно*). Нужно, чтобы люди жили тесно, дружно, чтобы все мы могли верить друг другу! Вы видите — нас начинают убивать, нас хотят ограбить! Вы видите, какие разбойничьи рожи у этих арестантов? Они знают, чего хотят, они это знают. И они живут дружно, они верят друг другу... Я их ненавижу! Я их боюсь! А мы живем все враждую, ничему не веря, ничем не связанные, каждый сам по себе... Мы вот на жандармов опираемся, на солдат, а они — на себя... и они сильнее нас!

Т а т ь я н а. Мне тоже хочется спросить вас прямо... Вы были счастливы с мужем?

К л е о п а т р а. Зачем вам это?

Т а т ь я н а. Так. Любопытно!

К л е о п а т р а (*подумав*). Нет. Он был всегда занят не мною...

П о л и н а (*идет*). Слышали? Конторщик Синцов оказался социалистом! А Захар был с ним откровенен и даже хотел сделать его помощником бухгалтера! Это, конечно, пустяки, но подумайте, как трудно становится жить! Рядом с вами — ваши принципиальные враги, а вы их не замечаете!

Т а т ь я н а. Как хорошо, что я не богата!

П о л и н а. Ты скажи это в старости! (*Клеопатре, мягко*.) Клеопатра Петровна, вас просят еще раз примерить платье... И прислали креп...

К л е о п а т р а. Иду... Нехорошо... неровно бьется сердце у меня... Не люблю быть больной!

П о л и н а. Хотите, я вам капелю дам от сердцебиения? Очень помогают.

К л е о п а т р а (*идя*). Спасибо!..

П о л и н а. Я сейчас приду. (*Татьяне*.) С ней необходимо быть мягче, это ее успокаивает! Это хорошо,

что ты поговорила с ней... И вообще я завидую тебе, Таня... ты всегда умеешь встать на такую удобную центральную позицию!.. Пойду, дам ей капель.

(Оставшись одна, Татьяна смотрит на террасу, где под караулом солдат расположились арестованные. Из двери выглядывает Яков.)

Яков *(с усмешкой)*. А я стоял за дверью и слушал. Татьяна *(рассеянно)*. Говорят, это нехорошо... подслушивать...

Яков. Вообще нехорошо слышать, что говорят люди. Как-то жалко их... Вот что, Таня! Я уезжаю...

Татьяна. Куда?

Яков. Вообще... Не знаю еще... Прощай!

Татьяна *(ласково)*. Прощай!.. Напиши!

Яков. Ужасно скверно здесь!

Татьяна. Ты когда едешь?

Яков *(странно улыбаясь)*. Сегодня... Уезжай и ты... а?

Татьяна. Да, я уеду. Почему ты улыбаешься?

Яков. Так... Может быть, мы не увидимся более...

Татьяна. Глупости!

Яков. Ну, прости меня! *(Татьяна целует его в лоб. Он тихо смеется, отстраняя ее.)* Ты поцеловала меня, точно покойника... *(Медленно уходит. Татьяна, посмотрев вслед ему, хочет идти за ним, но останавливается, сделав слабый жест рукой. Выходит Надя с зонтом в руках.)*

Надя. Пожалуйста, пойдем со мной в сад... У меня голова болит... я сейчас плакала, плакала... как дура! Если я пойду одна, снова буду плакать.

Татьяна. О чем плакать, девочка? Не о чем!

Надя. Мне досадно. Я ничего не понимаю. Кто же прав? Дядя говорит — он... а я не чувствую этого! Он добрый, дядя? Я была уверена, что он добрый... а теперь — не знаю! Когда он говорит со мной, мне кажется, что я сама злая и глупая... а когда я начну думать о нем... и спрашивать себя обо всем... ничего не понимаю!

Т а т ь я н а (*грустно*). Если ты будешь сама себе ставить вопросы, ты сделаешься революционеркой... и погибнешь в этом хаосе, милая ты моя!..

Н а д я. Надо чем-нибудь быть, надо! (*Татьяна тихо смеется.*) Чему ты смеешься? Надо! Нельзя жить и хлопать глазами, ничего не понимая!

Т а т ь я н а. Я потому засмеялась, что сегодня все это говорят... все, вдруг!

(*Идут. Навстречу им генерал и поручик. Поручик ловко уступает дорогу.*)

Г е н е р а л. Мобилизация, поручик, необходима! Она имеет двоякую цель... (*Наде и Татьяне.*) Вы куда, а?

Т а т ь я н а. Гулять.

Г е н е р а л. Если встретите этого конторщика... как его? Поручик, как фамилия этого человека, с которым я вас познакомил давеча?

П о р у ч и к. Покатый, ваше превосходительство!

Г е н е р а л (*Татьяне*). Пошлите его ко мне, я буду в столовой пить чай с коньяком и с поручиком... х-хо-хо! (*Оглядывается, прикрыв рот рукой.*) Благодарю, поручик! У вас хорошая память, да! Это прекрасно! Офицер должен помнить имя и лицо каждого солдата своей роты. Когда солдат — рекрут, он хитрое животное, — хитрое, ленивое и глупое. Офицер влезает ему в душу и там всё поворачивает по-своему, чтобы сделать из животного — человека, разумного и преданного долгу...

(*Идет Захар, озабоченный.*)

З а х а р. Дядя, вы не видели Якова?

Г е н е р а л. Не видал Якова... Там есть чай?

З а х а р. Есть, есть! (*Генерал и поручик уходят. С террасы идет Конь, сердитый, растрепанный.*) Конь, вы не видели брата?

К о н ь (*сурово*). Нет. Я теперь не буду говорить ничего. И увижу человека — не скажу... Буду молчать... Ладно! Я поговорил на своем веку...

П о л и н а (*идет*). Там пришли мужики, они опять просят отсрочить аренду.

Захар. Вот! Нашли время...

Полина. Жалуются, что урожаем плохой и платить им нечем.

Захар. Они всегда жалуются!.. Ты не встречала Якова?

Полина. Нет. Что же им сказать?

Захар. Мужикам? Пусть идут в контору... я не буду с ними говорить!

Полина. Но в конторе нет никого! Ты же знаешь — у нас полная анархия. Вот уж скоро обед, а этот ротмистр всё просит чаю... В столовой с утра не убран самовар, и вообще — жизнь похожа на какое-то дурачество!

Захар. Ты знаешь, Яков вдруг собрался куда-то ехать!

Полина. Ты прости мне, но, право, хорошо, что он уедет...

Захар. Да, конечно. Он ужасно раздражает, говорит чепуху... Вот сейчас пристал ко мне, спрашивает — можно ли из моего револьвера убить ворону? Говорил какие-то дерзости. Наконец ушел и унес револьвер... Всегда пьяный...

(С террасы входит Синцов с двумя жандармами и Квач. Полина, молча посмотрев на Синцова в лорнет, уходит. Захар смущенно поправляет очки, потом отступает.)

Захар *(укоризненно)*. Вот, господин Синцов... как это грустно! Мне очень жаль вас... очень!

Синцов *(с улыбкой)*. Не беспокойтесь... стоит ли?

Захар. Стоит! Люди должны сочувствовать друг другу... И даже, если человек, которому я доверял, не оправдал моего доверия, всё равно, видя его в несчастии, я считаю долгом сочувствовать ему... да! Прощайте, господин Синцов!

Синцов. До свидания.

Захар. Вы не имеете ко мне... каких-либо претензий?

Синцов. Решительно никаких.

Захар *(смущенно)*. Прекрасно. Прощайте! Ваше жалованье будет выслано вам... да! *(Идет.)* Но это невозможно! Мой дом становится какой-то жандармской канцелярией!

(Синцов усмехается. Квач всё время пристально рассматривает его, особенно руки. Заметив это, Синцов тоже несколько секунд смотрит в глаза Квача. Тот усмехается.)

Синцов. Ну? В чем дело?

Квач *(радостно)*. Ничего... ничего!

Бобоедов *(входит)*. Господин Синцов, вы сейчас отправитесь в город.

Квач *(радостно)*. Ваше благородие, они совсем не господин Синцов, а другое!..

Бобоедов. Как? Говори яснее!

Квач. Да я же их знаю! Они жили на Брянском заводе, и там их имя было Максим Марков!.. Там мы их арестовали... два года назад, ваше благородие!.. На левой руке, на большом пальце, у них ногтя нет, я знаю! Они не иначе как бежали откуда-нибудь, если по чужому паспорту живут!

Бобоедов *(приятно удивлен)*. Это правда, господин Синцов?

Квач. Всё правда, ваше благородие!

Бобоедов. Так, значит, вы не Синцов, те-те-те...

Синцов. Кто бы я ни был, вы обязаны вести себя со мной прилично... не забывайте!

Бобоедов. Ого-го! Сразу видно серьезного человека. Квач, ты сам повезешь его!.. Смотри в оба!

Квач. Слушаю!

Бобоедов *(радостно)*. Так вот, господин Синцов, или как вас там зовут, вы едете в город. Ты, Квач, немедленно доложишь начальнику всё, что знаешь о нем, и сейчас же затребовать прежнее производство... Впрочем, это я сам! Подожди, Квач... *(Быстро уходит.)*

Квач *(добродушно)*. Вот и снова встретились!

Синцов *(усмехаясь)*. Вы рады?

Квач. А как же? Знакомый!

Синцов *(брезгливо)*. Вам пора бы уже бросить

Левшин. — Ох, Акимов, как расно ты...

Бобоедов. — А что от г!

Нодя — Акимову. — Зачем вы едем сюда, зачем?

Левшин. — Не кричи, баше Сахаровиче, а — ей агуе тебе.

Акимов — Нодя. — Да — ~~ты~~ много ты не поймете, — ты и — да...

Клеопатра. — ~~Вот так же~~! А, ведь как же общественный при творится этой смертной сто рик!

Бобоедов. — Кварт!

Левшин. — Ты не говори, Акимов?

Ты — говори! Ты — скажи, а ты и тебе и не олет ко груди Ириетовича, ну, тогда ты и пово...

Бобоедов — Николай. — Вы едите, чему вы ждете? А, ей агуе ты и ты!

Левшин. — ~~Да~~ Нет, а не агуи...

Николай. — И где, а как же вы и тебе, Родянов?

«ВРАГИ».

Конец пьесы, написанный М. Горьким в 1933 г.

это дело. Волосы седые, а приходится, как собаке, выслеживать... Неужели вам не обидно?

К в а ч (*добродушно*). Ничего, я привык! Я уже двадцать три года служу... И совсем не как собака! Начальство меня уважает. Орден обещали! Теперь дадут!

С и н ц о в. За меня?

К в а ч. А за вас! Вы откуда бежали?

С и н ц о в. Потом узнаете.

К в а ч. Узнаем! А помните там, на Брянском, чер-
ный такой был в очках? Учитель Савицкий? То он тоже
был недавно опять арестован... Ну, только умер он
в тюрьме... Очень больной был! Мало вас все-таки!

С и н ц о в. Будет много... подождите!

К в а ч. О? Это хорошо! Больше политических —
нам лучше!

С и н ц о в. Награды чаще получаете?

(*В дверях появляются Бобоедов, генерал, поручик,
Клеопатра и Николай.*)

Н и к о л а й (*взглянув на Синцова*). Я чувствовал
это... (*Исчезает.*)

Г е н е р а л. Хорош!

К л е о п а т р а. Теперь понятно, откуда всё пошло!

С и н ц о в (*с иронией*). Послушайте, господин жан-
дарм, вам не кажется, что вы ведете себя глупо?

Б о б о е д о в. Не... не учить меня!

С и н ц о в (*настойчиво*). Нет, я поучу! Прекратите
этот дурацкий спектакль!

Г е н е р а л. О-о... какой, а?

Б о б о е д о в (*кричит*). Квач, уведи его!

К в а ч. Слушаю! (*Уводит Синцова.*)

Г е н е р а л. Это, должно быть, зверь, а? Как он...
рычит, а?

К л е о п а т р а. Я уверена, что это он начало
всему!

Б о б о е д о в. Возможно... очень возможно!

П о р у ч и к. Будут его судить, да?

Б о б о е д о в (*усмехаясь*). Мы их без соуса едим...
я так вкусно!

Г е н е р а л. Это остроумно. Как устриц... хам!

Бобоедов. Ага! Ну, вот, ваше превосходительство, теперь мы живо разделим всю дичь и избавим вас от этого анекдота! Николай Васильевич, вы где?
(Все скрываются в дверях. С террасы входит становой.)

Становой *(Коню)*. Допрос здесь будет?

Конь *(угрюмо)*. Я не знаю... Ничего не знаю!

Становой. Стол, бумаги... значит, здесь! *(Говорит на террасу.)* Введите сюда всех! *(Коню.)* Покойник-то ошибся: сказал — рыжий его застрелил, а оказывается — черноватый!

Конь *(ворчливо)*. И живые ошибаются...

(С террасы снова вводят арестованных.)

Становой. Ставь их здесь... рядом! Старик, становись с краю! Не стыдно тебе? Старый чёрт!

Греков. Зачем же вы ругаетесь?

Левшин. Ничего, Алеша! Пускай его...

Становой *(грозно)*. Я тебе поговорю!

Левшин. Ничего! Должность такая... обижающая человека, у них.

(Входят Николай, Бобоедов. Садятся за стол. Генерал усаживается в кресло в углу, сзади него поручик. В дверях — Клеопатра и Полина. Потом сзади них — Татьяна и Надя. Через их плечи недовольно смотрит Захар. Откуда-то боком и осторожно идет Пологий, кланяется сидящим за столом и растерянно останавливается посреди комнаты. Генерал манит его к себе движением пальца. Он идет на носках сапог и становится рядом с креслом генерала. Вводят Рябцова.)

Николай. Начнем. Павел Рябцов!

Рябцов. Ну?

Бобоедов. Не — ну, дурак, а — что угодно!

Николай. Итак, вы настаиваете, что директор убит вами?

Рябцов *(недовольно)*. Я сказал уж... чего же еще?

Николай. Вы знаете Алексея Грекова?

Рябцов. Это какого?

Николай. А вот, рядом с вами стоит!

Рябцов. Он у нас работает.

Николай. Значит, вы знакомы с ним?

Рябцов. Мы все знакомы.

Николай. Конечно. Но вы у него бывали в доме, гуляли с ним... вообще вы его коротко, близко знаете? Вы — товарищи?

Рябцов. Я со всеми гуляю. Все мы — товарищи.

Николай. Да? Я думаю — вы лжете! Господин Пологий, скажите нам — Рябцов и Греков в каких отношениях?

Пологий. В тесных отношениях дружбы... Здесь имеются две компании. Молодыми предводительствует Греков, юноша очень дерзкий в обращении с лицами, которые стоят неизмеримо выше его. А пожилыми руководствует Ефим Левшин... человек фантастический в своих речах и лисообразный в обращении...

Надя (*тихо*). Ах, какой мерзавец!

(Пологий оглядывается на нее и вопросительно смотрит на Николая. Николай тоже кидает взгляд в сторону Нади.)

Николай. Ну-с, дальше!

Пологий (*вздыхнув*). Их соединяет господин Синцов, который со всеми в хороших отношениях. Это личность, не похожая на простого человека, с нормальным умом. Он читает разные книги и имеет обо всем свои суждения. В квартире у него, которая наискось моей и состоит из трех комнат...

Николай. Вы не так подробно...

Пологий. Извините... Правда требует полноты форм! В квартиру его заходят всевозможные личности, а также присутствующие здесь, как-то: Греков...

Николай. Греков, это правда?

Греков (*спокойно*). Прошу ко мне не обращаться с вопросами, — я отвечать не буду.

Николай. Напрасно!

Надя (*громко*). Вот хорошо!

Клеопатра. Что за выходки?

Захар. Надя, дорогая моя!..

Бобоедов. Тсс...

(На террасе шум.)

Н и к о л а й. Я нахожу излишним присутствие здесь посторонних лиц...

Г е н е р а л. Гм... Кто же тут посторонние?

Б о б о е д о в. Квач, посмотри, что за шум?

К в а ч. Человек рвется в дверь, ваше благородие! Прет в дверь и ругается, ваше благородие!

Н и к о л а й. Что ему надо? Кто это?

Б о б о е д о в. Спроси!

П о л о г и й. Прикажете продолжать или приостановиться?

Н а д я. О, подлец!

Н и к о л а й. Приостановитесь... Посторонних лиц я прошу уйти!

Г е н е р а л. Позвольте... это как понять?..

Н а д я (*кричит задорно*). Посторонние здесь — вы! Вы, а не я! Вы везде посторонние... я здесь дома! Это я могу требовать, чтобы вы удалились...

З а х а р (*возбужденно, Наде*). Уйди! Немедленно... уйди!

Н а д я. Да? Вот как!.. Значит, это я... действительно я посторонняя здесь! Так я уйду, но я скажу вам...

П о л и н а. Удержите ее... она скажет что-нибудь ужасное!

Н и к о л а й (*Бобоедову*). Скажите жандармам, чтобы закрыли двери!

Н а д я. Вы все бессовестные люди... без сердца, жалкие... несчастные...

К в а ч (*входит, радостно*). Ваше благородие! Еще один открывается!

Б о б о е д о в. Что?

К в а ч. Еще один убийца пришел!

(*К столу идет, не торопясь, Акимов, рыжеватый парень, с большими усами.*)

Н и к о л а й (*невольно приподнимаясь*). Что вам нужно?

А к и м о в. Это я убил директора.

Н и к о л а й. Вы?

А к и м о в. Я.

К л е о п а т р а (*тихо*). А-а... мерзавец! Совесть мнешь!..

Полина. Боже мой! Какие ужасные люди!

Татьяна *(спокойно)*. Эти люди победят!

Акимов *(угрюмо)*. Ну, что же? Натя, ешьте!
Я убил.

(Общее смущение. Николай что-то быстро шепчет Бобоедову, тот растерянно улыбается. В толпе арестованных молчание; все стоят неподвижно. В дверях Надя смотрит на Акимова и плачет. Полина и Захар шепчутся. В тишине ясно слышен негромкий голос Татьяны.)

Татьяна *(Наде)*. Не плачь, эти люди победят!..

Левшин. Эх, Акимов, напрасно ты...

Бобоедов. Молчать!

Надя *(Акимову)*. Зачем вы сделали это, зачем?

Левшин. Не кричи, ваше благородие. Я — старше тебя.

Акимов *(Наде)*. Вы — ничего тут не поймете, — ушли бы...

Клеопатра. А ведь каким святеньким притворялся этот мерзкий старик!

Бобоедов. Квач!

Левшин. Ты чего же, Акимов? Ты — говори! Ты скажи, что он тебе пистолет ко грудям приставил, ну, тогда ты и тово...

Бобоедов *(Николаю)*. Вы слышите, чему он учит? Ах, старый лгун!

Левшин. Нет, я не лгун...

Николай. Ну-с, а как же вы теперь, Рябцов?

Рябцов. А — никак...

Левшин. Молчи! Ты — молчи. Они хитрые, они словами сильнее нас...

Николай *(Бобоедову)*. Вышвырните его!

Левшин. Нас — не вышвырнешь, нет! Будет, швыряли! Пожили мы в темноте беззаконья, довольно! Теперь сами загорелись — не погасишь! Не погасите нас никаким страхом, не погасите.

З а н а в е с

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
НАБРОСКИ**

ТЬФУ!

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЯЗЫКАМИ ЛИЦА

Н а с т я, малороссянка.

Я — писатель, удостоенный дважды похвальных отзывов в «Р<усской> м<ысли>».

Сцена представляет четырехугольную дыру в убежище для лиц, одержимых проказой странствованья бесцельного. Я — сидит за столом и пишет роман. Входит Настя с бутылкой из-под одеколону в руках.

Н а с т я (*ласкательно-умоляюще и вызывающе-тихо*). Барин! Чи вам не треба ця пляшка?

Я (*не оборачиваясь*). Пряжка? Не треба...

Н а с т я (*глубокомысленно*). Куда ж міни ее дети?

Я. Дети? Что им нужно?

Н а с т я (*уныло вздыхая*). Нічого.

Молчание.

Н а с т я (*с вожделением*). Она така хороша ще штука.

Я (*на малорусском языке*). Яка гака штукá?

Н а с т я (*с огорчением*). Та пляшка ж...

Я (*оборачиваясь и уразумев, что речь идет о фляжке*).

Не надо мне ее! Не надо...

Н а с т я (*удовлетворенная*). Так я заберу ее до дому...

Исчезает, облегченно вздыхая. Является снова.

— Барин! Оце ще пляшка. У ніи якость налыто и кисточка е.

Я (*с тоской*). Это лак. Им мажут ботинки.

Н а с т я (*с радостью*). Эге! И я дивлюсь — мабуть, тім мазевом щось мажуть! (*Уходит.*)

Является неопиcуемая Вонь в сопровождении Нaсти с ботинками писателя в руках.

Н а с т я (со скромной гордостью). Змазала!..

Я (с горечью). Уноси вон! Разве можно было эти ботинки мазать?!

Н а с т я. Хиба ж я знала? Вонь рыжи, я и...

Я (с отчаянием). Тащи вон!

Настя уходит.

С пера на роман падает черная слеза гнева. Пауза. Тишина, только ветер воет жалобно в трубе. Неизвестного звания насекомое падает с потолка на роман и, пораженное его красотами, дрыгает ножками от восхищения. Я — с гордостью любитесь сим приятным зрелищем и убивает восторженное насекомое.

Н а с т я (входит с лампой в руках). Барин! Чи ваша ця лампа, чи ніту? Ее бариня куповали ваша, як изділи у город.

Я. Наша!

Н а с т я (с ожиданием). Куда ж ее дети?

Я. Брось!

Н а с т я (обязательно и доброжелательно). Та я ж ее до дому знесу... Згодиться, мабуть...

Уходит, приятно шмыгая носом. Я, в мрачном раздумье, смотрит на Шопенгауэра. Тишина. В окна смотрят ртами двое малороссиян и поэтически чухаются. Я — пишет. За дверями голос Нaсти:

А не наставит вам, барин, самовар?

Я (громко). Не тр-р-реба-а!

Входит Настя с коробками из-под конфет в руках.

Що, цей коробчки можно дитям моим знести? Вонь станут ими грати...

Я. Неси-и...

Н а с т я. А самовар вам ще не скоро треба?

Я. Не скоро.

Н а с т я. Так я пійду у школу, вікна буду вставляти тамо. Бо Ольга Николаевна вже турбуються, що дюже холодно. А вам грубку прогопити чи не надо?..

Я. Чи не надо...

Н а с т я. А як знадобиться, то скажить міни, я зараз и протоплю. Тилько дровы все вже... Як бути? Визьмете у двори чи нет?

Я (*грозно*). Чи нет!

Настя уходит. Из всех щелей комнаты вылезает ожесточенная тоска. Небо покрыто тучами, кои прорывають огненные пальцы молнии. Идет снег и две малороссиянки в хусточках. Идет собака Алек<сандры> Андр<еевны> и еще собака. Едет господин становой пристав. Является Настя и говорит добросердечно и сострадательно:

Олга Николаивна оце прислалы вам ваточки для папиросов... А у кухни е макитра...

Я (*по-малороссийски*). Е...

Н а с т я (*грустно*). В ній — трещина...

Я. Трещину возьми себе, а макитру оставь...

Настя рада и смеется, но из скромности, присущей всем малороссиянам, говорит:

Вы шуткуете...

Я (*со слезами в голосе*). Нет...

Н а с т я. А як же я візьму трещину тую, коли вона на цей макитрой?

Я. Возьми с макитрой!

Н а с т я (*скромно*). Спасибі... Но вона учитилива, тая макитра. Учительша Лудмила...

Я. Возьми! Молю — возьми! Возьми и макитру, и учительшу, и трещину, всё возьми и — чёрт тебя возьми!

Н а с т я (*успокоительно*). Вы не сердитісь... Бо я...

Я. То — я! Уходи... всё возьми!

Н а с т я (*грустно*). Спасибі! Тилько тамо бильшьничого нема. Бо я вже всё забрала...

Я — умирает от тоски. Настя смотрит на писателя с состраданием и с ожиданием, очевидно готовая и его взять себе. Понимая ее намерения, писатель поджимает под себя ноги и ежится. Настя спрашивает:

Мабуть, вже пора и самовар вам наставити?

Я (*с радостью*). Ставь! Скорее! Иди!

Настя, малороссиянка, уходит. Я— бросается к двери и загораживает ее столом, стулом, комодом, а потом ложится в постель, с плачем декламируя:

— Братья-писатели! В вашей судьбе что-то лежит роковое.

Гром, снег, плеск проливаемой малороссиянкой Настей воды, падение самоварной трубы. В воздухе носятся кишки пани Рыженькой, и сама она, ловя их, носится за ними. Роман лежит на столе и хохочет.
Землетрясение и занавес.

КОНСТИТУЦИЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАНКАН С ОСТОРОЖНОСТЬЮ, НО БЕЗ СТЫДА

Действие происходит в области пылких вожделений.

Действуют, по преимуществу языками:

К о н с т и т у ц и я — существо неопределенного пола и возраста, но уже довольно потрепанное. Вместо лица — пасть, широко открытая, в коей множество крепких зубов.

Д у р н о в о — ее незаконный сожитель. Лицо известное...

В и т т е, именуемый графом. Посаженный папаша вышеназванной четы. Род занятий — ищет денег и министров. Лицо разноречливое.

П е т р у к е в и ч разнообразны, бывшие революционеры и крамольники. Лица, воспаленные стремлением ко власти.

М о с к о в с к а я ведомость — ведьма весьма свирепого характера. Хромая, прыгает на одной правой ноге. Лицо черное со злости.

Р у с с к а я ведомость — ведьма умеренной свирепости. Долго считалась доброй феей. Спльно прихрамывает на правую ногу. Лицо постное.

М о н а р х и с т ы. Видом — черные. Руки по локоть в крови. Лица искаженные.

М е щ а н е всех калибров. Личности серые и обеспокоенные.

П р о л е т а р и — люди, солидарно голодающие. Невежественны и дерзки, почему и не признают священной необходимости идти на службу Конституции. Обладают волшебной силой останавливать движение жизни.

Сцена представляет местность, застроенную многоэтажными домами, в коих, бездействуя, унывают и злятся обеспокоенные мещане. Водопроводы, электричество, телефоны, телеграфы тоже бездействуют. По улицам независимо ходят пролетарии, видимо, намерены совершить нечто вредное, но не де-

лают ничего необходимого для продолжения спокойной жизни. На крыше пятиэтажного здания заседают разнообразные П е т р у н к е в и ч и и щебечут. Из окна одного дома тревожно смотрит Р у с с к а я в е д о м о с т ь, из окна другого пророчески озирает всё видимое и невидимое М о с к о в с к а я в е д о м о с т ь. В п т т е, пменуемый графом, в костюме тряпичника, с палкой в руке и мешком за плечами, озабоченно ходит по дворам. Откуда-то доносится сильный запах Д у р н о в о. К о н с т и т у ц и и не видно. В воздухе, густо насыщенном серой пылью либерализма, носятся слухи, подобно летучим мышам. П р о л е т а р и и дерзповенно не обращают ни на что внимания, упрорно занятые преследованием своей, очевидно преступной, цели.

О сиятельнойш<пй> Витте,
Поскорей нас призовите
К власти!
Мы бы задали народу
И свободу.¹
Мы бы живо укротили
Страсти.

Дурново путем усиленной охраны
залечит раны.¹

Бюрократизм — наш злейший враг:
Вперед не делаем ни шагу.
Мы не уступим ни на шаг
И тоже сочиним бумагу.

Но во всем виноваты
Социал-демократы!

Ах, как надоело мне всё красное.

П. Н. М и л ю к о в. Если будет включено в прог<амму>, принято будет равноправие женщин, то я — человек искренний — и всё бюро уходим. Принципиально я не противник равнопр<авия> женщин, но

¹ Пропуски — в автографе.

включить в программу практическ<ой> политики серье<зкой> парт<ии> — не нахожу возмож<ным>.

Щепкин и 11 г<ласных>. Милиция, коя будет учреждена, должна защищать собственность и порядок от нарушений, с чьей бы стороны они ни исходили.

Мануйлов. Свобода собраний — ну, теперь можно постороннюю публику не пускать в университет<ы>.

С. Н. Прокопович. Не бейте стекол.

П. Долгоруков (при обсуж<дении> аграр<ной> прогр<аммы>). Мы — партия внеклассовая.

ПРИМЕЧАНИЯ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Андреева* — Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., «Искусство», 1968.
- Архив Г₁* — XII — Архив А. М. Горького, т. I. История русской литературы. М., Гослитиздат, 1939; т. II. Пьесы и сценарии. М., Гослитиздат, 1941; т. III. Повести, воспоминания, публицистика. Статьи о литературе, 1951; т. IV. Письма к К. П. Пятницкому, 1954; т. V. Письма к Е. П. Пешковой, 1955; т. VI. Художественные произведения. Планы. Наброски. Заметки о литературе и языке, 1957; т. VII. Письма к писателям и И. П. Ладыжникову, 1959; т. VIII. Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., Изд-во АН СССР, 1960; т. IX. Письма к Е. П. Пешковой. М., Гослитиздат, 1966; т. X. М. Горький и советская печать. М., Изд-во АН СССР, кн. 1, 1964; кн. 2, 1965; т. XI. Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым, 1966; т. XII. Художественные произведения. Статьи. Заметки. М., «Наука», 1969.
- Воровский* — В. В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1956.
- В С* — М. Горький в воспоминаниях современников. М., Гослитиздат, 1955.
- Г и революция 1905 г.* — М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. М., Изд-во АН СССР, 1957.
- Г и Чехов* — М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи, высказывания. М.—Л., 1951.
- Г, Материалы* — М. Горький. Материалы и исследования, тт. I и III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1934 и 1941.
- Г-30* — М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. М., Гослитиздат, 1949—1953.
- Г сборник* — Горьковский сборник. Ученые записки Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького, вып. 110, 1968.
- Г Чтения* — Горьковские чтения, 1959—1960, 1961—1964 — М., Изд-во АН СССР, 1964, 1966, 1968.
- Дни и годы* — Л. Фрейдкина. Дни и годы В. И. Немпровича-Данченко. Летопись жизни и творчества. М., 1962.
- Дтц* (Дитц) — Verlag von J. H. W. Dietz Nachfolger. Berlin, 1905.

- Зн*₁₋₁₀ — М. Горький. Рассказы. СПб., изд. товарищества «Знание», тт. I — IV, 1900; т. V, 1901; тт. I — IV, изд. 2, 1901; т. VI («Пьесы»), 1902; т. V, изд. 2; 1903; тт. I — IV, изд. 3, 1901; тт. I — V, изд. 4, 1903; тт. I — VI, изд. 5, 1903; тт. I — V, изд. 6, 1903; тт. I — V, изд. 7, 1903; тт. I — IV, изд. 8, 1903; тт. I — VI, изд. 9, 1903; т. VII («Пьесы»), изд. 1, 1906; т. VIII («Пьесы»), изд. 1, 1908; т. I, изд. 10, 1908; т. II, изд. 10, 1911; т. IX, изд. 1, 1910; т. III, изд. 10, 1912; т. IV, изд. 10, 1910.
- Из прошлого* — Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., 1938.
- К* — М. Горький. Собрание сочинений, тт. 1—21. Verlag «Kniga». Berlin, 1923—1928.
- ЛБГ* — личная библиотека М. Горького.
- ЛЖТ*_{1-IV} — Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. I — IV. М., Изд-во АН СССР, 1958—1960.
- Лит Насл* — «Литературное наследство», тт. 70, 72. М., Изд-во АН СССР, 1963, 1965.
- Луначарский* — А. В. Луначарский. Собрание сочинений в 8 томах. М., ГИХЛ. 1963—1967.
- Михайловский* — Б. В. Михайловский. Драматургия М. Горького эпохи первой русской революции. М., «Искусство», 1955.
- Немирович* — В. И. Немирович-Данченко. Театральное наследие, тт. 1, 2, 1954.
- Нестеров* — М. В. Нестеров. Из писем. Л., «Искусство», 1968.
- Новиков* — В. В. Новиков. Творческая лаборатория М. Горького-драматурга, М., 1965.
- Переписка* — Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер, т. 2. М., 1936.
- ПТ* — первопечатный текст.
- Рев путь Г* — Революционный путь Горького. М.—Л., 1933.
- Сб Зн* — «Сборник товарищества „Знание“».
- Станиславский* — К. С. Станиславский. Собрание сочинений в 8 томах. М., 1954—1958.
- Чехов* — А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. М., 1944—1951.

В седьмой том настоящего издания вошли пьесы и драматические наброски, написанные Горьким в перерыв с сентября 1897 г. по август 1906 г. Все пьесы включались автором в собрания его сочинений. Драматические наброски «Тьфу!» и «Конституция» в собрание сочинений вошли впервые, при жизни автора они не печатались.

Основные принципы распределения произведений по томам изложены в предисловии от Института (см. т. I, стр. 5—10).

Тексты седьмого тома подготовили и примечания к ним составили: *Л. А. Евстигнеева* («Тьфу!», «Конституция»), *А. М. Крюкова* («Дачники»), *В. С. Нечаева* («Мещане» — текст и текстологическая часть примечаний), *М. Г. Петрова* («Дети солнца»), *И. А. Ревякина* («Варвары»), *В. Ю. Троицкий* («На дне», «Враги»). Историко-литературная часть примечаний к пьесе «Мещане» написана *А. И. Овчаренко*.

Тексты рассмотрены и утверждены специальной Текстологической комиссией под председательством *В. С. Нечаевой*.

В редакционной работе, связанной с подготовкой тома к печати, принял участие *Н. Н. Жегалов*.

ПЬЕСЫ

МЕЩАНЕ

(Стр. 5)

Впервые напечатано отдельной книгой: М. Г о р ь к и й. Мещане. Сцены в доме Бессеменова. Драматический эскиз в 4 актах. СПб., изд. т-ва «Знание», 1902. В последующих прижизненных изданиях печаталось без подзаголовков.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Рукопись-автограф со значительной авторской правкой; четвертое действие — в двух редакциях (ХПГ-37-3-6).

2. Машинописная копия рукописи, правленная автором — АМ (ХПГ-37-3-1).

3. Машинописная копия с цензорскими исключениями, сделанными красными чернилами (ХПГ-37-3-7).

4. Три печатных текста, в разное время представлявшиеся в цензуру (ХПГ-37-3-9, 4 и 10).

5. Печатный текст *Эн* без авторской правки, послуживший оригиналом набора для *К* (ХПГ-37-3-3).

Печатается по АМ со следующими исправлениями по автографу ¹:

Стр. 12, строка 9: «Ты почему знаешь?» вместо «Ты почему знаешь?»

Стр. 15, строка 25: «П е р ч и х и н (*усяживаясь*)» вместо «П е р ч и х и н (*улыбаясь*)».

Стр. 17, строка 7: «Толстенькие эдакие пичужки» вместо «Малешенькие эдакие пичужки».

Стр. 18, строка 33: «Поля ласково смотрит» вместо «Поля молча смотрит».

Стр. 21, строка 22: «Вот уберусь только» вместо «Вот уберу только».

Стр. 21, строка 29: «в то время» вместо «в ту пору».

Стр. 21, строка 39: «смотрит на Перчихина» вместо «смотрит на Петра».

Стр. 23, строка 30: «Тетерев (*усмехаясь*)» вместо «Тетерев (*ухмыляясь*)».

Стр. 26, строка 1: «Как интересно было» вместо «Вот интересно было».

Стр. 34, строка 40: «Петр (*вскипая*)» вместо «Петр (*вскакивая*)».

¹ Исправления мелких разночтений и опечаток машинистки не оговариваются.

- Стр. 36, строки 23—24:* «неожиданное появление» вместо «неожиданный приход».
- Стр. 37, строка 14:* «Куда нас?» вместо «Куда нам?»
- Стр. 37, строка 30:* «говоришь... рассудительно, серьезно» вместо «говоришь... рассудительно».
- Стр. 38, строка 5:* «об еде спрашивал» вместо «об обеде спрашивал».
- Стр. 39, строка 19:* «С курьерским, например,— фыть!» вместо «С курьерским, например».
- Стр. 42, строки 4—5:* «Подь-ка сюда!» вместо «Поди-ка сюда!»
- Стр. 43, строка 41:* «по способностям» вместо «по способностн».
- Стр. 48, строка 24:* «Обиды этой я не прощу, не могу!» вместо «Обиды этой я не прощу!»
- Стр. 49, строка 33:* «Мерзавцев — тьма!» вместо «Мерзавцев — тьма!»
- Стр. 50, строка 18:* «Она — тоже любит жизнь» вместо «Она — тоже любит жить».
- Стр. 57, строки 20—21:* «Дочь! Будто не знает, ишь!» вместо «Будто не знает!»
- Стр. 66, строка 28:* «Ведь это больно? Очень? Страшно?» вместо «Ведь это больно? Очень больно? Очень? Страшно?»
- Стр. 67, строки 25—26:* «целовать вам руки...» вместо «целовать вам рук».
- Стр. 71, строки 30—31:* «скорчили прескверную рожу» вместо «скроили прескверную рожу».
- Стр. 74, строка 14:* «растрепанный» вместо «расстроенный».
- Стр. 77, строка 9:* «Петр прижимается» вместо «Петр приближается».
- Стр. 78, строка 25:* «глаза моих мальчишек» вместо «глаза своих мальчишек».
- Стр. 80, строка 39:* «это не умная штука» вместо «это не умная шутка».
- Стр. 84, строка 40:* «Нил, Пелагея, Елена, Маша» вместо «Палагея, Елена, Маша».
- Стр. 86, строка 13:* «Прав — не дают, правá — берут» вместо «Права не дают, права берут».
- Стр. 86, строка 15:* «грудой обязанностей» вместо «грубой обязанностью».
- Стр. 86, строка 37:* «ни капли уважения» вместо «никакого уважения».
- Стр. 88, строка 7:* «Да будет вам!» вместо «Ну будет вам!»
- Стр. 89, строка 30:* «И я на все средства» вместо «И на все средства».
- Стр. 89, строки 34—35:* «смысл глубочайший науки» вместо «смысл глубочайшей науки».
- Стр. 91, строка 20:* «А кулина Ивановна (тоже недовольно)» вместо «А кулина Ивановна».
- Стр. 93, строка 11:* «когда будет тверезый...» вместо «когда будет трезвый».

Стр. 95, строка 17: «смотрит на нее и на всех» вместо «смотрит на всех».

Стр. 96, строки 31—32: «Я отработал всё, что съел!» вместо «Я отработаю всё, что съел!»

Стр. 96, строка 35: «Идем отсюда!» вместо «Пойдем отсюда!»

Стр. 97, строка 11: «что всё вышло» вместо «что вышло».

Стр. 97, строки 15—16: «разве я виновна?» вместо «разве я виновата?»

Стр. 99, строки 21—22: «Сурьезный ты...» вместо «Серьезный ты...»

Стр. 100, строки 31—33: «знаками показываает *o* как бы шугая птиц» вместо «знаком показывая *o* как бы пугая птиц».

Стр. 104, строка 12: «немножко» вместо «немного».

Стр. 105, строки 11—12: «Милый ты мой! Несчастные мы! За что нас детки-то?» вместо «Милый ты мой! За что нас детки-то?»

Замысел пьесы «Мещане» относится ко второй половине 1900 г. В начале октября этого года Горький, сообщая А. П. Чехову о своей встрече в Москве с В. И. Немировичем-Данченко, писал: «Я рассказал ему мою пьесу, и он сразу, двумя-тремя замечаниями, меткими, верными, привел мою пьесу в себя. Всё исправил, переставил, и я удивился сам, как всё вышло ловко и стройно» (Г-30, т. 28, стр. 133). Это упоминание, вероятно, относится к «Мещанам», над темой которых Горький серьезно думал в то время. В феврале — марте 1901 г. В. А. Поссе сообщал К. П. Пятницкому, что Горький, находясь в Петербурге, уже рассказывал целые сцены из «Мещан» (К. П. П я т н и ц к и й. «Мещане». Источники работы, истории изданий — по письмам и документам. — Архив А. М. Горького, ОПГ-7-11-2). К середине апреля 1901 г. были написаны два действия и шла работа над третьим. Арест писателя в ночь с 16 на 17 апреля 1901 г. и заключение в нижегородскую тюрьму прервали работу автора над «Мещанами». «Жаль, что отобрали пьесу, — писал он Е. П. Пешковой 29 апреля из тюрьмы, — я бы ее и писал теперь» (Г-30, т. 28, стр. 161).

В работе над пьесой наступил длительный перерыв. «...Пьеса — пока не подвигается вперед», — сообщал Горький Чехову 27 июня 1901 г. (там же, стр. 167). Но, возвратившись к ней в сентябре, писатель за несколько дней довел ее до конца. «Драму пишу во всю мочь и чувствую, что она не выходит у меня», — сообщал он Чехову в середине сентября 1901 г. А 20—21 сентября уведомлял Пятницкого: «Дня через три, четыре кончу драму, выпишу сюда Немировича и прочитаю ему» (там же, стр. 176, 177). 25 или 26 сентября Горький писал Чехову: «...драму я копчил, хотелось бы, чтоб Вы послушали ее <...> Ну, драма вышла крикливой, светливой и, кажется, пустой, скучной» (там же, стр. 178).

В последних числах сентября 1901 г. Немирович-Данченко приехал к Горькому в Нижний Новгород, слушал в его чтении пьесу и высоко оценил ее. 1—2 октября Горький писал Пятницкому: «Важно же вот что: я — Ваш Алешка — с честью вы-

держал предварительное испытание на чин драматурга! (Бергисъ, Вильям Шекспир!). Говорю — с честью, — не стыдись — ибо уполномочен моим экзаменатором сказать больше. Вл. Немирович-Данченко клятвенно уверял меня, что пьеса — удалась и что сим делом заниматься я способен. Я ему верю. Он — прямой, искренний человек <...> К тому же он дал мне честное слово, что, если пьеса окажется хуже, т. е. ниже меня — беллетриста, он прямо скажет мне: „Не ставьте! не годится!“ А сейчас он говорит, что я превысил его ожидания и т. д.» (там же, стр. 180).

Письмо это Горький закончил припиской: «Драма моя поехала в Питер держать государственный экзамен». Немирович-Данченко взял у автора рукопись и увез с собой. На запросы Пятницкого, который хотел получить текст пьесы для опубликования, Горький отвечал в письме от 12—13 октября: «Пьесу я пришло Вам, как только Немирович прилетит ее мне. Дело в том, что я отдал ему черновик, он же должен был прислать мне экземпляр, напечатанный на ремпигтоне. В настоящий момент пьеса вместе с Немировичем и Чеховым должна быть в Петербурге» (там же, стр. 181, 182).

В письме, посланном между 17 и 21 октября, Горький вновь сообщил Пятницкому: «...ее <пьесы> нет у меня в руках, и я не могу ее восстановить, ибо Н<емирович>-Д<анченко> взял черновик, а во-вторых — ее обязательно нужно переделать» (*Архив Г. И. В.*, стр. 44).

Во второй половине октября Горький получил пьесу и был очень удивлен: «Немир<ович>-Данченко» прислал почему-то только три <акта>», — сообщил он Пятницкому (там же, стр. 48). А отправляя ему исправленную машинопись 28—29 октября, Горький писал: «Посылаю 3 акта драмы, а четвертого еще не имею» (*Г-30*, т. 28, стр. 194).

Прошло более месяца. Горький переехал из Нижнего Новгорода в Крым, в Олешки, много раз писал Немировичу-Данченко, ожидая текст четвертого действия пьесы. Только в середине декабря он получил его и на другой же день выслал Пятницкому: «Посылаю 4-й акт. Наконец, получил его — вчера! — после десятка писем с просьбой о высылке» (там же, стр. 206).

Задержка с четвертым действием «Мещан» нашла отражение в переписке Чехова с Горьким и О. Л. Книппер (см.: *Г и Чехов*, стр. 99 и 190—191).

«Черновик», взятый Немировичем-Данченко, был тем самым автографом, который хранится ныне в Архиве А. М. Горького. Об этом свидетельствуют штамп Художественного театра, пометы рукой Немировича-Данченко на обложках всех актов и тот факт, что рукопись до 1940 г. хранилась в архиве К. С. Станиславского. На обложке автографа над заглавием «Сцены в доме Бессеменова», написанным Горьким, рукой Немировича-Данченко приписано: «Мещане», а под заглавием, внизу, его же рукой — «в 4 действиях-актах» (ХПГ-37-3-6).

Другим свидетельством является полное тождество текста автографа с текстом, представленным Немировичем-Данченко

в Главное управление по делам цензуры 3 декабря 1901 г. (Архив А. М. Горького, ЦД, № 40369). Тот же текст — и в других цензурованных машинописях, а также в режиссерском экземпляре Станиславского, работавшего над пьесой в январе — феврале 1902 г. (Музей МХАТ'а).

Машинописный текст был прислан Немировичем-Данченко автору без оригинала. При чтении Горький вносил в текст исправления и добавления. Сверка машинописи с автографом показала, что машинистка допустила свыше 150 словесных и буквенных отклонений от перепечатываемого текста. Отчасти это произошло потому, что она исправляла народную речь персонажей на литературную, а ремаркам придавала более обычную форму.

Не располагая оригиналом, Горький правил машинопись по памяти. При этом он не столько исправлял ошибки машинистки, сколько вносил в текст дополнения. Таким образом, правка представляет собою новый этап творческой работы, проведенной автором вскоре после окончания пьесы. Лишь в небольшой степени Горький исправил допущенные машинисткой смысловые искажения, в большей части оставшиеся им не замеченными.

Так как машинопись (ХПГ-37-3-1) послужила оригиналом набора для первого издания «Мещан», то все ее дефекты были закреплены в печатном тексте и переходили далее из издания в издание пьесы. К тому же, при первом наборе были допущены ошибки и опечатки. Посылая в июне 1902 г. Пятницкому рукопись пьесы «На дне», Горький писал: «Будете печатать, — пришлите корректуру, в „Мещанах“ есть ошибки» (*Архив Г*_{1v}, стр. 87).

Всем вышесказанным объясняются исправления, внесенные по автографу в машинописный текст, принятый за основу публикации пьесы в настоящем издании.

Еще до окончания работы над пьесой Горький, как видно из приводившихся выше писем его Чехову и Пятницкому, начал испытывать нарастающее чувство неудовлетворенности. И даже одобрение Немировича-Данченко не рассеяло этого чувства. «Тем не менее, — заканчивал он свой рассказ Пятницкому о встрече с Немировичем-Данченко, — я по совести скажу, — пьеса мне не нравится. Очень не нравится! В ней нет поэзии, вот что! В ней много шума, беспокойства, много нерва, но — нет огня. Я однако не буду ее трогать — чёрт с ней!» (*Г-90*, т. 28, стр. 180). Это утверждение тогда же или несколько позднее он повторил в письмах Л. Андрееву (*Лит Насл.*, т. 72, стр. 97 и 162) и Чехову (*Г и Чехов*, стр. 98).

Следя по письмам Горького за его работой над пьесой, Чехов настойчиво уговаривал писателя не отступать перед трудностями (там же), а когда пьеса была закончена, одним из первых прочел ее. 22 октября 1901 г. он писал Горькому: «Она <пьеса>, как я и ждал, очень хороша, написана по-горьковски, оригинальна, очень интересна и, если начать с того, что говорить о недостатках, то пока я заметил только один, недостаток

непоправимый, как рыжие волосы у рыжего,— это консерватизм формы. Новых, оригинальных людей Вы заставляете петь песни по нотам, имеющим подержанный вид, у Вас четыре акта, действующих лица читают правоучения, чувствуется страх перед длиннотами (...). Но всё сие не суть важно и всё сие, так сказать, утопает в достоинствах пьесы. Перчихин — как живой! Дочка его очаровательна, Татьяна и Петр — тоже, мать их — великолепная старуха. Центральная фигура пьесы — Нил сильно сделан, чрезвычайно интересен! Одним словом, пьеса захватит с первого же акта. Только, храни Вас бог, не позволяйте играть Перчихина никому, кроме Артема, а Нила пусть играет непременно Алексеев-Станиславский. Эти две фигуры сделают именно то, что нужно. Только роль Нила, чудесную роль, нужно сделать вдвое-втрое длинней, ею нужно закончить пьесу, сделать ее главной. Только не противопоставляйте его Петру и Татьяне, пусть он сам по себе, а они сами по себе, все чудесные, превосходные люди, независимо друг от друга. Когда Нил старается казаться выше Петра и Татьяны и говорит про себя, что он молодец, то пропадает элемент, столь присущий нашему рабочему порядочному человеку, элемент скромности. Он хвастает, он спорит, но ведь и без этого видно, что он за человек. Пусть он весел, пусть шалит хоть все четыре акта, пусть много ест после работы — и этого уже довольно, чтобы он овладел публикой. Петр, повторяю, хорош. Вы, вероятно, и не подозреваете, как он хорош. Татьяна тоже законченное лицо, только нужно, во-1), чтобы она была на самом деле учительницей, учила бы детей, приходила бы из школы, возилась бы с учебниками и тетрадками, и, во-2), надо бы, чтобы в 1 или 2 акте говорили бы уже, что она покушалась на отравление; тогда, при этом намеке, отравление в 3-ем акте не покажется неожиданностью и будет уместно. Тетерев говорит слишком много, таких людей надо показывать кусочками, между прочим, ибо как-никак, все-таки сии люди суть эпизодические вездеходы — и в жизни и на сцене. Елену заставьте обедать в 1 акте со всеми, пусть сидит и шутит, — а то ее очень мало, и она неясна. Ее объяснение с Петром резковато; на сцене оно выйдет слишком выпукло. Сделайте ее женщиной страстной, если и не любящей, то влюбчивой.

До постановки осталось еще много времени, и Вы успеете прокорректировать Вашу пьесу еще раз десять. Как жаль, что я уезжаю! Я бы сидел на репетициях Вашей пьесы и писал бы Вам всё, что нужно» (там же, стр. 99—101).

В общем это мнение осталось неизменным и после того, как Чехов прочел четвертый акт пьесы. Он ничего не папсал о нем автору, однако отношение его было известно. «Читал последний акт „Мещан“, — сообщал он О. Л. Книппер-Чеховой 13 декабря 1901 г. — Читал и не понял. Два раза засмеялся, ибо было смешно. Конец мне понравился, только это конец не последнего, а первого или второго акта. Для последнего же нужно бы придумать что-нибудь другое» (там же, стр. 191).

Горький не только согласился с замечаниями Чехова, но и заострил их для себя.

«Я очень обрадовался, — писал он Чехову, — <...> и особенно <...> доволен Вашими указаниями! Дело в том, видите ли, что пьеса мне не нравится, совсем не нравится, но до Вашего письма я не понимал — почему? — а только чувствовал, что она — груба и неуклюжа.

А теперь я вижу, что действительно Тетерев слишком много занимает места, Елена — мало, Нил — испорчен резонерством. А хуже всех — старик. Он — ужасно нехорош, так что мне даже стыдно за него» (*Г-30*, т. 28, стр. 190).

Отношение Чехова к пьесе в дальнейшем было неровным, даже противоречивым. 19 октября 1901 г. он писал В. С. Миролюбову: «Нового в этой пьесе нет ничего, но это хорошая пьеса» (*Г и Чехов*, стр. 189). В письме же А. И. Сумбатову-Южину от 26 февраля 1903 г. он назвал ее «работой гимназической» (там же, стр. 202). Но неизменным было мнение Чехова, что центральной ролью в пьесе является роль Нила и что это роль героическая. 20 января 1902 г. он, например, писал Станиславскому: «Когда я читал „Мещан“, то роль Нила казалась мне центральной. Это не мужик, не мастеровой, а новый человек, обителлигентившийся рабочий. В пьесе он недописан, как мне кажется, дописать его нетрудно и недолго, и жаль, ужасно жаль, что Горький лишён возможности бывать на репетициях» (там же, стр. 193).

В общем устойчивым было и отношение самого Горького к своей первой пьесе. В. Я. Брюсов сообщал 5 ноября 1902 г. П. П. Перцову: «Горький в Москве <...> бранит своих „Мещан“» (*Лит Иссл.*, т. 72, стр. 164). Но, заявив, что не будет ее «трогать», он остался верен своему слову. Единственное исключение, сделанное им в этом отношении, — посланный МХТ «взгляд на действующих лиц». В ноябре 1901 г. Станиславский обратился к автору с просьбой «дать какие-либо указания по поводу пьесы». Горький ответил отказом. «Валяйте, как бог на душу положит» (*Г-30*, т. 28, стр. 194). Но два месяца спустя, видимо, не без воздействия Чехова, он послал Станиславскому обстоятельное письмо:

«По словам Антона Павловича — начались репетиции моей пьесы. Будьте добры принять к сведению мой взгляд на действующих лиц.

Главными фигурами являются — Нил и Поля. Они оба мало говорят — что поделаешь! — больше говорить им нельзя.

Нил — человек спокойно уверенный в своей силе и в своем праве перестраивать жизнь и все ее порядки по его, Нилову, разумению. А его разумение истекает из здорового, бодрого чувства любви к жизни, недостатки которой вызывают в душе его лишь одно чувство — страстное желание уничтожить их. Он, рабочий человек, знает, что жизнь тяжела, трагична; но всё же — лучше ее нет ничего, а она должна и может быть исправлена, перестроена его волей, согласно его желаниям. Он — всегда спокоен, жесты его округлы, не резки, а грациозны, ибо в каждый из них он влагает силы — по инстинкту, не больше

и не меньше того, сколько следует. Раздражаясь, он говорит твердо, отчетливо, — как топором рубит. Его возмущение, его гнев — всё в нем здорово, крепко, а не — нервно и резко. Он быстро успокаивается, но никогда — не уступает.

Поля — скромна, проста и способна на всякое героическое без фраз, без рисовки. Полюбит — раз на всю жизнь, поверит — тоже. Говорить — не умеет, немножко конфузится, заикается, но — коли говорит, так уж верит в правду слов своих, готова сказать их всюду, всем и всё вынести за них.

Тетерев — хотел быть героем, но — жизнь его одолела, смяла, и он ее несправедливо за это. Считая себя богато одаренным — относится к людям свысока. Из всех окружающих его — уважает только Нила, понимая, что этого — не сломишь. На Шипкина смотрит как на хорошего ребенка — с доброй улыбкой. Мещан — воистину ненавидит, считая их — совершенно справедливо — врагами свободной думающей и чувствующих людей, губителями жизни. Неуклюж, и этим даже рисуется.

Перчихин и *Елена* — люди родственные. Оба живут не мудрствуя лукаво, умея находить и смысл и наслаждение в самом процессе жизни. Оба — инстинктивно склонны более к хорошему, чем — дурному. Елена любит быть дрожжами, она ясно, весело улыбается, у нее множество живых жестов, она любит, чтобы за ней ухаживали, чтобы жизнь вокруг ее — кипела радостью, пенилась смехом. Любит Петра из жалости, т. е. даже и не любит, но хочет заразить его счастьем жизни, хочет, чтоб он смеялся. Считает делом чести рассмешить, развеселить покойника, если он сопротивляется, готова ради этого лечь с ним рядом в гроб. Курит тоненькие папироски, умеет хорошо одеться, хотя и дешево. Перчихин — слаб. Понимая, что, ежели жизнь всосет его в глубь себя, она сделает с ним всё, что захочет, он, с откровенной хитростью, обходит ее краешком и ухмыляется — надул, дескать, что, взяла?

Акула и *Иван* — вся в любви к детям и мужу, вся в желании видеть всех окружающих любящими друг друга, кроткими, сытыми. Часто шмыгает носом и всё покачивает головой. Суетлива, пугается шума.

Старик — в нелюбимом, раздражающем душу положении. Жил чёрт знает сколько времени, работал не покладая рук, мошенничал для усиления результатов работы и — вдруг видит, что всё это зря! Не стоило, пожалуй! Не для кого. Дети — решительно не удалась. И жизнь начинает его страшить своим смыслом, которого он не понимает. Говоря, он разрезает воздух ладонью руки, как ножом — поднимет руку к лицу и от носа, не сгибая локтя, движением одной кисти — разрежет воздух. Движения медленные.

Петр — хочет жить спокойно, вне обязанностей к людям, но, чувствуя, что жить так — недостойно человека, ищет оправдания себе, не находит, раздражается. Найдёт он нужные оправдания своего отношения к людям или не найдёт — всё равно! — он будет мещанином, таким же крохобором, как его отец, не столь сильным и работоспособным, как отец, но более

умным и хитрым. Елену любит потому, что чувствует в ней смелость, т. е. то, чего в нем нет, и, разумеется, потому еще, что она красива, кажется доступной, а — не дается. В пьесе он — несчастный парнишка, после, в жизни, будет жалким жуликом, дешевеньким адвокатишкой, без таланта, гласным думы, из тех, которые первыми предлагают послать благодарственную телеграмму министру внутренних дел по тому поводу, что господин градской голова благополучно излечился от завалов в кишках. Нервозец.

Татьяна — хочет жить, но не имеет ни силы, ни смелости и убеждает себя, что жизнь — нехороша, жить — не стоит. Понимает, что в сердце Нила хватило бы энергии противостоять напору несчастий и на ее долю, но — увы! Издергала себя до того, что не способна ни к добру, ни ко злу, не может ревновать, не может даже упрекать. Говорит колкости извиняющимся тоном. Очень несчастна. Возбуждает, однако, не столько жалость и участие к ней, сколько... что-то другое, еще менее ценное.

Шишкин — славный парень. Прямодушная оглобля эдакая. Что думает, то и говорит. Рожа — широкая, здоровая, движения — неуклюжи, стул возьмет — с треском. Ногами задевает за всё, кроме потолка. Костюм — не только небрежен, но и в дырочках.

Цветаева — большие, хорошие глаза, резковата. Одета просто. Ловко щелкает пальцами. Задумываясь, сильно хмурит лоб.

Если Нила будете играть *Вы*, это будет превосходно. Кроме Вас — никого не вижу. Судьбинин еще. Но я его не знаю и не могу судить, каков он может явиться в этой роли» (там же, стр. 219—221).

Царская драматическая цензура с особым «вниманием» отнеслась к первой пьесе Горького. По свидетельству Станиславского, беспощадно вычеркивались «малейшие намеки, могущие вызвать нарушение общественного спокойствия». Царские чиновники боялись, как бы «театр не стал ареной для пропаганды. И правда, в этом направлении замечались попытки» (*Станиславский*, т. 1, стр. 251).

Текст пьесы пришлось представлять в цензуру дважды. При первом просмотре цензор вычеркнул следующие слова и фразы:

Стр. 24, строки 14—15: «Пьяниц у нас любят ∞ любят».

Стр. 24, строки 31—34: «А я говорю ∞ ясное содержание».

Стр. 25, строки 11—13: «Родителям на утешение ∞ слуги общества...»

Стр. 34, строки 6—7: «Может, даже социалистом будет...»

Стр. 35, строки 16—18: «тесно ∞ не годится для нас...»

Стр. 37, строки 19—20: «Время такое ∞ волнуется жизнь!..»

Стр. 38, строки 9—14: «Заставить бы ∞ паровозе... Б е с е м е н о в. Болтай больше! ∞ не было бы!».

Стр. 45, строки 2—4: «Ты законченно ∞ живет и торжествует...».

Стр. 45, строки 17—20: «Лучше пить водку ∞ всю высоко-
сали...»

Стр. 48, строки 35—36: «Хозяин тот, кто трудится...»

Стр. 49, строки 7—8: «Да, хозяин тот, кто трудится... За-
помните-ка это!»

Стр. 50, строки 2—6: «гнилую жизнь! ∞ Не понимаю!
Но —»

Стр. 51, строки 15—17: «Не по росту ∞ сделали тесной...»

Стр. 60, строки 23—26: «Я говорю: жида ∞ чтобы высе-
лил жидов».

Стр. 83, строка 14: «служащие богатым?»

Стр. 85, строки 20—24: «К нему добавить надо ∞ они
пробуют...»

Стр. 89, строки 12—16: «В одном не вижу ∞ здоровом теле».

Одно место, в диалоге Акулины Ивановны с Бессеменовым
(*стр. 61—62, строки 38—2*), было опущено по соображениям
моральным, а не политическим:

«А к у л и н а И в а н о в н а. Может, он жениться и не
думает на кой... а просто так...»

Б е с с е м е н о в. Кабы знать, что так ∞ и даже лучше...»

При вторичном цензуровании пьесы были дополнительно
вычеркнуты следующие фразы и слова:

Стр. 11—12, строки 35—11: «Т а т ь я н а. А я вчера была
в клубе ∞ А к у л и н а И в а н о в н а. Ты почему знаешь?
∞ за обидчицу заступается...»

Стр. 24, строки 27—37: «Н-да... Вы... в самом деле ∞
эти два слова?...»

Стр. 28, строки 16—18: «Придет завтра офицер ∞ если
еще успели...»

Стр. 51, строки 11—18: «Меня, брат, не отведешь. ∞ не-
чем, незачем жить...»

Стр. 68—69, строки 27—13: «Удивительно милые и простые
люди ∞ Тяжело как-то...»

Стр. 80, строки 24—27: «не все еще люди живут! ∞ когда
и они...»

Стр. 86, строки 13—15: «Прав — не дают ∞ грудой обяза-
ностей...»

В начале 1902 г. министр внутренних дел В. Сипягин на-
правил московскому генерал-губернатору великому князю Сер-
гею Александровичу специальное письмо. «Драматическую цен-
зурою в январе сего года, — говорилось в письме, — разрешены
к представлению с исключениями драматические сцены в четырех
действиях Максима Горького под заглавием „Мещане“. Пьеса
в будущем феврале месяце предположена к постановке в Москве
на сцене Художественного театра (К.С. Станиславский и Вл.И. Не-
мирович-Данченко). Хотя из пьесы „Мещане“ устранены все
неудобные в цензурном отношении места и выражения, но, при-
нимая во внимание широкую популярность Горького в извест-
ных кругах публики и особенно молодежи, а также направление
названного писателя, я признал необходимым командировать

на генеральную репетицию означенной пьесы, которая состоится в начале февраля, начальника Главного управления по делам печати князя Н. В. Шаховского. Ввиду тех же соображений не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Высочеству назначить для присутствия на генеральной репетиции пьесы „Мещане“ особое лицо, которое могло бы доложить Вам о сценическом впечатлении, производимом первым драматическим опытом М. Горького. Таким образом представится возможность не допустить до публичного воспроизведения тех отдельных мест или выражений, которые в чтении не производят отрицательного впечатления, но каковые в исполнении на сцене могут вызвать нежелательное действие...» (Архив А.М.Горького, ЦД-2-12).

Вскоре стало известно, что спектакль первоначально будет показан не в Москве, а в Петербурге. «Твои „Мещане“, — писал Горькому Андреев из Москвы 8 февраля 1902 г., — в Москве не пойдут. Повезут в Петербург и там начнут — говорил мне Вишневецкий <...> Работают над пьесой здорово и ждут успеха» (*Лит. Насл.*, т. 72, стр. 139).

Андреев побывал на генеральной репетиции пьесы в Москве. В письме от 20 февраля он сообщал Пятницкому: «...вчера был на генеральной репетиции „Мещан“. Пьеса прекрасная, исполняется превосходно, со всем мастерством Художественного театра. Успех будет несомненный...» (там же, стр. 493).

В марте МХТ выехал на гастроли в Петербург, где 25 марта состоялась премьера. Поллицейские власти приняли меры исключительной предосторожности, чтобы избежать возможных демонстраций. Немирович-Данченко рассказывал, что для проверки публики контролеры были заменены передетыми городовыми. «На генеральную репетицию, в Папаевский театр, где происходили тогда гастроли, — вспоминал Станиславский, — съехался весь „правительствующий“ Петербург, начиная с великих князей и министров, — всевозможные чины, весь цензурный комитет, представители полицейской власти и другие начальствующие лица с женами и семьями. В самый театр и вокруг него был назначен усиленный наряд полиции; на площади перед театром разъезжали конные жандармы. Можно было подумать, что готовился не к генеральной репетиции, а к генеральному сражению» (*Станиславский*, т. 1, стр. 253—254).

Руководители Художественного театра, поставив перед собой цель спасти пьесу Горького для театра, со своей стороны подвергли ее текст добавочным сокращениям. 17 марта 1902 г. О. Л. Книппер писала Чехову: «Есть надежда, что разрешат пьесу. Ты не говори Горькому, что мы много помарали помимо цензуры. После первых спектаклей восстановим опять». Впрочем, она же возмущалась: «...наши оба директора очень много на себя берут: они, кроме цензурных вымарок, так обрезали пьесу, что ничего от нее не осталось. Наши актеры (не участв.) прямо в ужас пришли после вчерашней генеральной <...> От Нила ничего не осталось. И кроме наших помарок, вчера велел еще помарать кн. Шаховской» (*Переписка*, т. 2, стр. 387 и 393).

Памятуя предупреждение, что спектакль разрешат, если не будет «скандалов», Немирович-Данченко не раз во время гастролей появлялся на галерке и просил молодежь не устраивать демонстраций. «Нам этот спектакль нужен, — говорил он, — чтоб Горький писал для театра <...> а беспорядки вызовут репрессии, и мы потеряем такого автора.

Молодежь обещала и свое обещание выполнила. Только в последний спектакль „Мещан“ кто-то, уж на прощанье, не мог сдержаться и как бы для собственного удовлетворения пробасил на весь театр только один раз: „Долой великого князя“ (Из прошлого, стр. 195).

Главное управление по делам печати установило в отношении «Мещан» особый порядок: для постановки пьесы требовалось каждый раз новое разрешение, дававшееся по ходатайству Русского театрального общества или губернатора. Для новой постановки экземпляры пьесы каждый раз специально скреплялся драматической цензурой. Требовалось также ручательство губернатора, что цензурные пропуски не восстаповлены в пьесо («Циркулярное обращение к губернаторам» от 12 октября 1902 г. — Архив А. М. Горького, ЦД-1-12).

«Мещане» были сыграны в Петербурге четыре раза. Немирович-Данченко и О. Л. Книппер говорили о большом успехе пьесы на первых спектаклях. «Пьеса Горького имела успех? Молодцы!!!» — писал Чехов 31 марта 1902 г., отвечая на письмо О. Л. Книппер (Г и Чехов, стр. 195). Иную оценку спектаклям, состоявшимся в Петербурге и в Москве (в Москве впервые пьеса была поставлена 25 октября), дал Станиславский: «На премьере успех постановки был средний, — вспоминал он позднее. — Наибольшая часть его выпала на долю Тетерева — Баранова <...> Спектакль в целом не имел большого успеха ни в Петербурге, ни в Москве, и, несмотря на наши старания, общественно-политическое значение его не дошло до зрителей, если не считать роли Баранова, который меньше всего думал о политике» (Станиславский, т. 1, стр. 254).

Сдержанно оценила спектакль театральная критика. «...театр взглянул на „Мещан“ только как на бытовые картинки...» (— Ф — <Н. Е. Эфрос> «Мещане». — «Новости дня», 1902, № 6963, 27 октября).

Почти одновременно с первым появлением на сцене «Мещане» вышли отдельным изданием (12 марта 1902 г.), и о них заговорила вся печать. «...пьеса, — писал Н. Е. Эфрос, — стала боевым кличем настраивающейся жизни, которая собирается сыграть что-то fortissimo. Она стала синонимом обновленного оптимизма и отрицания „крохоборства“ и мещанства, понимаемого, как <...> „слонянке около жизни“ <...> Мещанин взят и показан Горьким <...> как широкое обобщение целого жизненного строя. И в этом укладе уловлено чутким ухом брожение новых начал, нарастание новой жизни, которая надвигается, которой не разогнать Бессеменовым» (там же). Вопрос о том, как надо понимать мещанство и как понимает его Горький, вызвал ожесточенные споры. В неподписанной рецензии Н. К. Михайловский ут-

верждал, что Горький не дает отчетливого понимания мещанства. «Мещанству, как принципу, — писал он, — могут быть с разных сторон противопоставлены очень разные вещи, не имеющие между собою ничего общего, — и „героизм“ во вкусе „испанского дворянина“, и всякий другой героизм, и „гражданские“ чувства и подвиги, и очень скромные молодые порывы сердца, и всякие уродства от декадентства до садизма и лесбосской любви, и религиозный энтузиазм, и излюбленное г. Горьким пьяное босячество, и безумства Герострата или Нерона, и просто свободная жизнь артиста и проч., проч., — словом всё, что не укладывается в традиционные рамки обыденной плоскости и серости» («Русское богатство», 1902, № 4, отд. II, стр. 59).

Напротив, Чехов считал вопрос совершенно ясным: «...заслуга Горького, — писал он 26 февраля 1903 г. А. И. Сумбатову-Южину, — не в том, что он понравился, а в том, что он первый в России и вообще в свете заговорил с презрением и отвращением о мещанстве, и заговорил именно как раз в то время, когда общество было подготовлено к протесту» (*Г и Чехов*, стр. 202).

Мнение Михайловского вызвало возражение писателей и критиков. В. П. Краинихфельд заявил, что, упрекая Горького, сам Михайловский «...берет под свою защиту и мещанство как сословие, и мещанство как принцип» («Образование», 1902, № 7-8, отд. III, стр. 162).

Пьеса в критике часто сравнивалась с «Отрезанным ломтем» Потехина, «Чужими» Потапенко и «Детями Ванюшина» Найденова. Постоянно упоминались также «Отцы и дети» Тургенева. Соответственно пристальное внимание уделялось столкновению между Бессеменовыми-старшими и Бессеменовыми-младшими, позиция же автора истолковывалась как обличительная: «Г-н Горький — прокурор, и прокурор страстный и строгий <...> Вы виновны, — говорит он, обращаясь и к родителям и к детям <...> Вы дряблы и мещански мизерны, и эту дряблость и мещанскую скарედность по отношению к жизни объясняют все ваши несчастья. Вы как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь» (И. <И. Н. Игнатов>. Литературные новости... — «Русские ведомости», 1902, № 98, 9 апреля).

«В пьесе Горького, — писал Л. Андреев в рецензии на постановку „Мещан“ в МХТ, — „мещанство“ свило себе комфортабельное гнездо в шкуре всех члепов Бессеменовской семьи. [Глубоко] ошибаются те из рецензентов, которые мишенью авторских ударов считают старика Бессеменова, а не его детей. Студента Петра и Татьяну считают чуть ли не жертвами на том основании, что они с родителями всё ссорятся и на жизнь свою жаждутся. Дело в том, что мещанство просто меняет кожу, и если у змеи эта операция происходит безболезненно, то у людей она сопряжена с некоторыми страданиями. И если говорить о мещанстве, то то, которое воплотилось в старике Бессеменове, — это мещанство вчерашнего дня, только па кончике захватившее нынешнее, мещанство глупое, растерянное и наполовину уже ограбленное мещанином сегодняшнего и завтрашнего дня — Петром. [Вот кто истинный мещанин и мещанин опасный, ибо

он только что вылупился, голоден и способен внушать сочувствие. В том, что М. Горький в пестроте текущей жизни сумел найти и в полном смысле слова схватить за шиворот этого невинно-пакового оборотня, сказывается его громадное художественное и общественное чутье.]» (*Лит Насл.*, т. 72, стр. 476).

Для рецензий буржуазных критиков характерны более или менее замаскированная тревога за устои бессеменовского мира и явная неприязнь к Нилу, иногда — стремление как-то «сгладить» основной конфликт пьесы. Ю. И. Айхенвальд сводил пьесу к «конфликту между невежеством и образованием», отказывался признать старика Бессеменова «типичным мещанином», («Русская мысль», 1902, кн. V, отд. III, стр. 139). Он же защищал стариков Бессеменовых от... неоправданной грубости Нила, утверждая, что «...сам Нил, в котором и автор и читатели видят зарю новой жизни, в сущности представляет собою только жгз-нерадостного мещанина» («Русская мысль», 1902, кн. XI, отд. II, стр. 216). Ничего специально мещанского не находил в Бессеменовых А. Р. Кугель (К в и д а м <А. Р. Кугель>. Новые герои.— «Русское слово», 1902, № 300, 31 октября). Аналогичный взгляд высказывал и С. Яблоновский: «...да полно, точно ли уж старик Бессеменов такой „мещанин“?» — вопрошал он и — называл мещанином... Нила: «...но по-мещански ли рассуждает этот сильный и прудставленный нам для лубования Нил, когда говорит, и говорит неоднократно, что его обязательства по отношению к Бессеменову исключительно материальные: „я отработаю всё, что съел“» (С. Я б л о н о в с к и й. Свет и тени...— «Русское слово», 1902, № 302, 2 ноября).

Наиболее отчетливо выразил подобный взгляд Н. Рок, утверждавший, что «Нил душой и стремлениями мещанин: он тянется к такому же мещанскому счастью, но только в несколько иной форме» (Н. Р о к <Н. О. Ракпанн>. Из Москвы...— «Новости и биржевая газета», 1902, № 323, 23 ноября).

Очень энергично защищали Бессеменовых реакционные критики. С восхищением об их «старой правде» писал А. Басаргин <А. И. Введенский> в статье «Критические заметки. Две правды...» («Московские ведомости», 1902, № 107, 20 апреля). «Луч света из темного царства» увидел в старике Бессеменове М. Гольденвейзер («Театр и искусство», 1903, № 26, 22 июня).

Однако и те, кто впдел в «Мещанах» только обычную драму отцов и детей, и те, кто пытался посмотреть на нее более широко, не могли не сказать, что Горький стремился в ней наметить выходы в будущее, показать реальные силы, способные обновить жизнь. «Энергичная физиономия [смелого] борца с мещанством осталась незатемненной [и всяккаженной: не содрогание ужаса вызывает мещанство, а спасительную злость и презрительное сожаление. Оно еще сильно, корни еще глубоки, и далеко вперед, в лице Петра, протягивает оно свои цепкие руки — но жизнь еще сильнее. Пусть носители иного, свободного начала жизни еще не в силах победить мещанство, они во всяком случае добились уже многого: они сумели отравить ему существование]», — пи-

сал Л. Андреев (*Лит Насл*, т. 72, стр. 476). Сам он считал центральной в этом смысле фигуру Тетерева, чему немало способствовало блестящее исполнение этой роли артистом Барановым: «...Тетерев—это орудие крупного калибра» (там же, стр. 479).

Большинство либеральных критиков всё же констатировало, что положительные тенденции жизни автор воплощает прежде всего в образе Нила.

Говоря о том, что «образ философствующего бродяги <Тетерева> является на этот раз в новом освещении», Михайловский писал: «Будущее принадлежит не таким праздно, хотя и красно глаголящим бродягам, а „людям безжалостным, прямыми и твердым, как мечи“. Представителем этих последних является машинист Нил — фигура не новая в нашей литературе, но новая для г. Горького. Нил не пьянствует, не бродяжит, не ораторствует на пессимистические темы, не отлынивает от работы. Он бодр, силен, хочет работать и имеет вполне определенную положительную программу жизни» («Русское богатство», 1902, № 4, отд. II, стр. 61—62).

Е. Авичков, называя драму фальшивой, фразистской, подражательной, утверждал, что писатель выступает в ней в роли утешителя. «Зритель уходит домой <со спектакля> убаюканный красивыми обещаниями Нила, может быть, с тайной уверенностью, что и он кузнец будущего счастья» (Е. А в и ч к о в. Литературные образы и мнения 1903 г. СПб., 1904, стр. 111). Между тем, уверял критик, Нил тоже закончит свою жизнь как мещанин. «Ведь чего добивается Нил? — места в депо!.. Невольно думается, что в жизни, если ему и удастся победить, то это будет не чем иным, как достижением „жизни теплой, жизни сытой, жизни удобной“, и ничего более...» (там же, стр. 110). И. Игнатову будущее Нила рисовалось тоже не очень радужным: «...жестокое обращение с женой, может быть битье, может быть питье, „ндрав“, проявляемый в ссорах и ругательствах, когда затрагиваются личные интересы...» («Русские ведомости», 1902, № 297, 27 октября). Заявляя, что «...все наши симпатии на стороне Нила...», Р. В. Иванов-Разумник замечал: «А ведь, вероятное будущее Нила не сулит нам особенно резкого различия уклада его жизни от жизни Бессеменовых: женится он на Поле, заживут они мирком да ладком <...> они тоже, вероятно, только „переставят мебель“. Допуская вместе с тем, что Нил, возможно, «получит терновый венец», критик восклицал: «Если участь Нила именно такова — то да будет ему триумф!». И — ниже: «...там видно будет, какие этические ценности внесет в мир вступающий в него класс; пока же нашей обязанностью остается борьба рука об руку с ним против общего врага...» (Р. В. И в а н о в - Р а з у м н и к. История русской общественной мысли, т. II. СПб., 1907, стр. 408—410).

А. И. Богданович, утверждая, что для победы над мещанством нужно знать, куда от него уйти, писал: «Нил и его простодушная невеста этого не знают, и их сила в данный момент в том и заключается, что они не задумываются над этим вопросом.

Главное — уйти поскорее и подальше, а там что будет — посмотрим» (А. Б о г д а н о в и ч. Критические заметки... — «Мир божий», 1902, № 5, отд. II, стр. 19).

Некоторые критики, говоря о Ниле, не считали необходимым скрывать своей ненависти к нему. П. Морозов, например, именвал Нила «просто-напросто — грубо-самодовольным эгоистическим животным» и утверждал: «В действительной жизни такие люди часто берут верх, но не в силу каких-нибудь положительных своих качеств, а единственно нахальным наскоком, и от них „приходится плохо“ не одним только „злым и дурным“, а пожалуй, гораздо еще чаще добрым и хорошим, которых они также не стесняются „хватать за горло“, если почему-нибудь так вздумается. Отношения Нила, например, к старику Бессеменову, к несчастной Татьяне просто возмутительны по своей грубой и ничем не обусловленной жестокости. Такие люди — страшны и, несмотря на красивые фразы, не могут внушать никакого к себе сочувствия. Печальна будет та жизнь, в которой они явятся „строптелями“, потому что они в состоянии только рвать друг друга за горло. К счастью, строптелями они быть не могут...» (П. М о р о з о в. Праздник искусства... — «Образование», 1902, № 4, отд. III, стр. 127—128).

Два года спустя критик В. Кедров, развивая тот же взгляд и назвав миропонимание Нила социал-демократическим, обвинял горьковского героя в слепом фанатизме, в отсутствии уважения к чужим убеждениям, в варварской жестокости и т. п. «...Нил и подобные ему провозвестники новых начал жизни, самовольно, без всякого права принявшие за аксиому непогрешимость своих принципов, — это те наглые реформаторы общественного строя, которые, грубо вторгаясь в сферу чужой жизни, чужих убеждений и интересов, хозяйничают там, как у себя дома» (В а с и л и й К е д р о в. В чем истинное значение творчества Максима Горького? СПб., 1904, стр. 82).

В качестве одного из доказательств своих взглядов недоброжелатели Горького пытались использовать неуспех постановки «Мещан». При этом замалчивались истинные причины, помешавшие МХТ достичь настоящего успеха при постановке. А таких причин, как уже отмечалось выше, было немало. Во-первых, царская цензура вычеркнула из пьесы всё, наиболее яркое в социальном отношении. Во-вторых, пьеса не была правильно понята артистами. «Все сцеплялись из-за Нила. Разбирали, что он такое, — сообщала Чехову 29 декабря 1901 г. О. Л. Книппер. — Большинство за то, что это тип не новый и что это в будущем тот же мещанин, еще, пожалуй, почище Бессеменова» (*Переписка*, т. 2, стр. 190). Сама она тоже считала Нила «самым обыкновенным рабочим, каких тысячи на Западе, в России это, может, и ново. Никаких у него особенных запросов нет, здоровый работник, стремящийся если и к свободе, то к свободе в буржуазном смысле» (там же).

Такой взгляд встревожил Чехова. «Мне кажется, — писал он О. Л. Книппер, — что вы, актеры, не поняли „Мещан“. Лузскому нельзя играть Нила; это роль главная, героическая, она

совсем по таланту Станиславскому» (*Г и Чехов*, стр. 192). Одновременно он писал Станиславскому: «Мне кажется, что Нил — это Ваша роль, что это чудесная роль, лучшая мужская роль во всей пьесе» (там же).

Станиславский долго раздумывал над этими словами Чехова, но в конце концов отказался от центральной роли. Роль Нила была поручена артисту С. Н. Судьбинину и испорчена им, что почти единодушно констатировали критики.

«...если г. Судьбинин хотел выставить Нила в отталкивающем образе бессердечного „мерзавца“, он достиг своей цели» (И. <И. Н. Игнатов>. «Мещане»... — «Русские ведомости», 1902, № 297, 27 октября). «Грубым и явно ограниченным казался Нил в исполнении г. Судьбинина» (Н е ж д а н о в. О «Мещанах» Горького... — «Курьер», 1902, № 298, 28 октября). «Нил в истолковании г. Судьбинина <...> был неспмипатичен, зол и далек от всякой душевной чуткости» (Ю. А. <Ю. И. Айхенвальд>. «Мещане» Максима Горького. — «Русская мысль», 1902, кн. 11, отд. II, стр. 218).

Наконец, неуспех пьесы объяснялся тем, что в Петербурге спектакль был показан только абонированной публике; в Москве на представлениях пьесы неизменно присутствовала полиция.

Обо всем этом не забывали критики, желавшие разобраться в пьесе и ее постановках объективно.

Решительно выступая против попыток извратить подлинный смысл пьесы «Мещане», сочувствовавшие марксизму критики рассматривали первый драматургический опыт писателя в неразрывной связи со всем его предыдущим творчеством. Так, Андреевич <Е. А. Соловьев> о старике Бессемёнове писал: «Это человек без семени, который не только не создает новой жизни, но и не пойдет ей навстречу, не будет радостно приветствовать ее». Касаясь положительных героев и говоря о несомненных симпатиях, питаемых автором к Тетереву, критик вместе с тем приходил к заключению об изменении «центральной фигуры Горького» (А н д р е е в и ч. «Мещане» Горького. — «Научное обозрение», 1902, № 4, стр. 171, 181). По мнению критика, будущее мира Горький воплощает в образах Нила и Поли. Это — «молодость духа и жизни», новые люди, бесстрашные, веселые духом, готовые на борьбу. «Они новые потому, что в них есть „семена“, из которых должна развиваться грядущая свободная жизнь; это им принадлежит будущее» (там же, стр. 173, 177). Критик подчеркивал, что блага личной жизни и для Нила и для Поли находятся на втором плане. «Жизнь они берут прежде всего как борьбу и — люди сильные, добрые, верующие — радуются ей». Борьба Нила с Бессемёновыми, утверждал критик, не семейная драма, «тут же за стеной вы чувствуете общество. Оно постоянно заставляет говорить о себе»; это оно «внушило Нилу и Поле такое высокое, ясное представление о собственном достоинстве» (там же, стр. 182).

По утверждению В. П. Кранихфельда, Нил «...обрисован, по условиям, лежащим вне таланта художника, не совсем ясно, но

и при всем том в здоровой, сильной фигуре молодого машиниста, для которого „жить, — даже и не будучи влюбленным, — славное занятие“, нельзя не видеть полную антитезу мещанства, всё мирозерцание которого прогнило неотразимой скукой» («Образование», 1902, № 7-8, отд. III, стр. 160).

«Давно литература не создавала „героев“, — писал критик С. Сутугин. — А Нил бесспорно „герой“, хотя он и говорит про себя: „...я знаю, что я не богатырь, а просто честный, здоровый человек“. Но на самом деле он „герой“, „богатырь“. Если и не богатырь, то — „молодец“. Все кругом на него смотрят, как на „молодца“, и он привык к этому, привык сам на себя так смотреть. В его речи, в его манерах — не только одна сила, которая „живчиком по жилочкам переливается“, не только сознание этой силы, но любованье ею, расчет и привычка производить ею эффект. Всё это я говорю не в осуждение; я восхищаюсь мастерством, с каким нарисован Нил <...> „Нахвтался где-то... чего-то... уважения нет ни к чему на свете“, — бранит его Бессеменов. Но это неправда. Нил не уважает, так сказать, самого уважения. А если что заслуживает участия, то „на все средства души моей удовлетворю мое желание тому помешать, этому помочь... вот в чем радость жизни“» (С. С у т у г и н. «Мещане». — «Театр и искусство», 1902, № 15, 7 апреля).

«Медленно закрывается занавес, — писал другой критик, — но вы понимаете, что действие не окончилось, что оно будет продолжаться, что смелые афоризмы и призывы Нила не пропадут даром, что будет борьба, и мещане „пройдут, исчезнут, как исчезают нарвы на здоровом теле“. И не смутное впечатление мещанской сутолоки и бестолочи выносит из театра зритель, а увеличенный интерес к жизни и сознание, что „будущее принадлежит людям честного труда“» (И. Б и б и к о в. М. Горький как драматург... М., 1903, стр. 40).

Одним из первых критиков-марксистов, давших наиболее правильную характеристику «Мещан», был А. А. Дивильковский. В обширной статье о раннем Горьком он писал, что в «Мещанах» «поразительно сильной кистью набросан контраст между разлагающимся прошлым и бодрым рождающимся будущим» («Правда», 1905, апрель, стр. 133). Особое внимание читателей и зрителей критик стремился привлечь к фигуре Нила. «Нил, — писал он, — как будто человек с другой планеты <...> Нил — как будто образец светлого будущего <...> Если же принять во внимание, что „положительность“ тут не носит в себе ничего взвинченного, вымученного, искусственного (как у Штольца в „Обломове“, Русакова в „Не в свои сани не садись“), что Нил не менее, чем героизмом, поражает нас необычайной жизненностью, простотой, так сказать, обыденностью всего облика, малейшего движения, вполне равняясь в этом отношении с лучшими типами новелл и с Ильей Лупевым из „Троих“, то мы согласимся, что здесь М. Горький начинает достигать вершин, доступных силе художественного творчества, когда последнее само перестает быть простым словом или образом, становясь делом...» (там же, стр. 128).

Другие критики-марксисты вначале поддались в той или иной степени распространенному взгляду на «Мещан» как на драму «отцов и детей».

В статье «Раскол в „темном царстве“» (1903) В. В. Воровский, рассматривая Бессеменовых, как повторение Кит Китычей, «темного царства», правда, разъедаемого временем, относил Константина Ванюшина к «правой части», Нила — к «левой части» распадающегося мещанства и утверждал: «Да и вряд ли можно говорить об его взглядах и суждениях: если таковые у него имеются, так и то лишь в самом отрывочном, необобщенном виде» (Воровский, стр. 86). Критик при этом оговаривался, что Нил — отщепенец, «порывающий все связи с родной группой», что он рано начал «тянуть трудовую лямку». «Этот личный тяжелый труд со всеми его отрицательными сторонами, общество таких же тружеников, ежедневные столкновения с капиталом на службе, с семейным авторитетом дома — всё это обладает такой чудовищной воспитательной силой, перед которой пасуют все охранительные влияния домашней обстановки» (там же, стр. 81, 85).

А. В. Луначарский, коснувшись «Мещан» в статье о «Дачниках» (1905), писал: «Старый, прежде незыблемый материк мещанства — Бессеменовы-отцы, растерянные и испуганные, отступают, давая место своим детям, настроенный и желанный которых они не понимают. Бессеменовы-дети вступают в жизнь под разными флагами, и их лица постепенно обрисовываются в ходе самой пьесы. Петр, правое крыло нового мещанства, увлеченный сначала процессом всеобщей ломки, протеста и перестройки, быстро охладевает к делу широкой общественной реформы (...) Левым крылом молодого мещанства является жизнерадостный, уверенный в себе Нил. Он не родной сын Бессеменова, он его приемыш, труд которого долго эксплуатировали под видом благодеяния. Рост крупной промышленности дает ему независимое место в качестве высококвалифицированного рабочего, и он гордо вступает в жизнь, гордо предъявляет свои требования и намерен произвести в бессеменовском мире изменения, бесконечно более глубокие, чем те, о которых мечтает Петр...» (Луначарский, т. 2, стр. 7—8).

В дальнейшем Воровский и Луначарский уточнили свое понимание термина «мещанство», а также свой взгляд на пьесу «Мещане» и ее главного героя. В 1910 г. Воровский, например, писал, что Нил — представитель рабочего мира, он проявляет «более определенные психические черты пролетария», чем другие герои раннего Горького (Воровский, стр. 264). В. М. Фриче тогда же в статье «Эволюция театра и драмы» утверждал, что в «Мещанах» Бессеменовым «противопоставлены, как положительные типы, машинист Нил и модистка Поля». что в этой пьесе едва ли не впервые «звучала страстная речь борцов из пролетариата, борцов за пролетариат» («Из истории новейшей русской литературы». М., «Звено». 1910, стр. 102).

Но еще до первой русской революции в статье «О художнике вообще и некоторых художниках в частности» Луначарский писал: «С некоторой тревогой присматривались мы к произведе-

виям Максима Горького. Элемент проклинающего и горестного романтизма имелся и у него. Но появление „Мещан“ нас успокоило. Читатель Горького, коренной благодарный читатель, отметил прежде всего жизнерадостность пьесы. Жизнерадостны и Нил и Поля, жизнерадостны Цветаева, Шишкин, Елсна...» Приводя слова Тетерева, что эти люди собираются сыграть что-то фортиссимо, Луначарский продолжал: «Коренной читатель Горького — участник этого настраивающегося оркестра (<...> Перефразируя великие слова, мы можем сказать: одним читателям играют на свирели, и они пляшут, другим — поют, а они плачут. Пусть же кто-нибудь трубит зорю и боевые марши: есть читатель, который хочет этого. Господа писатели, этот читатель хочет делать большое дело, — посветите ему» («Русская мысль», 1903, кн. II. См.: *Луначарский*, т. 7, стр. 30—31).

А в 1919 г. Луначарский вспоминал: «Мы, молодые социал-демократы, следя за творчеством Горького, были обрадованы в „Мещанах“ появлением Нила, импонирующего своей любовью к труду, здоровьем — противоположностью интеллигенции» («Вестник театра», 1919, № 17, 1—3 апреля).

Стр. 22. *Акафист* — хвалебное церковное песнопение; есть акафисты в честь Христа, в честь богородицы и святых.

Стр. 23. *Дон Сезар де Базан* — персонаж пьесы Гюго «Рюи-Блаз», которую в черновом варианте «Мещан» предполагали ставить для рабочих Нил, Шишкин и др. Но возможно, что Поля имела в виду героя пьесы «Испанский дворянин» Дюмануара и д'Эннери, носившего то же имя. Пьеса была в репертуаре русских театров в конце XIX и начале XX века и неоднократно упоминается в сочинениях Горького («Между прочим», «В людях», «Жизнь Клыма Самгина»).

Стр. 24. *«Мы во-ольные птицы...»* — Из стихотворения Пушкина «Узник» («Сиджу за решеткой в темнице сырой», 1822). Положено на музыку А. Г. Рубинштейном.

Стр. 25. *«Родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу...»* — Заключительные слова молитвы, читавшейся в учебных заведениях царской России ежедневно перед началом занятий.

Стр. 32. *Allons, enfants de la patri-i-i-e!* — Первый стих французского текста «Марсельезы» («Вперед, дети отечества!»).

Стр. 75. *...есть басня о бочках...* — Имеется в виду басня И. А. Крылова «Две бочки» (1818).

Стр. 80. *...русоволося дочь короля Дункана...* — Шишкин имеет в виду стихотворение Гейне «Die Botschaft», в переводе М. Л. Михайлова — «Гонец»:

Вставай, слуга! коня седлай!
Чрез рощи и поля
Скачи скорее ко дворцу
Дункана короля!

.....

Спроси: которую Дункап
Дочь замуж отдает?

Коль ту, что с русою косою,—
Спешить не надо, брат.

(«Песни Гейне в переводе М. Л. Михайлова». СПб., 1858, стр. 96).

Стр. 82. *Диადочи* (греч.— преемники)— полководцы Александра Македонского, разделившие после его смерти (в 323 г. до н. э.) созданную им империю.

Стр. 85. *Солнца, счастья шел искать...*— Первая строфа стихотворения Гейне «Sterbende» («Умиравшие»). См.: «Песни Гейне в переводе М. Л. Михайлова». СПб., 1858, стр. 133.

Стр. 89. *Вот смысл глубочайший науки!*— Цитируется в переводе А. Н. Плещеева стихотворение Г. Гейне «Доктрина». Посылая Л. Андрееву первое издание «Мещан», Горький сделал надпись:

«Хорошо поет Гейне:

Бери барабан и — не бойся!
Целуй маркитантку звучней!
Вот смысл глубочайший науки,
Вот смысл философии всей!..»

(ЛЖТ₁, стр. 395).

Стр. 90. *...о некотором законе достаточного основания* — у него четыре корня...— Закон достаточного основания, впервые сформулированный немецким философом Лейбницем (1646—1716), — общий логический принцип, согласно которому положение считается истинным только в том случае, если для него может быть сформулировано «достаточное основание», т. е. основание, доказанное опытным путем или выводимое из истинности других положений. Тетерев, очевидно, излагал Елене книгу немецкого философа Шопенгауэра (1788—1860) «О четверояком корне закона достаточного основания».

НА ДНЕ

(Стр. 107)

Впервые напечатано отдельной книгой: М. Горький. На дне жизни. Картины. Четыре акта. Verlag Dr. F. Marchlewski & Co in München. Von Manuskript gedruckt (германское издание русского текста занесено в лейпцигский регистр 23 декабря ст. ст. 1902 г. Архив А. М. Горького, ОПГ-77-11-1). Почти одновременно: М. Горький. На дне. СПб., изд. т-ва «Знание», 1903.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Автограф списка действующих лиц под названием «Без солнца» (ХПГ-39-1-17).
2. То же под заголовком «Ночлежка» (ХПГ-39-1-18).
3. Автограф пьесы — А (ХПГ-39-1-1).
4. Машинопись с правкой автора — АМ₁ (ХПГ-39-1-13).
5. 2-я машинопись с правкой автора — АМ₂ (ХПГ-39-1-4).

6. Машинопись с подцензурной авторской правкой — ЦЭ (ХПГ-39-1-10).

Кроме того, сохранился относящийся, по-видимому, к началу 1900-х годов автограф: «Люди-то? Они найдут! М. Горький» (ХПГ-39-1-20).

В музее МХАТ'а хранится режиссерский экземпляр пьесы с пометами К. С. Станиславского (опубликовано в сб. «Ежегодник Московского Художественного театра, 1945», т. I. М.—Л., 1948, стр. 43—279).

Первый из этих материалов (ХПГ-39-1-17) представляет собой текст на одной стороне листа (л. 8) в общей тетради. Набросок содержит значительную правку автора, в которой различаются по крайней мере два слоя, обнаруживающих поиски фамилий и имен действующих лиц. Текст автографа относится ко времени более позднему, чем то, когда возник первый замысел пьесы. Судя по письмам, в которых излагается этот замысел (см. Г-30, т. 28, стр. 147, 148, 188, 189), его можно приблизительно отнести к ноябрю 1901 г.

Второй автограф (ХПГ-39-1-18) относится, видимо, к январю — февралю 1902 г., когда Горький уже вплотную приступил к работе над пьесой. Заглавие «Ночлежка» написано рукою Горького и подчеркнуто волнистой чертой. Здесь мы находим уже сложившийся и близкий к окончательному тексту круг действующих лиц пьесы. По всей вероятности, этот список непосредственно предшествовал окончательному, ибо на листе значится: «Посвящаю Константину Петровичу Пятницкому (если он ничего не имеет против)». Судя по почерку, эта надпись сделана позже.

К первоначальным наброскам относятся также схема и замечания к оформлению спектакля «На дне» с планом декораций (ХПГ-39-1-3), по-видимому, составленные автором в 1902 г., во время подготовки первой постановки пьесы в Художественном театре.

Первоосновой трех машинописных копий явился автограф — единственная авторская рукопись пьесы, которой мы располагаем. «Получивши черновик пьесы,— писал Пятницкий,— я немедленно изготовил несколько копий. Они были отправлены Горькому. В одну из них он внес свои поправки...» (Архив А. М. Горького, ОПГ-77-11-1).

Автограф пьесы представляет собой текст на обеих сторонах листов линованой бумаги с небольшой авторской правкой. На стр. 31 п 55 имеются карандашные пометки Пятницкого. Рукою Пятницкого проведена и пунктуационная правка красными чернилами. Пятницким же (вероятно, позже) написан и заголовок «На дне».

Первая машинописная копия пьесы (ХПГ-39-1-13), следующая непосредственно за автографом (ХПГ-39-1-1), выправлена Горьким. Его же рукою написаны три значительные вставки в текст III и IV актов и заглавие «На дне жизни», подчеркнутое волнистой чертой.

Вторая машинописная копия (ХПГ-39-1-4), озаглавленная «На дне» (название написано рукою Пятницкого), содержит до-

полнительную, по сравнению с первой машинописной копией, небольшую авторскую правку в III акте. В текст этой машинописи перенесена также вся правка из ХПГ-39-1-13. Вероятно, копия, снятая с этой машинописи, послужила оригиналом набора для *Зн.*: печатный текст почти полностью совпадает с ХПГ-39-1-4.

После правки пьесы в 1902 г. для отдельного издания *Зн₁* Горький не возвращался к ее тексту.

Печатается по тексту *Зн₁* со следующими исправлениями:

Стр. 114, строка 23: «С а т и н. Был... (*Усмехаясь.*)» вместо «С а т и н. Был...» (по ЦЭ).

Стр. 116, строка 16: «полтпшпчек» вместо «полтинник» (по А).

Стр. 120, строка 17: «Вот картонки» вместо «Вот картенки» (по А).

Стр. 121, строки 37—38: «даром не отдаст» вместо «даром не отдает» (по А).

Стр. 132, строки 24—25: «ходил за вода» вместо «ходил за водой» (по А, АМ₁, АМ₂).

Стр. 137, строки 21, 23: «ундер» вместо «унтер» (по А и *Зн.*, вып. 12).

Стр. 159, строка 26: «Лучше убью» вместо «А лучше убью» (по А и АМ₂).

Стр. 161, строка 13: «на земле» вместо «по земле» (по АМ₁ и АМ₂).

Стр. 161, строки 39—40: «Загадок не загадывай» вместо «Загадок не задавай» (по А).

Стр. 162, строка 25: «грозятся» вместо «грозят» (по А).

Стр. 165, строка 28: «Василья-то бы скорее... Э-эхма!» вместо «Василья бы скорее...» (по АМ₁).

Стр. 174, строка 15: «Смеется тихо. Пауза» вместо «Пауза» (по АМ₂).

Стр. 176, строка 23: «Волки! (*Убегает*)» вместо «Волки!» (по ЦЭ).

Первое упоминание о замысле пьесы «На дне» встречаем в воспоминаниях Станиславского, воскрешающих беседу с Горьким, по-видимому, относящуюся к середине апреля 1900 г.:

«Однажды как-то Горький увлекся и рассказал сюжет своей предполагаемой пьесы. Ночлежный дом, духота, нары, длинная, скучная зима. Люди от ужаса озверели, потеряли терпение и надежду и, истощив терпение, изводят друг друга и философствуют. Каждый старается перед другими показать, что он еще человек. Какой-то бывший офицант особенно кичится своей грошовой бумажной манишкой — это единственный остаток от его прежней фрачной жизни. Кто-то из обитателей дома, чтоб насолить офицанту, стащил эту бумажную грудь и разорвал ее пополам. Бывший офицант находит эту разорванную манишку, и из-за этого поднимается целый ужас, свалка. Он в полном отчаянии, так как вместе с манишкой порваны всякие узы с прежней жизнью. Ругательства и споры затянулись до глубокой ночи, но были остановлены неожиданным известием о приближении

обхода — полиции. Торопливые приготовления к встрече полиции, каждый мечется и прячет то, что ему дорого или компрометирует его. Все разлеглись по нарам и притворились спящими. Пришла полиция. Кое-кого без звания увели в участок, и нары засыпают; и только один богомолец-старик сползает в тишине с печи, вынимает из своей сумки восковой огарок, зажигает его и начинает усердно молиться. Откуда-то с нар просовывается голова татарина и говорит:

— Помолись за меня!

На этом первый акт заканчивался» (*Станиславский*, т. 5, стр. 347; о том же, т. 1, стр. 255. См. также письмо театральному критику С. В. Флерову после 16—20 апреля 1900 г., т. 7, стр. 171).

Драма «На дне» возникла в результате широких жизненных наблюдений и философских исканий писателя. Босячество, изображенное в пьесе, было крупным социальным явлением XIX и начала XX столетий. Только в Нижнем Новгороде в 1901 г. было зарегистрировано 4 тысячи «босяков». Прототипы героев пьесы, как указывал сам писатель, он наблюдал в Нижнем, на Миглонной, среди «золотой роты» (*Г-30*, т. 24, стр. 496).

Так, прототипом Сатина был босяк, который «пострадал из-за самоотверженной любви к сестре. Она была замужем за почтовым чиновником. Последний растратил казенные деньги. Ему грозила Сибирь. Сатин достал деньги и тем спас мужа сестры, а тот нагло предал его, уверив, что Сатин не чист на руку. Случайно подслушав клевету, в порыве бешенства, Сатин ударил предателя бутылкой по голове, убил его и был приговорен к ссылке. Сестра умерла. Потом каторжанин вернулся из ссылки и занялся тем, что ходил с распахнутой голой грудью по Нижнему Новгороду с протянутой рукой и на французском языке просил милостыню у дам, которые ему охотно подавали за его живописный романтический вид...» (*Станиславский*, т. 1, стр. 256). Сам Горький писал: «Сатин — дворянин, почтово-телеграфный чиновник, отбыл четыре года тюрьмы за убийство, алкоголь и скандалист, тоже имел „двойника“ — это был брат одного из крупных революционеров, который кончил самоубийством, сидя в тюрьме» (*Г-30*, т. 26, стр. 423—424).

Барона, как рассказывал писатель В. И. Качалову, он также «написал с живого человека, барона Бухгольца, спившегося босяка, попавшего в нижегородскую ночлежку...» (*В С*, стр. 208).

Нетрудно установить и прототип Актера. В письме к нижегородскому фотографу М. П. Дмитриеву от мая — июня 1902 г. Горький просит «сделать снимок с пьяницы-актера Соколовского» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-13-37-4).

«Один из этих персонажей „артист Колосовский-Соколовский“, как сам он рекомендовал себя, часто посещал редакцию „Нижегородского листка“, — писала А. Д. Гриневецкая. — Бывало, быстро и неслышно, легкой тенью впархивал он в редакцию и, торжественно отрекомендовавшись: „артист Колосовский-Соколовский“. деловито, безо всякого „низкопоклонства“, просил дать ему пятачок, чтобы „опохмелиться“.

Это был человек лет 35, с довольно красивым симпатичным интеллигентным лицом, грустными, всегда подернутыми туманом синеватыми глазами. Свою волнистую, серую от пыли и грязи, песчаную, „породистую“ голову он держал гордо и независимо. Костюм „артиста“ состоял из грязного, рваного нижнего белья: грудь раскрыта, сорочка на груди и рукавах разорвана наподобие шалыпинского мельника из „Русалки“ и, развеваясь на ходу, обнажала худое немытое тело. Получив просимую сумму, он обычно задерживал мою руку с монетой и, элегантно „шаркнув ногой“ в знак благодарности, крепко поцеловав ее, говорил любозности сначала по-русски, а затем по-французски, или пачинал декламировать монологи из иггранных им когда-то ролей...» (Архив А. М. Горького, МоГ-3-15-1).

В письме А. В. Яровицкого к С. В. Яровицкому из Нижнего Новгорода (28 июля 1902 г.) читаем:

«На днях Тихомиров <артист МХТ> снова будет в Нижнем. Тогда поведу ему показывать одного здешнего босяка, бывшего актера. Дело в том, что в пьесе есть тоже актер, Горький находит, что будет хорошо загримироваться этим босяком и просит Тихомирова играть как раз актера» (*Г сборник*, стр. 307).

«Когда я писал Бубнова, я видел перед собой, — рассказывал Горький, — не только знакомого „босяка“, но и одного из интеллигентов, моего учителя» (*Г-30*, т. 26, стр. 423).

Для лепки образа Насти многое заимствовано из рассказа Клавдии Грос, предисловие и послесловие к которому писал Горький («Северный курьер», 1899, № 14—15, 14—15 ноября. См. также *Г-30*, т. 23, стр. 293—298).

М. И. Медведева-Орехова, нижегородская знакомая Горького, рассказывала: «В музее Горького, на одной из стен, я увидела собственную карточку, молодой, которую когда-то попросил у меня Алексей Максимович, когда он работал над пьесой „На дне“. Он тогда говорил, что она нужна ему для работы над образом Наташи» (Архив А. М. Горького, МоГ-11-6-2).

В Нижнем Новгороде Горький мог наблюдать многих странников, подобных Луке¹.

Работать над пьесой Горький начал в декабре 1900 г. в Нижнем Новгороде. «Плету потихоньку четырехэтажный драматический чулок со стихами, но не в стихах. Не говорите об этом газетчикам <...> Чувствую, что одна сцена мне удалась — благодаря тому, что в ней главным действующим лицом является солнце...» — писал он в конце 1900 г. Станиславскому (*Г-30*, т. 28, стр. 147). Первоначальное название пьесы («Без солнца»)

¹ «По своему географическому положению Нижний Новгород и вся приволжская часть его уездов представляют самое лучшее и удобнеее место для стечения всякого сброда людей, в том числе странников, с целью отправиться отсюда по большой дороге, „по вольному пути“ (по Волге) в камыши астраханские...» (А. Р о з о в. Странники или бегуны в русском расколе. — «Вестник Европы», 1872, декабрь, стр. 540).

соответствовало этому замыслу. В следующем письме Станиславскому Горький сообщал: «О пьесе — не спрашивайте. Пока я ее не напишу до точки, ее всё равно что нет. Мне очень хочется написать хорошо, хочется написать с радостью <...> Мне хочется солнышка пустить на сцену, веселого солнышка, русского эдакого — не очень яркого, но любящего всё, всё обнимающего. Эх, кабы удалось!..» (там же, стр. 147—148).

Вскоре работа над пьесой была прервана. Новое упоминание о ней встречаем лишь в письме, написанном по окончании работы над «Мещанамп». Сообщая о намерении написать «цикл драм», Горький называет среди них пьесу о босьяках. «Еще одну: босьяки. Татарин, еврей, актер, хозяйка почлежного дома, воры, сыщик, проститутки. Это будет страшно. У меня уже готовы планы, я вижу — лица, фигуры, слышу голоса, речи; мотивы действий — ясны, всё ясно!» (там же, стр. 188—189).

В самом конце ноября 1901 г. Горький, живший в то время в Олеше, приступает к непосредственной работе над пьесой. «Вчера у меня был Горький, — сообщал А. П. Чехов О. Л. Книппер 30 ноября. — Он здоров, собирается написать еще одну пьесу» (*Переписка*, т. 2, стр. 113).

Сам Горький писал Станиславскому в середине января 1902 г.: «Затеял еще пьесу. Босьяцкую. Действующих лиц — человек 20. Очень любопытно — что выйдет» (*Г-30*, т. 28, стр. 221).

В письме Горького артисту И. А. Тихомирову в марте 1902 г. уже определенно намечаются копуры и основная идея пьесы: «В будущей моей пьесе я очень буду просить Вас играть роль спившегося актера-босьяка. Это человек, который в первом акте с гордостью говорит: „М-мой организм отравлен алкоголем!“ — потому говорит с гордостью, что *хоть этим* хочет выделиться себя из среды серых, погибших людей. В этой фразе — остатки его чувства человеческого достоинства. Во втором акте — он весело слушает пение одной сирены, — она поет ложь из жалости к людям, она знает, что правда — молот, удары ее эти люди не выдержат, и она хочет все-таки обласкать их, сделать им хоть что-нибудь хорошее, дать хоть каплю меда и — лжет. Актер слушает, смеется, верит, что где-то на свете есть бесплатная лечебница для алкоголиков, что он достигнет ее и вылечится и будет вновь играть в „Гамлете“ второго могильщика, и он живет этой надеждой до четвертого акта — до смерти надежды и его души» (*Г-30*, т. 28, стр. 240—241).

Работа над пьесой продолжалась до самого отъезда писателя из Крыма (23 апреля 1902 г.). «Весной 1902 года, — вспоминал Немирович-Данченко, — приехав в Ялту, я узнал, что Алексей Максимович живет в Олеше, и когда я к нему туда приехал, он мне прочел два первых акта „На дне“...» (*Немирович*, т. 1, стр. 111). Сцены из еще не оконченной пьесы Горький читал и Л. Н. Толстому. «Прочитал ему сцены из пьесы „На дне“, — вспоминал Горький в очерке „Лев Толстой“, — он выслушал внимательно, потом спросил:

— Зачем вы пишете это?

Я объяснил как умел...» (*Г-30*, т. 14, стр. 270).

«Как любезно сообщила мне Е. П. Пешкова,— писал Б. В. Михайловский,— Алексей Максимович, находясь в Крыму, создал первоначальную редакцию первых трех актов „На дне“. Рукопись эта была уничтожена автором после оформления окончательной редакции...» (*Михайловский*, стр. 142).

В Арзамасе, куда Горький был выслан под надзор полиции, он продолжал работу.

«Начал работать,— сообщал он Пятницкому в письме от 21—22 мая 1902 г.— Когда я писал „Мещан“, меня арестовали на 3-м акте. Теперь я как раз пишу третий акт» (*Г-30*, т. 28, стр. 251). В письме Пятницкому от 30 мая сам Горький так изображал обстановку работы:

«Жарко! В окна смотрит полицейский и создаст иллюзию домашнего ареста в коробке, температура которой — 60.

Скоро окончу пьесу. Выходит довольно плохо. Самое трудное — 4-й акт, чёрт бы его драл!» (там же, стр. 253).

7 июня тому же адресату: «Скоро кончу пьесу. На днях. Приезжайте — прочту! Коцшв — пошлю ее Вам, а не в театр. В театр дадите Вы самп, им теперь всё равно не нужно, ибо репетиций — до августа — не будет» (там же, стр. 254). Приблизительно в то же время — Чехову: «Скоро пришлю Вам пьесу, сообщите — куда?» (там же, стр. 256). 15 июня Горький телеграфировал Пятницкому, что высылает пьесу. А в письме, посланном из Арзамаса 16 июня, писал ему же:

«Получите пьесу. Если она понравится Вам -- разрешите посвятить <...> Будьте добры — закажите напечатать на ремингтоне два экземпляра, один — для театра, другой -- мне, для поправок. Будете печатать — пришлите корректуру, в „Мещанах“ есть ошибки» (там же, стр. 257). 20—21 июня он вновь писал Пятницкому: «...Жду письма по поводу пьесы» (там же, стр. 259). 22 или 23 июня — Немировичу-Данченко: «Пьесу я кончил и несколько дней тому назад послал в Питер, „Знанию“, которое перешлет ее за границу для перевода. Вам вышлют экземпляр, напечатанный на ремингтоне, но — куда выслать? <...> Сообщите» (там же, стр. 261).

4 июля Горький телеграфировал Пятницкому: «Шестнадцатого июня послал Вам пьесу, телеграфируйте, получили или нет, боюсь, пропала» (*Архив Г_{IV}*, стр. 92). 5 июля ему же сообщал: «Сейчас получил телеграмму с извещением, что пьеса получена Вами. Я ждал этого извещения две недели и наконец стал думать, что посылка пропала. А я послал Вам черновик, всё остальное — порвал, сжег и в случае пропажи уже не стал бы возобновлять пьесу» (там же, стр. 93). Десять дней спустя — ему же: «Ваше отношение к вопросу о посвящении пьесы Вам позволяет мне выпустить ее из печати с посвящением. Вам это безразлично, я знаю, мне же — очень важно <...> За Ваш отзыв о пьесе — сердечное спасибо, это очень ценно для меня. Хотя Вы всё же относитесь ко мне пристрастно» (*Г-30*, т. 28, стр. 265).

19 июля 1902 г. Пятницкий писал А. Шольцу: «...Горький кончает теперь новую пьесу. Я читал ее. Она выше „Мещан“,

глубже и доступнее для иностранца. Она называется „Ночлежка“. Я хочу напечатать эту пьесу *по-русски* в Германии с фирмой товарищества „Знание“. Если понадобится, могу ли рассчитывать на ваше содействие? Вам придется напечатать ее в небольшом числе экземпляров <...> Затем Вы немедленно внесете издание в Лейпцигский Register, чтобы обеспечить права автора» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-13-43-2).

«Вот такая штука, — пишет Горький Пятницкому 24—25 июля, — сейчас получил телеграмму от Немировича (<Данченко>), он придет сюда 7-го. Мне очень важно прочитать ему пьесу. Нельзя ли устроить так, чтобы к 7-му я мог получить экземпляр пьесы, перепечатанный с того, который сегодня я выслал Вам?»

Один экземпляр — не исправив — я послал Чехову, другой — Вам.

Как полагаете — получу до 7-го?» (Архив Г_{IV}, стр. 96).

10 августа в Арзамас приехал Немирович-Данченко. 13—14 августа в письме к Пятницкому Горький сообщал: «Был Немирович (<Данченко>), взял пьесу» (Архив Г_{IV}, стр. 96). К этому времени Пятницкий, вероятно, не успел прислать заново перепечатанную пьесу, и, видимо, поэтому текст режиссерского экземпляра Станиславского (архив Музея МХАТ) полностью совпадает с автографом. Посылая пьесу Пятницкому, Горький даст ей первую скромную оценку: «В пьесе много лишних людей и нет некоторых — необходимых — мыслей, а речь Сатина о человеке-правде бледна. Однако — кроме Сатина — ее некому сказать, и лучше, ярче сказать — он не может. Уже и так эта речь чуждо звучит его языку. Но — ни черта не поделась!» (Г-30, т. 28, стр. 265)¹. 17 августа 1902 г. А. В. Яровицкий писал сестре своей о Горьком: «...он написал новую пьесу (против „лжи“), которую я читал уже или, вернее, слушал в его чтении. Все действующие лица — босяки. Действие происходит в ночлежке» (Г сборник, стр. 307).

¹ Авторская трактовка идейного замысла пьесы «На дне» пашла отражение также в письме Горького испанским переводчикам Х. Мелна и Р. Паломеке от 17 марта 1906 г.: «Я с большим удовольствием увидел испанский перевод моей книги „На дне“ и глубоко признателен тем, кто ее перевел.

Верю, что она может быть полезна в стране, где, как и в России, народ утешается надеждой на милости и блага небесные, в то время как на земле он живет в несчастьях, бедности и в затмении разума.

Я был бы также рад, если бы на испанский язык было переведено другое мое произведение, под названием „Человек“, в котором воплощена и развита главная мысль „На дне“. В поэме „Человек“ я стремлюсь показать независимость человеческого разума. Я говорю: «Бессмысленна, постыдна и противна вся эта жизнь, в которой непосильный и рабский труд одних бесследно весь уходит на то, чтобы другие пресыщались и хлебом и дарами духа!»» (Архив Г_{VIII}, стр. 230—231).

Сам автор первоначально дал пьесе заглавие «На дне жизни». Однако уже в ряде авторизованных экземпляров пьесы и на театральных афишах последнее слово отсутствовало. И. А. Бунин позже свидетельствовал: «Заглавие пьесы „На дне“ принадлежит Андрееву. Авторское заглавие было хуже <...>, — утверждал он в рассказывал: — Однажды, выпивши, Андреев говорил мне, усмехаясь, как всегда в подобных случаях, гордо, весело и мрачно, ставя точки между короткими фразами твердо и настойчиво.

— Заглавие — всё. Понимаешь? Публику надо бить в лоб п без промаху. Вот написал человек пьесу. Показал мне. Вижу: „На дне жизни“. Глупо, говорю. Плоско. Пиши просто: „На дне“. И всё. Понимаешь? Спас человека. Заглавие штука тонкая» (И. А. Б у н и н. Автобиографические заметки. Собр. соч., т. 1. Берлин, 1936, стр. 61—62).

Станиславский же сообщает, что Горький изменил название пьесы по совету Немировича-Данченко: вместо «На дне жизни», она стала называться «На дне» (см.: В С, стр. 199).

Уже с самого начала продвижения пьесы на сцену начались цензурные затруднения. Пьеса поступила в цензуру 27 августа, а 25 сентября о ней было дано следующее заключение цензора С. Трубачова: «Новая пьеса Горького может быть разрешена к представлению только с весьма значительными исключениями и некоторыми изменениями. Безусловно необходимо городского Медведева превратить в простого отставного солдата, так как участие „полицейского чина“ во многих проделках ночлежников недопустимо на сцене. В значительном сокращении нуждается конец второго акта, где следует опустить, из уважения к смерти чахоточной жены Клеца, грубые разговоры, происходящие после ее кончины. Значительных исключений требуют беседы странника, в которых имеются рассуждения о боге, будущей жизни, лжи и прочем. Наконец, во всей пьесе должны быть исключены отдельные фразы и резкие, грубые выражения...» (Архив А. М. Горького, ЦД-2-12).

„На дне“ сильно помарала цензура, т(ак) ч(то) Горький в таком виде не хочет ставить. Вл(адимир) Ив(анович) поедет в Питер хлопотать», — писала О. Л. Книппер Чехову (*Переписка*, т. 2, стр. 550).

Немирович-Данченко потратил немало сил, чтобы спасти хоть часть изъятого цензурой. «Часть купюр цензура восставопила, — писал Горький Е. П. Пешковой 23 ноября 1902 г., — и хотя это большая часть, но я недоволен» (*Архив Г_в*, стр. 84). 29 ноября Немирович-Данченко вновь представил текст пьесы в цензуру с просьбой разрешить постановку на сцене МХТ.

Пьеса «На дне» в ее театральной редакции (для постановки на сцене МХТ и других театров) была во многом испорчена цензурой. Об этом свидетельствуют следующие изъятия или замены, сделанные в семи цензурских экземплярах (6, 7, 9, 10, 11, 14 и 16), хранящихся в Архиве А. М. Горького под общим шифром — ХПГ-39-1:

- Стр. 108, строка 6:* «полицейский» (10, 14).
- Стр. 116, строки 23—25:* «И за меня жертва пойдет ∞ ну вот...» (6).
- Стр. 118, строка 24:* «И чего ты не пришибешь его, Василий?!» (10, 16).
- Стр. 118, строки 25—31:* «П е п с л. Стану я из-за такой дрянн ∞ в кабаке пропьете...» (14, 16).
- Стр. 119, строки 9—10:* «Надо скорее дать... пока рубля не просите... на!» (10, 16).
- Стр. 122, строки 38—40:* «Мне забавно будет... ∞ п всё такое...» (10, 14).
- Стр. 123, строки 2—3:* «А теперь вот я тебя заставлю лаять собакой» (10, 14).
- Стр. 125, строка 6:* «морду» (10).
- Стр. 126, строки 29—30:* «Что рожа-то вспухла? Чего стоншь пнев?» (11).
- Стр. 128, строки 4—20:* «(За ним — Лука с метлой). Медведев. Как будто я тебя не знаю... ∞ Очень любит беспорядок...» (10, 11).
- Стр. 128, строки 7, 10, 13:* вместо «участке, участок» — «околотке, околоток» (7, 10).
- Стр. 128, строка 13:* «хоть хуже всякого большого...» (6, 7).
- Стр. 128, строка 14:* «перед тем как с дежурства смениться» (7, 10).
- Стр. 128, строка 15:* вместо «отвез» — «отвезли» (7, 10).
- Стр. 129, строка 16:* вместо «издох» — «умер» (6, 7, 10, 11, 16).
- Стр. 129, строка 17:* «ни дна бы ему ни покрывки» (6, 7, 10, 11, 16).
- Стр. 129, строки 20—26:* «Ежели тебя муж бил... ∞ бьют — для порядку...» (14, 16).
- Стр. 129, строки 22—23:* «К в а п ш я. Я богу жаловалась восемь лет, — не помогал!» (10).
- Стр. 130, строки 9—16:* «Эх, службал ∞ Ты начальству поговори насчет этого...» (14, 16).
- Стр. 131, строки 10—13:* «Пой! (Запевает.) Солнце всходит и заходит... ∞ А в тюрьме моей темно...» (11).
- Стр. 132, строки 3—4:* «К р и в о й З о б. Брось, Асан! Всё равно — они нас объегорят... Бубнов, заводи!» (11).
- Стр. 132, строки 33—39:* «Б у б н о в (запевает). Как хотите, стерегите... ∞ Цепь порвать я не могу...» (11).
- Стр. 134, строки 18—31:* «(Татарин плюет, озлобленный ∞ еслед за товарищем.)» (11).
- Стр. 136, строка 36:* вместо «У жены моей... любовник был» — «У жены моей знакомый был» (10, 14, 16).
- Стр. 137, строки 12—30:* «А н н а. А как там — тоже мўка? ∞ очень устала... Дайте покой Анне» (6, 10, 11, 16).
- Стр. 137, строка 13:* вместо «Ничего не будет!» — «Ничего страшного не будет» (10, 14, 16).
- Стр. 138, строка 1:* вместо «Ничего там не будет!..» — «Ничего ты не бойся» (6, 7, 10, 11, 16).

Стр. 138, строка 2: вместо «Верно... а может, и — не верно!» — «Верно» (6, 7, 11).

Стр. 138, строки 13—15: вместо «Ты, брат, молодец! ∞ Ври, ничего... мало, брат, приятного на свете!» — «Ты, брат, говоришь приятно! Мало, брат, приятного на свете!» (6, 7, 10, 11, 16).

Стр. 140, строки 16—23: «Пусть он мне скажет... ∞ Во что веришь, то и есть...» (6, 7, 10, 11, 16).

Стр. 140, строки 27—28: «Л у к а (Пеплу). Чего глядишь? П е л л. Так... погоди!.. Значит...» (7).

Стр. 144, строки 3—5: «(Пепел хватается его за шиворот ∞ бежит в сени.)» (6, 10, 11, 16).

Стр. 144, строки 10—11: вместо «О господи Иисусе Христе!» — «О господи!» (10).

Стр. 145, строки 19—21: «(Идет к постели Анны ∞ следит за ним.)» (10).

Стр. 145, строки 21—23: «Иисусе Христе, многомилостивый! ∞ с миром прими...» (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 146, строки 1—16: «Шатаясь, делает два шага вперед ∞ Наташа, прощай! Прощай... да!» (10).

Стр. 146, строки 17—27: «Н а т а ш а (входя). Не здоровался, а прощаешься... ∞ как сказал... король... Лир!» (10, 14, 16).

Стр. 146, строки 32—34: «(Наташа осторожно обходит Актера ∞ Без имени — нет человека...)» (10).

Стр. 147, строка 2: «Кашлять перестала, значит» (10, 14, 16).

Стр. 147, строка 5: вместо «потеряла имя!..» — «потеряла тоже имя!..» (10, 14, 16).

Стр. 147, строки 23—25: «Н а т а ш а. Ш-ш! ∞ царство небесное, коли померла...» (11).

Стр. 147—148, строки 26—4: «Т а т а р и н (Клецу). Надо вон тащить! ∞ Полницу — это обязательно!» (7, 10, 14, 16).

Стр. 148, строки 10—11: «А то она подумает — убил ты бабу... или что...» (6, 7, 10, 14, 16).

Стр. 148, строки 21—25: «К р и в о й З о б. Охо-хо-о! Асан! Скоро весна ∞ Б у б н о в. Татары спать любят...» (10, 14).

Стр. 149, строки 1—3: «Т а т а р и н (вскакивая). Где хозяин? ∞ Сатин свистит вслед ему.)» (10, 14, 16).

Стр. 149, строки 6—7: «Наши сети притащили мертвеца... стихотворение... Б-беранжера!» (6, 7, 10, 14, 16).

Стр. 149, строка 8: вместо «С а т и н (кричит)» — «С а т и н (тихо)» (6, 10, 11).

Стр. 150, строки 25—26: «Ишь! Видно, правду говорят, что студенты — отчаянные...» (6, 7, 10, 14, 16).

Стр. 152, строки 23—24: вместо «Всё было!.. Студент он... француз был...» — «Всё было!.. француз был...» (6, 7, 10, 14, 16).

Стр. 153, строка 25: «не помиришься — на выпивку не даст...» (6, 10, 14, 16).

Стр. 153, строки 27—29: «Она привыкла рожу себе подкрашивать... ∞ румянец на душу наводит...» (14, 16).

Стр. 154, строки 31—34: «Хорошие мужики оба... ∞ а никто не даст... обидно!» (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 154—155, строки 40—1: «Н а т а ш а. Они—беглые? Каторжанс? ∞ Хорошие мужики!» (14, 16).

Стр. 155, строки 3—6: «Тюрьма — добру не научит ∞ очень просто!» (6, 7, 10, 14, 16).

Стр. 155, строки 11—18: «К л е щ (вдруг снова вскакивает ∞ ... вот она — правда!...)» (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 155, строка 20: вместо «Господи Иисусе... слышь-ка, милый! Ты...» — «Слышь-ка, милый! Ты...» (6, 14).

Стр. 157, строка 27: «Слышал я — открыли там новую веру...» (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 158, строки 6—8: «Я утешаю себя тем, что другие побольше моего воруют, да в чести живут...» (6, 10, 11, 14, 16).

Стр. 158, строка 9: «в совесть я не верю...» (6, 10, 11, 14, 16).

Стр. 162, строки 9—10: «К о с т ы л с в. А... а — ты знаешь? — у жены моей дядя — полицейский? И если я...» (6, 10, 11, 14, 16).

Стр. 162, строки 20—25: «Л у к а. Дядю позовешь? ∞ грозятся продать...» (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 162, строки 26—28: «В а с и л и с а (мужу). Идем... ∞ за копейку продадут...» (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 165, строки 3—4: «Люди не стыдятся того, что тебе хуже собаки живется...» (6, 7, 10, 14).

Стр. 165, строки 9—11: «Л у к а (Сатину). Тебе бы с такими речами к бегунам идти... ∞ С а т и н. Я знаю... они — не дураки, дедка!» (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 165, строки 17—18: «А-а... еретница... шкуреха...» (6, 7, 11, 14).

Стр. 166, строки 18—19: «Отдай свисток...» (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 167, строки 39—40: вместо «В а с и л и с а (поднимаясь с земли, кричит торжествующим голосом). Убпли!» — «В а с и л и с а. Убпли!» (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 168, строки 4—5: «(Трогает трун ногой.) Околел... старый пес!» (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 168, строки 12—15: «Полиция! Абрам... свисти! ∞ Медведев бежит за ним.» (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 170, строки 15—16: «С а т и н. Тако исчезают грешники от лица праведных!» (10, 11, 16).

Стр. 171, строки 11—14: «С а т и н. Это называется ∞ «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (6, 7, 10, 11, 14).

Стр. 171, строки 23—27: «Потом придет время ∞ не скоро износишь!» (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 173, строки 10—12: «Ложь оправдывает ту тяжесть, которая раздавила руку рабочего... и обвиняет умирающих с голода...» (6, 10, 11, 14, 16).

Стр. 173, строки 16—18: «Ложь — религия рабов и хозяев... Правда — бог свободного человека!» (6, 10, 11; 14, 16).

Стр. 174, строки 17—20: «Старая фамилия... ∞ занимал высший пост...» (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 175, строка 19: «а даже отца с матерью...» (7).

Стр. 176, строка 25: «А к т е р (мрачно). Аминь!» (6, 10, 11, 14).

Стр. 176, строки 38—39: «становится на колени и — молится.» (6, 10, 11, 14, 16).

Стр. 178, строки 18—23: «А к т е р. Татарин! (Пауза.) Князь! ∞ Сам молюсь...»¹ (6, 7, 10, 11, 14, 16).

Стр. 182, строки 36—37: вместо «Эх... испортил песню... дур-рак!» — «Эх... испортил песню...» (6, 10, 14).

В *Зн*, т. 5, текст «На дне» дан с цензурными изъятиями, сделанными в театральном экземпляре ХПГ-39-1-14, также хранящемся в Архиве А. М. Горького.

Позднее Немирович-Данченко писал: «У меня осталось впечатление, что пьеса разрешена лишь потому, что власти уверены в полном провале пьесы на спектакле» (*В С*, стр. 208). Это подтверждается и таким фактом: 28 января 1903 г., после успеха «На дне» в МХТ, Главное управление по делам печати запретило ставить пьесу Александринскому театру в Петербурге (см. *ЛЖТ*₁, стр. 427).

До постановки пьесы на сцене МХТ особым циркуляром Главного управления по делам печати было запрещено делать анонсы о ней, пока антрепренеры не предъявят цензурованные экземпляры; постановка была разрешена только МХТ. Пьеса «На дне» не была внесена в публикуемый «Правительственным вестником» список пьес, допущенных драматической цензурой к представлению, и позже разрешалась к постановке каждый раз по особому ходатайству Русского театрального общества или по особому скрепленным рукописным экземплярам, а не по печатному тексту издания товарищества «Знание» (по материалам Архива А. М. Горького, ЦД-1-12, ЦД-3-7, ЦД-3-30, ЦД-3-9, ЦД-3-20, ЦД-4-13, ХПГ-39-1-6).

До постановки «На дне» в Московском Художественном театре Горький неоднократно читал отрывки из пьесы и всю пьесу своим друзьям и знакомым.

6 сентября 1902 г. в Москве он читал пьесу артистам МХТ. «Сегодня Горький читал нам пьесу. Волновался страшно <...> Были: Л. Андреев, Найденов, Чириков, Пятницкий, Шалапин» (письмо О. Л. Книппер А. П. Чехову. — В кн.: *Переписка*, т. 2, стр. 489).

«Помню, — рассказывала М. Ф. Андреева, — за большим столом сидели Немирович, Станиславский, Морозов, Алексей

¹ Эти строки, вначале снятые цензором, потом восстановлены с замечанием: «Можно, но чтоб татарин не молился».

Максимович, Шаяпин, рядом с ним, почти обняв его, Пятницкий. Вся наша труппа. Горький читал великолепно, особенно хорошо Луку. Когда он дошел до сцены смерти Анны, он не выдержал, расплакался. Оторвался от рукописи, поглядел на всех, вытирает глаза и говорит:

— Хорошо, ей-богу, хорошо написал... Чёрт знает, а? Правда, хорошо!

Вокруг на него смотрели влюбленными глазами, мы тогда все, от мала до велика, были влюблены в него, больше всех, пожалуй, Станиславский. Шаяпин обнял Алексея Максимовича и стал уговаривать:

— Ничего, ничего! Ты читай, читай дальше, старик!

Трудно описать, в каком мы все были восторге!» (Андреева, стр. 47).

Во второй половине ноября 1902 г. автор читал пьесу в Нижнем Новгороде. «В один из вечеров, — вспоминала В. А. Виноградова, — Алексей Максимович читал еще не напечатанное, в рукописи свое произведение „На дне“. И помню, как светилось его лицо добротой и лаской, когда он читал, как Лука утешает и успокаивает умирающую женщину» (Архив А. М. Горького, МоГ-2-14).

Приехав в Москву в ноябре, Горький вновь читал «На дне». «Первое чтение <...> происходило у нас на „Среде“, — вспоминал Н. Д. Телешов. — Читал сам Алексей Максимович. Читал очень хорошо и увлекательно для слушателей, особенно роль старика Луки. Читая, он сам увлекался <...> На этом чтении, помимо своих, было много приглашенных артистов и литераторов. Вспоминаются В. И. Качалов, О. Л. Книппер-Чехова, писательницы Крандиевская, Вербицкая, Щепкина-Куперник, крупные журналисты, врачи, юристы, ученые, художники <...> Успех был исключительный. Ясно, что пьеса станет событием. Так оно и случилось» (Н. Т е л е ш о в. Записки писателя. М., 1952, стр. 101—102).

23 ноября Горький сообщил Е. П. Пешковой, что будет читать «На дне» в фойе Художественного театра. Чтение состоялось 1 декабря. Наконец, 25—26 декабря автор читал пьесу на квартире А. М. Кекишевой, где под предлогом празднования елки собрались человек 30 сормовских рабочих (*Г и революция* 1905 г., стр. 77).

Сообщения о пьесе начали публиковаться до ее выхода из печати и появления на сцене. Уже в этих сообщениях заметны односторонность или явная тенденциозность, которые оказались характерными для отношения буржуазной критики к пьесе Горького. Так, анонимный рецензент газеты «Новости дня», отмечая «глубокое внутреннее содержание» нового произведения Горького, утверждал: «...центр пьесы, конечно, странник Лука <...> Он — и пружина и ось драмы» (№ 6892, 17 августа). Рецензент трактовал Луку как положительный тип. Другая газета с презрением высказалась о работе артистов МХТ, ищущих для постановки житейски-бытовой материал на Хитровом рынке (см.: О. Д <ымов>). Из театральной жизни. — «Биржевые ведо-

мости». 1902, № 227, 22 августа). Это выступление вызвало резкую отповедь Л. Андреева, считавшего, что только изучение жизни помогает избежать «сценической лжи» (Д ж е м с Л и н ч <Л. Андреев>). Мелочи жизни.— «Курьер», 1902, № 234, 25 августа).

Работая над пьесой, Горький сразу же стал подбирать иллюстративный материал для ее будущей постановки. В мае—июне 1902 г. он писал нижегородскому фотографу М. П. Дмитриеву: «...не найдете ли среди золотой роты чью-нибудь физию побойчее, порезче — нужна рожа озорника для грима в новой моей пьесе» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-13-37-4). И несколько позже (в июне) — ему же: «Соколовского <пьяницу-актера> снимите в шляпе — если у него не сбрита борода — и без шляпы, если он бритый. Еще нужен худой, злой.

Нужно еще парочку толстых оборванцев. Стариков двух.

Всех потребно 14 человек!» (там же, ПГ-рл-13-37-5). И ему же: «...мне необходимо иметь снимки или рисунки — последние лучше! — внутренности ночлежных квартир, но — частных, а не Бугровского дома. Не устройте ли это как-либо?» (там же, ПГ-рл-13-37-5 и 7). О том же он просил и нижегородского архитектора П. П. Малиновского, замечая: «Мне до чёртников хочется хорошо обставить эту пьесу» (там же, ПГ-рл-25-5-1). Несколько позже, оценивая присланный ему материал, он писал о снимках фотографа П. Троицкого: «...они великолепны и как нельзя более точно отвечают тому, что мне нужно...» (там же, ПГ-рл-25-5-2). В ряде писем Пятницкому Горький сообщал, что собирает снимки с босяков и с их обстановки.

В архиве музея МХАТ'а хранится альбом, содержащий свыше сорока фотографий обитателей нижегородского «дна» и помещений почлежек. Сделанные М. П. Дмитриевым снимки в ряде случаев сопровождаются подписями Горького. Так, на фото № 7 — помета: «Кривой Зоб. Нужно еще подушку на спину и крюк за пояс». На фото № 19: «Барси Бухгольц. Грим и костюм для Барона». На фото № 22: «Костюм для Луки. Не забыть — Лука лысый». На фото № 28: «Грим для Сатина. Высокий, худой, прямой». Далее Горьким даны некоторые замечания к фотографиям и рисункам альбома и намечены мизансцены.

Дальнейшую работу в этом направлении автор осуществлял совместно с труппой МХТ.

«В четверг, 21,— писал Горькому Немирович-Данченко,— первая беседа о пьесе (со всей труппой). Вечером я с Сымовым и знатоком московских трущоб <В. А. Гиляровским> пойдем за материалами и настроениями (2-е и 4-е д<ействия>)). Повторяем это ранним утром в пятницу (1-е д<ействие> ведь рано утром).

Затем пойдут беседы с исполнителями. Тут бы Вы были чрезвычайно нужны. Можно устроить так, что к этому времени будет готов и макет декорации» (Немирович, т. 2, стр. 227).

16 декабря 1902 г. состоялась генеральная репетиция «На дне» в Московском Художественном театре.

«Сейчас пришел с генеральной, — сообщал Горький Пятницкому. — Настя, Барон, Сатин, Бубнов, Лука, Городовой — прекрасно. Остальные не очень прекрасно.

Очень тяжелая пьеса» (Г-30, т. 28, стр. 276).

18 декабря состоялся первый спектакль «На дне» в МХТ. Роли были распределены следующим образом: Лука — И. М. Москвин, Сатин — К. С. Станиславский, Актер — И. А. Тихомиров, Барон — В. И. Качалов, Клепц — В. А. Громов, Васька Пепел — А. П. Харламов, Татарин — А. Л. Вишневский, Бубнов — В. В. Лужский, Наташа — М. Ф. Авдеева, Настя — О. Л. Книппер.

«Первое представление этой пьесы было сплошным триумфом. Публика неистовствовала. Вызывала автора несчетное число раз. Он упирался, не хотел выходить, его буквально вытолкнули на сцену» (Авдеева, стр. 48). «...по окончании пьесы овация приняла прямо небывалые размеры. Горький был вызван всем театром более 15 раз <...> Нечто не поддающееся описанию произошло, когда Горький, наконец, вышел на вызовы один. Такого успеха драматурга мы не zapomним», — сообщал в статье без подписи корреспондент «Русского слова» («Русское слово», 1902, № 349, 19 декабря).

21 декабря Горький писал Пятницкому: «Успех пьесы — исключительный, я ничего подобного не ожидал <...> Вл<адимир> Иван<ович> Немирович<-Данченко> — так хорошо растолковал пьесу, так разработал ее — что не пропадет ни одного слова. Игра — поразительна! Москвин, Лужский, Качалов, Станиславский, Книппер, Грибунин — совершили что-то удивительное <...> Чудесные артисты!» (Г-30, т. 28, стр. 277). Один из корреспондентов Чехова, П. И. Куркин, писал о постановке: «...пьеса захватила самым живым интересом весь театр почти с самого первого момента <...> и покоряет зрителя талантом как художника, создавшего это произведение, так и художника, поставившего его на сцене» (Г и Чехов, стр. 261).

Постановка «На дне» в МХТ вызвала целую лавину восторженных отзывов и одновременно явилась поводом для различных толкований пьесы. «Новости дня» писали, что спектакль «навсегда останется золотой строкой в летописи этого театра», что успех «одинаково заслужила и самая пьеса и ее сценическое воплощение» (1902, № 7016, 19 декабря). «Новости и биржевая газета» считали, что постановка пьесы «На дне» — «настоящая литературная революция», «апофеоз нового слова и новой литературной мысли» (1902, № 351, 21 декабря). Об исключительном успехе пьесы, высоко оценивая ее, писали «Курьер» (№ 351, 20 декабря, и № 354, 23 декабря), «Московские ведомости» (№ 349, 19 декабря), «Русское слово» (№ 349, 19 декабря) и другие газеты.

Вскоре после первых постановок пьесы «На дне» И. А. Бунин и С. А. Найденов рассказали одному из корреспондентов: «„Дно“ нравится автору гораздо больше, чем „Мещане“, он вообще возлагает на свою новую пьесу большие надежды, так что овации приняты были им как нечто „в порядке вещей“, сам он после

постановки пьесы был сумрачен, печален и замкнут, хотя исполнение очаровало его. Ничего художественнее нельзя себе представить. Артисты превзошли самих себя» («Одесские новости», 1902, № 5843, 28 декабря).

Уже в рукописи пьеса вызвала немало откликов. С восторгом отзывался о ней Пятницкий. В начале августа 1902 г. Л. Андреев писал Н. К. Михайловскому: «Был я в Арзамасе у Горького <15 июля> и слышал его новую драму: „В ночлежном доме“ или „На дне“ (он еще не остановился на том или другом заглавии). Сам Горький сильно изменился в сторону бодрости и подъема духа, а его новая драма — нечто неожиданное по силе, смелости и красоте <...> Берет Горький всё тех же своих босяков и бывших людей, но есть нечто совершенно новое в сильно изменившемся и, я сказал бы, просветленном взгляде автора. Из романтика, со всею бессознательною, хоть и красивою ложью романтизма, он словно превратился в философа, настойчиво и мучительно ищущего смысла бытия. Он нагромоздил гору жесточайших страданий, бросил в одну кучу десятки разнохарактерных лиц — и всё объединил жгучим стремлением к правде и справедливости <...> драма его лежит на широчайших социальных основах» (*Лит Насл.*, т. 72, стр. 495—496). В письме В. С. Мирянову в июле — августе Андреев сообщал: «...Видел в Арзамасе Горького — отдыхает душою и работает. Ка-акую он драму закатил! Красота, сила, мудрость и нечто новое, зрелое, еще не встречавшееся у Горького. В постановке Художественного театра будет нечто невиданное...» (там же, стр. 495).

Пятницкому Андреев писал: «Драма Максимыча — восторг! Он как оглоблей хватит сю по лбу всех тех, кто толковал об упадке его таланта...» (там же). 31 июля Горький получил письмо от Чехова, который отзывался о пьесе: «Она нова и несомненно хороша. Второй акт очень хорош, это самый лучший, самый сильный, и я, когда читал его, особенно конец, то чуть не подпрыгивал от удовольствия <...> Из IV акта Вы увели самых интересных действующих лиц (кроме Актера), и глядите теперь, чтобы чего-нибудь не вышло от этого» (*Г и Чехов*, стр. 110—111). Горький ответил Чехову в начале августа: «За четвертый акт — не боюсь. И — ничего не боюсь, вот как!» (*Г-30*, т. 28, стр. 268).

Вскоре в «Русских ведомостях» (1902, № 223, 14 августа) появился анонимный пересказ, искажавший содержание пьесы. В связи с этим Л. Андреев обратился к Н. К. Михайловскому с письмом, в котором опровергал утверждение о том, что в пьесе имеются «ненужные ужасы и дергающее нервы кровопролитие». Л. Андреев подчеркивал, что пьеса «написана с величайшим и даже удивительным тактом» (*Лит Насл.*, т. 72, стр. 496).

Л. А. Сулержицкий писал Горькому 10 февраля 1903 г.: «...получил я „На дне“ <...> Удивительная это, братец ты мой, вещь. Читал я вслух и восхищался <...> Ничего подобного еще театр не видел. Ново, сильно, смело, краска яркая, горячая, талант, что называется, брызжет из каждой строчки...» (Архив А. М. Горького, КГ-ди-10-4-9).

Ф. И. Шалапин заявлял в интервью сотруднику «С.-Петербургских ведомостей»: «Я нахожу, что по красоте языка и по глубине содержания „На дне“ напоминает „Снегурочку“ Островского <...> что за удивительные, живые типы в этой пьесе!..» («Новости дня», 1902, № 7007, 10 декабря).

В 1903 г. художник М. В. Нестеров, потрясенный драмой, так выразил свое восхищение: «Проездом через Москву были мы в Художественном и видели „На дне“. Тут, брат, показана такая картина, такие образы и типы — такая сила и яркость изображения! Великолепный замысел Горького так дерзко-дерзновенно воплощен артистами, что дух захватывает». По поводу исполнения ролей Луки, Настя и Барона Нестеров писал: «Эти три типа, разные по содержанию, — одинаковы по своей необычайной яркости, цовизне. Лука — мужичонка, странник, святая душа, балагур — вносит необыкновенно *русскую* ноту в действие, он полный оптимист и, главное, оптимист — живой. „Девушка“ Настя — создание погибшее, но не утратившее врожденной мечтательности»; ее рассказ о каком-то ее „Гастоше“ — потрясающий по своей трогательной, хотя и грубой наивности, а этот „Барон“... да ведь это великолепно, это такой подлец, наивный подлец! подлец до святости... Его *смея* над „Настёнкой“, его любовницей и кормилицей, во время ее воспоминания о былом, о ее „Гастоше“ — это всё надо слышать и видеть самому, а увидевши и услышавши — подобное не забывается. Театр становится уже не театр, а жизнь, где нет актеров, а есть люди — худые и хорошие, но уже не актеры» (Нестеров, стр. 165).

Писатель и революционный деятель А. В. Яровицкий так оценивал «На дне» в письме к сестре (24 февраля 1903 г.): «Ты пишешь о том, что прочла „На дне“. Я согласен с тобой, что из всего, написанного Горьким, эта вещь в художественном отношении стоит выше всего. Ради нее, собственно, я и еду в Москву: хочется видеть ее на сцене Художественного театра» (Г сборник, стр. 307—308).

Передавая свое впечатление о постановке в Художественном театре, Яровицкий пишет В. В. и А. С. Яровицким (7 марта 1903 г.): «Был в Художественном театре. Благодаря многочисленным восторженным рассказам об игре и обстановке и благодаря тому, что слышал ранее пьесу <„На дне“> в чтении самого Горького, очень сильного впечатления не получил, даже кой-что не понравилось. Но все-таки должен сказать, что Художественный театр — удивительный театр» (Г сборник, стр. 308).

Среди многочисленных отзывов о пьесе следует отметить письмо Горькому молодого берлинца Бертольда Хопфа от 17 мая 1903 г.: «Недавно я прочел Ваше „На дне“ и так восхищен им, что мне думается, что до сих пор ни одно произведение не потрясло так глубоко душу и не заставляло так много думать, как эта Ваша пьеса» (Архив А. М. Горького, КГ-ин-г-4-51-1).

Буржуазная критика по-своему истолковала пьесу. Обитатели «дна» рассматривались если не как виновники своих не-

счастней, то как жертвы абстрактной «житейской неправды»; соответственно общий смысл пьесы определялся как «вера в человека, надежда на лучшее, любовь ко всему живому» (Н - в <Нежданов>). Московский Художественный театр. «На дне». — «Курьер», 1902, №№ 351 и 354, 20 и 23 декабря). Считалось, что основные темы пьесы — «„открытый“ в его истинном смысле и внутренней правде мир людей, с которых стерлись все общественные краски» («Новости дня», 1902, № 7015, 18 декабря), «святость человеческой личности» (Н. Р о к <Н. О. Ракшанин>). Из Москвы... — «Новости и биржевая газета», 1902, № 351, 21 декабря). Почти все рецензенты связывали основное направление пьесы с образом Луки, хотя объясняли его неодинаково. Одни сравнивали этот образ с Акимом из «Власти тьмы» Л. Толстого (см.: «Новости дня», 1902, № 1016, 19 декабря; «Новости и биржевая газета», 1902, № 351, 21 декабря; «Русские ведомости», 1902, № 351, 20 декабря). Другие утверждали, что Лука «вызывал к свету всё хорошее, что раньше дремало беспробудно» (Э н г ф р и д <Э. А. Старк>). «На дне». Новая пьеса М. Горького. — «С.-Петербургские ведомости», 1903, № 4, 5 января); даже было высказано мнение, что Лука «не кто иной, как Данко <...>, которому приданы лишь реальные черты» (Н - в <Нежданов>, там же). «Ложью живет мир. Она одна ободряет его. Спасибо Луке-Горькому за его лирическую поэму» (С. Я б л о н о в с к и й. Свет и тени. На вершине. — «Русское слово», 1902, № 350, 20 декабря). Основной мотив пьесы трактовали как примирение с жизнью и жалость к человеку, умилялись «христианскими» речами Луки и словно не замечали речей Сатина. Отдельные критики считали основной заслугой М. Горького «этнографизм пьесы, яркие картины жизни босяков» (—Ф— <Н. Е. Эфрос>). «На дне» Горького. — «Новости дня», 1902, № 7018, 21 декабря). И только некоторые смутно уловили сложность концепции пьесы и противоречивость образа Луки. «...получилось такое впечатление: нас подняли на высокую башню, где вам стало дышаться легко, но потом... сбросили с башни, с громадной высоты...» (Е х т е р. Художественный театр. — «Московские ведомости», 1902, № 349, 19 декабря).

Часто неверно трактуя пьесу «На дне», московская пресса, однако, в основном высоко оценила ее. По-иному отношению к пьесе в Петербурге, где гастроль Московского Художественного театра началась 7 апреля 1903 г. Некоторые газеты заявляли, что в драме нет никаких новых откровений, называли ее будничной, растянутой, возмущались тем, что «пропившиеся, обтрепанные субъекты стали в некотором роде героями дня» (Б о р е й <В. А. Шуф>). «На дне». — «Петербургский листок», 1903, № 96, 10 апреля. См. также «Слово», 1903, № 83, 13 апреля; «Петербургский листок», 1903, № 94, 8 апреля); наконец, упрекали автора в нарушении правдоподобия: «что ни босяк, то обязательно философствующий» (А. Б - н. «Слово», 1903, № 80, 10 апреля; см. также А. К у г е л ь. Театральные заметки. — «Театр и искусство», 1903, № 16, стр. 343).

О постановке «На дне» в Петербурге Нестеров писал А. А. Тырыгину 20 апреля 1903 г.:

«Ты пишешь, что „На дне“ у вас провалилось. По газетам тоже можно это заключить (разве исключение составляет отзыв Пыпина, который рекомендует с Горьким не спешить, считая его „очень большим талантом, работающим при исключительных условиях“ и т. д.).

Но „Новое время“ (чтобы чёрт его побрал!) с бешеной пеной подбирает всяческие обвинения, словечки и брань, маскируя свою зависть, бешенство и бессилие, замалчивая Луку, который в высокой степени оригинален, свеж и один оправдывает глубоко человеческую (а не чертовскую) тенденцию мировоззрения Горького. Бедняги эти „умные“, но не честные Суворины, бешеные Буренины и бездарные Булгаковы, Меньшиковы и К^о» (Нестеров, стр. 166).

Среди шумного хора нападок раздавались голоса в защиту пьесы и в Петербурге, где «скужающая, праздная, сытая публика не доросла да вряд ли и способна дойти до понимания страшнейших запросов и недугов жизни» (Э. У. <Э. Ухтомский>. Театр и музыка. — «С.-Петербургские ведомости», 1903, № 94, 9 апреля). Некоторые критики и рецензенты Петербурга, истолковывая пьесу, как и московские их собратья, в духе «сострадательного гуманизма», писали, что вся она «есть вопль благородного сердца» (К. <В. С. Карцов>. Голоса из публики — (Человек — это правда!). — «Новости и биржевая газета», 1903, № 103, 16 апреля). С положительной, в основном, оценкой пьесы выступили «Петербургская газета» (1903, № 111, 25 апреля) и «Русское слово» (1903, № 103, 15 апреля).

Критики нередко игнорировали социальную основу пьесы и ее революционный пафос, пытались свести ее конфликт, например, к внутренним противоречиям характеров героев и их «общей психологической слабости, душевной неуравновешенности» (Д. Н. О в с я н и к о - К у л и к о в с к и й). Социальные отбросы. «На дне» М. Горького. М., 1903, стр. 11).

Другим удавалось глубже проникнуть в подлинный смысл пьесы: «...более язвительной сатиры на „ложь с благонамеренной целью“, чем роль Луки, нельзя написать. И если так вышло у Горького непреднамеренно, невзначай, — тем оно лучше...» (И к с <А. В. Амфитеатров>. Записная книжка о Максиме Горьком. — «С.-Петербургские ведомости», 1903, № 145, 31 мая).

Но основной хор ценителей всё же неверно толковал пьесу. Этим было вызвано недовольство автора, который уже после первого представления писал: «...ни публика, ни рецензента — пьесе не раскусил. Хвалить — хвалят, а понимать не хотят. Я теперь соображаю — кто виноват? Талант Москвина-Луки или же неумение автора? И мне — не очень весело» (Г-30, т. 28, стр. 279).

В интервью 1903 г. Горький открыто заявил, что не удовлетворен пьесой: «В ней нет противопоставления тому, что говорит Лука. Основной вопрос, который я хотел поставить, это — что лучше: истина или сострадание? Что нужнее? Нужно

ли доводить сострадание до того, чтобы пользоваться ложью, как Лука? Это вопрос не субъективный, а общеполитический. Лука — представитель сострадания и даже лжи как средства спасения, а между тем противопоставления проповеди Луки представителями истины в пьесе нет. Клепц, Барон, Пепел — это факты жизни, а надо различать факты от истины. Это далеко не одно и то же <...> А кто еще не изжил, тот протестует против лжи». Далее корреспондент замечает: «Из разговора с г. Горьким мы вывели заключение, что вопреки тому, что писали критики, симпатии автора „На дне“ не на стороне проповедников необходимости лжи и сострадания, а, напротив, на стороне тех, кто стремится к истине. Как бы горька и печальна ни была истина, но она нужнее, лучше самой красивой лжи...» (Л. Н е м а н о в. Беседа на пароходе с М. Горьким. — «Петербургская газета», 1903, № 161, 15 июня).

Отрицательное отношение Горького к философии христианского терпения и всепрощения, к социальным иллюзиям, уводящим от борьбы, определили, очевидно, и ту оценку, которую дал пьесе Лев Толстой. В известном мемуарном очерке Горький рассказывает о том, как Толстой реагировал на сцены из пьесы «На дне», прочитанные ему автором:

«...он выслушал внимательно, потом спросил:

— Зачем вы пишете это?

Я объяснил как умел.

— Везде у вас заметен петушиный наскок на всё <...> язык очень бойкий, с фокусами, это не годится. Надо писать проще, народ говорит просто, даже как будто — бессвязно, а — хорошо <...>

Он говорил недовольно, видимо, ему очень не понравилось прочитанное мною. Помолчав, глядя мимо меня, хмуро сказал:

— Старик у вас — несимпатичный, в доброту его — не веришь. Актер — ничего, хорош <...> Проститутка тоже удалась, такие должны быть...» (Г-30, т. 14, стр. 270—271).

Отрицательный отзыв Толстого о пьесе был приведен в записи беседы писателя с сотрудником «Нового времени» Ю. Беляевым. «— Я занимался тоже Хитровкой, — сказал Лев Николаевич, — во время переписки. Дружил даже с хитровцами. И вот что я скажу Вам. Вы говорите, что босяки жестоки. Это неправда. Неправ и Горький, подчеркивая в них эту черту. Разумеется, есть между ними озлобленные, коварные люди. Но основная черта босячества все-таки заключается не в этом. Я, например, у большинства из них встречал душевное равновесие и добродушие. Когда Горький был у меня, я советовал ему особенно подчеркивать эту черту в его новой драме. Надо было еще показать, что у босяков нет ложного страха, что нет пропасти под ними и что если захотят они встать на ноги, то встанут без малейшего усилия, потому что почва у них под ногами <...> Пьеса „На дне“ мне не нравится. Я говорил Горькому, что для драмы нужно драматическое положение. А в его пьесе этого нет. Но он с обычной скромностью отвечал, что ему „это не удастся“...» (Ю р. Б е л я е в. В Ясной Поляне. — «Новое время»,

1903, № 9746, 24 апреля). Отрицательно оценивал Толстой «На дне» и позже. В 1905 г. он так высказался о пьесе: «Ну, это искусственно. „На дне“ мне не понравилось» (Д. М а к о в и ц к и й. Яснополянские записки. Вып. I. М., 1922, стр. 99).

Гораздо позже Толстой сделал запись в дневнике: «Читал после обеда о Горьком. И странно, недоброе чувство к нему, с которым борюсь <...> Например, его изречение „Верить в бога — и есть бог; не верить в бога — и нет его“. — Изречение скверное, а между тем оно заставило меня задуматься. Есть ли тот бог сам в себе, про которого я говорю и пишу? И правда, что про этого бога можно сказать: веришь в него — и есть он. И я всегда так думал» (Л. Т о л с т о й. Дневник от 23 ноября 1909 г. Полн. собр. соч., т. 57. М., 1952, стр. 176—177).

Вокруг пьесы разгоралась общественная борьба. Буржуазные критики продолжали превозносить «Луку — утешителя» (Гр. П е т р о в. Светлый гость. — Сб. «Братья-писатели», 1904; Ю. А. <Ю. И. А й х е н в а л ь д>. «На дне» М. Горького. — «Русская мысль», 1903, № 1; см. также Д. С. М е р е ж к о в с к и й. Чехов и Горький. Полн. собр. соч., т. XIII. М., 1914, стр. 70, 85, 88). Революционно настроенные круги воспринимали «На дне» как «пьесу-Буревестник, которая предвещала грядущую бурю и к буре звала» (В. И. К а ч а л о в. Из воспоминаний. — В С, стр. 208). О постановке «На дне» один из очевидцев, Илья Гинцбург, 24 сентября 1932 г. писал Горькому: «Это было тогда великое литературное событие: эстеты-мистики собирались вас освистать. Я находился в ложе моего друга В. В. Стасова, а напротив, с другой стороны, сидел Мережковский со своей компанией. После первого действия начался бой: одни мистики неистово свистали, шикали, а реалисты бурно аплодировали. Была борьба двух мировоззрений, двух классов» (Архив А. М. Горького, КГ-ди-2-28-6). «Читая ее, думаешь не о действительности и прошлом, а об этике будущего» (И. Ф. А н н е н с к и й. Книга отражений. СПб., <1903>, стр. 131). Имея в виду и эту статью Анненского, Горький писал позже: «... был очень сильно удивлен статьями обо мне людей, далеких душе моей» (Лит Насл, т. 70, стр. 627).

«Мы знаем, что многие и многие, читая и слушая „На дне“ Горького, бросали уют своей жизни, шли в ряды революционной партии бороться там как можно и чем можно...» — свидетельствовал В. Д. Бонч-Бруевич (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 369, карт. 27, ед. хр. 7, стр. 2). Известны выступления и демонстрации, возникавшие в связи с постановкой драмы «На дне», например, в Нижнем Новгороде («Советская культура», 1963, № 137, 14 ноября), в Петрограде и других городах. «Издательство социал-демократической литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина» в Женеве выпустило в 1904 г. для литературно-политической пропаганды комплект открытых писем «Типы Горького „На дне“» («Литературная Россия», 1967, № 40, 29 сентября).

Пьеса «На дне» вышла на сцены Европы. 10(23) января 1903 г. состоялась ее премьера в Берлине, в Kleines Theater

Макса Рейнгардта под названием «Nachtsyl» («Ночлежка»). Она была поставлена режиссером Рихардом Валлентином, исполнившим роль Сатина (в роли Луки выступал Макс Рейнгардт). В письме Горькому от 8 декабря 1902 г. Рейнгардт и Артур Каган выражали огромную благодарность за предоставление театру «потрясающего жизненной правдой творения („На дне жизни“): «Чтение его произвело на нас трогательное, но при том и возвышенное впечатление. Мы употребили все усилия и средства к тому, чтобы Ваша драма была поставлена во всех отношениях образцово, при участии наших наилучших сил» (Архив А. М. Горького, КГ-ин-г-3-59-3; см. также М. Сукиенников. «На дне» Горького в Берлине.— «Новости дня», 1903, № 7042, 15 января). Спектакль был сыгран 300 раз подряд; весной 1905 г. было отмечено 500-е представление этой пьесы. Надо, однако, сказать, что постановка Рейнгардта была своеобразной «обработкой» горьковской драмы. Здесь Сатин был представлен как опустившийся немецкий философ, а Лука был загримирован под Льва Толстого (см. «Театр и искусство», 1903, № 23, и «Литературный вестник», 1904, № 4).

Отдельными зарубежными критиками пьеса истолковывалась в свете «поисков нового религиозного сознания» (см. «Вестник иностранной литературы», 1903, март, стр. 282—283). Были и иные суждения. Например, корреспондент «Berliner Tageblatt» Фриц Энгель писал: «Мы, немцы, могли бы поставить рядом с ним <Горьким> только Шиллера <...> Подобно ему и Горького мучит одно страстное желание — желание свободы личности, стремление к обеспечению человеческих прав за пасынками общества, за выкинутыми, низвергнутыми, провинившимися» («Berliner Tageblatt», 1903, № 43).

«Театр всегда был полон... — писал 7 марта 1903 г. об этой постановке Горькому со слов А. Шольпа Пятницкий.— Приезжал Гауптман. Посмотрел и сказал: „Große Sache, echte Sache“ — „Большая вещь, настоящая вещь!“

Некоторые критики пишут: Горький достиг того, чего хотел достичь и не достиг Гауптман.

Несколько раз смотрел пьесу Бебель. Он увлекается ею не меньше Каутского <...> Бебель собирается писать Вам» (Архив А. М. Горького, КГ-п-63-1-36).

Немецкая пресса широко освещала постановку «На дне» («Nachtsyl»), часто рассматривая пьесу в таком же абстрактно-гуманистическом духе, как и русская либеральная печать (см. «Вестник иностранной литературы», 1903, март, стр. 282—283; июль, стр. 263—264. См. также: I. S t a u c h e. Das Nachtsyl im Spiegel der deutschen Presse в кн.: «Maxim Gorki. Drama und Theater». Berlin, 1968, S. 264—268. Широкий отклик получила эта пьеса при ее постановке в Германии в 1926 г., хотя рецензенты многих газет не были удовлетворены постановкой режиссера Пискагора (см. N o r b e r t F a l k. Gorkis Nachtsyl in der Volksbühne.— «Berliner Zeitung», 1926, 11 ноября; M a n f r e d G e o r g G o r k i s «Nachtsyl» — «Berliner Volkszeitung», 1926, 11 ноября).

«На дне» с успехом ставилось и в других странах: в Англии, Италии, Австрии, Голландии, Норвегии, Болгарии, Японии.

Горький живо интересовался постановками «На дне». «Я был бы очень благодарен Вам, — писал он Шольцу, — если бы Вы сообщили мне — как относится к моей пьесе рабочий класс, мнение которого для меня ценнее всех других мнений, взятых вместе». А в благодарственном письме Рейнгардту он так определял существенную задачу драмы: «...да здравствует же искусство и те, что служат ему, не страшась изображать суровую правду жизни такой, какова она есть!» (Г-30, т. 28, стр. 283 и 284).

Тенденциозное истолкование пьесы в печати заставляло автора вновь возвращаться к ее трактовке. В конце декабря 1910 г. Горький, по воспоминаниям Пятницкого, беседовал с Д. Ризовым и дал такую характеристику Луке:

«Лука — жулик. Он, собственно, ни во что не верит. Но он видит, как страдают и мечутся люди. Ему жаль этих людей. Вот он и говорит им разные слова — для утешения...» (Архив А. М. Горького, ОПГ-7-11-1, стр. 20).

Этот взгляд на Луку Горький высказывал и в других беседах. В воспоминаниях В. Шишкова «Встречи» приведен следующий диалог с Горьким:

«— Нет, не люблю я русского мужичка.

— Ну, а ваш Лука в „На дне“?

— Что? Лука? Пройдоха. Жулик.

— Однако со сцены он выглядит очень симпатичным.

— Да. Он прикидывается святошей, потому что ему это выгодно» (В С, 1928, стр. 230).

Подобный же отзыв автора о Луке приводит в своих воспоминаниях Д. Лутохин:

«— Подлый он старикашка, Лука! — неожиданно прерывает меня А. М. — Обманывает сладкой ложью людей и этим кормится <...> С самого начала, — продолжает А. М., — задумал я странника пройдохой, жуликом, да так хорошо вышло у Москвина, что я не стал ему перечить ... только теперь, если оставлять пьесу в репертуаре советских театров, ее следует основательно переделать, всё только некогда за это приняться» (Архив А. М. Горького, МоГ-8-12-1).

В письме от 10 января 1912 г. Горький просил Львова-Рогачевского: «Когда будете писать о Кожемякине — убейте одно давнее недоразумение, очень неприятное для меня: развенчайте Луку: это отнюдь не „положительный“ характер, это ловко скрытый Маркуша из „Кожемякина“, проповедник-нигилист, как В. Соловьев, например.

„Верись — есть, не верись — нет“ и Маркушино „Черти есть? Есть, отстань! А может, — нет? Нет — отстань!“ — это одно и то же, а в существе этой скверны лежит <...> злейший цинический нигилизм русских одиночек, „лишних людей“, у которых нет сил „бороться за свободу своего Я в недрах общества“ и которые отскакивают от общества в „угол“ и „подполье“ Достоевского, в неприятие мира, в леса, пустыни и т. д. — вообще охвачены стремлением „разбрестись розно“. Показать

это оччень важно и своевременно» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-24-5-14).

Об отношении автора к Луке Луначарский вспоминал: «Как-то в личном разговоре со мной Горький сказал мне, что даже Москвин берет Луку слишком всерьез; Лука — это пошпине лукавый человек, его много мяли и потому он мягок, как говорит он сам о себе. Лука умеет приложить пластырь лжи ко всякому больному месту. Его дело, найдя человека с вырванным клоком сердца, создать в награду для восстановления равновесия какую-то по мерке сделанную и подходящую ложь, — утешительный обман» (А. В. Луначарский. Литературные силуэты. М.—Л., 1925, стр. 142).

Горький не раз подчеркивал «активный» замысел пьесы. В 1913 г. в письме И. И. Лебединову он резко отмежевывался от философствований, свойственных в частности Луке, и заявлял: «...я никогда не был сторонником их, они всегда были органически противны мне» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-23-15). «Я, как мне думается, достаточно определенно показал прелести животного эгоизма в очерке „Мой спутник“. В соединении с жульнической философией „Проходимца“, Луки и Маркуши в „Кожемякине“ этот эгоизм и дает то, что нас, русских, губит, — снедающую нас болезнь, которую можно назвать пассивным анархизмом. В корне этой болезни лежит отчаяние, безнадежность, отсутствие веры в свои силы, в творческое начало разума и воли...» (там же).

В 1928 г. Горький писал курским красноармейцам:

«Вы спрашиваете: „Почему в пьесе «На дне» нет сигнала к восстанию?»

Сигнал этот можно услышать в словах Сатина, в его оценке человека. В то время — в 1901 году, когда я писал эту пьесу, я уже знал, что „народ“ не есть нечто целое, — как учили „народники“, — а разбит, раздроблен классовым устройством государства на враждебные „сословия“, группы. Зрелище жизни, разделенной на „героев и толпу“, тоже не могло удовлетворить меня <...>

Само собою разумеется, что проповедь социализма я не мог вложить в уста людей, разбитых жизнью, неспособных к труду, готовых поддаться всякому утешению. Утешители, проповедники примирения с жизнью, враждебны мне, кто бы они ни были: люди, верующие в бога, или писатели, вроде американца О'Генри <...> Но из утешений хитрого Луки Сатин сделал свой вывод — о ценности всякого человека» (Г-30, т. 24, стр. 357—358).

В начале 30-х годов определяется и перелом в отношении писателя к пьесе «На дне»; он всё чаще говорил о ней отрицательно, — на это повлияло долголетнее неправильное толкование ее.

Раскрывая в статье «О пьесах» вред «утешительной лжи», Горький писал:

«...есть еще весьма большое количество утешителей, которые утешают только для того, чтоб им не надоедали своими жа-

лобами, не тревожили привычного покоя ко всему притерпевшейся холодной души.

Самое драгоценное для них именно этот покой, это устойчивое равновесие их чувствований и мыслей. Затем, для них очень дорога своя котомка, свой собственный чайник и котелок для варки пищи <...> Утешители этого ряда — самые умные, знающие и красноречивые. Они же поэтому самые вредоносные. Именно таким утешителем должен был быть Лука в пьесе „На дне“, но я, видимо, не сумел сделать его таким.

Из всего сказанного мною об этой пьесе, надеюсь, ясно, до какой степени она неудачна, как плохо отражены в ней изложенные выше наблюдения и как она слаба „сюжетно“. „На дне“ — пьеса устаревшая и, возможно, даже вредная в наши дни. Хотя эта „самокритика“ запоздала, но я должен сказать, что явилась она, конечно, не сейчас, в 1932 году, а еще до Октября <...> В наши дни утешитель может быть показан на сцене театра только как фигура отрицательного значения и — комическая.

Исторический, но небывалый человек, Человек с большой буквы, Владимир Ленин, решительно и навсегда вычеркнул из жизни тип утешителя, заменив его учителем революционного права рабочего класса...» (Г-30, т. 26, стр. 425—426).

Вместе с тем Горькому были дороги мысли, вложенные в уста Сатина. В 1929 г. он записывает, видимо, на память кому-то: «Человек — это звучит гордо. М. Горький (Лозунг, который не потерял для меня своего значения, но еще более расширился и углубился). А. Пешков. 7.VI. 29» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 421, карт. 1, ед. хр. 35).

Высоко оценивали пьесу «На дне» многие выдающиеся деятели революционного движения, культуры и искусства.

По свидетельству Н. К. Крупской, В. И. Ленину «правилось „На дне“». «Помню, как загорелся Ильич как-то желанием пойти в Художественный театр посмотреть „На дне“...» (В С, стр. 37).

Франц Меринг характеризовал драму как «творение подлинного и большого поэта». «В драме Горького нет ни одной сентиментальной или жалостной фразы, но все образы его отверженных живут, точно вскормленные кровью его сердца. Сначала, — всё равно, читаем ли мы его драму или смотрим на сцене, — нас несколько сбивает с толку их многочисленность, но затем они выступают всё яснее и пластичнее, пока не стоят перед нами как живые, — грязные, опустившиеся, порочные, но всё же люди, действительная вина которых только их судьба, не ими самими себе уготованная...» (Франц Меринг. Литературно-критические работы в двух томах, т. 2. М., 1934, стр. 297—298).

«Я считаю драму „На дне“, — писал А. В. Луначарский, — произведением более художественным, чем драма „Мещане“, но в социально-психологическом отношении она дает бесконечно меньше, так как разновидности общественного „дна“ не могут иметь для нас того значения, какое имеет мещанство...»

(Луначарский, т. 2, стр. 8). Однако Луначарский колебался в толковании драмы, предполагая, что Горький симпатизирует Луке, и в связи с этим говорил о «временном грехопадении» писателя (там же, стр. 111). Позже критик пришел к горьковскому пониманию пьесы, отмечая, однако, сложность позиции автора: «...он не был Лукою, — писал Луначарский о Горьком. — Он сам объяснял актерам и критикам, которые пришли в восхищение от Луки: „это святой человек, Распутин для народа!“ — что это хитрый человек, который каждому дает пластырь на его рану, чтобы отделаться от него...» (там же, стр. 64).

В 1903 г. в критической заметке, написанной по поводу «На дне» во время гастролей Художественного театра в Петербурге, А. Н. Толстой так высказался о пьесе: «Жизнь сама по себе — глубочайшая философия, и чем человек сильнее живет, тем больше он накапливает философских знаний, накапливает бесознательно <...> Вот почему все типы босяков и странников Горького философствуют и говорят умные речи. Они их нигде не читали. Но их шепнула им природа и их жизнь <...> Если бы тысячи людей, сидящих в ложах и блестящих декольте и погонами, знали, насколько они по своей нравственности стоят ниже Луки, Сатина, Васьки Пепла, Наташи. В душах их никогда не созреют семена добра, сколь они ни будь поливаемы словами Луки и ему подобны. Люди эти сгнили вместе с их книгами и умными мыслями и показною нравственностью» (А. Н. Толстой. Собр. соч., т. 10. М., 1961, стр. 8—9). В этой заметке также обнаруживается непонимание вредности «утешительной философии» Луки.

В. В. Воровский, считая «На дне» «одним из самых значительных произведений Горького», которое «подводит итог всему периоду босяцких рассказов», замечал:

«Во времени появления „На дне“ автор уже сказал свое „дерзкое“ слово культурному обществу, романтические босяки сыграли этим свою роль. Можно было снять с них театральные костюмы, — а тогда оставались они тем, чем были в реальной жизни: жалкими, несчастными, исковерканными людьми». Критик, как и некоторые его современники, утверждал, что герои эти ищут «не той жестокой реальной правды, которая убила бы в них последнюю надежду», что им нужна «исцеляющая правда жизни». «И автор подсылает к ним Луку — этого шарлатана гуманности, бессмертный тип лживого успокоителя страдающих, жаждущих забвения во лжи.

И тут перед нами открывается другая, весьма важная сторона пьесы „На дне“: это — то искание правды, которое отныне становится в центре литературной деятельности М. Горького. Обездоленным и отверженным несет он словами Луки призрачную правду фантазии, противопоставляет ее реальной правде жизни <...> Это бегство от неприглядной действительности: сильных — в небеса („Песня о Соколе“), слабых — в царство фантазии, и есть единственный выход и вместе с тем примирение с жизнью, какие дает М. Горький в первый период своей деятельности» (Воровский, стр. 261—262).

По-иному понял смысл пьесы Станиславский:

«„Свобода во что бы то ни стало!“ — вот ее духовная сущность. Та свобода, ради которой люди опускаются на дно жизни, не ведая того, что там они становятся рабами» (*Станиславский*, т. 5, стр. 203).

Высоко оценил пьесу Немирович-Данченко. В телеграмме, посланной Горькому 14 марта 1934 г. в день 800-го спектакля «На дне», он писал: «Появление „Дна“ одним ударом проложило целые пути театральной культуры. В годы Октябрьской революции „Дно“ приобретало новое значение, сделавшись любимейшей пьесой победившего пролетариата. Имея в „На дне“ образец подлинно народной пьесы, мы считаем этот спектакль гордостью театра» (*Немирович*, т. 2, стр. 394).

Лаконично и очень выразительно определил значение и место «На дне» в творчестве писателя А. С. Макаренко: «...ни с чем не сравнимым по своему значению стало „На дне“. Я и теперь считаю это произведение величайшим из всего творческого богатства Горького...» (*В С*, стр. 507).

Стр. 110. *«Роковая любовь»* — роман немецкого писателя Эрнста фон Вильденбруха (1845—1909); в переводе на русский язык был издан «Новым журналом иностранной литературы» (СПб., 1901).

Стр. 113. *Сикамбр...* — Сикамбры — древнегерманское племя, жившее по берегам Рейна.

Стр. 113. *Макробиотика* — наука о продлении жизни, одним из основателей которой был немецкий врач К. В. Гуфеланд (1762—1836). Книга Гуфеланда «Искусство продлить человеческую жизнь» (СПб., 1852) в переводе имела подзаголовок «Макробиотика».

Стр. 114. *Транс-сцедентальный...* — искаженное «трансцендентальный» — от лат. *transcendens* (*transcendentis*) — выходящий за пределы. Одно из основных понятий идеалистической философии Канта, обозначающее нечто изначально присущее рассудку и обуславливающее опыт.

Стр. 119. *Сарданапал* — Ашшурбанипал, последний ассирийский царь (годы царствования — 668—626 до н. э.). Имя Сарданапала, отличавшегося склонностью к роскоши, стало нарицательным.

Стр. 119. *Навуходоносор* — вавилонский царь Навуходоносор II (604—562 до н. э.), прославившийся войнами, строительством крепостей и дворцов, а также разрушением «града божия» Иерусалима.

Стр. 119. *...как... сорок тысяч пьяниц...* — Перефразировка слов Гамлета о «сорока тысячах братьев», которые не могли бы сравниться с ним в любви к Офелии («Гамлет», акт V, сцена 1).

Стр. 124. *Они, бумажки-то, все такие... все никуда не годятся.* — Лука высказывается в духе «бегунской» («страннической») секты (см. примеч. к стр. 165), которая проповедовала разрыв с «миром антихриста». Бегуны не признавали никаких

государственных бумаг, а некоторые («безденежники») считали неопозволительным даже пользоваться деньгами. Вступая в секту, бегуны обычно уничтожали свой паспорт (см.: Ф. В. Л и в а н о в. Раскольники и острожники, т. IV. СПб., 1872, стр. 90).

Стр. 125. *Parlez-vous français...* — искаженное французское выражение *Parlez-vous français?* (Вы говорите по-французски?).

Стр. 131. *Солнце всходит и заходит...* — Песня эта широко распространилась после выхода в свет пьесы «На дне». «Из всего сказанного мною широко принята и у всех в памяти песенка:

Как хотите стерегите,—
Я и так не убегу,
Мне и хочется на волю—
Цепь порвать я не могу!

(М. Горький. Эпиграфы. Записная книжка, 1918—1926, л. 12.— Архив А. М. Горького, ГЗ-17-4). Музыка песни была записана А. Б. Гольденвейзером. «Дорогой Константин Петрович,— писала Е. П. Пешкова Пятницкому 29 октября 1902 г.,— посылаю Вам записанный Гольденвейзером мотив для „На дне“. Один экземпляр для русск(ого), другой для заграничного издания» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-12-34-15).

Стр. 145. *А эта Василиса — она... хуже черемиса!* — Выражение это могло возникнуть в Нижегородской губернии и, вероятно, было отзвуком отношения странников («бегунов») к «инакомыслящим», иноверцам (см.: И. Н. Смирнов. Черемисы. Казань, 1889).

Стр. 146. *Господа! Если к правде святой... Если б завтра земли нашей путь...* — Первые строки 5-й и 6-й строф стихотворения П. Беранже «Безумцы» («Les fous») в переводе В. С. Курочкина.

Стр. 148. *Кент* — персонаж трагедии Шекспира «Король Лир».

Стр. 152. *Это всё из книжки «Роковая любовь»...* — В романе «Роковая любовь» Эрнста фон Вильденбруха нет тех событий и имен, которые даны в рассказе Насти. Некоторые его детали заимствованы из рассказа Клавдии Грос («Северный курьер», 1899, №№ 13 и 15, 13 и 15 ноября; см. Г-30, т. 23, стр. 296).

Стр. 154. *...под Томском-городом...* — Томская губерния была одной из самых значительных областей беготы раскола, в частности секты бегунов («странников»). См.: Д. Н. Белков. Томский раскол. Томск, 1901, стр. 1—2).

Стр. 156. *...знал я одного человека, который в праведную землю верил...* — Среди раскольников, особенно среди секты бегунов («странников»), была широко распространена легенда о стране, где «в неразрушенном виде, во всей полноте и красе сияет „древнее благочестие“, где сохранилась незапятнанная ересью иерархия и где при изобилии всяких житейских благ царит всецелая свобода в исповедании...» Среди томских раскольников-бегунов до конца прошлого века встречались люди, уходившие искать эту священную («праведную») страну — Беловодье (см.: Д. Н. Белков. Томский раскол, стр. 139, 140).

Стр. 162. *Я говорю — есть земля, неудобная для посева...* — Лука использует образы евангельской притчи о сеятеле («Евангелие от Матфея», гл. 13).

Стр. 163. *Скажи мне, кудесник, любимец богов...* — Из стихотворения Пушкина «Песнь о вещем Олеге» (1822).

Стр. 165. *Тебе бы с такими речами к бегунам идти...* — Бегуны, или странники — секта в старообрядчестве, основанная в конце XVIII в. беглым солдатом Евфимием. Возникновению этой секты способствовало усиление крепостнического гнета. Социальный протест «бегунов» носил анархический характер; постепенно он принимал всё более антиобщественные, антикультурные и паразитические формы. Исходным пунктом учения «бегунов» было утверждение о близком «конце света». Для того, чтобы «спасти душу», необходимо, согласно этому учению, порвать всякие связи с обществом, уклоняться от государственных повинностей и административных установлений, отказаться от семьи и бегать в пустынные местности или прятаться в тайных убежищах. Бродяжничество было возведено бегунами «на степень догмата» (Ф. В. Л и в а н о в. Раскольники и острожники, т. IV, стр. 60). Быт бегунов («странников») в значительной мере определял черты их характера. «Никто лучше странника не умеет притвориться святошью, выдать себя за человека кроткого, нравственного» (Л. Н. Т р е ф о л е в. Эпизод из истории раскола. — Труды Ярославского губернского статистического комитета, вып. 1. Ярославль, 1866, стр. 217). После Октябрьской революции «бегуны» проявили себя как активные противники советской власти, носители изуверства и мракобесия (см.: В. Ф. М и л о в и д о в. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969, стр. 78, 84, 86, 97, 101, 103, 109; Ф. Ф е д о р е н к о. Секты, их вера и дела. М., 1965, стр. 105—109).

Постоянно интересуюсь историей русского раскола, Горький глубоко понимал его социально-историческую сущность, не преувеличивая значения сект. Об этом говорят и пометы писателя на страницах сочинений А. П. Щапова о русском расколе, хранящихся в ЛБГ. Например, Горький подчеркнул часть фразы (А. П. Щ а п о в. Сочинения в трех томах, т. 1. СПб., 1906, стр. 482) «*раскольничья литература сильно распространялась и получала не только противоцерковный, но и гражданско-демократический смысл...*» и написал на полях: «Так ли?» Мысль о том, что в расколе «вырабатывается чисто политическое направление, только под формами религиозно-символическими», Горький сопроводил вопросительным знаком (там же, стр. 8).

Стр. 170. *...яко дым от лица огня* ☞ *Тако исчезают грешники от лица праведных!* — Ср.: псалом Давида «Яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешники от лица божия» (Псалтирь, псалом 67, стих 3).

Стр. 171. «*Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*» — основной юридический документ уголовного права царской России (свод законов и статей), введенный с 1 мая 1864 г. и подвергнутый незначительной переработке в 1881 г.

Стр. 171. *«Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»* — собрание уголовных законов о преступлениях и системе наказаний, входящих в круг вопросов, рассматриваемых мировыми судьями (а также земскими начальниками, городскими, полковыми и экипажными судами). Устав был принят 20 ноября 1864 г., перендан в 1883 и 1885 годах.

Стр. 172. *Лахеза ∞ Атропа...* — Две из трех богинь судьбы у древних греков, по представлениям которых богиня *Клото* пряла «жизненную нить» человека, *Лахесис* определяла его путь, *Атропа* заносила в длинный свиток всё, что назначено человеку.

Стр. 172. *Обжирайтесь, мрачные умы.* — Первый стих третьей строфы стихотворения Беранже «Гастрономы» («Les gourmands»), в переводе В. С. Курочкина, опубликованном в «Искре», 1870, № 8, стр. 306—307.

Стр. 172. *Яма эта... будет мне могилой...* — Начало стихотворения «Старый бродяга» («Le vieux vagabond») Беранже, в переводе В. С. Курочкина, впервые опубликованном под заглавием «Старый нищий» в «Сыне отечества», 1854, № 29.

Стр. 172. *Кин, или Гений и беспутство.* — Названье пьесы французского писателя А. Дюма-отца (1803—1870), изображающей жизнь и похождения известного английского актера Кина (1787—1833).

Стр. 181. *Яман* (татар.) — плохо.

Стр. 182. *Пить будим, гулять будим, смерть пришел — помирать будим!* — Ой пить будем, / И гулять будем, / Когда смерть придет — / Помирать будем («Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях... Материалы, собранные П. В. Шейпом», т. I, вып. 1. СПб., 1898, стр. 174).

ДАЧНИКИ

(Стр. 183)

Впервые напечатано в книге: М. Горький. Дачники. Сцены. Verlag «Spanije». Berlin, <1904>. Несколькоми месяцами позже — в «Сборнике товарищества „Знание“ за 1904 год», книга третья, 1905, вышедшем двумя изданиями, стр. 43—231.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Два черновых отрывка пьесы в черновой набросок стихотворения «Эдельвейс», отразившие самый ранний этап работы автора над пьесой (ХПГ-8-1-17, ХПГ-52-28).

2. Черновой автограф пьесы (ХПГ-8-1-1) и 7 отрывков, относящихся к нему (ХПГ-8-1-3, 4, 5, 6, 7, 8, 9) — *ЧА*.

3. Бсловой автограф пьесы (ХПГ-8-1-2) — *БА*.

4. Авторизованная машинописная копия — оригинал набора для III *Сб Зи* (ХПГ-8-1-10).

5. Четыре неавторизованные машинописные копии (ХПГ-8-1-12, 13, 14, 15).

6. Два текста пьесы, представленные в театральную цензуру: 1904 г. (ХПГ-8-1-16) и 1905 г. (ХПГ-8-1-18).

7. Оригинал набора пьесы для К — печатный текст Зн, т. 7, не содержащий авторской правки (ХПГ-8-1-11).

Печатается по тексту III Сб Зн со следующими исправлениями по БА:

Стр. 185, строки 5—6: «В правой стене окно» вместо «В правой стороне окно».

Стр. 200, строка 27: «милую, чистую комватку» вместо «милую, чистую комнату».

Стр. 204, строка 27: «быстро входит, за нею Калерия» вместо «быстро входит».

Стр. 206, строки 39—40: «сталкиваясь в дверях с Калерией, Юлией Филипповой и Замысловым» вместо «сталкиваясь в дверях с Калерией и Юлией Филипповой».

Стр. 209, строка 2: «С а ш а (входит).» вместо «С а ш а».

Стр. 227, строки 2—3: «никто ее не запоминает» вместо «никто не запоминает» (по ЧА и БА).

Стр. 227, строки 5—6: «Двоеточие отрицательно качает головой» вместо «Двоеточие отрицательно кивает головой».

Стр. 234, строка 23: «З а м ы с л о в (у сцен).» вместо «З а м ы с л о в».

Стр. 252, строка 6: «и не хочу разлучаться с тобой...» вместо «и не хочу разлучаться с тобой».

Стр. 263, строки 30—31: «Мы хорошо ее сделаем!» вместо «Мы хорошо и сделаем!» (по ЧА и БА).

Стр. 266, строки 27—28: «Ю л и я Ф и л и п п о в н а (Басову). Что такое? (Мужу.)» вместо «Ю л и я Ф и л и п п о в н а. Что такое? (Мужу.)».

Стр. 269, строка 12: «Нет, милый дедушка» вместо «Нет, милый дядюшка».

Стр. 285, строки 35—37: «В л а с. Только уважение ∞ В а р в а р а М и х а й л о в н а. Влас, не смей...» вместо «В а р в а р а М и х а й л о в н а. Влас, не смей... В л а с. Только уважение...»

Стр. 291, строка 26: «стреляет себя» вместо «стреляет себе».

Стр. 291, строка 38: «Его уводят в комнаты. Дудаков провозжает» вместо «Его уводят в комнаты».

Стр. 292, строка 9: «Он умрет?» вместо «Он умирает?»

Первое упоминание о замысле произведения под заглавием «Дачники» относится к 1899 году. В июне этого года Горький писал С. П. Дороватовскому: «Вы издадите его <„Фому Гордева“> вместе с рассказом „Дачники“, который я дам в „Жизнь“ на ноябрь — декабрь» (Г-30, т. 28, стр. 87). В конце того же года в журнале «Жизнь», в объявлении о подписке, сообщалось: «В течение 1900 года предполагается поместить <...> следующие беллетристические произведения: Мужик. Повесть М. Горького. Д а ч н и к и. Очерки его же...» («Жизнь», 1899, № 11, обложка). Однако ни в 1899, ни в 1900 году произведение под заглавием «Дачники» опубликовано не было.

Можно предположить, что осень 1901 г. и зима 1901/02 г. были временем, когда зарождался и уточнялся замысел, воплотившийся затем в пьесах «Дачники», «Дети солнца», «Варвары»¹.

Только что закончив работу над пьесой «Мещане», Горький в письме К. П. Пятницкому от 2 октября 1901 г. сообщал о намерении написать новую пьесу, в центре которой будет «герой с идеалом». «А героиня — дочь прачки — демократка! — была на курсах, жена присяжного поверенного, презирающая ту жизнь, которой она живет! Вокруг этих лиц — целое общество провинциального города! Земец, купец, журналист, товар<ищ> прокурора, земский начальник, доктор... вы понимаете? всё сволочь! всё мещане!» (Архив Г_{IV}, стр. 38). Спустя две недели (13—17 октября 1901 г.) Горький в письме тому же адресату повторил содержание предшествующего письма в части, касающейся замысла новой пьесы, представив его в более широком, обобщенном плане: «Вы знаете: я напишу цикл драм. Это — факт. Одну — быт интеллигенции. Куча людей без идеалов, и вдруг! — среди них один — с идеалом! Злоба, треск, вой, грохот» (там же, стр. 42—43).

В это время Горький много размышляет над содержанием того «идеала», который обусловил идейную дифференциацию интеллигенции. В письме Пятницкому от 7—11 января 1902 г. писатель критически отзываясь о том лагере интеллигенции, который «проповедует необходимость „аристократов духа“, идеализма и прочих штук». «Если б вы знали,— пишет он,— как мне противен этот поворот *назад*, к самоусовершенствованию! Я не оговорился — это *назад*! Теперь — совершенный человек не нужен, нужен боец, рабочий, мститель. Совершенствоваться мы будем потом, когда сведем счеты» (Архив Г_{IV}, стр. 66). И дальше, в том же письме: «...всё ярче вижу я разлад двух психических величин. Культурник-мещанин, осторожненький, гибкий, желающий купить на грош своего духа пятаков удобств для тела и души, и прямолинейный, героически настроенный демократ, преждевременно изготовивший свой лоб для удара о стену,— не уживаются они! Боюсь — они расходятся всё дальше, боюсь, что там, где должно бы родиться уважение и до-

¹ Сохранилось свидетельство Е. П. Пешковой, относящееся к лету 1901 г.: «Писать „Дачников“ А. М. начал, когда мы жили на даче на станции Горбатовка, недалеко от Нижнего <...> А. М. очень понравился хвойный лес, начинавшийся около домика, из-за которого и была снята дача. Но А. М. очень раздражили валяющиеся повсюду кругом обрывки бумаги, консервные банки и прочий хлам, оставшийся от прошлогодних жильцов на даче. „Дачник — самый бесполезный и даже вредный человек на земле; приедет на дачу, нахламит и уедет“, — раздраженно говорил А. М., когда мы все усердно занимались чисткой кругом дома» (А. Д. Г р и н е в и ц к а я. Восходящий Горький. 1895—1904. Воспоминания <Замечания Е. П. Пешковой. 1940>). — Архив А. М. Горького, МоГ-3-15-7).

верне, — рождается непаивсть, с одной стороны, боязнь — с другой» (там же, стр. 68).

Первым драматургическим произведением на эту тему и стала пьеса «Дачники». Однако работа над ней отодвигалась еще в течение двух лет. Только 29—30 мая 1902 г. Горький сообщил Пятницкому:

«Скоро окончу пьесу <„На дне“> <...> Сейчас же пишу — другую! Другую — будь я проклят! Жив быть не хочу, а напишу пьесу хорошую!» (там же, стр. 85). 20—21 июня в письме тому же адресату он впервые называет ее: «Начал писать еще пьесу „Дачники“». Думаю изображать современную „буржуазно-материалистическую интеллигенцию“, — как выражается Бердяев. Очень хочется подарить „всем сестрам — по серьгам“, в том числе и Бердяеву небольшие.

Чувствую я, что в воздухе носится новое миропонимание, миропонимание демократическое, а уловить его — не могу, не умею. А — носится и зреет» (там же, стр. 89).

Вскоре новый замысел полностью завладел автором: «Закапываю пьесу „Дачники“; действующих лиц — 32 человека, целый губернский город в лице его интеллигенции», — пишет он Пятницкому 24—25 июля 1902 г. (там же, стр. 95).

Однако в 1902 г. «Дачники» не были закончены. До осени 1903 г. писатель не упоминает об этом произведении. По свидетельству Е. П. Пешковой, летом 1903 г. — после 21—22 июля — Горький продолжал работу над пьесой (*ЛЖТ*, стр. 443). В октябре 1903 г., сообщая Пятницкому состав седьмого тома своих сочинений в издательстве «Знание», Горький писал: «Скоро будет „О Человеке и мещанине“, „Пошлость“, „Недоумение чёрта“ и „Дачники“ — пьеса. Всё это должно быть написано в течение осени и зимы» (*Архив Г_{IV}*, стр. 138).

Но и в 1903 г. писатель не довел работу над пьесой до конца. Лишь в начале января 1904 г. он уведомляет Пятницкого: «...теперь и я накануне большой, упорной работы. С нетерпением жду дней, когда буду в состоянии начать» (там же, стр. 150). Слова о «большой, упорной работе» можно отнести к «Дачникам». В письме к Е. П. Пешковой от 23 января 1904 г. Горький говорит об этой работе более определенно: «Начал писать пьесу. Идет туго» (*Архив Г_V*, стр. 91); 14 февраля 1904 г.: «Работаю. Пьеса моя будет пуста, но, вероятно, красива...» (там же, стр. 99). 19 февраля Пятницкий сообщил Е. П. Пешковой: «Ночью Алексей Максимович прочел первый акт новой драмы» (*Архив А. М. Горького, фонд Е. П. Пешковой*). Спустя 8 дней Пятницкий информировал ее же: «А. М. работает уже над четвертым актом. Здоров» (там же). «Прошу тебя, — писал Горький Е. П. Пешковой в конце февраля, — возьми из стола тетрадку моих стихов, вырви оттуда листы, на которых написано стихотворение

На страницы Вашего альбома
Я смотрел в смущении немом...

и со всеми поправками пришли мне заказным письмом.

Пожалуйста, скорее — мне нужно это для пьесы. Я ее кончил и — начинаю всю писать сначала, с первой до последней строки. Теперь в ней куча стихов» (*Архив Г_в*, стр. 101).

3 марта 1904 г. Горький подтвердил свое желание переделать «Дачников»: «Ну, пьесу я буду переделывать всю. Очень горюплюсь, потому что на Пасхе нужно сдать ее театру, так что я буду читать ее здесь, когда художники приедут сюда» (там же, стр. 103). 14 марта 1904 г.: «У меня множество возни с пьесой, которую я переделываю с первой до последней строки» (там же, стр. 105).

В этот день к писателю в Сестрорецк приехал В. И. Немирович-Данченко. При беседе присутствовал В. А. Крит, из письма которого к Е. Ф. Крит явствует, что режиссер приезжал «на разведки, конечно о пьесе, и так с подходцем стал выпытывать, какие действующие лица да какая фабула, когда будет готова пьеса» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-9-55-9). 15 марта 1904 г. Немирович-Данченко писал К. С. Станиславскому: «Пьесу он на днях окончит. Читал мне много из пьесы. Некоторое понятие я составил. Она еще сырая. Придется ему, вероятно, переписывать. Но много интересного уже есть. Хороши женские образы...» (цит. по кн.: *Дни и годы*, стр. 194). Сам же Горький 16—21 марта сообщал Е. П. Пешковой: «Немирович — был, читал я ему отрывки из пьесы, он очень хвалит, но я ему не верю. Длинно и скучно» (*Архив Г_в*, стр. 107).

Работа над пьесой продолжалась еще в марте и апреле 1904 г. 21 марта Горький сообщал Е. П. Пешковой: «Я переписываю 4-й акт начисто, и мой день — весь поглощен работой и людьми» (там же, стр. 107). 28 марта — ей же: «Вчера читал ему <К. П. Пятницкому> три акта пьесы — очень понравилась. Но — странная вещь! — женщины у меня вышли — отчаянными ненавистницами мужчин, а мужчины — прохвостами! Я этого не добивался» (там же, стр. 109).

В первой декаде апреля Горький сообщал Е. П. Пешковой о предстоящем «числа 15-го» чтении его нового произведения и вновь повторял, что оно продолжает казаться ему и скучным и неудачным (там же, стр. 110).

18 апреля 1904 г. автор читал пьесу артистам приехавшего на гастроли в Петербург Московского Художественного театра. «В воскресенье, — писал 20 апреля 1904 г. Станиславский М. П. Лилиной, — были в театре, так как Горький читал свою пьесу „Дачники“ <...> Пьеса не произвела на нас сильного впечатления — может быть, мы ее невнимательно прослушали, буду читать ее один» (*Станиславский*, т. 7, стр. 286). Об этом чтении появились сообщения в печати («Новости и биржевая газета», 1904, № 108, 20 апреля; «Русское слово», 1904, № 112, 22 апреля).

Таким образом, к середине апреля пьеса «Дачники» в ее первой редакции была закончена. «Пьесу кончил, — сообщал Горький Л. Андрееву. — Вышло очень скучно и плоско. Вот уже три плохие пьесы написал я, а ты всё еще ни одной» (*Лит Писл.*, т. 72, стр. 206). И через несколько дней — ему же: «Ну,

а я написал пьесу. Вышло — жидко, плоско, разговорно и злободневно — очень скверно! Но — духом не падаю!» (там же, стр. 210).

19 апреля того же года Немирович-Данченко написал отрицательный отзыв о пьесе, некоторые положения которого совпали с авторскими оценками ее. Можно предположить, что это обстоятельство сыграло определенную роль в решении писателя переделать свое новое произведение.

Уже через день после чтения пьесы артистам МХТ Горький сказал Немировичу-Данченко, что «за лето он окончит пьесу и пришлет ее <...> к 15 августа» (*Дни и годы*, стр. 195). В середине июля, живя в Старой Руссе, писатель приступил к переработке произведения (т. е. к созданию второй редакции), намереваясь отдать его в *Сб Зн*, посвященный памяти А. П. Чехова (*Архив Г_{IV}*, стр. 157).

Работа над переделкой шла медленно. «Пишу, — сообщал он 19—20 июля 1904 г. Е. П. Пешковой. — Плохо пишу, надо добавить» (*Архив Г_V*, стр. 122). Ей же — 25 июля: «Тянут меня по всем направлениям с пьесой, а мне заниматься ей некогда» (там же).

«Тянули» писателя театр В. Ф. Комиссаржевской, которому он еще раньше обещал передать пьесу, и театр К. Н. Незлобина. 25 июля в Старую Руссу за пьесой приехал режиссер К. В. Бравич, муж Комиссаржевской, о чем Горький в тот же день сообщил Пятницкому (*Архив Г_{IV}*, стр. 157). До 13 августа Горький встретился с режиссером театра Незлобина К. А. Марджановым, будущим постановщиком «Дачников» в этом театре (*ЛЖТ*, стр. 481).

Автор спешил: «Сильно работаю, тороплюсь перестроить „Дачников“, это, оказывается, непросто сделать» (письмо Пятницкому от 29—30 июля 1904 г. *Архив Г_{IV}*, стр. 158).

В августе была закончена работа над второй редакцией пьесы. Затем автор переписал «набело» переработанный текст, внес в него в процессе переписки и по окончании ее новые исправления и создал тем самым третий творческий вариант произведения. «Алексей Максимович сидит и пишет целыми днями, — сообщала М. Ф. Андреева Пятницкому 11 (24) августа 1904 г. из Старой Руссы. — Здоров, но, слава богу, достаточно благо-разумен и твердо решил ехать на сентябрь в Ялту. „Дачники“ переделал и окончательно (то есть надо надеяться, что окончательно) переписывает...» (*Андреева*, стр. 75). В начале сентября автор читал законченный текст «Дачников» в Москве, «в обществе своих друзей-литераторов и артистов» («Биржевые ведомости», 1904, № 458, 7 сентября; «Новости дня», 1904, № 7637, 7 сентября). В «Письме в редакцию» от 13 ноября 1904 г. Горький указал, что пьеса окончена им в конце лета («Наша жизнь», 1904, № 9, 14 ноября).

15 октября 1904 г. Горький телеграфировал Пятницкому из Риги: «Выплите, пожалуйста, „Дачники“ и 10 экземпляров первого сборника, — и вскоре благодарил его: «...получил пьесу, сборники, телеграмму — спасибо!» (*Архив Г_{IV}*, стр. 167). Речь,

видимо, шла о машинописном тексте пьесы, авторская правка которого пришлось на вторую половину октября 1904 г. Работа над пьесой была продолжена и в корректуре *Сб 3н*, которую автор читал по частям. 25 ноября 1904 г. он телеграфировал Пятницкому: «Корректуру получите завтра» (там же, стр. 168), — и в тот же день выслал первые листы ее с письмом: «Корректуру при сем посылаю, поправок почти нет; теперь мне важно посмотреть конец 3-го акта, выкинута ли вторая сцена Дудакова с женой, и — конец 4-го, не перепутаны ли поправки» (там же, стр. 169). На другой день Горький отправил Пятницкому следующие листы корректуры: «...посылаю корректуру. Если четвертый акт успеете прислать до вторника — присылайте, в противном случае — не надо. Во вторник идут „Дачники“, а в среду я уезжаю в Гомель...» (там же, стр. 169). Четвертый акт тоже был прочитан автором в корректуре. 29 ноября Горький в последний раз сообщил Пятницкому: «Посылаю корректуру...» (там же, стр. 170).

На этом работа Горького над пьесой «Дачники» была закончена. Больше он никогда к тексту ее не возвращался.

Как уже отмечалось, одним из первых критиков пьесы «Дачники» (ее первой редакции) был Немирович-Данченко.

«Что пьеса, как она была прочитана, — писал он, — неудачная, — это, к сожалению, не подлежит спору. „Дачники“ оставляют слушателя равнодушным на протяжении всех 4-х часов чтения <...> и задерживают внимание всего в 4—5 местах.

Автор злится <...> Негодование автора не вылилось в художественные образы. Это могло случиться по трем причинам <...> Первая — неясность веры самого автора <...> Его вера не вытекает из композиции, не обнаруживается из тона отдельных лиц, из размещения фигур, не просачивается через краски, какими написаны эти фигуры. Вторая причина <...> наблюдается там, где мне, слушателю, начинает казаться, что автор верит в то, что он сам склонен порицать, или склонен любить то, против чего с негодованием сам восстает. Тут произведение его теряет самую большую силу — силу искренности и ясности мировоззрения. Третья причина — в ординарности и плоскости приемов...».

Немирович-Данченко далее подробно останавливается на характеристике всех действующих лиц пьесы:

«Басов. Он не оригинален <...> автор не нашел для этой фигуры ничего своего, самостоятельного <...> Оценка его с точки зрения конкурса над несостоятельным Лапиным — безвкусный шаблон. К характеристике Басова это не прибавляет решительно ничего, — мы и без того считаем его достаточно тупым и низким, — а как художественный прием это не выше таланта какой-нибудь Вербицкой.

Варвара Михайловна <...> эта фигура „взята“ в правильном ракурсе <...> ее психология не сложна, и она может молчать вплоть до своего великолепного монолога в 4 действии об отбросах души, — великолепного и яркого монолога, в котором брызжут краски горьковской палитры». Однако «автор не успел по-

любить ее настолько, чтоб оградить ее от пустословия». В частности, критика смущает реплика Варвары Михайловны в сцене с Марьей Львовной, как бы выражающая принцип жизни героини: «Как мы боимся жить! Перед вами год, даже полгода!» «И я глубоко благодарен автору за то, что он не заставил ее <Марью Львовну> послушаться ни Варвары Михайловны, ни глупой дочери Соня, а кончить так, как должна была кончить эта прекрасно выдержанная фигура».

«Но Варвара Михайловна с этой минуты теряет моп симпатии, как человек выдающийся. А вернее сказать — как художественный образ <...> я не могу отделаться от впечатления, что в вопросе о том, как поступить Марье Львовне с охватившим ее чувством, бороться ей с ним или отдаться ему, — что в этом вопросе автор не стоит на высоте большого поэта, к колоколу которого прислушивается в настоящее время чуть ли не весь мир. Я не могу отделаться от впечатления, что душа автора в этом периоде его пьесы не свободна, что она поторопилась в своих желаниях...»

«Превосходна Калерия. С художественной стороны эта фигура правится мне больше всех <...> автор, — может быть, бессознательно, — любит ее, она покоится на искренности его души <...> И напрасно автор малодушно бросает в нее камешек в одной из сцен (кажется, с Рюминым)...»

«На кого <...> так обозлился <автор>, что написал пьесу, до такой степени озлобленную, что не может уже быть и речи об „уважай человека“, — вот вопрос, который является главным для Немировича-Данченко и на который он не может найти ответа в пьесе. «Не Байрона муки за человечество возбудили в Горьком злону. Стало быть, общество? окружающие автора наблюдаемые типы? Кто же это? <...> Басов? Это такое ничтожество, против которого не стоило тратить Горькому свой талант <...> Инженер Суслов? Действительно, дрянь-человек, хотя и достаточно наказываемый за свою дрянность...»

Что касается Юлии Филипповны, то Немирович-Данченко склонен положительно оценить этот образ. «После стихотворений Калерии и монолога Варвары Михайловны — лучшее в пьесе принадлежит Юлии Филипповне в третьем действии. (В остальном она бледна). „Дачники“ производят впечатление полной неясности как со стороны в точном смысле слова „пьесы“, так и идей автора», — вот основной вывод критика. — «Всё это лишь материал для пьесы <...> самое главное, — чтоб Горький нашел себя, со своим чутким, благородным и возвышенным сердцем!» (Архив А. М. Горького, КГ-ди-7-6-8).

Горький отрицательно воспринял этот отзыв. Возможно, в этом сказалось неприятие им позиции руководителей МХТ по отношению к либеральной пителлингенции — позиции, резко противоречившей его собственной. Во всяком случае, в наброске его ответа Немировичу-Данченко речь идет именно об этом:

«Внимательно прочитав Вашу рецензию на пьесу мою, я усмотрел в Вашем отношении к вопросам, которые мною раз навсегда, неизменно для меня решены, — принципиальное разно-

гласие. Оно неустранимо, и потому я не нахожу возможным дать пьесу театру, во главе которого стоите Вы» (*Дни и годы*, стр. 196).

В первых числах августа 1904 г. писатель получил письмо от Немировича-Данченко с просьбой отдать пьесу МХТ: «Я хочу тысячу раз подчеркнуть Вам, что мое отношение к Вам — и как к писателю и как к человеку — совершенно неизменно. Да я думаю, — и у всех в театре» (Архив А. М. Горького, КГ-дп-7-6-8).

И просьба и тон письма вызвали у Горького раздражение. В письме Пятницкому от 1—2 августа 1904 г. он замечал: «Получил письмо от Немировича. Милый у него характер! Давайте, говорит, пьесу, я, говорит, восторженно отношусь к вам. Славный парнишка» (*Архив Г_{IV}*, стр. 158). В ответе режиссеру Горький писал:

«Владимир Иванович — я решил предварительно напечатать пьесу, а потом уже пусть ее ставят в театрах — если она окажется для этого пригодной — все, кто хочет.

А по поводу Вашего уверения в том, что отношение Ваше ко мне „остается неизменным“, позволю себе сказать Вам, что для меня всегда гораздо более важно и интересно мое отношение к людям, а не отношение людей ко мне» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-27-8-10). «Я с трудом пережил это оскорбление», — так реагировал Немирович-Данченко на ответ Горького (*Дни и годы*, стр. 201).

Примерно месяц спустя слухи об инциденте Горького с МХТ проникли в печать. Очень осторожно газеты сообщали: «Художественный театр согласился поставить новую пьесу М. Горького „Дачники“, после того как автор подверг пьесу некоторым переделкам. Горький отказался дать кому бы то ни было монополию на пьесу, предоставив право постановки ее всем желающим антрепренерам», — говорилось, например, в заметке, опубликованной «Биржевыми ведомостями» (1904, № 488, 24 сентября).

В «Письме в редакцию», вызванном скандалом, разыгравшимся во время первой постановки пьесы в театре В. Ф. Комиссаржевской, Горький так разъяснял сущность этого инцидента: «Пьесу „Дачники“ я ему <МХТ> никогда не предлагал, и театр от постановки ее никогда не отказывался. Мои сношения с этим театром ограничились следующим: весной текущего года, исполняя желание некоторых артистов группы, я прочитал им пьесу, в то время еще не оконченную. Разговора о постановке тогда, разумеется, не было и не могло быть. Пьеса окончена мною в конце лета; после этого один из директоров театра, г. Немирович-Данченко, обратился ко мне с письмом, в котором он настаивал на праве Художественного театра поставить мою пьесу. Я ответил отказом» («Наша жизнь», 1904, № 9, 14 ноября).

Наибольший интерес из всех сохранившихся архивных материалов пьесы представляет собой черновой автограф и 7 черновых отрывков, относящихся к нему. Эти материалы, прочитанные в определенной последовательности, дают частичное

представление о первой редакции произведения (о ней можно судить по I и II актам, а также по некоторым страницам IV акта) и полное представление — о второй. Вся последующая работа автора свелась к совершенствованию текста второй редакции.

При создании второй редакции Горький сократил пьесу почти вдвое. Это было достигнуто путем исключения в первую очередь сцен, связанных с «делом» купца Лапина. В спорах о том, участвовать ли адвокату Басову в разорении человека, обстоятельствами жизни уже обреченного на умирание, сталкивались, по замыслу автора, носители определенных моральных категорий: честности и порядочности (Варвара Михайловна) и низости и подлости (ее муж, а также Замыслов и Рюмин). Изъятие сцен, относящихся к этой ситуации, позволило автору изменить самое существо конфликта в пьесе — превратить мелодраму обычного типа в произведение социального, политического звучания (подробнее об этом см.: *Новиков*, стр. 12—125).

Новой концепции произведения соответствовала и новая трактовка образов. Так, для понимания Шалимова оказывалось несущественным объяснение цели его приезда на дачу к Басову — с помощью приятеля-адвоката «оттягать» земельный участок своей покойной жены. Эти сцены были исключены, но взамен их вписаны другие, раскрывающие облик писателя-индивидуалиста.

Работая над второй редакцией, Горький значительно сократил сцену Варвары Михайловны и Двуеточия, исключив рассказ последнего о женщине, избавившей его от пороков, сцену ссоры Ольги Алексеевны и Варвары Михайловны и другие. Добиваясь наибольшей концентрированности действия, автор совершенствовал способы раскрытия характеров героев: исключал оценочные автохарактеристики, прямые цитаты из выступлений философов и т. п. Многочисленные добавления к пьесе коснулись прежде всего характеров ее положительных героев, уточнения и обогащения той программы, которую они несли зрителю. При этом автор не только не снижал открытую публицистичность этой программы, но усиливал ее.

В следующий, беловой, автограф пьесы, по сравнению со второй редакцией чернового автографа, писатель включил подробную характеристику всех действующих лиц. Эта характеристика дошла до машинописного текста и только здесь была автором вычеркнута. На этом же, третьем, этапе работы впервые появился монолог Марьи Львовны в IV акте «Мы все должны быть иными, господа!», подготавливающий и объясняющий развязку пьесы, т. е. был найден «ключ» к пьесе, по определению самого автора (см. письмо Горького немецкому режиссеру М. Рейнгардту от декабря 1904 г. *Г-30*, т. 28, стр. 345).

В беловом автографе был найден новый, по сравнению с предшествующей редакцией, финал пьесы, который, однако, также не удовлетворил автора. Обобщающий, символический финал произведения был создан писателем только на последнем этапе творческой работы, в оригинале набора для *Сб 3и* (см. варианты).

Беловой автограф отличается не только от первых двух редакций пьесы, но и от следующей после него машинописи (ХПГ-8-1-10). Сравнение текстов белового автографа и этой машинописи (до авторской правки ее) показало, что между ними имеются многочисленные различия. Во многих случаях это были возвращения текстовых вариантов от белового автографа — к черновому, точнее, ко второй редакции, содержащейся в нем. Можно предположить, что между беловым автографом и машинописью существовал какой-то промежуточный текст, не дошедший до нас. Есть свидетельство Пятницкого в письме Е. П. Пешковой от 2 сентября 1904 г.: «„Дачников“ он <Горький> кончил. Сейчас пьесу переписывают» (Архив А. М. Горького, фонд Е. П. Пешковой). По-видимому, этот переписанный неустановленным лицом текст с авторской правкой и явился тем, с которого была снята машинопись. Текст ее с учетом незначительных исправлений Пятницкого был вновь перепечатан. Новая машинопись, по-видимому, была послана в Берлин и послужила оригиналом набора пьесы в Verlag «Snanije». Основанием для такого предположения является почти полное совпадение текстов сохранившихся экземпляров этой машинописи (ХПГ-8-1-12—15) с печатным текстом «Snanije».

Работа автора над пьесой была продолжена в оставшейся у него машинописи (ХПГ-8-1-10), в результате чего был создан новый творческий вариант произведения — текст, послуживший оригиналом набора пьесы в *Сб Зн.* Однако и на этом, как уже отмечалось, работа автора не закончилась, стилистическая правка текста была продолжена в корректуре *Сб Зн.*

Отказавшись передать пьесу Московскому Художественному театру, Горький вскоре решил ее сценическую судьбу. Только что организованный театр В. Ф. Комиссаржевской вызывал его искренние симпатии. «Театр Комиссаржевской,— писал Горький Е. П. Пешковой в конце августа 1904 г.,— дело новое, солидное и, кажется, будет хорошо поставлено...» (Архив Г., стр. 125).

4 июня 1904 г. В. Ф. Комиссаржевская сообщала С. А. Найденову: «Горький отдал мне свою новую пьесу» («Вера Федоровна Комиссаржевская...». Л.— М., 1964, стр. 148).

В течение июля — августа вопрос о передаче пьесы театру был решен окончательно. Газеты, сообщавшие о читках пьесы автором в начале сентября 1904 г., одновременно указывали, что «пьеса эта впервые будет поставлена в нынешнем сезоне в Петербурге, в театре В. Ф. Комиссаржевской» («Биржевые ведомости», 1904, № 458, 7 сентября; «Новости дня», 1904, № 7637, 7 сентября, и др.).

В октябре 1904 г. начались репетиции «Дачников» (см.: «Биржевые ведомости», 1904, № 521, 11 октября; «Театр и искусство», 1904, № 42, стр. 746). На одной из первых присутствовал автор, прочитавший труппе пьесу.

В первом спектакле были заняты все ведущие артисты театра во главе с В. Ф. Комиссаржевской. Ставил пьесу И. А. Тихомиров.

«Присутствовавший на репетициях автор остался чрезвычайно доволен постановкой и ансамблем» («Новости и биржевая газета», 1904, № 310, 9 ноября). Это сообщение, по-видимому, было не точным. В день премьеры, 10 ноября, Горький писал Е. П. Пешковой: «У меня первое предст(авление) „Дачников“ — сейчас, чёрт бы их побрал! Играют — плохо, пьеса не понята. Бегу в театр» (*Архив Г.*, стр. 137). Сразу после спектакля автор заметил: «...кроме Комиссаржевской и Бравича, — все играли плохо, а Мария Львовна <артистка З. В. Холмская> была толста, смешна и пошла» (там же, стр. 140).

Представление «Дачников» в театре В. Ф. Комиссаржевской, при всех недостатках постановки, стало событием в общественной жизни и в жизни автора. «„Дачники“ прошли хорошим скандалом», — телеграфировал Горький Е. П. Пешковой через день после первого спектакля, а затем писал ей же: «Первый спектакль — лучший день моей жизни, вот что я скажу тебе, друг мой! Никогда я не испытывал и едва ли испытаю когда-нибудь в такой мере и с такой глубиной свою силу, свое значение в жизни, как в тот момент, когда после третьего акта стоял у самой рампы, весь охваченный буйной радостью, не наклоняя головы пред „публикой“, готовый на все безумия — если бы только кто-нибудь шпкнул мне <...> я смотрел на них, искал врагов, а видел только рабов и нескольких друзей. „Товарищ!“ — „Спасибо!“ — „Ура! Долой мещанство!“ Удивительно хорошо всё это было <...> Скандал <...> начала ложа „Мира искусства“ и именно — Мережковский, как самый откровенный, горячий и смелый из компании <...> Затем — Философов, Дягилев, Даманская, Венгерова, Сергеев-Ценский, Крандиевская, Юрий Беляев и т. д. К ним, по словам „доброжелателей“, присоединились сыщики, коих была тьма <...> Какие-то мужчины и дамы подбегали ко мне за кулисами, что-то говорили, плакали, жали руки <...> Четвертый акт прошел нелепо — всё время аплодировали, прерывая артистов. В конце акта — общие вызовы. Из театра — едва ушел...» (там же, стр. 137—138).

Боевое настроение не покидало автора пьесы. Сохранилось письмо Горького в газету «St. Petersburg Zeitung» (по-видимому, неотправленное) по поводу тенденциозного изложения в ней инцидента в театре Комиссаржевской:

«В № вашей газеты от 17-го числа была помещена заметка по поводу первого представления в С.-Петербурге пьесы моей „Дачники“. Не касаясь грубого тона этой заметки, тона совершенно неуместного в органе такой культурной нации, как немцы, я считаю себя вынужденным указать вам на существенное искажение фактов, допущенное вами.

Во-первых: когда я после третьего акта стоял в театре Комиссаржевской перед публикой — мне никто не шкал, публика шкакала только в мое отсутствие.

Во-вторых: я никогда не говорил публике Московского

Художественного театра „плюю на вас“ — это уже сочинено вашей газетой и — плохо сочинено...»¹ (Архив А. М. Горького, ПГ-риз-67-5).

То же настроение — в письмах Горького Л. Андрееву, относящихся к этому времени.

«Если газеты не врут и тебе нашкали, это очень хорошо <...>, — писал Л. Андреев Горькому из Москвы, — тебе действительно удалось раздражить кого следует. Вообще „Дачники“ оказываются, по-видимому, вещью необходимою <...> Чувствую даже на расстоянии, что ты очень зол и ищешь кого бы заушить...» (*Лит Насл.*, т. 72, стр. 235).

«А я — совсем не зол, — отвечал Горький, — напротив — чувствую себя великолепно, всех ненавижу веселой, буйной ненавистью и — искренно говорю тебе! — день первого представления „Дачников“ — лучший день моей невероятно длинной, интересной, моей хорошей жизни, которую я всю сам сделал...» По словам Горького, он впервые почувствовал, что «вадул» мешаю. «Нет, жизнь хороша, люблю жизнь!» (там же, стр. 239—240).

Впрочем, воинствующее настроение не изменило отношения автора к своему произведению. В том же письме он утверждал: «Разумеется, „Дачники“ не поднялись в моих глазах после всей этой истории. „Дачники“ — это не искусство, но — ясно, что это меткий выстрел, и я — рад, как чёрт, соблазвивший праведников напитоком до безобразия» (там же, стр. 240).

В печати долго не утихал спор о новом произведении Горького. Раскол, происшедший в зрительном зале на первом представлении пьесы, еще более явно обозначился в критических отзывах.

«...я за долгие годы своего театрального сидения, — писал Номо Новус <А. Р. Кугель>, — не имел случая наблюдать таких колебаний в настроении публики <...> и такого раскола в публике вообще» («Русь», 1904, № 331, 11 ноября). «Новое произведение Горького потому вызвало такой раскол во мнениях, что всё, высказываемое в нем, очень уж метко попадает прямо в цель», — писал Зигфрид <Э. А. Старк> в газете «С.-Петербургские ведомости» (1904, № 311, 12 ноября).

Первые рецензии на пьесу были отмечены какой-то нервной поспешностью. В цитированном выше письме к Е. П. Пешковой от 12—13 ноября 1904 г. Горький говорил: «Хотел послать тебе

¹ Какую именно замску в этой газете имеет в виду Горький, установить не удалось, поскольку в номере «St. Petersburg Zeitung» от 17 ноября нет материалов на эту тему. В номере от 12 ноября 1904 г. помещена небольшая статья Е. Mesching, посвященная первому представлению пьесы. Вот конец этой статьи: «К взрыву аплодисментов М. Горький отнесся холодно, сдержанно. Он появился на сцене не для того, чтобы поблагодарить за признание, но с некоторым вызывающим упрямством представил себя на рассмотрение любопытной толпе» (перевод с немецкого С. Я. Бродской).

статьи о „Дачниках“, да очень уж некогда мне собрать их. Рекомендую „Свет“, „Петербургские ведомости“, „Новости“, „Русь“ и „Петербургскую газету“ от 12-го — в последней чудесное интервью с Мережковским...» (*Архив Г_V*, стр. 137). Два дня спустя — ей же: «...читай „Русь“ от воскресенья, т. е. сегодня — интересно о „Дачниках“. Потапенко чуть не по именам называет „искусников“» (там же, стр. 140).

Одним из вопросов, ставших предметом дискуссии, явился вопрос об отношении «драматургов и публики». «Он <автор пьесы> имел возможность посмотреть толпу лицом к лицу во всей ее красоте. Какой страшный, двуличный, злорадный и неблагодарный зверь! Как ненадолго хватает его уважения! Как он не прощает славы, о которой сам хлопотал двадцать девять минут назад!..» — писал А. А. Измайлов («Биржевые ведомости», 1904, № 583, 11 ноября).

Мысль о «коварстве» публики повторяется и в «интервью с Мережковским», о котором упоминал Горький: «Я вообще считаю аплодисменты и шканье слишком грубым выражением мнения, слишком поверхностным для того, чтобы с ним считаться <...> — рассуждал Мережковский. — На меня лично пьеса произвела впечатление крайне скучной, растянутой и во всяком случае много слабейшей, чем все предыдущие пьесы Горького <...> Добавьте к этому свистки и то обстоятельство, что автор был, несомненно, под впечатлением отказа взять его пьесу г. Станиславским, и вы поймете его скверное состояние во время спектакля» («По поводу „выходки“ Горького...» — «Петербургская газета», 1904, № 313, 12 ноября).

К мнению Мережковского поспешили присоединиться критики из «Нового времени», «Нового пути» и других реакционных газет и журналов.

Подлинный смысл такого рода выступлений был понят уже тогда. «Предполагать, что шикали пьесе Горького из-за ее недостатков, — было бы наивно. Если петербургская публика охотно смотрит такую скучную и высоко-бездарную пошлость, как, например, „Вешние грозы“ <комедия В. В. Туношенского>, то она этим самым лишила себя права не одобрять, с художественной точки зрения, таких произведений, как „Дачники“. Враждебность к пьесе Горького могла возникнуть только на почве идейного несочувствия, — писал Б. А. Катловкер <псевдоним Тень> в статье „Горький и дачники“. — И несомненно для меня, что шикали этой пьесе именно „дачники“, т. е. те лица, которые особенно больно почувствовали ее правдивость» («Новости и биржевая газета», 1904, № 317, 16 ноября).

«Возмущенный и восторженно-опьяненный Вашим презрением, кинутым всему обществу, — признавался Е. В. Тарле в письме Горькому от 15 мая 1907 г., — я написал статью по поводу „Дачников“ <...> Статья появилась сейчас же. Она называлась... „Не пьеса“ <„Русь“, 1904, № 334, 14 ноября> <...> Может быть, это и был резкий вызов, как говорили, но и ответ газетчикам и части публики. Писалось о том, что „Дачники“ не художественное произведение, не... „пьеса“. И я писал — „не пьеса,

по хуже, страшнее — сама жизнь...» (Архив А. М. Горького, КГ-уч-11-3-1).

Позиция реакционной критики нашла концентрированное выражение в статье Д. В. Философова «Завтрашнее мещанство».

«Как художественное произведение, — писал Философов, — „Дачники“ М. Горького просто не существуют. Они вне литературы. Детская беспомощность техники, полное непонимание условий сцены, наивное подражание Чехову <...> — всё это вместе лишает „Дачников“ всякого литературного значения. Но «если с точки зрения эстетической», — продолжал критик, — последние произведения писателя «заслуживают лишь добродушной усмешки, то с точки зрения общественной они явление отрицательное и с ними надо бороться». «Горький — это сплошной протест, вызов обществу, вызов гордого человека, презирающего власть сытой буржуазной толпы. И пока Горький протестует, отрицает — ему нельзя не сочувствовать <...> Но едва Горький празднует к утверждению — талант ему изменяет, мысли его путаются, и начинается нечто донельзя грубое и мещанское.

Как творец положительных общественных типов, Горький не уходит дальше идеалов благополучия».

Положительные герои пьесы «с легкостью, нагишом и босиком идут навстречу новому строю <...> Но если в старом строе они, кроме мещанства и пошлости, ничего не увидели, то где же основания думать, что и в новом они увидят не то же самое? <...> Марья Львовна, Басова и Влас всё время доказывают мертвецам, что они мертвецы, и, победив этих мертвецов, торжественно уходят, опершись на капиталиста, и вместе с аплодирующей публикой празднуют дешёвую победу. В этой победе никакой цены нет. Потому что здесь нет никакой серьёзной борьбы, ни внутренней, ни внешней, никакой жертвы, никакого отречения от старого во имя нового <...> Неужели же неясно, что эти мелкие жалкие людишки, ушедшие из старой пошлости, неминуемо должны прийти к новой, потому что избежать новой пошлости может только тот, кто придет не духовно нищим, а с запасами культурных ценностей, вынесенных из прошлого <...> У Горького в его ковчеге завета лежит „Человек“ с большой буквы. С таким заветом далеко не уедешь, и нет никакого сомнения, что бездарная, никуда не ведущая Марья Львовна с необходимостью упрется в завтрашнюю пошлость...» («Новый путь», 1904, ноябрь, стр. 321—332).

В ряде статей, последовавших за выступлением Философова, содержалась прямая или — чаще — косвенная полемика с ним. Критики подчеркивали «будящий голос» пьесы Горького, указывали на ее большое общественное значение и призывали «простить» художественные несовершенства (см., в частности, статьи А ли в «Новостях дня», 1904, № 7704, 13 ноября; З и г ф р и д а в «С.-Петербургских ведомостях», 1904, № 311, 12 ноября).

В том же направлении анализируется пьеса в обстоятельной статье М. Неведомского, посвященной ей. Исходным пунктом

своих рассуждений критик сделал тезис о нехудожественности этого произведения: «Драма Горького <...> — напряженная чистой воды публицистика и, как таковая, сценичной быть не может». По складу своего дарования Горький — «поэт-повествователь», «мастер очерка», он «как бы обворовал» себя, начав писать пьесы. Губит его и «ненасытимая ненависть», отсутствие чувства меры. Критик отмечает, что эта «ненависть», однако, направлена против псевдоинтеллигенции и только против нее: «В этом отношении драма написана с ясностью, не оставляющей желать лучшего...» («Наша жизнь», 1904, № 7, 12 ноября; № 9, 14 ноября; № 15, 20 ноября).

В статье А. В. Луначарского о «Дачниках», опубликованной в журнале «Правда» (1905, апрель), развивалась мысль, что «новая драма Горького, как и две прежние его драмы, представляет собою картины расслоения». Однако смысл пьесы для критика не ограничился изображением этого «расслоения». По его мнению, в пьесе ставится «проблема жалости, проблема о жестокой правде и ласкающем обмане». Самое возникновение этой проблемы в творчестве Горького Луначарский относит к влиянию идей «жестокоего философа с молотом — Фридриха Ницше». «Судя по многим тирадам Луки в драме „На дне“, Горькому грозила опасность впасть в „мягкость“... Слава богу, что этого не случилось и что „жестокость“ взяла в нем верх», — пишет он, говоря о пьесе «Дачники». В этой связи Луначарский приветствует образы Ольги Алексеевны и Рюмина. «Не стоит жалеть людей с мелкокалиберной душой, и не потому, что они отвечают неблагодарностью и даже ненавистью, а потому, что они не нужны жизни и возня с этими обреченными стонучками только измельчает душу жалеющего». Критик отрицательно оценил образ Калерии, не согласившись с точкой зрения Неведомского на этот счет. В последней сцене «Соня подымает ее <Калерию> и ведет за собой. Этой-то сцене и обрадовался г. Неведомский. Мы ей ничуть не обрадовались. Находимся мы среди тех, к кому привела Соня Калерию, мы бы непременно спросили: „Зачем к нам? что ей у нас? что нам в ней?“ В этой последней сцене у Горького как будто прозвучала последняя нота той жалостливости, которую он проповедовал в драме „На дне“...»

Положительные типы пьесы представляются автору статьи «чрезвычайно неясными», «импрессионистски набросанными контурами», и он объясняет это «условиями, вероятно, совершенно не зависящими от автора». Можно предположить, что критик имеет здесь в виду не только цензурные условия, но трудность формирования новых людей в жизни. Самую пьесу Луначарский оценивает как «крупное и отрадное литературное явление», как «симптом», «одну из ласточек настоящей весны» в общественной жизни (*Луначарский*, 2, стр. 7—29).

Сценическая судьба пьесы «Дачники» оказалась примечательной не только в силу громкого общественного резонанса ее первой постановки на сцене театра Комиссаржевской.

Уже второй спектакль, по словам И. А. Тихомирова, «прошел лучше в смысле исполнения, и после третьего акта — плакали. Вызывали автора...» — об этом писал Горький Е. П. Пешковой 12 ноября 1904 г. (*Архив Г_V*, стр. 138—139). «Пятое представление», по отзывам прессы, «прошло при переполненном театре и многократных аплодисментах» («Новости и биржевая газета», 1904, № 319, 18 ноября).

Менее чем за 3 месяца пьеса выдержала в этом театре 24 постановки (О. О. Г р у з е н б е р г. О Максиме Горьком. Воспоминания. Архив А. М. Горького, МоГ-3-16). Однако 18 января 1905 г., по распоряжению полиции, «Дачники» были запрещены в связи с заключением Горького в Петропавловскую крепость. «На афише стояло: „По болезни г-жи Комиссаржевской“» («Вера Федоровна Комиссаржевская...», стр. 335). Политический смысл запрещения был очевиден, — в связи с событиями 9 января власти опасались демонстраций во время спектакля. Иск, предъявленный В. Ф. Комиссаржевской «к помощнику градоначальника генерал-майору Вендорфу в сумме 1320 руб. за снятие пьесы М. Горького „Дачники“ с репертуара», не был удовлетворен («Театр и искусство», 1905, № 51-52, стр. 789).

«Дачники» были разрешены к постановке лишь осенью 1905 г. и входили в репертуар театра Комиссаржевской до конца его существования (1906 г.).

Одновременно пьеса была поставлена в Рижском русском драматическом театре К. Н. Незлобина режиссером Марджановым. Первый спектакль состоялся 30 ноября 1904 г. и прошел с большим успехом. Горькому эта постановка понравилась: «Здесь „Дачники“ идут гораздо лучше, очень хороша М. Ф. <Мария Федоровна Андреева> — Мария Львовна. Очень!» (письма к письму М. Ф. Андреевой Пятницкому от 4 декабря 1904 г. — *Андреева*, стр. 80). В письме Горького С. А. Найденову, посланном из Риги, та же мысль: «„Дачники“ мои идут здесь несравненно лучше, чем у Комиссаржевской, — сегодня четвертая с аншлагом» (*Архив Г_{VII}*, стр. 52). В воспоминаниях Марджанова рассказывается о большом успехе, выпавшем на долю этого спектакля во время гастролей театра в Москве, в «великий пост 1905 г.» (7—18 марта) в помещении «Никитского театра»: «Поздравления, похвалы и удивления тому, что провинциальный театр мог показать Москве такой спектакль...» (А. Ф е в р а л ь с к и й. Горький и Марджанишвили. — Архив А. М. Горького, МоГ-13-24-1).

В советское время пьеса «Дачники» ставилась на сценах Ленинградского Большого драматического театра им. А. М. Горького, театра им. М. Н. Ермоловой, Малого академического театра и многих других.

Стр. 196. *О Марфа, Марфа! Ты печешься о многом...* — «Евангелие от Луки», гл. 10, стих 41.

Стр. 199. *Я здесь, Инезилья...* — романс М. И. Глинки, на слова А. С. Пушкина (1834 г.).

Стр. 208. *«Лед и снег с цветок — здельвейс».* — Этот

текст Горького исполняли на концертах в музыкальном сопровождении П. Ренчицкого (1905 г.), Ф. Боброва (1905 г.), А. Спендиарова (1911 г.).

Стр. 216. ...*как Диоклетиан, капусту садить...* — Гай-Аврелий Диоклетиан — римский император (284—305 гг.); достигнув успехов в управлении государством, добровольно сложил с себя власть, удалился в свою виллу и занялся садоводством.

Стр. 230 и др. *«Уже утомившийся день...»* — Дуэт А. Г. Рубинштейна (1852 г.) на слова В. А. Жуковского «Ночь» (1823 г.). Цит. по музыкальному произведению.

Стр. 232. ...*врачу, исцелися сам!* (церковнославянское) — «Евангелие от Луки», гл. 4, стих 23.

Стр. 235. *Пифагорейцы* — последователи древнегреческого ученого и философа Пифагора (ок. 580—500 гг. до н. э.).

Стр. 239. *«Ты, родная моя матушка...»* — лирическая народная (женская) песня.

Стр. 249. *«На земле весь род людской...»* — Ария Мефистофеля из оперы Ш. Гуно «Фауст» по драматической поэме Гёте.

Стр. 253. ... *когда идешь к женщине, бери с собой плоть.* — Цитата из книги Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра». Горький был знаком с первыми переводами этой книги на русский язык, в частности — с переводом Ю. М. Автоновского, 1898 (см. Г-30, т. 30, стр. 93). В ЛБГ сохранилось два экземпляра названной книги, в переводах — С. П. Н а н и, 1899, и Ю. М. А в т о н о в с к о г о, 1911, 4-е изд.; в последнем комментируемая фраза переведена так: «Ты идешь к женщине? Не забудь плетку!» (стр. 54).

Стр. 256. *«Не суди — да не судим будешь...»* — Неточная цитата из «Евангелия от Матфея», гл. 7, стих 1.

Стр. 267. *Я видел море...* — неточная цитата из стихотворения А. И. Полежаева «Море» (1831).

Стр. 277. ...*заговорила Валаамова...* — Выражение, идущее из библейской легенды об ослепце Валаама, заговорившей человеческим голосом («Книга Чисел», гл. 22, стихи 27—28).

Стр. 280—281. *Осени дыханием гонимы / Падают с холодной высоты...* — Текст Горького был положен на музыку Ф. Бобровым (1904 г.), Н. Волковым (1909 г.) и др.; на концертах исполнялось под заглавием «Снежинки» как романс или мелодекламация.

ДЕТИ СОЛНЦА

(Стр. 295)

Впервые напечатано в «Сборнике товарищества „Знание“ за 1905 год», книга седьмая. СПб., 1905, и почти одновременно — отдельной книжкой в Штутгарте, Verlag J. H. W. Dietz, 1905, с указанием: «Печатается с рукописи». Как явствует из телеграммы И. П. Ладьянникова К. П. Пятницкому от 9(22) ноября 1905 г.

(Архив А. М. Горького, ПТЛ-10-79-49), дитцевское издание (*Дтц*) вышло 25 ноября, а званьевское — 28 ноября нового стиля 1905 г.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Черновой автограф пьесы (*ЧА*), написанной в Петропавловской крепости в феврале 1905 г.; состоит из двух тетрадей, перенумерованных тюремным начальством; одна из них содержит также белой автограф начала первого акта (ХПГ-10-3-1).

2. Машинопись с правкой Горького, доведенной до последнего действия, а также правкой двух других лиц, проделавших грамматическую выверку машинописного текста и сверку его с не дошедшим до нас оригиналом — *АМГ* (ХПГ-10-3-2).

3. Машинопись — копия предыдущей — с правкой Горького на первых 18 листах, идентичной авторской правке на первых 18 листах *АМГ*, и правкой двух других лиц, проделавших ту же работу, что и в *АМГ*; эта машинопись (*АМД*) явилась оригиналом набора для *Дтц* — на ней имеется помета: «Для И. П.», т. е. для И. П. Ладыжникова, и помета для типографии, сделанная В. Д. Бонч-Бруевичем (ХПГ-10-3-3).

4. Машинопись, представленная 24 августа 1905 г. в драматическую цензуру — *ЦЭ* (ХПГ-10-3-7).

5. Печатный текст пьесы из т. 7 *Зн*, СПб., 1906 (на обложке), 1907 (на титуле), который лег в основу издания *К*; на нем имеются пометы для типографии, однако старая орфография не исправлена (ХПГ-10-3-4).

Текстологический анализ всех печатных и рукописных источников позволяет сделать следующие выводы:

1. В *Зн*, а затем в *К* попал текст, выправленный автором на первых 18 листах (из 109), а на остальных — вовсе не сверенный с оригиналом, с которого делались дошедшие до нас машинописи *АМГ* и *АМД*.

2. После отсылки пьесы в *Зн* и *Дтц* Горький продолжил просмотр и правку *АМГ*, дослав своим издателям — Пятницкому и Дятцу — лишь одно, наиболее существенное дополнение ко второму действию.

3. *АМГ* содержит максимальную авторскую правку, устраняющую ряд дефектов текста, не замеченных ранее; видимо, при неоднократных чтениях пьесы автором перед глазами его был именно этот экземпляр, в который он вносил исправления.

4. *ЦЭ* делался в середине августа, после того как были отсланы экземпляры для *Зн* и *Дтц*; он вобрал в себя часть правки, содержащейся в *АМГ*, но не вошедшей в *АМД* и *Зн*.

Печатается по тексту *АМГ* со следующими исправлениями:
Стр. 384, строка 11: «Доктор... что с вами?» вместо «Что с вами?» (по *АМД*, *ЦЭ*, *Дтц*, *Зн*).

Стр. 388, строка 28: «Роман подходит к нему» вместо «Егор подходит к нему» (по смыслу).

При включении в т. 7 *Зн* пьеса получила подзаголовок «Сцены», вошедший во все последующие издания. Однако во всех дошедших до нас источниках — рукописных и первопечатных —

этого подзаголовка нет. В ЧА «Дети солнца» имели подзаголовок «Трагикомедия», появившийся после зачеркнутого «Комедия». Так как т. 7 *Зн* вышел в конце 1906 г., когда Горького в России не было, можно предположить, что подзаголовок сделан Пятницким по аналогии с печатавшимися в этом же томе «Дачниками».

Замысел «Детей солнца» восходит к 1903 году. 9 октября 1903 г. Л. Андреев упомянул в письме к Пятницкому о «драме, которую решили мы (твердо) писать с Горьким» (*Лит Насл*, т. 72, стр. 506), а в письме Горького к Пятницкому от 26 октября 1903 г. содержатся более подробные сведения о замысле пьесы: «С Андреевым тоже буду писать пьесу „Астроном“. Леонид вдохновился Клейном и хочет изображать человека, живущего жизнью всей вселенной, среди нищенски серой обыденщины. За это его треснут в 4-м акте телескопом по башке» (Архив Г_{1v}, стр. 143). Горький упоминает неоднократно издававшуюся на русском языке книгу немецкого астронома и метеоролога Германа Клейна (1844—1914) «Астрономические вечера», содержащую следующие строки: «Когда Рафаэль рисовал Сикстинскую Мадонну, когда Ньютон размышлял над законом тяготения, когда Спиноза писал свою „Этику“ или Гёте своего „Фауста“, — в них работало Солнце. Все мы, гении и простые смертные, сильные и слабые, цари и нищие, все мы — дети солнца» (Г. Клейн. Астрономические вечера. СПб., 1900, стр. 181). Эти слова не могли не найти отклика в душе Горького, восхищавшегося в статье «„Сирано де Бержерак“ (Героическая комедия Эдмона Ростана)» (1900) строками:

Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены...¹

«Это, знаете ли, страшно хорошо — быть рожденным с солнцем в крови! Если б нам, людям, кровь которых испорчена песемистической мутью, отвратительными, отравляющими душу испарениями того болота, где мы киснем, — если б в нашу кровь хоть искру солнца!» (*Г-З*, т. 23, стр. 311)².

Вскоре, однако, Горький отказался от намерения работать над пьесой совместно с Л. Андреевым и писал ему 20—24 апреля 1904 г. о своих драматургических замыслах: «А если ты уступишь мне тему „Астронома“ — напишу третью. <...> Очень хорошо складывается: астроном, учитель, ветеринарный врач. Жена астронома, сестра учителя, мать врача. Кузнец, который должен убить астронома, юродивый, веселый маляр-скептик, купец, желающий порядка и гармонии, в — толпа. Уступи?» (*Лит Насл*,

¹ Эти строки отсутствуют в оригинале пьесы и принадлежат переводчице Т. Л. Щепкиной-Куперник.

² В статье Л. К. Долгополова «Вокруг „детей солнца“» показано, что тема «детей солнца» в начале 900-х годов привлекала к себе и поэтов-символистов К. Бальмонта, А. Белого, В. Брюсова (сб. «М. Горький и его современники», Л., 1968).

т. 72, стр. 210). В ответном письме от начала мая 1904 г. Андреев продолжал настаивать на совместной работе: «Об астрономе я сам много думал и уступить ни даже за полтинник не уступлю. Вместе давай писать. Понимаешь: эти болваны убивают астронома в момент затмения солнца, думают, что он солнце погасил — и вдруг солнце-то и вылезает! И спрашивает: вы что же это, сукины дети, сделали? Занавес и крики: автора, автора!» (там же, стр. 213). «Ну, хорошо, пиши астронома,— отвечал Горький 20 мая 1904 г.— Я тоже буду писать. Печатать, ставить — не буду, а писать буду. Потом прочитаю тебе» (там же, стр. 214).

Впоследствии в первоначальном замысле Горького многое изменилось и астроном превратился в химика. Позднее, в 1924—1925 годах, Горький утверждал: «Пьеса „Дети солнца“ была вызвана словами известного русского ученого, химика Петра Лебедева¹: „Ключ к тайнам жизни — химия“» (Архив А. М. Горького, ЛСГ-8-19-1).

Работа над пьесой была отодвинута другими творческими планами, и лишь 9 января 1905 г. и последовавшие за ним события явились непосредственным толчком, побудившим Горького осуществить давний замысел. И хотя действие в пьесе происходит летом 1892 г. (холерные беспорядки в городах Нижнего Поволжья происходили в июне 1892 г.), идейная проблематика «Детей солнца» тесно связана именно с событиями 1905 года.

9 января Горький весь день провел на улицах Петербурга и стал «очевидцем бойни», которую учинило царское правительство, расправившееся с безоружной толпой рабочих. В тот же день он писал Е. П. Пешковой: «Итак — началась русская революция <...> Убитые — да не смущают — история перекрашивается в новые цвета только кровью <...> Будущий историк наступившей революции начнет свою работу, вероятно, такой фразой: „Первый день русской революции — был днем морального краха русской интеллигенции“, — вот мое впечатление от ее поступков и речей» (Архив Г_v, стр. 148—149).

За составление противоправительственного воззвания «Ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств» Горький был взят жандармами 11 января, тотчас по приезде из Петербурга в Ригу, и водворен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости как «арестованный по обвинению в государственном преступлении» (ЛЖТ₁, стр. 507); выпущен из тюрьмы 14 февраля под давлением мирового общественного мнения, требовавшего освобождения Горького.

Выйдя из тюрьмы, Горький сообщал А. В. Амфитеатрову: «Я просидел свой месяц хорошо, даже написал за это время тра-

¹ В. И. Качалов, исполнявший роль Протасова в Художественном театре, вспоминал: «Моделью для молодого ученого Протасова <...> был для меня молодой профессор Московского университета, талантливый ученый-физик П. Н. Лебедев, пользовавшийся огромной любовью студенчества, обаятельный в кругу своей семьи и друзей, весь сосредоточенный на своей науке...» (ВС, стр. 209—210).

гикомедню „Дети солнца“, которая, кажется, удалась мне <...> В тюрьме я несколько отдохнул от „впечатлений бытия“ и разобрался в них» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-1-25-182).

Черновая рукопись пьесы содержит авторскую помету: «Писалось в Петропавловской крепости 16-го января — 20-го февраля 1905 г.». Надпись эта сделана, очевидно, много позднее и поэтому не точна. Вторая дата, 20 февраля, уточняется без труда: 14 февраля Горький вышел из крепости. Первую дату, 16 января, позволяют уточнить следующие обстоятельства. 24 января Е. П. Пешкова подала в департамент полиции заявление с требованием, чтобы Горькому «разрешили писать <...> пользоваться бумагой, чернилами и перьями для работы». 25 января Горькому разрешили пользоваться письменными принадлежностями (ЛЖТ I, стр. 511). 1 февраля комендант Петропавловской крепости доносил департаменту полиции: «Содержащийся в отдельной камере Трубецкого бастиона арестованный Алексей Пешков обратился ко мне с прошением, ввиду необходимости заработка для содержания семьи, <...> написать комедию, с представлением мне рукописи...». 5 февраля было дано разрешение департаменту полиции «Алексею Пешкову написать комедию, с тем чтобы этот литературный труд был представлен в департамент полиции для просмотра» (*Рев нуть Г*, стр. 91).

Следовательно, пронумерованные и заверенные тюремным библиотекарем тетради, необходимые для работы над пьесой, могли быть выданы Горькому не ранее 5 февраля. Это подтверждается и письмом Горького М. Ф. Андреевой от 2 февраля: «Читаю много и, может быть, буду писать, если разрешат» (*Андреева*, стр. 86).

14 февраля комендант крепости «препроводил» в департамент полиции «трагикомедию, написанную <...> арестованным Алексеем Пешковым, перемещенным 12 февраля в С.-Петербургский дом предварительного заключения» (*Рев нуть Г*, стр. 91). Из этого следует, что 12 февраля Горький отбыл из Петропавловской крепости, оставив рукопись «Детей солнца» для просмотра коменданту, который, ссылаясь на «мелкий и очень неразборчивый почерк», не позволивший ему «просмотреть внимательно работу Пешкова», а только — «бегло перелистать», предложил «подвергнуть ее цензуре», для чего и отослал рукопись в департамент полиции (там же, стр. 92).

Таким образом, время написания дошедшего до нас черного автографа «Детей солнца» можно с уверенностью ограничить 5—12 февраля 1905 г. Кстати, в первом газетном сообщении о «полной юмора и сарказма» пьесе Горького, созданной в Петропавловской крепости, отмечалось, что пьеса написана в течение семи дней (М. Г - ц к и й. Гражданин вселенной. — «Новости и биржевая газета», 1905, № 42, 18 февраля).

Обдумывание пьесы Горький начал, вероятно, сразу же после водворения в крепость. Об этом говорит список необходимых ему книг, который он переслал Пятницкому 17 января: А. А. Иностранцев «Геология», т. I; В. В. Лункевич «Нерешенные проблемы биологии»; В. Гааке «Происхождение животного»

мира»; М. Ферворн «Общая физиология»; К. Келлер «Жизнь моря» (*ЛЖТ*₁, стр. 509). Все эти книги затрагивают круг научных проблем, которым посвятил себя главный герой пьесы Протасов. Не исключена возможность, что, получив 25 января в свое распоряжение письменные принадлежности, Горький делал какие-то предварительные наброски, впоследствии уничтоженные им. Первый исследователь, изучавший рукопись «Детей солнца», С. Д. Балухатый отметил, что «рукопись не носит следов „трудной“ для автора работы по установлению соответствующих драматических планов. Возможно даже утверждать, что до написания пьесы ее сюжетно-персонажная схема уже была ясна автору» (*Г, Материалы*, т. I, стр. 504).

Приехав в Ригу 15 февраля, Горький тотчас же послал Пятницкому письмо и заявление в департамент полиции о возвращении отобранной рукописи: «Прошу Вас оное подать, рукопись получить и немедленно направить ее мне с нарочным, а не по почте» (*Архив Г*_{IV}, стр. 173—174). Через несколько дней, 20—21 февраля, он запрашивал Пятницкого: «Как насчет „Детей солнца“? Были вы, говорили? У меня сердце дрожит за судьбу этой штуки, мне всё кажется, что ее уничтожат, не потому, что найдут вредной, а так, назло» (там же, стр. 175). То же беспокойство о судьбе отобранной департаментом полиции рукописи выражено и в цитированном выше письме Горького Амфитеатрову: «Кажется мне, что оный Декар<тамен>т населен какими-то дикарями, для которых сжечь рукопись не трудно» (*Архив А. М. Горького*, ПГ-рл-1-25-182).

Между тем департамент полиции, получив рукопись 14 февраля, в тот же день «препроводил» ее в Петербургское губернское жандармское управление с указанием «возвратить прилагаемую рукопись Пешкову по освобождению его из-под стражи» (*Рез нуть Г*, стр. 92).

Добыв рукопись, Пятницкий тотчас переправил ее Горькому, который не замедлил откликнуться: «Прочитал вчера „Детей солнца“ — Марусе, Захару и Липе, но они — критики вроде Буренина, только наоборот. А Вам за то, что Вы так скоро выручили рукопись из пасти адовой,— низкий поклон и глубокая благодарность. Страшно рад и сейчас же сажусь за отделку» (*Архив Г*_{IV}, стр. 177). Чтение, о котором сообщил Горький, состоялось 24 февраля (см.: *Андреева*, стр. 90). О намерении заняться «отделкой» «Детей солнца» Горький писал тогда же и Е. П. Пешковой (*Архив Г*_V, стр. 151). Однако это ему не сразу удалось. В письме к Пятницкому от начала марта он сообщал: «Над пьесой я не работал, потому что голова забита газетами...» (*Архив Г*_{IV}, стр. 179). Отвлекала и начатая в это же время работа над пьесой «Барвары».

В конце февраля в ряде газет появились сообщения о пьесе «Дети солнца» («Новости дня», 1905, № 7802, 22 февраля; «Новости и биржевая газета», 1905, № 47, 23 февраля; «Русский листок», 1905, № 56, 26 февраля). Очевидно, одно из этих сообщений прочел сосланный в Архангельск А. А. Дивильковский

и написал Горькому. Горький ответил ему 13 марта: «Насчет „Детей солнца“ не сомневайтесь — „положительных типов“ в них — не будет, как и вообще их нет у меня, если не считать Тетерева. Будут люди, сильно заинтересованные судьбами вселенной, искусства, человечества, и будут они поданы под гарнизом из дворников, домовладельцев, нянек, горничных, пьяных мастеровых. Будут холерные беспорядки; рядом с людьми, кои мечтают о гармонии вселенной и о великих завоеваниях науки, холерный беспорядок — очень на месте, мне кажется» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-13-34-6).

Вскоре в газете «Сын отечества» была напечатана заметка: «Новая пьеса Максима Горького „Дети солнца“ принята к постановке в драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской» (1905, № 40, 3 апреля). В том же номере сообщалось о намерении студентов высших учебных заведений Петербурга поднести В. Ф. Комиссаржевской адрес с выражением благодарности «за симпатию и добрые отношения к учащейся молодежи». 5 апреля петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов препроводил обе вырезки петербургскому градоначальнику с просьбой «принять надлежащие меры к недопущению постановки пьесы М. Горького „Дети солнца“» (ЛЖТ₁, стр. 528).

О предполагаемом запрещении пьесы Пятницкий сообщил находившемуся в Ялте Горькому. Отвечая на это письмо 19 апреля, М. Ф. Андреева писала: «Получили вчера Ваше письмо с извещением, что „Дети солнца“ „уже“ воспрещены к представлению. Лучше всего то, что А. М. даже „еще“ не разрешал сам Комиссаржевской играть в ее театре „Детей солнца“. Пьеса еще не обработана, и он отдает ее исключительно мне, если я поеду в турне...» (Андреева, стр. 95).

Театральная судьба «Детей солнца» была решена Горьким во время его недельного пребывания в Москве 9—16 мая 1905 г., проездом из Ялты в Петербург. 16—20 мая он сообщил Е. П. Пешковой: «Пьесу мою я отдал в Художественный театр. Случилось мне неожиданно для меня, — в Москве явились ко мне Качалов, Москвин, Муратова, Станиславский и начали говорить, что, мол, я гублю театр, что он, Станиславский, готов стать на колени, и т. д. Это было тяжело и хоть несколько не гарантировало меня от притязаний Немпровича, но я им уступил, поставив некоторые условия, ограничивающие власть Немпровича» (Архив Гч, стр. 153). 19 мая Станиславский писал М. Ф. Андреевой, предлагая ей одну из женских ролей в «Детях солнца»: «Намерение Алексея Максимовича поручить нам свою чудную пьесу было встречено восторженно» (Андреева, стр. 96).

С этого момента началась интенсивная работа Горького по отделке «Детей солнца». 29 мая М. Ф. Андреева послала Станиславскому список действующих лиц и обстановочные ремарки для всех действий, а Горький сделал приписку: «Дома для моих героев я строю — отвратительно, прекрасно понимаю это и предоставляю Вам право производить всевозможные перестройки и перемены для более удобной жизни. Пройдет с неделю времени, и пьеса будет вполне готова, хотите — приезжайте

слушать. Приезду Вашему будем рады, места у нас много. Берите с собою и Владимира Ивановича. Делая серьезное дело — нужно уметь устранять всё, что могло бы помешать наилучшему осуществлению задач,— так?» (там же, стр. 99).

Установившаяся в горьковедении дата первого чтения «Детей солнца» — 5 июня 1905 г. — не точна; она основывалась на помете, сделанной Репиным на известном рисунке, изображающем читающего Горького и слушающих В. В. Стасова, А. И. Куприна, Н. Г. Гарина-Михайловского и Ф. Д. Батюшкова (видимо, Репин сделал помету позднее, по памяти). Первое чтение произошло 9 июня 1905 г. на даче Горького в Куоккала и тогда же было зарисовано Репиным, находившимся среди гостей. М. Ф. Андреева писала Стасову 5 июня 1905 г.: «В этот четверг 9-го июня в 3 часа дня Алеша будет читать своих „Детей солнца“. Вы и сами знаете, как приятно Вас видеть, и хочется еще раз сказать Вам это — доставьте нам большое удовольствие — приезжайте к нам» (там же, стр. 100). 5 июня Стасова в Куоккала не было; как явствует из его письма к И. П. Ропету от 10 июня 1905 г., в воскресенье, в Троицын день, т. е. именно 5 июня, Стасов находился у себя на даче в Парголово и получил приветственную телеграмму от Репина из Куоккала (В. В. Стасов. Письма к деятелям русской культуры, т. 1. М., 1962, стр. 196). И, наконец, в материалах И. А. Груздева обнаружено письмо Стасова Горькому от 14 июня 1905 г., в котором подробнейшим образом описывается обстановка первого чтения «Детей солнца» на даче у Горького, «в прошлый четверг», т. е. 9 июня. Находя в новой пьесе типы «верные, правдивые», Стасов считал, что «действия — во всей драме — никакогого <...> Настоящая жизненность проявляется лишь всего раз во всей пьесе: это сцена народного волнения, чудно и скульптурно созданная! Какой язык, разнообразный, меткий, правдивый! Это, я думаю, самое лучшее и самое важное место всей драмы» (Архив А. М. Горького, КГ-ди-9-48-1).

По всей видимости, автор читал пьесу по рукописи, не дошедшей до нас; во всяком случае это была еще одна редакция, не совсем совпадающая с той, которую мы находим в АМГ и АМД. В частности, художник Вагин в этой редакции, как и в списке действующих лиц, посланном М. Ф. Андреевой Станиславскому 29 мая, именовался Муратовым¹ (в ЧА он носит фамилию Мансуров). Об этом свидетельствует подробная информация о чтении новой пьесы Горького, помещенная в «Одесских новостях», в которой также фигурирует художник Муратов.

«Бывший в Одессе проездом автор „Поединка“ А. И. Куприя, — писал корреспондент газеты, — в беседе с нами изложил вкратце содержание новой пьесы М. Горького „Дети солнца“,

¹ Следует отметить, что в АМГ и АМД на л. 14 было напечатано «Муратов» и затем переправлено Горьким на «Вагин», т. е. в оригинале, с которого делались эти машинописные копии, в одном случае фамилия «Муратов» не была исправлена на «Вагин».

которая будет автором напечатана лишь после постановки ее на сцене. <...> Дети солнца — аристократия ума и духа в лучшем смысле этого слова. Они все заняты постоянно своей главной целью — сделать жизнь красивой, хорошей и приятной для всех. Они постоянно думают об ее усовершенствовании, об облегчении страданий в будущем. Их миссия велика и почетна. Это не праздные фантазеры-мечтатели. Они люди науки, поэзии, художественности и всего возвышенного. Их мысль стремится ввысь, к солнцу. И хотя их работа имеет важное мировое значение, хотя они радеют только о благе человечества, но мысль их настолько не привыкла к земному, к тьме жизни, что вся их деятельность остается при всей своей возвышенности непонятной для массы <...> Между детьми солнца и детьми земли <...> существует отчуждение <...> Дети земли чувствуют душою превосходство детей солнца, но их созидательная работа ничего не говорит бедному, узкому и темному уму первых <...> Дети солнца, как бы ослепленные вечным сиянием их идеалов, как бы поглощенные своими идеями, не могут заметить сути нужды находящихся внизу <...> Пьеса произвела на слушателей сильное впечатление <...> но вызвала много споров, ибо автор написал свои типы все с одинаковой любовью и с одинаковой искренностью. Не видно, чтобы он проявил свои симпатии к тому или иному герою. Пьеса не тенденциозна и потому дает место спорам. Идейный смысл ее понимается разво слушателями пьесы, но все поняли ее истинность и жизненность» («Одесские новости», 1905, № 6691, 14 июля).

После первых чтений пьесы Горький внес в текст новые исправления и отдал рукопись для перепечатки, — так возникли дошедшие до нас *АМГ* и *АМД*. 17 июля в Куоккала, в местном театре, состоялся любительский спектакль «Детей солнца», о котором на следующий день Репин писал Стасову: «Вчера был здесь в театре полный триумф Горького» (*ЛЖТ*₁, стр. 540). Не позднее конца июля Горький передал пьесу для издания в «Знании» и послал Ладыжникову для Дитца. 9 августа Горький сообщил Е. П. Пешковой из Москвы: «Вчера прочитал и отдал Художественному театру пьесу» (*Архив Г_V*, стр. 161). Очевидно, в результате этого чтения возникли новые поправки в *АМГ*. В письме Пятницкому от 8—9 августа Горький дослал одно наиболее существенное исправление во втором действии для изданий *Зн* и *Дтц* (*Архив Г_V*, стр. 184—185). Авторские поправки, внесенные в четвертое действие *АМГ*, еще более позднего происхождения, они не вошли ни в одно прижизненное издание и впервые были учтены лишь в *Г-30*. Можно предполагать, что они явились следствием чтения пьесы в театре В. Ф. Комиссаржевской 1 октября 1905 г., после которого Горький присутствовал на репетиции именно четвертого действия (*ЛЖТ*₁, стр. 553).

Сопоставление первого варианта пьесы, написанного в Петропавловской крепости, с последней редакцией приводит к заключению, что хотя состав персонажей, распределение материала по действиям и даже ход и последовательность основных

диалогов не были изменены Горьким, — тем не менее пьеса подверглась существенной переработке: сокращались, перестраивались, заменялись и дописывались реплики и ремарки, углубляющие и проясняющие характеры персонажей, вводились некоторые новые ситуации; была проведена значительная стилистическая правка, в результате которой почти весь речевой материал пьесы был так или иначе видоизменен. В окончательной редакции «Дети солнца» были почти вдвое сокращены, но не за счет устранения тех или иных сюжетных ходов пьесы, а за счет сжатия диалогов и прежде всего объяснений между Протасовым — Еленой — Вагинным. Характер главного героя — Протасова — был детально обдуман до начала работы, зато фамилия героя четырехкратно менялась: Кротов, Загаров (на протяжении всего ЧА), Протасьев (БА начала I действия) и, наконец, Протасов. Первая фамилия сразу была забракована Горьким, — очевидно, потому, что могла вызвать ненужную ассоциацию с «кротом» («слепыми кротами» именуется в стихах второго действия «дети земли»), а фамилия «Загаров» могла быть слишком прямо связана с заглавием пьесы. Некоторые детали, подчеркивающие житейскую слепоту Протасова, показались Горькому чрезмерными и были убраны (например, радостное умиление и благодарность за заботу о нем в ответ на предложение Миши поступить управляющим на завод). Отношения Елены и Мансурова носили более интимный характер, и решимость Елены уйти от мужа к художнику была сценически более выражена. В характере Чепурного (в БА — Саенко) смягчались черты пессимизма и мизантропии, озлобления и безнадежности. Этот процесс начался уже в ЧА. Около монологов Лизы в первом и втором действиях о виденном ею кровавом погроме на полях ЧА стоят авторские пометы: «Красный песок», обозначающие один из важнейших лейтмотивов пьесы. В окончательной редакции Лиза в первом действии говорит о смерти юноши, растерзанного озверелой толпой; а в ЧА картина погрома имела несколько иной характер: шла речь об убийстве многих людей. Наиболее существенные изменения были произведены в финале пьесы. В ЧА после сцены нападения мастеровых и Егора на Протасова следовало примирение и как бы частичное прозрение Егора, что позволяло Протасову повторить в финале слова о «детях солнца» (см. варианты).

Цензурный экземпляр содержит многочисленные подчеркивания текста, и цензор, действительный статский советник Верещагин, подал 31 августа подробнейшую докладную в Главное управление по делам печати: «Основной мыслью пьесы является рознь, существующая между народом <...> и богатыми классами, т. е. интеллигенцией, против которой в народе давно уже растет ненависть; затронут и рабочий вопрос изображением на сцене в роли „угнетенного и оскорбленного“ именно представителя рабочего класса <...> Вообще в пьесе то и дело подчеркивается угнетение бедного труженика, в котором не хотят даже признать „человека“, этого „слепого крота“ <...> которому свободомыслящие „дети солнца“ должны помочь выбраться из настоящего

угнетенного положения и „вырасти гордым орлом“. Для более картинной характеристики ненормальности положения вещей упоминается даже о бывших у нас беспорядках с их последствиями: об озверевшей, черной толпе, окровавленных лицах, лужах теплой крови, окрасившей песок, и т. п. Этот кровавый песок и является эмблемой народных страданий <...> Пророчество о народном мщении сбывается в последнем действии, где изображены беспорядки по случаю холеры и избивание чернью докторов <...> У меня не возникает ни малейших сомнений в совершенной недопустимости на сцене рассматриваемого произведения ввиду его крайней тенденциозности, могущей вызвать при исполнении пьесы только нежелательные последствия» (*Рев путь Г*, стр. 92—93).

О дальнейшем рассказал в письме Горькому от 18 сентября 1905 г. Пятницкий:

«Пьеса вместе с докладом уже были представлены в Главное управление по делам печати. Из беседы с Верещагиным я узнал главные его доводы: в пьесе изображен народный бунт; в ней намеки на 9 января, на пролитую кровь <...> положение народных масс изображено в самом мрачном свете. „Такой пьесы,— говорил Верещагин,— мы никогда еще не разрешали“.

Когда я разобрал его доводы, он стал ссылаться на свою зависимость: „Я чиновник; я рискую многим и потому никогда не возьму на себя ответственности“...

— Кто же может взять?

— Только начальник Главного управления.

Тогда я обратился к Бельгардту, говорил с ним несколько раз и наконец вчера покончил дело. Пьеса пропущена целиком; не выброшено ни одного слова. Разрешение безусловное — для всех театров. Цензурный экземпляр мне выдав» (Архив А. М. Горького, КГ-п-64-1-11).

На ЦЭ стоит штамп: «К представлению дозволено. С.-Петербург, 17-го сентября 1905 г. Цензор драматических сочинений д. с. с. Верещагин».

Из письма Горького Пятницкому от 20—21 сентября 1905 г. известно, что сам автор участвовал в продвижении пьесы по цензурным каналам: «Я не рассчитывал,— говорится в этом письме,— что пьеса пройдет без „поправок“ со стороны цензуры. После первого посещения вами Бельгардта я написал и послал ему небольшое письмо — он говорил вам о нем? Я только указал на то, что за последнее время „высшая власть“ в такой мере опошילה, загрязнила и изнасиловала народ и страну в глазах Европы, что усиливать всю эту работу еще такими неумными выходками, как запрещение моей пьесы,— излишне. Письмо было краткое и ничего обидного для Бельгардта в нем не было» (*Архив Г_{IV}*, стр. 187).

Цензурный экземпляр, возвращенный 17 сентября Пятницкому, в начале 1906 г. был вновь представлен в драматическую цензуру, о чем свидетельствуют две красноречивые пометы на титульном листе:

1. «К представлению на народных театрах признано неудобным. СПб., 17-го января 1906 г. Цензор драм. соч. д. с. с. Верещагин» (в докладной, поданной в Главное управление по делам печати, Верещагин напомнил, что пьеса «даже на общей сцене в Московском Художественном театре неоднократно вызывала скандалы» — Архив А. М. Горького, ЦД-4-17).

2. «Главным управлением по делам печати к представлению на народных театрах одобрено. 21 марта 1906 г. Цензор драматических сочинений д. с. с. Верещагин».

Революционные события 1905—1906 годов заставляли цензурное ведомство идти на уступки и давать разрешения на постановку «неудобных» пьес.

Московский Художественный театр приступил к репетициям «Детей солнца» в августе 1905 г. В. И. Немирович-Данченко взял на себя работу с исполнителями, а Станиславский готовил режиссерский экземпляр, разрабатывая постановочную часть и мизансцены (М. Р о г а ч е в с к и й. Художественный театр в эпоху первой русской революции. — В сб. «Первая русская революция и театр», М., 1956). В пьесе были заняты: В. И. Качалов (Протасов), М. Ф. Андреева (Лиза), М. Н. Германова (Елена), Л. М. Леонидов (Вагн), В. В. Лужский (Чепурной), О. Л. Книппер (Мелания), И. М. Москвин (Назар Андреевич), К. П. Муратова (Антоновна), Н. Н. Литовцева (Фима). 6—7 сентября 1905 г. Горький писал Е. П. Пешковой из Москвы: «Проживу здесь недели три — репетиции „Детей солнца“» (*Архив Г_V*, стр. 163). А 20—21 сентября сообщал Пятницкому: «Возятся они с пьесой до одичания — Маруся уходит в 12, является в 5, уходит в 7 и снова приходит, желто-зеленая и злющая, в 12 ночи. Это — изо дня в день. Станиславский не утерпел и ввел еще одно действующее лицо — лошадь во 2-м акте. Протестую!» (*Архив Г_{IV}*, стр. 188). Посмотрев первую генеральную репетицию, Горький остался недоволен: «Вчера был на генеральной первых трех актов „Детей солнца“, — писал он 26 сентября Е. П. Пешковой. — Поставлено отвратительно. Играют — пакостно. Пьеса вся искажена и, вероятно, со скандалом провалится. Прекрасно играют Книппер и Муратова, недурно Литовцева и Андреева» (*Архив Г_V*, стр. 164).

Видимо, из-за недовольства автора, назначенная на 5 октября премьера была перенесена на 17 октября. Вследствие этого Драматический театр В. Ф. Комиссаржевской, приступивший к работе над пьесой лишь в конце сентября, опередил москвичей, дав премьеру «Детей солнца» 12 октября. Лизу играла В. Ф. Комиссаржевская, Протасова — К. В. Бравич, Чепурной — И. М. Уралов, признанный печатью лучшим исполнителем в спектакле; режиссер — Н. Н. Арбатов. Протасов был истолкован в спектакле односторонне, в нем были подчеркнуты элементы индивидуализма и мещанства. Опираясь на эту неверную трактовку, рецензенты спектакля единодушно осуждали автора за «осмеяние» интеллигенции. «Тонко и незаметно ведет Протасова к окончательному посрамлению г. Бравич <...> с за-

хватывающей нервной силой проводит свои сцены г-жа Комиссаржевская <...> Замечательно сочно и интересно играет г. Уралов хохла Чепурного», — писал Номо Novus <А. Р. Кугель>. Ему же принадлежала фраза, которую многократно цитировали в тогдашних газетных отзывах о пьесе: «Если „Дачники“ пощенина интеллигенции, то „Дети солнца“ — презрительный плевок в нее» («Русь», 1905, № 245, 13 октября). Рецензенты единодушно признали «Детей солнца» «грубой» и «нехудожественной» сатирой на интеллигенцию (Смоленский <А. А. Измайлов> — «Биржевые ведомости», 1905, №№ 9073—9074, 13 и 14 октября; Зигфрид <Э. А. Старк> — «С.-Петербургские ведомости», 1905, № 244, 14 октября; С. Г. — «Сын отечества», 1905, № 209, 14 октября; Ю. Д. Беляев — «Новое время», 1905, № 10637, 14 октября).

«Большинство видит в новой пьесе Горького сатиру. Так понимают и играют ее в театре В. Ф. Комиссаржевской, постепенно наращивая сатирический элемент. Справедливо ли такое толкование, трудно решить, не имея печатного текста <...> Заметим, что, по-видимому, в Москве драму Горького играют иначе...» (Н. Г о р е в а н о в — «Всемирный вестник», 1905, № 11, стр. 133).

Воспоминания Качалова и сохранившийся режиссерский экземпляр Станиславского действительно говорят об иной трактовке пьесы и ее главного героя в Художественном театре. Монолог Протасова о «детях солнца» Станиславский сопровождает следующим замечанием: «Одно из самых сильных мест в роли. Неожиданно вырастает большая и интересная фигура. Теперь и его работа с белком кажется нужной и важной <...> Протасов кажется теперь пророком, взшедшим на кафедру и с высоты ее проповедующим ученикам» (цит. по сб. «Первая русская революция и театр», стр. 120).

Как вспоминал впоследствии Качалов, «Детям солнца» в театре «не повезло» (В С, стр. 210). Скандал, разразившийся на премьере 24 октября, заслонил для многих идейно-художественный смысл происходящего на сцене. «Премьера „Детей солнца“, — вспоминал Немирович-Данченко, — один из трагикомических анекдотов в истории Художественного театра. Уже с утра по городу шли толки, что черносотенцы не допустят представления пьесы Максима Горького». Зрители «не могли отдаваться пьесе свободно, все точно прислушивались к тому, что происходит за стенами театра, и слабо разбирались в достоинствах и недостатках спектакля. Как-никак дошли благополучно до последнего акта. А в этом акте есть народная сцена — из „холерных беспорядков“ <...> Я, режиссировавший эту сцену, еще хотел щегольнуть сегодня новой режиссерской выдумкой: поставить народную сцену не по обычному приему Художественного театра, не пестро, со многими разнообразными типами, — а однокрасочно. Вся толпа у меня была только артель штукатуров, — все в одинаковой одежде, испачканной известкой, с кирками и лопаточками. Получилось и сдержанно, и решительно, и совершенно реально. Сцена эта не носила трагического харак-

тера. Рабочие с кулаками лезут на профессора, но тот, отступая, отмахивается от них носовым платком. Правда, на крыльцо выбегает жена профессора с револьвером, но в это время дворник чрезвычайно методично бьет доской по головам наступающих. На генеральной репетиции эта сцена шла под сплошной хохот <...> Этот хохот даже смутил нас, так что мы запросили автора, не нарушит ли это его замысла, но он ответил: „Пусть смеются“ <...> Как только из-за кулис донеслись первые голоса наступающей толпы <...> публика сразу насторожилась, с приближением шума заволновалась, загудела, начала оглядываться, вставать. Когда же показался пятящийся задом и отмахивающийся платочком Качалов, а за ним группа штукатуров с угрожающими жестами, то в зале поднялся шум, крики. А как только выскочила на крыльцо Германова с вытянутым револьвером, в партере раздалась истерика, наверху другая, где-то в глубине третья. Часть публики, работая локтями, кинулась к выходам, другая криком старалась убедить, что это не вздравду, а представление <...> Мою артель штукатуров публика приняла за черносотенцев, которые пришли громить театр, начав с артистического персонала <...> Помощник режиссера распорядился закрыть занавес» (Из прошлого, стр. 211—213).

Первые отклики на спектакль состояли в основном из описания скандала в Художественном театре. Немирович-Данченко вынужден был вступить в объяснение с публикой, мнение которой разделилось: меньшинство требовало прекратить спектакль, большинство — продолжать. После того, как меньшая часть зрителей покинула зал, спектакль был доведен до конца («Новости дня», 1905, № 8039, 26 октября; «Новое время», 1905, № 10643, 27 октября). Мнение «меньшинства» выразил в истерической заметке театральный критик С. В. Яблоновский: «Я буду говорить, кричать о том, что в наши, полные ужаса, дни, когда темные силы совершают на улицах кровавые расправы, когда раскраивают головы нашим отцам, братьям и сыновьям, — что в это время нельзя жестоко рвать наши нервы, показывая со сцены, как черносотенцы досками разбивают головы <...> Эти картины мы видели в жизни, страшные, не человеческие, полные ужаса <...> Любоваться ими со сцены мы не хотим, мы не можем!» («Русское слово», 1905, № 280, 25 октября). К этой заметке было сделано редакционное примечание: «Дирекция Художественного театра, после происшедшего переполоха на вчерашнем спектакле, поехала просить автора „Детей солнца“ выпустить сцену бунта в 4-м акте». Как было встречено это предложение Горьким, неизвестно. Однако спектакль продолжал идти в полном составе (с 24 октября по 7 декабря «Дети солнца» прошли 21 раз).

После первых спектаклей Художественного театра в критике раздался голос, оспаривающий взгляд на «Детей солнца», как на беспощадную сатиру против интеллигенции. «Что хотел сказать Горький в „Детях солнца“, — спрашивал Нур <Н. Н. Урванцев>, — обвинить или защитить интеллигенцию, изобразить

ее трагическое бессилие или написать на нее злую сатиру, спорить трудно, а доказать нельзя». Урванцев склонялся к упрощенному выводу, будто в пьесе карикатурно изображена не интеллигенция, а народ в лице Егора, этого «черносотенного протестанта против интеллигенции» («Театр и искусство», 1905, № 44, 30 октября, стр. 694—695).

Своеобразным ответом на эту первую волну критического непонимания послужили следующие слова в статье Горького «Заметки о мечанстве» («Новая жизнь», 1905, № 12, 13 ноября), опубликованные как раз накануне выхода VII Сб Зн с «Детям солнца». Речь идет о реакции в России 80-х годов, когда «духовные вожжи общества должны бы сказать разумным и честным силам его: „Нищета и невежество народа — вот источник всех несчастий нашей жизни, вот трагедия, в которой мы не должны быть пассивными зрителями, потому что рано или поздно сила вещей заставит всех нас играть в этой трагедии страдающие и ответственные роли <...> Никто разумный не может быть спокоен, доколе народ — раб и слепой зверь, ибо — он прозреет, освободится и отомстит за насилие над ним и невнимание к нему. Не может быть красивой жизни, когда вокруг нас так много нищих и рабов <...> Поймите — нет иной страны, где бы люди чести, люди разума были так одиноки, как у нас. Боритесь же за торжество свободы и справедливости, в этом торжестве красота. Да будет ваша жизнь героической поэмой!..“» (Г-30, т. 23, стр. 353).

В этих строках сформулирована идея преодоления исторически сложившегося противостояния «интеллигенция — народ», которая не была уловлена критикой в «Детях солнца».

После опубликования пьесы в полемику вступила журнальная критика. Голоса ее резко разделились. Часть критиков увидела в пьесе «всё ту же войну с российской интеллигенцией», что и в «Дачниках» (А. Е. Р е д ь к о. Литературные наброски. — «Русское богатство», 1906, № 2, апрель, стр. 15; Е. А. К о л т о н о в с к а я. Пристрастный суд. — «Полярная звезда», 1906, № 9, 10 февраля; Д. Н. О в с я н и к о - К у л и к о в с к и й. Литературные беседы. — «Истина», 1906, № 2, январь). В «Детях солнца» М. Горький является не пророком победы, а историком поражения интеллигенции <...> Это — грозное обвинение против благодетелей человечества, но не толчок к возрождению <...> Драма М. Горького «Дети солнца» является продолжением «Дачников» и последним, самым решительным шагом в области развенчания» (В. Л. Л ь в о в - Р о г а ч е в с к и й. Общественная пирамида. — «Образование», 1906, № 4, стр. 81—83).

Было высказано и прямо противоположное мнение, будто Горький отдал «все яркие лучи, всю моральную красоту людям интеллигентного круга <...> а на долю простого люда оставил душевную тупость и тьму. Это — дележ совершенно несправедливый и особенно неожиданный в устах Максима Горького. Вчерашняя идеализация босячества перешла в осуждение...» (Ю. А. <Ю. И. Айхенвальд>. Современное искусство. — «Русская мысль», 1905, № 12, стр. 222).

Еще дальше от авторского замысла критический отзыв В. Ф. Ходасевича, увидевшего в Лизе главную героиню произведения, которая, по мнению критика, теряет лишь «затемненный разум будней», порывает с «детьми солнца», этими горьковскими «гордыми» людьми, вроде Сатина, низведенными на землю и, «просветленная, свободная», отдается своей «пробужденной душе», подтверждая предсказание Метерлинка о «приближении духовного периода» («Золотое руно», 1906, № 1, стр. 154—155).

Е. А. Ляцкий полагал, что «автор колеблется в своем отношении к тому, что можно назвать идейным остовом сюжета <...> Спорный вопрос не решается в пьесе ни в ту, ни в другую сторону». Критик считал, что интеллигенция, как и другие привилегированные классы общества, — это «только жалкий, мишурный нарост на теле гиганта <...> готового встряхнуть и сорвать этот зудящий нарост с кровью и мясом», но выражал надежду, что «гигант» припесет с собой правду любви, а не ненависти, и, во имя интеллигенции, ушедшей в революцию, пощадит и творческую интеллигенцию («Вестник Европы», 1906, № 1, стр. 375, 380—382).

Значительно ближе к авторскому замыслу подошел критик П. Н. Сакулин в статье «В мире красного песка». Он решительно настаивал, что «никакого отрицания или даже унижения науки и искусства в пьесе нет». «Горький, однако, смело принимается разлагать идеалы детей солнца с помощью едких реактивов, взятых из самой „гущи жизни“, и пробует определить действительную ценность этих идеалов». Пьеса содержит «грозное предостережение для всех „детей солнца“» и «страстный призыв к работе над осуществлением лучших идеалов социализма» («Век», 1906, № 22, 25 января).

12 января 1906 г. «Дети солнца» были поставлены в берлинском «Kleines Theater» Максом Рейнгардтом. Горький присутствовал на спектакле «Детей солнца» в этом театре 22 февраля (7 марта) и в тот же день дал интервью сотруднику венской газеты, в котором выразил свое отношение к проблеме, поставленной в пьесе: «Как ни глубока пропасть между интеллигенцией и пролетариатом, как ни трудно перебросить мост через эту пропасть, я, однако, твердо надеюсь, что перебросить мост удастся. Эта задача лежит на тех, кто вышел из рядов пролетариата и, постепенно поднимаясь, добрался до вершин знания. Большое общество выздоровеет лишь тогда, когда источники света, красоты и знания станут открытыми для всех» («Neue freie Presse», 1906, № 14924, 11 марта).

Та же проблема затронута в письме Горького к А. В. Луначарскому от декабря 1907 г.: «Мысль Ваша о революционерах, как о мосте, единственно способном соединить культуру с народными массами, и о сдерживающей роли революционера — мысль родная и близкая мне, она меня давно тревожит, и я страшно рад, что Вы ставите ее так просто и крепко. В „Детях солнца“ я вертелся около этой мысли, но — не сумел формулировать ее и — не мог. Ибо — кто среди моих „Детей солнца“ способен почувствовать эту мысль и эту задачу? Она должна родиться

в уме и сердце пролетария, должна быть сказана его устами — не так ли? И, конечно, он ее расширит, он ее углубит» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-23-44-24).

Горький любил цитировать стихи Вагина из второго действия о «слепых кротах», которые должны вырасти в «гордых орлов»; он послал эти строки в качестве памятного автографа художнику И. И. Бродскому в 1910 г. и итальянскому рабочему-социалисту Луиджи Цапелли в 1911 г. (*ЛЖТ*₁₁, стр. 155 и 198).

Впоследствии Горький не раз возвращался к проблемам, поставленным в «Детях солнца», и в примечании к рассказу «Сторож» (1922—1923) писал: «Тревожное ощущение духовной оторванности интеллигенции — как разумного начала — от народной стихии всю жизнь более или менее настойчиво преследовало меня <...> Постепенно это ощущение перерождалось в предчувствие катастрофы. В 1905 году, сидя в Петропавловской крепости, я пытался разработать эту же тему в неудачной пьесе „Дети солнца“. Если разрыв воли и разума является тяжелой драмой жизни индивидуума, — в жизни народа этот разрыв — трагедия» (*Г-30*, т. 15, стр. 81).

Есть основания предполагать, что Горький хотел вернуться к работе над пьесой в конце 20-х — начале 30-х годов. В Архиве А. М. Горького сохранилась записка (*ГЗ*_{VI}-7-68), по орфографии и почерку относящаяся именно к этому периоду. Она содержит новую редакцию разговора Протасова со слесарем Егором из первого действия, причем сохранена тема диалога (о жене Егора, которую тот бьет), но сам диалог решительно сокращен и изменен, многословие Протасова убрано, он изъясняется короткими, энергичными репликами. Имя слесаря, не менявшееся на протяжении всей работы над пьесой, заменено на Савёла (см. варианты).

В статье «Максим Горький» (1930) А. В. Луначарский писал: «Горькому часто бросалось в глаза, что „дети солнца“, люди, которые живут интересами науки и искусства, изящной жизнью, представляют собой, однако, этически безобразное явление на фоне миллионов „кротов“, живущих жизнью слепой, грязной, нудной. Однако в противовес этому Горький часто оказывался в позиции энергичного защитника именно верхов интеллигенции как превосходных работников культуры. Он восхвещался крупными учеными и художниками в такой мере, что порой навлекал на себя упреки во влюбленности в интеллигенцию и в том, что сам „чересчур обинтеллигентился“. Во всем этом, однако, нет никакого противоречия. Противоречие заключается не в Горьком, а в самой интеллигенции, которая расщепляется по различным классам, к которым примыкает» (*Луначарский*, т. 2, стр. 76).

Стр. 318. *Гомункул* — от лат. *homunculus* — человек. Средневековые алхимики считали возможным создать гомункула химическим путем; современная биология ищет способы воссоздать искусственным путем живую клетку.

Стр. 334. *Не твори себе кумира, ни всякого подобия его...* — Одна из десяти «заповедей», которые, согласно биб-

лейской легенде, бог через пророка Моисея передал еврейскому народу (Библия, «Исход», гл. 20, стих 4).

Стр. 336. *Монера* — от греч. — одинокий, простой; в биологии означает комочек протоплазмы, «предклетку», из которой в процессе развития образовалась клетка.

Стр. 336. *Монада* — от греч. — единица, неделимое.

Стр. 337. *Кассандра* — в греческой мифологии дочь троянского царя Приама, наделенная даром прорицания, в который не верят окружающие; предсказала гибель Трои из-за Елены.

Стр. 360. «*Ночевала тучка золотая...*» — Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес»; существует несколько романсов на эти слова — А. С. Даргомыжского, Н. А. Римского-Корсакова, К. Ю. Давыдова и др.

ВАРВАРЫ

(Стр. 391)

Впервые напечатано отдельной книгой: Максим Горький и й. Варвары. Драма в 4-х действиях. Verlag von J. H. W. Dietz Nachfolger. Stuttgart, 1906.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Черновой автограф пьесы — *ЧА* с ранними вариантами ряда сцен и черновым планом 4-го действия (ХПГ-4-5-1).

2. Беловой автограф — *БА* (ХПГ-4-5-2).

3. Авторизованная машинопись (ХПГ-4-5-3).

4. Экземпляр пьесы в *IX Сб Зн*, прошедший цензуру драматических сочинений (ХПГ-4-5-4).

5. Часть оригинала набора для *К* — печатные листы из т. 8 *Зн*, с правкой старой орфографии (ХПГ-4-5-5).

Печатается по тексту *IX Сб Зн* (1906) со следующими исправлениями по *БА*:

Стр. 396, строка 13: «Каркай! Чем испортят?» вместо «Чем испортят? Каркай!»

Стр. 397, строка 18: «осторожно идет» вместо «идет».

Стр. 415, строка 10: «А Сергей Николаевич всё спит...» вместо «А Сергея Николаевича всё нет...»

Стр. 416, строка 11: «действию» вместо «акте».

Стр. 418, строка 21: «страмиться» вместо «срамиться».

Стр. 423, строка 2: «Девять лет» вместо «Десять лет».

Стр. 427, строка 39: «Раз увидишь» вместо «Как увидишь».

Стр. 428, строка 7: «и доктор» вместо «доктор».

Стр. 433, строка 24: «слишком ясно» вместо «слишком ярко».

Стр. 441, строка 32: «удар ей дали» вместо «удар дали».

Стр. 441, строка 39: «Вы, кажется, просто» вместо «Вы просто».

Стр. 443, строка 1: «Вона» вместо «Вон».

Стр. 443, строки 26—27: «и старик... да...» вместо «и старик...»

Стр. 443, строка 35: «Столбиков» вместо «Столбов».

- Стр. 444, строка 27: «дорогая моя» вместо «дорогая».
- Стр. 444, строка 39: «я и вон» вместо «вон».
- Стр. 446, строка 13: «человечки» вместо «человеки».
- Стр. 449, строка 14: «всего два месяца» вместо «два месяца».
- Стр. 450, строка 27: «глупую, тесную» вместо «глупую».
- Стр. 451, строки 3—4: после «стукнет ее...» — «М о н а х о в (тоже идет). Всё возможно...»
- Стр. 451, строка 8: «учил его» вместо «учил».
- Стр. 452, строка 7: «до сей» вместо «до этой».
- Стр. 452, строки 25—26: «наливает ей лимонада, себе — вина» вместо «наливает себе вина».
- Стр. 454, строки 13—14: «утверждал что-то» вместо «утверждал».
- Стр. 455, строка 21: «Мне уехать» вместо «Уехать».
- Стр. 455, строка 24: «Фи! Зачем же» вместо «Зачем же».
- Стр. 458, строка 21: «не боюсь я... да...» вместо «не боюсь я...»
- Стр. 461, строка 20: «он и плутует?» вместо «плутует?»
- Стр. 463, строка 27: «Не кричите... Тяжело!» вместо «Тяжело!»
- Стр. 466, строка 20: «жаждал» вместо «ждал».
- Стр. 468, строки 18—19: «на войлочных фабриках» вместо «на фабриках».
- Стр. 470, строки 7—8: «наверх... да... ишь ты!» вместо «наверх...»
- Стр. 471, строка 22: «бегут черные тучи» вместо «бегут тучи».
- Стр. 474, строка 14: «(тихо). Что?..» вместо «Что?..»
- Стр. 475, строка 27: «отдам» вместо «принесу».
- Стр. 475, строка 38: «Что это? Боже мой...» вместо «Что это?»
- Стр. 477, строка 1: после «Позвольте... холодно...» — «Щы г а н о в. Да, мой друг, холодно...»
- Стр. 481, строка 34: «Да. Как страшно...» вместо «Как страшно...»

20—21 февраля 1905 г. Горький писал К. П. Пятницкому из Риги (Бильдерлингсгоф): «...в столе у меня был план пьесы „Варвары“, написанный на листиках почтовой бумаги, — мне бы тоже нужно его; если я поеду в турне, так же как и своих „Варваров“, которыми он сейчас очень увлекается» (Андреева, стр. 95).

19 апреля 1905 г. М. Ф. Андреева сообщала Пятницкому: «Пьеса („Дети солнца“) еще не обработана, и он отдает ее исключительно мне, если я поеду в турне, так же как и своих „Варваров“, которыми он сейчас очень увлекается» (Андреева, стр. 95).

Работа над «Варварами» велась летом и в начале осени. В письме к Е. П. Пешковой от 11 июня 1905 г. Горький упоминал: «Пишу „Варваров“ и очень охвачен этой вещью» (Архив Г_v, стр. 157). А 6 или 7 сентября писал ей же: «Проживу здесь (в Москве) недели три — репетиции „Детей солнца“ и нужно от-

делать новую пьесу „Варвары“, она пойдет в конце сезона. Потом поеду к вам, в Ялту. Привезу новую пьесу» (там же, стр. 163).

В конце августа и начале сентября сведения о «Варварах» появляются в печати. Так, журнал «Театр и искусство» писал: «Название другой, только что законченной пьесы М. Горького „Варвары“. Пьеса из жизни интеллигенции и посвящена современным событиям. Пьеса пойдет в театре г-жи Компсаржевской» («Театр и искусство», 1905, № 35, 28 августа, стр. 553; см. также «Театральная Россия», 1905, № 36, 3 сентября, стр. 1102).

10 сентября в письме к Пятницкому Горький уже наметил поместить пьесу в *Сб Зн* (см. *Архив Г_{IV}*, стр. 186). Об окончании «Варваров» Горький писал И. П. Ладыжникову в октябре 1905 г.: «Рукопись ее скоро получите вместе с другими» (*Архив Г_{VII}*, стр. 131). Пьеса была отправлена Пятницким в издательство «Демос» (Ладыжникову) в начале ноября, причем он писал издателю: «Прошу ответить мне <...> принимаете ли Вы ее. В России пьеса будет помещена в IX сборник „Знания“. Прошу поскорее выпускать русское издание за границей...» (Архив А. М. Горького. Копировальная книга изд-ва «Знание», I, л. 51). 28 ноября (11 декабря) 1905 г. Ладыжников извещал Горького: «„Варвары“ получены и уже отданы переводить на нем<ецкий> язык» (Архив А. М. Горького, КГ-п-42-1-49; см. также *ЛЖТ_I*, стр. 569).

20 декабря (ст. ст.) 1905 г. Р. П. Аврамов уведомлял Пятницкого о скором выходе пьесы в издательстве *Дтц* (там же, П-ка «Зн», 1-6-1). О выходе издания упоминалось в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» (1906, № 9176, 27 января).

16 марта 1906 г. вышел в свет IX *Сб Зн*, в котором была напечатана пьеса.

Замысел пьесы «Варвары», как показывает анализ *ЧА*, существенно менялся во время ее создания¹. Вначале Горький с наибольшей четкостью рисовал столкновение Черкуна с Редозубовым. В первых двух действиях текста *ЧА* Черкун является дерзким разрушителем всего старого, смелым преобразователем жизни. В ранних вариантах третьего действия он с гневным пафосом говорит о насилии и угнетении.

В последующих вариантах *ЧА* позиция героя значительно изменены. Для Черкуна становится главным восхищение буржуазным прогрессом. Герой теперь больше обрисован в отрицательных чертах — как представитель буржуазного варварства. Последовательно правя третье и четвертое действия пьесы в *ЧА*, Горький противопоставляет Черкуну революционно настроенного студента Степана Лукина, видоизменяя также облик других персонажей.

Работа над пьесой продолжалась и в *БА* и при подготовке ее первых изданий.

Завершающая идейно-стилистическая правка пьесы была сделана автором для IX *Сб Зн*.

¹ См. об этом подробно в кн.: *Новиков*, стр. 126—231.

14 июня 1906 г. пьеса была разрешена к представлению цензурой драматических сочинений. Никаких изъятий сделано не было. Но сопоставление текста пьесы в *Сб Зн* с первым изданием (*Дтц*) дает возможность предположить, что Горький, правя пьесу, учитывал, в частности, неизбежность цензурных придирок. Видимо, по этим соображениям из текста были устранены слова Исправника: «Конечно, теперь мода на беспорядки и разные, там, забастовки... но у нас это не нужно!», следовавшие за фразой: «Ну зачем это?» (*стр. 468, строка 19*).

Еще до выхода «Варваров» из печати в России социал-демократическая газета «Молодая Россия» поместила сообщение, составленное Н. Серебровым <А. Н. Тихоновым>:

«М. Горький написал новую пьесу: „Варвары“.

В ней он рисует нравы маленького провинциального города, забытого жизнью, в котором живут маленькие, полумертвые люди, — тупые и наивные, как дикари.

И на этот доживающий труп прошлого налетают хищные коршуны — инженеры, строители железной дороги. Это — „варвары“ культуры, жадные хищники, у которых нет ничего кроме своих appetitов <...> Намечены в пьесе и новые люди — создатели нового здания жизни, но их время еще впереди, и силы их пока неизвестны.

Пьеса находится в портфеле автора» («Молодая Россия», 1906, № 1, 4 января, стр. 15).

Вслед за тем в «Русском слове» появилась статья Г. Старого <Г. С. Петрова> «Новая пьеса Горького». Сопоставляя изложенное в «Молодой России» с предшествующими пьесами Горького об интеллигенции, критик писал: «...русская интеллигенция, как и всякая, впрочем, другая, — не однородная, конечно, масса. Тут есть всякого жита по лопате. М. Горький в каждой из последних своих трех пьес (считая и „Варваров“) и выносит перед сознанием общества по лопате новой разновидности русской интеллигенции <...> Есть и „варвары“, как их изображает и называет М. Горький, эти мародеры велпкой армии культуры» («Русское слово», 1906, № 6, 7 января). В конце статьи критик выражал пожелание, чтобы Горький показал типы «действительной интеллигенции», людей с «крепким культурным стальным хребтом», столь необходимых России.

К числу первых критических оценок пьесы «Варвары» относится краткий отзыв В. Базилевича <В. В. Бруснынина> в социал-демократической газете «Призыв». В нем говорится, что Горький «едкими сатирическими штрихами зарисовал пошляков-инженеров и психологию уседных обывателей» («Призыв», 1906, № 41, 28 марта). В. Базилевич по-иному, чем критик «Русского слова», представлял направленность произведений Горького в ближайшем будущем: «Надо думать, что героями „Варваров“ Горький закончит галерею „никудашних“ людей. За истекший год русская действительность выдвинула настоящих героев, и они, разумеется, не минуют писательского поля зрения Горького <...>

В пьесе Горького рабочий человек еще не сказал своего последнего слова» (там же).

В марте 1906 г. со статьей о «Варварах» в газете «Слово» выступил Н. Тамарин <Н. Н. Окулов>. Он писал: «Своим обличительно-сатирическим бичом писатель клеймит, разумеется, „уродов в семье“, а не всю профессиональную группу» («Слово», 1906, № 427, 30 марта). В образе Степана Лукина критик усмотрел проявление пессимизма писателя, но вместе с тем выражал надежду, что «в недалеком будущем талантливый писатель покажет нам яркие и характерные „позитивы“ культурных деятелей русского общества, покажет сильные, светлые образы, крупные светлые дела интеллигенции» (там же).

В полемику с газетными оценками пьесы вступил на страницах «Вестника знания» М. И. Абардов <М. И. Ивинский>. «Упреки за „Варваров“, — писал он, — не были беспристрастными <...> Они походили на разбор того дела, в котором судья был явно заинтересованной стороной» («Вестник знания», 1906, № 3, стр. 363). В Цыганове, Черкуне, Лидии Павловне Абардов увидел типичных представителей нравов, вкусов, психологии «обеспеченного либерального слоя», порожденного новым общественным «вевением» — промышленным капиталом. По словам критика, в пьесе «столкнулись две могучие силы <...> В лице Редозубова поднимается грубое и наглое, животное-упрямое и дикое самоуправство и самодурство. В лице инженеров — новый утонченный, сознательный, развращенный и пресыщенный аппетит» (там же, стр. 371).

Заявляя, что он выступает от лица «радикальных» и «крайних» течений общественной мысли, Абардов заключал статью обращением к современности:

«Пусть любители спорят между собой о преимуществах двух столкнувшихся сил <...> Новые формы в недрах своих зарождают справедливую могучую силу.

Услышим ли мы от М. Горького ее могучий голос с художественных страниц? Она так бурлива, свежа и многообещающа, она так сильно и ярко выразилась в жизни.

И когда мы прочтем эти желанные страницы, облегченно скажем:

Наконец-то, справедливая мощь, и о тебе заговорила художественная литература» (там же, стр. 372).

С подробным разбором «Варваров» выступил А. В. Луначарский в № 2 журнала «Вестник жизни», вышедшем 10 апреля 1906 г. По образному определению критика-марксиста, Горький сконцентрировал в пьесе «внимание на столкновении деревянной России с железной, на муках этого процесса, на его глубокой всеобщей неудовлетворительности» (*Луначарский*, т. 2, стр. 34). Пьеса получила высокую оценку Луначарского за «тончайшие наблюдения» и «психологические откровения», «символические контрасты», «неизъяснимые красоты красочного, блестящего афоризмами диалога» (там же). Заслуга Горького-художника в том, что он помогает «понять и оценить это колоссальное явление варварской войны варваров двух типов в непосредственных

переживаниях живых личностей, в их эфемерном или пустом торжестве, в их жалкой или трагической гибели» (там же). Служно обрисованным представляется Луначарскому Редозубов, эта «кряжистая и цельная кариатида», поддерживающая своими плечами старый мир (там же, стр. 32). Черкуна Луначарский рассматривает как «бессознательное орудие в руках слепой стихии капитализма, он только его мускулистое тело, исполняющее волю и предначертания его развратно-грабительской души — железнорусской цыгановщины» (там же, стр. 33). В Надежде Монаховой рядом со смешным отмечено чистое, высокое, торжественное. Степан Лукин и Катя Редозубова, по оценке Луначарского, только «слабые и неуверенные ростки» сил, которым предстоит разрушать старый мир во имя будущего золотого века. В конце статьи Луначарский говорит о перспективах исторического развития страны: «...безобразная железная Россия, и только она, создает почву для новой борьбы, для нового конфликта, результаты которого одни лишь в состоянии спасти гибнущую во мгле уездных трущоб „Надежду“ и осуществить ее грёзы с такой ширью и яркостью, перед которой поблекнут, как звезды перед солнцем, фантастические красные платья романтических „королев и аристократок“» (там же, стр. 35).

В грубо-оскорбительном тоне писала о новой пьесе Горького реакционная пресса.

А. Басаргин <А. И. Введенский> в статье «Художник-варвар кистью сонной...» называл «Варвары» «жалкой пиеской», вещь «чрезвычайно бледной». «Певец босяков», по словам Басаргина, здесь, как и в других произведениях, — «тоже двояковогнутое зеркало, неузнаваемо искажающее реальную жизнь («Московские ведомости», 1906, № 98, 15 апреля). Воззрения и поступки героев пьесы — «доморощенное ницшеанство» Цыгановых и Черкунов, «эстетическая мораль» Лидии Павловны, «дугые и напыщенные <...> речи о железной силе» Степана Лукина, — по мнению Басаргина, развенчивают общечеловеческие идеалы и нормы поведения. Горький, — приходит к выводу Басаргин, — живописует пошлость, обыденность и грязь.

Черносотенец Г. Эккерт в статейке «К участи „Максима“» объявлял пьесу «Варвары» «идиотской по содержанию» за то, что в ней Горький, этот «архибосяк» и «представитель оборванцев», «вздумал пуститься в политику и в памфлетизм» («Исторический барометр России», 1906, № 1, 27 апреля, стр. 6—7).

В центре большинства других критических оценок «Варваров» — вопрос об отношении Горького к интеллигенции. Так, А. А. Измайлов писал в «Литературных заметках», что в пьесе ведется «бой с интеллигенцией», «пожалуй, и вообще против культуры». Критик не нашел в пьесе позитивной программы, в целом сочтя ее произведением неудавшимся, «точно работа начпнающего» («Новая иллюстрация», 1906, № 9, 17 апреля, стр. 70).

С подобными мнениями полемизировал А. Г. Горнфельд, положительно оценивший пьесу в обзоре «Три драмы „Знания“». «Нет, варвары Горького, — писал он, — не интеллигенты; его

варвары — везде, во всех слоях, на всяких ступенях общественной лестницы, во всех человеческих положениях. Варварство — это насилие человека над человеком: и драма Горького так насыщена этой духовой безграничного насилия, что производила бы на чуткого человека большое впечатление даже без заключительного самоубийства» («Наша жизнь», 1906, № 423, 19 апреля). Общая атмосфера «варварства» схвачена в пьесе, по определению Горьфельда, «превосходно, чуть не лучше, чем отдельные фигуры, ясные, интересные и законченные, при всей своей сложности», а в целом это произведение Горького, не будучи связанным с современным политическим моментом, «переживет свою эпоху».

Прямо противоположное суждение о «Варварах» высказал И. Н. Игнатов в статье «Литературные отголоски». Он утверждал, что в пьесе прославляются грубая сила и безжалостность. Критик объяснял это влиянием отрицательных сторон революционной борьбы, якобы бессознательно воспринятых Горьким. В Черкуне, по мнению Игнатова, отсутствует «духовная сторона характера»: «По-видимому, он очень ограничен, даже глуп, но влияние момента так сильно действует на автора, что он не замечает глупости и ограниченности своего героя и останавливается перед ним, как перед носителем большой и ценной силы». В том же духе истолковывался и образ Надежды Монаховой. Эта героиня, глупая бесконечно, недоступная «никаким влияниям, кроме обаятельного влияния мужчины, никаким чувствам, кроме животного стремления к любовному наслаждению», по утверждению Игнатова, привлекает Горького «своими, необходимыми в пылу битвы: решительностью, отсутствием сомнений, определенностью стремлений» («Русские ведомости», 1906, № 214, 29 августа).

Дважды на протяжении 1906 года к оценке «Варваров» обращался журнал «Театр и искусство». Статья Н. Негорева <А. Р. Кугеля> полна недоумений. «Решительно непонятна для критика Надежда Монахова, а «огненный сверхчеловек Черкун» вызывает мысль о подражании: «Подчеркнутая грубость Черкуна, обожествление воли и его действия, в сущности мелкие <...> напоминают как-то „Комету“ г. Трахтенберга с инженерным сверхчеловеком». Как кажется Негореву, Горький не справился с им самим поставленной задачей изображения «живительного прикосновения варварства» («Театр и искусство», 1906, № 15, 9 апреля, стр. 235).

Отрицательную оценку пьесы Негорев подтвердил впоследствии в рецензии на постановку «Варваров» в Современном театре, написанной в откровенно издевательском, фельетонном стиле (Н о т о Н о в и с. Современный театр. — «Варвары» М. Горького. — «Русь», 1907, № 93, 3 апреля).

В статье Зигфрида <Э. А. Старка> «Эскизы („Варвары“ — М. Горького)» в одном из сентябрьских номеров «Театра и искусства» пьеса объявлена произведением «наиболее плохим из всего, что <...> написано» Горьким («Театр и искусство», 1906, № 37, 10 сентября, стр. 566). Талант Горького «точно

притупился, фантазия утратила свою красочность», — рассуждает Зигфрид, — с тех пор как писатель «занялся обличением интеллигенции» (там же, стр. 564).

Рецензент «Русского богатства» А. Е. Редько, напротив, высказал соображения об изменении отношения Горького к интеллигенции: «То, что было черным-черно в „Дачниках“, значительно <...> побелело в „Варварах“ <...> неустанно автор „Варваров“ ищет точной художественной формулы для своего окончательного... отношения к чужой его симпатиям интеллигенции» («Русское богатство», 1906, № 5, отд. II, стр. 106). Это проявилось, по наблюдениям критика, в «скрытой хрупкости и ломкости» Черкуна, фигура которого вышла «живой и запоминающейся, хотя и не совсем определенной» (там же, стр. 98). Редько обнаружил «сходство между тем, что говорит Черкун от своего лица в „Варварах“, с тем, что не так давно говорил от своего собственного лица автор „Заметок о мещанстве“» (там же, стр. 99). Характер Надежды, по мнению Редько, выражает моральную «мощь и стихийность», не облагороженные «интеллектуальной огранкой». Но самоубийство героини, по словам критика, способно вызвать у читателя только чувство недоумения. Лукин рассмотрен как «скептик и боец», видящий истинное положение вещей.

Поток критических выступлений о пьесе усилился в связи с появлением «Варваров» на петербургской сцене.

Упоминая о «Варварах» в статье «Конец Горького», Д. В. Философов писал: «Две вещи погубили писателя Горького: успех и наивный, непродуманный социализм. Я говорю „погубили“, потому что последние его произведения — „Варвары“, „Враги“, „В Америке“, „Мои интервью“ и т. д. нанесли такой урон его литературной славе, обнаружили признаки такого серьезного разложения его дарования, что в возрождении писателя Горького уже как-то не верится» («Русская мысль», 1907, кн. IV, отд. II, стр. 122).

В 1907 г. в журнале «Золотое руно» о «Варварах» писал А. Блок. Вопросы, решаемые в драмах Горького, кажутся Блоку подходящими лишь для «страниц боевой публицистической статьи». В связи с этим «Варвары» расцениваются как пьеса типов и характеров, написанная небрежно, «с невероятным количеством действующих лиц, из которых многие — повторения старых» (Александр Блок. Собр. соч. в восьми томах, т. 5. М.—Л., 1962, стр. 175). Размышляя над образом Надежды Монаховой и высказывая общие соображения о творчестве Горького, Блок стремился разграничить и противопоставить гуманистические и политические идеалы писателя: «Можно думать, что это и есть — „человек“ — истинная героиня пьесы — за неимением героя: „Господа, вы убили человека“, — говорит в конце пьесы муж Монаховой. Если такие женщины, напоминающие и Вареньку Олесову, Сашу и Мальву, будут играть роль человека в произведениях Горького, то это, во всяком случае, много значительнее Павла Власова и прочей добродетельной компании» (там же, стр. 175—176).

«Варвары» были упомянуты К. И. Чуковским в литературном портрете «Максим Горький». Выразив недоверие к революционной идейности творчества пролетарского писателя, критик говорил:

«Уже ровно двадцать лет, как воспел Горький Сокола-Марко <...> да так за все двадцать лет ни разу не сошел с этого „славного поста“. Его „Варвары“ появились только два года назад <...> — и в них Черкун говорит всё те же привычные горьковские слова:

— Во мне нет жалости, нет снисхождения к тем жадным и тупым животным, которые командуют жизнью. И бессиле тех, которые подчиняются, приводит меня в ярость.

Хотя Тетерев уже говорил то же самое <...>

Хотя Артем уже говорил то же самое...» (К. Ч у к о в с к и й. От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики. Изд. 3. СПб. и М., 1908, стр. 99—100).

Выдвинутая в этой и ряде других статей Чуковского точка зрения вызвала полемику. Чуковского поддержал Эллис <Л. Л. Кобылинский> в статье «Еще о соколах и ужах (О последних драмах Максима Горького: „Варвары“, „Враги“, „Последние“)». Не принимая идейной направленности творчества Горького, критик заявлял: «...Горький вместо того, чтобы положить перо писателя и стать публицистом, агитатором, общественным деятелем, стал... сочинять драму за драмой» («Весы», 1908, № 7, стр. 54—55).

С резкой критикой подобных взглядов выступил Л. Н. Войтоловский. Статьи Чуковского о Горьком он характеризовал как написанные бойким пером «залихватского фельетониста», скажущего до неузнаваемости творческий облик писателя («Литературный распад. Критический сборник». Книга вторая. СПб., 1909, стр. 62).

25 августа 1905 г. К. В. Бравич, член дирекции и артист Драматического театра <В. Ф. Комиссаржевской>, писал К. С. Станиславскому о переговорах с Горьким: «Алексей Максимович обещал мне свою вторую пьесу <„Варвары“>, которую он, кажется, заканчивает, но при этом он предупредил меня, что пьеса очень сложная и едва ли нам пригодится...» («Вера Федоровна Комиссаржевская...», стр. 385; см. также: *Г Чтения*, 1968, стр. 174).

Сведения об этом проникли в печать. Так, «Биржевые ведомости» извещали: «В „Драматическом театре“ г-жи Комиссаржевской в недалеком будущем пойдет новая пьеса М. Горького „Варвары“; режиссировать будет г-н Попов, в главной женской роли выступит г-жа Комиссаржевская» («Биржевые ведомости», веч. вып., 1905, № 9012, 3 сентября; см. также «Театральная Россия», 1905, № 35, 27 августа, стр. 1079). В печати сообщалось также о том, что Горький читал пьесу «Варвары» В. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому (см. «Театральная Россия», 1905, № 37, 10 сентября, стр. 1128; «Одесские новости», 1905, № 6738, 10 сентября).

Однако ни в Москве, ни в Петербурге постановка пьесы в 1906 г. не осуществилась. «Варвары» впервые были поставлены в России на провинциальной сцене. В мае 1906 г. пьеса шла в Курске, Екатеринославе, Луганске и других городах. А в июле представлялась в Казани в летнем театре «Аркадия» во время гастролей Товарищества драматических артистов под управлением П. И. Васильева. Газета «Волжский курьер» отмечала, что постановка осуществлена с добросовестностью и тщательностью. Относя образ Надежды Монаховой к «трагическим или демоническим фигурам старого репертуара», рецензент писал, что роль ее была прекрасно сыграна артисткой Веровской. Критик выделил в пьесе второстепенных действующих лиц, которые нарисованы с той жизненностью и яркостью, на какую, по его словам, способен только огромный талант Горького. Особо сказано, что «в лице студента Лукина (г-н Трубецкой) и Кати (г-жа Марченко) намечена молодежь, бодро идущая на новую жизнь, готовая на борьбу с отживающим строем, готовая на самопожертвование» («Волжский курьер», 1906, № 128, 25 июля).

В августе 1906 г. пьеса ставилась в Смоленске и Киеве, в сентябре — в Ростове-на-Дону, Харькове, Баку, в октябре — в Николаеве, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Воронеже, Херсоне, Туле.

Газета «Южный телеграф» (Ростов-на-Дону) 24 сентября 1906 г. откликнулась на постановку «Варваров» в антрепризе С. И. Крылова: «Публика привыкла видеть в произведениях Горького яркую оппозицию складу общественной жизни и нашей действительности, и непременно политического характера. Поэтому и попытку его в области художественного творчества, без тенденции, она встретила с сильным оттенком разочарования» («Южный телеграф», 1906, № 1375, 24 сентября). За несколько дней до премьеры «Варваров» в херсонском городском театре газета «Родной край» оповещала о новой пьесе Горького как «сенсационной новинке» («Родной край», 1906, № 195, 25 октября). В рецензии на спектакль, помещенной в газете, передавалось содержание пьесы, назывались исполнители основных ролей. Удачным признавалось изображение артистом Строительным «беззаботного хищника-жуира», «культурного „варвара“» Цыганова, Флоровским — Монахова, артисткой Леоновой — Надежды Монаховой (там же, № 198, 28 октября).

В апреле 1907 г. «Варвары» были поставлены в Петербурге Современным и Новым Василеостровским театрам.

Еще в письме к И. М. Кондратьеву от 1 марта 1907 г. Горький давал согласие на постановку «Варваров» в Москве и других городах (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-20-3-8). Премьера «Варваров» в Москве в театре Незлобина состоялась 19 апреля 1906 г.

В 1907 г. к пьесе обратился «Петербургский театр» (бывш. Неметти). Премьера состоялась 22 января (4 февраля) 1908 г. Отвечая на письмо актера и режиссера Н. Д. Красова (Некрасова), Горький писал в конце 1907 г.:

«Берите „Варваров“, ставьте и прочее, но — сомневаюсь я, чтоб эта пьеса помогла Вам! Стара она и тяжела. Почему бы Вам не поставить „Врагов“? Вещь веселая и простая, она, вероятно, была бы интереснее для той публики, на которую рассчитываете Вы. А если решите ставить „Варваров“ — имейте в виду Монахову.

Она искренно верит в возможность какой-то великой, пламенной и чистой любви, верит в человека-героя, достойного этой любви.

Она любит Черкуна с первого взгляда — за его смелые глаза, резкие движения, она думает, что вот — герой! Всё время она покорно, но уверенно смотрит на него, ждет его. Она не может не думать, что он — для нее, она — для него.

В последнем акте она не может сразу поверить в свою ошибку, но, когда она убеждается, что ошиблась, — в этот миг ее сердце умирает.

Надо хорошо сыграть старуху Богаевскую, Цыганова, Черкуна...

И — всех.

Но сие есть мечта сумасшедшего автора» (Г-30, т. 29, стр. 46—47).

Стр. 406. *Акцизный надзиратель* — чиновник акцизного ведомства, собирающего косвенные налоги (на предметы внутреннего производства, изготовляемые и продаваемые частными лицами).

Стр. 408. *Огненная Земля* — архипелаг, расположенный у южной оконечности Южной Америки, открытый в 1520 г. Магелланом.

Стр. 412. ...*как Аттила на Рим*... — Аттила (ум. в 453 г.) — вождь племени гуннов. Совершил ряд опустошительных походов на Восточную Римскую империю и Иран. Во время своего последнего похода (в 452 г.) Аттила подошел близко к Риму, но, ограничившись выкупом, отступил.

Стр. 435. *Фармазон* — устаревшее слово бранного значения: вольнодумец, безбожник. Происшло от «франкмасон» (франц. franc-maçon), сторонник религиозно-мистического этического учения, возникшего в XVIII веке в Англии. В России в начале XIX века масонские организации использовались декабристами.

Стр. 441. *Мы рождены не для волнений, сказал поэт...* — неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» — первоначальное название «Чернь» — 1828:

«Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья...»

Стр. 443. ...*говорит, Валтасаров пир*. — В библейской книге пророка Даниила содержится красочное описание пира во дворце Валтасара (библейская форма имени Белшарусура, сына последнего вавилонского царя Набонида; убит в 538 г.

до н. э.), во время которого было пророчество о гибели самого Валтасара и всего вавилонского царства. Выражение употребляется в переносном значении: пиршество перед гибелью.

Стр. 465. Соломон — царь Израильско-Иудейского царства (ок. 960—935 до н. э.); имя его приводится в переносном значении: премудрый.

ВРАГИ

(Стр. 485)

Впервые напечатано отдельной книжкой: М. Горький. Враги. Verlag von J. Dietz Nachfolger. Stuttgart, 1906. Почти одновременно (21 декабря 1906 г.) — в «Сборнике товарищества „Знание“ за 1906 год», книга четырнадцатая. СПб., 1906.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Черновой автограф (ЧА) первоначального списка действующих лиц и начала пьесы под названием «Враг» (ХПГ-6-3-1).

2. Авторизованная машинопись пьесы (АМ₁) с авторской правкой, послужившая оригиналом набора для *Дтц* (ХПГ-6-3-2).

3. Вторая авторизованная машинопись (АМ₂), предназначавшаяся автором для *Зн* (ХПГ-6-3-3); выполнена с учетом исправлений, сделанных в первой (АМ₁), и содержит дополнительную авторскую правку, не вошедшую в печатный текст до 1933 г.

4. VIII Сб *Зн* (вышел 20 февраля 1908 г.) — оригинал набора для *К* с корректорской правкой неустановленного лица (ХПГ-6-3-4).

5. Два печатных экземпляра, изготовленных в 1933 г. по заказу Государственного академического театра драмы — перепечатка текста: М. Горький. Собр. соч., т. VII, ГИХЛ, 1929. Из них один (ХПГ-6-3-5), условно именуемый *T*₁, содержит значительную, осуществленную Горьким, правку чернилами, синим и красным карандашом. К нему приложен автограф нового текста конца пьесы. Другой (ХПГ-6-3-6), условно обозначенный *T*₂, кроме режиссерских конъектур, включает перенесенную черными чернилами правку автора (в двух случаях поправки не перенесены по недосмотру); в этом экземпляре есть небольшая дополнительная правка Горького. К экземпляру *T*₂ приложена машинопись нового текста конца пьесы.

Печатается по *T*₂ с учетом авторских поправок, внесенных в *T*₁, и следующими исправлениями:

Стр. 491, строки 29—30: «Скажете — безобразнее, — и я соглашусь» вместо «Безобразнее — скажите — и я соглашусь» (по АМ₂).

Стр. 506, строка 18: «со слезами, но сдерживая их» вместо «со слезами, не сдерживая их» (по всем источникам, кроме *T*₁).

Стр. 517, строки 6—7: «Докладаю вашему превосходительству» вместо «Докладываю вашему превосходительству» (по *Зн*₁ и *К*).

Мысль написать пьесу о рабочих возникла у Горького еще в 1901 г. Среди задуманного «цикла драм», перечисленных в письме к К. П. Пятницкому, намечались и контуры такой пьесы: «...городской, полуинтеллигентный — рабочий — пролетарият. Совершенно нецензурная вещь» (*Г-30*, т. 28, стр. 188).

В марте 1905 г., во время пребывания на рижском взморье, после освобождения из Петропавловской крепости, Горький уже приступил к работе над «Врагами» (*ЛЖТ*₁, стр. 525). Делалось это, по-видимому, «под свежим впечатлением январско-февральских событий на фабриках Морозова» (М. Ф. Андерсе в а. Три встречи.— Архив А. М. Горького; МоГ-1-8-4). Одновременно (это следует из тех же воспоминаний) Горький писал отдельные фрагменты для повести «Мать».

Принимая живое участие в рабочем движении 1903—1904 годов, писатель, в частности, поддерживал связи с рабочими Сормовского завода (*ЛЖТ*₁, стр. 461), хорошо знал лично ткачей, работавших на текстильных фабриках Казани, Ярославля, Орехово-Зуева, Иваново-Вознесенска. Он встречался с такими видными рабочими-революционерами, как В. Шелгунов, П. Заломов, Д. Павлов, М. Багасев, слушал рассказы руководителей революционного движения, таких, как И. Бабушкин, знакомился с рядом интересных фактов из жизни рабочих и их письмами (см. *Г-30*, т. 30, стр. 298). Участвуя в первой русской революции (см.: *Г и революция 1905 г.*, стр. 127—130, 152—158), Горький собрал огромный фактический материал о жизни русского пролетариата и рабочем движении. Часть этого материала и легла в основу пьесы. Так, писатель использовал хорошо известные ему события, развернувшиеся в феврале — ноябре 1905 г. на орехово-зюевских мауфактурных фабриках Морозовых. Он был знаком со многими из непосредственных участников этих событий, и важнейшие конфликты, изображенные в пьесе во многом совпадают с тем, что действительно произошло на этой фабрике (февральско-мартовская забастовка орехово-зюевских рабочих, требование рабочих уволить за грубость мастера Горева, объявление локаута в ноябре 1905 г., вызов войск директором С. А. Назаровым). В политическом движении на фабрике Морозова приняло тогда участие около 20 тысяч рабочих. Во время этих событий молодой рабочий Иван Ветров убил в Никольской конторе директора Назарова, бывшего фактическим организатором «черной сотни» в Орехово-Зуеве.

События на фабрике Морозова не были, конечно, единственным материалом для Горького. Знаменательно, что в пьесе упоминается и Брянский завод (ныне Днепропетровский металлургический завод им. Г. И. Петровского) — крупнейший очаг революционного движения на юге России. На этом заводе в разное время работали выдающиеся организаторы пролетариата: И. Бабушкин, Г. Петровский, Н. Меркулов, С. Марков и др. На раннем этапе революционного движения здесь тоже произошло событие, близкое тому, о котором говорится во «Врагах».

Первоначальный набросок действующих лиц пьесы, сделанный, вероятно, во время пребывания Горького на рижском взморье в 1905 г., включает многих из них еще под иными фамилиями и именами; круг действующих лиц в первом варианте гораздо шире (здесь: Уварова — вдовствующая помещица, семинарский учитель Ладыгин, дочь священника Люба). Рабочие в этом списке действующих лиц занимают второстепенное место. Из всего списка под первоначальными именами только Пологий, Конь и Урядник перешли в окончательный текст пьесы.

Осуществление замысла пьесы «Враги» относится к лету 1906 г., когда писатель, живя в Америке, завершил работу над циклами «Мои интервью» и «В Америке».

12 июля 1906 г. М. Ф. Андреева сообщила К. П. Пятницкому, что Горький «хочет писать новую большую повесть и пьесу, обещанную им Рейнгардту» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-3-7-65). В Записной книжке Горького, относящейся к этому времени, содержатся реплики действующих лиц пьесы: [— Собрать немедленно всех рыжих! — Рыжие готовы! В<аше> б<лагоро>дие] (см.: т. VI наст. изд., стр. 410). 8 августа 1906 г. М. Ф. Андреева извещала Пятницкого: «...кончает второй акт драмы, а на той неделе думает кончить ее всю...» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-3-7-66). Во второй половине июля Горький писал И. П. Ладыжникову: «Пьесу пришлю недели через две. Название „Враги“. Содержание — „бунт“ на фабрике. Небольшая» (Архив ГУИИ, стр. 143). И в середине августа — ему же: «Дорогой Иван Павлович! Вот пьеса. В ней — 3 действия, но, я думаю, это ничего, они довольно велики...» (там же, стр. 144). О посылке пьесы Горький сообщил и Пятницкому: «...Ладыжникову послана моя пьеса „Враги“ с просьбой переслать ее Вам, как только это окажется удобным...» (Г-30, т. 28, стр. 426. См. также: Андреева, стр. 137). О завершении работы над пьесой Горький уведомил в августе 1906 г. М. Хлпквита (см.: Г Чтения, 1962, стр. 9, 10). А. В. Амфитеатрову он сообщал: «Написал 3-актную пьесу „Враги“ — ничего, веселая. Хотя это все-таки не та хорошая пьеса, которую я однажды напишу...» (Архив А. М. Горького, ПТ-рл-1-25-19).

Вскоре после создания «Врагов» Горький писал Л. Андрееву: «Вчера прочитал пьесу Горького „Враги“. Прочитав, заметил ему, что он напрасно трудился над этой вещью, — легкомысленно и торопливо» (Лит Насл., т. 72, стр. 282). Но спустя некоторое время в письме одному из своих корреспондентов, режиссеру «Петербургского театра» Н. Д. Красову <Некрасову>, советовал: «Почему бы вам не поставить „Врагов“? Вещь веселая и простая...» (Г-30, т. 29, стр. 46).

Работа над текстом пьесы «Враги» проводилась не раз. Правка первой машинописи носила в основном стилистический характер. Во вторую машинопись Горький внес ряд смысловых изменений, которые впоследствии были полностью перенесены в экземпляр, правленный им в 1933 г. специально для Государст-

венного академического театра драмы. Посылая в 1906 г. выправленный экземпляр (АМ₂) Ладыжникову, Горький писал: «...прилагаемый экземпляр прошу Вас переправить К. П. Пятницкому <...> В этом экземпляре есть кое-какие мелкие поправки, не вошедшие в Ваш, — м<ожет> б<ыть>, Вы сравните и исправите свой экземпляр сообразно этому?..» (Архив Г_{VII}, стр. 24).

По неизвестным причинам правка, о которой идет речь, не попала ни в текст Сб Зн, ни в последующие издания пьесы, хотя Ладыжников отослал машинопись Пятницкому 5 сентября 1906 г.

В 1933 г. Ленинградский государственный театр драмы принял решение о постановке «Врагов», и режиссер Б. Сушкевич, обратившийся к Горькому с просьбой побеседовать о пьесе, в связи с этим сообщал: «Он принял меня совместно с художником В. Ходасевич только после того, как самым основательным образом пересмотрел и заново выправил пьесу» («Красная газета», 1936, № 30, 19 июня). В экземпляр Т₁ Горький перенес все исправления, сделанные им еще в 1906 г. в АМ₂, но не попавшие в печатные издания. Кроме того, он продолжил правку, сделав ряд пзятий и внося уточняющие дополнения к репликам действующих лиц. Более всего уточнений было внесено в образы пролетариев. Из реплик вычеркивалось всё, что придавало рабочим, их движению оттенок жертвенности; устранялись также детали, оттеняющие в психологии некоторых рабочих черты патриархальности или, наоборот, чрезмерной озлобленности; прояснялась в речах действующих лиц острота противоречий и классовая определенность позиций героев, активность пролетарской борьбы (см. варианты, а также: *Новиков*, стр. 512—514).

К одному из театральных экземпляров (Т₂) был приложен автограф нового окончания пьесы, причем сначала писатель, видимо, стал править текст прежнего конца пьесы (Т₂), а затем дал новый вариант его, увенчав пьесу более определенными по направленности мотивами. Вместо ответа Левшина на реплику Нади: «Верно, барышня! Не тот убил, кто ударил, а тот, кто злобу родил!.. Верно, милая!» — в новом варианте пьесы кончается ответом Левшина Николаю Скроботову: «Нас — не вышвырнешь, нет! Будет, швырял! Пожили мы в темноте беззаконья, довольно! Теперь сами загорелись — не погасишь! Не погасите нас никакими страхами, не погасите».

Пьеса «Враги» была запрещена цензурой к постановке на сцене. Цензор писал: «В этих сценах ярко представляется непримиримость вражды между рабочими и работодателями, причем первые изображены стойкими борцами, сознательно идущими к намеченной цели — уничтожению капитала, последние же изображены узкими эгоистами. Впрочем, по словам одного из действующих лиц, совершенно безразлично, каковы качества хозяина, достаточно того, что он „хозяин“, чтобы для рабочих он являлся врагом. Автор <...> предсказывает победу рабочих».

Сцены эти являются сплошной проповедью против имущих классов, вследствие чего не могут быть допущены к представлению» (см.: Доклады драматической цензуры за 1907 г. Отзыв цензора от 13 февраля. — *Театральное наследие*, т. I. Л., 1934, стр. 223). 19 сентября 1907 г. пьеса в издании *Дтц* была запрещена к распространению в России (*Г*, *Материалы*, т. III, стр. 420—421).

Впервые «Враги» были поставлены на немецком языке в Берлине в театре Рейнгардта 16 февраля 1907 г. По поводу этой постановки Г. В. Плеханов писал: «Говорят, что это произведение („Враги“) не имело успеха в Берлине, где „На дис“ выдержало, однако, много представлений. Меня это несколько не удивляет. Хорошо изображенный босяк (*Lumpenproletarier*) может заинтересовать буржуазного любителя искусства; хорошо изображенный *сознательный рабочий* должен вызвать в нем целый ряд самых неприятных представлений. Что же касается берлинских пролетариев, то им нынешней зимой было не до театра» (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. 5. М., 1958, стр. 527).

Несмотря на цензурное запрещение, пьеса «Враги» ставилась отдельными группами в России (см. *Г Чтения*, 1964, стр. 88—98). Так, постановка ее была осуществлена 22 февраля 1907 г. в Полтаве антрепренером Полтавского городского театра Е. Риз и режиссером П. М. Арматовым-Риз (см. «Полтавский вестник», 1907, 22 февраля, а также сб. «Театр и драматургия». Л., 1959, стр. 349). Во время гастролей труппы Н. И. Соболевцова-Самарина в Средней Азии в 1906 г. также состоялось представление «Врагов» (см. сб. «Горький и театр». М.—Л., 1938, стр. 254). «Враги» ставились любительским кружком с участием профессиональных актеров в 1907—1908 годах на станции Маньчжурия Восточно-Китайской железной дороги, а также русской провинциальной труппой в Харбине, — цензурные ограничения царского правительства не распространялись на Маньчжурию (см.: С. С. Данилов. Революция 1905—1907 годов в русский театр. «Театр», 1955, № 7, стр. 126). Среди немногих постановок пьесы «Враги» обращает на себя внимание ее исполнение театральным коллективом рабочих Мытищинского вагоностроительного завода в 1914—1917 годах (см.: *Г Чтения*, 1964, стр. 94—98). Накануне Октябрьской революции «Враги» были поставлены в Ярославском драматическом театре; в январе 1918 г. — в Петрограде, в Рабочем театре Василеостровского района; в октябре того же года — в астраханском театре. В 1919 г., в период напряженной борьбы с интервентами и белогвардейцами, С. М. Киров, руководивший военными операциями в районе Нижней Волги, предложил астраханскому театру возобновить постановку этой пьесы и чаще ставить ее. В 1920 г. «Враги» шли в Одессе, позднее, в 1923 г., — в Москве, в районном Замоскворецком театре (см. С. Данилов. К сценической истории ранних пьес М. Горького. — Сб. «Первая русская революция и театр», М., 1956, стр. 69).

25 сентября 1933 г. состоялось первое представление «Врагов» в Ленинградском государственном театре драмы в поста-

новке Б. Сушкевича. 10 октября 1935 г. пьеса «Враги» была поставлена во МХАТ под руководством Вл. И. Немировича-Данченко.

Сразу же после выхода в свет «Враги» вызвали резко отрицательные отзывы буржуазной критики, которая заявляла о якобы враждебном отношении Горького к интеллигенции, о нетипичности персонажей, о нехудожественности всего произведения и т. п.

«Как это ни прискорбно, — писал один из критиков, — но мы принуждены констатировать факт, что Горький остановился в своем развитии: более того, по сравнению с наиболее ранними драмами во „Врагах“ Горький сделал шаг назад <...> рабочие, которые выведены Горьким на авансцену, очень нетипичны <...> во „Врагах“ Горький обнаружил отсутствие драматического чужья и совершенное непонимание условий драматического творчества» (Б. Бразоленко. Максим Горький. Его «Интервью», «Товарищ», «Враги». — «Вестник знания», 1907, № 2, стр. 120—121). В том же духе высказывались и некоторые газеты.

«Новые сцены Горького, — заявлял в „Литературных заметках“ А. А. Измайлов, — страдают тою элементарностью, примитивностью, ничтожностью замысла, которая отличается так называемые пьесы для народного театра <...> На сцене только <...> несколько фигур с ярлычками и с преобладанием нежных, бледно-розовых тонов <...> В своих „Врагах“ Горький безнадежно подчинился самой заурядной трафаретке современных дешевых иллюстраторов момента той либерально-буржуазной школы, которой, как враг мещанства где бы то ни было и уж, конечно, в литературе, он должен был бы бежать как огня» («Биржевые ведомости», 1907, № 9689, 11 января).

П. И. Иванову казалось, что все персонажи пьесы «не живут, а притворяются, надели маски и играют какую-то скучную-прескучную роль» («Перевал», 1907, № 3, стр. 60).

По-разному была оценена пьеса либеральными деятелями. Так, в мае 1907 г. Е. В. Тарле писал Горькому: «...мы привыкли видеть в Горьком непримиримо-неприступного врага затхлости жизни. Врага, носящего в душе огромную правду <...> И вдруг во „Врагах“ Горький захотел быть великодушным. И это ему не подходит, с ним не уживается в воображении. Все рабочие во „Врагах“ говорят, как очень умные взрослые с недоразвитыми детьми, снисходительно улыбаясь и великодушно прощая их незнание. А чувствуется, что они несут в себе что-то большое, серьезное и новое, им давно родное и близкое. Если бы они разговаривали так только с девочкой, так прозрачно и светло Вамп нарисованной, но они говорят так и с другими, и это уж не дети, а совершенно злые подлые собаки. И если бы Вы не сдерживали их, а дали бы им крикнуть по-горьковски, этот крик был бы потрясающий и великодушный» (Архив А. М. Горького, КГ-уч-11-3-1).

19 января (1 февраля) парижский журнал «La Revue», № 3,

опубликовал статью В. Старковой с высокой оценкой пьесы (ЛЖТ, стр. 648).

Наиболее значительный анализ пьесы был сделан Плехановым в статье «К психологии рабочего движения (Максим Горький, „Враги“)\», напечатанной в журнале «Современный мир», 1907, № 5: «...новые сцены Горького — превосходны, — писал Плеханов. — Они обладают чрезвычайно богатым содержанием, и нужно умышленно закрыть глаза, чтоб его не заметить» (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. 5, стр. 509). Высоко оценивая пьесу в целом, Плеханов пытался отчасти истолковать ее в угоду меньшевистской идеологии, игнорируя образы Синцова и Грекова и объявляя Левшина подлинным представителем «тактики», психологии и морали пролетариата. Плеханов характеризовал его несколько односторонне, подчеркивая в нем непротивление, примирение с действительностью и т. д.: «...Левшин смотрит на всех людей добрым, всепрощающим взглядом полумифического мученика, который, говорят, молился о своих смертельных врагах: „не ведают, что творят“» (там же, стр. 520). «Его <Левшина> любящая душа пострадавшая от зрелища той жестокой свалки, которая происходит ради „копейки“ в капиталистическом обществе. Он „конфузится“ от этой свалки за себя и за своих ближних» (там же, стр. 524). В остальном же Плеханов сказал немало интересного о пьесе Горького, дав глубокий анализ поставленных в ней философских и этических вопросов: о смысле и цели рабочего движения, о соотношении пролетарской и общечеловеческой морали, о подлинном и мнимом гуманизме и т. д. (см.: Михайловский, стр. 223—234).

«Поворот к пролетариату, — писал в 1926 г. А. В. Луначарский, вскрывая основное значение пьесы и роль ее в творчестве Горького, — сказался прежде всего в пьесе „Враги“ <...> Пьеса чрезвычайно интересна по замыслу и как характеристика настроения автора. В замысле особенно интересны противопоставления индивидуалистического и пестрого мирка всякого рода мещанства — объединенной пролетарской массе, в которой не только возможна замена одного человека другим в интересах дела, но в которой вообще мы имеем перед собой сплоченный коллектив.

Для Горького в пьесе „Враги“ характерно не только известное преклонение перед моральной силой коллектива рабочих, но и самое полное разочарование во всех формах индивидуализма» (Луначарский, т. 2, стр. 150). Спустя несколько лет он же так оценивал пьесу: «Теперь, когда прошло достаточно времени и мы можем оглянуться на те произведения, о которых тогда так отрицательно говорили, мы этих недостатков не находим, мы прямо говорим, что исторически, и даже с точки зрения абсолютной художественной ценности, такие произведения, как „Враги“ и „Мать“, принадлежат к вершинам горьковского художественного творчества...» (там же, стр. 128).

После постановки «Врагов» во МХАТ Немирович-Данченко писал Горькому:

«Должен признаться Вам, что с работой над „Врагами“ я по-новому увидел Вас как драматурга. Вы берете кусок эпохи в крепчайшей политической установке и раскрываете это не цепью внешних событий, а через характерную группу художественных портретов, расставленных, как в умной шахматной композиции. Сказал бы даже, мудрой композиции. Мудрость заключается в том, что самая острая политическая тенденция в изображаемых столкновениях характеров становится не только художественно убедительной, но и жизненно объективной, непреоборимой. Вместе с тем Ваша пьеса дает материал и ставит требования особого стilia, — если можно так выразиться — стилия высокого реализма. Реализма яркой простоты, большой правды, крупных характерных черт, великолепного, строгого языка и идеи, насыщенной пафосом <...> „Враги“ — я считаю лучшим современным драматическим спектаклем и одним из лучших в истории Художественного театра.

Правда, „Враги“ <...> лучше других ваших пьес, гораздо сценичнее, чем Вы позволяете себе о них отзываться („случай из жизни неудачного драматурга“). Говорю это с убеждением и большой проверкой» (*Немирович*, т. 1, стр. 140). Определяя значение творчества Горького для МХАТ, Немирович-Данченко отмечал, что именно после «Врагов» «горьковское мироощущение стало в Художественном театре уже основным» (там же, стр. 142).

Стр. 492. *Англичанин перед законом ходит, как дрессированная лошадь в цирке.* — Временная «стабильность» английской буржуазной системы зачастую служила идеалом для русской буржуазии. Выражая установившееся мнение, А. Ф. Кони писал, что в «Англии <...> живое правосознание развито во всем населении, где чувство законности и государственного порядка вошло в плоть и кровь общества...» (А. Ф. Кони. Собр. соч. в восьми томах, т. 2. М., 1966, стр. 74).

Стр. 495. *...после аграрных погромов на юге!* — Речь идет, видимо, о крестьянских восстаниях в Полтавской и Харьковской губерниях весной 1902 г. По поводу этих событий Горький писал Пятницкому: «Имею много сведений с места, и все они сводятся к одному — движение, несмотря на усердие начальства, — растет, подвигаясь на север <...> От мысли, что где-то, „во глубине России“, темная крестьянская масса голыми руками пытается что-то достать, а „лучшие люди“ русской земли пьют вино и рассуждают, что из сего последует, — у меня пылает ружья и сердце больно ноет» (*Г-30*, т. 28, стр. 242). Возможно также, что писатель имел в виду и более поздние крестьянские волнения на юге (1905 г.).

Стр. 498. *Нам нужна конституция, а совсем не это...* — Подобные воззрения, столь типичные для русской буржуазии, нашли свое отражение в идеологии и программе «конституционно-демократической» — кадетской — партии, оформившейся в октябре 1905 г. Об этой партии В. И. Ленин писал: «Не связанная с каким-либо одним определенным классом буржуазного об-

щества, но вполне буржуазная по своему составу, по своему характеру, по своим идеалам, эта партия колеблется между демократической мелкой буржуазией и контрреволюционными элементами крупной буржуазии. Социальной опорой этой партии является, с одной стороны, массовый городской обыватель <...>, а с другой стороны, либеральный помещик...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 286—287).

Стр. 518. *Пологий <...> получаю всего 25 рублей в месяц...*— В первых публикациях было: сорок <рублей>. Редактируя в 1933 г. текст пьесы, Горький зачеркнул «сорок» и паверху цифрам написал: «25». Вверху на полях этого экземпляра рукою Горького написано: «40 — много ему, сукину сыну» (*T₁*).

Стр. 521. *Что такое — добро? Даже не слово, а буква... Глаголь, добро...*— Глаголь, добро — название букв «г» и «д» в старом русском алфавите.

Стр. 556. *Они жили на Брянском заводе...*— Рельсопрокатный, железоделательный и механический завод Брянского акционерного общества в бывш. Екатеринославле (ныне — Днепропетровск). О событиях, сходных с изображенными во «Врагах», см. газету «Приднепровский край», 1907, №№ 3052 и 3053 от 27 и 28 марта, а также резолюцию уполномоченных от рабочих Брянского завода, опубликованную в газете «Наше эхо», 1907, № 14, 10 апреля.

НАБРОСКИ

ТЬФУ!

(Стр. 565)

Впервые напечатано в книге: Архив А. М. Горького, т. V. Письма к Е. П. Пешковой. М., 1955, стр. 45—47.

В Архиве А. М. Горького хранится автограф произведения с незначительной правкой (ХПГ-47-2-1).

Печатается по автографу.

По свидетельству Е. П. Пешковой, Горький прислал ей драматический диалог «ТЬфу!» в письме из села Мануйловка в Каменное 29 сентября 1897 г. (датируется по почтовому штемпелю). В произведении отразились впечатления писателя от жизни в Мануйловке, Полтавской губернии, куда он приехал 10 мая того же года. Один из крестьян Мануйловки впоследствии: «Смотрим, у нового жителя не барские привычки. Ходит по селу, с селянами запросто разговаривает. Интересуется жизнью нашей, украинскому языку учится. С молодежью в городки играет <...> Украинский язык любил Алексей Максимович. Часто спрашивал об значении неизвестных ему слов,— учился произношению, наиболее трудные слова записывал в книжку» (Г р . Р о з о в с к и й. В памяти народной.— «Харьковский рабочий», 1937, № 139, 17 июня).

Настя, о которой идет речь в «диалоге»,— крестьянка Мануйловки— Анастасия Федоровна Шаповал. Е. П. Пешкова писала о ней: «Настя Шаповал, сестра Федя Шаповал, служила у нас прислугой, когда мы жили в Мануйловке в 1897 году» (Архив А. М. Горького, ХПГ-47-2-1). В 1900 г. А. Ф. Шаповал вместе с Пешковыми уехала в Нижний Новгород учиться. Впоследствии она стала медицинской сестрой и работала в Пятигорске.

Получив сценку «ТЬфу!», Е. П. Пешкова выразила тревогу, что Горький плохо устроился в Мануйловке. Писатель ответил 12 октября 1897 г.: «Обо мне не беспокойся— я в припадке работы, и мне теперь всё равно— буду писать хоть в печной трубе» (Архив Г_V, стр. 48).

Стр. 565. Я — писатель, удостоенный дважды похвальных отзывов...— Имеются в виду рецензии: одна в разделе «Периодические издания» с анализом рассказа «Челкаш» («Русская мысль», 1895, № 8, стр. 410—412), другая — о рассказах «Челкаш», «Озорник» и «Жоноволов» («Русская мысль», 1897, № 9, стр. 427—432). Обе они, по-видимому, принадлежат М. Протопопову.

Стр. 565. ...пишет роман...— Вероятно, имеется в виду первоначальная работа над «Фомой Гордеевым».

- Стр. 565. *Пляшка* (укр.) — бутылка, фляжка.
 Стр. 566. *Чухаться* (укр.) — чесаться.
 Стр. 566. *Ольга Николаевна* — Ольга Николаевна Меньшикова, учительница в с. Мануйловка.
 Стр. 566. *Турбуватися* (укр.) — беспокоиться, волноваться.
 Стр. 566. *Грубка* (укр.) — комнатная печь.
 Стр. 567. *Хусточка*, или хустка (укр.) — платок.
 Стр. 567. *Александра Андреевна* — помещица А. А. Орловская, знакомая Горького по Алушке. В ее доме Горький и Е. П. Пешкова прожили несколько дней, приехав 10 мая 1897 г. в Мануйловку.
 Стр. 567. *Макитра* (укр.) — большой глиняный горшок.
 Стр. 567. *Учительшиа Людмила* — Людмила Дмитриевна Самойленко, учительница мануйловской школы.
 Стр. 568. *Братья-писатели! В вашей судьбе...* — Неточная цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «В больнице». У Некрасова: «В нашей судьбе...»
 Стр. 568. *Пани Рыженькая...* — Имеется в виду жительница с. Мануйловка Рыженько.

КОНСТИТУЦИЯ

(Стр. 569)

Впервые напечатано в книге: Архив А. М. Горького, т. VI. Художественные произведения. Планы. Наброски. Заметки о литературе и языке. М., 1957, стр. 28—29.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Рукопись с незначительной правкой чернилами, — текст на обеих сторонах листа линованой писчей бумаги с полями.
2. Два разрозненных листка материалов к пьесе, — автограф на кусочках почтовой бумаги в продолговатую клетку. На одном из них, помимо текста, записан адрес И. Ф. Блинова, знакомого Горького (ХПГ-35-9-1).

Печатается по рукописи.

Замысел пьесы «Конституция», по-видимому, относится к осени 1905 г. В это время в кругу близких Горькому художников и литераторов возникла идея создать небольшой театр злободневной сатиры. Алексей Максимович обещал дать для этого театра-буфф политическую сатиру. Художник Е. Е. Лансере сообщал в письме к А. Н. Бенуа от 5 января 1906 г.: «Самостоятельно Горький увлекся вместе с своей женой Андреевой (артистка от Станиславского) идеей Гржебина театра „Жупел“ — политической сатиры, небольших пьес и т. д.» (*Г и революция 1905 г.*, стр. 383).

На литературном утре у Вячеслава Иванова 3 января 1906 г. Горький рассказывал о своем намерении написать для театра

сатиры «печто совершенно иное — фантастичное, с великанами» (там же, стр. 384). Можно предположить, что речь шла о замысле пьесы «Конституция», где наряду с другими действующими лицами фигурируют две ведьмы («весьма свирепого характера» и «умеренной свирепости») и пролетарии, обладающие «волшебной силой останавливать движение жизни».

«Конституция» — непосредственный отклик Горького на царский манифест от 17 октября 1905 г. Действие пьесы происходит в дни октябрьской стачки 1905 г. («Водопроводы, электричество, телефоны, телеграфы <...> бездействуют»). Как известно, отношение Горького к «дарованной» царем «конституции» было резко отрицательным. В «Обращении к Англии» он писал: «А как вы соедините конституцию и военно-полевые суды, исключительные законы, массу казней, пытки в тюрьмах и бесчисленное количество всевозможных нарушений законов правительством?» (там же, стр. 43). «Нет, не будем говорить о русской конституции, в этом даже Персия, кажется, опередила Россию» (там же, стр. 44).

В наброске использованы материалы учредительного съезда партии кадетов, состоявшегося 12—18 октября 1905 г., и съезда земских и городских деятелей, происходившего в Москве 6—13 ноября 1905 г. Отдельные записи в набросках представляют собой подлинные цитаты из речей общественных деятелей, выступавших на этих съездах.

Стр. 569. *Вместо лица — пасть...* — В. И. Ленин писал: «За обещаниями конституции последовали самые дикие и безобразные насилия как бы нарочито для того, чтобы еще нагляднее представить народу всё реальное значение реальной власти самодержавия» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 74).

Стр. 569. *Дурново* — П. Н. Дурново (1844—1915) — министр внутренних дел в 1905—1906 годах.

Стр. 569. *Витте* — С. Ю. Витте (1849—1915), автор манифеста от 17 октября 1905 г., в этот период — председатель Комитета министров, организатор сил контрреволюции. 18 сентября 1905 г. был награжден графским титулом за заключение Портсмутского договора.

Стр. 569. *Петрункевичи разнообразие...* — Здесь в значении кадетские деятели. И. И. Петрункевич (1844—1928) — один из лидеров кадетской партии. В 1879 г. был сослан в Галич за составление адреса правительству от черниговского земства. В 1905 г. добивался вхождения кадетов в «конституционное» правительство С. Ю. Витте.

Стр. 569. *Московская ведомость* — «Московские ведомости» — реакционно-монархическая газета, выходившая с 1756 по 1917 г. в Москве; в 1905 г. была органом черносотенцев.

Стр. 569. *Русская ведомость* — «Русские ведомости», с 1905 года орган правого крыла кадетской партии.

Стр. 569. *Личности серые...* — См. очерк Горького «О Сером», (т. 6 наст. изд., стр. 292—294), дающий обобщенный портрет мещанина.

Стр. 570. *Милюков* — П. Н. Милюков (1859—1943), один из лидеров партии кадетов. Горький цитирует его высказывание из речи 18 октября 1905 г. на учредительном съезде партии кадетов («Новая жизнь», 1905, № 2, 28 октября, стр. 9).

Стр. 571. *Щепкин* — Н. Н. Щепкин (1854—1919), кадет, видный земский деятель и коммерсант, член III Государственной думы.

Стр. 571. ...*II гласных*... — Имеются в виду кадеты, гласные Московской городской думы.

Стр. 571. *Милиция, коя будет учреждена*... — 15 октября 1905 г. в Московской городской думе дебатировался вопрос о создании народной милиции для «водворения спокойствия и порядка столицы». Горький цитирует слова кадета Н. Н. Щепкина (см. «Русские ведомости», 1905, № 271, 16 октября).

Стр. 571. *Мануйлов* — А. А. Мануйлов (1861—1929), профессор-экономист, с 1905 г. — ректор Московского университета. 22 октября 1905 г. по его требованию здание университета было занято войсками. Постороннюю публику перестали пускать в университет, чтобы предотвратить революционные митинги.

Стр. 571. *Прокопович* — С. Н. Прокопович (1871—1955), член ЦК кадетской партии, один из авторов манифеста «экономистов» в 1899 г.; в 1917 г. — министр продовольствия во Временном правительстве. Вечером 9 января 1905 г. Прокопович обратился к делегации рабочих, пришедших на собрание Вольно-экономического общества, со словами: «Главное, не бейте стекол, пожалуйста, не бейте стекол» («Третий очередной съезд РСДРП, 1905 г.». М., 1924, стр. 421).

Стр. 571. *Долгоруков* — П. Д. Долгоруков (1866—1945), член ЦК партии кадетов, крупный помещик, товарищ председателя I Государственной думы. Горький цитирует его высказывание на учредительном съезде партии кадетов («Новая жизнь», 1905, № 4, 30 октября).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. М. Горький. Москва, 1903 г. Фото К. А. Фишера. Фронтиспис.	
М. Горький среди исполнителей пьесы «Мещане» в художе- ственном театре. 1902 г.	47
«Мещане». Страница чернового автографа	87
«На дне». Автограф. Описание обстановки	113
«Дачники». Автограф. Конец монолога Марьи Львовны .	279
«Дети солнца». Верх первой страницы черновой рукописи	301
«Враги». Конец пьесы, написанный М. Горьким в 1933 г.	557

СОДЕРЖАНИЕ

ПЬЕСЫ

	Текст	Примечания
Мещане	5	578
На дне. Картины. Четыре акта	107	598
Дачники. Сцены	183	628
Дети солнца	295	645
Варвары. Сцены в уездном городе в четырех действиях	391	662
Враги. Сцены.	485	673

НАБРОСКИ

Тыфу!	565	682
Конституция	569	683
ПРИМЕЧАНИЯ	573—685	
Условные сокращения		575
Вступительная заметка		577
Список иллюстраций		686

*Печатается по решению
Президиума Академии наук СССР
и Комитета по печати
при Совете Министров СССР*

*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. М. ЛЕОНОВ (главный редактор),
Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ, **В. А. БЯЛИК**, **С. С. ЗИМИНА**,
Г. М. МАРКОВ, **А. И. МЕТЧЕНКО**, **А. С. МЯСНИКОВ**,
В. С. НЕЧАЕВА, **В. В. НОВИКОВ**,
А. И. ОВЧАРЕНКО (зам. главного редактора),
В. М. ОЗЕРОВ, **Б. Л. СУЧКОВ**, **Е. Б. ТАГЕР**,
К. А. ФЕДИН, **М. В. ХРАПЧЕНКО**, **В. Р. ЩЕРВИНА**

Тексты подготовили и комментарии составили:

Л. А. Евстигнеева, **А. М. Крюкова**, **В. С. Нечаева**,
А. И. Овчаренко, **М. Г. Петрова**, **И. А. Ревякина**,
В. Ю. Троицкий

Ответственный секретарь издания **М. А. Семашкина**

Редактор седьмого тома **В. В. Новиков**

*

Редактор издательства **А. И. Корчагин**
Оформление художника **Н. А. Седельникова**
Технический редактор **А. П. Ефимова**
Корректоры **В. Г. Богословский**, **Т. А. Пономарева**

*

Сдано в набор 23/III 1970 г. Подписано к печати 10/VII 1970 г.
Формат 84×108^{1/16}. Бумага № 1. Печ. л. 21,5+1 вкл. (0,625 п. л.)
Усл. печ. л. 36,1. Уч.-изд. л. 33,4.
Тираж 299 300 экз. Тип. зак. № 1007.
Цена 1 р. 50 к.

*Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28*

1250 г.

ИЗДАНИЕ СЕРБСКО-СЛАВЯНО-